28789

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

Г. Є. Аѳанасьевъ.

Докторъ Исторіи.

Историческія и Экономическія статьи.

85484к

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ПОЧИТАТЕЛЕЙ И ДРУЗЕЙ.

КІЕВЪ.—1908.
Типографія Первой Кіевск. Артели Печатнаго Дѣла, Трехсвятительская 5.

Библиотека НИФ СССР
59

k

85484

Общество Голодовки (Pacte de Famine).

Вопросъ о существованіи въ XVIII вѣкѣ такого товарищества, которое занималось скупкой хлѣба и вывозомъ его на острова Гернси и Джерси съ цѣлью спекуляціи на счетъ народнаго голода, представляетъ интересъ не только для французской исторіи. Судьба его отражаетъ на себѣ различные фазисы политическаго настроенія французскаго общества. Какъ въ литературѣ, такъ и въ наукѣ постановка этого вопроса совершалась независимо отъ существованія тѣхъ или другихъ научныхъ данныхъ; напротивъ, она стояла въ связи съ тѣмъ или инымъ отношеніемъ общества къ старому порядку и легитимной монархіи. Въ концѣ прошлаго вѣка, когда отношеніе къ старому порядку и къ существующему правительству было весьма скептическое, множество людей вѣрило, что упомянутое нами товарищество существуетъ несомнѣнно, что оно дѣйствуетъ подъ покровительствомъ правительства, которое заинтересовано въ его спекуляціяхъ, причемъ многіе думали, что и самъ король Людовикъ XV принималъ денежное участіе въ хлѣбныхъ спекуляціяхъ, будучи пайщикомъ товарищества. Замѣтимъ, что люди, знавшіе дѣло, относились къ этимъ толкамъ по достоинству; они имъ не вѣрили совсѣмъ. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ; вторая половина XVIII столѣтія ушла въ область исторіи, современники яко-бы существовавшаго товарищества сошли въ могилу. Монархическая реакція двадцатыхъ годовъ оживила расположеніе къ старому порядку, а іюльская монархія, напротивъ, воскресила и поддерживала симпатіи къ революціи 1789 года и ко всему, что съ нею связано; настроеніе, враждебное старой монархіи, такъ сказать, обостряется. Подъ вліяніемъ этого момента оживаетъ и преданіе о Pacte de Famine; оно воскресаетъ въ драмѣ, въ романѣ и, наконецъ, формулируется въ наукѣ въ видѣ историческаго факта.

Проходитъ еще нѣкоторое время. Іюльская монархія, революція 1848 года и вторая имперія промелькнули въ историческомъ движеніи, закончившись сильнымъ погромомъ, какого не было съ 1814 г. Разгромъ извнѣ осложнился еще движеніемъ народной коммуны и междоусобной войной со всѣми ея ужасами. Произошла реакція, отъ которой нѣсколько выиграла старая монархическая партія. Къ этому присоединяется еще одно крупное событіе, которое, будучи само плодомъ реакціоннаго настроенія, стало въ наукѣ сильнымъ реакціоннымъ факторомъ. Мы говоримъ о сочиненіи Тэна о зарожденіи современной Франціи. Оно вызвало скептическое отношеніе къ революціи 1789 года и нанесло чувствительный ударъ безусловному поклоненію передъ нею. Какъ произведеніе сильнаго ума, сочиненіе Тэна вызвало въ наукѣ сильное движеніе. Его самого сильно бранили, указывали на его пристрастіе; но все таки взялись за пересмотръ кое-чего, что прежде казалось совершенно вѣрнымъ. Вопросъ о существованіи Pacte de Famine тоже подвергся новому обсужденію, причемъ нѣкоторые писатели взялись за него съ явною цѣлью обѣлить по этому пункту старую монархію. Таковы сочиненія Бора (Gustave Bord) и Бире (Edmond Biré), другіе имѣли въ виду лишь разъясненіе истины. Таково сочиненіе Біоллэ (Biollay) и статьи Дуанеля (Doinel) въ „Republique Française“. Мы вернемся къ этимъ сочиненіямъ; теперь отмѣтимъ только, что настоящій моментъ есть третій фазисъ въ исторіи легенды о Pacte de Famine и вмѣстѣ моментъ научной критики ея. Съ точки то зрѣнія связи легенды съ общественными настроеніями и отраженія послѣднихъ на самой наукѣ, мы придаемъ вопросу о Pacte de Famine значеніе, выходящее за предѣлы интересовъ мѣстной исторіи Франціи.

Признаемся, однако, что наша работа не коснулась изслѣдованія связи между легендой въ литературѣ и наукѣ и упомянутыми нами общественными настроеніями. Сосредоточивъ свое изслѣдованіе на условіяхъ хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII столѣтіи, мы занялись только ролью, которую играло „Товарищество Голодовки“ въ хлѣбной торговлѣ, и прибавили къ этому разъясненіе того, какъ создалась въ то время вѣра въ существованіе такого товарищества. Вотъ съ результатами этой то работы мы желали бы познакомить людей, интересующихся мелочами исторической науки [1]).

---

[1]) Это изслѣдованіе было доложено въ Парижской академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ и напечатано въ „Comptes rendus des séances de

Первымъ печатнымъ обвиненіемъ французской старой монархіи въ томъ, что она спекулировала на счетъ народнаго голода, является статья въ „Moniteur Universel“, появившаяся въ концѣ 1789 года въ №№ 57 и 58 [1]).

---

l'Académie des sciences morales et politiques“, за ноябрь 1890 г. Оно составляетъ главу изъ моего сочиненія, готовящагося къ печати (оно уже окончено вчернѣ) и которое должно быть названо „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“. Оно заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: 1) Земледѣлецъ и рынокъ. 2) Регламентація хлѣбнаго рынка. 3) Хлѣботорговцы. 4) Внутренняя циркуляція. 5) Реформы въ хлѣбной торговлѣ. 6) Реакція аббата Террэ. 7) Вывозъ хлѣба: a) старый порядокъ, b) реформы. 8) Вопросъ о хлѣбной торговлѣ въ печати. 9) Реакція противъ реформъ. 10) Каботажъ. 11) Реформы Тюрго. 12) Реакція Нэккера. 13) Ввозъ хлѣба. 14) Де-Калоннъ и новыя реформы. 15) Второе министерство Нэккера. Паденіе старой монархіи, и 16) Заключеніе.

[1]) Нумера эти помѣчены 14 и 15 сентября; но, по словамъ Бора, они появились гораздо позже, вслѣдствіе запаздыванія журнала. Bord. „Pacte de famine“, p. 148. Статьи подписаны буквами A. M. Боръ и, повидимому, Біоллэ приписываетъ эти статьи перу Ле-Прево или, какъ говоритъ Боръ, онѣ были написаны на основаніи матеріаловъ, имъ доставленныхъ. Я думаю, что это ошибка. 1) Ле-Прево въ своей книгѣ „Prisonier d'Etat“ выгораживаетъ короля изъ Pacte de Famine дважды; онъ говоритъ, что короли Людовикъ XV и Людовикъ XVI были договоромъ Лаверди проданы четыремъ милліонерамъ (стр. 3 и 7) и что онъ страдалъ за то, что защищалъ короля противъ всѣхъ; авторъ же статьи въ „Монитерѣ“ прямо обвиняетъ Людовика XV въ денежномъ участіи въ товариществѣ. 2) Ле-Прево въ своей книгѣ по памяти передаетъ главное содержаніе договора Малиссе, очевидно, не имѣя его подъ руками; но онъ помнитъ годъ его заключенія и указываетъ, ошибаясь въ мѣсяцѣ и числѣ, 12 іюня 1765 года, какъ время совершенія договора (вмѣсто 28 августа 1765 г.), „Монитеръ“ же приводитъ цѣликомъ договоръ Малиссе съ его товарищами и на основаніи его говоритъ, что договоръ былъ возобновленъ 12 іюля 1767 года. 3) Авторъ статьи въ „Монитерѣ“ говоритъ о Ле-Прево, что послѣдній былъ освобожденъ изъ Бастиліи 14 іюля 1789 г. Это указываетъ, что онъ только слышалъ про Ле-Прево, но самъ не бесѣдовалъ съ нимъ и не былъ знакомъ, ибо Ле-Прево въ 1789 г. въ Бастиліи не былъ, а былъ въ больницѣ душевно-больныхъ въ Рапе-Берси. 4) Наконецъ, Ле-Прево нигдѣ въ своей книгѣ не говорилъ, что онъ сообщалъ что либо „Монитеру,“ а говоритъ, что онъ сейчасъ послѣ освобожденія удалился въ С.-Манде (стр. 162) и что онъ свои сообщенія адресовалъ Прюдому въ „Révolutions de Paris“ (стр. 39). Сличивъ содержаніе статей Ле-Прево въ „Révolutions de Paris“ съ соотвѣтственными листами его книги „Prisonier d'Etat“, я нашелъ, что статьи и книга почти тожественны. Книга только немного полнѣе; въ ней есть вставки, но онѣ не измѣняютъ содержанія. Мое впечатлѣніе таково, что книга есть дополненное изданіе статей, хотя и не перепечатка. Статьи Ле-Прево въ „Révolutions“ начинаются въ № 31 (6 и 13 февр. 1790 г.) и продолжаются до № 52 включительно, помѣченнаго 6—10 іюля того же года. Въ нихъ разсказъ прерывается на пребываніи Ле-Прево въ Шарантонѣ. Прекращеніе печатанія его статей, вѣроятно,

Въ этихъ статьяхъ начало „Общества Голодовки“ относится къ 1730 г., но главное развитіе его дѣятельности пріурочивается ко времени Лаверди, который „12 іюля 1767 года продалъ Францію на 12 лѣтъ компаніи монополистовъ“. Въ 1768 году операціи расширились. Образованы были склады на островахъ Джерси и Гернси. Французская пшеница была свалена тамъ въ магазинахъ; выпускъ ея оттуда былъ регулированъ сообразно крайности нужды народа и жадности монополистовъ. Идея эта принадлежала дворянину Форбену (Forbin), а осуществленіе ея—человѣчности Мэнонъ д'Енво (Maynon d'Invau), бывшаго тогда генералъ-контролеромъ. Она была вполнѣ достойна покровительства аббата Террэ, его преемника. Поэтому онъ оказывалъ этому предпріятію постоянную симпатію и и старался дать ему надлежащее развитіе, предоставленіемъ ему мельницъ и складовъ въ Корбейлѣ, которые онъ купилъ за счетъ короля [1]).

Сообщивъ содержаніе договора Малиссе съ поручителями, въ которомъ упоминается о другомъ договорѣ, заключенномъ Малиссе съ королемъ, авторъ статьи говоритъ, что этотъ послѣдній договоръ долженъ былъ быть возобновляемъ и что онъ былъ бы еще разъ возобновленъ, если бы революція не помѣшала этому. „Четыре интенданта финансовъ (intendants des finances), продолжаетъ онъ далѣе, Трюденъ де-Мотиньи, Бутенъ (Boutin), Ланглуа (Langlois) и Булонь (Boulogne) раздѣлили между собою провинціи, чтобы разорять ихъ. Король назначилъ Малиссе агентомъ-генералиссимусомъ; онъ долженъ былъ находиться повсюду, гдѣ была въ немъ надобность, долженъ былъ приказывать, направлять и оплачивать толпу рабочихъ, хлѣботорговцевъ (blatiers), молотильщиковъ, подсѣвальщиковъ, коммиссіонеровъ, сторожей, извощиковъ и т. д., имѣвшихъ отношеніе къ королевскому хлѣбу. Богатые извлекали выгоду изъ предпріятія, граждане не смѣли протестовать, опасаясь подвергнуться непріятностямъ. Жалобы и жалобщики безжалостно хоронились въ пропастяхъ Бастиліи, и если народъ, на ко-

---

и побудило Ле-Прево издать свою книгу: „Le Prisonier d'Etat“. Едва ли Прюдомъ сталъ бы печатать его статьи, если бы въ то время существовала эта книга въ первомъ изданіи, о которомъ говоритъ Боръ, не указывая, гдѣ онъ видѣлъ такое изданіе и гдѣ оно состоялось.

[1]) „Moniteur Universel“, 1789, №№ 57 и 58. Въ примѣчаніи приведенъ договоръ Малиссе съ его поручителями Ray de Chaumont, Pierre Rousseau и Bernard Perruchot. Этотъ договоръ былъ списанъ въ 1767 году Ле-Прево съ подлинника; но откуда его досталъ авторъ статьи „Монитера“—мы не знаемъ.

торый, главнымъ образомъ, падала вся тяжесть монополіи, позволялъ себѣ роптать, висѣлицы и палачи принуждали его молчать и заставляли спокойно умирать съ голоду изъ страха быть повѣшеннымъ. Сказали бы, что туча разбойниковъ спустилась на государство, чтобы подѣлить его, но этими разбойниками было само правительство и его агенты".

Таковы главныя мѣста этой статьи, которая послужила канвой для позднѣйшихъ разсказовъ объ „Обществѣ Голодовки". Въ 1791 году Ле-Прево де-Бомонъ выпустилъ свою книгу „Le Prisonier d'Etat", въ которой онъ разсказалъ свои заключенія и въ нѣсколько иномъ видѣ высказалъ обвиненія, которыя мы только что привели [1]). Современники, близко знавшіе дѣло, не придавали большого значенія ни автору, ни его обвиненіямъ [2]); но потомки, не знавшіе подробностей продовольственныхъ мѣропріятій старой монархіи и склонные въ силу извѣстнаго настроенія сгущать темныя краски и безъ того невеселой картины стараго порядка, приняли безъ повѣрки обвиненія, высказанныя въ „Moniteur Universel", и не усумнились ни на минуту въ томъ, что Людовикъ XV и его министры спекулировали на народный голодъ.

Прежде всего драма и романъ воспользовались благодарнымъ сюжетомъ для эффектныхъ литературныхъ произведеній. 17 іюня 1839 года афиша театра „у воротъ св. Мартина" (Porte St. Martin) объявляла о первомъ представленіи „Pacte de Famine", исторической драмы въ пяти актахъ, соч. Поля Фуше (Paul Foucher) и

---

[1]) Le-Prevôt de Baumont. „Le Prisonier d'Etat" 1791. Въ концѣ книги самъ Ле-Прево поставилъ: „31 декабря 1790 г.", указывая тѣмъ время окончанія книги. Она снабжена гравюрой, изображающей автора въ цѣпяхъ, въ казематѣ. Эта гравюра воспроизведена въ книгѣ Бора о Pacte de Famine. Боръ заявляетъ, что въ 1791 году появилось второе изданіе, а первое помѣчено 1789 годомъ и что второе изданіе дословно повторяетъ первое. Но на брошюрѣ изданія 1791 г. не сказано, что это второе изданіе. Ле-Прево подписываетъ ее самъ такъ: „A Paris, le 31 dècembre 1790, cloître saint Germain l'Auxerrois, à coté du club littéraire". Querard, въ своемъ каталогѣ La France littéraire, упоминаетъ только одно изданіе 1791 г. Въ Національной Библіотекѣ другого изданія тоже нѣтъ. Наконецъ, изъ переписки Ле-Прево, напечатанной въ „Révolutions de Paris" (Прюдома), № 33, видно, что онъ самъ представилъ редактору рукопись разсказа о Pacte и о своемъ заключеніи.

[2]) Ле-Прево обращался съ ходатайствами о вознагражденіи за убытки отъ несправедливаго заключенія къ Учредительному и Законодательному Собраніямъ и къ Національному Конвенту. Онъ просилъ о выдачѣ то 600,000 фр., то 400,000 фр., то пенсіи въ 6,000 фр. въ годъ. Но всѣ эти ходатайства оставались безъ послѣдствій. Bord. Le Pacte de Famine, pp. 149—152.

Эли Берте (Berthet). Въ ней Ле-Прево представленъ богатымъ юношей, влюбленнымъ въ свою жену и пользующимся взаимностью [1]). Онъ можетъ посвятить свою жизнь удовольствіямъ, какъ и другіе дворяне, его сверстники; но онъ предпочитаетъ послужить на защиту народа, угнетаемаго обществомъ монополистовъ, во главѣ котораго находится Людовикъ XV. „Говорятъ, онъ дѣлитъ со скупщиками цѣну нашего пота и нашей крови; на эти деньги онъ соблазняетъ нашихъ женъ и дочерей. Говорятъ, что Pacte de Famine подписанъ былъ въ Оленьемъ Паркѣ (Parc aux cerfs)“. Такъ объясняетъ дѣло публикѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Члены общества, конечно, слѣдуютъ примѣру короля; они выставлены въ драмѣ въ отвратительномъ видѣ. Рэ де-Шомонъ (Ray de Chaumont), главный почетный начальникъ управленія водъ и лѣсовъ (grand maître honoraire de la maitrise des eaux et forêts), выведенъ въ драмѣ молодымъ развратникомъ безъ стыда и совѣсти, который сводитъ своихъ друзей съ оперными танцовщицами, а самъ состоитъ въ любовныхъ отношеніяхъ съ женами Малиссе, Руссо и Перрюшо, членами Общества Голодовки. Ле-Прево, написавшій нѣсколько памфлетовъ противъ монополистовъ, и главнымъ образомъ, „знаменитый мемуаръ въ сотрудничествѣ съ экономистомъ Тюрго“, рѣшается овладѣть путемъ возстанія особами Малиссе и его главныхъ товарищей во время оргіи и захватить всѣ ихъ бумаги. Но его планъ открытъ доносчикомъ генералъ-лейтенанту полиціи, Сартину; Ле-Прево схватили и посадили въ Бастилію, гдѣ онъ остается 20 лѣтъ. У него остается годовалый сынъ Юлій. Мать воспитываетъ его въ чувствахъ любви къ народу и мщенія за отца. Каждый день предъ его портретомъ мальчикъ произноситъ клятву отомстить за него. Наконецъ, часъ мщенія настаетъ. 14 іюля 1789 года Юлій де-Бомонъ возмущаетъ народъ и овладѣваетъ Бастиліей. Штурмъ и взятіе Бастиліи были очень эффектно представлены и составляли большую приманку пьесы для публики. Въ глубинѣ ужаснаго каземата, нарочно вырытаго въ землѣ подъ башнею Базиньеръ (la Bazinière), гдѣ нѣтъ ни воздуху, ни свѣту, сынъ находитъ своего отца и выводитъ его на свѣтъ Божій [2]). Первыя

---

[1]) Дѣйствіе происходитъ въ 1766 году, когда въ дѣйствительности Ле-Прево было 40 лѣтъ.

[2]) На самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время своего заключенія Ле-Прево находился не въ Бастиліи, а въ частной лѣчебницѣ Пишено (Pichenot) въ Рапе-Берси, куда онъ былъ переведенъ изъ Бисетра въ сентябрѣ 1787 г. и откуда былъ освобожденъ 5 сентября 1789 года по приказанію министра С. Приста.

мысли Ле-Прево по выходѣ изъ подземелья относятся ко благу народа.

Ле-Прево (говоритъ съ трудомъ). Этотъ народъ, завоевавшій себѣ независимость, избавился ли онъ отъ голода?

Буазель. Нѣтъ еще, но онъ знаетъ, гдѣ находится Pacte de Famine, и онъ разорветъ его.

Ле-Прево. О, друзья мои, братья мои! Мечта всей моей жизни осуществляется... У народа будетъ хлѣбъ! Да будетъ благословенно имя Господне; Онъ связуетъ мое освобожденіе съ освобожденіемъ великаго народа! Да будетъ благословенъ Господь, который спустилъ даже въ мое подземелье корни древа свободы, которое вознесется надъ всѣмъ міромъ.

Крики: Ура, Бомонъ! Да здравствуетъ свобода! сопровождали спускъ занавѣса въ послѣднемъ актѣ. Авторы драмы не постѣснились даже книгою самого Бомона и сочинили событія, не имѣвшія мѣста въ дѣйствительности, но оказавшіяся очень эффектными на сценѣ.

Въ 1847 г. Берте выпустилъ романъ въ двухъ томахъ, озаглавленный Pacte de Famine, фабула котораго та же, что и въ драмѣ. Разница лишь въ томъ, что семья Ле-Прево, во время заключенія послѣдняго, получила извѣщеніе отъ полиціи о его смерти и лишь впослѣдствіи отъ Малиссе узнаетъ, что онъ живъ и находится въ Бастиліи. Случилось это такъ, что послѣдній, спасаясь отъ ярости народной, попадаетъ въ мансарду, гдѣ жили жена Ле-Прево съ сыномъ. Ему даютъ убѣжище съ тѣмъ, чтобы онъ повѣдалъ народу о тайнахъ Pacte de Famine. Изъ окна мансарды онъ разсказываетъ сущность легенды объ этомъ товариществѣ. По окончаніи его разсказа одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа восклицаетъ: „Вы видите этого человѣка! онъ произнесъ въ пользу революціи лучшую защитительную рѣчь, которая когда-либо исходила изъ устъ человѣческихъ“. Далѣе слѣдуетъ освобожденіе Ле-Прево изъ Бастиліи. „Выйдя на лѣстницу крѣпости и опираясь на свою жену и на своего сына, онъ простеръ свою ко-

---

Боръ (P. de Fam., p. 145) говоритъ, что Ле-Прево освобожденъ 5 октября; но онъ ничѣмъ этого не доказываетъ. Ле-Прево самъ въ своей книгѣ „Prisonier d'Etat“ говоритъ, что онъ былъ освобожденъ 5 сентября 1789 года (стр. 17, а также и 162); на картинкѣ дѣйствительно написано: „освобожденъ 5 октября“, но это, вѣроятно, опечатка, потому что въ концѣ книги Ле-Прево категорически говоритъ: „черезъ три дня послѣ того (отправленія письма), это было 5-е сентября (qui était le 5 Septembre 1789) мнѣ возвратили свободу“.

стлявую руку къ толпѣ и сказалъ слабымъ, но внятнымъ голосомъ: „великій народъ, завоевавшій себѣ свободу, народъ давшій мнѣ снова увидѣть дневной свѣтъ, есть ли у тебя хлѣбъ насущный?“

„Гробовое и торжественное молчаніе царило нѣсколько мгновеній. Наконецъ, изъ среды присутствующихъ послышался страдальческій голосъ, который произнесъ: „Нѣтъ“. „Прево де-Бомонъ задрожалъ, его глаза разгорѣлись и онъ сдѣлалъ величественный жестъ, соединенный съ состраданіемъ“. „Зачѣмъ же вы брали Бастилію?“—воскликнулъ онъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой сцены одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа прибѣгаетъ запыхавшись, въ мансарду семьи Ле-Прево, гдѣ находился и самъ больной старикъ, и сообщаетъ, что Pacte de Famine уничтоженъ. „Бертье и Фулонъ, главы скупщиковъ только что умерщвлены народомъ, братья Лелё спаслись бѣгствомъ. Пинье (Пине), кассиръ этой отвратительной шайки, пустилъ себѣ пулю въ лобъ въ Везимейскомъ лѣсу“. При извѣстіи объ этомъ Ле-Прево приподнялся на постели и сказалъ съ неизъяснимою нѣжностью, испуская послѣдній вздохъ: „прощайте, друзья мои; я могу умереть... у народа будетъ хлѣбъ“. „Мученикъ умеръ, говоритъ въ заключеніе авторъ, но голодъ продолжался. Да падетъ позоръ на его дѣйствительныхъ виновниковъ! Потомство, знаешь ли имена?“ [1]).

Такова легенда Pacte de Famine въ драмѣ и романѣ. Приблизительно въ томъ же видѣ, исключая біографическія данныя о самомъ Ле-Прево, съ которыми авторы драмы и романа не поцеремонились, изложилъ Максимъ дю-Канъ вопросъ о Pacte de Famine во второмъ томѣ своего сочиненія „Парижъ, его жизнь, его органы“ и т. д. [2]). Онъ говоритъ, что право вывоза хлѣба было продаваемо при Людовикѣ XIV въ видѣ патента. Впослѣдствіи этотъ патентъ выродился въ контрактъ, по которому контрагенту предоставлялось почти исключительное право веденія хлѣбной торговли. Знаменитымъ изъ такихъ договоровъ былъ послѣдній. Онъ опозоренъ исторіей подъ именемъ Pacte de Famine и былъ заключенъ съ Малиссе 12 іюля 1765 г. (повтореніе ошибки Ле-Прево) „Людовикъ XV участвовалъ въ этой спекуляціи на сумму 10 мил-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ, Ле-Прево умеръ въ 1823 году, 22 декабря въ 5 ч. дня, какъ это видно изъ акта о его смерти, напечатаннаго у Бора въ оправдательныхъ документахъ къ его Pacte de Famine, piéces just., p. 58.

[2]) Maxime du Camp. Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie. 1870 6.8⁰. т. II, стр. 29—33.

ліоновъ, которые приносили ему огромные барыши. Онъ даже, кажется, не скрывалъ своего участія въ этихъ спекуляціяхъ, такъ какъ въ королевскомъ альманахѣ на 1774 г. показана должность хлѣбнаго казначея его величества".

„Способъ (спекуляціи) былъ крайне простъ; благодаря капиталамъ, которыми располагалъ Малиссе, онъ скупалъ хлѣбъ на рынкахъ Франціи; потомъ онъ его отправлялъ черезъ Нормандію въ маленькіе порты, расположенные по берегу, составляющему теперь западную часть департамента Маншъ, а оттуда его отвозили на острова Джерси и Гернси, гдѣ у Общества были его главные хлѣбные склады. Когда, благодаря этимъ маневрамъ, во Франціи начиналъ чувствоваться недостатокъ хлѣба, его снова ввозили во Францію и продавали по дьявольской цѣнѣ. Сетье хлѣба, за который компанія Малиссе платила въ 1767 году 10 л., былъ продаваемъ ею въ слѣдующемъ году за 30—35 л. Не совсѣмъ безопасно было всматриваться слишкомъ близко въ эти нечистыя дѣла. Одинъ добродѣтельный человѣкъ Ле-Прево де-Бомонъ досталъ уставъ Общества Малиссе и хотѣлъ сообщить его руанскому парламенту. Онъ былъ схваченъ и моментально исчезъ. Его нашли только 22 года спустя, 14 іюля 1789 года въ Бастиліи".

„Главныя придворныя лица, принцы крови, герцоги и пэры были тайными членами Общества Малиссе. Во время своего кратковременнаго пребыванія въ министерствѣ Тюрго долженъ былъ отказаться отъ борьбы съ этой силой, тѣмъ болѣе могущественною, что она была скрытою". Доказательство того, что Тюрго зналъ объ Обществѣ Малиссе, авторъ видитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ постановленія 13 сентября 1774 года. Изъ приведенныхъ цитатъ не трудно замѣтить, что главнымъ основаніемъ разсказа Дю-Кана служатъ статьи, помѣщенныя въ „Moniteur Universel", которыя авторъ дополнилъ собственными выводами изъ заключающагося въ нихъ матеріала.

Анри Мартенъ въ своей Исторіи Франціи (т. XVI, стр. 245) еще раньше Максима дю-Кана (1860 г.), разсказывая о Pacte de Famine, ссылается на „Монитеръ" 1789 года и говоритъ: „всѣ факты вѣрны, только истолкованы подъ вліяніемъ возбужденныхъ страстей той эпохи". Онъ разсказываетъ, однако, дѣло въ главныхъ чертахъ такъ, какъ оно тамъ изложено. О Ле-Прево онъ говоритъ, что его нашли „въ глубинѣ одной государственной тюрьмы", и что понадобилось 14 іюля, чтобы возвратить ему свободу". Очевидно, онъ не обратилъ вниманія на „Prisonier d'Etat".

Другіе историки съ большими или меньшими варіантами говорили о Pacte de Famine въ томъ же духѣ. Немногіе сомнѣвались въ справедливости разсказа „Монитера“, но основанія для ихъ сомнѣній были почерпаемы болѣе изъ ихъ собственнаго настроенія, чѣмъ изъ фактической стороны дѣла. Но до половины восьмидесятыхъ годовъ, до появленія изслѣдованій Біоллэ и Бора, убѣжденіе въ существованіи Pacte de Famine было общераспространеннымъ. Такъ, напр., архиваріусъ департамента Луаре г. Дуанель еще въ 1884 году (авг. 19, 21 и 26) напечаталъ въ „Republique Française“ статьи подъ заглавіемъ Pacte de Famine, въ которыхъ излагаетъ на основаніи документовъ мѣстнаго архива дѣятельность агентовъ Малиссе въ округѣ Орлеана; при этомъ всѣмъ добытымъ изъ архива документамъ онъ даетъ толкованіе съ точки зрѣнія господствующаго убѣжденія, что правительство покровительствовало всѣмъ спекуляціямъ Малиссе и его агентовъ. Но въ 1885 и 1887 году появились два изслѣдованія, Біоллэ и Бора [1]).

Эти два изслѣдованія почти совершенно раскрыли исторію Pacte de Famine и представили ее въ настоящемъ видѣ. Опровергнувъ обвиненія, взведенныя на Людовика XV и его министровъ, оба автора оставили, однако, въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи легенды и объ отношеніи ея къ дѣйствительности [2]). Признавъ безъ достаточныхъ основаній Ле-Прево единственнымъ свидѣтелемъ и притомъ человѣкомъ тронутымъ, они не видѣли надобности въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ происхожденія легенды. Мнѣ представляется весьма интереснымъ пополнить этотъ пробѣлъ, такъ какъ мнѣ кажется, что Ле-Прево не игралъ важной роли въ происхожденіи легенды о Pacte de Famine, и что она является продуктомъ толковъ, которые имѣли широкое распространеніе во всемъ французскомъ обществѣ и которыхъ нельзя приписать тому или другому лицу.

Главными источниками для легенды о Pacte de Famine являются, какъ мы видѣли, статьи „Монитера“ и книга Ле-Прево „Pri-

---

[1]) Biollay. Etudes économiques sur le XVIII s. Le Pacte de Famine. L'administration de Commerce. Paris. 1885. G. Bord. Histoire du Blé en France. Pacte de Famine. Histoire-Légende. Paris. 1887.

[2]) Болѣе цѣннымъ является изслѣдованіе Біоллэ, какъ болѣе безпристрастное и менѣе занятое апологіей старой монархіи и ея заботъ о продовольствіи народа. Біоллэ предоставилъ главное мѣсто въ своей книгѣ исторіи хлѣбной администраціи, тогда какъ Боръ сосредоточилъ свое вниманіе на личности и дѣятельности Ле-Прево.

sonier d'Etat". Показанія послѣдняго пріобрѣтаютъ цѣну особенно потому, что его искренность не подлежитъ сомнѣнію. Ему нѣсколько разъ предлагали свободу на условіи, чтобы онъ молчалъ и не писалъ ничего о тайномъ обществѣ, спекулирующемъ хлѣбомъ подъ покровительствомъ правительства; но онъ упорно отказывался принять свободу на этомъ условіи. Онъ былъ убѣжденъ въ справедливости своего извѣта, а долгіе годы заточенія только укрѣпили его вѣру въ существованіе Pacte de Famine, изъ-за котораго онъ страдалъ, и превратили его въ пунктъ помѣшательства. Въ послѣдніе годы своего заключенія онъ былъ человѣкомъ несомнѣнно тронутымъ [1]) Но, установивъ факты, что Ле-Прево былъ человѣкъ помѣшанный, Боръ не могъ выяснить вопроса, былъ ли онъ таковымъ до ареста или помѣшался уже въ тюрьмѣ.

Психическая ненормальность Ле-Прево въ значительной степени ослабляетъ силу его показаній, но въ пользу ихъ говорило то обстоятельство, что онъ, по его словамъ, основывался на самомъ договорѣ. „Я изобличаю, говорилъ онъ, эту ужасную махинацію, не на основаніи подозрѣній, доносовъ, какихъ-либо соображеній или ложныхъ сообщеній, а на основаніи ея собственнаго договора", и онъ видѣлъ этотъ договоръ, снялъ копію съ этого документа несомнѣнной подлинности, который и сейчасъ хранится въ національномъ архивѣ и былъ напечатанъ впервые въ 1789 году въ „Монитерѣ" въ упомянутыхъ нами статьяхъ [2]). Ле-Прево въ своей книгѣ „Prisonier d'Etat" говоритъ о немъ по памяти, очевидно не имѣя его подъ руками въ то время. Онъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ попалъ ему въ руки. „Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1768 года, говоритъ онъ, Ренвиль (Rinville), пикардіецъ по происхожденію, главный управляющій Руссо (Rousseau), казначея (receveur) доменовъ и лѣсовъ графства Орлеанъ, пригласилъ меня обѣдать съ цѣлью посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ. Когда я пришелъ къ нему, онъ мнѣ сказалъ: пока я похлопочу объ обѣдѣ,

---

[1]) Мальзербъ въ письмѣ къ де-Ружмону (de Rougemont), коменданту Венсенскаго замка (въ 1775 г.) говоритъ о Ле-Прево: „La tête de ce prisonier n'est pas bien saine; je ne sais cependant s'il est tout à fait ce qu'on appelle fol, s'il est d'un degré de folie, pour lequel on l'eut enfermé, s'il ne s'était pas porté à dire du mal du ministère". Bord. Pacte de Famine. Pieces justif. Lettre de Malesherbes á M. le Chevalier de Rougemont. Позднѣйшее поведеніе Ле-Прево дѣлаетъ его ненормальность очевидною.

[2]) Arch. Nat. F. 1194. Онъ помѣщенъ у Бора цѣликомъ въ оправдательныхъ документахъ и его книгѣ Pacte de Famine.

просмотрите пожалуйста вотъ этотъ документъ, что на столѣ, и скажите мнѣ ваше мнѣніе. Я прочелъ этотъ актъ изъ 20 параграфовъ съ большимъ удивленіемъ". По просьбѣ Ле-Прево, Ренвиль далъ ему переписать этотъ документъ, а также просмотрѣть и переписку Руссо съ его агентами. Въ другой разъ, говоритъ Ле-Прево, онъ повелъ меня въ домъ Дюпле (Du Pleix) на улицѣ Жюсіенъ, гдѣ находилась главная хлѣбная контора; онъ мнѣ не могъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія и доказательства, которыя я желалъ получить. Когда я совсѣмъ составилъ свое обличеніе, я послалъ его не парижскому парламенту, большая часть членовъ котораго принимала участіе въ предпріятіи, а руанскому парламенту, который адресовалъ сильныя представленія Людовику XV по поводу хлѣба". Ле-Прево говоритъ, что ему удалось открыть Ренвилю глаза на то дѣло, которому онъ служитъ, и послѣдній согласился помочь ему въ его изобличеніи и даже попытался послать изобличеніе Ле-Прево казеннымъ пакетомъ; но это ему не удалось, пакетъ попался въ руки администраціи, и Ле-Прево былъ арестованъ [1]).

Документъ въ 20 параграфовъ, о которомъ говорилъ Ле-Прево и который напечатанъ въ „Монитерѣ" за 1789 годъ, есть договоръ Малиссе (Simon Pierre Malisset, chargé de l'entretien et de la manutention des bleds du roi) съ Рэ де - Шомонъ (Ray de Chaumont), Піерромъ Руссо и Бернаромъ Перрюшо, „поручителями за сказаннаго Малиссе", заключенный 31 марта 1767 года у нотаріуса Дюпре въ Парижѣ. Всѣ трое занимали разныя государственныя должности.

Во введеніи къ этому договору говорится, что упомянутыя лица заключили его съ Малиссе по разсмотрѣніи подряда (soumission), заключаемаго послѣднимъ съ королемъ 28 августа 1765 года. Договоръ распадается на двѣ части; въ первой, въ одиннадцати параграфахъ, излагается, какія операціи по содержанію хлѣба въ Корбейлѣ [2]) и доставкѣ въ Парижъ совершаются за счетъ Малиссе и на его личный страхъ, и какія совершаются за общій счетъ. За первыя товарищи обязуются платить Малиссе опредѣленныя суммы съ каждаго мѣшка хлѣба (250 ф.), а также опредѣленныя суммы на разъѣзды, и проч. Съ своей стороны, Малиссе обязуется

---

[1]) Le-Prevôt. Prisonier d'Etat, p. 21—25.

[2]) Городокъ на югъ отъ Парижа на Сенѣ, гдѣ были сосредоточены королевскіе хлѣбные амбары и мельницы.

принимать хлѣбъ, прибывающій въ Корбейль, перевозить его собственными средствами въ магазины, провѣивать его, молоть и доставлять въ Парижъ. Онъ долженъ уплачивать самъ рыночныя пошлины и налоги taille и vingtièmes, если только онъ не будетъ избавленъ отъ нихъ согласно подряду съ королемъ (§ 10).

Вторая часть договора заключаетъ въ себѣ условія относительно образованія капитала для веденія предпріятія. Капиталъ былъ раздѣленъ на 18 паевъ, изъ нихъ 6 принадлежали Малиссе, а 12 поровну тремъ другимъ соучастникамъ. Каждый пай равенъ былъ 10.000 л.; но Малиссе предоставлены были два пая безплатно, „чтобы возбудить сильнѣе его ревность и усердіе“ (§ III). Далѣе регулируются распоряженіе деньгами и отчетность. Роль распорядителя и здѣсь принадлежитъ Малиссе, хотя дѣйствія его подлежатъ контролю товарищей, иногда даже предварительному.

Мы имѣемъ, значитъ, дѣло съ товариществомъ, собравшимъ довольно значительный капиталъ для веденія хлѣбной торговли въ бассейнѣ Сены и ея притоковъ (§ XV); главный членъ его находится въ какихъ-то отношеніяхъ къ правительству и, судя по льготамъ, на которыя надѣются товарищи, пользуется его милостью.

Ле-Прево не зналъ этого другого договора, но увидѣвъ этотъ, онъ безповоротно убѣдился, что у него передъ глазами документъ, свидѣтельствующій о существованіи той монополіи, о которой намекалъ руанскій парламентъ въ своихъ демонстраціяхъ, надѣлавшихъ столько шуму весною и лѣтомъ 1768 года, т. е., какъ разъ въ то время, когда договоръ попалъ въ руки Ле-Прево. По всей вѣроятности, корреспонденція, которую онъ пересмотрѣлъ, дала ему матеріалъ для подкрѣпленія своего подозрѣнія, такъ какъ не трудно допустить, что въ дѣлѣ Малиссе и его компаніи существовали злоупотребленія. Примѣровъ очень много.

Когда Ле-Прево собрался послать свой доносъ руанскому парламенту (въ ноябрѣ 1768 г.), онъ не зналъ, что договоръ правительства съ Малиссе былъ уже расторгнутъ съ 31 октября (1768 г.); но онъ знаетъ, что объ этомъ расторженіи ходатайствовали сами контрагенты. Это обстоятельство и заставляетъ его задуматься. Ничто его не останавливаетъ. Онъ охваченъ маніей подозрѣнія [1]).

---

[1]) Biollay. Le Pacte de Famine, p. 154. Въ доказательство того, что Ле-Прево зналъ, что Малиссе и К⁰ ходатайствовали о расторженіи договора, Біоллэ ссылается на какой то „Mémoire au Roi“ безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Изъ того договора, который попался ему въ руки, онъ видѣлъ, что договоръ Малиссе съ правительствомъ заключенъ въ 1765 г. на 12 лѣтъ, и догадывался, что онъ долженъ былъ быть возобновленъ въ 1777 году [1]) и, пожалуй, въ 1789 году, если бы „революція этому не помѣшала“.

Что же это за договоръ? Это собственно не договоръ, а подрядъ, текстъ котораго и сейчасъ хранится въ Національномъ Архивѣ и цѣликомъ напечатанъ у Біоллэ [2]). Онъ начинается такъ: „Я, нижеподписавшійся Симеонъ-Піерръ Малиссе за поручительствомъ и гарантіей гг. Рэ де-Шомонъ, Перрюшо и Руссо, обязываюсь беречь, поддерживать и хранить королевскій хлѣбъ на нижеслѣдующихъ условіяхъ“.

Этотъ хлѣбъ сданъ былъ Малиссе въ количествѣ 40,000 сетье (парижское сетье=240 ф.) пшеницы и 425 сетье ржи въ складахъ въ С. Шарлѣ, около Парижа, въ Корбейлѣ и въ Ла-Моттѣ, около Провена. Малиссе обязывался имѣть этотъ хлѣбъ всегда въ наличности; но ему позволялось для освѣженія партіи $^1/_3$ его продавать и замѣнять новымъ хлѣбомъ. Но эта продажа допускалась лишь тогда, когда рыночная цѣна хлѣба стояла ниже 21 л. за сетье; при достиженіи ею этого уровня, Малиссе долженъ былъ имѣть на-лицо все сданное ему количество хлѣба въ упомянутыхъ складахъ или другихъ, находящихся на разстояніи не далѣе 20—25 лье отъ Парижа. Когда же цѣна достигнетъ 25 л., то въ теченіе 15 дней онъ обязанъ собрать все количество 40,000 сетье въ склады въ упомянутыхъ трехъ мѣстахъ и съ этого момента онъ не имѣетъ права продавать изъ этихъ магазиновъ ничего за свой счетъ.

Ему представлялось право перемалывать хранимое зерно, но съ тѣмъ, чтобы въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ мука снова была замѣнена зерномъ [3]).

Правительство должно было платить ему за его услуги 24,000 л. ежегодно [4]), оно давало ему въ пользованіе магазины, мельницы, мѣшки и проч., освобождало его отъ taille, отъ военнаго постоя въ отношеніи всего, касающагося дѣла содержанія хлѣба, и осво-

---

[1]) Le Prevôt Prisonier d Etat.

[2]) Biollay. Pacte de Famine, p. 117. Arch. Nat. F[11] 1194 и еще копія его есть въ картонѣ. F[11] 1192.

[3]) Для учета наличности 170 ф. муки считалось за сетье зерна (§ 4).

[4]) Въ подрядѣ Малиссе стоитъ 30 тысячъ, но въ резолюціи Лаверди сказано: „bon en mettant la somme annuelle à 24000 livres“.

бождало отъ taille и рекрутчины (de la milice) всѣхъ служащихъ и рабочихъ при предпріятіи. Оно предоставляло ему дѣлать отъ имени короля всѣ операціи, касающіяся снабженія магазиновъ, и обѣщало полное покровительство (§ XI).

Когда цѣна достигала 25 л. за сетье, то продажа хлѣба въ Парижѣ дѣлалась только за счетъ короля и вырученныя отъ этихъ продажъ суммы должны были быть вносимы въ „хлѣбную кассу“ (caisse des grains); за счетъ же короля производится въ этомъ случаѣ и замѣна проданнаго хлѣба другимъ. За эти продажи и покупки Малиссе получаетъ 2% коммиссіи съ каждой операціи. Такую же коммиссію онъ получалъ за хлѣбъ, которымъ правительство воспользовалось бы для оказанія помощи какимъ-либо приходамъ или провинціямъ, и за тотъ хлѣбъ, который пріобрѣтенъ для замѣны выданнаго.

Этотъ подрядъ былъ заключенъ Малиссе 28 августа 1765 года срокомъ на 12 лѣтъ, начиная съ 1 сентября 1765 года, и подписанъ Малиссе и его поручителями и по резолюціи Лаверди скрѣпленъ де-Куртейлемъ (de Courteille) и засвидѣтельствованъ Дамуромъ (Damours), королевскимъ секретаремъ, въ двухъ экземплярахъ.

Изъ содержанія этого подряда видно, что Лаверди желалъ имѣть резервъ на случай необходимости продовольствовать Парижъ: питаніе послѣдняго всегда составляло предметъ особыхъ заботъ правительства. Онъ желалъ содержать этотъ резервъ возможно дешевле, такъ какъ обыкновенно въ продовольственныхъ мѣропріятіяхъ правительства главныя потери бывали обыкновенно не при покупкѣ хлѣба, а при его содержаніи, причемъ эти потери часто не достигали цѣли, такъ какъ хлѣбъ портился и пропадалъ отъ неумѣнія хранить его и отъ небрежности. Ему, конечно, должно было показаться чрезвычайно выгоднымъ предложеніе Малиссе, бравшаго на себя все дѣло за 24,000 л. въ годъ, т. е. за 12 су съ сетье на полную свою отвѣтственность. Но дѣло не было такъ просто, какъ оно казалось. Подрядъ предоставлялъ Малиссе право продажи наличнаго хлѣба для замѣны его новымъ. Эта продажа не могла простираться сразу болѣе, чѣмъ на одну треть всего количества; но повѣрка была трудна, такъ какъ пока цѣна не достигала 25 л. за сетье, онъ не обязанъ былъ держать хлѣбъ сосредоточеннымъ въ магазинахъ въ С. Шарлѣ, Ламоттѣ, Корбейлѣ и Монсо, а могъ хранить его маленькими партіями въ складахъ, находящихся въ 80—100 километрахъ разстоянія отъ столицы. Такимъ образомъ Малиссе въ сущности получилъ возмож-

ность торговать хлѣбомъ, не затрачивая собственнаго капитала, Это давало ему большое преимущество предъ другими хлѣботорговцами, не говоря уже объ освобожденіи отъ taille и vingtièmes. Но самое главное его преимущество заключалось въ томъ, что онъ и его прикащики имѣли право дѣйствовать именемъ короля. Они могли поэтому именоваться „королевскими людьми“ (gens du Roi), а это сейчасъ сглаживало предъ ними всякія затрудненія, которыя встрѣчали на своемъ пути другіе купцы, несмотря на декларацію 25 мая 1763 года. Главное же, одно появленіе въ рынкѣ королевскаго агента пугало другихъ купцовъ, заставляло ихъ ретироваться, такъ какъ они знали хорошо, что съ этой силой имъ бороться нельзя.

Очевидно, что преимущества, предоставленныя Малиссе, создавали изъ него монополиста, хотя правительство и не желало этого [1]). Началъ ли онъ сейчасъ свою торговлю? На этотъ вопросъ можно отвѣчать утвердительно, такъ какъ сейчасъ по заключеніи контракта онъ купилъ въ Корбейлѣ землю и выстроилъ двѣ мельницы и два хлѣбныхъ амбара на 5,800 muids [2]). Но въ 1766 году дѣятельность его не возбуждала вниманія, потому что цѣна хлѣба не была особенно высока. Она начала подыматься съ осени 1766 года вслѣдствіе того, что урожай этого года былъ посредственнымъ. Весною 1767 года обстоятельства перемѣнились. Ночью на пасху (19 апрѣля) ударилъ морозъ и погубилъ всходы [3]). Лѣто было дождливое, а потому были испорчены и то, что осталось отъ озимыхъ посѣвовъ послѣ мороза, и яровые хлѣба. Вслѣдствіе

---

[1]) Капиталъ, предоставленный въ его распоряженіе правительствомъ, въ видѣ 40,000 сетье хлѣба, былъ очень значителенъ, онъ составлялъ около 3 проц. всего годичнаго потребленія Парижа. По словамъ Дюпре де С. Мора (Essai sur les Monnaies, 1746 г., стр. 50), Парижъ потреблялъ въ 1730 году 82,000 muids хлѣба или 984,000 сетье. Въ 1765 году это количество, конечно, увеличилось, но не слишкомъ; такъ, парижскій рынокъ считался въ 1765 году достаточно снабженнымъ, когда на немъ было 1,200 мѣшковъ муки (т. е. около 1411 сетье, считая мѣшокъ муки 200 ф., а выходъ муки изъ сетье зерна, по разсчету Малиссе, 170 ф. изъ сетье). Biollay. Pacte de Famine, p. 133. Въ одномъ мемуарѣ 1777 года, сохранившемся въ бумагахъ генер. контроля, сообщается, что на продовольствіе Парижа идетъ 1.200,000 сетье зерна и еще 200,000 сетье печенаго хлѣба, приносимаго въ городъ. Arch. Nat., K. 908, № 53. Можно думать поэтому, что потребленіе Парижа въ 1765 г. было около 1,100,000 сетье.

[2]) Ibid. 134. Muid—12 сетье, вѣсомъ 2,880 ф.

[3]) Bodeau. Nouvelles Ephémérides du Citoyen. 1775, t. I, p. 23.

этихъ условій операціи Малиссе расширились. Они потребовали увеличенія оборотныхъ средствъ, и вотъ мы видимъ, что 31 марта 1767 года поручители Малиссе создаютъ вмѣстѣ съ нимъ фондъ въ 160,000 л. (номинально 180 тысячъ) для хлѣбныхъ операцій и составляютъ товарищество, договоръ котораго мы видѣли выше. Осенью 1767 года это товарищество, по словамъ аббата Бодо, стало уже „знаменитымъ“. Основной капиталъ, который они вложили въ свои операціи, указываетъ на значительность послѣднихъ, особенно если мы примемъ во вниманіе, что они ограничивались бассейномъ Сены и Марны и захватывали часть Луары (Орлеанэ).

Съ осени 1767 года Малиссе и К⁰ начинаютъ продажу и покупку хлѣба за счетъ правительства для снабженія Парижа и нѣкоторыхъ другихъ рынковъ (напр. Фонтенбло). Эти операціи были очень значительны. Съ 19 октября 1767 года по 21 января 1769 года поступило въ королевскую „хлѣбную кассу“, казначеемъ коей былъ Мирлаво, за проданный Малиссе и К⁰ королевскій хлѣбъ 2,483,306 л. 17 с. 4 д. Изъ нихъ главная сумма 2.163,190 л. 6 с. 6 д. падаетъ на 1768 годъ [1]). Значительная часть потребовавшагося хлѣба была куплена за-границей; но большія закупки сдѣланы были и внутри страны, причемъ, говоритъ Біоллэ, онѣ были направлены генералъ-контролеромъ такимъ образомъ, чтобы поднять цѣну на рынкахъ, смежныхъ съ портами, до той нормы, при которой вывозъ хлѣба долженъ былъ быть остановленъ [2]). Неудивительно, что при такомъ развитіи казенныхъ операцій товарищество Малиссе заняло совершенно монопольное положеніе въ бассейнѣ Сены. Намъ будутъ понятны жалобы руанскаго парламента (лѣтомъ 1768 г.), что значительныя закупки хлѣба сдѣланы одновременно въ разныхъ мѣстахъ съ нарушеніемъ всякихъ регламентовъ и подъ покровительствомъ администраціи. Бодо говоритъ, что операціи агентовъ правительства обезкуражили торговлю, такъ что правительство вынуждено было взять на себя доставку по меньшей мѣрѣ четверти того количества, которое требовалось для потребленія Парижа и его окрестностей [3]). Извлекало ли прави-

85484

---

[1]) Arch. Nat. F¹¹ 1192. Въ этомъ картонѣ находятся подробные счеты Малиссе по каждой отдѣльной операціи.

[2]) Biollay. Pacte de Famine. 140. Arch. Nat. K. 908.

[3]) Bodeau. Avis au honnêtes gens. Biollay, p. 137. Интендантъ Орлеана жалуется въ письмѣ 28 сентября 1768 г., что только одинъ купецъ Parthin, агентъ „компаніи“ (Малиссе), въ теченіе года купилъ 500 muids пшеницы по 22 л. 10 с. за мѣшокъ въ 250 ф., закупалъ хлѣбъ еще не смолоченный и

тельство выгоды изъ такого развитія хлѣбныхъ операцій и выгодно ли они были для товарищества Малиссе? Правительство несло только убытки и довольно значительные. Какъ на примѣръ послѣднихъ, можно указать на одинъ счетъ Малиссе. Съ 8 февраля по 14 ноября 1768 года имъ было доставлено изъ Корбейля въ Парижъ 30,434 сетье, которые были проданы тамъ за 823,347 л. Правительство продавало по покупной цѣнѣ. Изъ этой суммы оно потеряло 46,000 л. круглымъ счетомъ, не считая разныхъ мелочей [1]). Положеніе компаніи Малиссе было какъ разъ обратное. Она получила коммиссію. На общій оборотъ въ 5,588 тысячъ ливровъ послѣдняя составила 110,000 л. [2]), не считая того, что компанія могла получить, производя вмѣстѣ съ казенными свои собственныя операціи, такъ какъ контрактъ ей таковыя не запрещалъ.

Кромѣ того по счету, сдѣланному Альберомъ въ 1769 году, Малиссе и К⁰ остались должными правительству 328,000 л., каковая сумма не была взыскана [3]). Несмотря на такія значительныя

складывалъ его въ Орлеанѣ. Въ письмѣ 1 сентября того же года онъ пишетъ, что тревога въ народѣ увеличивается, когда онъ видитъ, что хлѣбъ проходитъ городъ и складывается въ амбары частной компаніи, которая не довольствуется тѣмъ, что останавливаетъ на дорогѣ весь хлѣбъ, идущій въ Орлеанъ въ базарные дни, но посылаетъ еще коммиссіонеровъ на всѣ фермы и закупаетъ на задатки хлѣбъ по какой бы то ни было цѣнѣ. На его глазахъ коммиссіонеры объѣзжали разные приходы, находящіеся въ его помѣстьѣ Шевильи (Chevilly). Doinel. Pacte de Famine. „République Française". 1884, 21 августа. Авторъ, архиваріусъ Луаре, извлекъ эти документы изъ мѣстнаго архива въ доказательство существованія Pacte de Famine. Я ихъ цитирую, какъ указаніе, какой переполохъ произвели операціи Малиссе въ 1768 г. въ провинціяхъ, прилегающихъ къ Парижу, при слабости развитія мѣстной торговли.

[1]) Расходы по измѣренію, упаковкѣ, нагрузкѣ и т. д. и парижское октруа составили 9 s. 6 d. съ сетье въ 15,958 ф., расходы на рынкѣ, а также скидка булочникамъ составили 13,783 л., да 2 проц. коммиссіи Малиссе 16,466, 46,207. Сюда не вошли расходы за подводы изъ Корбейля въ Парижъ. Интересно, что по смыслу договора Малиссе получаетъ 2 проц. коммиссіи за всѣ расходы (§ X), а въ счетѣ всѣ расходы оплачены особо. Arch. Nat. F[11] 1192.

[2]) Biollay. 151.

[3]) Счеты Малиссе оставались безъ всякаго движенія съ 1769 по 1786 гг. Тюрго было учредилъ въ 1775 году коммиссію для окончанія этихъ счетовъ; но она ничего не сдѣлала. Въ 1786 году, послѣ смерти Руссо и Перюшо, наслѣдники ихъ подняли вопросъ о регулированіи счета. Они доказывали, что не компанія должна осталась правительству, а наоборотъ. Въ докладѣ, поданномъ Монтараномъ по поводу ихъ прошенія, онъ говоритъ, что хотя по по-

выгоды Малиссе и К⁰ считали контрактъ для себя невыгоднымъ и просили о его разрушеніи. Объясненіе этого, повидимому, страннаго явленія заключается въ измѣненіи обстоятельствъ и въ измѣненіи примѣненія контракта.

Компанія жаловалась на тотъ пунктъ контракта, который, повидимому, предоставлялъ ей выгоды. Она жаловалась на необходимость возстановлять запасъ хлѣба, находящагося въ королевскихъ магазинахъ, такъ какъ, по ея словамъ, она его приняла тогда, когда онъ стоилъ 14 л. за сетье, а потомъ цѣны поднялись до 28 л., 30 л. и 32 л., такъ что при возобновленіи запаса компанія потерпѣла убытки [1]). Она могла разсчитывать покрыть эти убытки коммиссіей по закупкамъ за счетъ короля, можно даже сказать, что тутъ должна была быть главная ея доходная статья, потому что эта операція была наиболѣе темная, но тутъ произошла перемѣна въ примѣненіи контракта, лишившая ее этой выгоды.

Произошло это со смертью завѣдывавшаго хлѣбными дѣлами Куртейля, интенданта финансовъ (ноября 1767 года) и съ назначеніемъ на его мѣсто Трюдэна де-Монтиньи (сына), тоже интенданта финансовъ. Онъ былъ приверженцемъ экономистовъ и, хотя онъ былъ еще неопытенъ въ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе видѣлъ ясно, что практиковавшіяся продовольственныя мѣры приносятъ казнѣ убытокъ, парализуютъ торговлю и, такимъ образомъ, не смотря на свои значительные размѣры, не достигаютъ своей цѣли. Раздѣляя ходячее мнѣніе, что городъ съ такимъ „огромнымъ“ населеніемъ, какъ Парижъ, нуждается въ продовольственныхъ заботахъ правительства, онъ предположилъ поставить ихъ на коммерческую ногу, чтобы хлѣбъ не продавался въ убытокъ. Контрактъ съ Малиссе, по его мнѣнію, препятствовалъ осуществленію этого плана, но отмѣнить этотъ контрактъ сейчасъ нельзя было [2]).

воду счета Альбера Малиссе и К⁰ возражали, но ихъ возраженія были неосновательны и они молчали 17 лѣтъ, потому что знали, что не имъ причитается получить съ казны, а, напротивъ, они должны послѣдней. Если же теперь ихъ наслѣдники подняли дѣло, то это потому, что на ихъ наслѣдство наложенъ секвестръ по претензіямъ казны. Докладъ Монтарана министру де-Каллону въ іюлѣ 1786 г. Arch. Nat. F¹¹ 1193. Вся эта большая связка наполнена перепиской о счетахъ Малиссе. Въ ней находится огромная тетрадь, писанная Альберомъ, интендантомъ торговли, въ которой онъ подробно разбираетъ счеты Малиссе.

[1]) Докладная записка Малиссе и К⁰ 10 мая 1768 г. Arch. Nat. F¹¹ 1193.

[2]) Biollay. Pacte de Famine. 138 и 144.

Вѣроятно, чтобы уменьшить невыгоды поставокъ хлѣба, дѣлаемыхъ компаніей Малиссе за счетъ короля для замѣны продаваемаго хлѣба, Трюдэнъ въ январѣ 1768 года заключилъ контрактъ съ Трезелемъ (Trezel) на поставку 50,000 квинталовъ хлѣба въ Парижъ по 11 л. 5 с. за квинталъ (100 ф.), что составляетъ 27 л. за сетье [1]). Эта мѣра не противорѣчила контракту съ Малиссе, но она была очень невыгодна для компаніи, потому что лишала ее самаго лакомаго куска, не считая потери коммиссіи, и была тѣмъ болѣе обидна, что всей выгодой этой новой комбинаціи воспользовался Рэ де-Шомонъ, одинъ изъ ея же членовъ. Трезель былъ только подставнымъ лицомъ, а настоящимъ контрагентомъ былъ Рэ де-Шомонъ, который, взявшись за этотъ подрядъ, поступилъ съ своими товарищами весьма некрасиво [2]).

Какъ бы то ни было 10 мая 1768 года Малиссе и К⁰ подали докладную записку объ убыточности заключеннаго ими договора и просили о замѣнѣ его другимъ. Осенью того же года, когда результаты урожая нѣсколько успокоили правительство, Трюдэнъ извѣстилъ ихъ о согласіи правительства расторгнуть контрактъ и объявилъ имъ, что послѣдній прекращаетъ свое дѣйствіе съ 31 октября 1768 г. [3]).

---

[1]) Обязательство Трезеля, одобренное Лаверди 10 января 1768 г. Монтаранъ въ упомянутомъ нами докладѣ де-Каллону говоритъ, что Трюдэнъ рѣшился уничтожить контрактъ съ Малиссе и К⁰ потому, что ихъ „способы дѣйствовать“ наносили ущербъ королю и что они нарушали контрактъ. Я не рѣшаюсь безусловно принять это показаніе Монтарана, сдѣланное 17 лѣтъ спустя и притомъ въ полемической бумагѣ; оно находится къ тому же въ противорѣчіи со свидѣтельствомъ самого Трюдэна, выраженномъ въ письмѣ его къ компаніи отъ 24 октября 1768 года по поводу разрушенія контракта. Онъ благодаритъ ее за честное веденіе дѣла и говоритъ, что „il sent toute l'injustice des prejugés, qu'une portion du public semblait prendre sur un établissement qui fera toujours honneur (это слово написано на подчищенномъ мѣстѣ) á ceux, qui y ont contribué“. Это заявленіе, однако, сдѣлано, такъ сказать, въ оффиціальномъ увольнительномъ свидѣтельствѣ, что ослабляетъ его силу и, въ свою очередь, находится въ разнорѣчіи, во-первыхъ, съ начетомъ, сдѣланнымъ имъ же самимъ на компанію, и, во-вторыхъ, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ отнялъ у нея поставку хлѣба, хотя могъ съ ней заключить особое условіе послѣ ея докладной записки 9 мая 1768 г. Arch. Nation. F¹¹ 1193.

[2]) F¹¹ 1193. Докладъ Монтарана и другіе документы въ той же связкѣ. То обстоятельство, что Рэ де-Шомонъ, котораго Бодо изображаетъ, какъ архимошенника, могъ взять подрядъ на болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ, чѣмъ поставляла хлѣбъ компанія, подтверждаетъ слова Монтарана, что ея „способы дѣйствовать“ наносили ушербъ королю.

[3]) Ibid Письма Трюдэна отъ 30 августа и 24 октября 1768 г. Первое

Такъ кончила свое существованіе эта знаменитая компанія Малиссе послѣ трехлѣтней дѣятельности. Она не только не прожила до революціи, какъ думалъ Ле-Прево и другіе его современники, но не дотянула и до трети перваго срока, на который заключенъ былъ договоръ 28 августа 1765 года; а товарищество, устроенное 31 марта 1767 года, едва просуществовало полтора года и фактически разстроилось раньше, чѣмъ расторгнутъ былъ контрактъ. Въ то время, когда Ле-Прево собрался послать свой доносъ съ документами въ Руанъ, контрактъ Малиссе былъ уже расторгнутъ; когда же контрактъ послѣдняго съ его поручителями попался ему на глаза, въ это время компанія уже просила о расторженіи контракта Малиссе съ правительствомъ.

Если теперь сличить показаніе Ле-Прево съ тѣмъ, чѣмъ было въ дѣйствительности общество Малиссе, то получимъ въ результатѣ слѣдующее. Онъ фантазировалъ, утверждая, что Лаверди и его ближайшіе помощники продали Францію на 12 лѣтъ компаніи монополистовъ, и что цѣлью этого торга было устраивать методически голодовки во Франціи. Мы знаемъ, что ни Лаверди, ни тѣ, которые редактировали контрактъ Малиссе, не имѣли въ виду предоставлять ему исключительныхъ правъ по хлѣбной торговлѣ и нисколько не были заинтересованы въ его предпріятіи. Что касается желанія устраивать голодовку или дороговизну, то не только они такого желанія не имѣли, но, какъ и всѣ ихъ предшественники, стремились кормить дешевымъ хлѣбомъ парижанъ. Ле-Прево представлялъ себѣ Малиссе и его компаньоновъ милліонерами. На самомъ дѣлѣ они таковыми не были, особенно Малиссе. Богаче другихъ былъ Рэ де-Шомонъ; но и онъ не можетъ считаться милліонеромъ.

Ле-Прево предполагалъ, что операціи Малиссе и К⁰ простирались на всю Францію. Это была ошибка. Онъ забылъ, повидимому, параграфъ договора Малиссе съ товарищами, которымъ они ограничивали свою общую дѣятельность Сеною и ея притоками. Я говорю, что Ле-Прево забылъ это обстоятельство, а не игнорировалъ его, потому что когда онъ писалъ свои статьи въ „Les Révolutions de Paris“ и свою книгу, онъ не имѣлъ подъ руками

изъ нихъ было отвѣтомъ на письмо Малиссе и К⁰ отъ 17 августа, въ которомъ они просили Трюдэна ускорить замѣну ихъ контракта новымъ, потому что прежній для нихъ убыточенъ. Получивъ его увѣдомленіе отъ 30 августа о согласіи правительства расторгнуть контрактъ безъ всякой замѣны, Малиссе и К⁰ благодарили его за это согласіе.

контракта, который онъ видѣлъ 22 года назадъ, и не зналъ, что онъ напечатанъ въ „Монитерѣ“. Мы должны помнить, что его бумаги были у него отобраны, что то, что онъ писалъ руанскому парламенту, до насъ не дошло, а потому мы знаемъ его обличенія лишь въ общихъ чертахъ; самъ онъ ихъ изложилъ такъ, потому что, во-первыхъ, не могъ помнить подробностей, а, во-вторыхъ, въ своей книгѣ и въ своихъ статьяхъ онъ занятъ почти исключительно своими злоключеніями по тюрьмамъ, и дѣло о Pacte de Famine стоитъ у него на второмъ планѣ.

Но вмѣстѣ съ ошибками въ его обличеніи была и доля правды. Онъ говорилъ, что товарищество Малиссе было организовано, что оно имѣло своего казначея, свои правильныя собранія. Это правда. Онъ говорилъ, что Малиссе и его товарищи были монополистами. Въ этомъ онъ почти правъ. При слабомъ развитіи въ то время частной предпріимчивости въ области хлѣбной торговли вообще, при тѣхъ затрудненіяхъ, которыя создавались хлѣбной торговлѣ въ бассейнѣ Сены парижскими регламентами, привилегированное положеніе Малиссе и К⁰ и ихъ агентовъ, какъ „королевскихъ людей“ (hommes du Roi), давало имъ преимущества почти монопольныя.

Наконецъ, Ле-Прево предполагалъ, что Малиссе и К⁰ спекулируютъ на повышеніе. Онъ ошибался въ этомъ, если взять дѣло въ цѣломъ; но въ частности могли быть и были факты, которые давали ему поводъ для такого заключенія. Мы знаемъ, что правительство направляло иногда закупки Малиссе въ такія мѣста, гдѣ требовалось поднять цѣну хлѣба для остановки вывоза. Мы знаемъ, какъ дѣйствовали Малиссе и К⁰ и его агенты; но видя въ компаніи такихъ господъ, какъ Рэ де-Шомонъ, и зная ихъ монопольное положеніе, мы не имѣемъ основанія думать, что они воздерживались отъ того, чтобы пользоваться этимъ положеніемъ для своихъ выгодъ, и что они не поднимали иногда цѣны ради увеличенія своей коммиссіи. Если бы даже компанія состояла изъ „ангеловъ“, какъ говорилъ Тюрго, то все же самымъ фактомъ своего существованія она парализовала частную предпріимчивость и, не имѣя возможности замѣнить послѣднюю собою, она неизбѣжно должна была имѣть своимъ результатомъ подъемъ цѣнъ. Мы видѣли изъ письма Малиссе и К⁰ отъ 10 мая, что въ 1768 году цѣна сетье пшеницы дошла до 32 л.; часть этой дороговизны должна быть отнесена на счетъ дѣятельности компаніи.

Такимъ образомъ, мы должны сказать, что Ле-Прево многое

преувеличилъ, далъ всему дѣлу фантастическій колоритъ заговора противъ народнаго благосостоянія, но нѣкоторыя части его обличенія соотвѣтствовали дѣйствительности.

Но ему было приписано и то, чего онъ вовсе не говорилъ; его признаютъ единственнымъ свидѣтелемъ, доказывающимъ существованіе Pacte de Famine [1]), ему приписываютъ изданіе въ свѣтъ договора Малиссе съ его товарищами, который считался доказательствомъ существованія Общества Голодовки. Это невѣрно. Ле-Прево не говоритъ объ участіи короля въ обществѣ монополистовъ. Мы видѣли, что совсѣмъ другія лица говорятъ это. Это авторъ статьи въ №№ 57 и 58 „Moniteur'a“ за 1789 годъ, подписавшійся иниціалами A. M., который опубликовалъ впервые упомянутый договоръ. Кромѣ того, мы имѣемъ еще разсказъ Піерра Манюеля въ его книгѣ „Разоблаченная парижская полиція“ 1791 г. [2]). Этотъ разсказъ, очевидно, написанъ независимо отъ Ле-Прево, о которомъ авторъ знаетъ очень мало. Онъ представляетъ также значительныя отступленія и отъ разсказа „Монитера“, хотя авторъ, видимо, знакомъ съ этими статьями и, можетъ быть, заимствовалъ оттуда договоръ товарищества Малиссе и письмо товарищества къ его агентамъ.

Предполагая, что статьи въ „Монитерѣ“ исходили отъ Ле-Прево, ему приписали свидѣтельство о фиктивномъ вывозѣ хлѣба на острова Джерсей и Гернсей и о всѣхъ маневрахъ, связанныхъ съ этой операціей. Онъ объ этомъ ничего не говоритъ и, вѣроятно, не зналъ даже.

Ему приписали на томъ же основаніи обвиненіе Людовика XV въ соучастіи нравственномъ и матеріальномъ въ Pacte de Famine. Онъ же, напротивъ, представляетъ его и Людовика XVI жертвой обмана министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

---

[1]) Biollay. Pacte de Famine, p. 152.

[2]) Manuel (Pierre). La Police de Paris devoilée, т. I, стр. 370—402. Въ этомъ разсказѣ ни слова не говорится о фиктивномъ вывозѣ хлѣба за-границу; про Людовика XV сказано: son bien aimé Louis XV était du complot и сообщается, что онъ далъ при министрѣ Орри (1730) 10,000 л. на вывозъ хлѣба для увеличенія дохода отъ vingtièmes. „Moniteur“ приписываетъ эту цѣль эдикту о вывозѣ 1764 г. Манюель выгораживаетъ совершенно Тюрго и называетъ его Титомъ, тогда какъ Ле-Прево проходитъ его молчаніемъ. У Манюеля помѣщено письмо ком..аніи къ ея агентамъ безъ обозначенія времени, но относящееся, вѣроятно, къ операціямъ Рэ де-Шомона въ 1768 году. Этого письма нѣтъ у Ле-Прево, но оно помѣщено въ примѣчаніи въ № 58 „Монитера“ и, вѣроятно, взято Манюелемъ оттуда.

Изъ вышесказаннаго видно, что хотя Ле-Прево считаютъ единственнымъ источникомъ преданія о Pacte de Famine, но на самомъ дѣлѣ это не такъ; источникомъ его были статьи въ „Монитерѣ“, авторъ которыхъ намъ неизвѣстенъ, но которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приписаны Ле-Прево. Это статьи, по моему мнѣнію, имѣли главное вліяніе на содержаніе историческаго преданія о Pacte de Famine, и во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ книга Ле-Прево или его статьи въ „Les Révolutions de Paris“. Максимъ Дюканъ цѣликомъ взялъ свой разсказъ оттуда, а не изъ сочиненія Ле-Прево.

Но сами статьи „Монитера“, а равно и разсказъ Манюэля въ его книгѣ „Разоблаченная парижская полиція“ не могутъ быть признаны ихъ, такъ сказать, достояніемъ. Они составляютъ эхо разсказовъ, ходившихъ въ публикѣ. Эти разсказы похожи на народную пѣсню. Кто сочинилъ ее? Всѣ и никто. Я говорю такъ, потому что гораздо раньше появленія этихъ разсказовъ въ печати они ходили въ публикѣ, хотя, понятно, какъ всѣ устные разсказы, не имѣли той законченной формы. Для подобнаго заключенія мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства современниковъ. Еще въ 1769 году Рубо старается опровергнуть слухи о существованіи общества, имѣющаго цѣлью монополизацію хлѣба, и объясняетъ появленіе этихъ толковъ хлѣбными операціями Малиссе [1]). Нѣсколько позднѣе мы встрѣчаемъ свидѣтельство аббата Террэ о томъ же предметѣ. Въ 1773 году онъ писалъ въ циркулярѣ интендантамъ: „я долженъ васъ предупредить, что народъ, горожане и даже выдающіяся лица преисполнены (imbus) ложной мысли, что существуетъ компанія, уполномоченная исключительно вѣдать продовольствіе государства и вести хлѣбную торговлю. Эту воображаемую компанію обвиняютъ въ томъ, что она своей монополіей причиняетъ дороговизну хлѣба. Такіе взгляды, если они укоренятся, сдѣлаютъ правительство ненавистнымъ“. Онъ приказываетъ арестовывать распространителей ложныхъ слуховъ. Въ концѣ циркуляра онъ говоритъ, что правительство обвиняли въ томъ, что оно было причиной прекращенія внутренней и внѣшней торговли хлѣбомъ, такъ что съ одной стороны его упрекали въ томъ, что оно, ради извлеченія выгоды, подняло цѣны посредствомъ отвратительной монополіи, а съ другой стороны, говорятъ, что оно препятствуетъ торговлѣ, добровольно неся убытки, которыхъ частные

---

[1]) Roubaud. Représentations aux magistrats. 1769.

купцы вынести не могутъ [1]). Въ одномъ мемуарѣ, относящемся къ концу 1772 года или началу 1773 года, говорится, что дороговизну приписываютъ компаніи коммиссіонеровъ, пользующихся покровительствомъ администраціи. Напримѣръ, разсказываютъ, что эта компанія скупила хлѣбъ въ Марсели, когда его тамъ было мало. Говорятъ, что въ Дижонѣ интенданты призвали всѣхъ купцовъ и запретили имъ сплавлять хлѣбъ по Сонѣ одновременно съ компаніей, которая въ это время пользовалась рѣкой. Въ публикѣ спрашиваютъ себя, куда дѣвались массы хлѣба, скупленныя коммиссіонерами? Гдѣ та провинція, которой они помогли? Говорятъ, что онъ вывозится, и указываютъ, что изъ Сетта вывезено по назначенію въ Тулонъ много хлѣба, тогда какъ туда доставлено очень мало, а остальное количество продано въ Португалію. Утверждаютъ, что подъ предлогомъ возврата хлѣба Женевѣ туда вывезли гораздо больше хлѣба, чѣмъ слѣдовало [2]). Въ другомъ мемуарѣ 1773 года, поданномъ аббату Террэ, въ которомъ излагаются продовольственныя мѣропріятія 1772—1773 года, говорится, что въ предосторожностяхъ, принятыхъ правительствомъ, видѣли только

---

[1]) Циркуляръ интендантамъ 27 сентября 1773 г. Arch. Nat. F[11] 265. Въ этомъ циркурярѣ онъ предлагаетъ интендантамъ успокоить публику завѣреніемъ, что теперь снабженіе провинцій произойдетъ путемъ торговли: „sans crainte de concurence de la part du gouvernement“, etc. Для иллюстраціи укажемъ, что въ то же время онъ одобрилъ планъ пріобрѣтенія за счетъ казны 700,000 сетье хлѣба. См. въ той же связкѣ мемуаръ о хлѣбныхъ операціяхъ на 1773—74 г. Въ мемуарѣ королю аббатъ Террэ говорилъ (въ томъ же году), что народъ приписываетъ высокую цѣну умыслу правительства заставить его дорого платить за продовольствіе и видитъ монополію даже въ помощи, которая ему оказывается. Biollay. Pacte de Famine, p. 180, въ примѣч. Въ мемуарѣ безъ числа и подписи, на которомъ сдѣлана помѣтка: „au Roi. Sur l'administration des grains. Ministère de Necker“, но который трактуетъ о времени Террэ, говорится: Le peuple, la bourgeoisie et même un grand nombre des personnes distinguées par leur état et leur esprit pensent que le gouvernement achète des grains, les ressère ou les fait transporter d'une province à l'autre pour les vendre au plus haut prix et se procurer un gain qui ne tourne point au profit de l'état, à celui des administrateurs. Des soupçons à cet égard vont même jusque sur la personne du Roi“. Arch. Nat. K. 908. Авторъ ставилъ себѣ цѣлью опровергнуть это мнѣніе.

[2]) Мемуаръ, поданный аббату Террэ или въ „хлѣбное управленіе“ въ 1772 или 1773 г. Arch. Nat. F[11] 265. Кто то, очевидно, позднѣе помѣтилъ его „1773 ou 1774“. Это ошибка, ибо онъ говоритъ о „послѣднемъ урожаѣ“, который почти повсюду недовлетворителенъ, а таковымъ былъ урожай 1771 и 1772 г. (урожай 1773 года былъ хорошъ), а съ другой стороны, онъ упоминаетъ о событіи, бывшемъ въ ноябрѣ 1772 г., какъ недавнемъ.

исключительную привилегію, предоставленную частнымъ лицамъ; видамъ, которыми были одушевлены начальники, не отдавали должной справедливости и кричали о монополіи [1]). Эти свидѣтельства современниковъ указываютъ на распространенность тѣхъ обвиненій, которыя впослѣдствіи были сгруппированы подъ названіемъ Pacte de Famine въ „Moniteur Universel“.

Теперь обратимся къ фактической подкладкѣ этихъ обвиненій, каковою служитъ дѣятельность „хлѣбной коммиссіи“ при аббатѣ Террэ. Нравственная физіономія самого аббата Террэ достаточно извѣстна, чтобы объ ней нужно было говорить. Наканунѣ назначенія его въ должность генералъ-контролера его пріятель канцлеръ Мопу писалъ ему: „L'abbé! le Contrôle Général est vacant: c'est une bonne place ou il y a de l'argent à gagner; je veux t'en faire pourvoir [2]). „Хлѣбная коммиссія“ (commision pour les blés), которую онъ устроилъ, состояла изъ четырехъ государственныхъ совѣтниковъ: Шомонъ де-ла-Галезьера (Chaumont de la Galaisière), члена бюро торговли, Сартина (Sartines), генералъ-лейтенанта парижской полиціи, впослѣдствіи морского министра, Ла-Мишодьера (la Michodière), прево купцовъ, и Бувара де-Фурке (Bouvard de Fourqueux), члена королевскаго совѣта. Составъ этой коммиссіи не внушаетъ никакихъ подозрѣній. Но всѣ эти члены не рѣшали и не обсуждали никакихъ дѣлъ. Они жаловались, что „имъ не сообщаютъ ничего“, и въ самомъ дѣлѣ, Террэ преподносилъ имъ дѣло уже тогда, когда оно было совершенно окончено [3]). Какъ видно изъ сохранившейся переписки, вершитель дѣлъ былъ Броше де-Сенъ-Престъ, который оффиціально значился докладчикомъ „хлѣбной коммиссіи“. Какъ только Тюрго вступилъ въ должность генералъ-контролера, первымъ дѣломъ онъ прогналъ С.-Преста. Это былъ взяточникъ, разбогатѣвшій во время хлѣбныхъ

---

[1]) Ibid. Авторъ говоритъ, что „суды (cours) и сами администраторы жаловались и не оказывали содѣйствія“ (агентамъ).

[2]) Nourrisson. Trois Révolutionnaires. 1885, стр. 75. Авторъ мемуара, поданнаго Морепа въ августѣ 1774 года, высказываетъ мысль, что аббатъ Террэ предпринялъ большія закупки хлѣба, если не изъ своей личной выгоды, то „pour a ire face aux incursions que certaines personnes en grand crédit faisaient sur la bourse du gouvernement. C'est un labirynthe, dans lequel le plus adroit auditeur des comptes se perdrait“. Авторъ мемуара очень подозрительно относится къ Террэ, а потому его показаніе мы принимаемъ только къ свѣдѣнію, хотя другіе факты, указанные имъ, подтверждаются изъ иныхъ источниковъ. Arch. Nat. K. 908.

[3]) Foncin. Essai sur le ministère de Turgot, p. 71.

операцій аббата Террэ. Бодо говоритъ, что скандальныя мошенничества (patricolages)... дали ему возможность выстроить великолѣпный домъ въ два милліона на кладбищѣ главнаго госпиталя (hôpital général) и дѣлаютъ то, что его стерва жена (catin de femme) издерживаетъ ежегодно сорокъ тысячъ экю только на свой столъ, не считая большой игры и другихъ удовольствій; однако эти люди были безъ рубахи три года назадъ [1]). Надо думать, что Бодо преувеличенно оцѣниваетъ богатства С.-Преста; но что онъ наживался насчетъ хлѣбныхъ операцій, это несомнѣнно. Въ описи бумагъ главныхъ агентовъ правительства по хлѣбнымъ дѣламъ, купцовъ Сорена и Думерга, взятыхъ въ ихъ конторѣ полицейскимъ коммисаромъ Серро (Serreau), Біоллэ нашелъ росписки С.-Преста и его жены на 100,000 ливровъ, взятыхъ ими „взаймы“ разновременно изъ суммъ хлѣбныхъ операцій [2]). Изъ того обстоятельства, что Соренъ (Sorin) и Думергъ (Doumerg) платили С.-Престу, Біоллэ выводитъ, что самъ аббатъ Террэ стоялъ внѣ ихъ продѣлокъ и ничего не зналъ о нихъ. Мнѣ кажется, что такой выводъ неоснователенъ [3]).

Изъ многихъ современныхъ свидѣтельствъ, собранныхъ Біоллэ относительно Думерга, онъ выводитъ заключеніе, что онъ былъ честнымъ человѣкомъ [4]). Но это опредѣленіе его характера можетъ быть принято лишь въ условномъ смыслѣ. Можетъ быть, между другими подрядчиками онъ и является честнымъ; но Альберъ [5]), который производилъ слѣдствіе надъ Думергомъ и Сореномъ, въ своемъ докладѣ Тюрго не только не высказываетъ за ихъ честность, но, напротивъ, весь докладъ его проникнутъ убѣжденіемъ, что они мошенничали. Альберъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что фирма

---

1) Chronique secréte de Paris. 14 мая 1774 года. Revue Retrospective, t. III, p. 40.

2) Biollay. Pacte de Famine. 195. Arch. Nat. U. 15383. Опись бумагъ, найденныхъ у Сорена и Думерга, составляетъ огромную тетрадь, исписанную мелкимъ почеркомъ. Работа ея составленія взяла нѣсколько недѣль.

3) Еще до вступленія своего въ должность генералъ-контролера онъ сдалъ въ наймы казнѣ хлѣбный магазинъ въ Ла-Моттъ на 12 лѣтъ за 750 л. и получилъ наемныя деньги, когда былъ генералъ-контролеромъ. Будучи таковымъ, онъ сдалъ внаймы „хлѣбной коммиссіи“ свою мельницу за 3000 л. (20 марта 1772 г.). Тюрго уничтожилъ этотъ контрактъ безъ всякаго вознагражденія аббата. Arch. Nat. F^{11} 1194 и F^{11} 1195.

4) Biollay. Pacte de Famine. 198, въ примѣчаніи.

5) Интендантъ торговли, назначенный потомъ въ маѣ 1775 года, послѣ увольненія Лекуара, генералъ-лейтенантомъ парижской полиціи.

Перруто и сынъ въ Монтобанѣ (коммиссіонеры Сорена и Думерга) казенный хлѣбъ превращала въ крупичатую муку и отправляла ее черезъ Бордо за свой счетъ въ колоніи, и что эта торговля, „какъ надо полагать“, велась съ вѣдома и согласія Сорена и Думерга. Альберъ говоритъ: „надо полагать“, констатируя въ то же время пропажу писемъ, которыя могли бы доказать это участіе; но ниже мы увидимъ, что Соренъ и Думергъ несомнѣнно были въ компаніи съ Перруто по этому дѣлу, въ которомъ былъ участникомъ и отецъ Думерга, жившій въ Монтобанѣ [1]). Альберъ обвиняетъ ихъ еще въ томъ, что, поручивъ марсельскому купцу Гису (Cuis) закупку хлѣба въ Патрасѣ, они на казенныя деньги покупали товаръ, отправляли его туда для продажи за свой счетъ, а убытки ставили на счетъ казны. Наконецъ, онъ доказываетъ, что они считали казнѣ проценты за деньги въ то время, когда у нихъ были на рукахъ казенныя деньги. Этимъ не исчерпываются ихъ нечестные поступки по отношенію къ казнѣ. Послѣ всего указаннаго нельзя ссылаться въ ихъ пользу на то обстоятельство, что Альберъ по окончаніи слѣдствія сдѣлалъ заключеніе объ освобожденіи ихъ изъ Бастиліи. Онъ сдѣлалъ это, какъ онъ самъ говоритъ, на томъ основаніи, что, во-1-хъ, они достаточно наказаны заключеніемъ въ Бастиліи, и во-2-хъ, что если бы ихъ дѣло касалось частныхъ лицъ, то оно разбиралось бы въ гражданскомъ порядкѣ, что только то обстоятельство, что это была „невѣрность (infidélité) въ исполненіи коммиссіи, данной государствомъ“, было причиной разсматриванія ихъ дѣла съ совершенно иной точки зрѣнія [2]).

Самое обстоятельство, вслѣдствіе котораго возбуждено было противъ нихъ слѣдствіе, внушаетъ подозрѣніе. Въ сентябрѣ 1774 года два рыболова нашли въ Сенѣ, около Сюрена, подъ большимъ

---

[1]) Въ мемуарѣ, написанномъ, очевидно, человѣкомъ, хорошо знающимъ дѣло, которому предлагали взяться за провѣрку счетовъ Сорена и Думерга и который видѣлъ ихъ переписку съ Перруто и сыномъ, приведены выдержки изъ писемъ и счетовъ, доказывающихъ, что Соренъ и Думергъ были заинтересованы въ предпріятіяхъ Перруто по производству крупичатой муки и торговли ею. Мемуаръ этотъ не подписанъ и не помѣченъ; онъ написанъ или въ концѣ 1774 или въ началѣ 1775 г. для представленія Тюрго, но не непосредственно, а черезъ какое то важное лицо въ генеральномъ контролѣ. Arch. Nat. K. 908, № 34.

[2]) Biollay. Pacte de Famine, p. 205, докладъ 15 іюня 1775 года. Arch. Nat K. 908.

камнемъ связку бумагъ, которыя оказались относящимися къ операціямъ Сорена и Думерга. Они говорили, что эти бумаги были спрятаны тамъ чиновникомъ С.-Преста. Мудренаго ничего нѣтъ, но, конечно, это было сдѣлано съ ихъ вѣдома и согласія. Если бы въ ихъ дѣлахъ не было ничего предосудительнаго, то отправлять бумаги въ Сену не представлялось бы надобности [1]).

Нравственный характеръ главныхъ дѣятелей имѣлъ значеніе для направленія и способа веденія хлѣбныхъ операцій, но послѣднія велись не только ими, а массой другихъ лицъ, которыя, конечно, дѣйствовали сообразно съ своими выгодами и, какъ говоритъ одинъ современникъ, продавали хлѣбъ за свой счетъ, когда была прибыль, и за счетъ короля, въ томъ случаѣ, когда продажа была убыточна [2]). Слабая сторона всего дѣла заключалась въ томъ, что для своего успѣха оно требовало услугъ не обыкновенныхъ людей, а „ангеловъ“, и въ то же время представляло много соблазна для разнообразныхъ злоупотребленій.

Для выясненія того впечатлѣнія, которое произвели на умы хлѣбныя операціи аббата Террэ, сообщимъ въ общихъ чертахъ какъ онѣ велись.

Мы знаемъ уже, что аббатъ Террэ и другіе администраторы, раздѣлявшіе его взгляды, были убѣждены, что свободныя дѣйствія купцовъ приводятъ только къ дороговизнѣ. Поэтому хлѣботорговцы должны были быть подъ строгимъ надзоромъ правительства, и ихъ дѣйствія обстоятельно регламентированы. Интендантъ Парижа Бертье де-Совиньи не допускалъ никакого участія даже честныхъ купцовъ въ хлѣбной торговлѣ и говорилъ: пускай эти „честные люди“ держатся подальше отъ этого дѣла и предоставятъ его непосредственнымъ сношеніямъ потребителя и производителя. Ре-

---

[1]) Малиссе въ одномъ мемуарѣ, поданномъ аббату Террэ 8 фев. 1771 г., говоритъ, что Дюре (Duré), приказчикъ Думерга въ Корбейлѣ, выставляетъ на показъ свою роскошь; во время послѣдняго карнавала онъ далъ нѣсколько баловъ въ Лавилеттѣ „pour l'amusement du s-r Doumerg et des personnes, qui lui sont agréables“. Жена его съ дѣтьми живетъ въ Парижѣ очень широко, хотя ведетъ только маленькую торговлю отрубями. О нравственности самого Думерга онъ не высокаго мнѣнія. Arch Nat. F[11] 1194. Авторъ „отвѣта“ на мемуаръ Сорена и Думерга говоритъ, что не знаетъ, чему больше удивляться: наглости ли ихъ или безстыдству. На жалобу ихъ на строгость слѣдствія, произведеннаго Альберомъ, онъ отвѣчаетъ: „si un tribunal sevère s'en était melé, ou en seraient-ils?“ Arch Nat. K. 908, № 35.

[2]) Мемуаръ, извлеченіе изъ котораго представлено было Террэ въ 1772 г. Arch. F[11] 265.

зультатомъ этихъ тенденцій была отмѣна хлѣбныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ и возстановленіе регламентаціи (23 декабря 1770 года). Эти регламенты исполнялись строго, такъ что штрафы и конфискаціи за ихъ нарушеніе составили значительный доходъ, возмѣстившій потерю отъ вывозныхъ пошлинъ, прекратившихся по случаю запрещенія вывоза [1]). Аббатъ Бодо говоритъ въ своемъ дневникѣ, что во исполненіе пункта, обязывавшаго земледѣльцевъ доставлять хлѣбъ на рынокъ, интендантъ Парижа Бертье де-Совиньи поставилъ всѣхъ жандармовъ на ноги (лѣтомъ 1774 г.) и отправился въ походъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Парижа, чтобы заставить фермеровъ и земледѣльцевъ („которые имѣютъ дерзость“ беречь свой хлѣбъ на сѣмена и на случай неурожая для собственнаго пропитанія) молотить хлѣбъ и везти на рынокъ, когда тамъ хлѣбъ вовсе нейдетъ. Разъ явившись на рынокъ, они должны продать хлѣбъ во что бы то ни стало въ три базара сряду. Что курьезно, прибавляетъ онъ, это—то что въ то же время Сартинъ не позволяетъ никому покупать хлѣбъ на рынкѣ, такъ какъ онъ хочетъ, чтобы булочники лично являлись на рынокъ, дабы не было никакихъ коммиссіонеровъ [2]). Говоря о примѣненіи регламента (23 декабря 1770 г.), аббатъ Бодо говоритъ, что онъ готовъ биться объ закладъ, что при условіяхъ, созданныхъ имъ для торговли, онъ разоритъ какого угодно купца, оперируя на казенныя деньги [3]), что дѣйствительно и было.

Примѣняя строго регламенты къ частнымъ лицамъ, правительство систематически нарушало ихъ въ пользу своихъ агентовъ. Самымъ неудобоисполнимымъ было требованіе обязательной покупки хлѣба на рынкѣ и запрещеніе совершенія сдѣлокъ внѣ онаго. Что же мы видимъ? Въ Пуату, въ окрестностяхъ Шательро, судьи арестовали въ 1772 году хлѣбъ купца Друэна, купленный имъ внѣ рынка, и продали его. Онъ оказался коммиссіонеромъ Сорена и Думерга, а потому 15 іюля 1772 года Террэ приказалъ сдѣлать раскладку на жителей Шательро, чтобы вознаградить Друэна за убытки. Коммиссіонеръ Монтейль (Monteils) подвергся судебному преслѣдованію въ Родезѣ (Rodez) за то же нарушеніе ре-

---

[1]) Докладъ Обе (Aubé) Делессару для Нэккера о порядкѣ завѣдыванія хлѣбною частью. Іюнь 1777 г. Arch. Nat. F[11] 265. Суммы, получавшіяся отъ штрафовъ и конфискацій, поступали въ хлѣбную кассу, казначеемъ коей былъ по прежнему Мирлаво.

[2]) Bodeau. Chronique secrète. 19 іюня 1774 г., стр. 92.

[3]) Nouvelles Ephémerides du Citoyen, t. I. 17, p. 16.

гламента. Дѣло было изъято изъ вѣдѣнія суда постановленіемъ Совѣта 15 іюня 1772 года. Въ Бургони купцы Рокъ и Риго, (Roch et Rigaud), коммиссіонеры, покупали хлѣбъ гуртомъ внѣ рынка для передачи этого хлѣба негоціанту въ Ліонѣ Турмашону, тоже коммиссіонеру. Интендантъ запросилъ генералъ-контролера (3 декабря 1772 г.) позволяетъ ли онъ этимъ купцамъ, называющимъ себя коммиссіонерами, покупать хлѣбъ внѣ рынка. Террэ сейчасъ же (8 декабря 1772 г.) отвѣтилъ, „что надо смотрѣть сквозь пальцы на ихъ способъ дѣйствій“ (qu'il fallait fermer les yeux sur leur manière d'operer). Когда въ С.-Жанъ-де-Лонѣ Рокъ подвергся преслѣдованію мѣстныхъ судебныхъ властей за покупки внѣ рынка, дѣло было прекращено по требованію министра.

Въ Лотарингіи Обріо (Aubriot), приказчикъ мецскаго коммиссіонера Зелигмана (Seligmann) подвергся подобному же преслѣдованію въ балльяжѣ Коммерси (23 декабря 1772 г.). Дѣло было прекращено по требованію министра отъ 23 апрѣля 1773 года [1]).

Какъ бы то ни было, судебныя мѣста дѣлали затрудненія, которыя устранять было довольно хлопотливо посредствомъ частныхъ изъятій дѣлъ изъ ихъ вѣдѣнія. „Чтобы отдѣлаться скорѣе, говоритъ Тюрго, отъ всѣхъ этихъ затрудненій и избавить себя отъ необходимости давать приказы генералъ-прокурорамъ и издавать постановленія Совѣта объ изъятіи дѣлъ, выбрали путь короткій: издали 29 октября 1773 года постановленіе Совѣта, передавшее всѣ дѣла по нарушенію пост. Сов. 23 декабря 1770 года вѣдѣнію интендантовъ подъ предлогомъ, что проступки этого рода остаются ненаказуемыми по невозможности для полицейскихъ судей преслѣдованія виновныхъ“ [2]).

Въ отношеніи каботажа, агенты „хлѣбной коммиссіи“ пользовались тѣми же самыми привилегіями. Въ то время, какъ до изданія закона 14 февраля 1773 года каботажъ былъ совершенно стѣсненъ, а потомъ былъ разрѣшенъ только черезъ нѣкоторые порты, для королевскихъ коммиссіонеровъ всѣ порты были открыты [3]).

Пользуясь покровительствомъ администраціи, привилегиро-

---

[1]) Mémoire (de Turgot) sur les lettres patentes concernant le commerce des grains. Octobre, 1774. Къ нему приложено извлеченіе изъ переписки Террэ, въ которой я почерпнулъ упомянутые факты. Arch. Nat. F[11] 265.

[2]) Ibidem.

[3]) Демонстрація Бордосскаго парламента 31 авг. 1773 г. Arch. Nation. F[11] 265.

ванные купцы (таковыми на самомъ дѣлѣ были коммиссіонеры) допускали и другія злоупотребленія. Тюрго говоритъ, что они покупали даже не развязывая мѣшка и не глядя товара, и часто давали дороже, чѣмъ просилъ земледѣлецъ. Эти злоупотребленія, говоритъ онъ, доказаны, документы цѣлы. Анонимный авторъ статьи въ „Nouvelles Ephémerides du Citoyen“ разсказываетъ, что въ Турэни привилегированные купцы дѣлали такъ: „закупивъ на задатки хлѣбъ въ аббатствахъ у священниковъ и у фермеровъ, они его не принимали отъ нихъ, если цѣна хлѣба понижалась; если продавцы хотѣли заставить ихъ принять хлѣбъ по договоренной цѣнѣ, они отвѣчали, что запрещено покупать хлѣбъ въ складахъ, причемъ изъ предосторожности всегда впередъ забирали количество хлѣба, равноцѣнное задатку, если они таковой давали. Если, напротивъ, хлѣбъ поднимался въ цѣнѣ, и продавцы не хотѣли сдавать его, они всегда получали содѣйствіе властей (main forte) въ какомъ угодно размѣрѣ. Что скажешь, что сдѣлаешь людямъ, поддерживаемымъ городской полиціей! „Авторъ говоритъ, что такія продѣлки творились и въ Мэнѣ, и въ Анжу и извѣстны всѣмъ и каждому [1]). Злоупотребленія при покупкѣ хлѣба сопровождались злоупотребленіями при продажѣ его. Мы упоминали уже, что коммиссіонеры продавали въ свою пользу, когда былъ барышъ, а если оказывался убытокъ, то ставили его на счетъ короля; бывали и другія злоупотребленія при продажѣ хлѣба; вслѣдствіе крайней затруднительности фактическаго контроля, это было дѣломъ обыкновеннымъ [2]).

Въ заключеніе укажемъ на такія крупныя злоупотребленія коммиссіонеровъ, какъ тѣ, которыя происходили въ Лотарингіи и Бургони, въ Марсели, въ Лангедокѣ и Бордо.

Купецъ Фроманъ (Froment) изъ Нанси и упоминавшійся нами Зелигманъ Виттерсгеймъ (Zeligmann Wittersheim) изъ Меца вмѣстѣ покупали въ 1772 и 1773 г. хлѣбъ въ Лотарингіи за счетъ казны по порученію Сорена и Думерга. Между прочимъ, они купили 25,000 maldres (37,500 мѣшковъ по 200 ф., по другимъ из-

---

[1]) Bodeau. Nouvelles Ephémerides du Citoyen. 1775, кн. I, стр. 190—196. Бодо называетъ автора chevalier ..

[2]) С.-Престъ пишетъ въ докладѣ 26 января 1771 г. по поводу подряда Малиссе, коимъ послѣдній обязывался доставить 40,000 сетье хлѣба въ Корбейль: „M. de Malisset prendra toutes les précautions necéssaires pour obvier les abus qui se commettent de la part des commissionaires chargés des ventes“. Arch. Nat F[11] 1194.

вѣстіямъ, они купили 40,000 мѣшковъ) и обратились къ интенданту Де-Каллону съ просьбой о выдачѣ паспортовъ для вывоза этой партіи за-границу. Несмотря на всѣ старанія и несмотря даже на то, что Зелигманъ привезъ изъ Парижа письмо какой то высокой особы, рекомендовавшей удовлетворить ихъ просьбу, въ паспортахъ имъ было отказано. Тогда они доставили этотъ хлѣбъ въ Грэ и сплавили по Сонѣ въ Ліонъ на имя купца Турмашона [1]). Кромѣ того въ Бургундіи на Сонѣ оперировалъ за счетъ того же Турмашона, агента Сорена и Думерга, купецъ Риго (Rigaud, упоминавшійся въ оффиціальной перепискѣ; марсельцы пишутъ его Rigod) изъ Шалона. Черезъ своихъ коммиссіонеровъ Бертолона (Bertholon) и Ла-Кура (La Cour) онъ скупалъ хлѣбъ въ Бургундіи и сплавлялъ его въ Ліонъ Турмашону. Отсюда Турмашонъ направилъ 40,000 мѣшковъ въ Швейцарію черезъ таможню Colonge, около Сессель (Sesselles). Часть этого хлѣба была отправлена сухопутьемъ, а часть послана была водою по Ронѣ до того мѣста, гдѣ она перестаетъ быть судоходной [2]). Операціи упомянутыхъ агентовъ на Сонѣ не встрѣчали никакихъ затрудненій, а равно и сплавъ хлѣба по рѣкѣ не встрѣчалъ никакихъ стѣсненій, тогда какъ другіе купцы встрѣчали всевозможныя притѣсненія. Марсельцы жаловались на операціи агентовъ Сорена и Думерга, потому что они лишили ихъ возможности сдѣлать закупки для своего города. Такую же конкурренцію со стороны агентовъ Сорена и Думерга они встрѣтили у себя дома. Упоминавшійся нами марсель-

---

[1]) Мемуаръ, поданный изъ Марсели 20 апрѣля 1773 г. генералъ-контролеру. Въ „замѣткѣ“, приложенной къ этому мемуару безъ числа и подписи, составленной уже въ генеральномъ контролѣ, говорится, что часть этого хлѣба погружена была на Мезѣ подъ предлогомъ отправки его въ Парижъ, а на самомъ дѣлѣ, вывезли его за-границу. Мемуаръ, сохранившійся въ бумагахъ генеральнаго контроля, сообщаетъ, что одинъ коммиссіонеръ путемъ происковъ въ ноябрѣ 1772 года добился паспорта, по которому онъ вывезъ въ Триръ 45,000 maldres (maldre—нѣмецкая мѣра, употреблявшаяся въ Эльзасѣ какъ $^2/_3$ сетье), которыя онъ раньше запродалъ тамошнимъ купцамъ. Mémoire sur les subsistances. 1773. F^{11} 265 Это, вѣроятно, относится къ той же операціи Зелигмана. Arch. Nat. K. 908.

[2]) Отправка хлѣба въ Швейцарію констатируется, во-первыхъ, марсельскимъ мемуаромъ (20 апрѣля 1773 г.), замѣткой, о которой мы упоминали, и мемуаромъ, поданнымъ Морепа въ августѣ 1774 года. Авторъ послѣдняго говоритъ, что этотъ вывозъ сдѣланъ подъ предлогомъ возвращенія Женевѣ 20,000 квинталовъ (или années, какъ говоритъ ошибочно авторъ) и что въ реестрахъ таможни Colonge онъ записанъ. Онъ совѣтуетъ взять справку. Ibid.

скій купецъ Гисъ, дѣйствовавшій въ качествѣ коммиссіонера, не только покупалъ все, что приходило въ городъ, но еще закупилъ впередъ у африканской компаніи 30,000 шаржъ алжирскаго и тунисскаго хлѣба по 35 л. за шаржу со сдачей до урожая 1773 года. Этими операціями онъ сильно поднялъ цѣну, такъ что въ апрѣлѣ 1773 года алжирскій хлѣбъ продавался въ Марсели по 37 л., тунисскій 35 л. 10 с., а провансальскій по 50 л. шаржа [1]).

За отсутствіемъ возможности получить хлѣбъ съ Востока, вслѣдствіе русско-турецкой войны, за отсутствіемъ свободнаго хлѣба Африканской компаніи у марсельцевъ оставался еще ресурсъ въ Лангедокѣ. Но тутъ они наткнулись на конкурренцію извѣстной намъ фирмы Перруто и сына. Ставъ коммиссіонерами по покупкѣ хлѣба за счетъ короля и войдя въ то же время въ компанію съ Сореномъ и Думергомъ, и Думергомъ-отцомъ, они строятъ въ Лиль-Альби (l'Isle-Alby на Тарнѣ) и въ Гальякѣ (Gaillac) двѣ крупчатки (въ 1773 году) и ведутъ черезъ Бордо большую мучную торговлю, отправляя крупичатую муку во французскія колоніи въ Америкѣ. Весь барышъ предпріятія шелъ въ ихъ карманъ, а съ казны они получали коммиссіонныя по покупкѣ пшеницы перваго сорта, которую они замѣняли плохимъ зерномъ, а потомъ его и продавали за счетъ казны, тоже беря за это коммиссіонныя [2]). При такихъ благопріятныхъ условіяхъ они могли широко вести свои операціи и покупать хлѣбъ дороже, чѣмъ частные купцы, имѣя притомъ всегда въ распоряженіи готовыя деньги. Марсельцы въ своемъ мемуарѣ говорятъ, что купцы Дельпоръ (Delport), Мерсери (Mercery) и Депейръ (Depeyre) изъ Тулузы покупали за счетъ Сорена и Думерга, не торгуясь, и платили траттами изъ

---

[1]) Мемуаръ изъ Марсели 20 апрѣля 1773 г. K. 908. Авторъ мемуара, поданнаго Морепа, говоритъ, что 200,000 мѣръ (mesures), разрѣшенныхъ въ 1773 году алжирскимъ деемъ къ вывозу африканской компаніи для снабженія Прованса, были вывезены въ Лиссабонъ, и прибавляетъ, что Тюрго знаетъ подробности этого дѣла (Ibid.). Шаржа—мѣра хлѣба, употреблявшаяся преимущественно въ Провансѣ. Марсельская шаржа равна 300 мѣстнымъ или 250 ф. вѣса парижскаго.

[2]) Эта махинація устанавливается: 1) показаніемъ приказчика Перруто въ Лиль-Альби Перконталя, что королевскій хлѣбъ брался на муку; 2) перепиской Перруто съ Сореномъ, которую видѣлъ авторъ отвѣта на мемуаръ Сорена и Думерга; 3) счетами, найденными субъ-делегатомъ интенданта Лангдока въ Монтобанѣ у Перруто, и 4) докладомъ марсельцевъ, которые не знали, что Соренъ и Думергъ въ самомъ дѣлѣ агенты короля и, наконецъ, 5) докладомъ Альбера. K. 908

Бордо на Перруто и сына въ Монтобанѣ, а послѣдній трассировалъ на Сорена и Думерга въ Парижѣ. Дошедшія до насъ свѣдѣнія о счетахъ Перруто указываютъ на значительность операцій по торговлѣ крупичатой мукой. Счетъ съ 4 января 1773 года по 12 августа того же года имѣетъ итогъ въ 643,472 л. 10 с. и 6 д. Другой счетъ съ 12 сентября 1772 года по 14 сентября 1773 г. заключенъ съ итогомъ 1.021,000 л., счетъ съ 14 октября 1773 г. по апрѣль 1774 г. даетъ цифру 63,315 л. [1]).

Таковы главныя злоупотребленія агентовъ Сорена и Думерга, которыя, само собою разумѣется, производили сильное впечатлѣніе на публику уже одной грандіозностью своихъ размѣровъ. Марсельцы говорятъ въ заключеніе своего мемуара: „если Соренъ и Думергъ дѣйствуютъ отъ себя, то имъ надо запретить ихъ операціи якобы за счетъ короля, но если они въ самомъ дѣлѣ дѣйствуютъ за счетъ короля, то надо приказать имъ дѣйствовать осторожнѣе и имѣть разсудительныхъ коммиссіонеровъ, а не авантюристовъ“.

Кому же было сдержать ихъ, когда главный контролеръ ихъ дѣйствій С.-Престъ былъ ими купленъ? Въ 1773 и 1774 году они составили планъ еще большаго расширенія своихъ дѣйствій. Они предлагали взять на себя поставки хлѣба на армію и флотъ и, понятно, предложили такія выгодныя условія, какихъ никто не могъ представить. Считая дѣло почти конченнымъ, они, въ видѣ продовольственной мѣры, сплавили въ Марсель за счетъ казны значительное количество ржи, которая потомъ могла служить для поставки въ мѣстныя войска и флотскіе экипажи, но никакъ не могла имѣть значенія для мѣстныхъ жителей, ибо послѣдніе ржи не потребляли [2]). Проэктъ ихъ провалился въ началѣ царствованія Людовика XVI [3]).

Всѣ злоупотребленія, соединенныя съ системой покупать до-

---

[1]) Arch. Nat. K. 908. № 34. Observations (по дѣлу Сорена) ou Réponse au Mémoire der s-r Sorin et Doumerg. Ib. № 35. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли эти счеты, выписки изъ которыхъ приведены авторомъ (или авторами) этихъ документовъ.

[2]) Observations ou „Réponce au Mémoire“. K 908

[3]) Аббатъ Бодо зналъ объ этомъ проэктѣ. Онъ говоритъ, что аббатъ Террэ прецставилъ его королю Людовику XVI, „который очень не любитъ эти плутни съ хлѣбомъ“. Онъ передалъ этотъ проэктъ на разсмотрѣніе Морепа. Послѣ его замѣчаній проэктъ былъ положенъ въ конвертъ и отосланъ аббату безъ всякаго отвѣта. Bodeau. Chron. secrète. Revue Retrospective, т. I. p. 293.

роже, а продавать дешевле или, по большей мѣрѣ, по своей цѣнѣ, имѣли неизбѣжнымъ слѣдствіемъ парализацію частной хлѣбной торговли, начавшей организоваться подъ вліяніемъ хлѣбныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Свидѣтельства современниковъ на этотъ счетъ единодушны. Парламентъ Бордо въ своемъ представленіи 31 августа 1773 года жалуется на полное паденіе хлѣбной торговли вслѣдствіе регламентаціи и еще болѣе вслѣдствіе дѣятельности коммиссіонеровъ, которые пользовались полной свободой дѣйствія [1]).

Архіепископъ Экса въ письмѣ отъ 8 октября 1773 года генералъ-контролеру говоритъ: „продовольственныя мѣры вредны, когда торговля дѣйствуетъ, но теперь, когда она совершенно убита, эти мѣры необходимы“ [2]). Самъ аббатъ Террэ въ своемъ циркулярѣ отъ 27 сентября 1773 года къ интендантамъ косвенно признаетъ, что хлѣбная торговля остановилась, и объявляетъ, что теперь (т. е. въ наступившемъ сельско-хозяйственномъ году) „снабженіе провинцій произойдетъ путемъ торговли безъ опасенія конкурренціи со стороны правительства, которое обвиняли въ томъ, что оно остановило внутреннюю и внѣшнюю торговлю“ [3]).

Это заявленіе, а равно и такое же точно, сдѣланное на другой день въ письмѣ архіепископу Экса, были совершенно ложны. Въ это время уже былъ составленъ планъ продовольственныхъ предпріятій на 1773—74 годъ, по которому было предположено, кромѣ закупокъ внутри королевства, доставить изъ за границы 700,000 сетье [4]). И на самомъ дѣлѣ, хлѣбныя операціи правительства не прерывались и продолжались въ 1773—74 году, какъ нельзя лучше. Очевидно, самъ аббатъ Террэ и въ этомъ году, какъ и всегда, держался того воззрѣнія, что дѣятельность частной торговли причиняетъ только зло. Видя, что, несмотря на столько

---

[1]) Arch. Nat. F. 265.

[2]) Архіепископъ Экса (Jean de Dieu Raymond de Boisgelin de Cusé) подалъ въ сентябрѣ 1773 года мемуаръ, въ которомъ доказывалъ вредъ запрещенія каботажа чрезъ Марсель. Въ отвѣтъ на этотъ мемуаръ Террэ писалъ ему (28 сентября 1773 года), что торговля будетъ пользоваться полной свободой и что правительство не будетъ принимать продовольственныхъ мѣръ, которыя бы ее стѣсняли. Письмо архіепископа Экса было отвѣтомъ на это заявленіе министра. Arch. Nat. F[11] 265.

[3]) Ib. F[11] 265.

[4]) Мемуаръ о хлѣбныхъ операціяхъ, составленный, вѣроятно, въ августѣ 1773 г. Ibid.

усилій, употребленныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ, дороговизна все же велика, онъ спрашиваетъ интендантовъ, не происходитъ ли это отъ того, что „свобода торговли слишкомъ велика, и что ею занимается слишкомъ много лицъ и притомъ богатыхъ“ и что „землевладѣльцы и фермеры такъ разбогатѣли, что не торопятся съ продажами хлѣба“. Это онъ говоритъ въ томъ же циркулярѣ, въ которомъ объявляетъ, что отнынѣ снабженіе провинцій произойдетъ при посредствѣ торговли [1]).

Упадокъ торговли, какъ результатъ продовольственныхъ мѣропріятій правительства, въ свою очередь, вызывалъ все большее расширеніе послѣднихъ. Размѣры ихъ при Террэ были гораздо значительнѣе, чѣмъ при Лаверди: они раскинулись по всей Франціи и потребовали большихъ денегъ. Интересъ коммиссіонеровъ вліялъ также на расширеніе операціи. Они получали $2^0/_0$ коммиссіи съ суммы покупки и столько же съ суммы продажи хлѣба. Естественно было имъ стараться развить дѣло столь прибыльное [2]).

Операціи велись такимъ образомъ. Когда виды на урожай выяснялись, интенданты доставляли свѣдѣнія объ урожаѣ и соображенія о положеніи подвѣдомственныхъ имъ провинцій относительно продовольствія. Сообразно съ этими свѣдѣніями главные агенты составляли планъ компаніи на предстоящій годъ и представляли его на утвержденіе генералъ-контролера. Кромѣ того интенданты доставляли періодически вѣдомости о цѣнахъ хлѣба, которыя также служили указаніями для направленія операцій.

Тюрго говорилъ, что свѣдѣнія эти и невѣрны, и несвоевременны для того, чтобы ими можно было руководствоваться при производствѣ торговыхъ операцій. Операціи аббата Террэ страдали этимъ недостаткомъ. Такъ, свѣдѣнія генеральнаго контроля о состояніи урожая 1772 года были довольно успокоительны и хлѣбное управленіе не предполагало дѣлать большихъ закупокъ. По-

---

[1]) Съ правдой аббатъ Террэ не церемонился. Въ докладѣ „хлѣбной коммиссіи“ въ декабрѣ 1771 года онъ говорилъ. что вотъ уже годъ продовольствіе производится хлѣбомъ, покупаемымъ только за-границей. А изъ счетовъ Думерга видно, что съ 24 августа 1770 года по 1 сентября 1771 года внутри Франціи куплено хлѣба на 2.789,849 л. и изъ его собственныхъ циркуляровъ видно, что закупки въ широкихъ размѣрахъ производились во всей странѣ. Biollay. Pacte de Famine, стр. 187.

[2]) Кромѣ своей коммиссіи они ставили еще столько же въ видѣ коммиссіи ихъ агентовъ, такъ что правительство платило всего 8 проц. съ оборота. Arch. Nat. K. 908, № 35.

томъ оказалось, что неурожай очень силенъ въ Гіэни. Для удовлетворенія этой надобности закупили хлѣбъ сразу въ Марсели, гдѣ предполагался большой излишекъ. На самомъ дѣлѣ его не оказалось; вслѣдствіе этого цѣна хлѣба въ Провансѣ сильно поднялась. Пришлось хлопотать о продовольствованіи этой провинціи. Правительство послало уполномоченнаго купца въ Сицилію, который дѣйствовалъ какъ будто отъ себя и доставилъ хлѣбъ въ Марсель. Съ другой стороны, коммиссіонеры сплавили туда хлѣбъ даже изъ Лотарингіи. Выше мы видѣли, съ какими злоупотребленіями была связана эта послѣдняя операція, которая къ тому же запоздала. Въ концѣ концовъ, и Провансъ, и Гіэнь жаловались на дороговизну. Парламентъ Бордо говорилъ, что хлѣбъ доставлялся въ Гіэнь испорченный и что коммиссіонеры не принесли провинціи никакой пользы. Между тѣмъ покупки правительства внутри страны, говоритъ современникъ, „вызывали крики о монополіи. Какъ бы ни были несправедливы эти крики и лишены основанія, они произвели броженіе, которое, разъ начавшись, успокоивается съ трудомъ“. Далѣе онъ говоритъ, что это вызвало ложный недостатокъ хлѣба вслѣдствіе страха купцовъ, сообщавшагося публикѣ; послѣдствія были тѣ же самыя, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ хлѣба не было. Такова, говоритъ онъ, картина операцій, бывшихъ съ сентября 1772 года по іюль 1773 года [1]).

Въ 1773—74 году произошло обратное явленіе. Ураганъ 19 августа, разразившійся надъ Провансомъ и испортившій урожай, сильно поднялъ цѣны, такъ что въ сентябрѣ хлѣбъ „Африканской компаніи“, привозившей его изъ Алжира и Туниса [2]), стоилъ въ Марсели 38 л. за шаржу; съ доставкой внутрь провинціи онъ могъ обойтись, смотря по разстоянію, до 48 л. шаржа. Хлѣбъ мѣстнаго происхожденія доходилъ до 45 и 51 л. за шаржу. Это цѣны страшныя, особенно для сентября мѣсяца [3]). Изъ другихъ мѣстъ свѣдѣнія тоже были неутѣшительныя. Вслѣдствіе этого сдѣланы были

---

[1]) Мемуаръ въ бумагахъ генеральнаго контроля, составленный въ 1773 г. Ремонстрація бордосскаго парламента. Arch. Nat. F[11] 265

[2]) Африканская компанія была образована еще въ концѣ XVI в., въ началѣ XVIII она получила исключительное право торговли съ варварійскими владѣніями; въ 1741 году она была замѣнеиа новою, которая и существовала до революціи.

[3]) Мемуаръ архіепископа Экса. посланный Террэ въ сентябрѣ 1773 г. Цѣна въ 45 л. за шаржу была въ Дигѣ (Digue), а въ 51 л. въ Грассѣ (Grasse). Arch. Nat. F[11] 265.

значительныя покупки за-границей, не считая закупокъ внутри страны [1]). Посланы были заказы даже въ Америку. Но принятыя мѣры оказались излишними. Прибывшія партіи хлѣба не находили помѣщенія. Поэтому правительство потерпѣло большіе убытки. Чтобы хоть нѣсколько уменьшить ихъ, аббатъ Террэ приказалъ отправить въ Англію прибывшую изъ Америки муку. Кромѣ этого, Соренъ и Думергъ по собственному усмотрѣнію отправили туда же три корабля съ хлѣбомъ. Эти факты очень важны для пониманія нѣкоторыхъ моментовъ въ легендѣ о Pacte de Famine.

Фактъ отправки трехъ кораблей хлѣба въ Англію установленъ слѣдствіемъ, произведеннымъ Альберомъ надъ Сореномъ и Думергомъ. Въ своемъ докладѣ онъ говоритъ, что этотъ вывозъ произведенъ разновременно; относительно двухъ кораблей они сослались на одобреніе этой мѣры аббатомъ Террэ. Но это одобреніе дано было уже послѣ того, когда хлѣбъ былъ вывезенъ и „легко замѣтить, говоритъ Альберъ, что министръ, соглашаясь дать просимое одобреніе этой мѣры послѣ того, какъ она уже была совершившимся фактомъ, желалъ только покрыть своимъ приказомъ уже допущенную неправильность“ (faute). Что касается вывоза третьяго корабля, то въ оправданіе его они никакого приказа представить не могли [2]). Выше мы видѣли, что бывали и другіе случаи вывоза хлѣба, хотя вывозъ его и былъ строжайше запрещенъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Въ 1775 году Кондорсе писалъ: „еще недавно, когда вывозъ былъ запрещенъ закономъ, онъ былъ разрѣшаемъ привилегированнымъ лицамъ секретными приказаніями“ [3]).

Благодаря самой системѣ дѣйствій столько же, какъ и злоупотребленіямъ, потери казны на хлѣбныхъ операціяхъ аббата Террэ были весьма значительны. Тюрго говоритъ въ своемъ мему-

---

[1]) Предположено было купить частью въ Италіи, частью въ Польшѣ 700,000 сетье и распредѣлить ихъ: въ Гавръ и Руанъ—180,000, С.-Мало—30,000, Брестъ—10,000, Нантъ—20,000, Ларошель—10,000, Бордо—200,000, Байону—10,000, Дюнкирхенъ—40,000, Провансъ—200,000. Мемуаръ, составленный въ августѣ или сентябрѣ 1773 г. Ibid. Изъ баланса на 12 сентября 1774 г. видно, что куплено было на 9.548,040 л., а продано всего на 2.982,803 л. Biollay Pacte de Famine, p. 201.

[2]) Мука въ Америкѣ была заказана въ 1771 году; она пришла очень поздно, когда цѣны пали, а потому часть ея была вывезена за-границу. Biollay. Pacte de Famine, p. 201.

[3]) Condorcet. Lettre d'un Laboureur de Picardie (ed. Guillaumin, t. I p. 489).

арѣ, представленномъ парламенту въ 1774 году, что потери эти съ октября 1770 года по августъ 1774 года выразились цифрой 14.350,000 л. [1]). Составляя свой счетъ, Тюрго не имѣлъ въ виду наличности хлѣба, который былъ потомъ проданъ за четыре милліона, такъ что убытокъ долженъ быть сокращенъ, хотя и не на всю эту сумму, такъ какъ въ счетъ Тюрго не вошли многіе расходы хлѣбнаго управленія [2]).

Эти значительныя потери были не безвыгодны для завѣдывающихъ хлѣбными операціями и коммиссіонеровъ. Они получали 2% коммиссіи съ суммы покупокъ и столько же съ продажъ, не считая ихъ расходовъ. Не говоря о побочныхъ доходахъ, которые тоже были не маленькими, ихъ законное вознагражденіе составило только по 1 января 1772 года сумму 3.300,000 л., что составляетъ болѣе 200,000 л. въ годъ [3]).

Оказывается, что только главные агенты правительства и ихъ подручные коммиссіонеры и остались въ барышахъ отъ продовольственныхъ мѣропріятій правительства, потому что потребители отъ этого ничего не выиграли. Тюрго говоритъ въ своемъ мемуарѣ, что „дороговизна послѣднихъ лѣтъ была вызвана продо-

---

[1]) Эта цифра составляется изъ слѣдующихъ статей: 1) pour le grand approvisionnement—11 000,000; 2) par supplément pour la Guienne—200,000; 3) pour un autre approvisionnement, grains d'Italie—2.450,000; 4) pour la Franche-Comté—250,000; 5) pour la Lorraine—150,000; 6) en bled de Champagne pour Paris par Mallisset—300,000; всего же 14.550,000 л. F[11] 265. Потери только за часть 1770 г. и за 1771 годъ составили 1.900,000 л. Обороты за это же время до 30 сентября 1771 года составили: покупки за-границей на 5.416,996 л, внутри страны—2.799,809 л., а съ расходами все составило сумму около 10.000,000 л. за время меньше чѣмъ полтора года. Biollay. Pacte de Famine, p. 200.

[2]) Мемуаръ (Aubé) 1777 года говоритъ, что казначей хлѣбной кассы Роганъ, замѣнившій въ 1774 году Мирлаво, занимался возвратомъ суммъ, истраченныхъ Сореномъ и Думергомъ на хлѣбъ. Этотъ возвратъ составилъ 4—5 милліоновъ, изъ которыхъ большая часть поступила въ кассу, а часть пошла на нужды хлѣбнаго управленія по приказамъ администраторовъ. Arch. Nat. F[11] 265.

[3]) Вычисленіе Біоллэ, стр. 200. Оно гораздо ниже дѣйствительности, потому что, во-первыхъ, наиболѣе значительные обороты были въ 1773 году, во-вторыхъ, они ставили на счетъ еще коммиссію своихъ агентовъ (2 проц. съ покупки и 2 проц. съ продажи), въ-третьихъ, они вели большую торговлю мукой, о которой мы упоминали выше, и въ-четвертыхъ, они выигрывали на казенныхъ деньгахъ, пуская ихъ въ свои обороты и считая себѣ съ казны процентъ на эти самыя деньги. Такъ, 30 апрѣля 1771 г. они получили изъ казны 45,000 ф., а на другой день они уже считали проц. казнѣ, какъ будто у нихъ денегъ не было (докладъ Альбера).

вольственными мѣропріятіями правительства, простиравшимися на все государство". Бордоскій парламентъ заявлялъ, что Гіэнь не извлекла никакой пользы отъ затратъ, которыя сдѣланы были на ея продовольствіе [1]). Современники спрашивали, какая провинція получила помощь отъ хлѣбныхъ операцій правительства, и не находили отвѣта на этотъ вопросъ. Можно было бы указать на Лимузенъ и Ангумуа; но эти провинціи получили денежную помощь правительства, которая, благодаря разумному употребленію и самоотверженной энергіи Тюрго, принесла свою пользу именно потому, что онъ не держался той системы, которой держался аббатъ Террэ.

Таковы были въ главныхъ чертахъ тѣ хлѣбныя операціи, которыя дали поводъ публикѣ обвинять правительство въ спекуляціяхъ хлѣбомъ съ цѣлью барыша. Теперь мы можемъ, сравнивая эти обвиненія съ дѣйствительностью, представить себѣ довольно ясно поводы общественныхъ толковъ и опредѣлить, что̀ въ нихъ было истиннаго. Молва обвиняла правительство, что оно спекулируетъ на повышеніе. Впослѣдствіи къ этимъ спекуляторамъ присоединили и самого короля.

Мы видѣли, что правительство не только не спекулировало на повышеніе, а несло значительныя потери: оно, можно сказать, спекулировало на пониженіе. Но эти самыя спекуляціи производили обратный результатъ, такъ что фактически было почти все равно, какъ если бы оно спекулировало на повышеніе.

Говорили, что существуетъ правительственная компанія монополистовъ, захватившая въ руки всѣ хлѣбныя операціи страны.

Такой компаніи не было. Мы знаемъ, что существовала компанія хлѣботорговцевъ, ставшихъ, благодаря извѣстнымъ условіямъ, почти монополистами; но она дѣйствовала весьма недолго и операціи ея не простирались на все государство. Но несомнѣнно, что при аббатѣ Террэ масса привилегированныхъ агентовъ правительства поставлены были въ такое положеніе, что они монополизировали хлѣбную торговлю въ значительной мѣрѣ и извлекали изъ этого значительныя выгоды. Аббатъ Террэ и люди, державшіеся съ нимъ однихъ воззрѣній на хлѣбную торговлю, приходили въ ужасъ отъ возможности з а х в а т а хлѣба частными купцами. Что̀ же они сдѣлали? Они замѣнили ихъ тѣми же купцами, только привиллегированными, съ которыми конкурренція была невозможна. Держась воззрѣній чуть не XV вѣка, они старались возстановить

---

[1]) Arch. Nat. F. 265

тѣ условія, въ которыхъ стояли потребитель и производитель, когда еще не было очень крупныхъ центровъ, когда даже въ Парижѣ множество гражданъ сами возили зерно на мельницу, сами пекли себѣ хлѣбъ, когда типомъ купца былъ blatier (мелкій хлѣботорговецъ), когда такіе купцы какъ „grainiers“, были еще рѣдкостью, а о такихъ спеціалистахъ, какъ „fariniers“ и слыхомъ не слыхивали [1]). Возстановляя для частныхъ купцовъ, изъ опасенія ихъ монополіи, регламенты стародавняго времени, правительство волей неволей должно было освободить отъ ихъ соблюденія тѣхъ купцовъ, которые стали его агентами, и тѣмъ, конечно, только усиливало ихъ монопольное положеніе и возбуждало подозрѣніе относительно своего участія въ ихъ злоупотребленіяхъ. Такъ какъ дѣйствія правительства старались держать подъ покровомъ тайны, а отдѣльныя части ихъ выходили наружу, то для общественной фантазіи было открыто широкое поле, и она дошла до тяжкихъ обвиненій, не щадившихъ даже главы государства.

Говорили о вывозѣ хлѣба то въ Португалію, то въ Швейцарію, то на острова Джерсей и Гернсей, въ послѣднемъ случаѣ съ цѣлью обратнаго ввоза его, когда дороговизна достигнетъ высшей точки.

Подобной системы не было; но эти толки, какъ читатель легко догадается, имѣли своимъ поводомъ тѣ случаи вывоза хлѣба, которые дѣйствительно были, но которые имѣли цѣлью избавить казну отъ бо́льшихъ убытковъ, а въ иныхъ случаяхъ были результатомъ злоупотребленій. Никакихъ „адскихъ махинацій“ эти факты подъ собою не имѣли. Но, повторяемъ, публика ничего не знала. По пословицѣ: „шила въ мѣшкѣ не утаишь“, случаи вывоза становились извѣстными публикѣ въ видѣ неопредѣленныхъ слуховъ. Куда вывезли? Сколько вывезли? Почему вывезли? Ничего этого не знали, а потому и фантазировали свободно на данную тему. Но, какъ мы видѣли въ другихъ случаяхъ, такъ и тутъ въ основѣ фантазіи были конкретные факты.

Итакъ, Pacte de Famine не существовалъ въ смыслѣ орга-

---

[1]) Delamare. Traité de Police, t. II, p. 61. Онъ еще не знаетъ „farinier“, т. е. купца, торгующаго спеціально мукою. Онъ только знаетъ blatier, мелкаго торговца, который торгуетъ только хлѣбнымъ зерномъ, и grainier, торгующаго всякимъ зерномъ и ведущаго болѣе крупныя операціи. Изъ нѣкоторыхъ бумагъ генеральнаго контроля семидесятыхъ годовъ XVIII вѣка видно, что „мучники“ составляли тогда явленіе сравнительно новое.

низованнаго правительствомъ общества съ цѣлью спекулировать на народный голодъ.

Легенда о немъ не есть дѣло рукъ революціонеровъ, какъ это утверждаетъ Боръ въ своей исторіи Pacte de Famine. Она не принадлежитъ исключительно Ле-Прево, котораго ошибочно называютъ единственнымъ свидѣтелемъ и авторомъ статей въ „Moniteur'ѣ“ (Боръ и Біоллэ).

Статьи въ „Moniteur Universel“ служатъ главнымъ источникомъ легенды о Pacte de Famine въ томъ видѣ, какъ она явилась въ литературѣ и исторіографіи XIX вѣка; но сами эти статьи коренятся въ преданіи, сложившемся раньше.

Преданіе это есть продуктъ общественной фантазіи, разыгравшейся на почвѣ реальныхъ фактовъ, каковы спекуляціи компаніи Малиссе и особенно хлѣбныя операціи аббата Террэ и его главныхъ сотрудниковъ.

Капиталъ, спекуляція и банкиры.

(Claudio Jannet. Le capital, la speculation et la finance. Paris).

Имя г. Клодіо Жанне не безъизвѣстно русской публикѣ, по крайней мѣрѣ, той ея части, которая интересуется экономическими и соціальными вопросами. Его книги о современномъ положеніи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки (Les Etats Unis contemporains, ou les institutions, les moeurs et les idées depuis la guerre de sécession, 4-me édition, 2 vol.) и о государственномъ соціализмѣ (Le socialisme d'Etat et la reforme sociale, 2-me édition, I vol.) были замѣчены и по достоинству оцѣнены читающей публикой. Недавно онъ выпустилъ въ свѣтъ новое объемистое сочиненіе, заглавіе котораго мы привели выше. Въ немъ авторъ знакомитъ читателя и разбираетъ вопросы наиболѣе современные и интересные для общественной жизни. Кто не слышитъ споровъ по поводу взаимнаго положенія труда и капитала въ производствѣ и жалобъ перваго на непомѣрную эксплоатацію со стороны послѣдняго; кого не интересуютъ вопросы поземельнаго устройства и поземельнаго кредита; кто изъ насъ не читаетъ въ газетахъ разсказовъ объ огромныхъ стачкахъ и спекуляціяхъ капиталистовъ на тѣ или другіе предметы потребленія или же матеріалы производства и, наконецъ, кто изъ насъ не читаетъ подчасъ наивныхъ разсужденій экономистовъ нѣкоторыхъ органовъ печати о причинахъ колебанія курса нашего нѣжнаго рубля и о всемогуществѣ биржевиковъ въ распоряженіи этой денежной единицею?

Какъ ни разнится по своему развитію наша экономическая жизнь отъ западно-европейской и, главнымъ образомъ, отъ жизни

Англіи, Франціи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, но и мы у себя видимъ такія явленія, какъ стачки сахарозаводчиковъ и водочныхъ заводчиковъ, жалобы на беззастѣнчивую эксплоатацію рабочихъ фабрикантами, на развитіе вліянія биржевиковъ и расширеніе дѣятельности банковъ. Всѣ эти явленія мы видимъ у насъ въ иномъ масштабѣ, но тѣмъ интереснѣе намъ знакомиться съ прототипами этихъ явленій въ полномъ ихъ развитіи и въ большихъ размѣрахъ, что это знакомство дастъ намъ возможность вѣрнѣе понимать значеніе того, что у насъ находится въ зародышномъ состояніи. Съ этой точки зрѣнія я нахожу книгу г. Клодіо Жанне очень интересною и поучительною для русскихъ читателей. Къ тому же она написана безъ всякихъ претензій на ученую тему и такъ ясно, что люди съ элементарнымъ знакомствомъ съ политической экономіей могутъ читать ее безъ затрудненія.

Это объемистое сочиненіе въ 570 страницъ (не считая приложеній) заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: I. Объ образованіи класса богатыхъ и о такъ называемыхъ историческихъ несправедливостяхъ. II. Капиталистическая промышленность и торговля въ новѣйшее время. III. Движимый капиталъ и всемірный денежный рынокъ. IV. Возвышеніе цѣнности земли и спекуляція на земли. V. Анонимныя акціонерныя общества. VI. Нравственность въ промышленности и въ торговлѣ. VII. Коммерческія спекуляціи. VIII. Скупщичество въ торговлѣ и промышленные синдикаты. IX. Биржа и ея роль въ экономіи современнаго общества. X. Государственные и общественные займы и международные денежные тузы (la finance internationale). XI. Исторія денежныхъ классовъ въ XVII и въ XVIII вѣкахъ. XII. Образованіе крупныхъ банкировъ и развитіе денежныхъ рынковъ въ XIX вѣкѣ. XIII. Заключеніе. Что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать. Въ приложеніи находится статья—монетный вопросъ въ 1892 году.

Наиболѣе интересными представляются мнѣ главы о возвышеніи цѣнности земли, объ анонимныхъ акціонерныхъ обществахъ, о коммерческихъ спекуляціяхъ, о скупщичествѣ и промышленныхъ синдикатахъ и о дѣятельности и роли биржи и банкировъ въ современномъ обществѣ.

Съ возвышеніемъ цѣнности земли находится въ связи спекуляція на земли. Люди предпріимчивые, предвидя барыши отъ автоматическаго возвышенія цѣны на земли, скупаютъ ихъ боль-

шими кусками, чтобы продать ее мелкими участками по болѣе дорогой цѣнѣ земледѣльцамъ.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ дойти до того, кто путемъ труда будетъ извлекать доходъ изъ нея, земля проходитъ черезъ руки тѣхъ, кто не сѣетъ, не жнетъ, но собираетъ въ житницы, пользуясь только своимъ умѣніемъ захватить то, что плохо лежитъ. Г. Клодіо Жанне указываетъ на такого рода спекуляціи на земли, происходящія и сейчасъ въ западной части Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и, повидимому, мирится съ этимъ явленіемъ; онъ даже подыскиваетъ ему оправданіе въ томъ, что означенные предприниматели, прежде чѣмъ продать землю въ руки земледѣльца, производятъ въ ней такія улучшенія, которыя не подъ силу мелкому землевладѣльцу; какъ то: ирригаціонныя работы, дренажи и т. д. Но мнѣ кажется такое оправданіе крайне натянутымъ, потому что эти грабители земли крайне рѣдко оказываютъ услуги земледѣлію, а всегда почти ограничиваются тѣмъ, что кладутъ себѣ въ карманъ высокое вознагражденіе за совершенно безполезное посредничество. Дѣлаютъ ли они этотъ захватъ помощью денегъ только, какъ это дѣлаютъ сѣверо-американскіе капиталисты, или пользуются для этого и своимъ бюрократическимъ положеніемъ, какъ это дѣлали на нашихъ глазахъ уфимскіе культуртрегеры, подобныя операціи съ экономической точки зрѣнія вредны, а съ нравственной крайне антипатичны. Тамъ, гдѣ у государственной власти отнимается господствующими взглядами активная роль въ экономической жизни и гдѣ она осуждается на роль жандарма, преслѣдующаго мелкихъ воришекъ и берущаго подъ козырекъ передъ крупными, тамъ такія спекуляціи не встрѣчаютъ удержу; наоборотъ, сильная и активная правительственная власть, являющаяся представителемъ общаго интереса, признаетъ свободныя земли общественнымъ достояніемъ и сама распорядится ихъ колонизаціею, согласно интересамъ трудящихся массъ. Выраженіе этого взгляда мы видимъ у насъ въ недавнемъ распоряженіи правительства о заселеніи земель въ Сибири. Г. Клодіо Жанне увидитъ, пожалуй, въ этомъ предназначеніи земли исключительно въ пользу земледѣльцевъ опасное вмѣшательство государственной власти въ экономическія отношенія; но эта то боязнь государственнаго вмѣшательства, проходящая красною нитью черезъ всю книгу и составляющая, по моему мнѣнію, ея слабую сторону, эта боязнь мѣшаетъ автору иногда рекомендовать рѣшительныя средства тамъ, гдѣ они существенно необходимы для защиты инте-

ресовъ большинства отъ необузданной жадности и произвола немногихъ плутократовъ.

Одной изъ формъ эксплоатаціи земледѣлія капиталомъ является ипотечный кредитъ. Г. Клодіо Жанне справедливо указываетъ на опасность, вытекающую изъ возрастающей задолженности земель, особенно тамъ, гдѣ развитіе ипотечнаго кредита встрѣчается съ населеніемъ, неподготовленнымъ для пользованія имъ. „По всей восточной Европѣ, говоритъ онъ, въ Венгріи, въ Румыніи, въ Польшѣ, въ Алжирѣ, въ Египтѣ, въ Англійской Индіи экономическая свобода была введена среди такого сельскаго населенія, которое было къ ней мало подготовлено. Свободное распоряженіе землею—съ одной стороны, просторъ, предоставленный евреямъ и ростовщикамъ всякой національности—съ другой, повели къ обезземеленію крестьянина или же къ его кабалѣ, такъ что представляется нужнымъ возвращеніе къ прежнимъ учрежденіямъ, оказывавшимъ покровительство крестьянину“.

„Въ западной Европѣ изслѣдованія Сброжавака (Sbrojavacca sul valore della proprietà fondiaria rustica) выводятъ,—само собою разуется съ большою приблизительностью,—отношеніе между долгомъ, лежащимъ на земляхъ, и ихъ продажною стоимостью въ 13 проц. для Франціи, въ 14 проц. для Италіи, въ 20 проц. для Голландіи, въ 25 проц. для Австріи, въ 30 проц. для Германіи и въ 40 проц. для Ирландіи. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ увеличеніе земельнаго долга въ послѣдніе годы вызываетъ безпокойство. Такъ, въ Иллинойсѣ (не считая Чикаго) число должниковъ было въ 1870 году 66,377 съ земельнымъ долгомъ на 95.721,003 доллара, а въ 1880 году число должниковъ было 80,759 съ суммою долга 103.525,237 долларовъ; въ 1887 году число должниковъ достигло до 90,389, а сумма ихъ долга до 123.733,095 долларовъ. Это увеличеніе задолженности далеко опередило увеличеніе цѣнности земли за тоже время и было результатомъ слишкомъ большой погони земледѣльческихъ банковъ за дивидендами. Эта задолженность дѣлаетъ то, что при неудачныхъ урожаяхъ фермеры бросаютъ свои земли и переселяются. Такъ, штатъ Канзасъ потерялъ въ 1888—89 году 53,636 жителей вслѣдствіе засухи, которая постигла многія мѣстности этого штата въ 1888 году. Надо указать, однако, что земельный кредитъ подвергся гораздо меньшему развитію, чѣмъ кредитъ, которымъ пользуются промышленники и торговцы. Въ то время, какъ послѣдніе могутъ пользоваться во Франціи и Ан-

гліи кредитомъ даже за $1^1/_2$ проц. въ годъ, поземельная собственность не можетъ найти кредита дешевле $4^1/_2$ проц. Во Франціи, благодаря монополіи „Земельнаго Кредита“ (Crédit Fóncier), созданной еще въ 1867 году, ипотечный кредитъ стоитъ въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ въ Германіи и въ Италіи, гдѣ существуетъ довольно учрежденій средняго и мелкаго поземельнаго и сельскохозяйственнаго кредита. Французскій „Земельный Кредитъ“, вмѣсто развитія ипотечнаго кредита, оказывалъ и оказываетъ содѣйствіе спекуляціямъ на земли; въ противность своему уставу, онъ занимается биржевыми и эмиссіонными операціями и, давая огромные дивиденды своимъ акціонерамъ, въ то же время даетъ правительству средства для увеличенія секретнаго фонда. „Всѣ выгоды хорошо устроеннаго земельнаго кредита пропадаютъ, говоритъ въ заключеніе г. Клодіо Жанне, и онъ приноситъ одинъ вредъ, когда погоня за дивидендами со стороны банковъ расширяетъ кредитъ за предѣлы благоразумія или поощряетъ спекуляцію на землю“.

Значительные размѣры отдѣльныхъ предпріятій и большая подвижность капиталовъ сдѣлали недостаточною ту форму ассоціаціи, которая была извѣстна прежде, т. е. товарищество, основанное на договорѣ извѣстныхъ лицъ. Потребовалась такая форма, которая бы предоставляла предпріятію большіе капиталы и въ то же время предоставляла возможность отдѣльнымъ участникамъ выходить изъ предпріятія, передавая свою часть третьему лицу. Такой формой явилось анонимное акціонерное общество. Насколько выгодна эта форма для развитія промышленности и торговли, давая возможность образованію такихъ громадныхъ предпріятій, какія нашимъ дѣдамъ и во снѣ не грезились, на столько она допускаетъ возможность колоссальныхъ злоупотребленій. Послѣднія связаны или съ основаніемъ дѣла, или съ веденіемъ его. Злоупотребленія по учрежденію акціонерныхъ обществъ заключаются въ томъ, что авантюристы высокаго полета берутся за учрежденіе предпріятій дутыхъ, имѣя въ виду получить такъ называемыя учредительскія, обыкновенно въ видѣ акцій; собравъ деньги за выпущенныя акціи, они ставятъ во главѣ управленія ничтожныхъ людей, различными ловкими маневрами поддерживаютъ курсъ акцій, пока не успѣютъ сбыть своихъ, а затѣмъ предоставляютъ предпріятіе его собственной судьбѣ. Легковѣрные акціонеры теряютъ свои капиталы въ предпріятіи, которое не имѣло будущности. Про-

дажная печать значительно содѣйствуетъ успѣху этихъ мошенничествъ. „L'Assurance Financiére“ открыло подписку на 100,000 билетовъ сбереженія (bon d'epargne) по 250 фр. каждый, то директоръ этого общества Буланъ уплатилъ г. Ксо (Xau), журналисту, 2.850,000 фр. за публикаціонные расходы въ газетахъ Парижа и департаментовъ, что составило 11,4 проц. съ подписной суммы. Даже такія учрежденія какъ „Credit Foncier“ прибѣгаютъ къ подобнымъ средствамъ. По поводу расхода на публикаціи въ 2 милл. франковъ ежегодно директоръ этого учрежденія Кристофль писалъ: „Я состою директоромъ большого финансоваго учрежденія, мнѣ нужно пріобрѣтать благосклонность общественнаго мнѣнія, и я плачу за это“. Два милліона франковъ ежегодно, распредѣляемыхъ ежемѣсячно между журналами—однимъ за молчаніе, другимъ за похвалы, это показалось уже слишкомъ много ревизорамъ земельнаго кредита. „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, бывшая долго оффиціознымъ органомъ Бисмарка, составляетъ собственность гамбурскихъ евреевъ банкировъ. Въ Вѣнѣ можно перечесть по пальцамъ независимые журналы, т. е. такіе, которые не составляютъ собственность еврейскихъ банковъ.

Злоупотребленія по веденію акціонерныхъ предпріятій чрезвычайно разнообразны. То они заключаются въ прямомъ хищеніи,—это самая грубая форма ихъ,—то въ махинаціяхъ съ цѣлью погубить одно предпріятіе, дабы дать больше выгодъ другому, въ которомъ администраторы или нѣкоторые изъ нихъ болѣе заинтересованы, и т. д. Эти злоупотребленія тѣмъ легче совершаются, что по самой сложности и громадности предпріятій,—контроль ихъ представляется крайне затруднительнымъ. Когда же эти злоупотребленія обнаруживаются, то оказывается, что или авторовъ ихъ и слѣдъ простылъ или же что преступленія ихъ покрыты давностью, или, наконецъ, что отвѣтственность уголовная ничтожна сравнительно съ извлеченными изъ преступленія выгодами, а гражданская отвѣтственность равняется нулю предъ величиною нанесеннаго обществу убытка. Такъ, напримѣръ, Секретанъ, Гентшъ и другіе воротилы „Металлическаго общества“ (Sociétè de Métaux), въ тоже время бывшіе вліятельными членами „Учетной конторы“ (Comptoire d'Escompte), послѣ краха обоихъ этихъ учрежденій въ 1889 г. отказались отъ всего состоянія, и не смотря на то, что оно считалось милліонами (только одна картина Мійе (Millet) L'angelus, принадлежавшая Секретану, продана была съ аукціона болѣе чѣмъ за полмилліона франковъ), это состояніе оказалось ничѣмъ сравнительно съ громадностью убытковъ.

Въ данномъ дѣлѣ, надѣлавшемъ столько шуму въ Парижѣ, были на лицо типическія черты злоупотребленій, бывающихъ въ анонимныхъ обществахъ. Члены совѣта металлическаго общества были въ то же время членами совѣта учетной конторы. Затѣявъ свою гигантскую спекуляцію на мѣдь, Секретанъ съ сотоварищами, пользуясь своимъ положеніемъ членовъ совѣта, увлекли въ нее учетную контору. Когда стали обнаруживаться убытки, то начались манипуляціи съ счетоводствомъ для ихъ сокрытія. Такъ называемые спеціальные счеты (comptes specioux), въ родѣ переходящихъ суммъ въ нашихъ банкахъ, въ которыхъ прятались убытки, достигли въ балансахъ учетной конторы на 1-е января 1889 года громадной цифры 87 милліоновъ, т. е. равнялись почти всему капиталу этого банка. Заинтересованные въ спекуляціи члены совѣта—этого не видѣли, потому что не хотѣли видѣть, а другіе не видѣли—вслѣдствіе равнодушія къ дѣлу. Гентшъ, предсѣдатель совѣта учетной конторы, на вопросъ слѣдователя, какъ это ежемѣсячные доклады директора Данфера-Рошро давно не открыли ему глаза на опасность положенія, не сморгнувъ глазомъ, отвѣчалъ: „Да, но эти доклады приготовлялись директорами впередъ и такъ какъ они не заключали въ себѣ животрепещущаго интереса, то ихъ слушали однимъ ухомъ (d'une oreille, assez distraite). Тутъ мы видимъ, по крайней мѣрѣ, что хоть цифры въ балансѣ были, и только понимать ихъ нельзя не посвященному человѣку; а вотъ американскіе воротилы нерѣдко весь балансъ составляютъ изъ фантастическихъ цифръ и дѣлаютъ это не только для сокрытія злоупотребленій, но, какъ они говорятъ, для сохраненія коммерческой тайны отъ своихъ конкуррентовъ.

Необходимость устранить легкость злоупотребленій сознается и лучшими людьми общества и правительствами многихъ странъ. Въ Италіи въ 1882 г., въ Германіи въ 1884 г., въ Бельгіи въ 1886 г. и въ Португаліи въ 1888 г. были введены реформы въ акціонерномъ законодательствѣ. Въ Германіи, напримѣръ, законъ точно опредѣлилъ понятіе учредителей и призналъ ихъ отвѣтственными въ теченіе пяти лѣтъ со дня открытія дѣйствій общества за неправильности, допущенныя при его основаніи. Съ цѣлью введенія болѣе дѣйствительной повѣрки счетоводства акціонерныхъ обществъ, въ Англіи еще въ 1870 году образовалась корпорація счетоводовъ, представляющихъ публикѣ гарантіи компетентности и профессіональнаго знанія. Въ 1881 году парламентъ предоставилъ этой корпораціи, и только ей одной, право называться Chartered

accountants of the United Kingdom. Французское законодательство, говоритъ г. Клодіо Жанне, осталось позади всѣхъ другихъ со своимъ закономъ 1867 года, который совершенно не соотвѣтствуетъ теперешнему развитію акціонернаго дѣла и не предусматриваетъ множества совершающихся въ немъ злоупотребленій. Авторъ указываетъ на тѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, должны быть приняты для исправленія зла; но мы оставимъ въ сторонѣ эти указанія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онѣ не имѣютъ интереса для русскаго читателя.

Въ главѣ о спекуляціяхъ торговыхъ и промышленныхъ г. Клодіо Жанне подробно знакомитъ читателя съ продажами на срокъ и со сдѣлками на премію и разъясняетъ различіе спекуляціи отъ игры, ажіотажа и скупщичества. Насколько первая въ качествѣ расчета и предвидѣнія будущаго составляетъ душу промышленности и торговли, настолько послѣдніе составляютъ аксессуары и злоупотребленія вовсе не связанныя съ сущностью дѣла. Продажа товара на срокъ не требуетъ, чтобы этотъ послѣдній существовалъ на лицо у продавца въ моментъ совершенія сдѣлки, но только, чтобы была увѣренность въ возможности достать его. При такомъ условіи сдѣлка будетъ имѣть совершенно серьезный характеръ. Смыслъ сдѣлокъ на срокъ будетъ виденъ изъ слѣдующаго примѣра: гаврскій негоціантъ получаетъ изъ Нью-Орлеана извѣстіе, что для него куплена партія хлопка. Разъ онъ встрѣчаетъ подходящую цѣну, онъ продаетъ на срокъ купленную партію. Затѣмъ онъ получаетъ извѣстіе, что его партія высокаго качества, и видитъ, что онъ ее можетъ продать дороже наличною, чѣмъ продалъ на срокъ. Тогда онъ самъ дѣлаетъ покупку того же количества и на тотъ же срокъ, на который самъ продалъ его, и этою покупкой покрываетъ свою продажу и, такимъ образомъ, освобождаетъ свою партію. Въ данномъ случаѣ сдѣлка на срокъ имѣетъ характеръ страховки себя отъ убытка. Еще болѣе характеръ страхованія имѣютъ сдѣлки на премію, при которыхъ и продавецъ, и покупщикъ выговариваютъ себѣ напередъ лишь опредѣленную потерю и опредѣленную выгоду при разницѣ между курсомъ дня и цѣною, условленную въ сдѣлкѣ. Какъ бы то ни было, но изъ сказаннаго ясно, что при существованіи продажи на срокъ число сдѣлокъ становится большимъ, чѣмъ дѣйствительная передача товара изъ рукъ въ руки. Эта мультипликація сдѣлокъ принимаетъ особенно большіе размѣры въ моментъ оживленія торговыхъ оборотовъ. Такъ, напримѣръ, въ Антверпенѣ въ 1888 году

было продано 3 милліона килограммовъ шерсти, а сдѣлокъ было на 30 милліоновъ; въ 1889 г. цифра сдѣлокъ достигла 60 милліоновъ килограммовъ. Въ первомъ семестрѣ 1887 года продано было въ Нью-Іоркѣ 48.836,000 бушелей хлѣба, а сдѣлокъ на срокъ было на 867.594.000 бушелей, т. е. на количество въ 17 разъ большее.

Американскій писатель Стивенсъ вычисляетъ, что на всѣхъ хлѣбныхъ рынкахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ продано было на срокъ въ упомянутомъ году четыре милліарда бушелей, т. е. количество хлѣба, превышающее вдвое годичное производство всего міра. Со сдѣлками на срокъ соединено существованіе на многихъ рынкахъ Франціи, Англіи, Германіи и Америки, такъ называемыхъ ликвидаціонныхъ палатъ, которыя сводятъ счеты между негоціантами по ихъ сдѣлкамъ и вмѣстѣ являются иногда посредниками между ними при возникающихъ между ними недоразумѣніяхъ или же проявленіи злостныхъ вліяній на курсы. Со сдѣлками на срокъ связаны злоупотребленія весьма значительныя, особенно скупка и вліяніе на курсы съ цѣлью заставить уплатить большія разницы. О скупкахъ рѣчь впереди; что же касается искусственнаго вліянія на курсы, которое производится съ цѣлью получить разницу при ликвидаціи, то оно вызываетъ повсюду справедливыя жалобы и требованіе преслѣдованія подобнаго рода плутней. Въ Берлинѣ въ рейхстагѣ заявлялось требованіе обложить сдѣлки на срокъ чрезмѣрно высокимъ налогомъ. Это требованіе удовлетворено было лишь въ предѣлахъ благоразумія. Рейхстагъ установилъ налогъ въ 0,2 % съ тысячи; онъ не стѣснилъ сдѣлокъ на срокъ, но государство получило отъ него въ 1889 году 18 мил. марокъ. Многія ликвидаціонныя камеры Германіи разрѣшали, въ случаѣ установленія искусственныхъ курсовъ, отсрочку самой ликвидаціи; нѣкоторыя французскія ликвидаціонныя камеры требуютъ отъ спекулянтовъ значительныхъ депозитовъ съ самаго начала и тѣмъ стѣсняютъ чрезмѣрную спекуляцію; нѣкоторые судебные приговоры во Франціи опредѣляютъ размѣры разницы, подлежащей уплатѣ, оставляя безъ вниманія „фантастическіе и произвольные курсы“, существовавшіе въ день ликвидаціи. Г. Клодіо Жанне считаетъ практичнымъ, чтобы ликвидаціонныя палаты требовали значительныхъ первоначальныхъ взносовъ отъ спекулятороvъ и чтобы въ уставахъ этихъ палатъ существовало правило, опредѣляющее впередъ максимумъ колебанія. Что касается судебнаго преслѣдованія за ажіотажъ съ цѣлью созданія искусствен-

ныхъ курсовъ, то авторъ опасается, чтобы вмѣстѣ съ ажіотажемъ не преслѣдовались вполнѣ серьезныя сдѣлки на срокъ, такъ какъ отличить одно отъ другого очень трудно. По нашему мнѣнію, опасеніе это неосновательно, ибо разъ авторъ допускаетъ произволъ сильныхъ спекуляторовъ въ установленіи фиктивныхъ курсовъ съ цѣлью обиранія публики, то надо допустить и нѣкоторый произволъ суда въ констатированіи этихъ маневровъ, ускользающихъ отъ точнаго законодательнаго опредѣленія; оружіе обороняющагося опредѣляется оружіемъ нападающаго.

Сдѣлки на срокъ и связанныя съ ними спекуляціи начались не со вчерашняго дня, но онѣ развились въ настоящее время и приняли небывалые размѣры, вслѣдствіе развитія экономической жизни. Это послѣднее, особенно же развитіе средствъ сношеній и главнымъ образомъ телеграфныхъ, сдѣлало возможными стачки торговыя и промышленныя коалиціи такого рода, которыя охватываютъ нѣсколько государствъ, а иногда и весь міръ. Эти громадныя стачки составляютъ явленіе нашихъ дней и составляютъ, повидимому, переходъ къ какой то новой организаціи торговли. Они раздѣляются на стачки торговыя, направленныя на захватъ какого либо продукта или предмета потребленія, и на стачки производителей, направленныя къ тому, чтобы путемъ регулированія производства сохранить цѣну продукта и предотвратить остановку производства. Эти стачки носятъ разныя названія: corner, trust, cartelle, pool, combination и т. д.

Какъ на образчики такихъ стачекъ, укажемъ на синдикатъ, образовавшійся въ 1888 году въ Магдебургѣ изъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ капиталистовъ, съ цѣлью спекуляціи на кофе. Синдикату удалось поднять цѣну его на 33 проц., но въ іюлѣ 1889 г. произошла реакція, и стачка потерпѣла крушеніе. Типичною стачкою является стачка съ цѣлью закупки мѣди, образованная Секретаномъ въ 1887 году. Онъ стоялъ во главѣ Société de Métaux, которое подъ его руководствомъ давало хорошіе результаты въ техническомъ отношеніи, но эти результаты парализовались паденіемъ цѣнъ, начавшимся еще въ 1882 году. Въ 1887 г. Секретанъ устроилъ соглашеніе между парижскими и лондонскими банкирами съ цѣлью поднять цѣну олова и свинца. Операція удалась. Тогда онъ задумалъ тѣмъ же путемъ удвоить цѣну мѣди. Послѣдняя стояла въ цѣнѣ 38 фунтовъ стерлинговъ за тонну, главнымъ образомъ благодаря спекуляціи на пониженіе англійскихъ капиталистовъ, располагавшихъ запасомъ 40,000 тоннъ. Эта

спекуляція не соотвѣтствовала дѣйствительному положенію дѣла, такъ какъ леченіе виноградниковъ и развитіе приложеній электричества давало основаніе разсчитывать на развитіе потребленія мѣди. Секретанъ склонилъ парижскихъ банкировъ составить капиталъ въ 62 милліона франковъ и начать закупку мѣди. Мѣдь поднялась въ цѣнѣ къ концу 1888 г. до 101 ф. с. за тонну и запасы ея въ рукахъ Секретана достигли 130,000 тоннъ, но такъ какъ заводы усилили производство, то, чтобы остаться господиномъ рынка, Секретанъ заключилъ контракты съ главнѣйшими англійскими, шведскими, американскими и испанскими рудниками на поставку синдикату въ три года 542,000 тоннъ мѣди, что представляло цѣнность въ 908 мил. франковъ. Такъ какъ годичное міровое производство мѣди равнялось въ 1887 г. 220,000 тоннъ, то онъ скупилъ все годовое производство безъ 40,000 тоннъ. Директоръ учетной конторы Данферъ-Рошро далъ поручительство этого банка въ выполненіи этихъ контрактовъ и, кромѣ того, согласился выдать ссуду въ 130 милл. франковъ подъ варранты на мѣдь. Но эти средства оказались недостаточными, чтобы господствовать на міровомъ рынкѣ мѣди, а потому необходимо было втянуть въ дѣло нѣмецкихъ и англійскихъ капиталистовъ. Берлинскій банкиръ Блейхредеръ отказался войти въ комбинацію. Въ Лондонѣ торговый домъ Ріо-Тинто вступилъ въ переговоры и дѣло уже налаживалось къ образованію компаніи (Metal Corporation) съ капиталомъ въ 75 милл. франковъ, которая должна была дѣйствовать совмѣстно съ „Металлическимъ обществомъ“ и его синдикатомъ. Но въ это время пришло извѣстіе о самоубійствѣ Данферъ-Рошро; переговоры были прерваны, цѣна мѣди рухнула ниже 50 ф. с. и это паденіе повлекло за собою крушеніе „Металлическаго общества“ и „Учетной конторы“ и разореніе главныхъ участниковъ мѣднаго синдиката. Учетная контора потерпѣла убытокъ въ 155 милл. франковъ и должна была ликвидироваться; каковы были убытки мѣднаго синдиката, видно изъ того, что, не смотря на то, что Секретанъ отдалъ все свое состояніе „Металлическому обществу“, что члены совѣта „Учетной конторы“ внесли 24 милліона для покрытія своей отвѣтственности, эти суммы были ничтожны сравнительно съ потерями. Но что было бы, если бы къ синдикату присоединились лондонскіе банкиры? По всей вѣроятности, спекуляція удалась бы, полагаетъ г. Клодіо Жанне, и приводитъ въ доказательство то, что послѣ краха цѣна мѣди скоро поднялась и потомъ колебалась между 55 и 60 ф. с. за тонну, не спускаясь никогда до 40 ф. с.

Американскія стачки имѣютъ часто особенный характеръ. Эта особенность заключается въ томъ, что онѣ пользуются такими средствами, какія въ Европѣ едва ли возможны. Напримѣръ, въ Чикаго составился синдикатъ изъ четырехъ мясопромышленниковъ, которыхъ прозвали „big Four“, четыре великана. Они развили сильно убой скота въ Чикаго; въ 1881 г. на тамошнихъ бойняхъ убивалось 575 тысячъ головъ, а въ 1887 году—1.900,000 головъ. Въ то же время, однако, монополизировавъ все дѣло, они, съ одной стороны, совсѣмъ подчинили себѣ скотопромышленниковъ и сильно понизили цѣну скота, а съ другой—значительно подняли цѣну на мясо въ Нью-Іоркѣ. Скотопромышленники пробовали устроить общество и непосредственно доставлять мясо въ Нью-Іоркъ, но желѣзныя дороги не давали имъ вагоновъ-ледниковъ, такъ какъ по договору съ „четырьмя великанами“ онѣ могутъ давать таковые только имъ однимъ. Благодаря такой монополіи путей сообщенія, „четыре великана“ грабятъ и потребителя, и производителя. Подобныхъ стачекъ въ Америкѣ очень много, и онѣ вызвали противъ себя реакцію. Въ нѣкоторыхъ штатахъ возбуждены были преслѣдованія противъ синдикатовъ, имѣющихъ цѣлью поднятіе цѣны, а 2 іюля 1890 г. конгрессъ издалъ законъ, объявившій незаконными и подлежащими наказанію и штрафу всякіе договоры или комбинаціи въ формѣ „trust“, имѣющіе цѣлью стѣснять торговлю, а также и всякую монополію или попытку создать таковую.

Этотъ законъ еще не примѣнялся; но г. Клодіо Жанне полагаетъ, что едва ли онъ будетъ дѣйствовать, такъ какъ общественное мнѣніе не противъ всѣхъ синдикатовъ вообще, а выборные чиновники едва ли рѣшатся дѣйствовать противъ общественнаго мнѣнія. Авторъ находитъ, что синдикаты торговые и промышленные въ Америкѣ имѣютъ ту опасную сторону, что тамъ желѣзныя дороги находятся внѣ всякаго контроля государства и въ значительной степени монополизированы, и что сила денегъ такъ велика, что въ сущности государственная машина находится въ рукахъ богачей. Они оказались въ силахъ въ 1888 г. раздавить честнаго Кливелэнда и помощью подкупа настолько исказили волю народа, что получили въ конгрессѣ вполнѣ преданное себѣ большинство. Изданіе запретительнаго тарифа Макъ-Кинли было проявленіемъ могущества желѣзнодорожныхъ королей и фабричныхъ тузовъ въ конгрессѣ.

Американская почва вырастила особую форму стачки. Она

заключается въ томъ, что общество капиталистовъ скупаетъ акціи обществъ, ведущихъ производство какого-либо предмета, и взамѣнъ ихъ выпускаетъ свои акціи, образуя такимъ образомъ новое общество. Прежнія какъ будто продолжаютъ свое независимое существованіе, но на самомъ дѣлѣ управляются синдикатомъ, владѣющимъ ихъ акціями. Такъ, напримѣръ, въ производствѣ петролеума образовался синдикатъ „Standard Oil Comp.“. Онъ взялъ въ свои руки главнѣйшіе заводы нефти и, кромѣ того, въ 1887 году заключилъ условіе съ огромнымъ „Обществомъ производителей минеральнаго масла“ въ томъ, что „Standard Oil trust“ отложитъ 5 милліоновъ боченковъ петролеума въ пользу общества, если послѣднее сократитъ къ концу года ежедневное производство нефти на 17,500 боченковъ. Если такое сокращеніе будетъ достигнуто, то при продажѣ сказанныхъ 5 милліоновъ боченковъ „Standard“ отдастъ „обществу“ все, что выручено будетъ свыше 62 центовъ за боченокъ. Съ своей стороны, чтобы обезпечить сокращеніе производства нефти, „общество“ производителей минеральнаго масла вошло въ соглашеніе съ „Рабочимъ союзомъ копателей нефтяныхъ колодцевъ“, въ силу котораго послѣдній обязывался не производить копки нефтяныхъ колодцевъ, а „общество“ уступало ему весь барышъ свыше 62 центовъ съ боченка съ количества 1 милліона боченковъ. Кромѣ того, „Standard“ угрозой выстроить свою дорогу заставилъ желѣзныя дороги сдѣлать ему скидку въ 50 проц. на тарифѣ и обязаться не дѣлать никакихъ скидокъ никому другому изъ нефтевладѣльцевъ. Такимъ путемъ „Standard Oil“ захватилъ почти весь американскій петролеумъ. Мало того, онъ подчинилъ себѣ шотландскія общества производителей нефти и образовалъ съ гамбургскими и бременскими торговыми домами товарищество „German-American Petroleum Company“ для торговли петролеумомъ. Такимъ образомъ въ настоящее время американскіе и шотландскіе источники петролеума находятся въ рукахъ „Standard Oil“, галиційскіе принадлежатъ вѣнскому Ротшильду, а многіе кавказскіе лондонскому Ротшильду [1]).

Остается независимымъ производство нефти въ Индіи и въ Австраліи; но въ состояніи ли оно бороться съ этими силами, если бы онѣ прекратили конкурренцію и вступили въ соглашеніе для всемірной торговли петролеумомъ? Многія trusts ведутся хо-

---

[1]) Въ послѣднее время, какъ передавали газеты, и кавказскіе нефтепромышленники примыкаютъ къ Standard'у.

рошо и реализируютъ значительные барыши. Защитники ихъ объясняютъ ихъ успѣхи не монопольнымъ характеромъ ихъ дѣятельности, а тѣмъ, что, концентрируя и производство, и торговлю они уничтожаютъ многіе лишніе расходы на управленіе, вводятъ лучшую администрацію и устраняютъ предпріятія, плохо организованныя, и лучше приноровливаются къ потребленію. Одни американскіе ученые считаютъ ихъ явленіемъ переходящимъ и говорятъ, что они могутъ существовать лишь подъ условіемъ полученія такой же прибыли, какая была бы и при свободной конкурренціи; другіе думаютъ, что они упрочатся, такъ какъ выгодность ихъ съ общей точки зрѣнія очень велика и что они создадутъ новую организацію торговли и промышленности. Самъ г. Клодіо Жанне признаетъ полезность нѣкоторыхъ синдикатовъ производителей въ томъ случаѣ, когда они направлены на обезпеченіе производства отъ полной остановки при слишкомъ большомъ упадкѣ цѣнъ на продукты, или же если они направлены къ урегулированію самаго производства, дабы оно не переполняло рынки. Какъ на примѣръ такого полезнаго синдиката, онъ указываетъ на Туринскій Консорціумъ. Въ ноябрѣ 1885 года цѣна шелка такъ упала, что многіе итальянскіе шелководы разорились и ліонскіе шелковые фабриканты сильно стали сокращать работу. Тогда одинъ ліонскій торговый домъ вошелъ въ соглашеніе съ главными банкирами сѣверной Италіи, съ цѣлью покупки всѣхъ наличныхъ запасовъ шелка, а также и будущихъ на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, съ повышеніемъ цѣны на нѣсколько процентовъ. Итальянское правительство благосклонно отнеслось къ этой спекуляціи и предложило главнѣйшимъ эмиссіоннымъ банкамъ поддержать ее длинными кредитами. Результатомъ дѣятельности этого соглашенія, прозваннаго Туринскимъ Консорціумомъ, операція котораго длилась два года, было возвышеніе цѣны шелка на 10—20 проц., смотря по сортамъ, и предупрежденіе краха въ шелковой промышленности. Въ Германіи образуется довольно много синдикатовъ съ цѣлью защиты производства отъ упадка цѣнъ. Въ концѣ 1890 г. ихъ насчитывалось 368, и это число, конечно, ниже дѣйствительности Въ Англіи въ концѣ 1891 года образовался даже синдикатъ между рабочими и хозяевами. Углекопы составили стачку съ согласія своихъ хозяевъ, съ цѣлью сокращенія запасовъ угля и предупрежденія паденія цѣны на него. Они вошли въ соглашеніе съ разгрузчиками угля, чтобы тѣ въ свою очередь не допускали выгрузки бельгійскаго угля. Синдикаты, особенно промышленные, распро-

страняются все больше и проникаютъ даже въ Индію и Японію. Причина ихъ существованія заключается въ крупныхъ размѣрахъ теперешней промышленности. Американскій экономистъ Кэрнэджи (Carneggie) такъ объясняетъ эту зависимость. Въ настоящее время, говоритъ онъ, при тѣхъ способахъ, которыми ведутся мануфактурныя предпріятія въ громадныхъ учрежденіяхъ, представляющихъ капиталъ въ 5—10 милл. долларовъ и съ тысячами рабочихъ, мануфактуристу выгоднѣе вести предпріятіе съ извѣстной потерей на каждой тоннѣ или на каждомъ ярдѣ, чѣмъ задержать его. Остановить его совершенно—гибельно. Чтобы производить дешево, надо идти полнымъ ходомъ. Десятки статей расхода суть расходы неизмѣнные и остановка предпріятія, пожалуй, можетъ только увеличить большинство изъ нихъ. Такимъ образомъ бываетъ, что какой-нибудь предметъ производится въ теченіе многихъ мѣсяцевъ,—а я знаю случаи, когда такое положеніе длилось годы, не только безъ барыша и безъ процента на капиталъ, но съ постоянною потерею вложеннаго капитала. При каждомъ годичномъ отчетѣ мануфактуристъ констатировалъ уменьшеніе своего капитала и все таки остановиться было бы еще гибельнѣе. Его собраты бывали въ такомъ же положеніи; годы слѣдовали за годами... На такой почвѣ всякая комбинація, обѣщающая нѣкоторое облегченіе, встрѣчается съ радостью. Созываютъ собраніе заинтересованныхъ лицъ, и въ виду серьезной опасности рѣшаются дѣйствовать сообща: образовываютъ trust; величина производства каждой фабрики опредѣляется точной цифрой и выбирается комитетъ, который сбываетъ продуктъ публикѣ по сходной цѣнѣ. Очевидно, что Кэрнэджи объясняетъ лишь одну сторону дѣла; всѣ синдикаты не суть результатъ стремленія избѣжать разоренія. Значительная часть ихъ создается въ виду реализированія болѣе значительныхъ барышей, вытекающихъ изъ концентраціи предпріятія, т. е. изъ эксплоатаціи дѣла въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ. Въ этомъ смыслѣ синдикаты находятся въ тѣсной связи съ техническими усовершенствованіями послѣдняго времени, обусловливающими выгоды крупныхъ дѣлъ. Но признавая raison d'être синдикатовъ, нельзя закрывать глазъ на вредныя стороны ихъ, заключающіяся въ возможности эксплоатировать публику въ пользу немногихъ капиталистовъ. Американскіе синдикаты служатъ яркимъ примѣромъ такой эксплоатаціи. Отсюда очевидна необходимость вмѣшательства государства для обузданія грабителей. Но г. Клодіо Жанне опасается этого вмѣшательства, боясь госу-

дарственнаго соціализма, и возлагаетъ надежду на силу общественнаго мнѣнія, которое, какъ онъ полагаетъ, можетъ парализовать проявленіе вредныхъ сторонъ синдикатовъ, и въ доказательство ссылается на Англію, гдѣ синдикаты не могутъ держаться долго, благодаря дружному противодѣйствію общества. Мнѣ представляется тутъ недоразумѣніе: бояться силы государства въ экономическихъ отношеніяхъ, которое является представителемъ общественной силы, и въ то же время не бояться господства частныхъ лицъ, только потому, что они вооружены не штыкомъ и закономъ, а капиталомъ. Мнѣ кажется, что именно потому, что условія производства и торговли влекутъ къ монополіи и устраненію конкурренціи, строгій контроль государства, защита имъ слабыхъ противъ сильныхъ и общественнаго интереса противъ алчности и силы частныхъ лицъ являются неизбѣжными. Дожидаться того времени, когда общественное мнѣніе и общественная самодѣятельность разовьются такъ, какъ въ Англіи, значитъ подвергать общество опасности попасть въ кабалу раньше, чѣмъ оно достигнетъ такого развитія. Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ,— говоритъ малороссійская пословица.

Операціи, о которыхъ мы говорили, создаютъ массу движимыхъ цѣнностей и требуютъ для себя постоянныхъ большихъ рынковъ. По вычисленію начальника статистическаго отдѣленія французскаго министерства финансовъ де-Фовилля (de-Foville), движимыя цѣнности, принадлежащія французамъ, не считая собственно мебели и орудій производства, составляютъ 70 милліардовъ франковъ; земельная собственность цѣнится имъ въ 80 милліардовъ, строенія и мѣста подъ ними стоятъ 40 милліардовъ и собственно мебель и орудія производства, которыя не представлены акціями и облигаціями, 10 милліардовъ. Эта оцѣнка относится къ 1888 году. Въ то же время Робертъ Джиффенъ (Robert Giffen) расцѣнивалъ богатство англичанъ слѣдующимъ образомъ: земля 42 милліарда франковъ, постройки 48 милліардовъ, движимыя цѣнности въ бумагахъ иностранныхъ и національныхъ — 140 милліардовъ (изъ нихъ въ торгово-промышленныхъ 115 и въ государственныхъ фондахъ 25 милліардовъ) и, наконецъ, мебель и орудія производства, не представленныя бумагами, отъ 20-ти до 25-ти милліардовъ. Рынкомъ для обращенія этихъ колоссальныхъ капиталовъ является биржа. Она стала необходимымъ элементомъ экономической жизни нашего времени. По мѣрѣ развитія экономической жизни страны и международнаго значенія ея хозяйства развивается и ея

биржа. Въ прошломъ столѣтіи парижская биржа стала наслѣдовать значеніе амстердамской, которая была главной въ XVII вѣкѣ; революція и наполеоновскія войны уронили значеніе парижской биржи, первенство перешло къ лондонской биржѣ; полстолѣтія потребовалось парижской биржѣ, чтобы подняться снова, и только послѣ послѣднихъ краховъ въ Лондонѣ она снова заняла первенствующее положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, рядомъ съ Лондономъ и Парижемъ, становятся независимыми факторами Берлинъ, Франкфуртъ и Нью-Іоркъ. По мѣрѣ развитія этихъ биржъ, другія, менѣе значительныя, стали отъ нихъ въ зависимость. Сношенія между биржами стали настолько быстрыми, что превращаютъ ихъ какъ бы въ одинъ большой рынокъ. Такъ, напримѣръ, биржевикъ Vall Stret'a Нью-Іорка можетъ въ три минуты послать депешу въ Stock Exchange (лондонская биржа) и получить отвѣтъ.

Г. Клодіо Жанне описываетъ подробно организацію парижской лондонской и берлинской биржъ и характеризуетъ операціи, которыя на нихъ производятся, не обходя и злоупотребленій, которыя ихъ сопровождаютъ.

Главными органами дѣятельности на биржахъ, такъ сказать, заправилами дѣла являются частные и общественные банки. Они особенно сильно развились въ послѣднее время вмѣстѣ съ развитіемъ экономической жизни. Описаніе дѣятельности большихъ банковъ составляетъ не безъинтересную главу труда г. Клодіо Жанне. Эти учрежденія обыкновенно стоятъ во главѣ тѣхъ понижательныхъ и повышательныхъ движеній, которыя составляютъ такіе же аксессуары биржевой жизни, какъ побѣды и пораженія—военной. Эти движенія не создаются банкирами; онѣ являются логическимъ послѣдствіемъ колебаній хозяйственной жизни, которая въ свою очередь находится въ связи между прочимъ и съ политическими движеніями; но роль банкировъ какъ повышателей, такъ и понижателей, заключается въ томъ, что они, такъ сказать, преувеличиваютъ происходящія колебанія и тѣмъ придаютъ имъ большую рѣзкость.

Интересны тѣ послѣдствія, которыя вызываются продолжительною повышательной компаніей биржи. Экономистъ Андрей Кошутъ (André Cochut) выяснилъ, совершенно новымъ путемъ, говоритъ г. Клодіо Жанне, какъ фиктивное увеличеніе капиталовъ, производимое спекуляціями биржи, нарушаетъ естественное равновѣсіе, существующее между итогомъ всѣхъ доходовъ и массою наличныхъ продуктовъ. Такъ какъ существенная черта движимыхъ

цѣнностей заключается въ ихъ способности быть реализованными въ каждый данный день, то увеличеніе ихъ цѣны производитъ временно такое же дѣйствіе, какъ внезапное увеличеніе количества монеты. Такъ, напримѣръ, увеличеніе цѣнности ренты и другихъ главнѣйшихъ бумагъ, котировавшихся на парижской биржѣ съ 1874 по 1882 годъ, по вычисленію Кошута, составило 15 милліардовъ фр. Владѣльцы этихъ цѣнностей, считая себя на столько же богаче и дѣйствительно пользуясь такою покупною силою, пока длилась иллюзія, естественно увеличили свой спросъ и тѣмъ подняли цѣны, особенно же нѣкоторыхъ предметовъ и услугъ. Недвижимость въ Парижѣ и большихъ городахъ и предметы роскоши возросли въ цѣнѣ въ огромной пропорціи. Тотъ же феноменъ проявился въ Вѣнѣ съ 1870 по 1873 г. Чрезвычайное возвышеніе цѣнности земли на климатическихъ станціяхъ побережья Средиземнаго моря было послѣдствіемъ увѣренности, которую питали въ теченіе двухъ лѣтъ богатые классы всей Европы, что ихъ богатство удвоилось и будетъ возрастать такъ же и дальше. Эти вздорожанія отражаются и на государственныхъ финансахъ. Учащенныя торговыя сдѣлки увеличиваютъ гербовый сборъ, налоги на потребленіе тоже возрастаютъ. Такимъ образомъ съ 1875 по 1881 годъ доходы французской казны превысили бюджетныя предвидѣнія на 580.701,788 фр. и это было поводомъ для партіи, стоявшей у власти, пуститься въ большіе расходы, взяться за осуществленіе знаменитаго плана публичныхъ работъ Фрейсине, за выкупъ мелкихъ желѣзнодорожныхъ линій, что повлекло за собой, потомъ цѣлый рядъ займовъ среди полнаго мира.

Эти вздорожанія, являющіяся въ видѣ кризисовъ, вдвойнѣ вредны. Во-первыхъ, они приносятъ выгоду далеко не всѣмъ работникамъ, а лица, получающія постоянный доходъ, страдаютъ отъ нихъ; во-вторыхъ, когда приходитъ моментъ ликвидаціи, все это фантасмагорическое богатство изчезаетъ, потребленіе рѣзко сжимается; для нѣкоторыхъ производствъ предметовъ роскоши наступаетъ полный застой, банкротства слѣдуютъ за банкротствами и цѣны стремительно идутъ назадъ. Кризисъ городскихъ имуществъ является неизбѣжнымъ. Такимъ образомъ безумства спекуляціи со ступеньки на ступеньку дѣйствуютъ на всѣ слои общественной жизни и на всѣ отрасли труда.

Трактуя о банковомъ дѣлѣ, г. Клодіо Жанне не могъ обойти молчаніемъ ту роль, которую заняли евреи въ этой области экономической жизни, не могъ не коснуться еврейскаго вопроса.

Мнѣніе объ этомъ предметѣ ученаго той страны, гдѣ не существуетъ еврейскаго вопроса, очень интересно. Объясненіе преобладанія евреевъ въ области крупной банкирской дѣятельности сводится къ слѣдующему. Торгово-промышленныя операціи послѣдняго времени, мало-мальски серьезныя, переходятъ за границы національностей и государствъ и становятся по существу космополитическими и принимаютъ соотвѣтственную организацію. Это новое экономическое положеніе нуждается въ новомъ органѣ, такомъ, какимъ были тампліеры, венеціане и флорентійскіе банкиры въ ту эпоху, когда крестовые походы создали единство между народами запада. Этимъ органомъ явились теперь евреи, которые вполнѣ космополиты и прекрасно приспособлены для выполненія этой задачи.

По своему прошлому, по своей религіи, по своей чрезвычайной живучести они являются совсѣмъ особенной расой между націями нашего времени. Эта раса съ такимъ же успѣхомъ сопротивляется современнымъ ассимилирующимъ культурнымъ вліяніямъ, съ какимъ она выдерживала жестокія преслѣдованія прежняго времени, жертвою которыхъ она часто бывала. Не смотря на то, что евреи почти во всѣхъ странахъ пользуются гражданскими правами, они остаются прежде всего евреями, и не только по религіи, какъ это можно было бы сказать о христіанахъ, но по національности: они совершенно равнодушны къ борьбѣ національностей и партій. Это огромное преимущество для банкировъ, которыхъ вся умственная сила должна быть сосредоточена на одной цѣли,—на пріобрѣтеніи денегъ. Историкъ семьи Ротшильдовъ говоритъ, что они не принадлежатъ ни къ какой національности, они космополиты. Въ то время, какъ съ одной стороны они снабжаютъ всѣмъ нужнымъ армію Наполеона, съ другой—они выпускаютъ займы за счетъ враждебныхъ ему державъ, которыя употребляютъ добытыя средства для продленія войны противъ него.

Евреи обладаютъ особенными способностями къ обращенію съ деньгами. Сосредоточеніе въ теченіе двадцати вѣковъ всей ихъ дѣятельности на денежныхъ дѣлахъ, въ силу наслѣдственности, развило въ нихъ финансовыя способности еще въ высшей степени, чѣмъ у генуэзцевъ, шотландцевъ, женевцевъ, армянъ и грековъ. Кромѣ того, они обладаютъ нравственными качествами, которыя не допускаютъ общественнаго разложенія: они не боятся многочисленныхъ семей, глубоко почитаютъ родителей и, ставши богатыми, не презираютъ труда, а потому ихъ банкирскіе дома не лик-

видируютъ своихъ дѣлъ въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи, какъ это бываетъ съ христіанскими домами. Не смотра на возможность, ихъ дочери не выходятъ замужъ за разорившихся титулованныхъ баричей и не передаютъ отцовскаго состоянія имъ на расточеніе, какъ это часто бываетъ среди разбогатѣвшихъ христіанъ. Ротшильды не тянутся за знатнымъ родствомъ. Тогда какъ прежде бывали случаи, что богатые евреи обращались въ христіанство и сливались съ обществомъ, теперь они остаются строгими евреями и ихъ примѣру слѣдуютъ другіе крупные банкиры. Ихъ свѣтскія сношенія съ европейской аристократіей составляютъ только обманъ зрѣнія, ни та, ни другая сторона не заблуждается на счетъ ихъ сущности.

Но слѣдуетъ коснуться сути дѣла. Въ теченіе вѣковъ почти во всѣхъ еврейскихъ общинахъ талмудъ замѣнялъ библію въ качествѣ основы нравственнаго ученія. Но вѣдь талмудъ внушаетъ мысль, что нравственныя обязанности евреевъ другъ къ другу не тѣ же самыя, что обязанности ихъ къ другимъ людямъ. Собственно говоря, званіе человѣка принадлежитъ только евреямъ; всѣ не евреи (goim) разсматриваются какъ скоты, по отношенію къ которымъ все позволено. Только одни прозелиты (gherim) приравниваются къ евреямъ. Гемара (ghemara) изобилуетъ положеніями, по которымъ принципы права и справедливости не только не должны быть примѣняемы къ христіанамъ, но они измѣняютъ свою сущность и становятся изъ добродѣтели преступленіемъ, если прилагаются къ послѣднимъ. Трактатъ Авода Зара въ ясныхъ выраженіяхъ запрещаетъ спасать отъ смерти не еврея, возвращать ему потерянное имъ имущество и жалѣть его. Формула Коль Нидре, составляющая часть обряда праздника суднаго дня, имѣетъ свойство освобождать еврея отъ всѣхъ клятвъ, которыя онъ далъ въ теченіе года. Въ случаѣ надобности его, можетъ освободить отъ клятвы трибуналъ, составленный изъ 3-хъ призванныхъ имъ евреевъ.

Насколько образованіе, получаемое евреями—въ лицеяхъ и гимназіяхъ и вліяніе среды, въ которую они входятъ, смягчаютъ эти правила, составляющія не только суть ихъ чтеній въ синагогахъ, но и всѣхъ семейныхъ преданій, это вопросъ очень деликатный, когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь евреѣ, отдѣльно взятомъ. Можно, однако, сказать навѣрно, что не одинъ изъ нихъ освобождается отъ нихъ и соблюдаетъ правила естественной честности, которая имѣетъ доступъ къ сердцу каждаго человѣка. „Но когда

обратятъ взоры, говоритъ Клодіо Жанне въ заключеніе, на современное общество въ цѣломъ и видятъ, что жидъ замѣщаетъ христіанина и строитъ свое богатство на его разореніи, пріобрѣтаетъ повсюду господство надъ биржей и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ монополизируетъ торговлю, то является вопросъ, не слѣдуетъ ли искать въ этой дифференціальной морали секрета изумительнаго могущества, которое онъ пріобрѣлъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ получилъ равенство гражданскихъ и политическихъ правъ".

Этотъ вопросъ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что западная Европа наводняется евреями, идущими изъ Россіи, Польши и Германіи, т. е. изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ талмудистскія традиціи еще вполнѣ господствуютъ въ синагогѣ. Являясь въ Италію, Голландію и Францію, они очень скоро освобождаются отъ ремесла старьевщика или ростовщика, которымъ занимались еще ихъ родители. Банкиры родятся между ними какъ грибы. Они ростутъ смѣлые и жадные въ орбитѣ могущественной семьи, которая сто лѣтъ тому назадъ смѣло и блестяще стала во главѣ еврейства. Нѣмецкіе евреи завоевываютъ все большее и большее мѣсто не только въ области банковъ, но и въ торговлѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а въ Австріи и въ мануфактурной промышленности. Въ Парижѣ въ послѣднія двадцать лѣтъ образовался въ дѣловомъ центрѣ еврейскій кварталъ, который становится все болѣе компактнымъ. То же демографическое явленіе наблюдается и въ Ньюіоркѣ. Возвращаясь затѣмъ, въ заключеніи своей книги, къ такъ называемому еврейскому вопросу, г. Клодіо Жанне останавливается на сложности антисемитскаго движенія. Онъ говоритъ, что противъ евреевъ возстаютъ, во-первыхъ, спекуляторы, которые встрѣчаютъ въ нихъ опасныхъ для себя конкуррентовъ, хотя сами они прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ для своего обогащенія, которыя заслуживаютъ полнаго осужденія. Печальный герой романа Э. Золя, въ его романѣ „Деньги", очевидно, декламируетъ противъ „грязныхъ жидовъ" изъ собственнаго интереса. Соціалисты представляютъ антисемитское движеніе, какъ движеніе противъ капитализма и тѣмъ затемняютъ его сущность. По мнѣнію г. Клодіо Жанне, антисемитское движеніе есть, главнымъ образомъ, религіозное и расовое движеніе и вызвано оно, главнымъ образомъ, тѣмъ, что евреи въ области религіи приняли наступательное положеніе, поддерживая всѣ мѣры, направленныя въ ущербъ вліянію христіанства на общественную жизнь и особенно на воспитаніе. Онъ находитъ, что вліяніе евреевъ въ печати гораздо болѣе вредно,

чѣмъ господство ихъ на биржѣ и въ банкахъ. Онъ говоритъ, что онѣ тѣснятъ европейское общество съ двухъ сторонъ. Съ вершины, въ области высшихъ финансовыхъ сферъ, и съ низу своимъ университетскимъ пролетаріатомъ, изъ котораго вышли Марксъ и Лассаль и изъ котораго рекрутируются нигилисты. Добиваясь господства въ европейскомъ обществѣ, пользуясь равенствомъ политическихъ и гражданскихъ правъ, евреи упорно сопротивляются сліянію съ нимъ, стремятся жить особнякомъ и тѣмъ вызываютъ реакцію противъ себя.

Г. Клодіо Жанне указываетъ, однако, тотъ фактъ, что въ Англіи, напримѣръ, евреи не вызываютъ противъ себя неудовольствія, хотя и занимаютъ видное мѣсто въ финансахъ и въ парламентѣ. Онъ приписываетъ это тому, что тамъ общественный организмъ здоровѣе, а въ здоровомъ общественномъ и государственномъ организмѣ они не могутъ господствовать потому, что тамъ устои крѣпче и правительство независимѣе отъ банкировъ.

Въ заключеніе своей книги г. Клодіо Жанне касается нѣкоторыхъ вопросовъ, подробно разбиравшихся въ самой книгѣ и резюмируетъ свое мнѣніе относительно лѣкарствъ противъ нѣкоторыхъ экономическихъ недуговъ.

Выдающимся явленіемъ современной экономической жизни является пониженіе процента. Съ 20 проц., которые взимали флорентійскіе банкиры съ государей, занимавшихъ у нихъ деньги, процентъ дошелъ до 3, въ каковомъ размѣрѣ уже нѣсколько лѣтъ неизмѣнно онъ взимается по учету векселей французскимъ банкомъ. Этому непрестанному движенію не видно иного предѣла, какъ остановка капитализаціи вслѣдствіе отсутствія выгоды сбереженій. Авторъ полагаетъ, что скоро первоклассный учетъ будетъ стоить 2 проц. Леруа Болье предвидитъ даже размѣръ въ $1^1/_2$ пр. Пониженіе процента съ 6 на 3, совершившееся въ теченіе семидесяти послѣднихъ лѣтъ, имѣетъ важное экономическое значеніе. Множество промышленныхъ предпріятій могутъ открываться и существовать только благодаря дешевому капиталу, многія желѣзныя дороги мѣстнаго значенія могутъ быть сооружаемы и эксплоатируемы при этомъ же условіи. Пониженіе же процента возродитъ и земледѣліе при разумномъ устройствѣ земельнаго кредита. Само собой разумѣется, что въ этихъ отношеніяхъ пониженіе процента открываетъ болѣе широкій просторъ приложенію человѣческаго труда и въ этомъ смыслѣ выгодно; но такъ какъ съ нимъ связано и пониженіе промышленной прибыли, то это выгодно

скорѣе тѣмъ, что большему числу рабочихъ дается занятіе, а не тѣмъ, что поднимаетъ заработную плату, хотя улучшеніе положенія рабочихъ и составляетъ замѣтное явленіе въ жизни цивилизованныхъ странъ послѣдняго временн. Но пониженіе процента оказываетъ и дурныя слѣдствія, оно ослабляетъ стимулъ для сбереженій съ одной стороны, а съ другой – побуждаетъ къ рискованнымъ предпріятіямъ, создаетъ дутыя спекуляціи, въ родѣ южноамериканскихъ займовъ, жертвой которыхъ былъ на нашихъ глазахъ лондонскій рынокъ.

Что касается спекуляцій, то авторъ полагаетъ, что едва ли возможно принять дѣйствительныя правительственныя мѣры противъ ажіотажа и многихъ злоупотребленій биржи, безъ риска бить, вмѣстѣ съ дутыми и вредными операціями, и такія, которыя по существу совершенно честны, солидны и полезны, хотя по формѣ и не отличаются отъ первыхъ. Но слѣдуетъ непремѣнно и можно оградить публику отъ дѣятельности разныхъ мошенническихъ агентовъ и банкирскихъ конторъ, которыя поглощаютъ мелкія сбереженія.

Равнымъ образомъ онъ считаетъ вредными тѣ статьи закона, которыя преслѣдуютъ всякія скупки. Онъ находитъ нужнымъ допустить соглашенія производителей и ихъ союзы для охраны общихъ интересовъ и считаетъ полезнымъ лишь преслѣдовать закономъ такія стачки, которыя направлены къ стѣсненію промысла или торговли другихъ лицъ, къ стачкѣ не принадлежащихъ. Точно также возможно лишь ограниченное воздѣйствіе закона на акціонерныя общества. Авторъ видитъ его возможность, во-1-хъ, въ правительственной инспекціи и ревизіи дѣятельности этихъ обществъ, въ предоставленіи каждой акціи одного голоса, причемъ, чтобы крупные акціонеры не давили мелкихъ, извѣстному меньшинству, напр., $^1/_1$, части акцій, слѣдуетъ предоставить право требовать провѣрки черезъ судъ отчетовъ уже утвержденныхъ общимъ собраніемъ.

Но главнымъ орудіемъ борьбы противъ злоупотребленій капиталомъ авторъ считаетъ общественное мнѣніе. Причину слабости его онъ видитъ въ недостаткѣ нравственности въ экономическихъ дѣлахъ. Этотъ недостатокъ представляется ему болѣе значительнымъ въ наше время, чѣмъ то было прежде. Едва ли такое положеніе можно считать вѣрнымъ. Авторъ съ своей стороны не приводитъ достаточныхъ доказательствъ тому, что въ прежнее время честность была выше, чѣмъ въ настоящее время. Что ка-

сается силы общественнаго мнѣнія, то послѣдняя зависитъ не только отъ энергіи нравственнаго чувства отдѣльныхъ лицъ данной общественной группы, но и отъ степени распространенности въ обществѣ даннаго взгляда на данный предметъ. Во времена господства рабства многіе рабовладѣльцы могли быть честными и нравственными людьми, но ихъ нравственное чувство не протестовало противъ торговли людьми, потому что мысль о вредѣ и позорности этого учрежденія не вошла еще въ общественное сознаніе.

То же нужно сказать и о многихъ спекуляціяхъ и другихъ формахъ экономической дѣятельности, которыхъ экономистъ не можетъ ни одобрить, ни оправдать. Самъ авторъ указываетъ, что ихъ развитіе есть явленіе совершенно новое, что въ нихъ хорошее съ дурнымъ переплелось такъ, что трудно отдѣлить одно отъ другого. Что же удивительнаго, что въ массѣ общества еще не успѣли сложиться опредѣленные взгляды на то, что въ этихъ дѣлахъ слѣдуетъ одобрять, что порицать, а къ чему относиться безразлично.

Но нельзя не согласиться съ авторомъ, что государственная организація въ значительной степени вліяетъ на степень силы, которою пользуются биржевики и банкиры, а отъ этого зависитъ въ нѣкоторой степени и отношеніе къ нимъ общества. Чѣмъ устойчивѣе государство, чѣмъ правильнѣе оно живетъ, тѣмъ болѣе въ обычное время оно довольствуется своими средствами и тѣмъ меньше прибѣгаетъ къ займамъ, а къ займамъ тяжелымъ не прибѣгаетъ вовсе. При такомъ положеніи государственные дѣятели не нуждаются въ поддержкѣ банкировъ и биржевиковъ, они отъ нихъ независимы и потому не вынуждены мирволить имъ и даже преклоняться предъ ними. Авторъ указываетъ на Англію и на Бельгію. Тамъ министры независимы отъ дѣльцовъ и когда они прибѣгаютъ къ займамъ, то банкиры другъ передъ дружкой стараются предложить наивыгоднѣйшія условія.

Дѣйствительнымъ орудіемъ борьбы противъ злоупотребленій капитала г. Клодіо Жанне признаетъ кооперацію производителей и потребителей. Онъ находитъ, что типомъ организаціи и способа дѣйствій для ассоціаціи производителей могутъ служить тѣ синдикаты, которые созданы въ послѣднее время капиталистами. По всей вѣроятности, демократія унаслѣдуетъ эти экономическія формы, которыя были созданы противъ нея. Ассоціаціи потребителей, въ формѣ потребительныхъ обществъ, доказали уже свою жизнен-

ную силу, особенно въ Англіи. Такъ называемые большіе магазины, въ родѣ Лувра, Бонъ-Марше и другихъ, являются доказательствомъ выгодности мелочной торговли въ большихъ размѣрахъ и служатъ прототипомъ кооперативныхъ потребительныхъ учрежденій. Вмѣсто борьбы съ потребительными ассоціаціями, говоритъ авторъ, средніе и мелкіе фабриканты сдѣлали бы лучше, если бы примкнули къ нимъ въ качествѣ поставщиковъ; они нашли бы въ томъ свои выгоды. Примѣръ французскихъ провинціальныхъ банкировъ, соединившихся для производства своихъ операцій въ Парижѣ, указываетъ, какъ союзъ мелкихъ единицъ предоставляетъ имъ всѣ выгоды, которыми пользуются крупные банки. Болѣе 200 банкировъ вступило въ союзъ, образовали въ Парижѣ особый синдикатъ, который производитъ за ихъ счетъ всѣ операціи, и вышло тоже самое, какъ если бы этотъ синдикатъ былъ большимъ банкомъ, а они его отдѣленіями, хотя положеніе ихъ въ смыслѣ выгодъ и самостоятельности иное.

Въ концѣ главы авторъ касается вопроса о государственномъ банкѣ. Онъ полагаетъ, что крупныя кредитныя учрежденія, хотя и акціонерныя, но пользующіяся правомъ выпуска билетовъ въ обращеніе, болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ экономической жизни, чѣмъ мелкіе банки, обладающіе правомъ эмиссіи, или же банки, принадлежащіе государству. Хотя мелкіе (относительно) эмиссіонные банки, по мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, могли бы служить лучшимъ регуляторомъ денежнаго обращенія, составляя многочисленные и разбросанные по странѣ резервы денегъ, но они не могли бы съ успѣхомъ служить барьеромъ противъ дѣйствій крупныхъ банковъ, способныхъ потрясти денежный рынокъ ради своихъ цѣлей. По мнѣнію автора, тѣ, которые борятся во Франціи противъ эмиссіонной монополіи французскаго банка, во имя борьбы противъ монополіи вообще, на самомъ дѣлѣ сознательно или безсознательно играютъ въ руку финансовой олигархіи. Что касается государственнаго банка, то онъ имѣетъ то неудобство, что представляетъ собою слишкомъ послушное орудіе въ рукахъ правительства, а потому и не можетъ служить опорою (даже правительству) финансовой жизни страны. Опереться можно лишь на то, что способно сопротивляться. „Германскій Имперскій банкъ“, говоритъ г. Клодіо Жанне, подчиненный министру финансовъ, въ 1888 году, по приказу Бисмарка, прекратилъ выдачу ссудъ подъ русскіе фонды и тѣмъ вызвалъ временное ихъ пониженіе. Кредитъ русскаго правительства этимъ не былъ поколебленъ, но нѣмецкіе

капиталисты понесли крупныя потери. Этотъ примѣръ приведенъ въ доказательство вреда подчиненности правительству главнаго банка страны. Нельзя не согласиться съ авторомъ въ этомъ дѣлѣ, но нельзя сказать, что лучше, государственный ли банкъ или акціонерный въ родѣ французскаго. Послѣдній до сихъ поръ успѣшно сопротивляется требованію, чтобы онъ учитывалъ векселя земледѣльцевъ, отказывается учитывать векселя свыше трехъ мѣсяцевъ, а въ годину опасности (1870 г.) отказалъ въ деньгахъ правительству національной обороны. Если онъ способенъ бороться противъ финансовой олигархіи, то вѣдь и онъ съ своей стороны есть представитель такой же олигархіи. Преимущество его предъ государственнымъ банкомъ заключается лишь въ томъ, что онъ не выпуститъ неограниченнаго числа кредитныхъ билетовъ и не уронитъ ихъ курса. Намъ кажется, что во Франціи, въ палатѣ представителей народа, во время послѣднихъ преній о французскомъ банкѣ, обнаружилась довольно ясно зависимость депутатовъ и печати отъ финансовой олигархіи съ одной стороны и отъ финансовой рутины—съ другой. Къ этому присоединилось большое невѣжестно по отношенію къ тому, что дѣлается въ другихъ странахъ. Не будь всего этого, организація французскаго банка была бы преобразована въ видахъ общественной пользы. Но зависимость отъ плутократіи правительственныхъ сферъ, невѣжество послѣднихъ въ финансовыхъ вопросахъ могутъ существовать и при наличности государственаго банка; но тогда послѣдствія этихъ условій будутъ болѣе вредны, такъ какъ не будетъ на лицо матеріальной заинтересованности въ успѣхѣ учрежденія.

Я не имѣлъ въ виду передать содержаніе всей книги г. Клодіо Жанне, а ограничился лишь сообщеніемъ русскимъ читателямъ того, что мнѣ казалось наиболѣе интереснымъ. Если результатомъ моего сообщенія будетъ то, что у нѣкоторыхъ читателей явится желаніе прочесть эту интересную книгу и подумать надъ фактами, изложенными въ ней, я буду считать цѣль настоящей статьи достигнутою.

О значеніи дѣятельности Потемкина.

Милостивыя государыни и милостивые государи! Я воспользовался почетнымъ и лестнымъ для меня приглашеніемъ мѣстной общественной библіотеки, чтобы побесѣдовать съ вами о стародавнихъ судьбахъ нашего края, для опредѣленія того значенія, которое имѣетъ Потемкинъ, для выясненія той роли, которую пришлось играть этому человѣку въ судьбахъ Новороссіи. Политика Потемкина имѣетъ значеніе не только для нашего края, она имѣетъ въ виду самые жизненные вопросы, касающіеся судьбы всей страны,—это восточный вопросъ и вопросъ объ утвержденіи нашего владѣнія на Черноморскомъ побережьи.

Бесѣдуя о судьбахъ этого края, для опредѣленія значенія дѣятельности Потемкина, я послѣдую примѣру другихъ историковъ, напр., Н. И. Костомарова, который, разсказывая исторію Новгорода, очертилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію всего удѣльно-вѣчеваго уклада. Поэтому и я хочу коснуться прежде всего историческихъ судебъ Черноморскаго побережья. Давность его исторіи восходитъ до самыхъ отдаленныхъ вѣковъ, относится къ тому періоду, когда на страницахъ исторіи изъ всей Европы были записаны только греческія государства и ихъ колоніи въ Италіи. Тогда уже и здѣсь, на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, существуютъ греческія колоніи—Уфиуза (Аккерманъ), Ольвія, Пантикапея, и греческіе купцы вывозятъ отсюда хлѣбъ, солонину, рыбу и др. произведенія земледѣлія, скотоводства и рыболовства, получая въ обмѣнъ продукты греческой обрабатывающей промышленности. До какого развитія доходило земледѣліе въ этой странѣ, населенной скиѳами, можно заключить изъ того факта, что босфорскій царь

Левконъ въ 393 г. до Р. Х., вывезъ изъ складовъ Θеодосіи въ Аѳины 2.100,000 мѣръ хлѣба въ помощь голодавшей Греціи. Но правильному развитію края мѣшали степи, облегавшія широкою полосою и представлявшія удобную дорогу для передвиженія номадовъ; по этому именно пути и двигались они изъ степей Азіи. Вслѣдствіе переполненія Азіи, многія племена (гуны, хозары, венгры, печенѣги, половцы) двигались на западъ, проходили здѣсь черезъ Черноморскія степи, ничѣмъ не защищенныя съ сѣвера и востока, находили здѣсь удобныя пастбища, враждовали между собою и разоряли побережье Чернаго моря, не давая развиваться здѣсь земледѣльческой культурѣ. Но все же культурная жизнь, хотя и не имѣла условій для правильнаго развитія, продолжала пробиваться, на что указываютъ торговыя поселенія по Днѣпру, издавна служившему великимъ путемъ „изъ варягъ въ греки". Мало того, названія этихъ поселеній доказываютъ ихъ славянское происхожденіе: Пересѣчень—у устьевъ Днѣпра, затѣмъ нѣсколько выше по Днѣпру Олешье (теперешній г. Алешки), служившіе передаточными пунктами торговли съ греками. Въ это время Русь была страна довольно культурная, о чемъ свидѣтельствуютъ обширныя и правильныя торговыя сношенія съ такимъ культурнымъ центромъ того времени какъ Византія; объ этомъ свидѣтельствуетъ текстъ договоровъ Олега и Игоря, гдѣ разрѣшаются вопросы гражданскаго и коммерческаго права, въ которыхъ не могло бы быть надобности, если бы культурное развитіе славянъ стояло на совершенно низкой ступени. Постоянныя столкновенія съ кочующими номадами оказались не подъ силу славянамъ, и съ X—XIII вѣка замѣчается отступленіе русскихъ поселеній отъ Черноморскаго побережья. Наплывъ номадовъ ослабляетъ экономическую дѣятельность южныхъ степей, пока нашествіе татаръ не наноситъ гибельнаго удара всей русской землѣ, надолго задерживая культурное развитіе цѣлой страны. Русская земля въ продолженіи двухъ вѣковъ выдерживала на себѣ тяжесть татарскаго гнета; она отстояла Европу отъ нашествія дикихъ полчищъ, и Европа развитіемъ своей культуры обязана отчасти тому, что Русь на своихъ плечахъ выдержала эту тяжесть, пріостановившую въ ней самой развитіе культурныхъ формъ жизни. И эта заслуга передъ Западной Европой принадлежитъ, главнымъ образомъ, Приднѣпровью. Однако, культурная жизнь не замерла окончательно на Черноморскомъ побережьи. Являются новые культурные народы, съ цѣлью эксплоатировать съ моря богатства побережья.

Это были генуэзцы и венеціанцы, которые устроили колоніи Кафу, Танъ, (теперешній Азовъ) и нѣкоторыя поселенія въ Приднѣстровьи. Они являются преемниками роли грековъ въ дѣлѣ торговли, завязываютъ сношенія съ отдаленными странами Азіи и, главнымъ образомъ, съ Индіей и служатъ, такимъ образомъ, посредниками при обмѣнѣ продуктовъ этой страны и Европы съ продуктами Азіи и, между прочимъ, Индіи. Торговля развилась до значительныхъ размѣровъ, доставляя торговцамъ большія выгоды; колоніи процвѣтали; онѣ были необходимы, на что указываетъ тотъ фактъ, что, когда схлынула татарская орда,—дѣятельность ихъ снова возобновилась. Между тѣмъ, на арену исторической жизни Европы выдвинулась новая сила номадовъ,—турки завладѣли Константинополемъ. Культурная жизнь была чужда этимъ завоевателямъ, они добывали средства къ существованію съ оружіемъ въ рукахъ и, не производя ничего, жили на счетъ другихъ, осѣдлыхъ народовъ. Близкое сосѣдство такого воинственнаго народа мѣшало правильному развитію торговыхъ сношеній съ Черноморскимъ побережьемъ. Венеціанскіе купцы, наслѣдовавшіе генуэзцамъ въ черноморской торговлѣ, желая избавиться отъ турокъ, завели съ европейскими правительствами переговоры объ изгнаніи турокъ изъ Европы. Но объ этихъ сношеніяхъ узнали турки, и, для огражденія своихъ интересовъ, поспѣшили напасть на побережье Чернаго моря, разрушили венеціанскія и генуэзскія колоніи, подчинили себѣ все Черноморское побережье, а подъ ихъ владычествомъ культурная жизнь не могла развиваться, и въ XV и XVI вѣкахъ экономическая дѣятельность здѣсь замираетъ. Послѣ татарскаго погрома оказалось невозможнымъ перенести этотъ новый погромъ. Ударъ съ сѣвера, потомъ ударъ съ юга—и произошло замираніе жизни. Бывшіе извѣстными до послѣдняго времени источники давали возможность думать, что въ это время въ Черноморскихъ степяхъ царило полное запустѣніе. И нѣкоторые авторы, описывая въ этотъ періодъ степи, говоря о мѣстностяхъ, постоянно употребляютъ выраженіе „пустыня“, а говоря о людяхъ, населяющихъ эти мѣста, называютъ ихъ запорожцами-разбойниками. Но другіе историческіе матеріалы обращаютъ наше вниманіе на существованіе здѣсь элементовъ греческаго и малорусскаго, на торговлю, которую ведутъ греки, вывозя подъ турецкимъ флагомъ изъ Очакова, Ѳеодосіи, Козлова, Аккермана хлѣбъ, мѣха, шерсть, сало и воскъ. Кто же добывалъ и доставлялъ для вывоза эти продукты; должно же было существовать осѣдлое населеніе въ

странѣ, ведущей торговлю такими продуктами. Такое населеніе и существовало въ степяхъ Черноморскаго побережья; это были казаки, которые занимались земледѣліемъ, скотоводствомъ и рыболовствомъ, а въ то же время были всегда готовы, съ оружіемъ въ рукахъ, защищать осѣдлую земледѣльческую культуру отъ нападенія номадовъ. Насколько производителенъ былъ этотъ край, показываетъ слѣдующее обстоятельство: французскій посолъ въ Константинополѣ, Феріоль, въ 1709 г., когда во Франціи свирѣпствовалъ голодъ (а турки запрещали вывозъ хлѣба), указывалъ на то, что въ Константинополѣ, въ особенности въ проливѣ, можно достать сколько угодно хлѣба, привозимаго изъ Черноморскаго побережья; для этого стоитъ только дать взятку турецкимъ чиновникамъ, наблюдающимъ за портомъ, и они допустятъ, чтобы суда, привозящія хлѣбъ, не заходили въ константинопольскій портъ, а перегружались бы въ Босфорѣ на марсельскія суда, которыя свободно могли отправляться и доставлять хлѣбъ въ Марсель и другія мѣста. Хлѣбъ изъ приднѣпровскихъ поселеній вывозился черезъ Очаковъ и Козловъ; Аккерманъ игралъ роль экспортной гавани для Приднѣстровья; отсюда хлѣбъ и воскъ отправлялся въ Константинополь, а изъ Константинополя во Францію, Италію, Испанію. Старыя французскія морскія карты половины XVIII вѣка, видѣнныя мною въ Парижѣ, въ національной библіотекѣ, указываютъ на близость къ Черному морю казацкихъ поселеній (Глубокая Пристань, Голая Пристань, Алешки), которыя двигались на югъ, по мѣрѣ торжества казаковъ надъ татарами. Еще въ сочиненіи французскаго автора Пейсонеля есть указанія на ту важную роль, которую играли въ это время запорожцы въ жизни Черноморскаго побережья; по его словамъ, они являлись земледѣльцами, арендаторами соленыхъ озеръ въ Крыму, гдѣ добывали соль и торговали ею, перевозили товары, охраняли чумацкіе караваны отъ нападеній татаръ. Населеніе Крыма тоже обладало развитою промышленностью. Особенно славились крымскія кожи, сафьянъ, сѣдла, стрѣлы и луки, портупеи, дамскіе полусапожки, башмаки. Кромѣ мѣха, шерсть и хлѣбъ составляли крупныя статьи крымскаго вывоза. Мѣха отправлялись отсюда разнообразные—соболь, лисица, горностай, волкъ (темнобурый), барашекъ и сусликъ. Послѣднихъ въ большомъ количествѣ ловили кочующіе въ степяхъ номады и привозили продавать крымчакамъ, для которыхъ и мѣхъ суслика служилъ предметомъ вывоза. Крымскія издѣлія изъ желѣза и кожи распространялись въ Турціи и Польшѣ, гдѣ ими очень дорожили.

Изъ этого бѣглаго очерка мы видимъ, какими богатствами обладало Черноморское побережье и какая громадная культурная сила могла развиться здѣсь при мирномъ теченіи жизни; но мирное теченіе было невозможно въ сосѣдствѣ съ номадами, которые войною добывали себѣ средства къ жизни и разоряли своихъ осѣдлыхъ сосѣдей, опустошая цѣлыя населенныя мѣстности. Отсюда вытекаютъ три задачи русскихъ на Черноморскомъ побережьи: изгнать отсюда номадовъ, для поддержанія правильной торговли—сдѣлать устье Днѣпра, этого великаго воднаго пути, свободнымъ для русскаго судоходства и создать на Черномъ морѣ флотъ. Легко понять, что надежнымъ оплотомъ противъ опустошеній номадовъ могло бы служить значительное осѣдлое населеніе. Такая мысль существовала давно, и первые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы еще въ царствованіе Анны Іоанновны, когда, для заселенія юга Россіи, вызывались сербы, образовавшіе своими поселеніями такъ называемую Новую Сербію. По той же причинѣ, какъ и казацкія поселенія, эти новыя поселенія имѣли полу-военный характеръ. Ознакомленіе съ движеніемъ такихъ поселеній указываетъ на постепенное стремленіе ихъ къ югу. У русскихъ уже бродила тогда мысль о значеніи, которое будетъ имѣть для государства укрѣпленіе на побережьи Чернаго моря; однако, значеніе такого укрѣпленія не сознавалось ясно и не предпринималось ничего рѣшительнаго для его осуществленія. Недоставало яснаго пониманія всей важности такого предпріятія, не являлось иниціатора для принятія рѣшительныхъ мѣръ. Наконецъ, такіе люди явились въ лицѣ Императрицы Екатерины II и Потемкина.

Дѣятельность Потемкина имѣла большое значеніе для всей государственной жизни вообще и для Черноморскаго побережья въ особенности. Каковъ же былъ этотъ человѣкъ по уму, по характеру, по взглядамъ? Мнѣнія относительно этихъ вопросовъ не установились; поклонники находили его геніальнымъ, а его противники, враги, не видѣли въ немъ никакихъ достоинствъ. И до настоящаго времени невозможно съ достовѣрностью выяснить личность Потемкина, такъ какъ изслѣдователи этого періода, имѣя въ своемъ распоряженіи массу писемъ, писанныхъ разными лицами къ Потемкину, не располагаютъ, въ должной степени, тѣми письмами, которыя писалъ онъ. Такимъ образомъ, многое въ этой личности остается для насъ неяснымъ. Можно утверждать, что это былъ умъ широкій, сразу охватывающій цѣлый рядъ явленій въ ихъ связи и взаимодѣйствіи, дѣлающій быстрые и смѣлые вы-

воды изъ сопоставленія фактовъ. Эти выводы имѣютъ иногда характеръ необузданной фантазіи, не признающей никакихъ препятствій, со стороны дѣйствительности, къ своему осуществленію. Такое направленіе объясняется идеями, господствовавшими въ XVIII вѣкѣ. Въ Западной Европѣ, мыслители, выработавъ какую-либо идею и увѣровавъ въ ея справедливость, совершенно не находили нужнымъ считаться съ дѣйствительностью и съ препятствіями, которыя она ставитъ. Французскій авторъ Кастельно говоритъ, что при всей широтѣ своего ума, Потемкинъ обладалъ „бродячею фантазіей“. Однако же, у Потемкина явилось вѣрное пониманіе значенія для Россіи Чернаго моря, тогда какъ въ русскомъ обществѣ объ этомъ существовали только смутныя представленія. Еще въ первый свой пріѣздъ на югъ Россіи онъ сопоставлялъ татаръ съ половцами и вспоминалъ о стародавнихъ сношеніяхъ русскихъ съ Византіей. Говорятъ, что онъ имѣлъ большую склонность къ бездѣятельности, способенъ былъ лежать по цѣлымъ днямъ почти безъ движенія. Послѣднее весьма вѣроятно, но мы не знаемъ, какая работа мысли происходила у него въ это время. Работа мысли бываетъ тяжелая, когда мыслящій человѣкъ подбираетъ, группируетъ факты и съ трудомъ строитъ умозаключенія, направляя все это къ одной цѣли; но бываетъ и такая работа ума, когда умъ человѣка, помимо его воли, иногда почти безсознательно, вызываетъ образы, строитъ рядъ логическихъ мыслей, приводящихъ въ концѣ концовъ къ чему-нибудь грандіозному, прекрасному. Достаточно сравнить беллетристическія произведенія такихъ писателей какъ Э. Золя съ произведеніями Толстого или Тургенева, чтобы понять разницу между творчествомъ ума тяжелаго и творчествомъ ума геніальнвго, такъ сказать, артистичнаго. У Потемкина была слишкомъ развита фантазія и потому его проэкты иногда и принимали невозможные формы и размѣры, а указанное нами выше вліяніе умонастроенія XVIII вѣка дѣлали то, что онъ стремился къ осуществленію своего плана, не считаясь съ дѣйствительностью, не обращая вниманія на противорѣчія хотя бы и цѣлаго строя жизни. Когда явилась мысль о необходимости построить г. Екатеринославъ, онъ составилъ самый фантастичный планъ сооруженія города, не обращая вниманія на отсутствіе населенія въ этихъ краяхъ. По его предположенію городъ долженъ быть громаденъ, съ многочисленнымъ населеніемъ, и планируетъ онъ подъ постройку города пространство въ окружности въ 300 верстъ; для нуждъ гражданъ, существующихъ еще только въ его вообра-

женіи, отводитъ городской выгонъ въ 80,000 десятинъ земли; хочетъ блескомъ затмить древній Римъ и задаетъ архитектору задачу, построить соборъ такой-же какъ и Петра въ Римѣ, но пустить „на одинъ аршинчикъ больше“. Фундаментъ предполагавшагося храма, стоившій 71,000 руб., служитъ теперь оградой небольшой церкви и указываетъ на размѣры проэктированнаго храма. Устраивается мѣсто для судилищъ—римскій форумъ, посрединѣ котораго великолѣпная базилика, гдѣ должно было происходить судилище. Кругомъ форума роскошныя зданія, гдѣ должна была производиться всякая торговля, а невдалекѣ намѣчается мѣсто для театра и музыкальной академіи, которая хотя и не существовала, но уже имѣла своего директора, въ лицѣ Сарти. Оказывается необходимость устроить здѣсь и университетъ. На вопросъ для кого, онъ указалъ, что будутъ пріѣзжать греки, валахи и сербы; изъ его переписки, по поводу университета, можно заключить, что университетъ уже существовалъ, были назначены профессора, получали жалованье, и на это потрачено до 20,000 руб. Кромѣ того, было проэктировано 12 фабрикъ, изъ которыхъ одна чулочная была даже выстроена, на что было затрачено 270,000 рублей.

Къ особенностямъ характера Потемкина относятъ еще лѣность, нежеланіе работать. Но принявъ во вниманіе ту массу переписки, которую онъ долженъ былъ вести, тѣ проэкты, планы, указы, распоряженія, которыя исходятъ отъ него, можно спросить, кто же это дѣлалъ такую массу работы? И если въ Потемкинѣ была лѣнь, то какая это была большая рабочая сила, могущая въ періоды возбужденія дѣятельности исполнить такую массу работы. При первомъ пріѣздѣ своемъ въ Черноморское побережье, его воображеніе поражено существовавшими еще при Олегѣ и Игорѣ сношеніями съ греками по Днѣпру. Такъ какъ теперь мѣсто половцевъ заняли турки и татары, то нужно Крымское царство уничтожить и Крымъ присоединить къ Россіи со всѣмъ Черноморскимъ побережьемъ; турокъ выгнать изъ Европы, возстановить греческую имперію, основать Дакійскую монархію, въ составъ которой войдутъ Валахія, Молдавія и Румынія. Фантазіи его заходили такъ далеко, что на греческій престолъ намѣченъ былъ уже императоръ—Константинъ Павловичъ, предназначенный къ этой роли со дня рожденія. Но устраивая новыя монархіи, Потемкинъ не принималъ во вниманіе существующихъ условій. Онъ проэктировалъ на Балканскомъ полуостровѣ Греческую имперію, игнорируя славянскій элементъ, населявшій Балканскій полуостровъ.

Обширность его задачъ совершенно не соразмѣрна съ силами; онъ забываетъ, что Турція не одна, что она съ 1640 года находится въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Франціей, а потомъ и съ Англіей; что для интересовъ этихъ двухъ государствъ очень важно сохранить государство, съ которымъ существуютъ уже привычныя сношенія и воспротивиться возсозданію Греческой имперіи; забываетъ и про недружелюбныя отношенія къ Россіи Пруссіи, которая черезъ нѣкоторое время успѣла натравить противъ Россіи Швецію. При всей широтѣ своихъ замысловъ, Потемкину не доставало настойчивости и выдержки; неудачи заставляли его падать духомъ, приходить въ отчаяніе, и императрица Екатерина II составляла, въ этомъ отношеніи, полную противоположность Потемкину. Ей приходилось ободрять его въ тяжелыя минуты. Когда цѣлымъ рядомъ мѣръ, безъ сраженія, онъ успѣлъ добиться уступки татарами Крыма русскимъ, за что по справедливости получилъ титулъ князя Таврическаго, онъ организовалъ для Чернаго моря флотъ и мѣстомъ его стоянки избралъ Севастополь. Когда во время турецкой войны флотъ этотъ сильно пострадалъ отъ бури, это настолько лишило Потемкина мужества, что онъ хотѣлъ покинуть Крымъ и предлагалъ императрицѣ вывести поскорѣе изъ Крыма всѣ войска, а послѣ опять покорить его. Императрица рѣшительно воспротивилась такому плану и ей удалось уговорить его.

Считая крымчаковъ номадами, Потемкинъ не заботился о сохраненіи осѣдлаго крымскаго населенія и допускалъ всякія притѣсненія ихъ, послѣдствіемъ которыхъ была усилившаяся эмиграція; тогда у него является идея заселить Крымъ, вмѣсто его коренныхъ жителей, англійскими каторжниками. Онъ завелъ по этому вопросу переговоры съ англійскимъ правитєльствомъ, и только вслѣдствіе вмѣшательства узнавшаго объ этомъ русскаго посла въ Англіи, кн. Воронцова, сообщившаго о переговорахъ Потемкина, Екатерина приняла мѣры, чтобы помѣшать осуществленію этого желанія. Такой планъ поражаетъ своею несостоятельностью; южные жители Крыма далеко не номады; ихъ типичныя черты указываютъ на происхожденіе отъ европейцевъ; это и были потомки тѣхъ колонистовъ (грековъ, итальянцевъ и готовъ), которые въ глубокой древности вели торговлю по побережью Чернаго моря. Австрійскій путешественникъ, купецъ Клеманъ, посѣтившій въ первой половинѣ XVIII вѣка Крымъ, говоритъ о развитіи промышленной дѣятельности крымскихъ жителей, перечисляетъ разныя издѣлія изъ кожи и желѣза, которыми славился Крымъ и о

которыхъ упоминалось выше. Но Потемкинъ не зналъ всего этого и думая замѣнить это населеніе каторжниками, поступалъ по невѣдѣнію, и невѣдѣніе это было удѣломъ всего русскаго общества. Но нельзя отрицать громадной заслуги Потемкина передъ Россіей: онъ сумѣлъ угадать ближайшія задачи русскаго народа на Черноморскомъ побережьи и сумѣлъ осуществить ихъ. Онъ доказалъ Екатеринѣ II необходимость учрежденія Новороссійскаго генералъ-губенаторства, которое въ его же лицѣ принесло краю громадпую пользу. Ища славы и не находя для себя примѣра въ дѣлахъ другихъ государственныхъ людей для прославленія, онъ нашелъ, что такое предпріятіе, какъ присоединеніе Крыма и Черноморскаго побережья, будетъ довольно оригинально, убѣдилъ въ этомъ же императрицу и, назначенный главнокомандующимъ арміи и флотомъ, быстро началъ подвигаться къ своей цѣли, осуществляя первую задачу. Россіи на Черноморьи: освобожденіе степей отъ номадовъ. Другая задача—очищенье устьевъ Днѣпра—исполнена взятіемъ Очакова, стоившимъ, однако, слишкомъ многихъ жертвъ; но здѣсь онъ уже навлекъ на себя нареканія за излишнюю медлительность. Но онъ и не былъ воиномъ и жалѣлъ пускать солдатъ въ опасность, составляя совершенную противоположность Суворову, не останавливавшемуся передъ жертвами.

Въ противовѣсъ Очакову, Потемкинъ хотѣлъ построить другой городъ, близъ устья Днѣпра, и въ 1776 году издалъ указъ о постройкѣ Херсона на мѣстѣ Глубокой Пристани, гдѣ издавна поддерживались торговыя сношенія между сѣверомъ и югомъ. Однако городъ былъ построенъ въ другомъ мѣстѣ, менѣе удобномъ, окруженномъ болотами. Въ Херсонѣ Потемкинъ приступилъ къ постройкѣ гребнаго флота и затѣмъ снарядилъ этотъ флотъ, набравши матросовъ, по словамъ Іосифа II Австрійскаго, изъ простыхъ солдатъ, а самый флотъ, по словамъ Іосифа, былъ построенъ изъ сырого дерева. Но тутъ заслуга со стороны Потемкина въ быстротѣ дѣйствій: флота не изъ чего было строить и матросовъ набирать не изъ кого, такъ какъ край былъ слабо населенъ и прибрежныхъ жителей, опытныхъ мореходцевъ, совсѣмъ не было; сушить дерево для постройки кораблей — не было времени, и флотъ вышелъ такимъ, какимъ онъ только могъ быть при существовавшихъ условіяхъ.

Херсонъ, между тѣмъ, развивался довольно быстро; въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ здѣсь уже дѣйствуетъ иностранная торговая фирма бр. Антуанъ изъ Марселя; черезъ Константино-

польскій проливъ проходитъ судно французской компаніи подъ русскимъ флагомъ; въ 1782 году сюда приходитъ уже пять кораблей съ грузомъ вина, фруктовъ и суконъ; въ 1784 году здѣсь уже три иностранныя фирмы: бр. Антуанъ, Фабри и К⁰ и польское товарищество, которое имѣло вездѣ своихъ агентовъ. Для удобства этой торговли была устроена почта въ Богополье. Сношеніе Херсона съ Польшей значительно повысило сбытъ къ Черному морю товаровъ юго-западнаго края. Это возбудило неудовольствіе со стороны Фридриха II, такъ какъ подрывало торговлю Кенигсберга. Результатомъ развитія торговыхъ сношеній явилась и болѣе дѣятельная колонизація края; при томъ Потемкинъ старался заводить здѣсь русскія поселенія, тогда какъ его предмѣстники колонизировали степи преимущественно иностранными выходцами. Потемкинъ покровительствовалъ переселенію сюда раскольниковъ и экономическихъ крестьянъ. Были въ Россіи губерніи, изъ которыхъ можно было бы направить колонизаціонную волну (Кіевская, Полтавская губерніи), но существовавшее тогда крѣпостное право мѣшало этому. Результаты колонизаціи выражаются слѣдующими данными: въ Новую Сербію съ 1736—1760 гг. переселено до 36,000 сербовъ; въ 1768 году было 52,000 населенія, въ томъ числѣ 12,000 раньше поселенныхъ; въ 1774 году въ трехъ провинціяхъ—Екатеринославской, Елисаветрадской и Бахмутской — 158,000 жителей, въ 1782 году — 529,000, въ 1787 г.— 688,000, а по другимъ источникамъ 744,000 душъ, и наконецъ, въ 1794 году населеніе достигло 860.000 душъ. Такимъ образомъ, колонизація степей шла довольно успѣшно. Не менѣе успѣшно развивалась и торговля. Въ 1794 году ввозъ въ главные порты Черноморья достигалъ 989,000 рублей, въ томъ числѣ на Очаковъ приходилось 244,000 руб., а вывозъ 1.054,000 руб., наибольшая часть котораго падала на Таганрогъ—439,000 руб.; между тѣмъ за 1792, 1793 и 1794 гг., по статистическимъ изслѣдованіямъ Шторха, вывезено изъ этихъ гаваней главнаго предмета торговли—пшеницы—242,000 четвертей, при чемъ на Очаковъ приходилось 88,000 четв. Въ 1802 году на Одессу приходилось всего 60—70 тыс. четв., а затѣмъ Одесса поглощаетъ всю торговлю. При Потемкинѣ съ 1780—1787 гг. русскихъ и иностранныхъ поселеній основано здѣсь 758 съ 76,147 жителями. Такимъ образомъ, колонизація и торговля съ особенной силой развивались во время дѣятельности Потемкина, и этимъ Россія ему обязана. Онъ, не смотря на свои ошибки, принадлежалъ къ числу людей спо-

собныхъ уловить потребности и стремленія общества; онъ нашелъ возможность и осуществить ихъ.

Главныя задачи русской политики на Черноморскомъ побережьи осуществлены: степи освобождены отъ разорительныхъ для осѣдлаго населенія набѣговъ номадовъ, устья Днѣпра открыты для свободнаго судоходства, власть турокъ на Черномъ морѣ уничтожена, и за все это Россія должна быть благодарна Потемкину... Обитатели этого края теперь пожинаютъ плоды трудовъ рукъ его.

Наши конкурренты.

Levasseur. „L'Agriculture aux Etats-Unis". Raris. 1894 г.

Въ настоящее время вопросъ о будущности земледѣлія интересуетъ многихъ, а одесситовъ, пожалуй, больше, чѣмъ жителей другихъ городовъ. Вслѣдствіе особенностей своего экономическаго положенія Одесса процвѣтаетъ и вянетъ вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ и увяданіемъ сельскаго хозяйства. Поэтому Одессу близко интересуютъ вопросы объ урожаѣ, цѣнахъ на хлѣбъ, фрахтахъ и прочихъ условіяхъ сбыта хлѣба. Но ея коммерческій взоръ идетъ дальше: она видитъ, что выгодность сбыта русскаго хлѣба зависитъ не отъ насъ однихъ, но и отъ условій производства и сбыта хлѣба у нашихъ конкуррентовъ на міровомъ рынкѣ—у американцевъ и индійцевъ. Вотъ причина, почему я рѣшаюсь занять вниманіе читателей „Одесскихъ Новостей" бесѣдою о нѣкоторыхъ сторонахъ земледѣлія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Поводомъ этой бесѣды является книга извѣстнаго французскаго экономиста и статистика Эмиля Левассера. Онъ совершилъ въ 1893 году путешествіе въ Америку со спеціальною цѣлью познакомиться съ положеніемъ тамошняго земледѣлія. Результатомъ этого путешествія явилась упомянутая въ заголовкѣ довольно объемистая и очень интересная книга. Пользованіе ею и усвоеніе богатаго матеріала, въ ней заключающагося, облегчается 14 графическими таблицами и картами, приложенными къ книгѣ. На нихъ читатель наглядно знакомится съ ходомъ культуры хлѣбовъ, травъ, хлопка и табаку, съ движеніемъ цѣнъ, съ распространеніемъ по штатамъ той или другой хлѣбной культуры, скотоводства и т. д. Имя Левассера достаточно извѣстно, чтобы сдѣлать напе-

редъ выводъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло не съ замѣтками туриста. Конечно, его личныя наблюденія имѣютъ большую цѣну, тѣмъ болѣе, что онъ уже прежде бывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а потому могъ сравнивать теперешнія явленія съ тѣми, которыя видѣлъ раньше; но онъ не ограничился наблюденіями, онъ исчерпалъ богатый матеріалъ, представляемый прекрасно организованною американскою статистикою, а также и воспользовался показаніями многихъ компетентныхъ людей. Его книгу можно поставить въ параллель съ извѣстною книгою покойнаго профессора одесскаго университета. Р. В. Орбинскаго, командированнаго въ 1879 году министерствомъ финансовъ въ Соединенные Штаты съ цѣлью изслѣдованія тамошняго земледѣлія и хлѣбной торговли. Книга Левассера также богата, какъ и книга Орбинскаго, но она даетъ намъ свѣдѣнія самоновѣйшія, кончающіяся 1893 годомъ, а при теперешней быстротѣ перемѣнъ въ экономической жизни 13 лѣтъ много значатъ.

Однимъ изъ условій устойчивости въ борьбѣ на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ являются, между прочимъ, формы землевладѣнія. Давно уже отмѣчена экономистами особенная выгодность мелкаго землевладѣнія, если только дробленіе не переходитъ того предѣла, за которымъ оно является препятствіемъ для полнаго приложенія труда человѣка и усовершенствованныхъ орудій производства. Конечно, сторонники крупнаго землевладѣнія тоже выставляютъ довольно аргументовъ въ пользу его сравнительной выгодности; но эти аргументы далеко не убѣдительны съ экономической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія соціальной—всѣ выгоды лежатъ на сторонѣ мелкаго землевладѣнія. Американское землевладѣніе можно отнести къ среднему землевладѣнію; крупное землевладѣніе преобладаетъ только въ южныхъ, бывшихъ рабовладѣльческихъ штатахъ; но для хлѣбнаго производства они имѣютъ очень мало значенія. Участки государственныхъ земель, которые раздавались на основаніи закона 1862 года о надѣлѣ поселенцевъ землями („Homestead“), а такихъ земель роздано съ 1870 по 1893 годъ 295 милліоновъ акровъ (около 100 мил. десятинъ),— эти участки не превышаютъ 160 акровъ каждый, (около 60 десятинъ). Землевладѣльцы такой величины сами работаютъ вмѣстѣ со своими рабочими, а отсюда понятна и успѣшность самой работы. Замѣчательно, что по послѣдней (11-ой) переписи оказывается, что въ 22 штатахъ на каждую сотню фермеровъ приходится 68 собственниковъ и 32 арендатора.

Другимъ элементомъ, важнымъ для устойчивости сельскаго хозяйства въ международной конкурренціи, является задолженность землевладѣнія Кажется, что и въ этомъ отношеніи, какъ и въ организаціи землевладѣнія, американцы имѣютъ преимущество предъ нами. Общая цифра ипотечнаго долга, лежащаго на сельской и городской недвижимости, неизвѣстна, но нѣкоторыя отдѣльныя изслѣдованія показываютъ, что изъ 68 фермеровъ у 47 нѣтъ долговъ, а лишь 21 обременены ими; но и обремененіе это не очень велико; оно составляетъ обыкновенно около 35 проц. стоимости заложенныхъ имѣній. Это немного. Надо имѣть при этомъ въ виду, что значительная часть долга есть результатъ пріобрѣтенія поселенцемъ земли въ долгъ и расходовъ на первоначальное обзаведеніе. Но ростъ на капиталъ американскіе фермеры платятъ болѣе высокій, чѣмъ наши хозяева. Первые платятъ до 7 проц. годовыхъ, тогда какъ наши платятъ большею частью 5 и $5^1/_2$ проц. вмѣстѣ съ погашеніемъ капитала.

Вслѣдъ за распредѣленіемъ земли и степенью задолженности землевладѣнія, какъ факторами производства хлѣба, является стоимость и качество земледѣльческаго труда. На первый разъ кажется, что американцы поставлены въ этомъ отношеніи не въ особенно благопріятныя условія для международной конкурренціи, ибо трудъ въ Америкѣ оплачивается дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, американскій земледѣльческій рабочій въ 1892 году получалъ 12,54 долларовъ въ мѣсяцъ на хозяйскихъ харчахъ и 18,16 доллара на своихъ. Это составляетъ около 25 р. на хозяйскихъ харчахъ и 37 р. на своихъ. Это средняя плата. По районамъ она колеблется за тотъ же годъ слѣдующимъ образомъ: въ восточныхъ штатахъ рабочій на своихъ харчахъ получалъ 26,64 долл., въ центральныхъ штатахъ 23,62 долл., въ южныхъ—14,77, въ западныхъ—22 и въ Калифорніи 35,50 долл. Левассеръ говоритъ, что лѣтомъ американскій сельскій рабочій получаетъ на своей пищѣ 120 fr. въ мѣсяцъ, т. е. около 45 руб.

Казалось бы, что такая дороговизна рабочихъ рукъ должна стоять неодолимымъ препятствіемъ для усиленной конкурренціи американцевъ съ другими націями въ хлѣбной торговлѣ. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Трудъ американскаго рабочаго производительнѣе труда рабочихъ въ странахъ, конкуррирующихъ съ ними. Эта большая производительность объясняется двумя главными причинами. Прежде всего, американскій рабочій, за исключеніемъ южныхъ штатовъ, въ большинствѣ случаевъ работаетъ вмѣстѣ со

своимъ хозяиномъ, ѣстъ съ нимъ за однимъ столомъ и питается хорошо. Они ѣдятъ три раза въ день, и пища ихъ состоитъ изъ хлѣба, мяса, овощей, чаю и кофе. Вслѣдствіе этого онъ работаетъ энергично и съ лихвой возвращаетъ своею работою свое высокое вознагражденіе.

Вторая причина производительности его труда кроется въ хорошихъ орудіяхъ, которыми онъ снабженъ и въ широкомъ распространеніи машинъ, которыя значительно увеличиваютъ производительность труда. Прибавимъ сюда фактъ, который отмѣченъ былъ еще Орбинскимъ; это то, что вслѣдствіе своей развитости американскій рабочій требуетъ гораздо меньше надзора за собою, чѣмъ, напримѣръ, русскій рабочій. Такимъ образомъ, американскій хозяинъ больше тратитъ на жалованіе рабочему, но за то не несетъ такого большого расхода на надзоръ, какой полагается у насъ. Въ концѣ концовъ, оказывается, что высокая заработная плата, существующая въ американскихъ штатахъ сводится на низкую, если ее разложить на каждую четверть выработаннаго зерна.

Данныя о доходности американскаго земледѣлія подтверждаютъ мысль о значительной производительности сельскаго труда. Въ періодъ съ 1880 по 1889 годъ средняя стоимость урожая каждаго гектара ($^9/_{10}$ дес.) равнялось:

подъ пшеницею 128 фр. 10 с.
„ кукурузою 121 „ 92 „
„ рожью 106 „ 47 с.

Какъ велика доходность земледѣлія?

На этотъ вопросъ отвѣтить очень трудно, потому что доходность зависитъ въ значительной степени отъ умѣлости самого хозяина препріятія и отъ многихъ мѣстныхъ условій. Тѣмъ не менѣе, можно привести показаніе хорошаго сельскаго хозяина Пауэра, который говоритъ, что въ его помѣстьи въ Элендэлѣ, въ штатѣ Дакота, издержки производства въ 1889 г. составили 55 фр. 25 с. на гектаръ, что при урожаѣ въ 13,5 гектол. бывшемъ въ 1889 г. составило, считая и налоги и проц. на капиталъ, немножко больше 6 фр. на гектолитръ (около 3 четвериковъ), такъ что, продавъ хлѣбъ по 10 фр. 32 с. (около 9 р. за четверть), онъ получилъ прибыль въ 4 фр. 13 с. съ гектолитра, или 55 фр. 75 с. на гектаръ, что составитъ около 12 р. 50 коп. на нашу десятину. Переводя этотъ разсчетъ на теперешнюю цѣну хлѣба, надо полагать, что этотъ доходъ сократился до 6 р. съ десятины. Хотя эти разсчеты не могутъ быть обобщаемы безъ риска, но они все таки пока-

зываютъ, что у хорошаго хозяина рабочій, оплачиваемый въ лѣтнее время 45 руб. въ мѣсяцъ, не приноситъ убытка даже при нынѣшнихъ цѣнахъ.

При тѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, которыя были въ Америкѣ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, въ видѣ дѣвственной почвы, прилива энергичныхъ и культурно-развитыхъ работниковъ и разумной организаціи надѣла поселенцевъ землями, производство хлѣба росло быстро, а съ нимъ и его вывозъ. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ Р. В. Орбинскій на столбцахъ „Одесск. Вѣстника“ указывалъ русской публикѣ на растущаго опаснаго конкуррента нашему сельскому хозяйству. Я помню, какъ сейчасъ, съ какимъ скептицизмомъ встрѣчены были эти указанія: Европа, молъ, не можетъ обойтись безъ нашей пшеницы, а американская противу нашей не выстоитъ. Теперь мы знаемъ, кто былъ правъ.

Вотъ какъ росло производство пшеницы въ Сѣв.-Ам. Штатахъ. Въ 1839 году сборъ ея равнялся 307 тысячамъ гектол., въ 1867 году—70 мил., въ 1891 году онъ достигаетъ самой большой цифры—222 мил., въ 1892 году онъ спускается до 187 мил., а въ 1893 г. до 143 мил. гектолитровъ. Это сокращеніе сбора пшеницы зависѣло въ 1893 году не только отъ сокращенія запашекъ, которое происходитъ и теперь подъ вліяніемъ упадка цѣнъ, но, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе осенней засухи 1892 г., погубившей озимые посѣвы.

На ряду съ такими гигантскими шагами въ ростѣ производства шло увеличеніе вывоза хлѣба. Онъ развивался совершенно также быстро, какъ и производство. Но выгодность его достигла своего максимума въ 1880 году, когда вывозимое зерно оцѣнивалось въ 288 мил. долларовъ. Съ 1880 года цѣнность вывоза хлѣба падаетъ; въ 1890 году она спускается до 160 мил.; въ 1893 году она поднимается до 169 мил. долларовъ; но количественно вывозъ былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ 1880 году. Это видно по цѣнѣ пшеницы: въ началѣ 80-хъ годовъ она продавалась по 20 фр. 30 с. за гектолитръ; постепенно понижаясь, она дошла до 11 фр. 36 с., а въ 1893 г. упала до 7 фр. 81 с.

Это паденіе цѣны хлѣба и соединенное съ нимъ нѣкоторое сокращеніе производства, замѣченное въ послѣдніе два года, объясняется,—кромѣ случайнаго обстоятельства—серебряного кризиса—двумя факторами: съ одной стороны, большимъ расширеніемъ производства хлѣба въ Соединенныхъ Штатахъ и въ конкуррирую-

щихъ съ ними странахъ, а съ другой стороны—сжатіемъ европейскихъ рынковъ посредствомъ введенія и повышенія хлѣбныхъ пошлинъ, которое само было вызвано наплывомъ дешеваго иностраннаго хлѣба.

Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, американскій вывозъ за послѣдніе годы стремится видоизмѣниться. Американцы начинаютъ вывозить больше муки, чѣмъ зерна, больше живого скота, не уменьшая въ то же время вывоза приготовленнаго мяса. Это новое направленіе промышленности имѣетъ будущее.

Въ своей книгѣ Левассеръ подробно описываетъ одну изъ чикагскихъ боенъ. Съ нею находится въ связи и консервная фабрика. Это бойня „Armour“. Механическія приспособленія и раздѣленіе труда доведены въ ней до идеальной степени. Вслѣдствіе этого производительность труда является поистинѣ изумительною. Возьмемъ, напримѣръ, убой и свѣжеваніе свиней. Дѣло организовано такъ, что одинъ свинобой успѣваетъ зарѣзать 5,800 штукъ въ день. Четверти часа достаточно, чтобы животное, вошедшее на бойню живымъ, было уже разобрано на куски, а послѣдніе сданы въ холодильники или на кухню для дальнѣйшей обработки. Рабочій дѣлаетъ дѣло быстро, да онъ и не можетъ опаздывать: его погоняютъ предшественникъ его и тотъ, который за нимъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ, онъ свѣжуетъ (въ своей спеціальной части) 15 свиней въ минуту. На этой бойнѣ приготовляется въ день 100,000 фун. колбасъ. На ней работаетъ 11,000 челов. и они успѣваютъ обработать въ годъ 1.750,000 свиней, 1.080,000 воловъ и 625,000 барановъ. Такое производство разсчитано на большой рынокъ. Фирма „Armour“ хвастается, что у нея имѣются потребители ея продуктовъ и на берегахъ Гудзонова залива, и на берегахъ верхняго Нила и Ганга.

Такихъ боенъ, какъ эта, въ Чикаго четыре; можно себѣ составить представленіе о колоссальности производства пищевыхъ, животныхъ продуктовъ въ этомъ городѣ!

Но не одной переработкою хлѣба въ животныхъ и животныхъ въ консервы ограничивается стремленіе сохранить за собою міровой рынокъ. Самая передача хлѣба отъ производителя къ потребителю организована такъ, чтобы она происходила съ наименьшей потерею времени и съ наименьшими расходами. Орудіемъ торговли является товарная биржа. Биржа въ Чикаго расположена въ огромной залѣ, напоминающей, по украшенію, Совѣтъ Пятисотъ во Флоренціи. Эта обстановка нѣсколько противорѣчитъ ха-

рактеру толпы, суетящейся въ залѣ. По сторонамъ залы расположены разныя конторы такимъ образомъ, что каждый имѣетъ въ своемъ распоряженіи подъ рукою телеграфъ, телефонъ, желѣзную дорогу и банкъ. Стѣны въ верхней части покрыты громадными черными досками, на которыхъ служащій каждыя пять минутъ, а то и чаще записываетъ на столбцахъ количество предлагаемыхъ или проданныхъ товаровъ, прибывшіе вагоны или суда, сдѣлки на главныхъ рынкахъ Америки и даже на иностранныхъ. „Я видѣлъ биржи въ Чикаго, Нью-Іоркѣ и Минеаполисѣ, говоритъ Левассеръ; всѣ они организованы съ тѣмъ же знаніемъ дѣла и могутъ служить образцами для другихъ учрежденій подобнаго рода“... Фермеры, недовольные низкими цѣнами обвиняютъ въ нихъ биржи и ихъ спекуляціи; но мы знаемъ цѣну этихъ обвиненій.

Элеваторъ въ Чикаго столь же хорошо организованъ, какъ и биржа. Вагоны и суда подходятъ къ самому элеватору. При помощи приспособленій два человѣка выгружаютъ вагонъ въ три минуты.

Желѣзныя дороги, служащія чикагскому рынку, представляютъ нѣсколько линій; конкуррируя между собою, онѣ сильно понизили и безъ того невысокія провозныя ставки. Такъ, за 912 миль отъ Чикаго до Нью-Іорка плата была въ 1858 году 38 центовъ за мѣру (5 фр. 39 с. за гектолитръ), въ 1870 году она понизилась до 30 центовъ, и къ 1892 году до $14^1/_2$ ц., что составляетъ 0,00161 фр. за тоннокилометръ, т. е. за провозъ тонны на разстояніе одного километра. Это составитъ около $5/_{6000}$ копѣйки съ пудоверсты.

Всѣ приспособленія и усовершенствованія въ организаціи хлѣбной торговли и переработки продуктовъ сельскаго хозяйства не въ состояніи, однако, измѣнить главнаго явленія—упадка цѣнъ, являющагося результатомъ перепроизводства хлѣба. Что можно ожидать въ будущемъ относительно цѣнъ? Кто не задаетъ себѣ этого вопроса? Левассеръ въ одномъ мѣстѣ своей книги говоритъ по этому поводу: „быстрое паденіе цѣнъ въ 1892 и 1893 году, кажется, было отчасти случайнымъ и по всей вѣроятности за нимъ послѣдуетъ нѣкоторое повышеніе; тѣмъ не менѣе, цѣны останутся низкими и едва ли онѣ не спустятся еще ниже теперешняго уровня“. Это предположеніе, высказанное лѣтомъ 1894 года, какъ мы знаемъ, оправдалось. Въ другомъ мѣстѣ книги, онъ опять говоритъ: „не смотря на замедленіе въ ростѣ производства хлѣба въ Соединенныхъ Штатахъ, предложеніе его имѣетъ шансы воз-

расти къ концу вѣка; такъ что, по всей вѣроятности, средняя цѣна хлѣба не поднимается, по крайней мѣрѣ, постояннымъ образомъ; возможно даже, что она понизится". — Наконецъ, въ заключеніи своей книги, онъ еще разъ возвращается къ этому вопросу и говоритъ: „Трудно рѣшить вопросъ о цѣнахъ. Онѣ останутся низкими. Затрудненія ввоза въ Европу, конечно, повліяли на пониженіе цѣны хлѣба; но гораздо меньше, чѣмъ обиліе производства. Если, что слѣдуетъ предполагать, обиліе будетъ отнынѣ нормальнымъ положеніемъ рынка, то позволительно допустить, что цѣны спустятся еще ниже теперешняго уровня, до извѣстнаго предѣла, опредѣлить который было бы слишкомъ смѣло".

Эти догадки знаменитаго экономиста для насъ очень важны. Онѣ покоятся на солидномъ тезисѣ, что причина кризиса—перепроизводство, сократить которое не такъ легко, какъ сжать фабричное производство. Выводъ ясенъ: надѣяться на какое то поднятіе цѣнъ нечего; чтобы не пропасть, надо приспособиться къ существующему положенію, а можетъ быть еще нѣсколько худшему. Какъ приспособиться? Это задача сельскихъ хозяевъ, спеціалистовъ дѣла. Я не принадлежу къ числу таковыхъ, а потому и говорить о такомъ предметѣ не дерзну. Для меня ясно только, что принимаемыя мѣры должны быть разсчитаны не на сегодня, не на завтра,—вродѣ проэктовъ закупки хлѣба правительствомъ, усиленія засыпки запасныхъ магазиновъ на съѣденіе мышамъ и тому подобнаго вздора,—а на долгій срокъ, имѣть въ виду работу въ теченіе ряда годовъ, чтобы стать на ноги. Не любимъ мы этихъ продолжительныхъ работъ; ну, да, что дѣлать: безъ этого и пропасть недолго.

Гугеноты при Людовикѣ XIV.

Въ настоящей общедоступной лекціи я намѣренъ познакомить васъ не съ исторіей гугенотовъ вообще, а только съ однимъ изъ моментовъ этой исторіи, а именно, съ положеніемъ гугенотовъ при Людовикѣ XIV. Но имѣя въ виду задачу общедоступной лекціи, я считаю нужнымъ говорить о такихъ предметахъ, которые извѣстны многимъ изъ васъ, и о которыхъ вамъ покажется скучнымъ слушать.

Гогенотами назывались сектанты, которые отдѣлились отъ католической церкви; но отъ католической церкви въ XIV в. отдѣлились не только гугеноты, но и лютеране, пресвитеріане, анабаптисты, или перекрещенцы. Всѣ эти секты вообще получили названіе протестантовъ. Гугенотами называлась одна изъ этихъ сектъ, а именно послѣдователи Кальвина, но не во всѣхъ странахъ, а только во Франціи. Я говорю „не во всѣхъ странахъ“, потому что послѣдователей Кальвина, кромѣ Франціи, было много въ Голландіи, было много въ Шотландіи, а также въ Англіи.

Слово „гугеноты“ пытались объяснять разнымъ образомъ: его объясняли, между прочимъ, какъ уменьшительное отъ слова Гуго—„маленькій Гуго“; но это объясненіе почти оставлено, какъ неосновательное. Теперь большинство историковъ объясняютъ его слѣдующимъ образомъ: слово „гугенотъ“ происходитъ отъ испорченнаго нѣмецкаго слова eidgenossen, что значитъ союзники. Когда женевцы присоединились къ Швейцарскому союзу, то они тоже стали союзниками, т. е. eidgenossen; но они произносили по своему eignots, каковое слово при произношеніи напоминало французамъ слово huguenot. Такъ какъ Кальвиново ученіе распростра-

нилось по Франціи изъ Женевы, то послѣдователей его тутъ стали называть такъ же, какъ они себя сами называли тамъ, т. е. eignots, huguenots. Такимъ образомъ, слово гугеноты (huguenot) есть исковерканное нѣмецкое слово eidgenossen.

Кальвинъ былъ родомъ французъ, изъ Пикардіи, родился онъ въ началѣ XVI ст., по спеціальности онъ былъ сначала юристомъ, потомъ сталъ богословомъ. Центромъ, изъ котораго распространялось его ученіе, была Женева, куда онъ переселился. Его ученіе значительно отличалось и отъ католическаго и отъ лютеранскаго; отъ католическаго оно отличалось тѣмъ, что кальвинисты не признавали папы, ни одного изъ семи таинствъ, придавая имъ значеніе простыхъ обрядовъ, тогда какъ лютеране признаютъ два таинства—крещеніе и причащеніе. Въ богослуженіи кальвинисты уничтожили всѣ обряды, которыми отличается католическая церковь и наша православная: у лютеранъ есть хоть какая нибудь обрядность, у кальвинистовъ ничего нѣтъ. Посѣщая, напримѣръ, кальвинистскую церковь, гдѣ либо въ окрестностяхъ Женевы, вы видите самую строгую обстановку: зала безъ всякихъ украшеній, въ передней части залы, между каѳедрою и скамьями молящихся, каменная глыба, служащая престоломъ; она напоминаетъ каменную глыбу у первыхъ христіанъ, служившую престоломъ; на ней ничего нѣтъ, даже креста. На стѣнахъ нѣтъ никакихъ изображеній. Богослуженіе состоитъ изъ проповѣди и изъ пѣнія псалмовъ, въ которомъ участвуютъ всѣ присутствующіе. Причащеніе происходитъ такимъ образомъ: каждый подходитъ къ алтарю, беретъ въ руку чашу и причащается самъ. Такъ происходитъ богослуженіе теперь, такъ оно происходило и прежде. Вотъ и все, что касается обрядовой стороны. Но замѣчательна нравственная сторона этого ученія. Въ нравахъ, которые были рэкомендованы и соблюдались послѣдователями Кальвина въ XVI и XVII в.в., была также громадная разница, сравнительно съ господствовавшими нравами. Эти нравы у кальвинистовъ были очень строги: не только какое либо преступленіе относительно нравственности воспрещалось, какъ и въ католической, лютеранской и другихъ религіяхъ европейскихъ народовъ, но строго преслѣдовались и легкіе, подчасъ невинные проступки. Многія удовольствія, которыя у насъ считаются безразличными, у кальвинистовъ считались безнравственными. Театръ признавался бѣсовскимъ игрищемъ и запрещался, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда представленіе происходило на библейскій сюжетъ; затѣмъ пѣніе веселыхъ пѣ-

сенъ было также воспрещено. Одна дѣвушка въ Женевѣ была высѣчена публично за то, что осмѣлилась пѣть пѣсню вольнаго содержанія; игра въ карты была воспрещена: кто былъ пойманъ съ картами въ рукахъ, того привязывали на сутки къ позорному столбу и на шею ему вѣшали карты. Самые легкіе проступки противъ религіи наказывались смертною казнью. Кто же присуждалъ къ этимъ наказаніямъ, кто слѣдилъ за исполненіемъ этого суроваго кодекса общественной жизни? Совѣтъ Гугенотской общины. Этотъ совѣтъ выбирался жителями городской или сельской общины. Эти выборные старосты засѣдали въ совѣтѣ вмѣстѣ съ пасторами. Въ рукахъ совѣта сосредоточивалась и духовная, и свѣтская власть. Такимъ образомъ выходитъ, что собственно въ правилахъ гугенотской церкви было нѣчто похожее на то, къ чему въ теченіе многихъ вѣковъ стремились папы: они стремились подчинить себѣ свѣтскую власть; это стремленіе ихъ осуществилось только на небольшой территоріи—въ папской области; всюду въ Европѣ противъ подчиненія свѣтской власти духовной встрѣчалось сопротивленіе. Такимъ образомъ, то что не удалось папамъ, то осуществилось у кальвинистовъ и существуетъ до сихъ поръ.

Я прохожу мимо долгій и кровавый періодъ второй половины XVI столѣтія, когда во Франціи происходили религіозныя войны между католиками и гугенотами. Эти войны закончились въ 1598 г. изданіемъ Нантскаго эдикта о вѣротерпимости. Король Генрихъ IV, желая умиротворить обѣ стороны, издалъ этотъ эдиктъ въ Нантѣ—откуда и названіе его. Онъ носитъ на себѣ слѣды войны между обѣими партіями, онъ не только признаетъ за гугенотами право свободы вѣроисповѣданія, право самостоятельно управляться въ своихъ церковныхъ дѣлахъ, собирать съѣзды-синоды для рѣшенія общихъ церковныхъ дѣлъ, но и старается дать имъ обезпеченіе предоставляемыхъ правъ. Имъ были предоставлены четыре крѣпости въ полное распоряженіе, въ которыхъ они держали гарнизоны на случай покушенія католиковъ на пріобрѣтенныя ими права. Въ обезпеченіе безпристрастія суда въ дѣлахъ между протестантами и католиками, при парламентахъ (такъ назывались прежде высшіе суды во Франціи) были учреждены особыя, „половинныя палаты“, состоявшія наполовину изъ католиковъ, наполовину изъ протестантовъ. Если процессъ происходилъ между католикомъ и гугенотомъ, если въ уголовномъ преступленіи судился гугенотъ, то дѣло подлежало вѣдѣнію такой „половинной палаты“.

Это положаніе гугенотовъ продолжалось впрочемъ недолго;

оно измѣнилось во второй четверти XVII в. при кардиналѣ Ришелье. Не смотря на то, что онъ былъ духовной особой, онъ былъ не только первымъ министромъ Людовика XIII, но былъ фактическимъ королемъ Франціи, причемъ вовсе не былъ фанатикомъ. Ришелье во всѣхъ дѣлахъ государства былъ прежде всего политикомъ, да къ тому же еще человѣкомъ военнымъ. Цѣль, которую онъ ставилъ себѣ, состояла въ томъ, чтобы поднять королевскую власть во Франціи и сплотить государство во едино, такъ чтобы ничто не мѣшало свободной дѣятельности центральнаго правительства. Гугеноты представляли собою государство въ государствѣ: у нихъ были свои войска, крѣпости, арсеналы, свои суды; поэтому Ришелье возсталъ противъ этого политическаго положенія; двумя войнами онъ раздавилъ ихъ политическое значеніе; на этомъ онъ и остановился. Онъ поступилъ, не смотря на побужденія окружающихъ, какъ воинъ и политикъ. Его толкали дальше, ему говорили: „иди, раздави, уничтожь эту секту“. Но онъ уничтожилъ гугенотовъ, какъ политическую партію, и оставилъ ихъ какъ религіозную секту; онъ подтвердилъ Нантскій эдиктъ въ отношеніи религіозныхъ правъ гугенотовъ. Съ паденіемъ политическаго значенія гугенотовъ само собою произошло слѣдующее измѣненіе въ ихъ партіи: она лишилась своихъ вождей, своей аристократіи. Во время религіозныхъ войнъ, и послѣ нихъ, у гугенотовъ было много аристократовъ, которые были вождями партіи, они дорожили этимъ положеніемъ, потому что гугеноты пользовались самостоятельностью, что доставляло имъ поприще для ихъ честолюбія; теперь же имъ нечего было дѣлать въ гугенотскомъ лагерѣ; въ общинныхъ совѣтахъ они должны были стоять на ряду съ сапожниками, портными, крестьянами и т. д. Ихъ аристократическое чувство возмущалось этимъ равенствомъ. Всѣ эти условія: демократическое устройство и строгій характеръ кальвинистской общины были непріятны для аристократовъ и прежде, но тогда эта непріятность окупалась выдающеюся ролью, которую они играли при политической самостоятельности гугенотовъ. Теперь этой роли не стало, и они стали переходить на сторону двора и католицизма; такъ что къ началу царствованія Людовика XVI, можно сказать, общественное положеніе гугенотовъ стало такимъ: за исключеніемъ немногихъ аристократическихъ фамилій, это былъ средній зажиточный классъ Франціи: купцы, ремесленники въ сѣверной и средней Франціи, а въ южной къ нимъ принадлежалъ и огромный земледѣльческій классъ населенія и глав-

нымъ образомъ виноградари. Благодаря трезвой жизни, благодаря трудолюбію и бережливости, которыя свойственны всѣмъ французамъ, а имъ въ особенности, они представляли классъ наиболѣе богатый и, слѣдовательно, наиболѣе вліятельный и могущественный. Католическое духовенство не могло примириться съ положеніемъ гугенотовъ. Во всѣхъ соборахъ, въ которыхъ оно сибиралось при Людовикѣ XIV, мы слышимъ одну и ту же жалобную ноту, которая идетъ о томъ, что католическая церковь во Франціи подвергается преслѣдованіямъ. Но со стороны кого? Со стороны гугенотовъ. Если посмотрѣть глубже въ дѣло, то въ жалобахъ этихъ кое что было похоже на правду, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ это говорили католики. Въ тогдашнее время всѣ высшія должности католическаго духовенства замѣщались обыкновенно младшими дѣтьми аристократическихъ семей, но не потому, чтобы они чувствовали церковное призваніе, а потому, что такъ какъ изъ наслѣдства, вслѣдствіе маіората, оставалось мало, то епископскія каѳедры въ провинціи занимались ими, какъ доходныя статьи; но сами она жили въ Парижѣ, забавлялись тамъ, предавались удовольствіямъ, а о своей епархіи вспоминали, когда нужно было получить съ нея деньги. Отсутствіе надзора со стороны высшаго духовенства производило то, что и низшее духовенство не отличалось строгою нравственностью; безъ всякой высшей власти, безъ всякаго надзора оставалось въ провинціи необразованное и распущенное духовенство, негодность котораго удостовѣряли и королевскіе интенданты (губернаторы). Мы слышимъ постоянныя съ ихъ стороны жалобы, что священники не умѣютъ толкомъ проповѣдь сказать, что они грубы, невѣжественны. Между тѣмъ нужно отдать справедливость, что у гугенотовъ въ ихъ симинаріяхъ и академіяхъ науки, особенно богословіе, были поставлены хорошо. Вслѣдствіе этого католическое духовенство не въ состояніи было выдерживать сравненія съ протестантскими пасторами; поэтому и возникали жалобы на преслѣдованія и насмѣшки со стороны протестантскаго духовенства.

На церковныхъ соборахъ католическое духовенство непрестанно требуетъ ограниченія правъ гугенотовъ. Попытки ограниченія правъ гугенотовъ встрѣчали затрудненія главнымъ образомъ въ министрѣ финансовъ Кольберѣ; онъ смотрѣлъ на гугенотовъ, какъ на самый лучшій и производительный классъ населенія Франціи и потому употреблялъ все свое вліяніе, чтобы не давать хода попыткамъ католическаго духовенства и ходатайствамъ со-

боровъ. Попытки эти встрѣчали сначала препятствіе и въ самомъ королѣ Людовикѣ XIV. Это былъ молодой, увлекавшійся удовольствіями придворной жизни король, для котораго веселье и удовольствія были дороже, нежели споры между католиками и протестантами. Внѣшняя политика также отвлекала его: теперь онъ увлекался борьбою съ Испаніей, а потому иротестантскіе интересы не встрѣчались ему на дорогѣ. Но и въ эту пору кое что было достигнуто, а именно запрещеніе гугенотамъ строить новыя церкви и поправлять старыя, а если ветхость старой церкви подавала поводъ опасаться за безопасность молящихся, то ее закрывали, не замѣняя новою. Иногда реформатскія церкви закрывались по требованію окрестныхъ католиковъ, подъ предлогомъ, что они совращаютъ католиковъ въ кальвинизмъ. Съ закрытіемъ церквей шло параллельно и закрытіе многихъ школъ и запрещеніе открывать новыя, что служило препятствіемъ къ полученію образованныхъ гугенотскихъ священниковъ. Затѣмъ, третья мѣра, достигнутая въ это время, была очень важна; она заключалась въ предоставленіи права дѣтямъ обращаться въ католичество; были изданы законы, по которымъ дѣтямъ, сначала 14, а потомъ и 12 лѣтъ, позволялось обращаться въ католичество безъ согласія родителей. Достаточно было дитяти сдѣлать заявленіе о желаніи принять католицизмъ, чтобы этому заявленію дали ходъ и самого ребенка отдали на воспитаніе въ католическую семью. Затѣмъ, въ іюнѣ 1681 года, это право распространено было, какъ это ни странно, на семи-лѣтнихъ ребятъ. Стоило ребенку подвергнуться наказанію, или по иной причинѣ разсердиться на родителей, онъ выходилъ на улицу, обращался къ первому попавшемуся монаху съ своимъ заявленіемъ, его отбирали у родителей и помѣщали въ монастырь.

Конечно, всѣ эти мѣры указывали на то, что надвигается гроза, которая могла сдѣлать положеніе гугенотовъ тяжелымъ и опаснымъ. Представимъ себѣ положеніе гугенотовъ, у которыхъ нѣтъ церкви; постепенное уменьшеніе числа церквей тяжело ложилось на все населеніе, упорно отстаивавшее свою религію. Гугеноты должны были собираться иногда, зимою, за 10 льё въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ для присутствованія при богослуженіи. Однажды на берегу Атлантическаго океана въ городокъ Мареннъ собралась толпа народа, отцовъ и матерей съ дѣтьми, чтобы окрестить ихъ. Такъ какъ для того, чтобы прибыть сюда, многіе изъ нихъ совершили очень долгій путь по зимней стужѣ

и не могли помѣститься въ маленькой церкви, то множество дѣтей умерли на рукахъ родителей. Стонъ и плачъ раздался въ собравшейся десятитысячной толпѣ. Плакали и мужчины, никто не могъ пѣть псалмовъ. Только и слышно было, что рыданія. Но это были только первые отдаленные раскаты грома надвигавшейся грозы.

Крайнее ухудшеніе положенія гугенотовъ наступило въ 1683 году. Причины этого ухудшенія были разнаго рода. Во-первыхъ, ихъ постоянный защитникъ, который стоялъ близко у королевскаго престола, Кольберъ сталъ терять свое вліяніе. Онъ противодѣйствовалъ королевской роскоши; онъ указывалъ королю на невозможность тратить сотни милліоновъ на постройки, на парки, на водопроводы, на пенсіи, на содержаніе аристократіи, которая собиралась ко двору, и тѣмъ вызывалъ неудовольствіе короля, и если сначала король выслушивалъ все это съ неудовольствіемъ, то по крайней мѣрѣ безъ большого гнѣва. Но когда его рессурсы истощились, когда войны, требовавшія огромныхъ расходовъ, поглотили громадные суммы, и Кольберъ не могъ доставать безъ конца деньги, то онъ сталъ неспособнымъ министромъ и подвергся гнѣву короля. Онъ умеръ отъ горя и непосильнаго труда въ 1683 году. Передъ смертью онъ говорилъ: „если бы я сдѣлалъ для Бога то, что я сдѣлалъ для этого человѣка (короля), я бы заслужилъ спасеніе, а теперь я не знаю, куда я попаду“. Умеръ онъ не любимый королемъ и ненавидимый народомъ. Его хоронили ночью, чтобы избавить отъ взрыва ярости народа, разореннаго налогами.

У гугенотовъ не стало главнаго ихъ цѣнителя и защитника, а настроеніе короля въ это время измѣнилось къ худшему для нихъ. Самъ король въ восьмидесятыхъ годахъ былъ не тотъ, что въ началѣ и серединѣ семидесятыхъ годовъ. Хотя Людовика XIV привыкли изображать очень здоровымъ человѣкомъ, который почти никогда не болѣлъ, но это предразсудокъ, который основывается на томъ, что человѣкъ 50 слишкомъ лѣтъ изо дня въ день выносилъ колоссальную обузу имъ же созданнаго этикета. Но если посмотрѣть журналы его врачей, то представленіе о здоровьи Людовика XIV окажется неосновательнымъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ его здоровьѣ замѣтенъ надломъ, который идетъ все сильнѣе, и сильнѣе, а упорное сохраненіе прежняго образа жизни еще болѣе разстраивало его: король не хочетъ обращать вниманія на свою неспособность къ прежнимъ удовольствіямъ, и неумѣренностью въ пищѣ еще болѣе ухудшаетъ свое положеніе.

Понятенъ и нравственный переломъ, совершившійся въ немъ въ это время. Вмѣстѣ съ болѣзнью явилось мрачное настроеніе духа и, какъ это бываетъ у людей, которые слишкомъ много предавались удовольствіямъ, онъ кинулся въ другую крайность, онъ сталъ ханжею, его обуяла ревность къ католицизму и церкви. Понятно, что это ханжество явилось не сразу, а мало по малу. На этомъ пути имъ завладѣли іезуиты и госпожа Ментенонъ.

Маркиза Ментенонъ, урожденная Франсуаза д'Обинье, вдова неважнаго писателя Скаррона, происходила изъ протестантской семьи и сама дѣвочкой была протестанткой. Послѣ смерти ея тетки и воспитательницы, строгой кальвинистки, ее отдали въ монастырь урсулинокъ, которыя ее и обратили въ католичество. Новообращенные часто бываютъ ярыми распространителями своей новой религіи. То же было и въ этомъ случаѣ. Овдовѣвъ, она получила мѣсто гувернантки королевскихъ дѣтей, а отсюда и сближеніе съ Людовикомъ XIV. Кончилось это сближеніе тѣмъ, что послѣ смерти Маріи Терезіи произошла тайная свадьба вдовы Скарронъ съ Людовикомъ XIV. Она получила титулъ маркизы Ментенонъ. Своимъ бракомъ и отчасти своимъ возвышеніемъ она во многомъ была обязана духовнику короля и другимъ вліятельнымъ духовнымъ лицамъ изъ ордена іезуитовъ. Естественно, что г-жа Ментенонъ должна была поддерживать эту партію, которая и вывела ее въ люди. Ихъ и ея интересъ заключался въ томъ, чтобы поддерживать въ королѣ его склонность къ ханжеству. Если бы король вздумалъ вернуться къ прежнему образу жизни и захотѣлъ бы предаваться удовольствіямъ, то она не могла бы слѣдовать за нимъ и быть для него пріятною, а, значитъ, и не могла бы сохранить свое вліяніе на него. Надо было и дѣло подыскать, соотвѣтствующее настроенію короля. Такимъ дѣломъ являлось икорененіе гугенотовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что устранены были тѣ препятствія, которыя стояли на пути преслѣдованія гугенотовъ. Но главныхъ руководителемъ слѣдующихъ преслѣдованій является военный министръ Лувуа, человѣкъ крутой, но талантливый, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, честолюбивый. Положеніе его теперь было таково, что онъ долженъ былъ искать дѣла, которое сохранило бы его положеніе человѣка вліятельнаго и нужнаго. Дѣло въ томъ, что Лувуа всѣми силами возставалъ противъ брака короля съ Ментенонъ; Лувуа валялся въ ногахъ у короля, молилъ его, говорилъ, что король опозоритъ Францію женитьбою на Ментенонъ. Теперь, когда бракъ состоялся, Лувуа долженъ былъ дѣ-

лать все, чтобы примириться съ Ментенонъ: она знаетъ, какъ онъ противился этому браку. Нужно было сдѣлать угодное ей, чтобы удержаться на мѣстѣ; теперь у него оставалось одно средство спасти свое положеніе: всѣми силами содѣйствовать исполненію желаній Ментенонъ и іезуитовъ. Кромѣ того, вся придворная аристократія относилась съ антипатіей къ гугенотамъ. Всякія крупныя предпріятія противъ нихъ были бы только выгодны для придворныхъ, ибо съ ними связывались обширныя конфискаціи, на счетъ этихъ послѣднихъ можно было разсчитывать получить большія милости. Такимъ образомъ, вопросъ объ обращеніи гугенотовъ для придворныхъ былъ хорошей аферой. Антипатіи же не только придворныхъ, но и вообще аристократовъ къ гугенотамъ объясняются тѣмъ, что имъ, жившимъ весело и распущенно, гугеноты мозолили глаза строгостью своихъ нравовъ и скромностью своей жизни. Они служили имъ живымъ укоромъ.

И такъ мы видимъ, какъ постепенно король подчинялся вліянію Ментенонъ, мы видимъ, какъ положеніе Лувуа, положеніе придворныхъ, однимъ словомъ, какъ все сошлось къ тому, чтобы снова начались сильныя преслѣдованія гугенотовъ.

Не смотря на такія неблагопріятныя обстоятельства для гугенотовъ, прямого преслѣдованія еще не было и первый шагъ былъ сдѣланъ Лувуа безъ вѣдома короля, такъ какъ король не дошелъ до того, чтобы согласиться на это преслѣдованіе. Лувуа взялъ это дѣло на свой страхъ и свой рискъ. Онъ вздумалъ пропагандировать истинную вѣру при помощи солдатъ, военныхъ постоевъ, онъ ставилъ войска тамъ, гдѣ наибольше было гугенотовъ, и притомъ только у гугенотовъ, а католики оставались свободными. Что такое постой? Повидимому, ничего особеннаго. Но вы знаете, какъ непріятно присутствіе посторонняго лица въ домѣ. Расквартированіе войскъ и теперь часто вызываетъ неудовольствіе жителей. Если же мы вспомнимъ, что такое былъ солдатъ XVII вѣка, то мѣра эта покажется весьма дѣйствительной. Это не былъ человѣкъ изъ народа, дисциплинированный нѣсколькими годами службы. Это былъ наемникъ, никуда болѣе непригодный, подонокъ общества, жившій на счетъ страны, гдѣ находился, будь то отечество, или страна непріятельская, привыкшій къ грабежу и насиліямъ всякаго рода во время предшествовавшихъ войнъ и разоренія Германіи. Особеннымъ звѣрствомъ отличались драгуны, почему и мѣры Лувуа получили названіе драгонадъ. Драгунъ составлялъ „четырехъ чертей вмѣстѣ“, какъ говорили современники.

Они отличались особенною разнузданностью. Этимъ то драгунамъ, которые ставились на постой въ 82 и 83 года главнымъ образомъ къ гугенотамъ, внушалось, чтобы они дѣлали возможно больше непріятностей своимъ хозяевамъ. Представимъ себѣ, до чего при этомъ условіи доходили люди, которые и безъ внушенія дѣлали много непріятностей. Было приказано офицерамъ отводить квартиры подальше отъ солдатъ, чтобы присутствіе ихъ не стѣсняло послѣднихъ. Имъ внушалось, что по отношенію къ ихъ врагамъ и богоотступникамъ-гугенотамъ они будутъ пользоваться полною безнаказанностью. Эти постои, распоряженіе которыми взялъ на себя Лувуа, были въ Беарнѣ, Гіэни, Лангедокѣ, Дофине и Оранжѣ. Трудно описать, до чего доходило поведеніе солдатчины на такихъ квартирахъ. Какъ только солдаты являлись въ домъ зажиточныхъ людей, то смотрѣли на нихъ, какъ на враговъ, потому что это были, во-первыхъ, зажиточные люди, и во-вторыхъ, гугеноты. Въ большой комнатѣ устраивали конюшни, залѣзали въ шкафы, комоды, таскали бѣлье, платье, все, что было нужно и не нужно; скатерти клали вмѣсто подстилки лошадямъ. Они вымогали у хозяевъ все, касавшееся ѣды и напитковъ, и притомъ въ излишествѣ, требовали отъ нихъ, чтобы тѣ служили имъ, слушали ихъ брань, ругательства и оскорбленія. Солдатъ оставляли въ домѣ и не уводили, пока семья не объявляла себя обращенной въ католичество. Но это были самые пріятные способы драгонированія. Часто случалось, что если не помогали первые способы, хозяевъ начинали бить, обливали холодною водою, подвѣшивали къ потолку и спускали надъ раскаленными углями такъ низко, что кожа поджаривалась. Иногда мучили безсонницей: окружали хозяина и били въ барабаны, не давая ему заснуть; если солдаты сами уставали и засыпали, то ихъ замѣняли другими, или ободряли палочными ударами.

Вотъ разсказъ о мученіяхъ, которымъ подвергся въ Оранжѣ протестантскій пасторъ Шамбренъ. Это былъ человѣкъ, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ въ своемъ округѣ. Онъ былъ боленъ и къ нему явился однажды интендантъ Тесье. Онъ началъ милостиво его разспрашивать о его здоровьѣ, о его дѣлахъ и затѣмъ сталъ просить его перейти въ католичество для примѣра своимъ единовѣрцамъ. Такъ какъ просьбы Тесье не имѣли желаемаго результата, то онъ сталъ грозить, что заставитъ подвергнуть его пыткамъ и мученію. Шамбренъ отвѣтилъ ему, что онъ не рѣшится сдѣлать это, что у него не хватитъ духу на это, и при этомъ поднялъ одѣ-

яло и показалъ Тесье свою сломанную ногу, которая причиняла ему невыносимыя страданія. Тѣмъ не менѣе Тесье прислалъ въ отвѣтъ на это 42 человѣка драгунъ, которые расположились около постели Шамбрена и поочередно били въ барабаны въ продолженіи четырехъ сутокъ, пускали ему въ носъ табачный дымъ, чтобы не дать ему заснуть и причиняли разныя другія мученія больному старику. Онъ, наконецъ, лишился чувствъ. Подумали, что онъ умеръ; это испугало Тесье,—ибо убійство не дозволялось; но Шамбрена привели въ чувство и отправили въ тюрьму въ Валансъ; тамъ его подвергли пыткамъ, которыхъ онъ не выдержалъ и сказалъ роковое „да“, въ которомъ потомъ будучи за границей и снова ставъ протестантомъ, онъ все раскаивался, обвиняя себя въ малодушіи. Вообще мущины выдерживали безсонницу сутки, двое, но затѣмъ лишались силъ и отрекались; женшины выказывали больше стойкости; ихъ не могли добивать безсонницей, къ которой онѣ привыкли и раньше, ухаживая за своими дѣтьми. Противъ нихъ пускали въ дѣло другое средство; матерей, которыя кормили еще грудью дѣтей, привязывали къ кровати, а ребенка клали подальше; голодный ребенокъ кричалъ, хотѣлъ ѣсть, мать чувствовала приливъ молока, страдала еще больше за умирающаго ребенка. Такая пытка продолжалась часами, днями, и въ этомъ состояніи женщины произносила „да“ и происходило обращеніе.

Однажды въ Монтобанѣ взводъ драгунъ поставленъ былъ въ домѣ богатой и почтенной гугенотской семьи Пешель-де-ла-Бюиссонадъ. Они подвергали ихъ всякимъ мученіямъ; наконецъ, истощивъ терпѣніе, они выгнали всю семью на улицу, обливъ еще вдобавокъ водою. Вся семья, мужъ, жена, урожденная маркиза Сабоньеръ, четверо дѣтей малъ-мала меньше остались безъ крова. Сама Пешель была беременна и чувствовала приближеніе родсвъ; но никто не рѣшался пріютить несчастную семью даже въ эту тяжелую минуту. Строго на строго было запрещено давать убѣжище такимъ людямъ, которыхъ называли „бунтовщиками“. Въ такомъ положеніи г-жа Пешель, поддерживаемая подъ руки своимъ мужемъ и акушеркою, едва шла по улицѣ и едва не разрѣшилась отъ бремени на мостовой. Къ счастью ее сестра, которой домъ былъ случайно еще свободенъ отъ постоя, пріютила ее у себя.

Всѣ эти ужасы происходили не въ одномъ мѣстѣ, они происходили, главнымъ образомъ, на югѣ Франціи, отъ западной границы до Дофине. Объ эмиграціи еще не думалъ никто, и народъ

БИБЛІОТЕКА * Ученаго Комитета Мин. Фин. *

укрывался въ лѣсахъ и горахъ, а другіе не выдерживали и обращались. Интенданты Лангедока, Пуату, Беарна доносили о десяткахъ тысячъ обращенныхъ: въ Беарнѣ 22 тысячи человѣкъ, въ Монтобанѣ 20 тысячъ, въ Пуату 40 тысячъ, въ Бордо—60 тысячъ. Интенданты отовсюду писали, что число оставшихся еще необращенныхъ гугенотовъ ничтожно.

Разсказанныя преслѣдованія вызывали обращенія еще и потому, что гугенотамъ предлагали иногда самое отреченіе въ такой формѣ: „я признаю и исповѣдую католическую и апостольскую римскую церковь такою, какою она была во время апостоловъ, и я отказываюсь и отрекаюсь отъ всѣхъ ошибокъ, которыя проникли въ нее съ того времени“. Эта формула, которой отрицалось и само папство, была признаваема легко и обращенія, какъ видимъ, происходили массами. Извѣстія о нихъ доходили до Версали, но не доходили извѣстія о тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ происходили обрщенія, не было указано, когда дѣйствительно обращеніе происходило, благодаря нравственному воздѣйствію. При дворѣ служили благодарственныя молебствія Господу за возвращеніе заблудшихъ овецъ въ лоно церкви. Само собою возникалъ вопросъ: если такъ мало осталось гугенотовъ, то быть можетъ и самый Нантскій эдиктъ является лишнимъ и его не стоитъ сохранять въ силѣ? Такимъ образомъ пришли къ отмѣнѣ Нантскаго эдикта.

Отмѣна Нантскаго эдикта состоялась 17 октября 1685 г. Этотъ законодательный актъ существовалъ такимъ образомъ безъ 13 лѣтъ—одно столѣтіе. Мотивировка закона, которымъ отмѣнялся Нантскій эдиктъ, заключалась въ томъ, что въ прежнее время религіозный разладъ разбивалъ французскій народъ на два враждебныхъ лагеря и что эта вражда повлекла къ продолжительнымъ религіознымъ войнамъ, которые едва не стали причиною паденія государства. „Теперь, благодаря Бога, всѣ приверженцы религіи, такъ называемой реформатской, перешли въ лоно истинной церкви и потому, чтобы уничтожить послѣдній слѣдъ того разногласія и вражды, которыя раздирали Францію, мы отмѣняемъ этотъ Нантскій эдиктъ“. Затѣмъ отсюда вытекало закрытіе церквей, запрещеніе протестантскаго богослуженія, уничтоженіе всѣхъ особыхъ правъ, когда либо предоставленныхъ гугенотамъ; но въ заключительной статьѣ предоставлялось тѣмъ изъ нихъ, которые еще не обратились, исповѣдывать свою религію, пока „Богу угодно будетъ обратить ихъ“.

Эта ссылка на волю Господню звучитъ насмѣшкой послѣ столькихъ совершенныхъ насилій во имя религіи. Но при дворѣ не всѣ знали о томъ, какими путями было достигнуто возвращеніе гугенотовъ, а кто и зналъ, то не хотѣлъ признаваться открыто въ этомъ. Эта заключительная статья эдикта очень не нравилась администраторамъ провинцій; всѣ были увѣрены, что протестанты, которые уже были обращены и которымъ предоставлялось теперь дома, не публично, молиться по своему, отрекутся отъ обращенія и снова станутъ гугенотами; поэтому интенданты Беарна, Лангедока, Оранжа обратились къ Лувуа съ вопросомъ, какъ быть съ заключительной статьей, уничтожающей все сдѣланное въ послѣдніе годы. Лувуа отвѣчалъ разъясненіемъ, что „нѣтъ лучшаго средства убѣдить гугенотовъ въ томъ, что король не желаетъ терпѣть ихъ въ государствѣ, какъ хорошенько притѣснять ихъ“. Такимъ образомъ, объясненіе закона уничтожало законъ, дававшій возможность существованія гугенотамъ, и прежнія мѣры обращенія пускались въ дѣло съ большею противъ прежняго силою. Въ декабрѣ 1685 г. появляется новый законъ, которымъ объявлялось: такъ какъ всѣ новообращенные гугеноты еще недостаточно тверды въ своей новой религіи и не могутъ воспитывать своихъ дѣтей, то всѣ дѣти отъ 5 до 16-лѣтняго возраста должны быть отобраны отъ родителей и отданы въ монастыри. Этотъ эдиктъ вызвалъ крикъ ужаса во всей Франціи. Ребенокъ 5-ти лѣтъ отрывался отъ матери, отдавался въ монастырь на воспитаніе людей не знавшихъ, что такое отцовскія и материнскія чувства, отдавался въ руки фанатиковъ-монаховъ, въ суровую монастырскую обстановку, подвергаясь тамъ режиму, тяжелому и для взрослыхъ. Этотъ эдиктъ объ отторженіи дѣтей вызвалъ то, чего не вызвали драгонады, онъ вызвалъ сопротивленіе и эмиграцію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр., въ Севеннахъ, произошли возстанія, начались собранія гугенотовъ, которые рѣшали, что имъ дѣлать? Они до сихъ поръ думали, что преслѣдованіе ихъ изъ-за ихъ религіи было временнымъ явленіемъ; теперь они ясно видѣли, что въ виду имѣется искорененіе ихъ религіи. Теперь они рѣшаются спасать свою совѣсть и покидаютъ родину. Эмигрировать было тяжело. Внѣшнія препятствія и чувство привязанности къ родной землѣ одинаково были противъ этого. Эмигрировать приходилось не бездомнымъ бродягамъ и не людямъ, не нашедшимъ угла и куска хлѣба на родинѣ, а лучшему и богатѣйшему населенію Франціи; приходилось разставаться съ родными, со всѣмъ, къ чему привыкли, съ могилами родныхъ.

Припомните, что сказали скиѳы Дарію Гистаспу, когда онъ спросилъ ихъ, отчего они не сопротивляются? Они сказали ему: если ты тронешь могилы отцовъ, то мы покажемъ, что умѣемъ сопротивляться. Если скиѳамъ могилы отцовъ были дороги, то для культурныхъ людей могилы предковъ еще больше дороги. Гугеноты, поэтому, до послѣдней крайности держались родного гнѣзда.

Новообращенные не охотно ходили въ католическую церковь, напротивъ, охотно собирались въ лѣсахъ, чтобы выслушать проповѣдь протестантскаго пастора и принять участіе въ общей молитвѣ и пѣніи псалмовъ. Послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, всѣмъ пасторамъ приказано было оставить Францію; но они скрывались въ лѣсахъ и другихъ укромныхъ мѣстахъ. Были учреждены инспекторы церквей, которые должны были присутствовать въ церкви и смотрѣть за причащающимися, не выплевываютъ ли они причастія, слѣдить за новообращенными и записывать посѣщающихъ богослуженіе, преслѣдовать собраніе гугенотовъ въ тайныхъ мѣстахъ. Уклоненіе отъ посѣщенія церкви наказывалось тюрьмою, выплевываніе причастія—галерами; уклоненіе отъ другихъ религіозныхъ обязанностей и участіе въ проповѣдническихъ собраніяхъ наказывались галерами и даже смертною казнью. Этотъ періодъ 85—88 г.г. былъ періодомъ еще болѣе ужасныхъ преслѣдованій, чѣмъ періодъ 83 и 84 г.г. Драгонады со всѣми ихъ ужасами не такъ были страшны, какъ теперь заключеніе въ госпитали и тюрьмы и ссылка на галеры. Госпитали были переполнены гугенотами. Госпитали того времени представляли изъ себя нѣчто худшее, чѣмъ тюрьма, потому что, хотя въ тюрьмахъ была гадость, недостатокъ воздуха, но по крайней мѣрѣ тамъ въ большинствѣ случаевъ были здоровые люди; но госпитали Франціи были вѣрною могилою: народъ ихъ боялся и не безъ основанія. Построенные тѣмъ же способомъ, какъ и тюрьмы, также набитые народомъ въ духотѣ и грязи, они были тѣмъ убійственнѣе, что заключенные попадали въ среду всевозможныхъ заразныхъ болѣзней. Эти госпитали не дезинфекцировались, не очищались, рубахи съ заразныхъ больныхъ надѣвались на здоровыхъ и т. п. Поэтому госпитали были ужаснымъ мѣстомъ наказанія. Гугенотовъ нарочно отправляли туда, гдѣ было больше заразныхъ больныхъ, ихъ помѣщали на однихъ нарахъ съ больными, заставляли пользоваться одной посудой и бѣльемъ. Между госпиталями самый ужасный былъ въ Валансѣ, которымъ завѣдывалъ епископъ Конакъ, одинъ изъ немногихъ, которые жили

въ своей епархіи въ провинціи; это послѣднее обстоятельство, правда, произошло не по его волѣ: онъ надѣлалъ такихъ художествъ въ Парижѣ, что его удалили въ провинцію, какъ бы въ ссылку; его достойнымъ помощникомъ и главнымъ управителемъ былъ нѣкто Гишаръ, судившійся прежде за кражи въ церквахъ. Самъ епископъ былъ человѣкъ невѣрующій, а его помощникъ Гишаръ, былъ отравитель, извѣстный тѣмъ, что отправилъ на тотъ свѣтъ нѣсколько человѣкъ, когда былъ въ услуженіи у герцога Орлеанскаго. Этотъ отравитель, грабитель церковной утвари и ризъ является въ качествѣ надсмотрщика надъ религіозностью и нравственностью заключенныхъ гугенотовъ. Это былъ не человѣкъ, а звѣрь, онъ былъ художникъ-истязатель. Его надзору поручены были женщины-гугенотки. Онъ замѣтилъ, что мущины иногда колеблются, когда имъ приходится наказывать женщинъ, и бьютъ мимо. Поэтому онъ нанялъ палачей-женщинъ, которыя приходили въ ярость при видѣ крови и колотили неистово своихъ жертвъ.

Другимъ наказаніемъ, болѣе тяжелымъ, были галеры. Вотъ какъ о нихъ разсказываетъ гугенотъ Мартейль, пробывшій 12 лѣтъ на галерахъ въ Марсели и Тулонѣ. Онъ говоритъ, что изъ провинціальныхъ тюремъ каторжниковъ переводили въ Парижъ, гдѣ ожидали скопленія большой партіи для отправки въ Тулонъ на галеры. Тамъ они дни и недѣли оставались прикованными къ колоннамъ, поддерживавшимъ своды. Приковывали за шею, такъ что они не могли ни сѣсть, ни лечь, а должны были облокачиваться и такимъ образомъ дремать. Когда набралась партія, разсказываетъ Мартейль, насъ привели въ Шарантонъ (мѣстечко около Парижа), и тутъ производили обыскъ. Въ морозный декабрьскій вечеръ насъ раздѣли до нага и такъ продержали часа два. Многіе замерзли тутъ же, другіе окоченѣли. Удары плети не помогали: они не могли двинуться съ мѣста. Такъ погибло въ эту и слѣдующую ночь 18 человѣкъ. Начальникъ партіи доволенъ: онъ отдѣлался отъ слабыхъ; не нужно будетъ нанимать подводъ для нихъ, да и на провіантѣ онъ выиграетъ.

Можно себѣ представить, сколько ихъ доходило до Тулона. Но то, что ожидало ихъ тамъ, было еще ужаснѣе. Ихъ усаживали на галеры; галерами назывались длинныя, узкія гребныя суда съ низкою палубою и скамьями у обоихъ бортовъ. Каторжниковъ сажали на эти скамьи и приковывали къ нимъ. Они должны были грести огромными веслами, приводившими въ движеніе галеру·

Обнаженные до пояса они оставались все время на своей скамьѣ; тутъ они и отдыхали, ѣли и спали подъ открытомъ небомъ, не смотря на погоду; ихъ обливали волны, ихъ жгло солнце и леденилъ зимній холодъ. За ихъ спиной, на кормѣ помѣщался начальникъ галеры, нерѣдко отбывшій наказаніе каторжникъ, или варваріецъ, обыкновенно являвшійся жестокимъ животнымъ. Его плеть изъ воловьихъ жилъ прогуливалась неустанно по голымъ спинамъ каторжниковъ. Онъ билъ ихъ за все: если они оказывались не довольно ретивыми къ работѣ, если они уставали; били, когда болѣзнь одолѣвала ихъ силы. Умиравшаго, который своимъ безсиліемъ стѣснялъ движеніе сосѣдей, бросали въ трюмъ; послѣдній живо превращалъ его въ трупъ. Тамъ былъ такой удушливый воздухъ, что при спускѣ туда нерѣдко сейчасъ же падали въ обморокъ. Тамъ кишѣли клопы, заѣдавшіе невольнаго гостя. „Когда я вынужденъ былъ войти туда, говоритъ галерный духовникъ, католическій священникъ Біонъ, я тотчасъ почувствовалъ удушье и былъ покрытъ насѣкомыми и червями. Мнѣ казалось, что я двигаюсь во тьмѣ смерти. Чтобы исповѣдывать я долженъ былъ ложиться рядомъ съ умирающими, а иногда между умирающимъ и уже покойникомъ“.

Въ случаѣ какого-либо серьезнаго нарушенія дисциплины, виновнаго привязывали къ пушкѣ и били веревками съ узлами. Въ такихъ условіяхъ проводили каторжную жизнь попавшіе туда гугеноты. Къ нимъ относились еще суровѣе, чѣмъ къ другимъ. Каждый изъ нихъ, кто попадался въ раздачѣ денегъ своимъ товарищамъ, былъ забиваемъ палками до смерти. Біонъ разсказываетъ, что для наказанія виновнаго въ такомъ случаѣ выбирали здороваго турка. Послѣ первыхъ ударовъ кожа и мясо слетали со спины и тѣло наказуемаго принимало такой видъ, что самые закоренѣлые каторжники, убійцы и душегубцы не могли вынести этого зрѣлища и отворачивались. Такому наказанію подвергся гугенотъ Сабатье. Онъ предпочелъ скорѣе перенести эти мученія, чѣмъ открыть имя банкира, который посылалъ ему деньги. Когда его спина была совершенно ободрана и думали, что онъ уже умираетъ, его посыпали солью и облили уксусомъ. Онъ выжилъ, однако, но лишился ума и голоса. Также обращались съ тѣми гугенотами, которые не становились на колѣни во время обѣдни. Однажды наказали такъ нѣсколько человѣкъ и снесли въ трюмъ умирающихъ. „Когда я спустился туда, говоритъ Біонъ, задыхаясь отъ рыданій, я увидѣлъ ихъ спокойными. Почти безъ голоса, но ласковые, они,

увидѣвъ мои страданія, стали утѣшать меня. Это уже было слишкомъ. Мое сердце не выдержало. Тутъ сама ихъ кровь проповѣдывала и я почувствовалъ себя протестантомъ". Впослѣдствіи Біонъ эмигрировалъ и разсказалъ обо всемъ видѣнномъ въ своихъ мемуарахъ.

Я сказалъ, что гугеноты въ послѣдней крайности, послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, рѣшились бѣжать за-границу. Эмиграція достигла огромныхъ размѣровъ, хотя правительство строго охраняло границы. Попытка къ эмиграціи наказывалась галерами, а проводники—смертью, но ничто не помагало. Бѣглецы гибли въ океанѣ, погибали на вершинахъ альпійскихъ горъ и въ проходахъ, гибли при встрѣчахъ съ солдатами, но ничто ихъ не останавливало: они шли, шли и шли. За-границею они встрѣчали пріютъ и участіе своихъ единовѣрцевъ. Послѣ столькихъ ужасовъ и звѣрства душа отдыхаетъ на этихъ фактахъ христіанскаго милосердія и самоотверженной гуманности Женева, которая заключала въ себѣ 16.000 жителей, въ теченіе 10 лѣтъ кормила и давала пріютъ 4,000 изгнанниковъ. Уходили одни, приходили другіе. Людовикъ XIV грозилъ, что сотретъ съ лица земли Женеву, но женевцы все таки помогали. Другимъ центромъ помощи явился Амстердамъ; этотъ городъ выстроилъ тысячу домовъ для помѣщенія французскихъ эмигрантовъ.

Трудно сказать, сколько гугенотовъ эмигрировало изъ Франціи. Вобанъ говоритъ, что ушло 100 тысячъ обывателей, 12,000 солдатъ, 600 офицеровъ и генераловъ и 9,000 матросовъ. Цифры его, правда, взяты на глазомѣръ, но имъ можно вѣрить, такъ какъ Вобанъ зналъ хорошо тогдашнюю жизнь и къ тому же надо сказать, что въ другихъ случаяхъ цифры Вобана подтвержаются документами, такъ что и эти его цифры приблизительно вѣрны, но, скорѣе, онѣ ниже дѣйствительности. Сисмонди полагаетъ, что Франція лишилась 400,000 человѣкъ, считая и погибшихъ. Какъ бы то ни было, потеря была огромная; она окажется еще болѣе значительною, если сообразить, кто бѣжалъ изъ Франціи. Бѣжали не бездѣльники, не бродяги, уходили не отъ работы, а лучшіе трудолюбивые люди, промышленники, купцы, ремесленники, виноградари, которые съ собою уносили капиталы и, что еще важнѣе, знанія. Правительство не обратило на это вниманія, Кольбера не было въ живыхъ, вокругъ короля стояли невѣжественные люди, умѣвшіе только льстить ему. Они хотѣли задержать капиталы во Франціи, предписывали конфискацію имуществъ эмигрантовъ, но

въ большинствѣ случаевъ этого сдѣлать нельзя было, потому что гугеноты передавали деньги банкирамъ, банкиры переводили ихъ въ лондонскіе, голландскіе и женевскіе банки. По словамъ Вобана изъ Франціи ушло 60 мил. ливровъ, что составитъ около 113 милліоновъ франковъ на теперешнія деньги, но тогда покупательная сила денегъ была значительно больше, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ, экономическія потери были огромны. Потеря эта могла бы быть возстановлена, но вмѣстѣ съ капиталами уходила сила, создавшая эти богаства. Послѣ ухода гугенотовъ многія отрасли производства упали, напримѣръ, шелковое производство сократилось на $^3/_4$, изъ 12,000 ткачей шелка въ Ліонѣ ушло 9,000; производство писчей бумаги, поярковыхъ шляпъ, кружевное—сильно упали, а многія мануфактуры, которыя работали дешевыя издѣлія, прекратились цѣликомъ, а ихъ продукты шли не только въ Европу, но и на востокъ. Въ Англіи, наоборотъ, въ это время являются отрасли промышленности, которыхъ раньше не было, напр., шелково-ткацкія мануфактуры, производство кружевъ и высшихъ сортовъ писчей бумаги; въ Пруссіи явились тогда поселенія гугенотовъ, которыя сохранились и до нынѣ. Таковы были экономическія потери Франціи.

Еще болѣе потеряла она въ политическомъ отношеніи. Послѣднія мѣры Людовика XIV вызвали въ Европѣ ужасъ и создали ему репутацію чудовища. Коалиція, до сихъ поръ не создававшаяся, не смотря на занятіе французами Гейдельберга и палатината, теперь создалась: общее чувство ненависти и опасенія объединило протестантовъ Англіи, Голландіи и Германіи. Не забудемъ, что главную силу Вильгельма Оранскаго во время его похода въ Англію (1688 г.), противъ Іакова II, подручника Людовика XIV, составляли французскіе изгнанники. Можно сказать, что гугеноты вытѣснили вліяніе Людовика XIV изъ Англіи. Такимъ образомъ, Франція объединила своихъ враговъ тѣмъ, что преслѣдовала своихъ сыновъ.

Но быть можетъ, цѣною всѣхъ этихъ потерь, Франція достигла единства церкви? Но и этого не было: 1 милліонъ протестантовъ остался во Франціи, они существуютъ тамъ и теперь, а новообращенные не были искренне религіозными людьми; это были лицемѣры, потерявшіе свою религію и не пріобрѣвшіе другой; для католической церкви они были пріобрѣтеніемъ весьма сомнительнаго достоинства. Наконецъ, вся масса насилія и неправды, которыя совершены были во имя католической религіи, вызвали

реакцію противъ нея въ теченіи XVIII в. Равнодушіе и даже нерасположеніе къ церкви, которыя мы видимъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ, были прямымъ послѣдствіемъ религіозныхъ преслѣдованій конца XVII столѣтія, которыя, хотя въ меньшей степени, продолжались и позже.

Признаюсь, когда я приступалъ къ чтенію этой лекціи, я задавалъ себѣ вопросъ, нужно ли вызывать въ памяти эти ужасы и насилія прежняго времени, я опасался, что они слишкомъ грубы и производятъ слишкомъ сильное впечатлѣніе. Не лучше ли, думалось мнѣ, не вдаваться въ эти тяжелыя подробности. Но я сказалъ себѣ: нѣтъ, историческія событія тогда только познаются вполнѣ, когда мы можемъ вообразить ихъ себѣ такъ, какъ они были въ дѣйствительности, живыми, такъ сказать, съ плотью и съ костями. Съ другой стороны, если пережитыя религіозныя насилія и ихъ послѣдствія создали въ Западной Европѣ почву для господствующей теперь религіозной терпимости и свободы, то не худо оглядываться на эти страницы исторіи, чтобы помнить, къ какимъ пагубнымъ послѣдствіямъ ведетъ нетерпимость, будь то нетерпимость религіозная, политическая, или національная—все равно.

Общества взаимнаго кредита.

Кредитныя учрежденія, основанныя на взаимной порукѣ, имѣютъ неменьшее значеніе въ общей экономіи организаціи кредита въ данной странѣ, чѣмъ учрежденія акціонерныя; въ то время какъ послѣднія преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, операціи болѣе или менѣе крупныя, не требующія большихъ хлопотъ и не вызывающія размышленій относительно степени риска, учрежденія взаимнаго кредита гораздо болѣе приноровлены или, вѣрнѣе говоря, могутъ быть приноровлены къ среднему и мелкому кредиту, хотя они не исключаютъ въ принципѣ и возможности крупныхъ операцій, и этотъ кредитъ, въ силу большей приспособленности учрежденія, связанъ для него съ меньшимъ рискомъ, чѣмъ для акціонернаго или государственнаго банка. Съ другой стороны, кредитъ акціонерный по существу дѣла является эксплоатаціей нуждающихся въ кредитѣ въ пользу обладателей капитала, тогда какъ кредить взаимный служитъ удешевленію кредита и въ то же время капитализаціи тѣхъ небольшихъ прибылей, которыя получаются отъ операцій, и которыя, при отсутствіи такихъ учрежденій, либо служили бы увеличенію капиталовъ крупныхъ, либо пропадали бы безслѣдно, за отсутствіемъ возможности суммироваться. Между тѣмъ для страны не менѣе, если не болѣе, интересно накопленіе капиталовъ среднихъ и мелкихъ, чѣмъ капиталовъ крупныхъ, такъ какъ первые даютъ общественному благосостоянію большую устойчивость. Наконецъ, важность учрежденій кредитныхъ, основанныхъ на круговой порукѣ, вытекаетъ изъ того, что они вводятъ въ оборотъ невещественный капиталъ, именно круговую поруку, и помощью ея создаютъ торговый оборотъ и

такимъ образомъ, такъ сказать, умножаютъ свободный народный капиталъ и создаютъ экономическую силу, которая восполняетъ недостатокъ капитала въ странѣ. Эта сторона дѣла такъ важна и она настолько свойственна нашей способности въ круговой порукѣ, что когда мнѣ привелось въ 1890 году дѣлать докладъ объ обществахъ взаимнаго кредита въ Парижѣ въ обществѣ „Economie Sociale“, то присутствовавшій въ этомъ засѣданіи г. Вельшъ (Welche) высказался въ томъ смыслѣ, что если бы мы, французы, были способны усвоить на практикѣ этотъ принципъ круговой поруки, то мы тѣмъ самымъ пріобрѣли бы сильный экономическій рычагъ, который оказалъ бы большую услугу особенно деревнямъ и среднему классу городскаго населенія.

Намъ нѣтъ надобности говорить, что взаимный кредитъ оказалъ значительныя услуги у насъ въ Россіи: примѣръ херсонскаго банка у всѣхъ на глазахъ, балансъ 99 дѣйствующихъ обществъ взаимнаго кредита на 1 января текущаго года показываетъ, что они владѣютъ капиталомъ въ 24,241 т. р. и представляютъ собою круговую поруку въ 205,249 т. р. Съ ея помощью они сосредоточили у себя вкладовъ на 143,274 т. р., посредствомъ которыхъ учли векселеи на 97,500 т. р. и выдали ссудъ на 23,093 т. р. Если принять во вниманіе, что эти суммы, главнымъ образомъ, направлены въ ту среду, которая не служитъ пока объектомъ операцій акціонерныхъ банковъ, то значеніе существованія обществъ взаимнаго кредита станетъ совершенно яснымъ.

Но не только теоретическое значеніе даннаго принципа важно, еще важнѣе его практическое приложеніе, а съ этой стороны жизнь обществъ взаимнаго кредита оставляетъ желать многаго. Объ этой то сторонѣ дѣла я и намѣренъ поговорить съ читателями „Экономическаго Обозрѣнія“ въ настоящей статьѣ. Эти недостатки сознаны были довольно давно; еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ нѣкоторыя общества возбуждали ходатайства о нѣкоторыхъ нововведеніяхъ въ ихъ жизни, но особеннсю канцеляріей по кредитной части эти нововведенія откладывались „впредь до общаго пересмотра уставовъ обществъ взаимнаго кредита, предстоящаго въ близкомъ будущемъ“. Теперь, повидимому, это „близское будущее“ наступаетъ, а потому не безъинтересно разобраться въ тѣхъ недочетахъ, которые указаны самою жизнью, и я беру на себя смѣлость говорить объ нихъ, такъ какъ работалъ въ одномъ изъ крупныхъ обществъ взаимнаго кредита въ теченіе 19 лѣтъ.

Однимъ изъ существенныхъ пунктовъ является способъ образованія и потомъ послѣдовательнаго увеличенія оборотнаго капитала. Уставъ обществъ сдѣлалъ все возможное для того, чтобы облегчить собираніе оборотнаго капитала, но онъ не сдѣлалъ ничего для того, чтобы обезпечить его увеличеніе вмѣстѣ съ развитіемъ самаго учрежденія. Облегченіе составленія оборотнаго капитала, конечно, дѣло хорошее, но предоставленіе его на волю судьбы и отсутствіе условій, при которыхъ онъ могъ бы въ случаѣ нужды увеличиваться, есть несомнѣнный недостатокъ учрежденія. Когда капиталъ акціонернаго банка становится недостаточнымъ, его могутъ увеличить выпускомъ новыхъ акцій, а между тѣмъ въ уставѣ обществъ взаимнаго кредита нѣтъ средствъ, которыя не только обезпечивали бы его увеличеніе, но и указали бы путь къ этой цѣли. Однако, это необходимо, тѣмъ болѣе, что установленная величина оборотнаго капитала незначительна; онъ опредѣленъ въ одну десятую часть размѣра обязательствъ членовъ. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что, съ одной стороны, общество находится въ слишкомъ большой зависимости отъ вкладовъ и отъ кредита въ государственномъ банкѣ, а съ другой, незначительность оборотнаго капитала сравнительно съ другими оборотными средствами (вкладами, займами и т. д.) создаетъ непомѣрно большую величину дивиденда, что, въ свою очередь, вызываетъ погоню за расширеніемъ операцій и за большою прибылью въ ущербъ солидности дѣла, такъ какъ собственная заинтересованность становится слишкомъ незначительной. Эти недостатки сказались на первыхъ же порахъ дѣятельности обществъ; но это повело, однако, не къ изученію причинъ неурядицъ, а къ заключенію о неспособности обществъ вести кредитное дѣло и къ тому, что въ послѣдующихъ уставахъ имъ было запрещаемо принимать взносы на текущій счетъ отъ постороннихъ лицъ, а также вести нѣкоторыя активныя операціи за счетъ нечленовъ. Такія ограниченія, конечно, не были благопріятнымъ условіемъ для ихъ развитія, а, напротивъ, ослабляли его.

Сама практика, повидимому, показываетъ, что наше мнѣніе о недостаточности оборотнаго капитала не лишено основанія, и что полезно подумать о способахъ его увеличенія. Въ балансахъ нѣкоторыхъ обществъ взаимнаго кредита мы видимъ особые капиталы, которые подведены подъ общую рубрику спеціальныхъ капиталовъ. Къ 1 января 1898 года сумма этихъ капиталовъ составляла 2,639 т. р. и, какъ видно изъ баланса на 1898 годъ, сумма ихъ

увеличилась въ 1897 году на 281 т. р. Въ нѣсколькихъ обществахъ, а именно: въ петербургскомъ, одесскомъ, варшавскомъ, екатеринославскомъ и ростовскомъ эти капиталы въ каждомъ изъ нихъ превышали сто тысячъ рублей. Если можно думать, что въ въ петербургскомъ обществѣ въ суммѣ спеціальныхъ капиталовъ находится и запасный капиталъ, то относительно другихъ обществъ этого сказать нельзя, такъ какъ у нихъ запасные капиталы значатся отдѣльно, а относительно одесскаго общества мнѣ положительно извѣстно, что тамъ этотъ спеціальный капиталъ предназначенъ на увеличеніе силы оборотнаго капитала и принадлежитъ, наравнѣ съ послѣднимъ, членамъ. Онъ составляетъ тамъ въ настоящее время 291 т. р. при оборотномъ капиталѣ въ 758 т. р., что составляетъ $38^1/_2$ %. Онъ образованъ былъ тамъ въ 1890 году и составляется изъ отчисленій половины получаемаго членами диведенда до тѣхъ поръ, пока часть даннаго члена въ этомъ капиталѣ, который называется „особымъ резервнымъ фондомъ членовъ“, станетъ равна его паю въ оборотномъ капиталѣ; такимъ образомъ особый резервный фондъ членовъ по мысли его учредителей долженъ удвоить оборотный капиталъ. Не получая половины своего дивиденда, члены общества не лишаются дохода на эту часть, такъ какъ на резервный фондъ начисляется процентъ равный тому, который въ данный моментъ начисляется по вкладамъ, положеннымъ на годъ. Намъ и кажется, что въ уставахъ обществъ долженъ быть пунктъ, который не только предоставлялъ бы членамъ устраивать такіе или подобные имъ спеціальные капиталы, предназначенные на усиленіе оборотнаго капитала, но даже такой, который требовалъ бы отъ членовъ, вступающихъ въ общество, кромѣ внесенія въ оборотный капиталъ—суммы, равной десятой части ихъ обязательствъ, чтобы они не получали дивиденда до тѣхъ поръ, пока ихъ пай не достигнетъ пятой части ихъ обязательства, или, по крайней мѣрѣ, чтобы они получали до этого времени только половину дивиденда. Систему вознагражденія этого капитала надо предоставить самимъ обществамъ, не дѣлая ея уставнымъ вопросомъ, такъ какъ это вознагражденіе зависитъ отъ многихъ условій совершенно мѣстнаго характера. Само собою разумѣется, что эти отчисленныя суммы должны принадлежать каждому изъ членовъ индивидуально, и что при выходѣ изъ общества они получаютъ ихъ обратно вмѣстѣ съ оборотнымъ капиталомъ; съ другой стороны эти суммы должны участвовать, какъ и паи членовъ, въ отвѣтственности по убыткамъ общества и по его обязательствамъ

предъ третьими лицами; даже намъ кажется, что въ интересахъ сохраненія устойчивости первоначальнаго оборотнаго капитала общества и въ виду того, что онъ составился изъ непосредственныхъ взносовъ членовъ, тогда какъ вторая его половина составилась изъ отчисленій изъ прибыли, было бы раціонально, чтобы при покрытіи убытковъ при недостаткѣ для этой цѣли запаснаго капитала, въ первой линіи списанія дѣлались съ особаго резервнаго фонда членовъ, а потомъ уже только, при недостаточности этого послѣдняго, привлекался къ отвѣтственности и оборотный капиталъ.

Само собою разумѣется, что образованіе такого капитала сослужитъ большую службу въ дѣлѣ усиленія обществъ взаимнаго кредита и, кромѣ того, оно дастъ имъ большую устойчивость, такъ какъ отвѣтственность членовъ по ихъ собственнымъ обязательствамъ предъ обществомъ будетъ въ значительно большей степени гарантирована. Сверхъ того, тѣ отчисленія ихъ дивиденда, которыя будутъ дѣлаться, будутъ служить средствомъ капитализаціи такихъ маленькихъ суммъ, которыя въ противномъ случаѣ расходовались бы въ большей части непроизводительно, такъ что и съ точки зрѣнія общей экономіи предлагаемая мѣра тоже представляется полезною. Если бы она была принята гораздо раньше, то оборотный капиталъ обществъ взаимнаго кредита былъ бы теперь настолько значителенъ, что объ ихъ слабости не было бы и рѣчи, какъ не было бы, вѣроятно, и рѣчи о тѣхъ ограниченіяхъ, которымъ подвергнута ихъ дѣятельность. Опасенія за судьбу вкладчиковъ, которыми въ большинствѣ случаевъ диктовались такія ограниченія, не считая участія въ этомъ дѣлѣ предразсудковъ, не имѣли бы мѣста.

Что касается вкладовъ, то нельзя запрещать обществамъ принимать вклады на текущій счетъ отъ постороннихъ лицъ, не нанося имъ въ этомъ случаѣ существеннаго вреда и не дѣлая совершенно ненужной несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ, пріемъ вкладовъ на текущій счетъ разрѣшается каждому банку независимо отъ его складочнаго капитала; онъ разрѣшается и обыкновеннымъ банкирамъ, солидность которыхъ едва ли можетъ считаться болѣе обезпеченною, чѣмъ солидность общества взаимнаго кредита. Далѣе многія общества взаимнаго кредита, уставы которыхъ, къ счастью ихъ, были утверждены до того времени, когда началась эта ограничительная тенденція, принимаютъ вклады на текущій счетъ отъ постороннихъ лицъ, и, однако, отъ этого ни-

какой опасности не произошло для вкладчиковъ, кромѣ той, какая можетъ произойти отъ потери какимъ угодно банкомъ своего актива. Это ограниченіе тѣмъ болѣе должно быть устранено, что оно очень нерѣдко обходится, и иныя лица только затѣмъ и вступаютъ въ члены общества, чтобы имѣть возможность держать въ немъ свой текущій счетъ. Что касается того, что гарантія безостановочнаго возвращенія вкладовъ въ обществахъ взаимнаго кредита ослаблена меньшею реализуемостью ихъ портфеля, то это соображеніе, повидимому производящее впечатлѣніе серьезности, не имѣетъ таковой. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы выставить такое соображеніе, слѣдовало бы прежде всего доказать тотъ фактъ, который признается за таковой, а во-вторыхъ доказать, что портфель акціонеровъ банковъ отличается той степенью реализуемости, которая требуется. На основаніи своего впечатлѣнія, на которое и можно только сослаться при отсутствіи опыта, я могу сказать, что не вижу основаній утверждать, что активъ акціонерныхъ банковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ крупныхъ, отличается большею реализуемостью, чѣмъ активъ обществъ взаимнаго кредита. Да и вообще пресловутый вопросъ о реализаціи портфеля банка, который почему то сталъ теперь моднымъ, находится въ такой же связи съ обиліемъ капиталовъ въ странѣ, какъ и съ вопросомъ о доброкачественности портфеля банковъ вообще. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ для нашего разсужденія отдѣльный банкъ, то вѣрность положенія, что реализуемость его портфеля зависитъ въ значительной степени отъ доброкачественности и отъ краткосрочности его актива, очевидна; но если повернемъ наше разсужденіе такимъ образомъ, что станемъ разсуждать вмѣстѣ о всѣхъ банкахъ, находящихся въ данной странѣ или области, то картина измѣняется. Что такое реализуемость портфеля? Это возвратъ всѣхъ позаимствованій на разныя цѣли, которыя сдѣланы въ банкѣ. Большинство этихъ цѣлей или дѣлъ принадлежитъ къ разряду торговыхъ или промышленныхъ, и сдѣланныя позаимствованія составляютъ ихъ оборотный капиталъ или порядочную часть его. Вынуть эту часть изъ оборота не представляется возможнымъ безъ потрясенія дѣлъ, а потому сокращеніе кредита банками потребуетъ замѣщенія этого кредита кредитомъ другаго рода, хотя бы и гораздо болѣе дорогимъ. Если капиталовъ въ данной странѣ много, то такая замѣна возможна, а если, наоборотъ, ихъ мало, то реализація портфеля банковъ сведется къ страшному кризису. Такимъ образомъ, въ странѣ, богатой капиталами, реализація въ слу-

чаѣ надобности части портфеля облегчается не только тѣмъ, что этотъ портфель хорошъ, а еще и тѣмъ, что промышленники и торговцы на это время имѣютъ возможность найти средства, хотя и по болѣе дорогому проценту, но все же могутъ быть въ состояніи вести дѣло среднимъ ходомъ, безъ совершенной остановки его. Самое искусство банковой политики заключается не въ томъ, чтобы въ трудныя минуты сокращать свой портфель, а въ томъ, чтобы умѣть привлекать деньги тогда, когда онѣ становятся дороги, и, такимъ образомъ, предупреждать паническое настроеніе рынка. Само собою разумѣется, что для того, чтобы имѣть эту возможность, они должны пользоваться общественнымъ довѣріемъ, иначе говоря, публика должна быть увѣрена, что они помѣщаютъ средства въ доброкачественныя обязательства, т. е. обладаютъ хорошимъ портфелемъ, каждая отдѣльная часть котораго можетъ быть возвращена въ непродолжительное время. Мнѣ скажутъ, что вѣдь это сводится опять таки къ реализуемости портфеля; да это такъ; но есть разница, и она заключается въ томъ, что я реализуемость портфеля въ смыслѣ широкой мѣры ставлю въ зависимость не только отъ доброкачественности портфеля, но еще и отъ богатства страны свободными капиталами; кромѣ того, я ставлю на видъ, что реализуемость портфеля такая вещь, которая, разъ рѣчь идетъ объ общей реализаціи, имѣетъ скорѣе гипотетическій характеръ, чѣмъ значеніе реально возможнаго факта.

Какъ бы то ни было, однако, мы настаиваемъ на томъ, что нѣтъ основаній съ точки зрѣнія доброкачественности портфеля отказывать обществамъ взаимнаго кредита въ правѣ принимать вклады на текущій счетъ отъ постороннихъ лицъ. Заговоривъ о вкладахъ, мы должны остановиться на вопросѣ о томъ, какъ обезпечить безостановочное возвращеніе вкладовъ вкладчикамъ?

Въ уставахъ стоитъ пунктъ, гласящій, что для этой цѣли должно соблюдаться пятикратное отношеніе между суммою вкладовъ постороннихъ лицъ и суммою собственныхъ капиталовъ общества. Намъ кажется, что это вовсе не гарантія и притомъ она едва ли можетъ быть осуществлена: въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать, если вклады достигли въ данный моментъ этого отношенія? Прекратить пріемъ вкладовъ? Но вѣдь такая мѣра равносильна вызову къ ихъ усиленному востребованію. Далѣе, какое отношеніе имѣетъ капиталъ, принадлежащій обществу, къ его способности безпрепятственно возвращать вклады? Вѣдь оборотный капиталъ находится, какъ и самые вклады, въ операціяхъ и скоро изъяты

оттуда быть не могутъ, и если только та и другая суммы находятся въ операціяхъ цѣликомъ, то и пятикратное отношеніе между ними никоимъ образомъ не обезпечитъ безостановочнаго возврата вкладовъ. Намъ кажется, что это постановленіе о пятикратномъ отношеніи взято изъ теоріи эмиссіонныхъ банковъ и никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено къ данному случаю. Этотъ вопросъ настолько важенъ, что онъ долженъ быть регулированъ въ уставѣ такимъ образомъ, чтобы, при соблюденіи послѣдняго, безостановочный возвратъ вкладовъ былъ дѣйствительно обезпеченъ. Выше мы сказали, что если весь оборотный капиталъ и всѣ вклады находятся въ оборотѣ, то тогда возвратъ послѣднихъ встрѣтитъ затрудненіе; отсюда мы подходимъ къ разрѣшенію интересующей насъ задачи: выходитъ, что какая то часть этихъ капиталовъ должна быть свободною. Объ оборотномъ капиталѣ говорить нечего; по существу дѣла онъ долженъ быть въ оборотѣ. Что касается вкладовъ, то, для обезпеченія ихъ возврата, часть ихъ должна находиться въ наличности въ кассѣ, на текущемъ счету въ государственномъ банкѣ, или въ другомъ кредитномъ учрежденіи равнозначительной солидности; или же общество должно имѣть равнозначительный рессурсъ въ свободномъ кредитѣ въ государственномъ банкѣ или по переучету или по спеціальному текущему счету. Что касается величины этого, такъ сказать, страховаго резерва, то практика намъ показываетъ, что она не должна быть меньше четвертой части всѣхъ вкладовъ независимо отъ того, принадлежатъ ли послѣдніе членамъ или постороннимъ вкладчикамъ. Мы настаиваемъ на устраненіи этого различія, такъ какъ неудовлетвореніе вкладчика члена одинаково можетъ вызвать панику, какъ и отказъ въ платежѣ постороннему вкладчику; на практикѣ же при усиленномъ истребованіи вкладовъ нѣтъ возможности соблюдать очередь между членами и посторонними вкладчиками. Если сумма, равная четверти вкладовъ, будетъ каждую данную минуту имѣть за собою свободный резервъ въ видѣ ли кассовой наличности, въ видѣ ли взноса на текущій счетъ въ государственномъ банкѣ, или въ видѣ свободнаго кредита тамъ же, то тогда, какъ намъ кажется, истребованіе вкладовъ никогда не дойдетъ до паники, а вѣдь это только и требуется. Съ другой стороны, эта мѣра полезна еще въ томъ отношеніи, что она будетъ препятствовать операціямъ принимать непомѣрно широкое развитіе. Такъ какъ такое положеніе операцій, доставляя большую прибыль, соблазняетъ администраторовъ общества стремиться къ

нему, то для того, чтобы упомянутое нами требованіе о свободномъ резервѣ не было мертвой буквой, нужно подвергать администраторовъ общества, нарушающихъ это требованіе, отвѣтственности, напримѣръ, хотя бы устраненію отъ должности, съ воспрещеніемъ быть вновь на нее избранными до извѣстнаго болѣе или менѣе продолжительнаго срока.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ активныхъ операціяхъ, которыя въ большинствѣ уставовъ подвергнуты ограниченіямъ; таковы: ссуды подъ процентныя бумаги, ссуды подъ товары, переводы и коммиссіонныя операціи.

Во многихъ уставахъ ссуды подъ процентныя бумаги разрѣшается выдавать только членамъ общества; какой мотивъ легъ въ основаніе этого ограниченія, мы отказываемся доискиваться, такъ какъ, во всякомъ случаѣ, едва ли этотъ мотивъ выдержитъ самую снисходительную критику. Какъ бы ни разсматривать эту операцію, все же окажется, что она представляется одною изъ наиболѣе прочныхъ и легко реализуемыхъ; запрещать обществамъ производить ее для постороннихъ лицъ, значитъ безъ всякой пользы для дѣла лишать ихъ значительной выгоды, а этихъ кліентовъ направлять иногда къ банкирамъ, солидность которыхъ едва ли можетъ спорить со степенью довѣрія, котораго заслуживаетъ общество взаимнаго кредита. Насколько эта операція имѣетъ значеніе въ экономіи обществъ взаимнаго кредита, видно изъ того, что въ балансахъ обществъ взаимнаго кредита къ 1 января 1898 г. она фигурируетъ въ суммѣ 19,381 т. р. по срочнымъ ссудамъ и въ 47,268 т. р. по ссудамъ въ формѣ спеціальныхъ текущихъ счетовъ, а всего въ суммѣ 66,649 т. р. во всѣхъ 99 обществахъ. Если мы посмотримъ, какое мѣсто занимаетъ эта операція въ балансахъ тѣхъ обществъ, которымъ, сколько намъ извѣстно, разрѣшено выдавать ссуды подъ процентныя бумаги постороннимъ лицамъ, то окажется, что только въ шести обществахъ—петербургскомъ, петербургскаго земства, московскомъ купеческомъ, тифлисскомъ, 2-мъ харьковскомъ и одесскомъ—срочныя ссуды составляли на 1 января сумму въ 14,679 т. р., и въ формѣ спеціальнаго счета—39,224 т. р., а всего 53,903 т. р. Выходитъ, что на остальныя 93 общества приходится только 12,746 т. р. Эту неравномѣрность въ развитіи этой операціи въ отдѣльныхъ обществахъ я склоненъ приписать именно этимъ ограниченіямъ. Такъ, напримѣръ, въ саратовскомъ обществѣ, которое по своей величинѣ и по мѣстнымъ условіямъ могло бы вести ссуды подъ про-

центныя бумаги въ довольно широкомъ размѣрѣ, онѣ достигаютъ едва 316 т. р., изъ коихъ 100 т. р. приходится на срочныя ссуды.

Ссуды подъ товары тоже нитересно было бы разрѣшить выдавать не только членамъ, но и постороннимъ лицамъ. Дѣло въ томъ, что эти ссуды, за исключеніемъ нѣкоторыхъ категорій, представляютъ собою операцію очень краткосрочную и не постоянную, поэтому товаровладѣлецъ не находитъ интереса въ томъ, чтобы для полученія ссуды становиться членомъ общества и вносить пай, а, по ликвидаціи ссуды, дожидаться возвращенія послѣдняго довольно долгій періодъ времени. Поэтому товаровладѣльцы, нуждающіеся въ ссудѣ подъ товаръ и не могущіе обратиться къ банковому кредиту, обращаются либо къ услугамъ частнаго кредита, либо къ ломбарду, переплачивая, конечно, лишніе проценты. Между тѣмъ ссуды подъ товары, если онѣ даются съ должной осмотрительностью,—а какая же операція не требуетъ осмотрительности?—представляютъ собою хорошее дѣло и полезное въ общеэкономическомъ отношеніи. Поэтому намъ кажется, что на этотъ вопросъ слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе.

Въ нѣкоторыхъ уставахъ мы встрѣчаемъ запрещеніе дѣлать переводы за счетъ нечленовъ, а также и принимать отъ нечленовъ векселя на коммиссію. Эти ограниченія трудно оправдываемы. Дѣло въ томъ, что лицо, дѣлающее переводъ, гораздо меньше рискуетъ, чѣмъ тотъ банкъ, на который выданъ переводъ и который его оплачиваетъ за счетъ общества, выдавшаго переводъ. На самомъ дѣлѣ не то лицо, слѣдовательно, оказываетъ довѣріе обществу, которое вноситъ деньги для перевода, а то учрежденіе, на которое этотъ переводъ выданъ, и которое открываетъ съ этой цѣлью обществу контокоррентный счетъ; для этого послѣдняго учрежденія совершенно безразлично оплачиваетъ ли оно переводъ, сдѣланный членомъ или постороннимъ лицомъ. Общество въ данномъ случаѣ является коммиссіонеромъ, который можетъ произвести данную операцію, но въ силу того довѣрія, которое ему оказываетъ не кліентъ, дѣлающій переводъ, а тотъ банкъ, на который онс выдаетъ переводъ. Если мы посмотримъ на дѣло со стороны оплаты переводовъ, то, оплачивая переводы, выданные на него другими учрежденіями, оно, очевидно, оплачиваетъ переводы нечленовъ и не можетъ отказать, не нарушая своихъ корреспондентскихъ обязанностей, въ оплатѣ перевода, выданнаго на постороннее лицо. Словомъ все это ограниченіе обществъ въ дѣлѣ

переводной операціи соткано изъ такой массы противорѣчій, не оправдываемыхъ практическими соображеніями, что поддерживать его нѣтъ никакихъ основаній.

Если читатель согласится съ нами въ томъ, что нѣтъ основаній ограничивать общества въ дѣлѣ переводной операціи, то нѣтъ основаній и ограничивать ихъ въ дѣлѣ пріема векселей на коммиссію, такъ какъ эта операція составляетъ составную часть переводнаго дѣла. Векселя, принимаемые на коммиссію и посылаемые въ другіе города, являются орудіемъ погашенія того долга, который образуется между корреспондентами вслѣдствіе оплаты выданныхъ переводовъ. Съ другой стороны, пріемъ этихъ векселей оказываетъ большую пользу торговлѣ, такъ какъ многіе торговцы едва ли бы кредитовали своихъ иногородныхъ кліентовъ, если бы они не знали, что они могутъ послать ихъ вексель въ мѣстожительства послѣднихъ и чрезъ банкъ потребовать отъ нихъ платежа. Огромная масса этихъ векселей составляется изъ суммъ мелкихъ, требующихъ для веденія дѣла довольно много труда, и прибыль по этой статьѣ является, главнымъ образомъ, вознагражденіемъ за этотъ трудъ, а не процентомъ за затраченный капиталъ. Опасность для общества отъ этой операціи совершенно одинакова, принимаетъ ли оно вексель отъ члена или отъ посторонняго лица. Она заключается въ томъ только, что то учрежденіе, которое получило платежъ по векселю, можетъ обанкротиться раньше, чѣмъ общество получитъ съ него деньги по отосланнымъ векселямъ; но это соображеніе не имѣетъ никакого отношенія къ тому, былъ ли то вексель члена или посторонняго лица. На основаніи его не слѣдовало бы никакому банку разрѣшать этой операціи. Что касается того соображенія, что общество само можетъ оказаться несостоятельнымъ и, получивъ платежи по векселямъ, не возвратитъ ихъ своимъ кліентамъ, то тутъ мы опять таки имѣемъ дѣло съ кредитомъ, который оказываютъ обществу другіе банки, а не тѣ кліенты (постороннія лица), о которыхъ, повидимому, такъ хлопотали вдохновители тѣхъ ограниченій, о которыхъ идетъ рѣчь, По нашему глубокому убѣжденію для оправданія ихъ практика не дала никакихъ указаній въ ихъ пользу, а дала, напротивъ, достаточно таковыхъ противъ нихъ. Но у насъ какъ то на Руси такъ случается, что для дурныхъ нововведеній не требуется большихъ основаній и указаній практики, тогда какъ для нововведеній хорошихъ требуется ихъ цѣлая уйма.

Перейдемъ теперь къ вопросамъ, касающимся управленія

Для всѣхъ обществъ существуетъ одинъ типъ его, это коллегіальное учрежденіе, именуемое правленіемъ. Нѣтъ словъ, что коллегіальность рѣшенія дѣлъ вещь хорошая; но когда дѣло идетъ о рѣшеніи мелкихъ текущихъ вопросовъ и объ исполненіи техническихъ функцій, то эта система является неудобной; тамъ для дѣла выгоднѣе становится, когда одно лицо руководитъ дѣломъ. Это соображеніе, вѣроятно, и легло въ основаніе организаціи акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита, гдѣ правленію подлежатъ лишь извѣстные вопросы, а остальная масса дѣла находится въ рукахъ директора-распорядителя; то же самое мы видимъ и въ городскихъ общественныхъ банкахъ: тамъ тоже веденіе дѣла находится въ рукахъ директора; наконецъ, и въ учрежденіяхъ государственнаго банка ведутъ дѣло управляющіе. Въ большихъ обществахъ взаимнаго кредита неудобство порученія правленію веденія дѣла не такъ чувствуется, такъ какъ каждому изъ членовъ его находится дѣло въ теченіе цѣлаго операціоннаго дня, и даже является извѣстное удобство въ томъ, что они всѣ находятся на лицо, такъ какъ вкупѣ могутъ сейчасъ же рѣшить непредвидѣнный и въ то же время важный случай. Совсѣмъ не то въ маленькихъ обществахъ, гдѣ текущаго дѣла и для одного человѣка мало; тамъ естественно является необходимость поручить кому нибудь изъ коллегъ веденіе дѣла, а остальные члены правленія собираются только для засѣданія. Дурнаго въ этомъ ничего нѣтъ, но надо, чтобы уставъ санкціонировалъ этотъ порядокъ, а то отъ отсутствія такой санкціи, самая законность исходящихъ отъ банка бумагъ можетъ быть подвержена сомнѣнію, или же подписи на нѣкоторыхъ документахъ должны быть даваемы заранѣе. Между тѣмъ предоставленіе правленію права избирать изъ своей среды не только предсѣдателя, но и поручать ему, или другому лицу изъ числа своихъ членовъ, извѣстныя распорядительныя функціи устранило бы это неудобство. Введеніе такого порядка устранило бы и другое неудобство. Я хочу сказать о способѣ вознагражденія членовъ правленія. Почти во всѣхъ уставахъ значится, что правленіе не получаетъ постояннаго жалованья, а получаетъ свое вознагражденіе изъ прибылей. Такой порядокъ не представляетъ неудобства тамъ, гдѣ есть директоръ распорядитель, который посвящаетъ все свое время дѣлу и получаетъ за это не только извѣстную часть изъ прибыли, но и постоянное гарантированное жалованье. Но разъ такого лица нѣтъ, то члены правленія находятся въ безвыходномъ положеніи, и во-

лей неволей собраніе должно нарушать уставъ, назначая членамъ правленія опредѣленное вознагражденіе за трудъ за счетъ текущихъ расходовъ, или же назначать таковое тому члену правленія, который посвящаетъ все свое время текущимъ дѣламъ общества. Намъ кажется, что нѣтъ надобности отказываться отъ принципа вознагражденія членовъ правленія изъ прибыли; но только слѣдуетъ предоставить общимъ собраніямъ право гарантировать это вознагражденіе либо одному члену правленія, либо нѣсколькимъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, опредѣленною суммою, которая бы выдавалась въ видѣ жалованья. Намъ кажется, что опредѣленіе вознагражденія членовъ правленія изъ прибыли безъ права получать что либо авансомъ въ видѣ жалованія противорѣчитъ самому свойству обществъ взаимнаго кредита: они представляютъ собою союзы людей средняго состоянія, изъ числа которыхъ весьма немногіе въ состояніи жить на свои средства, ожидая вознагражденія своего труда до окончанія операціоннаго года; поэтому строгое проведеніе принципа вознагражденія за трудъ изъ прибыли, безъ всякаго аванса, создало бы привиллегію быть членомъ правленія въ пользу небольшаго кружка людей богатыхъ, а вѣдь богатство, особенно у насъ, на Руси, вовсе не гарантируетъ ни знаній, ни добросовѣстности, ни прочихъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы хорошо управлять кредитнымъ учрежденіемъ, а въ особенности обществомъ взаимнаго кредита.

Вторымъ важнымъ пунктомъ является вопросъ объ организаціи общихъ собраній. Первоначально почти по всѣмъ уставамъ они составлялись изъ всѣхъ членовъ общества; этотъ составъ собраній сохранился и сейчасъ въ большинствѣ уставовъ обществъ, несмотря на тѣ неудобства, которыя проистекаютъ отъ слишкомъ большой многочисленности собранія для обсужденія дѣлъ. Вслѣдствіе сознанія этого неудобства въ нѣкоторыхъ обществахъ и въ кредитномъ уставѣ общія собранія замѣнены собраніями представителей. Составъ послѣднихъ взятъ изъ устава кіевскаго городскаго общества взаимнаго кредита. Намъ кажется, что сознаніе неудобства многочисленныхъ собраній распространено довольно сильно, но если, несмотря на это, все таки немногія только общества соглашаются на замѣну ихъ собраніями представителей, то это происходитъ отъ того, что тотъ типъ ихъ, который нашелъ мѣсто въ кредитномъ уставѣ, представляетъ едва ли не большія неудобства, чѣмъ многочисленное общее собраніе.

Неудобства въ организаціи собраній представителей заклю-

чается въ томъ, что, во-первыхъ, численность ихъ не поставлена въ пропорціональное отношеніе къ численности общества, а, во-вторыхъ, сама она слишкомъ низка абсолютно для всякаго общества, болѣе или менѣе значительнаго. Если бы это собраніе представителей занималось только обсужденіемъ дѣлъ общества, то тогда эта миніатюрность его составляла бы полбѣды; но оно, кромѣ того, имѣетъ право выбирать должностныхъ лицъ общества, а это ужъ другой разговоръ. Въ этихъ выборахъ замѣшано такъ много частныхъ интересовъ, что весьма важно, чтобы они другъ друга нейтрализовали, а это совершенно невозможно въ малочисленномъ собраніи; поэтому то въ такомъ малочисленномъ собраніи эти частные интересы берутъ верхъ въ ущербъ, конечно, общимъ интересамъ. Исторія кіевскаго общества взаимнаго кредита представляетъ ссбою доказательства, подтверждающія нашу мысль. Въ многочисленномъ собраніи частные интересы, напротивъ, такъ сказать, растворяются, и участники не могутъ войти въ стачку, и, сколько мы могли наблюдать, верхъ беретъ общій интересъ общества. Конечно, мы говоримъ о такихъ обществахъ, составъ которыхъ по своему умственному уровню не стоитъ слишкомъ низко; но вѣдь низкій уровень общественнаго развитія одинаково окажется вреднымъ какъ при выборѣ представителей, такъ и при выборѣ членовъ правленія, а потому, разбирая данный вопросъ, едва ли его слѣдуетъ принимать въ разсчетъ въ разсужденіи о предпочтеніи той или другой формы организаціи собраній. Намъ кажется, что лучшимъ способомъ организаціи ихъ было бы такое устройство, въ которомъ въ основаніе положены были бы два правила: 1) численность собранія представителей должна находиться въ соотвѣтствіи съ численностью самаго общества; 2) она во всякомъ случаѣ не должна быть очень мала. Если численность общества не даетъ возможности создать собраніе представителей достаточной численности, то предпочтительнѣе сохранить общее собраніе членовъ, чѣмъ вводить слишкомъ малочисленное собраніе представителей. Кромѣ того, мы считаемъ важнымъ дѣломъ, чтобы составъ представителей общества болѣе или менѣе соотвѣтствовалъ составу самаго общества. Та система представительства, которая признана кредитнымъ уставомъ, скомбинирована такимъ образомъ, что немногочисленный, но болѣе богатый элементъ получаетъ черезчуръ сильное преобладаніе и, наоборотъ, многочисленнѣйшая часть общества почти лишена представительства. Намъ кажется, что такое предпочтеніе, оказываемое богатству въ обществахъ

взаимнаго кредита, лишено того основанія, которое ему предоставляется, и то до извѣстной степени только, въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, такъ какъ въ первыхъ степень заинтересованности не играетъ той первенствующей роли, которую она играетъ въ послѣднихъ. Кромѣ того, въ самомъ направленіи дѣятельности обществъ взаимнаго кредита преобладаніе богатыхъ людей очень часто можетъ идти въ ущербъ интересамъ менѣе состоятельныхъ, но гораздо болѣе многочисленныхъ членовъ. Надо, какъ намъ кажется, всегда имѣть въ виду, что въ Россіи нѣтъ той параллельности между богатствомъ и образованностью, которая гораздо чаще встрѣчается на западѣ Европы. Между тѣмъ, само собою разумѣется, въ такомъ дѣлѣ, какъ общества взаимнаго кредита, которыхъ задача заключается не столько въ увеличеніи прибыли, сколько въ предоставленіи возможнаго кредита людямъ средняго состоянія, интеллигентность представляетъ гораздо болѣе важное достоинство, чѣмъ богатство, а потому намъ представляется положительно вредною та система, которая устраняетъ интеллигентный слой отъ вліянія на дѣла общества, того вліянія, которое ему предоставляется его численностью. Поэтому при всемъ уваженіи къ тѣмъ практическимъ знаніямъ и способностямъ, которыя свойственны людямъ, составившимъ свое состояніе своимъ трудомъ и ведущимъ болѣе или менѣе большое дѣло, мы не затруднились бы сказать, если бы намъ представили на выборъ: предоставить избирательное право въ выборѣ представителей людямъ богатымъ, или, если нѣтъ, то предоставить его поголовно всѣмъ членамъ общества; мы бы предпочли послѣднее, такъ какъ въ этой послѣдней системѣ видимъ больше гарантій тому, что насущные интересы общества будутъ болѣе удовлетворены, чѣмъ въ другой. Примѣръ петербургскаго общества взаимнаго кредита, въ которомъ дѣйствуетъ избирательная система, не дѣлающая между членами различія въ отношеніи ихъ состоятельности, является оправданіемъ нашей мысли. Если бы, однако, эту систему признавали почему либо неудобною, то мы все таки настаиваемъ на той мысли, чтобы группировка членовъ по избирательнымъ группамъ дѣлалась такъ, чтобы преобладаніе давалось группамъ средней состоятельности, причемъ для достиженія этой цѣли служитъ съ большимъ удобствомъ распредѣленіе членовъ не на три, а на четыре группы при комбинаціи суммы кредита съ числомъ членовъ. Дѣлая эту оговорку, мы все таки хотимъ подчеркнуть ту мысль, что вовсе нѣтъ надобности дѣлать различіе въ избирательныхъ правахъ членовъ въ

зависимости отъ ихъ состоятельности, и самое разбиваніе ихъ при выборахъ представителей на группы надо считать только дѣломъ простаго удобства, а вовсе не вопросомъ избирательной стратегіи.

Въ заключеніе считаю нужнымъ обратить вниманіе еще на одинъ вопросъ, относящійся къ общимъ собраніямъ и собраніямъ представителей. Если общія собранія по своей многочисленности неудобны для обсужденія дѣлъ общества, то не лучше ли было бы разбить функціи общихъ собраній такимъ образомъ, чтобы именно обсужденіе всѣхъ дѣлъ, относящихся къ компетенціи общихъ собраній, передать собраніямъ представителей, а выборы должностныхъ лицъ оставить за общимъ собраніемъ членовъ, въ томъ числѣ и выборъ представителей. Тогда устранены были бы неудобства общихъ собраній и сохранены были бы ихъ удобства, заключающіяся въ томъ, что въ нихъ всегда менѣе шансовъ на стачку частныхъ интересовъ, чѣмъ въ собраніи представителей. Кромѣ того, для сохраненія единства высшей власти общества можно было бы ввести такой порядокъ, чтобы вопросы, обсужденные и рѣшенные на собраніяхъ представителей, были передаваемы на утвержденіе общихъ собраній, причемъ послѣднія только вотировали ихъ, не вступая въ пренія.

Вотъ тѣ вопросы, которые насъ интересуютъ и которые, какъ мнѣ кажется, должны быть подвергнуты разработкѣ въ подлежащей инстанціи.

Резюмируя все нами сказанное, мы можемъ придти къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Существующій размѣръ оборотнаго капитала обществъ взаимнаго кредита недостаточенъ; кромѣ мѣръ къ увеличенію требуется обезпечить его способность увеличиваться независимо отъ увеличенія числа членовъ.

2. Какъ въ активныхъ, такъ и въ пассивныхъ операціяхъ, обществамъ взаимнаго кредита долженъ быть предоставленъ большій просторъ, чѣмъ тотъ, который существуетъ въ настоящее время по уставамъ, признаваемымъ нормальными.

3 Въ вопросахъ управленія должно допустить гораздо больше разнообразія, чѣмъ то, которое существуетъ нынѣ, и предоставить отдѣльнымъ обществамъ большую степень самоопредѣленія, такъ какъ при такомъ условіи ихъ управленіе будетъ больше приноровлено къ мѣстнымъ условіямъ.

Акціонерные банки краткосрочнаго кредита въ 1898 г.

На-дняхъ вышелъ въ свѣтъ „Сводный балансъ банковъ коммерческаго кредита“ на 1 января 1899 года. Это изданіе стало появляться сравнительно недавно и, конечно, пріобрѣтетъ со временемъ значеніе, такъ какъ дастъ богатый матеріалъ для изученія развитія кредитнаго дѣла въ Россіи. Въ этомъ дѣлѣ частные банки сыграли и будутъ играть очень видную роль. Что бы ни говорили поклонники поглощенія государствомъ экономической дѣятельности страны, факты говорятъ, однако, то, что до развитія у насъ частнаго кредита послѣдній, можно сказать, прозябалъ, и всякая предпріимчивость встрѣчала серьезное препятствіе въ трудности найти для себя нужный капиталъ. Дѣятельность государственныхъ кредитныхъ учрежденій, по необходимости грузная и малоповоротливая, не можетъ въ той же степени, какъ дѣятельность частныхъ учрежденій, отзываться на нужды жизни. Вотъ почему за недолгій періодъ своего существованія, за какихъ-нибудь тридцать слишкомъ лѣтъ, частные банки заняли такое видное мѣсто въ кредитѣ страны; изъ баланса ихъ на 1 января 1899 г. видно, что число ихъ было 41 и что они располагаютъ своимъ капиталомъ въ 185 милл. руб. и стянули къ себѣ вкладовъ на 571 милліонъ рублей. Изъ этой огромной суммы большая часть была помѣщена въ учетную операцію, а именно 410 милліоновъ, а 359 милл. въ ссуды разныхъ наименованій. Изъ „Вѣстника Финансовъ“ мы знаемъ, что учетъ и переучетъ государственнаго банка поглощалъ къ тому же числу 153 милл. и ссуды разныхъ наименованій—72 милліона; если бы къ этимъ цифрамъ прибавить учетъ и ссуды обществъ взаимнаго кредита, то мы полу-

чили бы цифру капитала, которая была предоставлена къ услугамъ промышленности и, главнымъ образомъ, торговли страны къ данному моменту. Но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ еще свѣдѣній о томъ, въ какомъ положеніи были къ 1 января общества взаимнаго кредита. Приблизительное понятіе объ этомъ можетъ, однако, дать ихъ сводный балансъ на 1 іюля прошлаго года, такъ какъ, по всей вѣроятности, оно мало измѣнилось съ того времени. 102 общества взаимнаго кредита, дѣйствовавшія къ тому времени, располагали основнымъ капиталомъ въ 28 милл. руб. и вкладами разныхъ категорій на 162 милл. руб., а учетъ ихъ составлялъ 87 милл. руб. и ссуды разныхъ наименованій 69,9 милл. руб. Если мы сложимъ цифру учета и ссудъ государственнаго банка, частныхъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита, то получимъ почтенную цифру въ 1,150 милл. руб.; но сюда надо еще прибавить около 20 милл. руб. сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ ссудъ, которыя выданы были къ первому января государственнымъ банкомъ. Такъ какъ, повторяю, я взялъ цифры, относящіяся къ дѣятельности взаимныхъ кредитовъ къ первому іюля, то указанный итогъ къ первому января долженъ быть нѣсколько выше, но это мало измѣняетъ общее впечатлѣніе [1]). Изъ этой громадной суммы, предоставленной, главнымъ образомъ, въ распоряженіе торговли, на счетъ частныхъ акціонерныхъ банковъ относятся 769 милл. руб. или 65%. Этимъ выводомъ опредѣляется совершенно ясно значеніе акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита: они занимаютъ господствующее положеніе въ русскомъ кредитѣ. Поэтому, по измѣненіямъ, происходящимъ въ ихъ положеніи, можно судить съ довольно большой достовѣрностью объ измѣненіяхъ въ положеніи русскаго кредита вообще. Какія же измѣненія произошли въ положеніи послѣднихъ въ прошломъ году? Числомъ ихъ было 41, и оно осталось безъ измѣненій. Но такъ какъ они увеличили число своихъ отдѣленій, то можно сказать, что число учрежденій, обслуживающихъ отдѣльныя мѣстности, увеличилось. На сколько это число увеличилось, мы не знаемъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, „Сводный балансъ“ не даетъ свѣдѣній о числѣ отдѣленій банковъ. Основной капиталъ ихъ равнялся, какъ сказано выше, 185 милл. руб.; въ теченіе года онъ увеличился на 14 милл. руб., т. е. на 7,5%. Изъ указанной суммы основнаго капитала 95 милл.

---

[1]) Я не считаю городскихъ общественныхъ банковъ, ибо не располагаю свѣдѣніями объ ихъ балансѣ.

принадлежитъ петербургскимъ банкамъ, 24 милл. московскимъ и 66 милл. провинціальнымъ. Но гораздо большая сила банковъ заключается въ томъ довѣріи, которое имъ оказывается публикой и которое выражается въ томъ, что она несетъ имъ свои свободныя средства. Какъ сказано выше, вклады, бывшіе въ ихъ распоряженіи, равнялись 571 милл. руб. За годъ передъ тѣмъ они равнялись 465 милл., т. е. увеличились за годъ на 106 милл. или на 18 %. Наибольшую цифру въ этомъ рессурсѣ для оборота составлялъ текущій счетъ—323 милл., за нимъ слѣдуютъ срочные вклады—229 милл., и затѣмъ безсрочные вклады (по билетамъ)—16 милл. Небезынтересно для характеристики экономической жизни отдѣльныхъ мѣстностей то обстоятельство, что въ то время, какъ въ Петербургѣ во вкладахъ преобладаютъ текущіе счета, составляя 184 милл., изъ общей суммы вкладовъ въ 248 милл., въ Москвѣ, наоборотъ, преобладаютъ срочные вклады; они равняются 87 милл. изъ общей суммы вкладовъ на 136 милл. Провинціальные вкладчики занимаютъ въ этомъ отношеніи середину; они положили 90 милл. на текущій счетъ, а 80 милл. на срочные вклады. Не могу не отмѣтить, однако, что Одесса въ этомъ отношеніи приближается больше къ Петербургу, чѣмъ къ Москвѣ, такъ какъ тамъ текущіе счета вдвое значительнѣе, чѣмъ срочные вклады (11 милл. противъ 6 милл.). Эти различія объясняются большею или меньшею живостью оборотовъ въ мѣстной жизни. Если бы это явленіе было констатировано только въ отношеніи одного года, то его можно было бы объяснить случайными причинами; но такъ какъ еще въ „Ежегодникѣ русскихъ кредитныхъ учрежденій“ за 1879, 1880 и 1881 годы, изданномъ подъ редакціей И. С. Иващенко, мы видимъ тотъ же фактъ въ еще болѣе рѣзко выраженной формѣ, то мы можемъ, безъ риска впасть въ большую ошибку, считать его отраженіемъ меньшей подвижности московской экономической жизни сравнительно съ петербургской.

Слѣдя за большими средствами, которыя переданы въ распоряженіе акціонерныхъ банковъ, невольно задаешься вопросомъ, куда направлены эти средства. Изъ сопоставленія операцій банковъ къ началу и къ концу года мы видимъ, что учетная операція съ 313 м. р. поднялась до 410 милл., т. е. увеличилась на 96 милл., а такъ какъ сумма вкладовъ увеличилась на 103 милл., то значитъ 93, % тѣхъ денегъ, которыя переданы были публикой въ теченіе 1898 года въ распоряженіе банковъ, пошли на усиленіе учета, иначе говоря - пошли къ услугамъ торговли. Значительное усиле-

ніе учетной оцераціи въ акціонерныхъ банкахъ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что учетъ и переучетъ государственнаго банка не только не увеличился, а сократился на 900 т. р. Если мы посмотримъ, въ какой степени усилилась учетная операція въ банкахъ отдѣльныхъ раіоновъ, то окажется, что въ петербургскихъ банкахъ она увеличилась на $34_{,7}$ милл. или 25 %, въ московскихъ на 17 милл. или на 28 % и въ провинціальныхъ банкахъ на 44 милл., т. е. на 38 %. Оказывается, что учетная операція усилилась наиболѣе въ провинціальныхъ банкахъ. Но дѣлая этотъ выводъ, мы должны указать на очень существенную оговорку: такъ какъ столичные банки имѣютъ довольно много провинціальныхъ отдѣленій, балансы которыхъ не показаны отдѣльно, то нѣкоторую часть возрастанія учета въ первыхъ слѣдуетъ отнести на счетъ провинціальныхъ банковъ. Какую именно часть мы не можемъ сказать съ точностью; но такъ какъ въ общей суммѣ портфеля векселей московскихъ и петербургскихъ банковъ считалось $106_{,7}$ милл. руб., находившихся въ портфелѣ ихъ провинціальныхъ отдѣленій, и такъ какъ возрастаніе портфеля провинціальныхъ банковъ выразилось 38 %, то можно считать, что и портфель отдѣленій столичныхъ банковъ возросъ въ той же пропорціи, а если такъ, то изъ 51 милл. руб., составляющихъ возрастаніе портфеля столичныхъ банковъ, около 38 милл. слѣдуетъ отчислять на возрастаніе портфеля ихъ провинціальныхъ отдѣленій. Какъ бы то ни было, однако, это не измѣняетъ общаго вывода, нами сдѣланнаго, относительно употребленія тѣхъ денегъ, которыя поступили въ распоряженіе акціонерныхъ банковъ въ теченіе истекшаго года.

Наиболѣе значительною по своимъ размѣрамъ послѣ учетной операціи является ссудная. Она выражается цифрой въ 359 милл. р., изъ коихъ 82 милл. руб. приходится на срочныя ссуды подъ процентныя бумаги и товары и 277 милл. руб. на ссуды подъ тѣ же залоги, выданныя въ формѣ спеціальнаго текущаго счета. И въ той и въ другой формѣ ссудъ товарныя ссуды занимаютъ довольно скромное мѣсто ($26_{,5}$ милл. р.$+17_{,8}$ милл.$=43_{,3}$ милл. руб.), а потому мы можемъ сказать, что ссудная операція, главнымъ образомъ, сосредоточена на процентныхъ бумагахъ. Возросла она на 44 милл. р., изъ коихъ на срочныя ссуды приходится 3 милл. и на спеціальные счета 41 милл. Очевидно, что интересъ дѣла сосредоточивается на движеніи послѣднихъ и что мы можемъ игнорировать первыя. Спеціальные счета только подъ процентныя бумаги увеличились на 41 милл. рублей, что составляетъ около 19 %.

Другія операціи банковъ не представляютъ интереса для большой публики. Мы могли бы остановиться еще на вопросѣ о томъ, какую выгоду извлекаютъ банки изъ того положенія, которое они занимаютъ на русскомъ денежномъ рынкѣ, но къ сожалѣнію „Сводный балансъ“ не даетъ намъ на этотъ счетъ положительныхъ свѣдѣній; и за это винить его нельзя, такъ какъ въ балансахъ акціонерныхъ банковъ къ 1 января въ огромномъ большинствѣ случаевъ нѣтъ свѣдѣній объ ихъ чистой прибыли. Эта статья выясняется ими нѣсколько позже. Но нельзя не выразить здѣсь пожеланія, чтобы издатели „Своднаго баланса“ дополнили свое изданіе изданіемъ своднаго годоваго отчета тѣхъ же банковъ и обществъ взаимнаго кредита, или по крайней мѣрѣ главныхъ статей ихъ отчетовъ по активу и пассиву. Это дало бы цѣнный матеріалъ для сужденія объ ихъ оборотахъ, а значитъ и о жизни денежнаго рынка.

Тѣмъ не менѣе интересующій насъ вопросъ о степени выгодности операцій банковъ разрѣшается просмотромъ биржевыхъ цѣнъ на акціи. Какъ извѣстно почти всѣ онѣ стоятъ гораздо выше своей номинальной цѣны, что уже одно показываетъ на хорошую прибыль, ими получаемую. Мы знаемъ, кромѣ того, изъ просмотра ихъ отчетовъ, что ихъ прибыль обыкновенно превышаетъ 10 % и нерѣдко переходитъ за 15 %.

Изъ приведенныхъ фактовъ мы видимъ, что частные банки наибольшую часть своихъ средствъ употребляютъ на учетъ векселей и ссуды подъ процентныя бумаги; спеціально относительно прошлаго года можно сказать, что главное ихъ вниманіе было обращено на учетъ векселей. Мы подчеркиваемъ этотъ фактъ, такъ какъ намъ приходилось читать въ солидныхъ органахъ печати тезисъ, что банки не употребляютъ средствъ, получаемыхъ ими отъ публики, на удовлетвореніе потребностей торговли, а, главнымъ образомъ, направляютъ ихъ на поддержаніе биржевой игры. По отношенію къ истекшему году этотъ тезисъ едва ли можетъ быть доказанъ. Намъ кажется, что если есть ненормальность въ положеніи нашихъ банковъ, то она заключается въ томъ, что, какъ ни великъ ихъ основной капиталъ, все же онъ долженъ быть увеличенъ сообразно съ быстрымъ ростомъ ихъ вкладовъ. Этого требуетъ интересъ ихъ собственной прочности. Вклады въ своемъ размѣрѣ подвергаются значительнымъ колебаніямъ и изъ года въ годъ, и по сезонамъ года; чтобы для банковъ не были чувствительны эти колебанія въ очень сильной степени и чтобы они мог-

ли, не взирая на нихъ, удовлетворять требованіямъ торговли, ихъ собственный капиталъ долженъ быть относительно больше. Конечно, это увеличеніе имѣетъ нѣкоторую невыгоду для гг. акціонеровъ: значительность своего капитала сравнительно съ вкладами понижаетъ (не абсолютно, а относительно) чистую прибыль. Еще болѣе такое повышеніе размѣра капитала противорѣчитъ интересамъ распорядителей банковъ, такъ какъ всякое повышеніе прибыли для нихъ интересно еще въ большей стспени, чѣмъ для акціонеровъ. Каждое повышеніе прибыли сильнѣе увеличиваетъ тантьему распорядителя, чѣмъ дивидендъ акціонера. Но какъ бы то ни было, интересъ вкладчиковъ и интересъ правильнаго теченія жизни денежнаго рынка требуютъ, чтобы отношеніе между величиной вкладовъ и величиной собственнаго капитала банковъ было нѣсколько инымъ, чѣмъ то, которое существуетъ теперь.

Намъ кажется, что еще есть одна неудобная сторона, заключающаяся въ томъ, что теперешняя концессіонная система черезчуръ сосредоточила банки въ столицахъ. И это совершенно естественно, такъ какъ правленію, находящемуся въ С.-Петербургѣ, гораздо легче рѣшать всѣ вопросы, имѣющіе соприкосновеніе съ центральными правительственными органами, чѣмъ для провинціальныхъ банковъ. Если бы концессіонная система была замѣнена явочной, то это привиллегированное положеніе столичныхъ банковъ въ значительной степени было ослаблено, а, въ общемъ, это ослабленіе было бы полезно. Въ значительной степени отъ такой перемѣны выиграли бы учрежденія взаимнаго кредита, которыя легче могли бы вводить улучшенія въ своей жизни, чѣмъ это было до сихъ поръ. А хлопотать о введеніи этихъ улучшеній въ С.-Петербургѣ для нихъ еще труднѣе, чѣмъ для провинціальныхъ акціонерныхъ банковъ. Ослабленіе привиллегированнаго положенія столичныхъ банковъ можетъ повлечь за собою и ослабленіе централизаціи капиталовъ, хотя послѣдняя зависитъ еще отъ другихъ факторовъ, которые не находятся въ связи съ тѣмъ или инымъ устройствомъ банковъ.

Наполеонъ I.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя вниманію читателя публичныя лекціи были мною читаны въ Одессѣ въ 1894 году и записаны и составлены однимъ изъ моихъ слушателей. Я ихъ исправилъ и кое гдѣ дополнилъ. Я думаю, что та часть русской публики, которая по разнымъ обстоятельствамъ не имѣетъ возможности слѣдить за западно-европейской исторической литературой, найдетъ для себя въ этихъ лекціяхъ кое что новое и интересное, а, можетъ быть, и заинтересуется тѣми книгами о Наполеонѣ, которыя послужили матеріаломъ при составленіи этихъ лекцій.

Наполеонъ I.

Публичныя лекціи.

Лѣтъ десять тому назадъ читались проф. Трачевскимъ лекціи по тому же предмету, который занимаетъ насъ теперь. Это было настолько недавно, что казалось бы всякое сообщеніе о Наполеонѣ I будетъ только повтореніемъ того, что всѣмъ извѣстно. Но въ послѣдніе годы появилось нѣсколько сочиненій о Наполеонѣ, въ которыхъ его личность и дѣятельность подверглись новой обработкѣ и оригинальному освѣщенію. Такъ какъ по всей вѣроятности не всѣ изъ этихъ сочиненій стали достояніемъ большой части публики, то это даетъ мнѣ смѣлость занять ваше вниманіе настоящею бесѣдою.

Занимаясь оцѣнкой дѣятельности крупныхъ историческихъ личностей, мы вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ продолжаемъ въ то же время испытывать на себѣ результаты этой дѣятельности, и это всегда препятствуетъ относиться къ изучаемому предмету такъ же объективно, какъ мы относимся къ даннымъ науки о природѣ. Факты нашего прошлаго, опредѣляющіе наше настоящее, слишкомъ сильно волнуютъ людей, чтобы возможно было полное безпристрастіе въ оцѣнкѣ крупныхъ личностей, стоящихъ на поворотныхъ точкахъ исторіи и опредѣляющихъ дальнѣйшее направленіе европейской жизни. Смотря по тому, какое настроеніе господствуетъ въ обществѣ, оно относится такъ или иначе къ этимъ личностямъ и къ оставленному ими наслѣдству. Историки—дѣти своего времени, а потому они не могутъ быть свободны отъ этого господствующаго общественнаго настроенія; оно вліяетъ на нихъ даже въ томъ случаѣ, когда они относятся къ нему отрицательно.

Вслѣдствіе этого современность отражается какъ въ выборѣ историческихъ темъ, такъ и въ освѣщеніи историческихъ фактовъ и въ отношеніи къ крупнымъ историческимъ дѣятелямъ. Къ числу такихъ дѣятелей принадлежитъ и Наполеонъ. И теперь еще мы не видимъ, собственно во Франціи, безпристрастной оцѣнки его личности и дѣятельности. Интересно взглянуть на то, какъ измѣнялся взглядъ на него общества и науки подъ вліяніемъ направленій исторической жизни.

Въ періодъ реакціи 1815—30 г.г. оцѣнка Наполеона была такова, какой только можно было ожидать отъ побѣдителей имперіи и, какъ тогда казалось, революціи. Государственные дѣятели стремились изгладить изъ памяти или запятнать все, что напоминало революцію и ея созданія. Это „безумное и преступное движеніе“ и его исчадіе—Наполеонъ были въ глазахъ реакціонеровъ исполнены зла и порока. Не было такихъ постыдныхъ дѣяній, которыхъ бы не приписывали Наполеону (напр., отношенія къ сестрѣ) и не было тѣхъ общественныхъ бѣдствій, причиною которыхъ не выставлялось бы его дѣло. Такое едва понятное теперь настроеніе охватило не только толпу, но и людей, выдающихся по уму и по таланту, и не только во Франціи, но и внѣ ея. Вспомнимъ, напримѣръ, первое по времени стихотвореніе Пушкина о Наполеонѣ (1815 г.), или сочиненіе Вальтеръ-Скотта о Наполеонѣ, носящее названіе „исторіи“. Но пришло время, когда тяжесть реакціоннаго режима возродила въ обществѣ симпатіи къ принципамъ 89 г. и усилила либеральную партію. Опасеніе за цѣлость соціальныхъ и политическихъ учрежденій, унаслѣдованныхъ отъ восемьдесятъ девятаго года, вызвало іюльскую революцію во Франціи. Она знаменовала собою торжество либерализма. Отголоски этого движенія чувствовались во многихъ частяхъ Европы. Почти всюду послѣдующее время отмѣчено ослабленіемъ реакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется и отношеніе къ Наполеону. Ощущеніе тяжести его режима сгладилось, а размѣры его заслугъ и славы росли въ прямой пропорціи къ незначительности дѣятелей реакціи и опасности, которою они грозили новѣйшей культурѣ. По мѣрѣ этого роста личность Наполеона стала рисоваться въ какомъ то чудесномъ ореолѣ.

Это отношеніе къ Наполеону отразилось и въ поэзіи, и въ исторіи. Пѣсни Беранже—культъ Наполеона; двадцати-томная „Histoire du consulat et de l'empire“ Тьера—грандіозный историческій апоѳеозъ его. Вспомнимъ стихотвореніе Пушкина „Печаль-

ный жребій совершился...“, стихи Лермонтова: „Межъ тѣмъ какъ Франція среди рукоплесканій“, написанное по поводу перенесенія праха Наполеона во Францію, припомнимъ „Двухъ гренадеровъ“ Гейне, „Ночной смотръ“ Зейдлица (Жуковскаго), и мы почувствуемъ это преображеніе личности Наполеона подъ вліяніемъ историческихъ событій. Перенесеніе тѣла Наполеона во Францію и похороны его въ Домѣ Инвалидовъ стали грандіозною демонстраціей Наполеоновскаго культа. Іюльская монархія, желая эксплоатировать память Наполеона въ свою пользу, содѣйствовала этимъ актомъ оживленію бонапартистской партіи. „Какъ бы то ни было, не хорошо малевать на стѣнѣ чорта“, говоритъ Рохау (Исторія Франціи въ XIX в.) по поводу перевезенія гроба Наполеона I во Францію. Переворотъ 2-го декабря 1851 г. и вторая имперія были между прочимъ результатомъ этого культа Наполеона I. Но между днями 2 декабря и 18 брюмера, не считая кроваваго характера перваго переворота, была такая же разница, какъ между ихъ авторами. Идеи, стремленія, даже ухватки Наполеона „le petit“ напоминали Наполеона I-го, но въ немъ не было ни его таланта, ни нравственной силы его дяди, которые бы оправдывали диктатуру. Да къ тому же и обстоятельства были не тѣ: Франція въ 1799 году искала диктатора, который бы вывелъ ее изъ хаоса, въ которомъ она находилась; наканунѣ же 2-го декабря 1851 года Франція вовсе не была въ томъ безвыходномъ положеніи, которое оправдало бы „coup d'Etat“ съ его насиліемъ надъ обществомъ.

Режимъ второй имперіи подѣйствовалъ разрушительно на бонапартистскую легенду. Реакція противъ нея началась въ половинѣ 60-хъ годовъ. Тэно въ своемъ сочиненіи „Парижъ и провинція 2 декабря 1851 г.“, написанномъ сдержанно и безпристрастно, нанесъ сильный ударъ бонапартизму въ настоящемъ. Подъ вліяніемъ того же общественнаго настроенія Ланфрэ, въ своей исторіи Наполеона, преслѣдовалъ бонапартизмъ въ его прошломъ, разрушая легенду, созданную Тьеромъ. Страсти, властолюбіе, эгоизмъ, даже отсутствіе геніальности—вотъ образъ Наполоена I, какимъ его рисуетъ Ланфрэ. Но имперія пала, измѣнились условія жизни и измѣнился опять взглядъ на роли и личности историческихъ дѣятелей.

Въ первой половинѣ текущаго вѣка Франція была запѣвалою европейской жизни. Она представлялась творцомъ и хранителемъ принциповъ, провозглашенныхъ революціей 1789 года, принци-

повъ, на которыхъ строилась политическая жизнь Европы. То были принципы индивидуализма, свободной конкурренціи, невмѣшательства въ экономическія отношенія и полной политической свободы и равенства передъ закономъ. Сюда прибавлялось „братство“, но оно служило скорѣе для декораціи, чѣмъ для дѣйствительнаго руководства общественною жизнью. Но условія жизни обнаруживаютъ недостатки этихъ принциповъ. Въ жизни и въ наукѣ новые соціальные принципы берутъ верхъ надъ старыми принципами 89 г.; все болѣе распространяется убѣжденіе, что развитіе и благосостояніе личности возможно только при тѣсной связи съ обществомъ, при поддержкѣ слабаго противъ сильнаго, что государство, какъ выраженіе общественнаго союза, не только не должно быть нейтрально, но обязано руководить экономическими отношеніями въ интересахъ общей пользы. Съ точки зрѣнія этого взгляда нельзя было не отнестись критически и къ революціи 89 года.

Этотъ новый фазисъ исторіографіи выразился въ подробномъ изученіи и на основаніи современныхъ документовъ какъ хода революціи, такъ и въ особенности времени, ей предшествовавшаго. Результатомъ этого изученія были весьма важныя поправки. Во-первыхъ, оказалось, что положеніе народа при старомъ порядкѣ далеко не было такъ плохо, какъ это изображалось прежде, и что самая неизбѣжность революціи, въ смыслѣ полнаго упраздненія феодализма объясняется именно тѣмъ, что во Франціи положеніе народа было лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, напр., въ Германіи. Во-вторыхъ, не все то, что сдѣлано революціей, было необходимо. Напротивъ, нѣкоторыя учрежденія стараго порядка требовали сохраненія, какъ противовѣсъ крайнему индивидуализму. Неограниченная свобода экономическихъ отношеній, восторжествовавшая во время революціи, тоже оказалась неудобной. Еще у Зибеля въ извѣстномъ сочиненіи „Исторія Французской революціи и ея времени“, сказывается отрицательное отношеніе къ революціи, но его сочиненіе—памфлетъ, хотя и памфлетъ научный, съ огромной эрудиціей. Во Франціи подъ вліяніемъ новаго умонастроенія открылась въ Сорбоннѣ новая кафедра спеціально по исторіи французской революціи, которую занималъ проф. Оларъ. Онъ же издаетъ особый журналъ, посвященный французской революціи и названный ея именемъ. Интересъ къ революціонной эпохѣ и масса новаго матерьяла, появившагося, отчасти благодаря этой кафедрѣ, были причиной появленія замѣчательнаго

труда Тэна „Les origines de la France contemporaine“. Первый его томъ „L'Ancien regime“ лучшая часть его сочиненія; въ немъ „старый порядокъ“ и причины его крушенія, описаны иначе, чѣмъ это дѣлалось прежде. Уже въ этой части, однако, замѣтно нѣкоторое пристрастіе, которое сказалось въ слѣдующихъ томахъ гораздо рѣзче, особенно въ описаніи террора.

Личность и дѣла Наполеона I такъ тѣсно связаны съ исторіей революціи, что переработка послѣдней не могла не коснуться и не захватить и его исторіи. Но для безпристрастной его оцѣнки весьма неблагопріятнымъ обстоятельствомъ было то, что вторая имперія закончилась кризисомъ гораздо болѣе тяжелымъ чѣмъ тотъ, которымъ закончилась первая имперія. Говоря о томъ, откуда пошла современная Франція, Тэнъ не могъ обойти Наполеона, котораго онъ считаетъ необходимымъ наслѣдіемъ революціи и организаторомъ Франціи XIX вѣка. Увлекательна и поэтична характеристика Наполеона въ этомъ сочиненіи, увлекательна до того, что нужно, чтобы прошло нѣкоторое время послѣ чтенія книги, чтобы можно было критически отнестись къ этому цѣльному образу и заподозрить, что это не настоящій Наполеонъ. Увлекаясь мемуарами Ремюза и Сталь, черпая новый матерьялъ изъ неизданныхъ еще тогда мемуаровъ Шапталя и Пакье, Тэнъ закрываетъ глаза на факты, находящіеся въ этихъ самыхъ мемуарахъ, но которые противорѣчатъ созданному имъ образу Наполеона. Это образъ геніальнаго кондотьера, прямого наслѣдника душевныхъ свойствъ этихъ итальянцевъ XV вѣка. Бездушный эгоистъ, лишенный даже пониманія альтрюизма, не имѣющій никакихъ общественныхъ идеаловъ, красивый хищникъ, который весь міръ считаетъ своей добычею, страстный, безпощадный и безконечно сильный,—таковъ Наполеонъ Тэна, создавшій государственную машину Франціи не для нея самой, а для своего удобства и сообразно своему вкусу.

Сочиненіе Тэна произвело сильное впечатлѣніе. Оно вызвало другія сочиненія о Наполеонѣ I, въ которыхъ авторы стараются разрушить образъ, созданный Тэномъ и на мѣсто его поставить другой, болѣе симпатичный. Такова большая книга Артюра Леви (Arthur Levy) „Napoleon Intime“ болѣе объемистая чѣмъ книга Тэна, но гораздо менѣе талантливая, преисполненная, пожалуй, не меньшей эрудиціи, но скорѣе еще болѣе пристрастная [1]). Это

[1]) Имя автора до сихъ поръ совершенно не было извѣстно въ наукѣ. Между тѣмъ содержаніе книги обнаруживаетъ автора уже опытнаго въ

апологія Наполеона—человѣка. Если подъ кистью Тэна онъ становится страшнымъ, но красивымъ хищникомъ, то въ книгѣ Леви онъ является типичнымъ буржуа, а мѣстами такъ просто „bon homme“, котораго обижаютъ родственники и которому платятъ неблагодарностью облагодѣтельствованные имъ люди.

Той же внутренней жизни Наполена касаются появившіеся въ послѣдніе годы сочиненія Массона (Masson, Napoleon et les Femmes) и „Napoleon chez lui“. Извѣстность автора этихъ книгъ ручается, что время на ихъ прочтеніе не будетъ потеряно даромъ. Слѣдуетъ, однако, помнить, что авторъ убѣжденный бонапартистъ.

Неизвѣстный авторъ выпустилъ недавно небольшую книжечку подъ заглавіемъ „Les Monologues de Napoleon“. Въ видѣ рѣчей будто бы сказанныхъ Наполеономъ самому себѣ, авторъ пытается изобразить мысли и чувства, волновавшія его душу въ выдающіеся моменты его жизни. Конечно нельзя отрицать извѣстной доли фантазіи въ этихъ монологахъ, хотя авторъ и старается положить въ ихъ основу слова и факты дѣйствительно имѣвшіе мѣсто; но надо отдать книгѣ справедливость: она во многихъ случаяхъ вѣрно воспроизводитъ душевныя свойства Наполеона. Особенно нравятся мнѣ монологи пріуроченныя къ сраженію при Лоди, переправѣ черезъ Нѣманъ и къ кампаніи 1814 года.

Кто желалъ бы прочесть небольшую, но хорошо составленную книгу о Наполеонѣ и его исторической дѣятельности, тотъ могъ бы взять сочиненіе Фурньера (Fournier), изданное въ Вѣнѣ, а потомъ переведенное на французскій языкъ, подъ заглавіемъ „Napoleon I“, сочиненіе это интересно тѣмъ, что факты наполеоновской дѣятельности онъ ставитъ въ связь съ историческими традиціями и такимъ образомъ выясняетъ ихъ историческій смыслъ. Сочиненію предпосланъ большой библіографическій указатель источниковъ и сочиненій, относящихся къ исторіи Наполеона.

Мы видимъ, что съ концомъ восьмидесятыхъ годовъ вмѣстѣ съ пересмотромъ вопросовъ, относящихся къ французской революціи 1789 года, наступило и новое отношеніе къ Наполеоновской эпохѣ. Это новое отношеніе не безпорядочная диффамація, какъ это было въ періодѣ реакціи, и не славословіе, какъ это было въ

дѣлѣ. Не прикрывается ли этимъ именемъ другой авторъ, пожелавшій скрыть свое авторство?

тридцатые и сороковые годы, а стремленіе критически разобрать весь матерьялъ и выяснить историческое значеніе дѣятельности Наполеона I, и возсоздать его личность. Тэнъ не рѣшилъ этой задачи; но онъ намѣтилъ ее и возбудилъ снова сильный интересъ къ предмету, и отдѣльныя монографіи идутъ къ этой цѣли.

Между тѣмъ появляются на свѣтъ и новые матерьялы. Въ 1893 г. изданы мемуары Шапталя (Chaptal. Mes souvenirs sur Napoleon), а въ настоящее время продолжается изданіе мемуаровъ Пакье (Pasquier. Histoire de mon temps). И тѣ и другіе очень интересны.

Шапталь, извѣстный химикъ, завѣдывавшій пороховымъ заводомъ во время террора, бывшій потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ при Наполеонѣ, имѣвшій съ нимъ близкія личныя сношенія и знакомый подробно со многими дѣлами, оставилъ мемуары, тѣмъ болѣе цѣнные, чѣмъ менѣе мы встрѣчаемъ въ нихъ пристрастія и дѣланности.

Мемуары Пакье еще болѣе интересны. Онъ былъ префектомъ полиціи при Наполеонѣ, канцлеромъ во время Бурбоновъ, и іюльской монархіи; его руками былъ сожженъ портфель генерала Савари, бывшаго тогда министромъ полиціи. Передъ тѣмъ, по просьбѣ послѣдняго, онъ прочелъ эти бумаги. Кромѣ того, что онъ зналъ самъ много по своей служебной дѣятельности, или слышалъ отъ другихъ, онъ во многомъ пополнилъ свои свѣдѣнія изъ архивнаго матерьяла, часть котораго или изчезла (бумаги Савари), или же еще не доступна для науки. Какъ умѣренный роялистъ, Пакье относился къ Наполеону очень сдержанно, какъ человѣкъ рыцарски честный, онъ говоритъ о немъ правдиво. Безпристрастье его мемуаровъ бросается въ глаза. Интересъ ихъ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ развязкѣ Наполеоновскаго царствованія, такъ что 14 и 15 годы читаются съ захватывающимъ интересомъ. Есть факты совершенно новые. Напримѣръ, какъ полиція Пакье накрыла фабрику русскихъ и австрійскихъ ассигнацій, а утромъ оказалось, что эту фабрику устроилъ самъ министръ полиціи Савари по распоряженію Наполеона. Вышедшій на дняхъ 4-й томъ ведетъ разсказъ о времени второй реставраціи Бурбоновъ [1]).

Мемуары госпожъ Ремюза и Сталь богаты интересными данными. Они сообщаютъ, однако, свѣдѣнія о личности Наполеона;

---

[1]) Въ 1894 и 1895 годахъ вышли V и VI томы. Въ послѣднемъ разсказъ кончается процессомъ министровъ Карла X въ началѣ іюльской монархіи.

трудно согласимыя съ показаніями Шапталя и Пакье. Многое тутъ объясняется пристрастнымъ отношеніемъ къ Наполеону этихъ писательницъ, особенно г-жи Сталь, вызваннымъ личными отношеніями; но кромѣ того надо принять во вниманіе время, къ которому относится то или другое показаніе. Въ характерѣ Наполеона, конечно, происходили измѣненія, а потому фактъ, относящійся къ одному времени, можетъ не согласоваться съ фактомъ, относящимся къ другому; между тѣмъ изъ мемуаристовъ, сколько я знаю, только Шапталь обратилъ вниманіе на это обстоятельство. Онъ указываетъ, что Наполеонъ-консулъ, это сама энергія и любознательность; къ сорока годамъ, говоритъ онъ, онъ пополнѣлъ и не такъ довѣряетъ своимъ силамъ, „онъ выродился“ (il etait dégéneré). Особенно сильна перемѣна по возвращеніи изъ Москвы. „Я утверждаю, говоритъ Шапталь, что со времени этой печальной эпохи, я не видѣлъ въ немъ ни той послѣдовательности идей, ни той силы характера..., не видно было ни того расположенія, ни той способности къ труду, какъ прежде. Съ этого времени верховая ѣзда стала утомлять его, сонъ сталъ одолѣвать его и обѣдъ сталъ привлекать его“ [1]). Хотя это показаніе нѣсколько преувеличено и даже противорѣчитъ тому, что авторъ самъ говоритъ пятью страницами раньше о неутомимости Наполеона послѣ похода въ Россію, но несомнѣнно, что измѣненія въ положеніи Наполеона могли и должны были вліять на его характеръ и отношенія къ окружающему. Эти примѣры, мнѣ кажется, приводятъ къ мысли, что вновь появляющіеся матерьялы относящіеся къ Наполеону, небезпристрастіе сочиненій, появившихся объ немъ въ послѣднее время, вызываютъ потребность въ новой разработкѣ исторіи Наполеона.

Задача историка – перебрать всю корреспонденцію Наполеона и научныя сочиненія о немъ и написать книгу, относясь критически ко всѣмъ этимъ источникамъ и поставивъ свою работу по возможности въ независимость отъ современныхъ политическихъ и соціальныхъ отношеній.

Такая работа едва ли подъ силу французу, въ жизни котораго и теперь еще слишкомъ глубоки слѣды вліянія факторовъ эпохи Наполеона. Едва ли могутъ справиться съ нею ближайшіе сосѣди Франціи—нѣмцы, вслѣдствіе ревниваго отношенія ко всему, что составляетъ славу французовъ. Легче заняться ею русскому

---

[1]) Chaptal. Memoires p. 332.

или англичанину. Они, мнѣ кажется, могли бы легче отрѣшиться отъ тѣхъ политическихъ отношеній, которыя волнуютъ французовъ, и могли бы поэтому болѣе объективно отнестись къ Наполеону и его дѣятельности.

При такомъ положеніи дѣла было бы слишкомъ смѣло съ моей стороны брать на себя изображеніе теперь передъ вами личности Наполеона такою, какою она является послѣ разбора источниковъ; но мнѣ кажется, я не вызову нареканія за потерянное время, если ограничусь въ своихъ бесѣдахъ тѣмъ, что сообщу о немъ лишь то, что извѣстно по послѣднимъ изданнымъ сочиненіямъ.

Сынъ бѣднаго корсиканскаго дворянина, Наполеонъ былъ королевскимъ стипендіатомъ въ военной школѣ въ Бріеннѣ и затѣмъ продолжалъ свое образованіе въ высшемъ военномъ училищѣ въ Парижѣ. Какъ корпусъ офицеровъ, такъ и военныя школы стараго режима были наполнены исключительно молодыми дворянами. Отношеніе этого общества къ корсиканскимъ дворянамъ было нѣсколько презрительное. Бѣдная одежда, плохой выговоръ, даже корсиканскій патріотизмъ Наполеона служили предметомъ насмѣшекъ товарищей. При большихъ способностяхъ и такомъ же самолюбіи онъ не могъ служить шутомъ молодымъ Роганамъ и Монморанси, не могъ тоже, по бѣдности, водить компаніи съ ними; результатомъ его школьныхъ годовъ явилась антипатія къ привилегированнымъ классамъ и замкнутость въ своихъ патріотическихъ привязанностяхъ и демократическихъ чувствахъ. Впрочемъ, взглядъ, что будто въ школѣ уже у него выработалось презрѣніе къ людямъ и что онъ совершенно чуждался товарищей, невѣренъ. Какъ въ это время у него были друзья, такъ и позже онъ сближался съ людьми, и впослѣдствіи, на вершинѣ счастья, онъ сохранилъ эти привязанности юности.

Кромѣ двухъ главныхъ чертъ его личности: корсиканскаго патріотизма и демократическихъ симпатій, въ это время ясно высказывается еще одна основная черта—сильное чувство семьи. Въ Парижѣ застаетъ его извѣстіе о смерти отца. Сохранилось два письма его по этому поводу: къ матери и къ дѣду, архидіакону Люціану. Въ нихъ сквозитъ горячая привязанность и искреннее сыновнее чувство. Двадцатилѣтній юноша съ крайне ограниченными денежными средствами, берется быть опорою семьи; онъ

сдержалъ всѣ свои обѣщанія, и это теплое отношеніе къ роднымъ не покидало его въ теченіи всей его жизни какъ во время первоначальнаго бѣдственнаго существованія, такъ и въ періодъ славы и власти.

Бѣдствовать ему приходилось много прежде, чѣмъ онъ достигъ обезпеченнаго положенія. По окончаніи парижской военной школы онъ не могъ даже одѣться какъ слѣдуетъ, и долженъ былъ удовольствоваться плохо пригнанной казенной обмундировкой. Платье было не по росту, сапоги ужасно велики. Когда онъ явился въ своемъ новомъ мундирѣ къ своимъ знакомымъ Пермонъ, то дѣти его большіе пріятели расхохотались надъ нимъ и прозвали его „котъ въ сапогахъ“. На другой день онъ имъ принесъ эту сказку Перро съ иллюстраціями. Одна изъ этихъ юныхъ пріятельницъ была впослѣдствіи женою генерала Жюно, и носила титулъ герцогини д'Абрантесъ и оставила записки въ шестнадцати томахъ. Онѣ были переведены на русскій языкъ.

По окончаніи училища въ Парижѣ, Наполеонъ былъ назначенъ подпоручикомъ артиллеріи въ Валансъ. Тамъ вначалѣ онъ велъ довольно открытую жизнь. Кромѣ товарищей у него были знакомства въ мѣстномъ обществѣ. Знакомства эти занимали больше мѣста въ его жизни, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Онъ даже бралъ уроки танцевъ, чтобы имѣть успѣхъ у барышенъ, и вообще поддерживалъ свѣтскія отношенія, на сколько это позволяли его средства. На ряду съ этимъ и интересы общественные привлекали его вниманіе. Это было свѣтлое время работы Національнаго Собранія. Идеи и треволненія революціи задѣвали за живое двадцатилѣтняго демократа; но, какъ видно изъ его сочиненія, представленнаго въ это время на премію, Корсика занимаетъ первое мѣсто въ его мысляхъ. Онъ, однако, принимаетъ дѣятельное участіе въ обществѣ „друзей конституціи“ въ Валансѣ, которое было отдѣленіемъ Якобинскаго клуба; онъ занимаетъ въ немъ видную должность секретаря. Но эти интересы не помѣшали ему помнить объ обѣщаніи быть опорою семьи. Въ 1791 г. онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе брата Людовика, и эта обязанность поглощаетъ все его свободное время. Привезя брата изъ Аяччіо въ Валансъ, онъ самъ подготовляетъ его въ военную школу. Необходимость жить вдвоемъ на 3 фр. 5 сант. въ день, заставляла его отказаться отъ всякаго общества. Жизнь его протекала между службою и занятіями съ братомъ. Счеты Наполеона, сохранившіеся отъ этого времени, показываютъ, что только при

полномъ ограниченіи всѣхъ потребностей братья могли существовать. Они жили въ одной маленькой комнаткѣ, ѣли разъ въ день, спали на одной кровати. Наполеонъ не могъ даже одѣваться, какъ слѣдуетъ, и очень усердно чинилъ свой мундиръ, чтобы заставить его прослужить подольше. Но при этихъ лишеніяхъ мы находимъ расходъ на абонементъ въ библіотекѣ для чтенія. Это характерно.

Патріотизмъ корсиканца и любовь къ семьѣ заставляютъ Наполеона ѣхать затѣмъ въ Корсику искать мѣсто въ тамошней національной гвардіи. Въ ней онъ сталъ полковникомъ, оставаясь въ то же время поручикомъ артиллеріи, каковое совмѣстительство было разрѣшено декретомъ Національнаго Собранія.

Но на родинѣ его ждало большое разочарованіе. Вожакомъ движенія на островѣ явился Паоли, старый борецъ за свободу Корсики, бѣжавшій нѣкогда въ Англію. Не совсѣмъ ясны причины борьбы съ нимъ Наполеона. Кажется, это не было просто соревнованіе изъ за первенства. Паоли, долго проживавшій въ Англіи, хотѣлъ, какъ кажется, употребить свое вліяніе для отдачи острова подъ покровительство Англіи, во всякомъ случаѣ для ослабленія связи съ Франціей. Наполеонъ былъ противъ этого. Онъ былъ за связь съ Франціей. Не смотря на свой мѣстный патріотизмъ, онъ былъ уже французомъ по воспитанію и раздѣлялъ антипатіи французовъ къ Англіи.

Дѣло дошло до открытой вражды. Наполеонъ попытался употребить противъ Паоли силу, опираясь на часть національной гвардіи. Но это ему не удалось и онъ долженъ былъ бѣжать. Злоба его противниковъ обратилась на его родныхъ. Домъ Бонапартовъ былъ сожженъ; вся семья должна была убѣжать въ Марсель, гдѣ она существовала нѣкоторое время на счетъ общественной благотворительности. Эти событія нанесли рѣшительный ударъ корсиканскому патріотизму Наполеона. Уже раньше, какъ видно изъ одного письма его къ брату Іосифу, онъ разочаровался въ своихъ земляхъ; теперь всякая связь съ нимъ была порвана, и ему ничего не оставалось, какъ совсѣмъ отдаться Франціи и въ ней создать себѣ поприще своей дѣятельности.

Съ этимъ разочарованіемъ къ своей родинѣ почти совпало у него другое—разочарованіе въ демократіи. Еще до окончательнаго удаленія его изъ Корсики, онъ ѣздилъ въ Парижъ для возстановленія себя въ чинѣ поручика артиллеріи. Не смотря на декретъ Національнаго Собранія, разрѣшившій офицерамъ арміи

числиться въ то же время въ національной гвардіи, онъ былъ уволенъ военнымъ министромъ въ запасъ именно потому, что занялъ должность полковника національной гвардіи въ Аяччіо. Ему удалось возстановить свои права. Пребываніе въ Парижѣ оставило въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Это было лѣтомъ 1792 г., во время послѣднихъ судорогъ монархіи. Онъ видѣлъ, какъ мало энергіи и способностей выказывалъ дворъ, и это его возмущало. Онъ видѣлъ 20 іюня Людовика XVI на балконѣ Тюльерійскаго дворца въ фригійской шапкѣ, окруженнаго вооруженной чернью. Стоя на тротуарѣ съ товарищемъ и видя эту сцену Наполеонъ воскликнулъ: „che coglione“! (что за дуракъ!). Онъ видѣлъ штурмъ Тюльери и избіеніе швейцарцевъ 10-го августа, и это зрѣлище возмутило въ немъ чувство военнаго человѣка и человѣка порядка. Онъ видѣлъ, наконецъ, сентябрьскія убійства, и начинавшуюся анархію, долженъ былъ даже спасать своихъ старыхъ знакомыхъ Пермоновъ отъ секціоннаго коммиссара Тиріо, личнаго ихъ врага, подъ предлогомъ исполненія гражданскаго долга ворвавшагося къ нимъ съ ночнымъ обыскомъ. Письмо его въ это время къ брату Жозефу не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, какъ подѣйствовало зрѣлище парижской анархіи на его демократическія убѣжденія: „когда видишь, что здѣсь происходитъ,—пишетъ онъ,—является сомнѣніе заслуживаютъ ли народы тѣхъ жертвъ и трудовъ, какіе имъ приносятся. О томъ, что здѣсь происходитъ ты можешь судить по событіямъ въ Аяччіо, здѣсь только гораздо больше лжи, клеветы и подлости“.

Наполеонъ не одинъ терпѣлъ такое разочарованіе. Подъ его письмомъ могъ бы подписаться и Мирабо и многіе другіе дѣятели того времени, разрушившіе старый порядокъ, чтобы создать новый, и не совладавшіе съ силой, которая пришла теперь въ движеніе. Тѣмъ болѣе такой моментъ былъ важенъ въ жизни 23-лѣтняго человѣка, убѣжденія котораго были менѣе прочны, а впечатлѣнія болѣе сильны, чѣмъ у другихъ людей, болѣе пожилыхъ и болѣе опытныхъ. Впечатлѣнія Аяччіо и Парижа должны были сильно измѣнить натуру Наполеона. Когда по прибытіи изъ Корсики въ Марсель онъ поступаетъ въ южную армію, онъ не былъ уже ни корсиканскимъ патріотомъ, ни демократомъ.

Теперь ему удалось выдвинуться. Прославившая его осада Тулона доставила ему чинъ бригаднаго генерала. Но судьба его преслѣдовала. Паденіе террористовъ отразилось и на его карьерѣ, хотя въ личныхъ его отношеніяхъ къ брату Робеспьера не было

особенной близости. Подозрѣніе все таки существовало. Оно себѣ нашло пищу въ доносѣ Салисетти, земляка Наполеона. Послѣ паденія Тулона Наполеонъ былъ переведенъ въ итальянскую армію. По соглашенію съ Робеспьеромъ младшимъ, онъ сдѣлалъ поѣздку въ Италію съ цѣлью подробнаго топографическаго изученія театра дѣйствій. Такъ какъ эта поѣздка, понятно, не была гласною, то Салисетти въ своемъ доносѣ придалъ ей преступное значеніе. Результатомъ была арестъ Наполеона, послѣдовавшій за 9-мъ термидора. Черезъ 3 недѣли онъ былъ выпущенъ; но все же его рѣшили перевести въ пѣхоту тѣмъ же чиномъ. Онъ увидѣлъ въ этомъ униженіе и отказался отъ назначенія, за что былъ и уволенъ въ запасъ съ небольшимъ содержаніемъ. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ хлопотать о своемъ дѣлѣ и, пока что, нашелъ работу въ военномъ отдѣлѣ комитета общественнаго спасенія; здѣсь онъ воспользовался свѣдѣніями, пріобрѣтенными во время поѣздки въ Италію, и выработалъ планъ кампаніи для итальянской арміи. Интересна судьба этого перваго плана геніальнаго полководца; онъ былъ посланъ на разсмотрѣніе ген. Шереру, главнокомандующему сказанною арміею. Тотъ отвѣчалъ, что планъ этотъ произведеніе сумасшедшаго и, чтобы попробовать исполнить его, надо прислать въ Италію его сумасшедшаго автора.

Составъ комитета общественнаго спасенія періодически измѣнялся. Новые члены комитета опять подняли дѣло объ отказѣ Наполеона ѣхать въ Вандею, за что онъ былъ уже наказанъ отчисленіемъ въ запасъ. На этотъ разъ онъ былъ уволенъ въ отставку. Просьбы и хлопоты, репутація талантливого генерала— все было напрасно. Правительство термидоріанцевъ было хуже даже террористовъ, которые все таки были людьми идеи. Послѣ 9 термидора у кормила правленія стали бездарные эгоисты. И управленіе, и нравы были одинаково безпорядочны. Теперь настали для Наполена черные дни. Онъ еще никогда не переживалъ такой нужды и такого тяжелаго нравственнаго состоянія. Ни денегъ ни работы. Немногое, что было, прожито. Приходилось проводить дни впроголодь, должать за квартиру; одежда пришла въ такой безпорядокъ, что совѣстно было въ люди показаться. Мундиръ потерялъ всѣ признаки своего первоначальнаго цвѣта. По разсказамъ его товарища Буррьена, бросаясь всюду за средствами существованія, онъ вздумалъ заняться книжной торговлей; эта попытка не удалась. Наполеонъ старался рѣже бывать у своихъ старыхъ знакомыхъ Пермонъ, боясь казаться лизоблюдомъ. Дѣло дошло до того,

что онъ вынужденъ былъ обратиться въ военное управленіе съ просьбой о выдачѣ сукна на обмундировку. Ему было отказано сначала, и только заступничество г-жи Тальенъ, любовницы Барра, сдѣлало то, что его просьба была удовлетворена. Здоровье Наполеона сильно пошатнулось; онъ похудѣлъ до такой степени, что въ немъ подозрѣвали чахотку. Лица, встрѣчавшія Наполеона въ салонѣ г-жи Тальенъ,—онъ тамъ бывалъ изрѣдка,—обращали вниманіе на мрачный видъ этого худенькаго и маленькаго генерала. Забившись въ уголъ, онъ, казалось, не замѣчалъ того, что говорилось вокругъ него. Но, бывало, что забывался и принималъ участье въ общемъ веселіи, и тогда онъ былъ необузданно веселъ, и вытворялъ разныя шалости. Разсказываютъ какъ разъ онъ изображалъ изъ себя колдуна, и по линіямъ рукъ дѣлалъ предсказанія г-жѣ Тальенъ и ея гостямъ. Посѣщеніе салона этой знаменитой красавицы имѣло значеніе для Наполеона не въ томъ только отношеніи, что онъ получилъ казеннаго сукна на мундиръ. Здѣсь онъ познакомился съ Жозефиною Богарне; тутъ же онъ сталъ ближе извѣстенъ Барра, этому вліятельному политическому дѣятелю.

Эти мѣсяцы нужды и униженій не могли пройти безслѣдно для нравственнаго развитія Наполеона. Онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ хаотическимъ безпорядкомъ управленія, съ эгоизмомъ и бездарностью правителей, и онъ чувствовалъ эти недостатки тѣмъ глубже, что самъ терпѣлъ отъ нихъ. Разочарованіе въ людяхъ, начавшееся раньше, теперь должно было сдѣлать большой шагъ впередъ.

Въ то время случилось событіе, окончательно положившее прочное основаніе будущности Бонапарта. Мы говоримъ о возстаніи 13-го вандемьера. Буржуазно-роялистское движеніе зажиточныхъ кварталовъ нанесло пораженіе войскамъ конвента, и вечеромъ 12-го вандемьера толпыи нсургентовъ занимали позиціи вокругъ Тюльерійскаго сада и улицы Риволи. Въ минуту опасности термидоріанцы поручили Барра спасеніе конвента, а ему напомнили о Бонапартѣ и онъ пригласилъ его и представилъ конвенту, какъ своего помощника или вѣрнѣе, фактическаго военноначальника. Рѣшительность, быстрота и искусство молодого генерала на другой день быстро подавили возстаніе.

Наполеонъ явился защитникомъ конвента не какъ представитель политической партіи, а какъ генералъ, оставшійся за штатомъ, которому поручили команду. Для него это было исходомъ изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ онъ находился. Если

его убѣжденіе и играло какую либо роль, то развѣ въ томъ смыслѣ, что онъ, какъ человѣкъ порядка, долженъ былъ быть противникомъ возставшихъ тѣмъ болѣе, что возстаніе имѣло монархическій оттѣнокъ. Поэтому едва ли правдоподобно извѣстіе, приводимое Тэномъ, что еще наканунѣ 13-го вандемьера, вечеромъ, идя изъ театра, и видя бивуаки инсургентовъ на улицѣ, Наполеонъ сказалъ своему спутнику: „если бы они поручили мнѣ команду, я завтра же водворилъ бы ихъ въ Тюльери". Едва ли также вѣроятно и другое извѣстіе, что, выслушавъ предложеніе Барра, Наполеонъ попросилъ нѣсколько минутъ на размышленіе. Слишкомъ ужъ это театрально.

Какъ бы то ни было, успѣхъ 13-го вандемьера доставилъ Наполеону больше того, что онъ могъ желать: онъ ему доставилъ сразу выдающееся положеніе. Послѣдовавшее затѣмъ назначеніе главнокомандующимъ итальянской арміей открыло ему поприще безпримѣрнаго и безпрерывнаго успѣха и славы, которое похоже на какой то чудный сонъ. Былъ ли этотъ двадцатисемилѣтній генералъ тѣмъ же человѣкомъ, какимъ онъ былъ пять лѣтъ назадъ? Намъ кажется, что за это время въ немъ произошла значительная перемѣна.

Наполеонъ-поручикъ былъ корсиканскимъ патріотомъ, Наполеонъ-генералъ уже не былъ имъ. Причину перемѣны мы видѣли. Наполеонъ-поручикъ былъ демократомъ, сторонникомъ якобинцевъ; потомъ онъ разочаровался въ демократіи. Послѣдніе мѣсяцы присоединили сюда разочарованіе въ республиканскомъ правительствѣ, наслѣдовавшемъ террористамъ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что изъ него выработался человѣкъ, ищущій карьеры, сознающій свое превосходство надъ окружающими его политическими дѣятелями, сторонникъ порядка и дисциплины, не создавшій еще новаго опредѣленнаго политическаго идеала, но относящійся отрицательно или по меньшей мѣрѣ равнодушно къ существующему государственному строю.

Но эти измѣненія касаются Наполеона, какъ политическаго дѣятеля; что касается его характера и его частныхъ отношеній къ людямъ, то тутъ мы видимъ ту же личность, которая и впослѣдствіи подверглась весьма незначительнымъ измѣненіямъ.

Выдающаяся черта его характера—теплое чувство къ семьѣ—оставалась неизмѣнною до конца жизни. Изъ братьевъ онъ болѣе всего любилъ Людовика: онъ работалъ съ нимъ въ Валансѣ, слѣдилъ потомъ за его успѣхами въ школѣ; въ письмахъ своихъ къ

матери, онъ съ восторгомъ говоритъ объ его успѣхахъ и горячемъ, благородномъ характерѣ. Когда онъ былъ уже императоромъ, въ разговорѣ съ Редереромъ, о возможномъ наслѣдникѣ престола, онъ вдругъ спросилъ: „почему вы говорите мнѣ о многихъ другихъ, а не о Людовикѣ. Это меня огорчаетъ; онъ мнѣ почти сынъ, привязанъ ко мнѣ какъ никто, дѣлалъ со мной итальянскій походъ и покрытъ ранами". Это чувство перешло у него и на дѣтей Людовика. Его видывали въ Сенъ-Клу бѣгающимъ въ запуски и играющимъ съ дѣтьми Людовика и Гортензіи, у которыхъ для него не было другого имени кромѣ l'oncle bibiche. Отношенія между братьями испортились, когда Людовикъ сталъ королемъ Голландіи. Онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, кромѣ того, какъ честный человѣкъ, не приносилъ интересовъ своего государства въ жертву интересамъ Франціи, протестовалъ противъ усиленія французскихъ гарнизоновъ и т. д. Наполеонъ преслѣдовалъ свою политику, смотрѣлъ на Голландію какъ на служебное Франціи государство, и негодовалъ на брата за его поползновенія къ самостоятельности; но когда выведеный изъ себя Людовикъ отказался отъ престола, онъ всѣми силами старался примириться съ нимъ.

Отношенія со старшимъ братомъ Іосифомъ, до возвышенія Наполеона, были очень хороши. Потомъ они измѣняются къ худшему. Можетъ быть ихъ портила зависть Іосифа, старшаго въ родѣ, къ успѣхамъ Наполеона. Наполеонъ говаривалъ смѣясь: „Іосифъ, кажется, склоненъ иногда думать, что я похитилъ у старшаго брата престолъ нашего короля отца" [1]). Впрочемъ, несмотря на такія отношенія и лѣнивую натуру Іосифа, Наполеонъ выдвигалъ его, сдѣлалъ его королемъ неаполитанскимъ, потомъ королемъ Испаніи, хотя тотъ не переставалъ будировать долгое время, титулуя своего брата консуломъ, когда тотъ принялъ уже императорскій титулъ. Его неспособность, лѣность и самомнѣніе доставляли много хлопотъ Наполеону. Поведеніе Іосифа, когда онъ былъ посланъ для военной практики въ армію Сульта и потачки, которыя послѣдній ему дѣлалъ, какъ брату консула, вызвали рѣзкій выговоръ Наполеона и Сульту и брату. Онъ напомнилъ первому воинскій уставъ и потребовалъ, чтобы онъ относился къ полковнику Бонапарту согласно его чину и оставилъ въ сторонѣ всякія другія соображенія. Брату онъ писалъ: „Помните, что лѣностью вы ничего не достигните". Къ сожалѣнію и впослѣдствіи,

---

[1]) Pasquier. Hist. de mon temps. t. I p. 420.

когда Іосифъ былъ королемъ неополитанскимъ, а потомъ испанскимъ, Наполеонъ обращалъ его вниманіе на то, что слѣдуетъ болѣе работать и самому слѣдить за государственными дѣлами. Онъ иногда вмѣшивался въ его дѣла, и это вмѣшательство сердило Іосифа. Мало того, этому вмѣшательству брата онъ приписывалъ свои неудачи. По словамъ Пакье, онъ говорилъ въ 1814 году: „Я бы и до сихъ поръ былъ въ Мадридѣ, если бы братъ соблаговолилъ освободить меня отъ своихъ войскъ, своихъ генераловъ и своихъ маршаловъ. Меня любили на полуостровѣ и были бы рады удержать меня, если бы мое дѣло могло быть отдѣлено отъ дѣла моего брата“ [1]). Это самомнѣніе комично.

Иное чувство является въ насъ, когда мы узнаемъ, что въ это же время, когда братъ его пядь за пядью отстаивалъ почву Франціи, съ мужествомъ отчаянія боролся противъ огромной коалиціи, Іосифъ приставалъ къ Маріи-Луизѣ съ весьма недвусмысленнымъ и оскорбительнымъ ухаживаніемъ. Пакье говоритъ, что когда онъ узналъ объ этомъ впервые изъ письма Наполеона, онъ заподозрилъ безумную подозрительность ревнивца; но потомъ онъ убѣдился что это была правда [2]).

Третій его братъ Люціанъ, предназначавшійся сначала въ духовное званіе, и воспитывавшійся въ семинаріи въ Э, также доставилъ не мало хлопотъ Наполеону. Оказавъ ему въ качествѣ предсѣдателя совѣта 500 значительную помощь во время переворота 18 брюмера, онъ добивался консульскаго достоинства, и обидѣлся за отказъ. Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ какъ посолъ въ Испаніи, онъ отличился страшнымъ лихоимствомъ и и казнокрадствомъ. Это заставило Наполеона удалить его со службы. Наконецъ женитьба его на своей любовницѣ вдовѣ Жубертонъ, помѣшать которой Наполеонъ оказался не въ силахъ, послужила причиной къ окончательному разрыву между братьями, который прекратился только во время пребыванія Наполеона на Эльбѣ. Къ чести Люціана надо сказать, что именно въ то время, когда для Наполеона настали черные дни, онъ первый сдѣлалъ шагъ къ примиренію и явился къ нему со своей помощью.

Отношенія Наполеона къ младшему брату Жерому были совершенно отношеніями отца къ сыну. Да и послѣдній относился къ нему какъ сынъ, хотя и очень избалованный. Онъ былъ еще

---

[1]) Pasquier. II p. 200.

[2]) Pasquier. II p. 238.

ребенкомъ, когда Наполеонъ сталъ консуломъ. Онъ не помнилъ нужды, привыкъ къ роскоши. Не встрѣчая ни въ чемъ отказа, онъ не выучился цѣнить деньги и сдерживать свои потребности. Еще юношей однажды онъ купилъ себѣ бритвенный приборъ въ 25,000 фр., для пользованія которымъ не доставало только бороды и усовъ. Шапталь, сообщая объ этомъ случаѣ, говоритъ: „Чтобы подчинить брата болѣе строгому режиму и удалить его изъ придворной атмосферы, оказывавшей на него дурное вліяніе, Наполеонъ отдалъ его во флотъ, съ приказаніемъ относиться къ нему построже. Сначала онъ былъ очень доволенъ, ибо получалъ хорошіе отзывы командира судна о способностяхъ и о службѣ брата. Потомъ Жеромъ поссорился съ адмираломъ Вилларе-Жуайаезъ (Villaret-Joyeuse) и въ 1803 году, когда корабль стоялъ въ Гваделупѣ, онъ дезертировалъ. Вскорѣ послѣ того онъ появляется въ Балтиморѣ и тамъ женится на нѣкоей Патерсонъ. Ему было 19 лѣтъ. Родственники этой дѣвушки предвидѣли сопротивленіе Наполеона этому браку, а потому включили въ брачный договоръ, что въ случаѣ расторженія брака Жеромъ уступитъ женѣ $^1/_3$ своего имущества. Наполеонъ лишилъ его правъ наслѣдства и правъ принца. Въ 1805 году Жеромъ возвращается въ Европу, получаетъ прощеніе при условіи расторженія брака, а Наполеонъ обязался выплачивать его женѣ 60,000 франковъ ежегодно, каковая сумма ей выплачивалась аккуратно вплоть до 1814 года. Исключая этого случая, отношеніе Наполеона къ Жерому были наиболѣе гладкими и не нарушались никакою ссорою, хотя его нерѣдко огорчало легкомысліе послѣдняго.

Но наиболѣе близкія отношенія соединяли его съ его матерью Литиціей; болѣе всѣхъ сыновей онъ походилъ на нее физически и духовно. Это былъ одинъ и тотъ же характеръ, та же энергія, та же желѣзная сила воли; даже любовь къ экономіи и порядку была одинакова. Наполеонъ всегда заботился о матери и не оставлялъ ее своею помощью. Обѣщаніе быть ей защитникомъ и помощникомъ, данное послѣ смерти отца, не осталось пустымъ звукомъ. Когда онъ сталъ императоромъ, онъ окружилъ ее почетомъ и роскошью, подобающими „madame mère“, какъ ее титуловали. Онъ осыпалъ ее подарками, давалъ ей большія суммы денегъ и очень сердился, видя что она не тратитъ этихъ денегъ, а копитъ ихъ. Ея бережливость, перешедшая подъ старость въ скупость, была впрочемъ единственнымъ предметомъ пререканій между Летиціей Бонапартъ и ея любимцемъ „Napolione“, какъ она

не переставала называть его по итальянски. Возражая на его укоры въ скупости, старая корсиканка говорила иногда, что она копитъ деньги на черный день, что она не вѣритъ въ прочность его положенія.

На островѣ Эльбѣ она была съ нимъ и поддерживала его въ его несчастіи, когда даже жена покинула его. Задумавъ планъ высадки во Францію, Наполеонъ подѣлился съ нею своею тайною. Такъ разсказываетъ она сама объ этомъ съ своихъ воспоминаніяхъ. „Однажды вечеромъ, когда мы стояли въ Porto Terrajo, мнѣ показалось, что императоръ веселѣе обыкновеннаго. Онъ пригласилъ меня и сестру свою Полину съиграть съ нимъ партію écarté. Мы сѣли за карточный столъ, но не прошло и нѣсколько минутъ, какъ онъ всталъ, оставилъ насъ и заперся въ своемъ кабинетѣ. Видя, что онъ не возвращается, я пошла за нимъ, но камергеръ сказалъ мнѣ, что онъ вышелъ погулять въ садъ. Была чудная весенняя ночь. Мѣсяцъ свѣтилъ сквозь листву деревьевъ и я увидѣла императора, быстрыми шагами идущаго внизъ по аллеѣ. Вдругъ онъ остановился, прислонился головою къ фиговому дереву и вполголоса сказалъ: «и все таки я долженъ сказать объ этомъ моей матери!» Услыхавъ эти слова, я быстро подошла къ нему и съ нетерпѣніемъ вскрикнула: «ну такъ говори же, что съ тобою и почему ты такъ задумчивъ? Императоръ, закрывъ лице руками, и послѣ минутнаго колебанія сказалъ: «хорошо, я скажу тебѣ въ чемъ дѣло, но запрещаю говорить объ этомъ съ кѣмъ бы то ни было». Затѣмъ онъ улыбнулся, поцѣловалъ меня и прибавилъ: «такъ вотъ, я сообщаю тебѣ, что я уѣзжаю сегодня ночью». „Куда?“ «Въ Парижъ. Но прежде всего прошу тебя высказать объ этомъ свое мнѣніе». „Такъ дай мнѣ на время забыть, что я твоя мать“, воскликнула я и затѣмъ продолжажа: „Небо не допуститъ, чтобы ты умеръ спокойно въ своей постели или чтобы ты погибъ отъ тайнаго врага. Ты долженъ встрѣтить смерть съ мечемъ въ рукѣ, какъ тебѣ подобаетъ“... Не напоминаетъ ли этотъ діалогъ спартанскую мать? Тэнъ называетъ Летицію Бонапарте деревенскою Корнеліею. Пожалуй, по суровой величавости она и напоминаетъ римскихъ женщинъ.

Когда разыгралась трагедія ста дней, и когда стало ясно, что все кончено, тогда произошло прощаніе другого рода, безъ надежды на свиданіе, безъ упованія на славный конецъ. Очевидецъ этой сцены трагикъ Тальма, разсказывалъ чтицѣ королевы Гортензіи, что императоръ не обнаружилъ ни малѣйшихъ призна-

ковъ слабости, но что по лицу синьоры Летиціи скатились двѣ крупныхъ слезы. Она только сказала: „прощай, мой сынъ“, а императоръ отвѣтилъ: „прощай, матушка“. Послѣ этого они обнялись и поцѣловались. Тутъ въ первый разъ въ жизни душевная боль осилила натуру Летиціи: она заболѣла.

На островѣ Св. Елены, чѣмъ больше уходила въ даль воспоминаній грандіозная карьера Наполеона, тѣмъ ярче выступали образы родины и дѣтства, тѣмъ живѣе становились чувства привязанности къ роднымъ мѣстамъ и къ любимой и любящей матери. Вспоминая о Корсикѣ, онъ говаривалъ: „все было тамъ хорошо, даже запахъ земли. Если бы мнѣ принесли ее, я бы узналъ ее съ закрытыми глазами; я нигдѣ больше не встрѣчалъ этого запаха“. Въ то время какъ Летиція, поселившись въ Римѣ и замкнувшись въ своемъ горѣ, вся погрузилась въ мысль о своемъ несчастномъ сынѣ и стала суровѣе и строже къ своимъ остальнымъ дѣтямъ, въ воображеніи Наполеона, тамъ, въ его заточеніи, образъ матери принималъ все болѣе мягкія и нѣжныя очертанія. Онъ безпрерывно о ней говоритъ, разсказываетъ о ней своимъ окружающимъ и хвалитъ ее какъ самую дорогую и любящую мать. „Вы хорошо за мной ходите“, сказалъ онъ однажды, печально улыбаясь, своему домашнему врачу Антомарки (Antomarchi), „но если бы моя мать была со мной, тогда все было бы иначе. Ахъ! Мама Летиція! Мама Летиція!“—жалобно проговорилъ онъ, закрывая лицо руками.

Изъ всего сказаннаго объ отношеніяхъ Наполеона къ своимъ братьямъ и къ своей матери онъ рисуется человѣкомъ, у котораго очень сильно было развито родственное чувство. Въ немъ очень сильно сознаніе обязанности заботиться о своихъ братьяхъ и сестрахъ; онъ выдаетъ замужъ однѣхъ и старается такъ или иначе вывести въ люди другихъ. Если хотите, это черты корсиканской жизни, той жизни, въ которой еще очень замѣтны были слѣды родовыхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія Наполеонъ на тронѣ представляется намъ все таки въ значительной степени корсиканскимъ дворяниномъ, въ которомъ родственныя обязанности сталкиваются иногда съ требованіями политики. Отношенія его къ матери рисуютъ его человѣкомъ, который, достигши высшихъ степеней славы и могущества не только не цурается своей простой и необразованной матери, но, напротивъ, постоянно помнитъ, чѣмъ онъ ей обязанъ, и даже, подъ вліяніемъ сыновней привязанности, преувеличиваетъ ея значеніе для себя. Все это

такія черты, которыхъ не слѣдуетъ игнорировать, давая себѣ отчетъ о характерѣ Наполеона, и которыя характеризуютъ его не совсѣмъ какъ бездушнаго эгоиста, который видѣлъ только свое „я“ и весь міръ считалъ своей добычей.

Посмотримъ теперь на его отношенія къ его двумъ женамъ—Жозефинѣ и Маріи-Луизѣ.

Много мемуаристовъ, друзей и враговъ Наполеона, занималось разоблаченіемъ интимной жизни его, отношеніями его къ женщинамъ. Враги его особенно занимались исторіей жизни его съ Жозефиной Богарнэ. Многіе утверждали, что главнымъ стимуломъ перваго брака былъ разсчетъ; говорили, что какъ бы приданымъ за Жозефиною было мѣсто главнокомандующаго итальянской арміей. Но это извѣстіе опровергнуто честнымъ врагомъ Наполеона Ларевельеръ-Лепо. По его показанію, Баррасъ не вліялъ на это назначеніе. Оно состоялось по представленію Карно. Послѣдній самъ подтверждаетъ это въ своихъ мемуарахъ. Онъ узналъ Наполеона и оцѣнилъ его талантъ по работамъ его въ комитетѣ общественнаго спасенія. Наконецъ, письма Наполеона къ Жозефинѣ въ первое время ихъ супружества свидѣтельствуютъ объ искреннемъ и пылкомъ чувствѣ, которое онъ питалъ къ ней. Съ дороги въ Италію, среди работъ и битвъ этой изумительной кампаніи, онъ часто пишетъ ей горячія письма; мысль его дѣлится между нею и военными дѣлами. Онъ настойчиво зоветъ ее пріѣхать скорѣе въ Италію и иногда увлекается до того, что говоритъ, что готовъ все бросить и скакать къ ней. Она откладываетъ свой отъѣздъ подъ разными предлогами и, наконецъ, ссылается на нездоровье. Надо видѣть какъ это извѣстіе взволновало Наполеона. 15-го іюня 1796 года, среди заботъ и трудовъ громадныхъ, онъ шлетъ къ ней курьера, съ приказомъ вернуться сейчасъ съ вѣстью отъ нея, и пишетъ такое характерное письмо: „Моя жизнь настоящій кошмаръ. Ужасное предчувствіе не даетъ мнѣ вздохнуть свободно. Я не живу болѣе; я потерялъ больше чѣмъ жизнь, болѣе чѣмъ счастіе, болѣе чѣмъ покой; я почти лишенъ надежды... Напиши мнѣ 10 страницъ, это одно можетъ меня утѣшить. Ты больна, ты меня любишь, я тебя огорчилъ, ты беременна, и я тебя не вижу! Я такъ виновенъ передъ тобою, что не знаю, какъ искупить свою вину. Прости мнѣ, мой дорогой другъ! Любовь къ тебѣ лишаетъ меня разсудка, я никогда не прійду въ себя... Кто ухаживаетъ за тобою? Я предполагаю, что ты позвала Гортензію; я тысячу разъ больше люблю это милое дитя съ тѣхъ поръ какъ

думаю, что она можетъ хоть немного утѣшить тебя. Что до меня, то для меня нѣтъ утѣшенія, нѣтъ покоя, нѣтъ надежды до тѣхъ поръ, пока не вернется курьеръ, котораго я тебѣ посылаю, и не получу твоего длиннаго письма, въ которомъ ты объяснишь мнѣ, чѣмъ ты больна и насколько серьезна твоя болѣзнь. Если она опасна, я тебя предупреждаю, я сейчасъ скачу въ Парижъ..... У меня нѣтъ ни сна, ни аппетита, ни интереса ни къ дружбѣ, ни къ славѣ, ни къ отечеству; ты, ты одна, и весь міръ не существуетъ для меня, какъ бы его и вовсе не было. Я цѣню почести, потому что ты ихъ цѣнишь; стремлюсь къ побѣдамъ, потому что это доставляетъ тебѣ удовольствіе; безъ этого я бы все бросилъ, чтобы кинуться къ твоимъ ногамъ. Мой милый другъ, скажи мнѣ, что ты убѣждена, что я люблю тебя превыше всего, что можно вообразить.... что ты вѣришь, что всѣ мои минуты посвящены тебѣ, что никогда не проходитъ часу, чтобы я не подумалъ о тебѣ.... что ты, ты вся, такая какъ я тебя вижу, такая какъ ты есть, ты одна могла лишь нравиться и поглотить всѣ силы души моей; что ты заполонила ее всю, что нѣтъ въ сердцѣ моемъ уголка, котораго ты не видишь, нѣтъ мыслей, которыя бы не были подчинены тебѣ, что мои руки, мои силы, мой умъ—все для тебя; что моя душа въ твоемъ тѣлѣ, и что тотъ день, когда бы ты перемѣнилась или тотъ день, когда бы ты перестала существовать, былъ бы днемъ моей смерти, что природа и земля хороши въ моихъ глазахъ только потому, что ты живешь на ней. Если ты не вѣришь этому, если ты не убѣждена и не проникнута этимъ—это значитъ, что ты меня не любишь... Я увѣренъ въ твоей любви и горд ею. Тысячу разъ цѣлую твои очи и уста. Обожаемая женщина, какова твоя власть надо мною!.. Я боленъ твоею болѣзнью. У меня до сихъ поръ горячка. Не держи больше шести часовъ курьера, и чтобы онъ сейчасъ же возвращался и принесъ бы мнѣ письмо моей дорогой владычицы“.

Это письмо говоритъ за себя, и оно не единственное. Когда Жозефина пріѣхала въ Италію, письма къ ней чередовались съ извѣстіями о побѣдахъ. 24-го ноября онъ пишетъ ей о побѣдѣ надъ Вурмзеромъ, а 27-го онъ уже прискакалъ въ Миланъ, чтобы видѣться съ нею. Но онъ не засталъ ея тамъ; она уѣхала въ Геную повеселиться.

Наполеонъ тотчасъ же пишетъ ей туда письмо. Но когда оттуда вернулся курьеръ и не привезъ ни строчки отъ Жозефины, это кольнуло Наполеона. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ

пишетъ ей горячее письмо, въ которомъ сквозитъ горькое чувство. „Будь счастлива; не упрекай меня ни въ чемъ, не интересуйся вѣрностью человѣка, который только и живетъ твоею жизнью, радуется твоими радостями и твоимъ счастьемъ. Когда я требую отъ тебя любви подобной моей, я не правъ: можно ли желать, чтобы кружево было такъ же тяжело, какъ золото? Когда я посвящаю тебѣ всѣ мои желанія, всѣ мои мысли, всѣ минуты моей жизни, я повинуюсь той власти, которую твои чары, твой характеръ и вся твоя личность взяли надъ моимъ несчастнымъ сердцемъ. Я не правъ, потому что природа не дала мнѣ такой привлекательности, чтобы плѣнить тебя; но чего я заслуживаю съ твоей стороны, Жозефина, это нѣкотораго вниманія и уваженія, такъ какъ я тебя только люблю и люблю до страсти.

Прощай, обожаемая женщина, прощай Жозефина! Пускай судьба сосредоточитъ въ моемъ сердцѣ всѣ горести и печали; но пусть она дастъ моей Жозефинѣ дни свѣтлые и счастливые. Кто заслуживаетъ ихъ болѣе ея? Когда ясно будетъ, что она болѣе любить не можетъ, я скрою мое страданіе и удовлетворюсь тѣмъ, чтобы быть ей полезнымъ и годнымъ на что нибудь... Я вскрываю письмо, чтобы послать тебѣ поцѣлуй.

Ахъ, Жозефина! Жозефина!!!“

Сквозящее въ нѣкоторыхъ строкахъ опасеніе лишиться любви любимой женщины не было безосновательнымъ. Въ это время Жозефина заинтересовалась однимъ молодымъ гусарскимъ офицеромъ Ипполитомъ Шарлемъ, и благосклонно относилась къ его ухаживаніямъ. Наполеонъ узналъ объ этомъ и отослалъ послѣдняго изъ арміи. По возвращеніи Жозефины изъ Генуи, ей не трудно было успокоить своего влюбленнаго и ревниваго мужа; но онъ не могъ не почувствовать холода въ ея сердцѣ—завѣса спала съ глазъ его, очарованіе исчезло. Это былъ сильный нравственный толчекъ въ жизни Наполеона, котораго нельзя не принимать въ разсчетъ, наблюдая вскорѣ послѣ этого поворотъ въ его характерѣ, отмѣчаемый историками.

Мы видѣли, какъ Парижъ и Аяччіо разсѣяли въ немъ иллюзіи демократа и корсиканскаго патріота. Теперь семейная жизнь его разбиваетъ его идеалъ домашняго счастья, заглушаетъ еще одну сторону его духовной жизни. Между тѣмъ неслыханныя побѣды поднимаютъ его сразу на такую высоту, съ которой открылись широкіе горизонты. Весьма возможно, что разочарованіе въ любви, испытанное Наполеономъ въ это время, дало толчекъ раз-

витію его честолюбія. По мѣрѣ паденія другихъ интересовъ жизни, послѣднее занимаетъ въ умѣ его огромное мѣсто. Если справедливо мнѣніе, что впервые послѣ сраженія при Лоди зароились въ его головѣ грандіозные планы будущаго величія, то отношенія къ Жозефинѣ должны были играть не малую психологическую роль въ этомъ поворотѣ.

Недоразумѣніями въ Италіи не кончились невзгоды Наполеона въ семейной жизни. Когда онъ отправился въ Египетъ, ему пришлось разстаться съ Жозефиною на болѣе долгій срокъ. Эта разлука оказалась роковою. Она снова сблизилась съ Ипполитомъ Шарлемъ, и на этотъ разъ не оставалось никакихъ сомнѣній на счетъ смысла ихъ отношеній. Онъ поселился у нея въ Мальмезонѣ. Извѣстіе объ измѣнѣ жены получено было Наполеономъ въ Египтѣ. По возвращеніи оттуда онъ потребовалъ развода; но теперь покрытый славою отдаленной экспедиціи, ставъ центромъ надеждъ и вниманія всѣхъ политическихъ партій, онъ представлялъ собою слишкомъ интереснаго мужа, чтобы съ нимъ легко было разстаться. Легкомысленное увлеченіе гусарскимъ офицеромъ не было такимъ сильнымъ чувствомъ, которому жертвуютъ выгодами такого завиднаго положенія и идутъ на открытый скандалъ. Жозефина стала искать прощенія. Съ помощью своихъ дѣтей, которыхъ Наполеонъ очень любилъ, она вымолила его. Совмѣстная жизнь возстановилась; но возстановилась ли семейная жизнь? И да, и нѣтъ. Съ годами у Наполеона образовалось дружеское чувство къ Жозефинѣ; онъ былъ къ ней очень внимателенъ, заботился о ея покоѣ, но прежнее чувство исчезло. Въ послѣдующее время роли ихъ перемѣнились. Не онъ, а она часто ревновала его и нельзя сказать, чтобы безосновательно, хотя онъ тщательно скрывалъ отъ нея свои уклоненія съ пути супружеской вѣрности. Какъ бы то ни было, разводъ 1810 г., явившійся результатомъ политическаго разсчета, не былъ расторженіемъ семейной жизни, а былъ лишь разъѣздомъ товарищей, сжившихся между собою. Тѣмъ не менѣе однако и въ такомъ видѣ этотъ актъ оказался не легкимъ для Наполеона. Въ день развода съ нимъ былъ сильный истерическій припадокъ. Разводясь съ Жозефиной, онъ старался возможно больше смягчить для нея тяжесть этого дѣла. Когда послѣ развода онъ уѣхалъ въ Тріанонъ, то въ теченіи первыхъ десяти дней онъ ей написалъ десять писемъ. Черезъ два дня послѣ развода, онъ былъ у нея въ Мальмезонѣ, а черезъ нѣкоторое время послѣ того, она была у него въ Тріанонѣ, обѣдала

тамъ, и была такъ весела, что, по свидѣтельству очевидца, нельзя было и подумать, что они развелись. Всѣ факты жизни Наполеона съ Жозефиной свидѣтельствуютъ, что отношенія его къ ней, были отношеніями человѣка увлекшагося до самозабвенія, а затѣмъ, когда повязка спала съ глазъ, эти отношенія стали такими, что въ нихъ видѣнъ былъ человѣкъ, заботившійся о спокойствіи и счастіи своего товарища жизни. О какомъ то безсердечіи или способности безжалостно проглотить человѣка ради удовлетворенія своего честолюбія здѣсь и помину нѣтъ.

Отношенія къ Маріи-Луизѣ не менѣе интересны для освѣщенія характера Наполеона. До выхода замужъ, Марія-Луиза была очень предубѣждена противъ Наполеона. Она представляла его себѣ какимъ то чудовищемъ, и была въ отчаяніи отъ затѣяннаго сватовства. Но потомъ, когда она стала съ нимъ лицомъ къ лицу, отношенія ея къ нему измѣнились. Рядъ писемъ Маріи-Луизы къ ея подругамъ Коллоредо и Кренневиль, начиная съ мая 1810 г. и кончая 22 іюня 1813 года, свидѣтельствуютъ, что она была довольна своимъ положеніемъ; не разъ въ этихъ письмахъ она называетъ себя счастливою. Она сообщаетъ о многихъ мелочахъ, въ которыхъ Наполеонъ проявлялъ свою заботливость объ ея спокойствіи, и свое желаніе доставить ей удовольствіе. Мемуары Меттерниха, который въ качествѣ посла интересовался судьбою австрійской принцессы, тоже свидѣтельствуетъ о томъ, что Наполеонъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать жену счастливою, и что онъ былъ чрезвычайно внимателенъ и деликатенъ по отношенію къ ней. Интересенъ такой случай. Однажды графиня Монтебелло, состоявшая при Маріи-Луизѣ, во время прогулки по парку въ С.-Клу представила ей своего кузена. Наполеону не понравилось это, такъ какъ онъ опасался, что такимъ путемъ придворные будутъ черезъ императрицу искать милости для людей, недостойныхъ ея покровительства. Онъ обратился къ Меттерниху съ просьбою, чтобы тотъ въ видѣ совѣта предостерегъ ее отъ такихъ знакомствъ. Когда же Меттернихъ удивился тому, почему императоръ самъ не скажетъ этого императрицѣ, то Наполеонъ объяснилъ ему, что онъ боится, что такое замѣчаніе съ его стороны можетъ быть понято ею, какъ проявленіе ревности или какъ желаніе стѣснить ея свободу, а онъ не хотѣлъ бы этимъ огорчить ее. Прежде Марія-Луиза относилась со страхомъ къ Наполеону; теперь же она говорила Меттерниху, что „она не боится императора; но что ей кажется, что онъ ея боится“. Вышеприведенный

случай объясняетъ эти слова. Въ противоположность расточительности и легкомыслію Жозефины, Марія-Луиза отличалась склонностью къ экономіи и солидностью. Эти черты характера внушили Наполеону къ ней такое уваженіе, которое, пожалуй, было преувеличено. Шапталь, свидѣтельство котораго безпристрастно, говоритъ: „Наполеонъ искренно уважалъ Марію-Луизу; онъ часто говаривалъ: «если бы Франція знала достоинства этой женщины, она простерлась бы у ея ногъ»“. Когда у нихъ родился сынъ, то радость Наполеона была безмѣрна. Если тутъ и примѣшивалось политическое соображеніе, то отцовское чувство несомнѣнно было преобладающимъ. Все свое свободное время онъ посвящалъ сыну. Каждое утро онъ самъ его поилъ кофе, и ему, видимо, доставляло удовольствіе это маленькое дѣло. Ребенокъ еще болѣе привязалъ его къ Маріи-Луизѣ. Когда рушилось все, когда въ Фонтенбло онъ вынужденъ былъ подписать отреченіе, онъ думалъ о ней и надѣялся на скорое свиданіе съ нею. Онъ пишетъ ей: „Прощай моя добрая Луиза! Ты можешь разсчитывать всегда на бодрость, спокойствіе и дружбу твоего мужа“ Съ о. Эльбы онъ призывалъ ее къ себѣ. Не получая отъ нея отвѣта и предполагая, что его письма не доходятъ до нея, онъ придумываетъ тысячи способовъ, чтобы доставить ей свои письма и увидѣть ее и сына. Онъ даже обращался къ герцогу Тосканскому съ просьбою, чтобы тотъ помогъ ему доставить письма къ женѣ. Все это было напрасно. Союзники не желали, чтобы Марія-Луиза отправлялась къ Наполеону, и приставили къ ней въ качествѣ наблюдателя и ментора австрійскаго графа Нейперга. Сначала она покорилась этому желанію, а потомъ и сама не захотѣла отправляться къ мужу. Она сошлась съ своимъ приставникомъ, за котораго и вышла замужъ послѣ смерти Наполеона. Такъ печально кончился второй бракъ Наполеона, заключенный по разсчету, но въ которомъ онъ, казалось, нашелъ удовлетвореніе потребности имѣть свою семью, свой семейный очагъ, которая, какъ намъ кажется, въ немъ была очень сильна.

Перебирая въ памяти факты изъ отношеній Наполеона къ роднымъ, мы не видимъ въ немъ человѣка, котораго Тэнъ характеризуетъ съ голоса г-жи Сталь такими словами: „Онъ никого не любилъ и не навидѣлъ; для него никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ его самого; остальныя существа это только цифры. Сила его воли заключается въ непоколебимости разсчета его эгоизма; это искусный игрокъ, играющій партію со всѣмъ человѣчествомъ разомъ,

которому онъ намѣревается дать шахъ и матъ“ [1]). Это очень эффектная фраза, но невѣрная. Въ его отношеніяхъ къ роднымъ мы видимъ въ Наполеонѣ человѣка съ сильно развитымъ родственнымъ чувствомъ, способнымъ не только заботиться о своихъ родныхъ, но и поступаться для нихъ своими интересами. Будучи юношею, онъ уже сознаетъ себя главою семьи и не столько съ точки зрѣнія своихъ правъ, сколько съ точки зрѣнія своихъ обязанностей. Это чувство долга по отношенію къ семьѣ въ немъ очень сильно. Отношенія къ матери и Людовику въ этомъ отношеніи очень убѣдительны. Его отношенія къ женамъ тоже не доказываютъ его эгоизма. Если его отношенія къ роднымъ портились, то отчасти они были въ этомъ сами виноваты, отчасти виною была политика, а отчасти властолюбіе Наполеона. Онъ не любилъ сопротивленія; исполняя свои обязанности по отношенію къ братьямъ и сестрамъ, онъ требовалъ отъ нихъ подчиненія себѣ, какъ главѣ семьи, требовалъ непреклонно и рѣзко, онъ не умѣлъ довольствоваться половиной,—а это вызывало неудовольствія и портило отношенія. Въ послѣднемъ счетѣ все же онъ рисуется въ этихъ отношеніяхъ порядочнымъ человѣкомъ, способнымъ вызвать симпатію.

Посмотримъ теперь на отношенія Наполеона къ близкимъ людямъ, стоящимъ за предѣлами семьи. Довольно обычно такое явленіе, что люди, быстро возвысившіеся, стараются порвать съ своимъ прошлымъ, прекращаютъ былыя личныя отношенія и стараются и другихъ заставить забыть о томъ, что они были когда то самыми простыми смертными. Мы не видимъ у Наполеона этихъ вульгарныхъ замашекъ выскочки. Когда онъ былъ уже императоромъ, то по тому или другому случаю онъ нерѣдко вспоминалъ то время, когда онъ былъ поручикомъ. Ставъ первымъ консуломъ, при встрѣчѣ съ старыми знакомыми, онъ съ удовольствіемъ разговаривалъ съ ними про былую жизнь въ Валансѣ и съ интересомъ разспрашивалъ про житье-бытье тамошнихъ знакомыхъ. Тамъ въ Валансѣ онъ былъ хорошъ съ однимъ товарищемъ по полку д'Едувилемъ (d'Héduville), хотя они и не сходились въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Когда Наполеонъ сталъ императоромъ онъ черезъ брата уговорилъ его вернуться изъ эмиграціи. Когда тотъ пріѣхалъ, онъ встрѣтилъ его очень дружески и представляя его своимъ придворнымъ, сказалъ: „вотъ одинъ изъ старыхъ мо-

[1]) Taine. Regime Moderne, p. 18.

ихъ товарищей, съ которымъ мы поломали много копій на площади Клерковъ въ Валансѣ по поводу конституціи 1791 года.

Во время жизни въ Валансѣ онъ былъ хорошо принятъ въ семьѣ Коломбье. Впослѣдствіи, въ августѣ 1804 года, во время пребыванія въ Булони онъ получилъ письмо отъ г-жи Бressье, урожденной Коломбье, въ которомъ она просила его о своемъ братѣ, служившемъ въ арміи. Вотъ что онъ отвѣчаетъ на это письмо. „Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе. Воспоминаніе объ вашей матушкѣ и объ васъ мнѣ всегда были пріятны. Я воспользуюсь первымъ случаемъ, чтобы быть полезнымъ вашему брату. Изъ вашего письма я вижу, что вы живете около Ліона; я могу поэтому упрекнуть васъ за то, что вы не пріѣхали туда, когда я былъ тамъ, такъ какъ мнѣ доставило бы большое удовольствіе повидать васъ. Будьте увѣрены въ искреннемъ желаніи быть вамъ пріятнымъ“. Такъ же сохраняются у него отношенія къ семьѣ Пермонъ, съ которою онъ былъ знакомъ еще во время своего пребыванія въ военной школѣ въ Парижѣ. Одна изъ дѣвицъ Пермонъ была замужемъ за маршаломъ Жюно и извѣстна какъ авторъ многотомныхъ „Мемуаровъ герцогини д'Абрантесъ“, переведенныхъ на русскій языкъ. Когда Наполеонъ былъ въ Бріеннской школѣ семья де-Бріеннъ оказывала ему симпатіи. Они его брали къ себѣ въ замокъ и доставляли ребенку большое удовольствіе, давая ему лошадей кататься верхомъ по окрестностямъ. Шапталь пишетъ по этому поводу въ своихъ мемуарахъ: „Бонапартъ говаривалъ объ этомъ часто и съ живѣйшею признательностью, такъ же какъ и о добротѣ къ нему г. де-Марбефъ въ Корсикѣ. Въ теченіи своего царствованія онъ настойчиво разыскивалъ всѣхъ членовъ этихъ двухъ семействъ и оказывалъ имъ уваженіе и расположеніе“.

Чувство благодарности, которое обнаруживается въ этомъ случаѣ, было видною чертою характера Наполеона. Онъ не забывалъ услугъ когда либо ему оказанныхъ. Одинъ изъ бріеннскихъ учителей о. Шарль, который къ нему относился очень хорошо, жилъ впослѣдствіи въ Долѣ. Наполеонъ никогда не упускалъ случая навѣстить его, когда бывалъ по близости. Будучи назначенъ главнокомандующимъ итальянскою арміею, онъ проѣзжалъ черезъ Доль ночью. Во время перепряжки лошадей, онъ послалъ къ о. Шарлю съ просьбой придти на станцію повидаться съ нимъ. Другого своего учителя о. Дюпюи онъ устроилъ библіотекаремъ въ Мальмэзонѣ. Онъ умеръ въ 1807 году, когда Наполеонъ былъ въ

походѣ. Онъ пишетъ по этому поводу Жозефинѣ: „Напиши мнѣ о смерти этого бѣдняги Дюпюи. Скажи его брату, что я хочу ему сдѣлать какое либо добро“. Его учитель чистописанія старикъ явился къ нему въ С.-Клу. Наполеонъ принялъ его очень ласково, и шутя сказалъ ему: „Le beau foutre élève que vous aver fait la! Je vous en fait mon compliment“ (Порядочнаго болвана ученика вы воспитали! Поздравляю васъ). Извѣстно, что онъ обладалъ прескверным почеркомъ. Неудачный ученикъ обезпечилъ своего стараго преподавателя. Позднѣе другой преподаватель, хотя и случайный, обратился къ щедрости Наполеона. Когда Наполеонъ служилъ въ Валансѣ и бывалъ по вечерамъ у Коломбье, то, ради успѣха у баришенъ, онъ началъ учиться танцамъ. Учителемъ его было нѣкто Дотель. Теперь (1808 г.), впавъ въ бѣдность, онъ обратился за помощью къ своему бывшему ученику и въ своемъ письмѣ выразился такимъ образомъ: „Sire, celui qui vous a fait faire le premier pas dans le monde se recommande à votre générosité“. (Государь! Тотъ, кто руководилъ первыми вашими шагами въ свѣтѣ, поручаетъ себя вашему великодушію). Наполеонъ устроилъ ему мѣсто, обезпечившее его старость. Онъ не забылъ того жандарма, который его сторожилъ во время его ареста послѣ 9 термидора и былъ добръ къ нему. Онъ вызвалъ его и далъ ему мѣсто при дворѣ въ 4,000 фр., которымъ тотъ пользовался въ теченіи всего его царствованія.

Если Наполеонъ хорошо помнилъ услуги, ему оказанныя, то съ другой стороны не забывалъ и людей, сдѣлавшихъ ему непріятность. Однажды во время загороднаго товарищескаго пикника въ Валансѣ завязался споръ между Наполеономъ, отличавшимся тогда демократическими идеями, и капитаномъ артиллеріи, его ротнымъ камандиромъ, аристократомъ. Ихъ застала гроза. Наполеонъ пошелъ пѣшкомъ въ Валансъ; нѣсколько время спустя проѣхалъ его капитанъ одинъ въ кабріолетѣ и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ Наполеона, поливаемаго дождемъ. Опъ никогда не могъ забыть этого нарушенія требованій лебезности и всегда противился его повышенію, говоря: „у него дурное сердце“.

Въ другой разъ, встрѣтивъ въ Компьенѣ директора школы Лебретона, котораго онъ зналъ съ дурной стороны еще въ Бріеннѣ, онъ не могъ удержаться отъ выраженія своего неудовольствія и потребовалъ отъ Шапталя, чтобы онъ перевелъ его на другое мѣсто, гдѣ бы его жестокость не отзывалась на дѣтяхъ. Потомъ онъ разсказалъ ему, какъ Лебретонъ донималъ ихъ въ Бріеннѣ

своею суровостью. Въ отношеніяхъ къ окружающимъ надо различать два различныхъ момента: Наполеона-консула и Наполеона-императора. Будучи консуломъ, онъ не отдалялся отъ людей, былъ простъ въ сбращеніи и не старался держать въ страхѣ всѣхъ окружающихъ. Въ эту эпоху, говоритъ Шапталь, онъ былъ доступенъ для всѣхъ. Онъ показывался открыто; онъ приглашалъ къ себѣ къ обѣду почти всѣхъ лицъ, которыя посѣщали его. Такъ какъ онъ любилъ бесѣдовать, то было мало предметовъ, о которыхъ бы онъ не спорилъ и не высказывалъ своего мнѣнія. Часто его знакомые проводили у него на дачѣ въ Мальмэзонѣ цѣлые дни, и время уходило на прогулки, игры и разговоры. Первый консулъ, какъ и теперь многіе французы средняго круга, не стѣснялся отдаваться забавамъ, которыя у насъ, у русскихъ, считаются свойственными только дѣтскому возрасту и признаются почему то неприличными для взрослыхъ. Такъ, иногда послѣ обѣда Бонапартъ, Лористонъ, Дидло, Буррьенъ, Евгеній Богарне, Жозефина Бонапартъ и Гортензія Богарне, играли въ бары, причемъ играющіе раздѣлялись по правиламъ игры на два лагеря и должны были ловить и брать въ плѣнъ другъ друга. Вспоминая про эти игры, Констанъ говоритъ, что самыми быстроногими были Евгеній и Гортензія, а наименѣе ловкимъ генералъ Бонапартъ; онъ часто спотыкался и падалъ, но тотчасъ вскакивалъ и хохоталъ во все горло. Впослѣдствіи такія игры бывали очень рѣдко, хотя, кажется, не изчезли совсѣмъ. Въ 1806 году Наполеонъ писалъ Евгенію Богарне: „Я провелъ два дня у маршала Бессіера; мы играли какъ пятнадцатилѣтніе ребята“.

Когда Наполеонъ сталъ императоромъ, его отношенія къ окружающимъ мало по малу значительно измѣнились. Онъ пересталъ быть общительнымъ и доступнымъ на аудіенціяхъ, говорилъ мало и рѣзко и старался, повидимому, держать въ страхѣ всѣхъ, кто приближался къ нему. Простота отношеній сохранилась лишь по отношенію къ немногимъ людямъ; вообще же пріемы въ Тюльери отличались церемонностью и невыразимою натянутостью. Изъ показаній такихъ безпристрастныхъ свидѣтелей, какъ Шапталь, которые къ тому же были выгодно поставлены въ смыслѣ возможности многое видѣть и знать, оказывается, что характеръ Наполеона къ сорокамъ годамъ его жизни измѣнился; по всей вѣроятности, однако, указанное измѣненіе отношеній къ людямъ зависѣло не только отъ измѣненія характера вслѣдствіе возраста, но и отъ измѣненія положенія: отъ нахожденія на такой необыч-

ной высотѣ, на которой голова кружится. Такъ какъ къ тому же изъ своихъ юношескихъ впечатлѣній Наполеонъ вынесъ разочарованіе въ общественныхъ стремленіяхъ и людяхъ, то вмѣстѣ съ возрастомъ и измѣненіемъ положенія у него развилось презрѣніе къ людямъ, которое и отразилось на его отношеніяхъ къ нимъ.

Самъ онъ объяснялъ свои отношенія къ сановникамъ и генераламъ сознательно принятою системою. Разговаривая однажды съ Шапталемъ о своемъ образѣ жизни въ качествѣ государя, онъ замѣтилъ: „Я не могу вести такой беззаботной и распущенной жизни, какъ законные короли... Нѣтъ генерала, который не призналъ бы за собою такихъ же правъ, какъ мои; нѣтъ вліятельнаго человѣка, который не полагалъ бы, что онъ намѣтилъ мой путь 18 брюмера. Я долженъ быть поэтому очень строгъ съ этими людьми. Если я съ ними буду брататься, они скоро раздѣлятъ мою власть и государственную казну“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Шапталь передаетъ слова, сказанныя ему Наполеономъ въ 1808 году. Онъ говоритъ, что какъ только онъ достигъ власти, такъ сейчасъ явились претензіи генераловъ. „Массена, Моро, Бернадоттъ не могли мнѣ простить моихъ успѣховъ. Я долженъ былъ не бояться ихъ, а подчинить ихъ. Они нѣсколько разъ пытались свалить меня или раздѣлить со мною власть. Такъ какъ раздѣлъ былъ менѣе рискованъ, то 12 генераловъ составили планъ раздѣлить Францію на 12 провинцій, причемъ мнѣ великодушно предоставляли Парижъ съ его округомъ. Договоръ былъ подписанъ въ Рюелѣ; Массена долженъ былъ представить его мнѣ. Онъ отказался, сказавъ, что онъ выйдетъ послѣ того изъ Тюльери только для того, чтобы быть разстрѣляннымъ во дворѣ гвардіей. Онъ зналъ меня хорошо... Боязнь, надежда на богатство и милости, только это должно было связывать ихъ со мною. Я былъ щедръ въ томъ и другомъ. Я сдѣлалъ куртизановъ, я никогда не претендовалъ дѣлать себѣ друзей“ [2]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о вѣрности приводимаго Наполеономъ факта, мы замѣтимъ, что систему страха и возбужденія алчности, онъ признавалъ какъ необходимую правительственную систему. Его объявленіе этой системы мы не можемъ игнорировать совершенно. Заговоры противъ него были, попытки стать на его мѣсто тоже бывали, если его братья смотрѣли на

---

[1]) Chaptal. p. 218.
[2]) Chaptal. p. 250.

него какъ на узурпатора общаго наслѣдства, то генералы еще съ большимъ правомъ могли считать себя его сонаслѣдниками. Все это такъ; но объясненіе Наполеона не объясняетъ того факта, что его отношенія къ окружающимъ во время консульства были иными, хотя условія были тѣ же. Онъ не видитъ, что онъ самъ измѣнился, и что отъ этого и въ значительной степени сложились другія отношенія его къ сановникамъ и генераламъ.

Какъ бы то ни было, однако, нельзя не видѣть, что система страха съ одной стороны и возбужденія алчности съ другой не могли стать прочной основой Наполеоновскаго режима. Люди, служащіе въ силу страха и жадности, плохая опора. Пока положеніе господина прочно, они служатъ; какъ только оно начинаетъ пошатываться, начинаются измѣна и дезертирство. Какъ только его сановники почувствовали, что положеніе его шатко, они по одному стали оставлять его. Вспомнимъ его брата Іосифа, Мюрата, Массену, Талейрана, Сульта, Бернадотта и другихъ. По поводу этой системы Тэнъ справедливо говоритъ: „отъ того, что Наполеонъ ввелъ, какъ главный двигатель, какъ всеобщую пружину, потребность выскочить, необузданную конкурренцію, беззастѣнчивое честолюбіе, словомъ совершенно грубый эгоизмъ, — и на первомъ планѣ свой собственный,—эта пружина, натянувшись до крайности, попортила и потомъ разрушила всю машину“ [1]).

Говоря объ измѣненіяхъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ, происшедшихъ въ то время, какъ Наполеонъ сталъ императоромъ, не слѣдуетъ забывать, что у него сохранились, однако, прежнія дружескія отношенія къ нѣкоторымъ изъ его генераловъ. Таковы были отношенія къ Дюроку, Ланну и Дезе, погибшему, впрочемъ, еще до того, какъ Наполеонъ сталъ императоромъ. Ланнъ до конца жизни оставался съ нимъ на „ты“. Хотя Наполеонъ и говорилъ Шапталю, что онъ не претендуетъ дѣлать себѣ друзей; но въ разговорѣ съ Жирарденомъ онъ признавался, какъ дорога дружба, особенно, когда человѣка постигаетъ несчастье. „Когда дѣла идутъ плохо, говоритъ онъ, когда мы подавлены ихъ тяжестью, тогда становятся необходимыми изліянія сердца; они становятся рѣшительною потребностью; но куда сложить тайны сердца, когда, озираясь кругомъ, не увѣренъ встрѣтить взоры друга“ [2]).

---

[1]) Taine. Regime Moderne, p. 351.
[2]) Levy. Napoleon Intime, p. 355.

Такъ какъ такихъ людей около Наполеона было не много, то потеря ихъ была особенно тяжела. Гибель Дезе и Дюрока повергли его въ большое горе, котораго онъ не могъ скрыть. Но потеря Ланна была для него особенно тяжка.

Если въ чемъ Наполеонъ остался неизмѣннымъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, это въ строгости. Какъ увидимъ далѣе, онъ былъ очень строгъ въ выполненіи своихъ обязанностей; мало встрѣчается государственныхъ дѣятелей, которые бы столько работали и такъ работали, какъ онъ. За то и къ уклоненіямъ отъ своего долга со стороны другихъ, онъ относился чрезвычайно строго, не обращая вниманія на рангъ провинившагося. Въ 1797 году онъ шлетъ такой приказъ генералу Деспинуа: „Генералъ! Ваше командованіе въ Ломбардіи хорошо познакомило меня съ недостаткомъ у васъ честности и съ вашей жадностью къ деньгамъ; но я не зналъ, что вы еще и трусъ. Оставьте армію и не показывайтесь мнѣ на глаза“.

Въ 1798 году въ Египтѣ солдаты украли въ саду финики. По этому поводу Наполеонъ издаетъ такой приказъ: „Они будутъ два раза въ день проведены по лагерю по фронту, въ вывороченныхъ на изнанку мундирахъ, съ вѣтками финиковъ въ рукахъ и съ надписями на груди: «мародеръ»“. Докторъ Войе тамъ же отказался помочь раненымъ, у которыхъ предполагалась заразительная болѣзнь. По этому случаю состоялся приказъ такого содержанія: „Онъ недостоинъ званія французскаго гражданина. Одѣть его женщиною и провезти на ослѣ по улицамъ Александріи съ надписью на спинѣ: «недостоинъ быть французскимъ гражданиномъ, онъ боится смерти»“. Генералъ Гувьонъ де-Сенъ-Сиръ, отрѣшенный отъ командованія въ Неаполѣ, разсудилъ, что онъ можетъ уѣхать оттуда, не испрашивая разрѣшенія. Когда на его мѣсто прислали туда генерала Периньона, онъ отправился въ Парижъ и явился къ Наполеону. Между ними произошла такая сцена.

Наполеонъ. Генералъ, вы прибыли изъ Неаполя?

Генералъ. Да, государь; я сдалъ командованіе генералу Периньону, котораго вы прислали на мое мѣсто.

Наполеонъ. Вы, конечно, получили разрѣшеніе военнаго министра?

Генералъ. Нѣтъ, государь; но мнѣ нечего было дѣлать въ Неаполѣ.

Наполеонъ. Если черезъ два часа вы не будете на пути

въ Неаполь, то до полудня вы будете разстрѣляны въ Гренельской долинѣ [1]).

Въ 1810 году, послѣ сраженія при Ваграмѣ, Бернадоттъ получилъ выговоръ въ императорскомъ приказѣ по арміи за нерадѣніе и обманъ и былъ лишенъ команды. Строгость Наполеона, особенно въ арміи, была всегда справедлива и этимъ, между прочимъ, объясняется его популярность между солдатами.

Въ приведенныхъ приказахъ сквозитъ кромѣ строгости еще та рѣзкость, которая не разъ приводила въ трепетъ людей, приходившихъ въ столкновеніе съ Наполеономъ и имѣвшихъ несчастіе навлечь на себя его гнѣвъ. По первоначальному воспитанію онъ былъ человѣкомъ грубымъ. Этотъ недостатокъ воспитанія сказывался, когда онъ забывался или, вѣрнѣе говоря, не слѣдилъ за собою. Относительно этой черты Шапталь высказываетъ такое мнѣніе: „вообще Наполеонъ имѣлъ тонъ плохо воспитаннаго поручика, и съ перваго взгляда ничто не указывало въ немъ ни ума, ни малѣйшаго знанія свѣта. Я видѣлъ на его вечерахъ „за просто“, какъ онъ выходилъ изъ своего кабинета, насвистывая какой-нибудь мотивъ, подходилъ къ дамамъ, не прерывая своей пѣсенки, и возвращался обратно, напѣвая какой-либо итальянскій мотивъ“ [2]). Высказывая это сужденіе, Шапталь припоминаетъ такой случай. На праздникѣ въ городской думѣ Наполеонъ, между прочимъ, подошелъ къ одной дамѣ. Когда она назвала свою фамилію, то онъ воскликнулъ: „ахъ, Боже мой, а мнѣ говорили, что вы хорошенькая!“ Каково положеніе дамы!

Но это еще ничего сравнительно съ тѣми сценами, которыя происходили, когда Наполеонъ выходилъ изъ себя. Онъ былъ человѣкъ очень нервный и вспыльчивый. Нервозность его выражалась и въ его неспособности долго сидѣть за столомъ, и въ ничтожномъ времени, которое онъ удѣлялъ сну (особенно въ молодые годы) и въ томъ, напримѣръ, что онъ во время засѣданій изрѣзывалъ перочинномъ ножикомъ всю ручку кресла. Приходилось часто отдавать въ починку кресло, на которомъ возсѣдалъ первый консулъ. Эта же нервозность выражалась и въ большой вспыльчивости. При встрѣчѣ съ сопротивленіемъ или съ какою либо мерзостью онъ легко раздражался и выходилъ изъ себя. Въ такія ми-

---

[1]) Chaptal. Memoires, p. 251.
[2]) Ibidem. 322.

нуты гнѣва или, какъ выражается Пакье (Pasquier), „des grandes colères“ Наполеонъ былъ очень грубъ и не скупился на ругательства. Мы не будемъ говоритъ о сценѣ съ Вольнеемъ, которая, кажется, въ дѣйствительности не происходила [1]); остаются, однако, другія, которыя несомнѣнно происходили. Такова сцена съ Талейраномъ. Когда Наполеонъ узналъ объ интригахъ послѣдняго (во время Эрфуртскаго свиданія), которыя можно назвать государственной измѣной, то онъ на публичномъ пріемѣ обратился къ нему съ такими словами: „Вы воръ, подлецъ, вы человѣкъ безъ вѣры! Вы въ Бога не вѣрите, вы всю вашу жизнь нарушали ваши обязанности, вы обманывали весь міръ и измѣняли всѣмъ; для васъ нѣтъ ничего святаго, вы продадите отца родного“ [2]).

Въ этомъ же родѣ была сцена съ Порталисомъ въ государственномъ совѣтѣ, хотя послѣдній и далеко не былъ такъ виноватъ, какъ это казалось Наполеону. Наконецъ, нельзя не упомянуть извѣстную сцену въ Кампо-Формio, когда Наполеонъ разбилъ сервизъ, вспыливъ во время переговоровъ.

Если бы судить объ обращеніи Наполеона съ людьми по этимъ сценамъ, то сужденіе это было бы не совсѣмъ вѣрно. У насъ есть отзывы людей, которыхъ нельзя заподозрить въ пристрастіи и которые, однако, говорятъ о пріятномъ впечатлѣніи, выносимомъ изъ личныхъ сношеній съ нимъ. Напримѣръ, Пакье, который имѣлъ съ нимъ почти ежедневныя сношенія, говоритъ такъ: „я не былъ близокъ съ Наполеономъ, но за то я никогда не выслушивалъ ни одной изъ его выходокъ, и ни одного изъ его выраженій малолюбезныхъ, на которыя онъ не скупился по отношенію къ людямъ, пользовавшимся его фамильярностью“ [3]).

Выходитъ, что грубость Наполеона имѣла въ своемъ примѣ-

---

[1]) Тэнъ передаетъ эту сцену такимъ образомъ: Наполеонъ сказалъ Вольнею: „Франція желаетъ католицизма“. „Нѣтъ, она желаетъ Бурбоновъ“. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Наполеонъ далъ ему такой ударъ ногой въ животъ, что онъ повалился навзничъ безъ чувствъ. Леви говоритъ, что весь этотъ разсказъ Тэна взятъ у С. Бёва, послѣдній взялъ его у Бодена, а этотъ говоритъ, что слышалъ его отъ давяностолѣтняго старика Бекара. Между тѣмъ этому воспоминанію дряхлаго старика противорѣчитъ то, что послѣ того Вольней продолжалъ быть сенаторомъ, потомъ ему данъ былъ гербъ и пожаловано имѣніе. Levy. Napoleon intime p. 346.

[2]) Pasquier. Histoire de mon temps, t. I, стр. 358

[3]) Pasquier. Hist. de mon temps, t. I, p. 428.

неніи извѣстный кругъ людей. Г-жа Рекамье говоритъ, что ее поразило при свиданіи съ Наполеономъ мягкое выраженіе его лица, отличное отъ того, которое она видѣла прежде, и простота его манеры, очень отличная отъ театральности его брата Люціана. Шатобріанъ такъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Наполеономъ: „Его улыбка была ласкова и красива; его взглядъ прекрасенъ. У него не было ничего шарлатанскаго во взглядѣ, ничего театральнаго. Бонапартъ обратился ко мнѣ просто, безъ всякихъ комплиментовъ, безъ праздныхъ вопросовъ. Онъ заговорилъ со мною сразу, какъ будто я былъ его близкимъ знакомымъ“. Нѣмецкій ученый Іоганнъ Мюллеръ передаетъ о своемъ свиданіи съ Наполеономъ слѣдующее: „Я возражалъ ему, онъ началъ спорить. Я долженъ сказать безпристрастно и такъ же искренно, какъ передъ Богомъ, что разнообразіе его познаній, тонкость замѣчаній, вѣрность и широта взгляда, равно какъ и манера, съ которою онъ говорилъ со мною, преисполнили меня восторга и любви“. Мэтлендъ, капитанъ англійскаго корабля „Беллерофонъ“, на которомъ Наполеонъ очутился въ качествѣ плѣнника послѣ отреченія, говоритъ, что, хотя ему, какъ англійскому офицеру, неудобно хвалить злѣйшаго врага своей страны, но этотъ человѣкъ въ такой степени обладалъ даромъ нравиться, что не найдется человѣка, который бы, какъ я, садясь съ нимъ за столъ болѣе мѣсяца, не проникнулся къ нему сочувствіемъ, видя, что человѣкъ, обладающій такими обворожительными качествами, доведенъ до такого положенія, въ которомъ я его видѣлъ. Австрійскій посолъ Меттернихъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Бесѣда съ Наполеономъ всегда имѣла для меня необъяснимую прелесть...; онъ слушалъ замѣчанія и возраженія, которыя ему дѣлали, не покидая ни тона, ни сдержанности дѣлового разговора, и я никогда не встрѣчалъ ни малѣйшаго затрудненія высказать ему то, что я считалъ правдою даже тогда, когда послѣдняя могла быть и непріятна ему“.

Министръ финансовъ Мольенъ говоритъ, что Наполеонъ „доводилъ до крайности терпѣніе все выслушивать. Въ частныхъ разговорахъ, которые онъ велъ со мною, я часто встрѣчалъ ту простоту, то терпѣніе, которыя обворожили меня во время перваго свиданія“.

Пакье, который, какъ мы видѣли, признаетъ грубость обращенія Наполеона съ людьми, съ которыми онъ былъ фамильяренъ, говоритъ про него: „я долженъ отдать ему справедливость; онъ

не отвергалъ моихъ мнѣній съ неудовольствіемъ, и, кажется, былъ даже доволенъ твердостью ихъ“ [1]).

Эти очень благопріятные отзывы объ обращеніи Наполеона не противорѣчатъ ни отзыву Шапталя о его невоспитанности, ни тѣмъ фактамъ его грубости, которые упомянуты выше. Въ самомъ дѣлѣ, эти отзывы указываютъ, что Наполеонъ могъ обворожить людей своимъ умомъ и простотою обращенія, что онъ терпѣливо выслушивалъ возраженія и т. д. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ былъ человѣкомъ слишкомъ талантливымъ и всѣмъ интересующимся, чтобы бесѣда съ нимъ не была занимательна и пріятна. Въ разговорѣ съ этими людьми ему не было повода выходить изъ себя; а кому же неизвѣстно, что люди грубые по существу и плохо воспитанные бываютъ очень вѣжливы въ гостиной и въ то же время „за измятое жабо дуютъ въ усъ и въ рыло“ свою прислугу. Имѣя въ виду показанія Шапталя и Пакье и приведенные несомнѣнные факты, слѣдуетъ прійти къ выводу, что по существу Наполеонъ дѣйствительно былъ грубъ, но что эта черта проявлялась у него въ обращеніи съ людьми не при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, какъ это можно было бы думать, читая Тэна. Мнѣ кажется, однако, что слѣдуетъ при оцѣнкѣ, такъ называемой, воспитанности Наполеона, помнить время и условія, въ которыхъ онъ жилъ. Общество, вертѣвшееся около двора, великосвѣтское общество, составлявшее блескъ салоновъ, словомъ то общество, которое выработало изящныя манеры, изысканную до приторности рѣчь, вызывавшую насмѣшки даже въ свое время, это общество почти цѣликомъ покинуло Францію во время революціи, да оно и не было колыбелью Наполеона. На мѣсто его явилась другая Франція, менѣе воспитанная, болѣе грубая, но за то болѣе сильная, талантливая и энергичная. Если мы вспомнимъ манеры и языкъ вожаковъ революціи, конечно не ставя ихъ образцомъ, языкъ „Père Duchesne“, то найдемъ, что Наполеонъ былъ сыномъ этой Франціи и, пожалуй, еще менѣе грубымъ, чѣмъ другіе его сверстники. Его грубость не могла не поражать людей стараго „общества“, какими были Шапталь и Пакье, его простота опять таки не могла не поражать людей того времени, въ особенности, когда они видѣли эту простоту на высотѣ трона.

---

[1]) Pasquier. Hist. de mon temps, t. I, стр. 108. Показанія Рекамье, Шатобріана, Іоганна Мюллера, Мэтленда, Меттерниха и Мольена заимствованы изъ книги Леви „Napoleon Intime“, стр. 352, 353, 356.

Они слишкомъ привыкли къ напыщенной важности, къ ужимкамъ въ рѣчи и манерахъ, чтобы не поражаться простотою. Прибавимъ въ заключеніе, что самъ Шапталь, отмѣчающій невоспитанность Наполеона, говоритъ, что онъ былъ лучше, чѣмъ казалось съ перваго взгляда. „Лица, которые не были близки къ Наполеону, говоритъ онъ, и которые видѣли его лишь нѣсколько минутъ, могутъ судить о немъ только неблагопріятно; съ перваго раза его пріемъ былъ холоденъ и его слова были незначительны или не вѣжливы“ [1]). Но Наполеонъ и въ этомъ отношеніи не остался неизмѣннымъ. „Какъ онъ многому учился, когда сталъ во главѣ Франціи, такъ учился онъ и обращенію, и оказывается, что учителемъ его въ этомъ отношеніи былъ тотъ самый Талейранъ, на которомъ онъ показалъ свою грубость. Съ своими талантами Талейранъ соединялъ изящныя манеры придворнаго стараго вельможи, и онъ много содѣйствовалъ тому, что его господинъ не замедлилъ войти во вкусъ этихъ манеръ“ [2]). Но воспитаться взрослому труднѣе, чѣмъ пріобрѣсти знанія.

До сихъ поръ мы говорили о характерѣ Наполеона по его отраженію въ отношеніяхъ къ лицамъ тѣхъ или иныхъ категорій. Теперь обратимся къ тѣмъ чертамъ его, которыя имѣли болѣе общее значеніе, которыми этотъ характеръ обрисовывается безотносительно тѣхъ или другихъ связей. Глядя на Наполеона съ этой точки зрѣнія, Тэнъ говоритъ, что тщетно стали бы мы искать въ ближайшее къ намъ время такую крупную фигуру, съ которой могли бы сравнить Наполеона. Нравственный обликъ послѣдняго такъ колоссаленъ, что мы должны идти до героевъ Плутарха, чтобы найти что либо подходящее для сравненія. Сообразно этому и отдѣльныя черты этой личности не укладываются въ наши обычныя мѣрки. Ея достоинства и недостатки представляются какъ бы въ преувеличенномъ видѣ.

---

[1]) Chaptal. Memoires, p. 321.

[2]) Pasquier. Histoire de mon temps, t. I, p. 244. Интересно сравнить это показаніе съ тѣмъ, что говоритъ Тэнъ на стр. 93 своего сочиненія о Наполеонѣ (Regime Moderne). Онъ говоритъ, что въ разговорѣ съ Талейраномъ онъ высказался, что „приличія это изобрѣтеніе дураковъ для того, чтобы походить на умныхъ людей (pour se rapprocher â peu près de gens d'esprit); это родъ общественнаго кляпа, который стѣсняетъ сильнаго и служитъ службу только посредственности. А хорошій тонъ! Вотъ еще одно изъ классическихъ словечекъ, которыхъ я не допускаю“. „Это вашъ личный врагъ, отвѣтилъ Талейранъ, онъ бы давно не существовалъ, если бы вы могли отъ него отдѣлаться пушками“.

Выдающимися чертами характера Наполеона были властолюбіе и честолюбіе. Властолюбіе его было такъ громадно, что оно не ограничивалось подчиненіемъ лицъ окружающихъ, ни даже подчиненіемъ Франціи; по мѣрѣ расширенія подчиняемаго круга росло и самое чувство, пока не дошло до мечты о монархіи Карла Великаго, а потомъ уже и до фантазіи о всемірной монархіи. Несмотря на положительныя свойства своего ума, Наполеонъ не чуждъ былъ фантазерства, которое способно было сильно увлекать его. Воспоминанія о Карлѣ Великомъ и мечты объ Александрѣ Великомъ съ его идеями всемірной монархіи способны были увлекать его до того, что переставали для него быть пріятными мечтами, и мысль о походѣ въ Индію становилась для него дѣломъ практически осуществимымъ [1]).

Честолюбіе Наполеона тоже было огромно. Оно было его, такъ сказать, всепоглощающею страстью. „У меня нѣтъ честолюбія, говорилъ онъ Редереру, или, если оно у меня есть, то оно до такой степени присуще моей природѣ, до такой степени врождено мнѣ, такъ связано съ моимъ существованіемъ, какъ кровь, текущая въ моихъ жилахъ, какъ воздухъ, которымъ я дышу“ [2]). При такомъ положеніи онъ могъ, конечно, и не замѣчать своего честолюбія. Въ другой разъ онъ говорилъ тому же собесѣднику: „У меня одна любовь, одна страсть—Франція. Съ нею я живу; она меня никогда не измѣняла; она расточаетъ для меня свою кровь и свои сокровища; если мнѣ надо 500,000 человѣкъ, она даетъ мнѣ ихъ“ [2]).

Эти слова объясняютъ характеръ этой любви, сводящійся на то же честолюбіе. Завѣщая похоронить себя на берегахъ Сены, среди того народа, который онъ такъ любилъ, Наполеонъ ошибался въ существѣ своего чувства къ французамъ. Онъ любилъ Францію не какъ святую отчизну, для которой мы готовы отдать все, что есть у насъ самаго дорогого, даже самую жизнь, но какъ поприще и орудіе своей славы, своихъ подвиговъ, какъ красивую, сильную лошадь, переносившую его черезъ всѣ препятствія, для которой онъ былъ безжалостнымъ ѣздокомъ, по выраженію Тэна. Характерное свидѣтельство о размѣрахъ своего честолюбія онъ

---

[1]) У Вандаля въ его сочиненіи „Наполеонъ и Александръ I“ (т. II) есть интересныя страницы о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ осуществленію этой фантазіи.

[2]) Taine. Regime Moderne, p. 76.

высказалъ адмиралу Декре: „Я явился слишкомъ поздно; нельзя сдѣлать ничего великаго. Я согласенъ, моя карьера хороша, я прошелъ прекрасный путь. Но какая разница съ древностью! Вспомните Александра: когда онъ завоевалъ Азію и объявилъ себя сыномъ Юпитера, то за исключеніемъ Олимпія, который зналъ, какъ къ этому относиться, да еще Аристотеля и нѣсколькихъ аѳинскихъ педантовъ, весь Востокъ ему повѣрилъ. Ну, а если бы я вздумалъ объявить себя сыномъ Предвѣчнаго и сказать, что въ качествѣ таковаго я ему воздамъ поклоненіе? Вѣдь послѣдняя торговка захохочетъ мнѣ въ глаза. Народы слишкомъ просвѣщенны теперь; нечего больше дѣлать“ [1]). Иногда людей съ такимъ непомѣрнымъ честолюбіемъ объявляютъ сумасшедшими, иногда передъ ними преклоняются. Правы ли тѣ ученые, которые объявляютъ геній особой формой помѣшательства, мы не знаемъ; но мы знаемъ, что передъ Наполеономъ преклонялись. Тому были свои причины. Обстоятельства благопріятствовали удовлетворенію этого непомѣрнаго честолюбія. Хотя, за излишкомъ просвѣщенія, и нельзя было объявить себя сыномъ Зевса, но работы, удовлетворяющей честолюбіе, было довольно. Во-вторыхъ, сила воли, безконечное трудолюбіе, размѣры способностей и общественныя заслуги оправдывали это честолюбіе въ глазахъ современниковъ и заставляли преклоняться передъ нимъ. Особенно сила воли. Это была сталь такого закала, разбить которую ничто не могло, развѣ только смерть, сопротивляться которой ничто не въ силахъ. Она сквозила во внѣшности Наполеона, особенно въ первые годы его славы, и безотчетно неотразимо дѣйствовала на людей.

Тэнъ такъ характеризуетъ наружность генерала Бонапарта по портрету Герена (Guérin): „Посмотрите на это исхудалое тѣло, на эти узкія плечи въ форменномъ сюртукѣ, измятомъ рѣзкими движеніями, на эту шею, обернутую широкимъ скомканнымъ галстухомъ, на эти виски, прикрытыя длинными прямыми волосами, ниспадающими на плечи; ничто не поражаетъ, кромѣ лица (masque): эти жестокія черты, рѣзко обозначенныя глубокими контрастами свѣта и тѣни,—эти впалыя щеки, съ углубленіями, доходящими до внутреннихъ угловъ глазъ; эти выдавшіяся скулы, этотъ подбородокъ большой и выдающійся, эти тонкія и подвижныя губы, сжатыя напряженнымъ вниманіемъ,—эти большіе свѣтлые глаза, глубоко сидящіе въ орбитахъ, этотъ пристальный (fixe oblique)

---

[1]) Taine. Regime Moderne, p. 77.

взглядъ, пронизывающій, какъ стрѣла,—эти двѣ глубокія морщины, идущія по лбу вверхъ отъ основанія носа и говорящія о движеніи гнѣва, сдержаннаго напряженіемъ воли. Прибавьте къ этому то, что видѣли и слышали современники: отрывистый голосъ, быстрый и рѣзкій жестъ, испытующій и повелительный тонъ, не допускающій возраженія, и вы поймете, почему они, едва успѣвъ подойти къ нему, уже чувствуютъ на себѣ его властную руку, которая опускается на нихъ, сгибаетъ ихъ, сжимаетъ и уже болѣе не выпускаетъ“ [1]).

Воображеніе не обмануло Тэна. Характеръ впечатлѣнія, производимаго Наполеономъ на окружающихъ, переданъ имъ вѣрно. Свидѣтельства современниковъ подтверждаютъ нарисованную имъ картину. Маршалъ Массена разсказывалъ Шапталю про свое первое свиданіе съ Наполеономъ. Это было, когда онъ пріѣхалъ въ Италію въ качествѣ главнокомандующаго. Когда генералы увидѣли его въ первый разъ, они готовы были составить о немъ невысокое мнѣніе. Его невзрачный видъ, крайняя молодость, то, что онъ часто держалъ въ рукахъ портретъ жены, все это, говорилъ Массена, побудило насъ думать, что это назначеніе есть дѣло интриги. Но когда онъ началъ разспрашивать, а потомъ излагать свои предположенія и распоряженія, то онъ какъ будто выросъ сразу на два фута, и мы удалились съ убѣжденіемъ, что у насъ есть, наконецъ, настоящій начальникъ [2]).

Передъ этой самой аудіенціей подъ вліяніемъ предположенія, что Бонапартъ—это мальчишка, бульварный генералъ, которымъ парижскіе интриганы наградили итальянскую армію, Ожеро говорилъ, что онъ оборветъ этого выскочку. Ожеро, этотъ бывшій извозщикъ, былъ человѣкъ не робкаго десятка и самъ однимъ своимъ ростомъ и силой могъ внушать страхъ. Но дѣло было совсѣмъ иначе. Когда генералы собрались, ихъ ввели. Бонапартъ заставилъ себя подождать. Наконецъ онъ выходитъ, застегиваетъ портупею, надѣваетъ шляпу, объясняетъ диспозицію и даетъ свои приказанія. Ожеро не проронилъ ни слова; только уже на дворѣ онъ пришелъ въ себя и вспомнилъ свои обычныя ругательства; онъ сознается, что этотъ маленькій в.... генералъ, нагналъ на него страху; онъ не могъ дать себѣ отчета въ томъ вліяніи, которое его какъ будто придавило съ перваго взгляда [3]).

---

[1]) Taine. Regime Moderne, p. 19.
[2]) Chaptal. Memoires, p. 205.
[3]) Taine. Regime Moderne, p. 21.

Другой современникъ сравнивалъ Наполеона съ тигромъ. Онъ говорилъ: „знаете, я очень люблю этого милаго генерала; но про себя, совсѣмъ тихо, я его называю маленькимъ тигромъ, чтобы хорошо охарактеризовать его ростъ, силу (tenacité), цѣпкость, бодрость, живость, его скачки (élans) и все, что есть въ немъ такого, что можно принять въ этомъ смыслѣ“ [1]).

Впечатлѣнія современниковъ, относящіяся къ этимъ первымъ моментамъ карьеры Наполеона, не осложнялись славой его имени, а потому они имѣютъ для насъ большой интересъ. Они говорятъ о томъ безотчетномъ чувствѣ, которое овладѣваетъ нами, когда мы становимся лицомъ къ лицу съ огромной силой, и которое насъ заставляетъ подчиняться ей, еще раньше, чѣмъ она будетъ направлена противъ насъ.

Эта сила, какъ мы сказали, была не только въ упругости воли, а и въ безконечной способности къ труду при огромныхъ способностяхъ.

Крайне рѣдко встрѣчаются люди, которые могли бы работать и работалп бы такъ много, какъ Наполеонъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить развѣ съ Фридрихомъ Великимъ, причемъ пальма первенства все таки останется за Наполеономъ. Сну и ѣдѣ онъ отдавалъ очень мало времени; обыкновенно не болѣе 4—5 часовъ. Впрочемъ, никакой правильности у него въ этомъ отношеніи не было; то онъ ложился въ 8 часовъ утра, то въ 4 или 5 часовъ утра, то онъ спалъ 8—10 часовъ, то вставалъ черезъ четверть часа паслѣ того, какъ заснулъ, и работалъ всю ночь напролетъ. Тоже и съ пищей. Иногда онъ ставилъ себѣ за правило обѣдать лишь тогда, когда стемнѣетъ, но чаще часы обѣда зависѣли отъ желанія ѣсть. [2]). Во время консульства и нѣкоторое время позже онъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть за столомъ не больше десяти минутъ; онъ вставалъ и для него обѣдъ кончался. Это сначала стѣсняло его жену и лицъ, приглашенныхъ къ обѣду: они тоже вставали вмѣстѣ съ нимъ; но потомъ они предоставляли ему уходить, а сами продолжали обѣдъ. Впослѣдствіи, къ сорокамъ годамъ, онъ отяжелѣлъ; онъ больше отдавалъ времени сну и проявлялъ склонность хорошо поѣсть. Но и тогда работѣ онъ отдавалъ много времени. Во время консульства совѣты по разнымъ дѣламъ происходили иногда цѣлый день, чередуясь одинъ за однимъ, и нерѣдко

---

[1]) Ibidem, p. 17. Слова секретаря папской легаціи Како (Cacault).

[2]) Chaptal. Memoires, p. 329.

захватывали значительную часть ночи. Безсмѣннымъ оставался въ этихъ засѣданіяхъ Наполеонъ, ибо онъ самъ предсѣдательствовалъ на нихъ и игралъ наиболѣе активную роль. Такъ какъ при вступленіи въ консульство онъ былъ весьма мало свѣдущъ по многимъ вопросамъ государственнаго управленія, то онъ въ этихъ засѣданіяхъ учился и государственному, и гражданскому, и уголовному праву, и финансамъ, и учился поразительно усердно и быстро. Онъ все выспрашивалъ, требовалъ объясненія словъ самыхъ употребительныхъ, которыя, однако, ему были неизвѣстны; онъ вызывалъ обсужденіе вопроса до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ и у него не состовлялось объ немъ опредѣленное мнѣніе. Удовлетворить его въ этомъ отношеніи было не легко, потому что онъ не довольствовался поверхностнымъ изученіемъ дѣла. Поэтому то и выходило, что совѣтъ рѣдко расходился, не научившись чему либо—не изъ того, что сообщалъ первый консулъ, а изъ того детальнаго обсужденія дѣла, которое онъ вызывалъ. Такъ какъ онъ не прекращалъ засѣданія до тѣхъ поръ, пока дѣло не выяснялось окончательно, то иногда оно длилось 8—10 часовъ, съ перерывомъ на четверть часа. Послѣ такихъ засѣданій онъ велъ другія, которыя затягивались иногда до 5 часовъ утра. Иные члены совѣта, измученные этой напряженной умственной работой, засыпали; но никогда не замѣчали, говоритъ Шапталь, чтобы Наполеонъ уставалъ, не видали въ немъ никакихъ признаковъ утомленія духа. Въ концѣ засѣданія онъ казался также мало уставшимъ, какъ и въ началѣ [1]). Онъ будилъ своихъ уснувшихъ коллегъ, приговаривая: „ну, ну, гражданинъ, надо зарабатывать тѣ деньги, которыя намъ платятъ“. Бывало нерѣдко, что послѣ такихъ засѣданій, онъ у себя продолжалъ работать, отдавая сну и ѣдѣ лишь нѣсколько минутъ въ сутки, а остальное время проводя въ работѣ.

Умственная неутомимость шла рука объ руку съ неутомимостью физическою. Наполеонъ могъ проводить въ движеніи 6—8 часовъ, не чувствуя никакой усталости. Бывало, что онъ проводилъ на лошади 12—14 часовъ, не слѣзая, при чемъ обладалъ какою то непостижимою способностью задерживать свои потребности. Онъ самъ вспоминалъ, какъ онъ сражался пятеро сутокъ подъ рядъ съ Альвинци, не смыкая глазъ, не раздѣваясь и почти

---

[1]) Taine. Regime Moderne, p. 24, 26.
Chaptal. Memoires, p. 226, 328 и 329.

не слѣзая съ лошади. Но за то, разбивъ его и сдѣлавъ распоряженіе о преслѣдованіи, онъ проспалъ 36 часовъ къ ряду [1]). Хотя Шапталь и говоритъ, что къ сорока годамъ своей жизни Наполеонъ отяжелѣлъ, что верховая ѣзда стала утомлять его, но изъ фактовъ, имъ же самимъ приводимыхъ, видно, что это ослабленіе физической энергіи было весьма незначительно. Когда онъ вернулся изъ Польши послѣ войны 1812 года, проскакавъ три недѣли, нигдѣ не останавливаясь, онъ тотчасъ созвалъ совѣтъ министровъ и на засѣданіи былъ вполнѣ бодръ, выказывалъ ту же послѣдовательность и силу мысли, какъ будто онъ провелъ ночь спокойно въ своей комнатѣ".

Эта сила головы у Наполеона была поразительна. Быстрота соображенія, сила логики и глубина анализа поражали современниковъ и удивляютъ потомство. Интересно вспомнить здѣсь о педагогической проницательности одного изъ учителей Наполеона. Въ „Военной Школѣ" учитель нѣмецкаго языка Бауеръ противился допущенію Наполеона къ экзаменамъ, такъ какъ „ученикъ Бонапартъ совершенный болванъ" (n'etoit qu'une bête) [2]). Такія ошибки бываютъ!

Неисчерпаемость физической и нравственной энергіи шла рука объ руку съ богатыми способностями. Память Наполеона и сила его мысли были колоссальны. Развѣ только голова Цезаря можетъ идти въ сравненіе съ его головой, говоритъ Тэнъ. Тридцать два тома корреспонденціи Наполеона знакомятъ насъ въ подробностяхъ со свойствами его интеллекта. Память его заключала въ себѣ всѣ данныя, касавшіяся военной и гражданской части управленія, заключала въ себѣ обширный справочный каталогъ съ біографическими данными о всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся лицахъ. Онъ помнилъ во всѣхъ подробностяхъ дизлокацію всѣхъ своихъ полковъ, ихъ численный составъ, и составъ корпуса офицеровъ каждаго полка. Однажды генералъ Дежанъ представилъ ему вѣдомость расходовъ по продовольствію войскъ въ пути. Наполеонъ остановился на одной статьѣ о расходѣ въ 1,230 раціоновъ, выданныхъ какому то полку въ Фонтенэ. „Тутъ ошибка, сказалъ онъ. Этотъ полкъ не былъ въ Фонтенэ. Онъ былъ

---

[1]) Chaptal. Memoires, p. 327. Сраженіе при Арколѣ продолжалось 3 дня, съ 16 по 17 ноября 1797 г. Вѣроятно, въ счетъ вошло движеніе отъ Мантуи.

[2]) Levy. Napoleon Intime, p. 18.

тогда въ Рошворѣ, а оттуда двинулся въ Испанію и черезъ Фонтенэ не проходилъ“ [1]).

Бюджеты со всѣми подробностями по приходу и расходу помѣщались въ его головѣ, какъ въ какой либо громадной книгѣ съ тою развѣ разницею, что найти ихъ въ своей головѣ было гораздо легче, и скорѣе, чѣмъ найти въ книгѣ. У него была особенная какая то любовь къ подробностямъ и цифровымъ даннымъ; онъ читалъ разныя вѣдомости съ такою же легкостью, какъ мы читаемъ повѣсти и романы. Съ такою же точностью и прочностью располагались въ его головѣ и данныя біографическія съ прибавкою живыхъ портретовъ подлежащихъ лицъ. Встрѣтившись во время консульства съ своимъ знакомымъ по Валансу, впослѣдствіи министромъ Монталиве, Наполеонъ провелъ съ нимъ цѣлый день въ разговорахъ о Валансѣ. Онъ вспоминалъ съ точностью всѣхъ знакомыхъ, опредѣлялъ такъ вѣрно участіе каждаго въ революціи, ихъ характеръ, таланты, что изумилъ Монталиве. Наконецъ, онъ вспомнилъ лимонадчицу, у которой они собирались пить кофе и сказалъ: „Я боюсь, что я ей заплатилъ не за всѣ выпитыя чашки кофе, вотъ 50 луи, отошлите ей пожалуйста“ [2]).

Однажды уже въ концѣ Имперіи, во время представленія новыхъ членовъ законодательнаго корпуса, Наполеонъ неожиданно обращается къ одному изъ депутатовъ съ вопросомъ о томъ, какъ поживаютъ его дочери. По поводу удивленія послѣдняго, что императоръ знаетъ его семью, Наполеонъ объяснилъ ему, что когда въ 1800 году онъ шелъ походомъ въ Италію, и вынужденъ былъ остановиться на нѣкоторое время, такъ какъ дорога была загромождена артиллеріей, то онъ стоялъ около его дома и тутъ видѣлъ его и его двухъ дѣвочекъ, которыя играли у воротъ. Особенно сильна была у Наполеона топографическая память. Онъ представлялъ себѣ мѣстность совершенно какъ въ натурѣ, со всѣми ручейками, оврагами и горами, дорогами и тропинками, какъ на лучшей картѣ генеральнаго штаба. Эти изумительные размѣры и прочность памяти комбинировались съ поразительною живостью воображенія. Онъ съ такою отчетливостью представлялъ себѣ наиболѣе обширныя комбинаціи положенія и движеній, какъ будто они находились предъ его глазами. Отсюда понятно превосходство его надъ соперниками въ стратегическихъ соображеніяхъ.

---

[1]) Chaptal. Mes souvenirs, p. 336.
[2]) Chaptal. Mes souvenirs, p. 184.

При такихъ интеллектуальныхъ условіяхъ трудолюбіе Наполеона и его неутомимость въ трудѣ могли сдѣлать то большое дѣло организаціи новаго порядка во Франціи, которое выпало на его долю. Съ такими памятью и воображеніемъ работать было легко. Разные предметы и дѣла, говоритъ Тэнъ, были разложены въ его головѣ, какъ въ шкафу съ ящиками. „Когда я хочу прервать какое нибудь дѣло, говаривалъ Наполеонъ, я запираю его ящикъ и открываю ящикъ съ другимъ дѣломъ. Они никогда не смѣшиваются одно съ другимъ и не стѣсняютъ и не утомляютъ меня. Захотѣлось мнѣ спать, я затворяю всѣ ящики и сейчасъ же засыпаю“[1]).

Прочность памяти Наполеона въ нѣкоторыхъ случаяхъ служила ему плохую службу. Разъ услышанное слово отпечатывалось въ ней такъ сильно, что уже онъ не могъ отдѣлаться отъ этого перваго впечатлѣнія. А такъ какъ онъ плохо слышалъ, то, бывало, что онъ повторялъ слово въ той невѣрной формѣ, въ которой воспринялъ его въ первый разъ. Такъ, онъ говорилъ: „rente voyagère“ вмѣсто „viagère“, „point fulminant“ вмѣсто „culminant“, „Illes Philippiques“ вмѣсто „Philippines“ и т. д.

Когда Наполеонъ выступилъ на поприще государственной дѣятельности, онъ отличался большимъ невѣжествомъ въ отношеніи предметовъ, относящихся къ государственной жизни. Государственное право, финансы, экономическая жизнь, гражданское и уголовное право ему были чужды. Онъ поражалъ окружающихъ своимъ полнымъ невѣдѣніемъ вещей, казалось бы, общеизвѣстныхъ. Онъ не скрывалъ своего невѣдѣнія и сталъ учиться на практикѣ въ тѣхъ безчисленныхъ заседаніяхъ разныхъ совѣтовъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, онъ игралъ наиболѣе активную роль. Его спасли его любознательность и геніальныя способности. Онъ учился чрезвычайно быстро и уже очень скоро обогналъ своихъ учителей въ дѣлѣ знанія государственной жизни, хотя слѣдуетъ признать, что недостатокъ теоретической подготовки всегда давалъ себя чувствовать. Такъ, напримѣръ, онъ ставилъ земледѣліе на первомъ планѣ въ народномъ хозяйствѣ; но онъ не имѣлъ объ немъ ни малѣйшаго понятія. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ деревнѣ, дали бы болѣе свѣдѣній по этой части, говоритъ Шапталь, чѣмъ имѣлъ ихъ Бонапартъ. Когда онъ вмѣстѣ съ Шапталемъ былъ въ Гаврѣ и устроилъ тамъ собраніе негоціан-

---

[1]) Taine. Le Regime Moderne, p 25.

товъ для обсужденія дѣлъ торговли, то на этомъ собраніи были обсуждаемы въ его присутствіи наиболѣе крупные вопросы. Одинъ изъ негоціантовъ особенно выдавался глубиною своего взгляда и широтою познаній. Выйдя изъ этого собранія, Наполеонъ признался Шапталю, что это впервые онъ увидѣлъ, что коммерція есть тоже наука. Тѣмъ не менѣе, однако, благодаря указаннымъ нами свойствамъ своей личности, Наполеонъ скоро сталъ удовлетворять требованіямъ, предъявлявшимся тогда жизнью главѣ государства, сталъ на высотѣ французскихъ традицій во всѣхъ отрасляхъ національной жизни и выдвинулся крупной фигурой на рубежѣ стараго и новаго порядка.

Останавливаясь въ изумленіи предъ этой импозантною личностью, задаешься невольно вопросомъ, откуда взялся этотъ человѣкъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Тэнъ сближаетъ Наполеона съ итальянскими кондотьерами XV вѣка и говоритъ, что и въ самомъ дѣлѣ онъ происходитъ отъ этихъ людей дѣйствія, этихъ военныхъ авантюристовъ, узурпаторовъ и основателей недолговѣчныхъ государствъ. Онъ унаслѣдовалъ ихъ умственную и нравственную структуру. Отпрыскъ этого племени, взятый оттуда раньше его упадка и истощенія, онъ былъ перенесенъ въ отдаленный и подобный же питомникъ, гдѣ продолжается и живетъ порядокъ воинственный, полный трагедіи. Первоначальный отпрыскъ сохранился тамъ во всей неприкосновенности; онъ переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, обновляясь и усиливаясь путемъ скрещеній. Наконецъ, въ послѣдній разъ онъ выходитъ изъ земли и развивается великолѣпно, съ тою же листвою и съ тѣми же плодами, какъ и прежде, на первоначальномъ стволѣ. Новѣйшая культура и французское садовое искусство чуть чуть обрѣзали нѣкоторыя вѣтки, очистили нѣкоторыя иглы; основная ткань его, сущность, его природное направленіе не измѣнились. Но почва Франціи и Европы, которую онъ встрѣтилъ, взбудораженная бурями революціи, оказалась болѣе благопріятною для его произростанія, чѣмъ старое поле Среднихъ Вѣковъ; и онъ тутъ одинъ, онъ не подвергался, какъ его предки въ Италіи, конкурренціи особей своей породы; ничто его не стѣсняетъ. Онъ можетъ захватить всѣ соки земли, весь воздухъ и солнечный свѣтъ и стать такимъ колоссомъ, какимъ не могли стать старыя растенія, можетъ быть такія же живучія и навѣрное такія же поглощающія (absorbants), какъ и онъ самъ, но родившіяся на почвѣ менѣе рыхлой и болѣе стѣсняемыя другъ другомъ“ [1]).

[1]) Taine. Regime Moderne, p. p. 21, 23.

Оставимъ въ сторонѣ мысль о происхожденіи Наполеона отъ итальянскихъ кондотьери и объ унаслѣдованіи ихъ свойствъ, какъ мысль болѣе поэтическую, чѣмъ научно обоснованную; но остановимся на объясненіи мысли Тэна о вліяніи на структуру Наполеона корсиканской почвы и революціи. Онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о томъ, что соотчичи Наполеона въ Корсикѣ не были подъ сглаживающимъ вліяніемъ трехъ вѣковъ судовъ и полиціи. Въ самомъ дѣлѣ, тамошняя дикая жизнь требовала болѣе сильныхъ натуръ. Но и это объясненіе можетъ быть допущено съ немалыми оговорками. Другое дѣло роль Революціи въ судьбѣ Наполеона. Падали общественные устои, сходили быстро со сцены общественные классы, руководящія лица. Рухнула лѣстница обычнаго возвышенія: отсюда больше шансовъ для успѣха людямъ способнымъ и энергичнымъ. Только благодаря этимъ условіямъ, Наполеонъ могъ стать въ 30 лѣтъ первымъ человѣкомъ въ государствѣ, а расшатанность стараго порядка въ Европѣ дала ему возможность занять первое мѣсто и внѣ Франціи. Не забудемъ, однако, что та же эпоха выдвинула много способныхъ и энергичныхъ людей, которые, хотя и заслонены были фигурой Наполеона, но лично содѣйствовали и его успѣху и его дѣлу. Но это еще не все. Событія шли съ головокружительной быстротой. Въ пять лѣтъ юной жизни Наполеона ему пришлось слышать и видѣть столько событій, участвовать въ столькихъ изъ нихъ, начиная съ борьбы на Корсикѣ и кончая перипетіями политической жизни въ Парижѣ и провинціи, и поэтому столько передумать и перечувствовать за эти пять лѣтъ, какъ другому при обычномъ теченіи жизни не довелось бы пережить и въ десятки лѣтъ. Не удивительно, что человѣкъ, богато одаренный отъ природы, не сильно подвергшійся нивеллирующему вліянію старой жизни и школы, развился сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ это могло бы быть въ другое время, и что онъ выросъ до такихъ размѣровъ, до какихъ не достигали въ другое время. Въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ тезисъ Тэна о значеніи взбудораженной бурями Революціи почвы Франціи и Европы въ судьбѣ Наполеона.

II.

Въ прошлой лекціи я старался сосредоточить ваше вниманіе на характерѣ Наполеона, на выдающихся чертахъ этого колоссальнаго человѣка, имѣвшаго такое громадное вліяніе на судьбы

Франціи и Европы. Теперь я буду говорить о роли его въ исторіи Франціи и вліяніи его на судьбы Европы.

Подходя къ этому вопросу, Тэнъ заявляетъ: каковъ архитекторъ, таково и зданіе, говоря этимъ, что въ дѣлѣ Наполеона, какъ въ общемъ планѣ, такъ и въ частностяхъ, цѣликомъ отразилась его личность, его характеръ.

Чтобы уяснить себѣ дѣятельность Наполеона, мы должны прежде всего отрѣшиться отъ мысли, что личность составляетъ все въ исторіи. Вопросъ этотъ различно трактуется историками. Одни думаютъ, что такъ называемые великіе люди руководятъ историческимъ процессомъ и что отъ нихъ, слѣдовательно, зависитъ судьба народовъ и то или иное направленіе прогресса. Другіе думаютъ, напротивъ, что великіе люди безсильны дать ходу событій то или иное направленіе, и сами они всецѣло подчиняются тому направленію жизни, которое опредѣлилось не по ихъ волѣ и не по ихъ мысли. Намъ кажется, что склоняясь ко второму взгляду, слѣдуетъ принимать его съ слѣдующей оговоркой. Бываютъ въ исторіи такіе поворотные нункты, когда старые принципы, лежавшіе въ основѣ общественнаго развитія, отживаютъ свое время, строй, ими опредѣлявшійся, начинаетъ разваливаться, но еще не потерялъ совершенно своей жизнеспособности. А между тѣмъ новые принципы еще не взяли рѣшительнаго перевѣса, а потому и новый строй общественной жизни не можетъ осуществиться. Тогда наступаетъ моментъ равновѣсія противоположныхъ общественныхъ тенденцій, равновѣсія, конечно, неустойчиваго. Всякая сила, приложенная къ той или иной сторонѣ, можетъ оказать вліяніе. Въ такую то пору значеніе личности богато одаренной можетъ оказаться весьма важнымъ. Ставъ на сторону зарождающагося порядка, она ускоряетъ это торжество и оказываетъ вліяніе на его организацію; напротивъ, явившись сторонникомъ отживающаго строя, великій человѣкъ какъ бы вдыхаетъ въ него новую жизнь; но это только иллюзія. На самомъ дѣлѣ только задерживается побѣда новаго строя, процессъ разложенія стараго становится болѣе злокачественнымъ, данное общество можетъ оказаться въ эту минуту очень слабымъ и стать добычей болѣе сильнаго сосѣда. Послѣднее, т. е. болѣе затяжной процессъ нарожденія новаго строя и болѣе злокачественное разложеніе стараго, можетъ произойти и отъ отсутствія въ поворотное время крупной личности.

Вспомнимъ Петра Великаго и Карла Великаго, какъ сторон-

никовъ движенія впередъ, и Карла V или Филиппа II Испанскаго, какъ борцовъ за устарѣвшія идеи, и высказанная мысль получитъ иллюстрацію. Можно указать еще на положеніе Польши въ XVII и XVIII вѣкахъ и на положеніе Турціи въ нашемъ вѣкѣ. Останавливаться далѣе на этомъ вопросѣ значило бы уклониться далеко отъ нашей задачи. Къ тому же для меня важно только обратить ваше вниманіе на то, что въ силу указанной точки зрѣнія a priori нельзя допустить, чтобы организація Франціи въ началѣ XIX вѣка была цѣликомъ результатомъ личныхъ свойствъ Наполеона и его воззрѣній. Настоящей бесѣдой я постараюсь выяснить какъ положеніе его среди боровшихся въ то время общественныхъ стремленій, такъ и историческое значеніе его дѣятельности.

Вспомнимъ настроеніе общества 1799 г. Въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1789 года, оно пережило очень много и во многомъ разочаровалось. Исчезли радужныя надежды, возбужденныя провозглашеніемъ правъ человѣка и гражданина въ 1789 году, минулъ энтузіазмъ жирондистовъ съ его надеждами на осуществленіе буржуазной республики. Сошла со сцены страшная энергія террористовъ 93 года, свирѣпое увлеченіе которыхъ идеей охлократіи разбилось о невозможность организовать ее. Идеалы умѣренныхъ монархистовъ, умѣренныхъ республиканцевъ, охлократовъ,—всѣ потерпѣли крушеніе одни за другими, всѣ одинъ за другимъ растеряли своихъ сторонниковъ. Въ исторіи мы не найдемъ другого такого періода, гдѣ за 10 лѣтъ народъ пережилъ бы столько бурныхъ перемѣнъ, столько крушеній и разочарованій. Тѣмъ сильнѣе была апатія, охватившая общество къ концу этого времени. Только личный интересъ остается у политическихъ дѣятелей; желаніе пріобрѣсти положеніе, сохранить и упрочить его управляетъ жалкими людьми, стоявшими во главѣ общества во времена Директоріи.

Рядомъ съ крайней апатіей общества мы видимъ другое явленіе,—отсутствіе государства въ общественной жизни. До революціи государство вмѣшивалось во всѣ ея проявленія; мельчайшія дѣла провинціи требовали санкціи центральнаго правительства. Во время учредительнаго собранія рушилась старая государственная машина; но на ея мѣсто не было поставлено новаго правительства, которое обладало бы властью. Созданная на бумагѣ организація была безсильна дѣйствовать, и разлетѣлась въ дребезги при первомъ поворотѣ махового колеса. Далѣе, во время террора,

вмѣстѣ съ усиливавшеюся борьбою партій, все болѣе усилилась анархія. Законъ и центральное правительство внѣ военной сферы стали почти фикціей. Паденіе террористовъ не сопровождалось водвореніемъ порядка, а только паденіемъ энергіи. Твердаго и сильнаго правительства не было, и все государство было въ хаотическомъ состояніи. На западѣ 40 тысячъ вооруженныхъ людей отстаивали старый порядокъ. На югѣ разбойничество достигло давно невиданныхъ размѣровъ. Представители многочисленныхъ партій боролись между собою часто съ оружіемъ въ рукахъ и были одинаково враждебны закону и порядку. Не стало ни путей сообщенія, ни безопасности. Директорія славилась только распущенностью и хищеніями. Таково было положеніе Франціи 19 брюмера, когда Наполеонъ сдѣлался консуломъ.

Рѣдкій государственный переворотъ сопровождался такимъ единодушнымъ одобреніемъ, какъ переворотъ 19 брюмера. Какъ генералы итальянской арміи послѣ перваго пріема у главнокомандующаго сказали: „у насъ есть начальникъ“, такъ сказала теперь вся Франція: „У насъ есть, наконецъ, правительство“; четыре года колоссальной работы употребило это правительство на переработку устоевъ общественной жизни Франціи, и зданіе, построенное этими работниками съ Наполеономъ во главѣ, существуетъ въ главныхъ чертахъ и до сего дня.

Созданное Учредительнымъ Собраніемъ дѣленіе на департаменты было сохранено; но ихъ управленіе вмѣсто почти независимыхъ отъ центральной власти выборныхъ совѣтовъ, было поручено префектамъ, которые назначались консуломъ и зависѣли вполнѣ отъ министровъ, имъ же назначаемыхъ. Выборные совѣты остались при префектахъ только номинально, въ видѣ совѣщательныхъ учрежденій, и нисколько не ограничивали ихъ власти. Результаты твердой власти не замедлили сказаться. Въ 99 году въ Парижѣ нельзя было выйти на улицу послѣ 9-ти часовъ вечера, не рискуя быть ограбленнымъ; черезъ два года разбои исчезаютъ по всей Франціи, пути сообщенія, почта, словомъ весь государственный механизмъ, расшатанный революціей, возстановляется.

Кромѣ устройства административнаго, колоссальная работа была совершена въ сферѣ гражданскаго, уголовнаго и торговаго законодательствъ и въ судебной организаціи. Въ ежедневныхъ совѣтахъ, затягивавшихся иногда до пяти часовъ утра, обсуждаемы были проэкты новаго законодательства Франціи. Четыре года работалъ въ этихъ совѣтахъ Наполеонъ, собирая вокругъ себя та-

лантливыхъ людей безъ различія партій, къ которымъ они прежде принадлежали, монархистовъ и республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ. Онъ умѣлъ относиться къ людямъ безпристрастно и вѣрно опредѣлялъ ихъ достоинства. Порталисъ, Камбасересъ, Тронше, старый роялистъ, и другіе создаютъ подъ его руководствомъ кодексъ, дѣйствующій и сейчасъ, и долгое время послѣ того бывшій образцовымъ; создаютъ систему судебныхъ учрежденій, существующую и по сіе время почти безъ измѣненій.

Была ли, однако, эта новая административная Франція чѣмъ то совершенно новымъ по основному своему принципу? Нѣтъ. Если мы сравнимъ администрацію Бурбоновъ съ администраціей Наполеона, мы найдемъ въ нихъ одну и ту же существенную черту—централизацію. Эта черта не недавняя во французской исторіи,—она существовала еще до Людовика XIV, который далъ ей торжество во всей Франціи. Почти наканунѣ Революціи можно замѣтить слабыя попытки уменьшить централизацію; на практикѣ, какъ равно и въ публицистикѣ, проявляются слабые проблески сознанія вреда ея. Затѣмъ во время самой Революціи, во время жирондистовъ, мы видимъ слѣды этого политическаго теченія; но затѣмъ въ періодъ господства Комитета Спасенія эти слѣды изчезаютъ совершенно. Необходимость борьбы съ европейской коаліціей требовала централизаціи, а побѣда въ этой борьбѣ подняла ея престижъ и стала ея оправданіемъ. Наполеонъ, слѣдовательно, нашелъ принципъ централизаціи готовымъ въ политическихъ традиціяхъ Франціи, а ту форму, которую онъ придалъ новой администраціи, онъ нашелъ въ работахъ Учредительнаго Собранія. Можно сказать, что новая административная машина, по своему однообразію, правильности и соблюденію принципа равенства всѣхъ передъ закономъ вполнѣ соотвѣтствовала требованіямъ принциповъ Революціи, а по своему принципу она явилась дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ старой королевской машины. Если она соотвѣтствовала характеру Наполеона, то отсюда не слѣдуетъ, что она явилась результатомъ этого характера. Если бы она не отвѣчала традиціямъ и идеямъ націи, она не просуществовала бы такъ долго послѣ своего творца.

Разсматривая его законодательную работу, мы видимъ прежде всего по его сотрудникамъ, что онъ не порываетъ связей съ традиціями стараго порядка. Тронше, главный его сотрудникъ, и другіе были видными юристами стараго времени; но не въ этомъ только дѣло. Мы знаемъ, что старые ордонансы королей, а затѣмъ

сборники обычнаго права дореволюціонной Франціи, послужили матерьялами для законодательства Наполеона. То, что въ этомъ старомъ законодательствѣ не сотвѣтствовало идеѣ равенства всѣхъ передъ закономъ, было устранено, то, что противорѣчило идеямъ справедливости и гуманности, выработаннымъ умственнымъ движеніемъ XVIII вѣка, было удалено; напротивъ, многое, что было годно, то было оставлено. Мало этого, созданы новые законы, соотвѣтствующіе требованіямъ новаго времени и всѣ они вмѣстѣ обработаны на основаніи одной мысли, имъ дано такъ сказать теоретическое объединеніе. Такимъ образомъ, кодексъ Наполеона своими корнями находится въ старой Франціи, а своимъ стволомъ и вѣтвями связываетъ ее съ Франціей новой. Въ этомъ его сила. Оно и понятно. Сила закона заключается не столько въ его философскомъ совершествѣ, сколько въ его соотвѣтствіи умственному уровню общества, его правовымъ понятіямъ, привычкамъ и чувствамъ. Отнимите отъ него эти качества и онъ останется мертвой буквой. Итакъ, и въ своей законодательной работѣ Наполеонъ былъ творцомъ, талантливо обрабатывавшимъ то, что было нажито французами, ясно сознающимъ то, что многіе лишь чувствовали. Такова вѣдь именно и есть обыкновенно роль великихъ людей.

Переходимъ къ политической организаціи Франціи. Объ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе, чѣмъ о гражданскомъ законодательствѣ можно сказать, что политическая организація, данная Франціи въ 1799 году, вполнѣ соотвѣтствовала властолюбію Наполеона. Созданныя конституціонныя учрежденія обезпечивали диктатуру. Образованныя тогда Сенатъ, Трибунатъ и Законодательный Корпусъ долженствовали изображать такія учрежденія, которыя представляли собою націю и ограничивали исполнительную власть въ законодательной и финансовой сферахъ. Но на самомъ дѣлѣ, они ни по составу, ни по способу рѣшенія дѣлъ не могли быть самостоятельны, а были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ перваго консула. Назначеніе членовъ Трибуната и Законодательнаго Корпуса дѣлалось Сенатомъ по списку нотаблей, а назначеніе сенаторовъ дѣлалось Сенатомъ самимъ; но изъ числа кандидатовъ,—трехъ на каждую вакансію,—представляемыхъ первымъ консуломъ, Трибунатомъ и затѣмъ Законодательнымъ Корпусомъ, по одному. Затѣмъ, вслѣдствіе измѣненія конституціи въ X году (1801) всѣ три кандидата предлагались первымъ консуломъ. Такимъ образомъ Сенатъ косвенно пополнялся первымъ консуломъ, а такъ какъ въ первый разъ сенаторы назначены были имъ черезъ посредство коммиссіи

состоявшей изъ его приверженцевъ, то въ сущности Сенатъ былъ послушнымъ орудіемъ Наполеона. Законы и смѣты доходовъ и расходовъ представлялись Государственнымъ Совѣтомъ, обсуждались въ Трибунатѣ, послѣ чего три члена Государственнаго Совѣта и три члена Трибуната обсуждали законопроэктъ предъ Законодательнымъ Корпусомъ; послѣдній вотировалъ его безъ обсужденія. Потомъ въ XII году съ уничтоженіемъ Трибуната, исчезла и тѣнь критики законопроэктовъ правительства. Вся законодательная власть, слѣдовательно, наравнѣ съ административной была въ его рукахъ. Это была диктатура! Въ рукахъ Наполеона была администрація, финансы, войско, и законодательная власть. Можно утверждать, что его абсолютизмъ былъ болѣе глубокимъ и всепроникающимъ, чѣмъ абсолютизмъ Людовика XIV. Чѣмъ объясняется подчиненіе Франціи такой власти, подчиненіе тѣмъ болѣе удивительное на первый взглядъ, что оно послѣдовало послѣ Революціи?

Во-первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что революція 1789 г. въ гораздо большей степени преслѣдовала интересы гражданскаго равенства и освобожденіе отъ феодальныхъ путъ, чѣмъ интересы политической свободы; слѣдуетъ принять во вниманіе далѣе, что практика революціонныхъ правительствъ была сплошнымъ попираніемъ принциповъ свободы, что сама идея законности померкла сначала среди возстаній, якобы суверенаго народа, а потомъ среди государственныхъ переворотовъ, чинимыхъ съ помощью войска. Прибавимъ къ этому общественную апатію, какъ слѣдствіе разочарованій, и мы поймемъ, почему общество не только подчинилось консульской диктатурѣ, но даже привѣтствовало ее и приняло конституцію VIII года 3.001,087 голосами противъ 1,562 голосовъ, высказавшихся противъ. Надо думать, что при данномъ положеніи политическихъ отношеній, французское общество не имѣло другого выхода, кромѣ диктатуры. Въ своей книгѣ „Новый порядокъ“ Тэнъ приводитъ въ пользу этой мысли убѣдительные доводы. Онъ указываетъ на то, что революціонныя партіи радикальнаго пошиба пользовались въ это время всеобщей антипатіей, которая была очень на руку реставраціоннымъ тенденціямъ ортодоксальныхъ католиковъ и монархистовъ. Вандея стояла подъ ружьемъ со своими 40,000 человѣкъ сторонниковъ короля и папы; на верхней Гароннѣ тоже господствовало монархическое возстаніе. На Ронѣ, отъ Марсели до Ліона, по обоимъ берегамъ оно дѣйствовало въ видѣ разбойничьихъ шаекъ съ политической окрас-

кой. Въ тридцати другихъ католическихъ департаментахъ была скрытая Вандея. „Въ этомъ состояніи ожесточенія, говоритъ Тэнъ, если бы произошли свободные выборы, то очень вѣроятно, что половина Франціи вотировала бы за людей стараго порядка, за католиковъ, роялистовъ или по меньшей мѣрѣ за монархистовъ настроенія 1790 года. Представьте себѣ, напротивъ, этихъ избранниковъ въ той же самой залѣ въ числѣ почти равномъ, избранниковъ другой партіи, ея нотаблей, которыхъ она только и могла избрать; я хочу сказать людей, пережившихъ предыдущія собранія, по всей вѣроятности, конституціоналистовъ IV и V годовъ, членовъ Конвента изъ „Долины“, фельяновъ 1792 года, начиная съ Лафайета и кончая Дону, Тибодо, Грегуаромъ, между ними жирондистовъ и нѣсколько монтаньяровъ, между прочимъ Барера; всѣ они столь же заражены теоріями, какъ ихъ противники традиціями. Кто знаетъ обѣ эти группы, тотъ видитъ, что вотъ передъ нимъ стоятъ двѣ враждебныхъ догмы, двѣ системы мнѣній и страстей непримиримыхъ, два противоположныхъ способа пониманія идеи верховности, права, общества, государства, собственности, религіи, церкви, Стараго Порядка и Революціи, настоящаго и прошедшаго: это гражданская война, перенесенная изъ націи въ парламентъ. Конечно, правая захочетъ, чтобы первый консулъ былъ Монкомъ, а это его поведетъ къ тому, что онъ станетъ Кромвелемъ, такъ какъ вся его власть зависитъ отъ его вліянія на армію, которая тогда была верховной властью. Но въ этотъ моментъ армія еще республиканская, если не по сердцу, то по понятіямъ (de cervelles) преисполнена якобинскихъ предразсудковъ, привязана къ революціоннымъ интересамъ, а вслѣдствіе этого сильно враждебна аристократамъ, королю и священникамъ. При первомъ намекѣ на монархическую и католическую реставрацію, она потребуетъ отъ него новаго 18 фрюктидора; если нѣтъ, то другой какой-нибудь якобинскій генералъ: Журданъ, Бернадоттъ или Ожеро, произведетъ таковой безъ него и противъ него, и такимъ образомъ дѣла вошли бы снова въ ту колею, изъ которой всѣ хотѣли выйти, въ заколдованный кругъ революцій и государственныхъ переворотовъ“ [1]).

Въ этомъ кругу и государство, и сама нація могли потерять свое самостоятельное существованіе. Такимъ образомъ, въ данный моментъ необходимость диктатуры была въ положеніи вещей и за

---

[1]) Taine. Regime Moderne, p. p. 135 и 136.

нее стояли всѣ тѣ, которымъ дороги были соціальныя пріобрѣтенія, сдѣланныя, благодаря Революціи, всѣ тѣ, которые избавились отъ гнета феодальныхъ привилегій и стали собственниками на счетъ конфискованныхъ дворянскихъ и церковныхъ земель, да отчасти и тѣ, которые надѣялись видѣть въ Наполеонѣ генерала Монка. Само собою разумѣется, что такое политическое положеніе было явленіемъ временнымъ. Когда порядокъ былъ возстановленъ и завоеванія Революціи упрочены, воскресла и потребность въ свободѣ, выразившаяся недовольствомъ и заговорами въ концѣ царствованія Наполеона и долгой борьбой послѣ него, увѣнчавшейся, наконецъ, успѣхомъ во время революціи 1830 года.

Оправдалъ ли Наполеонъ надежды, возлагавшіяся на него населеніемъ? Въ первое время—вполнѣ.

Вся нація вскорѣ увидѣла, что правительство перваго консула является гарантіей спокойствія въ странѣ и обезпечиваетъ гражданамъ пользованіе плодами своего труда. Пріобрѣтатели національныхъ имуществъ, представлявшихъ собою стоимость во много милліоновъ, увидѣли себя гарантированными отъ всякихъ посягательствъ, представители бывшихъ привилегированныхъ сословій почувствовали спокойствіе отъ преслѣдованій. Всѣ увидѣли твердую власть, направленную на охрану общихъ интересовъ. Особенно замѣтною была разумная и энергичная дѣятельность Наполеона въ области финансовъ. Хищенія, которыми ознаменовалось время Директоріи, сократились. Съ возвратомъ абсолютизма не возвратилась, однако, расточительность старой монархіи. По свойству своего характера человѣкъ строго экономный, Наполеонъ никогда не смотрѣлъ на государственную казну, какъ на свою собственность. Въ этомъ отношеніи его финансовое управленіе выгодно отличалось отъ распоряженія финансами страны послѣднихъ трехъ королей Франціи. Не буду говорить о всѣмъ извѣстной баснословной роскоши версальскаго двора при Людовикѣ XIV. Упомяну только о нѣкоторыхъ статьяхъ придворнаго бюджета, которыя показываютъ, какъ нелѣпо тратились государственныя деньги. Утренняя чашка кофе короля стоила въ годъ 2,000 ливровъ; каждый переѣздъ двора изъ Версали въ Фонтенбло обходился 2 милліона, бульонъ для двухлѣтней дочери короля стоилъ 5,121 ливръ въ годъ.

О такихъ тратахъ при Наполеонѣ и рѣчи быть не могло. При его дворѣ господствовалъ строгій контроль, и контролеромъ былъ онъ самъ: каждую недѣлю у него были доклады завѣдующихъ

частями придворнаго хозяйства о произведенныхъ расходахъ. Онъ провѣрялъ отчеты и открывалъ имъ дальнѣйшіе кредиты. Онъ строго слѣдилъ за цѣнами всѣхъ поставокъ; на раутахъ онъ иногда разспрашивалъ присутствующихъ, во что имъ обходится та или другая вещь, и не скрывалъ удовольствія, если узнавалъ, что ему она обходилась дешевле. Поѣздки въ Фонтенбло стоили теперь не 2 мил., а не болѣе 150,000 л. Liste civile Наполеона составлялъ 25 милл. франк.; изъ этой суммы, по словамъ Сегюра, онъ тратилъ не болѣе 13—14 милл.; остальное откладывалось. До чего онъ входилъ въ мелочи своего придворнаго бюджета, можетъ показать слѣдующій случай. „Однажды, когда я вошелъ въ его (Наполеона) кабинетъ, говоритъ Шапталь, онъ мнѣ съ радостію сообщилъ, что онъ выигралъ на своихъ расходахъ 35,000 фр. въ годъ. Я его спросилъ, на чемъ онъ сдѣлалъ эту экономію? Онъ мнѣ отвѣтилъ: на кофе. Выпивается ежедневно 155 чашекъ; каждая чашка мнѣ стоитъ 20 су, что составляло 56,575 фр. въ годъ. (Сахаръ стоилъ тогда 4 фр., а кофе 5 фр. фунтъ). Я отмѣнилъ выдачу кофе и въ возмѣщеніе назначилъ 7 фр. и 6 денье. Я заплачу 21,164 фр. и съэкономничаю 35,000 фр.“ [1]).

Съ такою же внимательностью относился онъ и къ смѣтамъ государственнымъ. Благодаря своей удивительной памяти цифръ, онъ отлично помнилъ статьи расхода, и всегда замѣчалъ разницу между статьями данной смѣты и прежнихъ, и допытывался о причинахъ. Малѣйшая непорядочность, или недобросовѣстность его глубоко возмущали и вызывали строгую кару. Можно было думать, судя по щедрости, съ которою Наполеонъ одарялъ своихъ приближенныхъ, что онъ легкомысленно раздавалъ казенныя деньги. Но это не такъ. Если онъ одаривалъ своихъ генераловъ, то онъ это дѣлалъ или на счетъ сбереженій бюджета своего двора, или же еще чаще на счетъ непріятеля. Если онъ затѣмъ любилъ видѣть, чтобы одаренныя имъ лица много тратили, то это происходило потому, что, по его мнѣнію, эти расходы на предметы роскоши и драгоцѣнности давали пищу промышленности и художникамъ [2]). Предразсудокъ довольно распространенный въ то время.

Въ виду приведенныхъ данныхъ можно сказать, что если Франція, жаждая порядка, отступилась отъ принциповъ полити-

---

[1]) Chaptal. Mes souvenirs, p. 335. Показаніе Сегюра приведено у Levy: Napoleon Intime, p. 649.

[2]) Chaptal, ibid., p. 338.

ческой свободы, которые, впрочемъ, не выходили еще изъ области теорій,—то во внутренней политикѣ Наполеона она нашла то, чего искала; порядокъ былъ упроченъ, а государственная машина стала окупать затраты, которыя на нее дѣлались. Если время этихъ затратъ стало со временемъ очень тяжелымъ, то это, главнымъ образомъ, благодаря внѣшней политикѣ Наполеона.

Внѣшняя политика Наполеона представляетъ странное сочетаніе преслѣдованія практическихъ интересовъ Франціи съ его собственными, часто фантастическими планами. Эти послѣдніе, по мѣрѣ слѣдованія его по пути успѣховъ, занимаютъ все болѣе и болѣе мѣста въ его воображеніи. Его политикой часто, казалось, руководили воспоминанія о завоеваніяхъ Александра Македонскаго или объ имперіи Карла Великаго, но для яснаго пониманія связи между этими фантазіями и стремленіями французскаго общества, припомнимъ тенденціи французской политики во время Революціи.

Въ началѣ ея Пруссія, Австрія и Сардинія смотрѣли на французскія дѣла, какъ на благопріятный предлогъ для территоріальныхъ захватовъ, подъ видомъ возстановленія монархическаго принципа. По договору 92 г. Пруссія и Австрія вступили въ союзъ для крестоваго похода на Францію. Вознагражденіе было обусловлено: первая получала Бельгію, уступая второй Баварію и часть Пфальца.

Эти вожделѣнія не удались. Походъ 1792 г. окончился полной неудачой; началось обратное движеніе, распространеніе Французской республики за ея предѣлы при старой монархіи. Оно прикрывалось съ своей стороны идеей пропаганды правъ человѣка и гражданина и связанной съ ними эмансипаціей народовъ. На практикѣ, однако, мирные трактаты оканчивались либо присоединеніемъ территорій, либо образованіемъ Лигурійской, Цизальпинской и другихъ республикъ на отнятой у противниковъ территоріи, республикъ, служившихъ политически продолженіемъ Франціи и усиливавшихъ ея вліяніе. И въ томъ и другомъ движеніи подъ знаменемъ монархическихъ и республиканскихъ тенденцій скрывалось желаніе территоріальнаго распространенія и усиленія на счетъ сосѣдей.

Съ другой стороны, борьба Англіи противъ Франціи во время революціи имѣетъ своимъ основаніемъ отношенія, вытекшія изъ Семилѣтней войны. Англія нанесла ударъ французскому колоніальному могуществу какъ въ Азіи, такъ и въ Америкѣ и стано-

вится тамъ на ея мѣсто. Франція не могла съ этимъ помириться и пользуется случаемъ возстанія Сѣверо-Американскихъ колоній, чтобы ослабить усиливающееся морское могущество Англіи.

Обладаніе портами Бельгіи издавна, еще министрами Елизаветы, разсматривалось въ Англіи, какъ грозная опасность для послѣдней. Поэтому политика Англіи, скорѣе благопріятная Франціи въ началѣ Революціи, поскольку послѣдняя, какъ предполагалось, должна ослабить ее, быстро перемѣняетъ фронтъ, какъ только первые удары юной республики поражаютъ коалицію Пруссіи и Австріи и завершаются вторженіемъ французскихъ войскъ въ Бельгію. Тутъ начинается борьба, которая напоминаетъ ту, которая происходила при Людовикѣ XIV и которая является продолженіемъ той, которую видѣла вторая половина XVIII вѣка. Отсюда же вытекаетъ и борьба Англіи съ Франціей при Наполеонѣ и его континентальная система, какъ орудіе противъ промышленной и торговой силы Англіи.

Такимъ образомъ, борьба Наполеона съ европейскими континентальными государствами и его непримиримая вражда къ Англіи находятся въ тѣсной связи съ политическими традиціями французскаго общества, существовавшими до Революціи. При этомъ, однако, мы должны отмѣтить, что у Наполеона была и личная ненависть къ англичанамъ, бывшая результатомъ его столкновенія съ ними или вѣрнѣе съ ихъ сторонниками на Корсикѣ въ самомъ началѣ его каррьеры. Эта антипатія переплелась съ традиціоннымъ экономическимъ и политическимъ антагонизмомъ Франціи съ Англіей.

Главною цѣлью континентальной системы, если не сказать главнымъ объектомъ внѣшней политики Наполеона, было уничтоженіе морского и торговаго могущества Англіи и, между прочимъ, нанесеніе ей рѣшительнаго удара тамъ, гдѣ она нанесла его Франціи, т. е. въ Индостанѣ. Это стремленіе красной нитью проходитъ черезъ всю внѣшнюю политику Наполеона и во многомъ разъясняетъ ея отдѣльные эпизоды.

Еще во время итальянскаго похода, добравшись до Адріатики, онъ посылаетъ корабль для занятія Корфу и пишетъ Директоріи о необходимости завладѣть Мальтой и Сициліей для вытѣсненія англичанъ изъ Средиземнаго моря. Экспедиція въ Египетъ является первымъ шагомъ въ грандіозномъ и фантастическомъ планѣ похода въ Индію.

Будучи консуломъ, онъ приготовляетъ къ осуществленію

смѣлый планъ высадки въ Англію, чтобы напасть на нее дома и тамъ нанести ей смертельную рану. Этотъ планъ разрушился. Наполеонъ одновременно получилъ извѣстія объ отступленіи эскадръ Вильнева изъ Ферроля, по направленію къ Кадиксу, и о томъ, что Австрія приступила къ коалиціи. Пришлось, вмѣсто Англіи, принять, какъ театръ дѣйствій, Германію и Австрію.

Результатъ коалиціи разрушилъ надежды противниковъ Наполеона. На поляхъ Аустерлица, Іены и Фридланда надолго была отнята у европейскихъ государствъ надежда на возможность борьбы съ Наполеономъ. Еще болѣе неожиданный поворотъ въ политикѣ вызвалъ Тильзитскій союзъ. Союзъ этотъ былъ результатомъ стараній Наполеона. Какая цѣль руководила имъ въ стараніяхъ привлечь императора Александра къ союзу съ Франціей?

Вернемся назадъ. Всѣ его попытки поразить Англію были до сихъ поръ неудачны. Египетскій походъ, на который онъ смотрѣлъ, какъ на средство утвердиться на Средиземномъ морѣ и какъ на первый этапъ по дорогѣ въ Индію, не удался; высадка въ Англію не состоялась. Главная сила Англіи, основаніе ея мірового господства, состояла въ ея флотѣ. Ослабленіе ея торговаго флота отозвалось бы и на военномъ.

Сила англійскихъ финансовъ, главнымъ образомъ, зависѣла отъ развитія англійской торговли и промышленности. Такимъ образомъ все, что прекращало или сокращало англійскую торговлю, равнялось пораженію Англіи. Единственною изъ континентальныхъ державъ, хотя и потерпѣвшею пораженіе, но сохранившею свою силу и оставшеюся на ногахъ, была Россія. Она же представляла собою огромный рынокъ для продуктовъ англійской промышленности.

Втянуть ее въ сферу французскихъ интересовъ значило обезпечить удовлетвореніе послѣднихъ и нанести еще одинъ сильный ударъ Англіи. И вотъ однимъ изъ условій договора съ Россіей было присоединеніе ея къ знаменитой континентальной системѣ, закрывавшей порты Европы для англійскихъ кораблей. Англія отвѣтила на это блокадой всѣхъ береговъ, но убытки англійской промышленности были все таки значительны, хотя и не въ такой степени, какъ надѣялся Наполеонъ, не слишкомъ свѣдущій въ вопросахъ политической экономіи.

Безъ предметовъ англійской торговли обойтись нельзя было. Поэтому, вмѣсто торговли явной, началась тайная англійскими товарами и приняла огромные размѣры; контрабанда стала почти

вездѣ патріотическимъ дѣломъ, на которое мѣстныя власти смотрѣли крайне снисходительно.

Невозможность полнаго проведенія плана императора даже въ самой Франціи доказывали многочисленныя разрѣшенія (licences), дававшіяся Наполеономъ въ частныхъ случаяхъ на ввозъ тѣхъ или другихъ товаровъ изъ Англіи. Что же касается сношеній Англіи съ ея колоніями или же странами внѣ европейскими, а также съ тѣми изъ европейскихъ, которыя, какъ Турція или Испанія, не принадлежали къ континентальной системѣ, то, конечно, при сласлабости французскаго флота, Наполеонъ не могъ имъ помѣшать.

Если континентальная система и подрывала благосостояніе Англіи, если она и не была въ той же степени выгодна для промышленности Франціи, которая получила для своихъ произведеній новые рынки, закрытые для англійскихъ товаровъ, то для всей Европы, въ особенности для Россіи, она была весьма убыточна. Поднятіе цѣнъ на англійскія произведенія, доходившія только въ небольшомъ количествѣ контрабаднымъ путемъ, а также и вообще на всѣ заграничные предметы, лишенные вслѣдствіе блокады дешевой морской перевозки и доставляемые гужемъ, было очень чувствительно для всѣхъ потребителей. Наоборотъ, закрытіе моря для продуктовъ земледѣлія, по существу своему невыносящихъ расхода на гужевую перевозку, наносило огромный убытокъ землевладѣльцамъ, лишая ихъ рынка. Такое земледѣльческое государство, какъ Россія, не могло не чувствовать особенно сильно этого ущерба.

Но Наполеонъ понималъ важность участія Россіи въ континентальной системѣ и всѣми силами старался удержать ее въ этомъ союзѣ. Когда одна таможенная война оказалась не въ силахъ сломить Англію, онъ возвращается снова къ своей мечтѣ о походѣ въ Индію съ цѣлью напасть на Англію въ источникѣ ея богатства; эта мечта, захватывавшая собою планы раздѣла Турціи, покоренія передней Азіи и Ирана, была грандіозна до фантастичности; но, можетъ быть, и не совсѣмъ неосуществима.

Чтобы побудить Россію и Австрію принять участіе въ этомъ грандіозномъ предпріятіи и продолжать выносить тягость континентальной системы, онъ не скупился на важныя уступки. Онъ предлагалъ раздѣлъ Европейской Турціи: Балканскій полуостровъ дѣлился между Франціей и Россіей, а, можетъ быть, и Австріей, и Россія должна была получить давно желанныя мѣста: Дунайскія княжества, восточную часть полуострова и Константинополь; за

симъ Наполеонъ предоставлялъ ей расшириться въ Финляндіи на счетъ Швеціи.

Императоръ Александръ не безъ увлеченія относился къ этому плану. Казалось, что при такихъ условіяхъ союзъ между Франціей и Россіей пріобрѣталъ солидныя основанія; но при самомъ заключеніи Тильзитскаго міра въ отношеніяхъ между союзниками появилась черная точка, сначала едва замѣтная, но тѣмъ не менѣе опасная. Это было образованіе изъ части прусскихъ владѣній герцогства Варшавскаго, находившагося въ личной уніи съ Саксонскимъ королевствомъ,

Образованіе этого герцогства возбудило надежды поляковъ на востановленіе Польши и вызвало тревогу среди русскихъ политическихъ дѣятелей; они тоже увидѣли въ этомъ возникновеніе польскаго вопроса. Это пятно на политическомъ горизонтѣ грозило разростись и довести союзныя державы до разрыва, въ особенности, когда выгоды, ожидавшіяся отъ Тильзитскаго трактата, становились все болѣе проблематичными и отдаленными, а потери отъ континентальной системы дѣлались все болѣе значительными и ощутительными. Нужны были большія и очевидныя выгоды, чтобы удержать Россію въ союзѣ. Нужно было торопиться съ исполненіемъ начертанныхъ плановъ. Посланы были военныя экспедиціи для изслѣдованія путей черезъ Малую Азію и Персію. На Іоническихъ островахъ и Адріатическомъ побережьи сдѣланы большія приготовленія [1]); но этимъ планамъ не суждено было осуществиться. Наполеона отвекли отъ нихъ испанскія дѣла.

Упорство, съ какимъ онъ проводилъ континентальную систему въ Испаніи, хотя жалкое состояніе ея торговли не оправдывало этой настойчивости, вмѣшательство въ ея политическую жизнь и возведеніе на ея престолъ Іосифа Банапарта—все это вызвало взрывъ народнаго негодованія и протестъ національной гордости. Началась народная война, покончить съ которой такъ и не удалось Наполеону.

При такихъ условіяхъ планы на востокѣ приходилось отложить до болѣе благопріятнаго времени, а между тѣмъ Россія все настойчивѣе добивалась болѣе опредѣленной постановки восточнаго вопроса и видимо нетерпѣливо относилась къ тягостямъ союза, не дававшаго ближайшихъ выгодъ. Необходимо было удержать ее въ союзѣ и закрѣпить послѣдній новымъ свиданіемъ, тѣмъ бо-

---

[1]) Vandal Napoleon et Alexandre I-er, t. I. chap. VIII et X.

лѣе, что было несомнѣнно, что Австрія вооружается и готовится къ нападенію на Францію, желая воспользоваться затрудненіями Наполеона въ Испаніи.

Таковы были причины, побудившія Наполеона добиться свиданія въ Эрфуртѣ. Это свиданіе было блистательно. Наполеонъ употребилъ весь свой геній, чтобы очаровать союзника и удивить Европу блескомъ своего величія. Три вопроса были предметомъ переговоровъ между Наполеономъ и Александромъ I: турецкій, австрійскій и англійскій. Первый изъ нихъ обсуждался не въ широкомъ объемѣ, какъ это было послѣ Тильзитскаго міра; Наполеонъ понималъ невозможность осуществленія раздѣла при наличныхъ условіяхъ. Александръ I и его министръ Румянцевъ находили, что, можетъ быть, лучше ограничиться требованіемъ уступки сейчасъ Молдавіи и Валахіи, чѣмъ ангажировать будущее договоромъ о будущемъ раздѣлѣ. Наполеонъ уступилъ въ этомъ вопросѣ, предоставивъ Россіи расширить свои границы до Дуная.

Какъ въ планахъ о раздѣлѣ Турціи, такъ и въ этомъ согласіи Наполеона на отчужденіе значительной части территоріи Турціи, мы видимъ серьезное уклоненіе отъ стародавнихъ традицій французской политики по отношенію къ послѣдней. Франція всегда, еще съ XVI столѣтія, являлась неизмѣнной союзницей Турціи, и не разъ русская политика на Балканскомъ полуостровѣ сталкивалась съ враждебною себѣ политикою Франціи, поддерживавшей Турцію. Теперь Франція подъ руководствомъ Наполеона не только не поддерживаетъ Турцію, но даже сама проэктируетъ раздѣлъ ея.

Такой поворотъ не былъ плодомъ каприза Наполеона. Пока Франція господствовала на Средиземномъ морѣ, пока ея левантская торговля не имѣла соперниковъ, до тѣхъ поръ она была заинтересована въ сохраненіи status quo въ Турціи. Но со времени захвата Гибралтара и потомъ Мальты англичанами, съ того момента, какъ они получаютъ преобладаніе въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ, а ихъ флотъ становится сильнѣе французскаго, интересъ Франціи къ Турціи ослабѣваетъ и отношеніе къ ней должно было перемѣниться. Ея выгода даже являлась въ томъ, чтобы видвинуть противъ Англіи новаго противника, который ослабилъ бы ея преобладаніе. Наполеонъ понялъ это измѣнившееся положеніе вещей и жертвуетъ Турціей союзу съ Россіей.

Австрійскій вопросъ заключался въ томъ, какъ отнестись къ вооруженіямъ Австріи. Наполеону стало извѣстно о союзѣ Австріи

съ Англіей. Этотъ союзъ, въ виду испанскихъ замѣшательствъ, еще болѣе разстраивалъ планы Наполеона. Поэтому онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить императора Александра давленіемъ на Австрію удержать ее отъ всякихъ враждебныхъ поползновеній. Но Александръ съ крайнимъ упорствомъ отказывался отъ отъ всякаго вмѣшательства въ австрійскія дѣла; онъ увѣрялъ даже Наполеона, что свѣдѣнія, полученныя имъ, ложны, что вооруженія Австріи носятъ исключительно оборонительный характеръ, что, наконецъ, онъ не можетъ требовать отъ Австріи разоруженія, не нарушая ея верховнаго права распоряжаться у себя дома по своему усмотрѣнію. Наполеонъ приводилъ массу аргументовъ, чтобы доказать невыгоду войны Австріи съ Франціей для Россіи; ему отвѣчали, что войны никогда не будетъ, если не раздражать Австріи.

Эти дебаты, въ которыхъ онъ встрѣчался съ непоколебимымъ упорствомъ императора Александра I-го, упорствомъ, причины котораго онъ не понималъ, сильно его раздражали. Онъ старался сдержать себя; но разъ дѣло дошло до бурной сцены. Когда по обыкновенію они ходили, разговаривая, взадъ-впередъ по кабинету Наполеона, бесѣда приняла характеръ рѣзкаго спора. Наполеонъ вышелъ изъ себя, бросилъ шляпу на полъ и сталъ топтать ее ногами, Александръ I остановился, помолчалъ нѣсколько секундъ и сказалъ покойно, улыбаясь: „вы вспыльчивы, а я упрямъ; гнѣвомъ со мною ничего нельзя сдѣлать. Будемъ бесѣдовать, разсуждать, или же я ухожу“. И онъ направился къ двери. Наполеонъ вынужденъ былъ остановить его и возобновить разговоръ въ мирномъ, даже дружественномъ тонѣ, хотя съ такимъ же малымъ успѣхомъ.

Упорство союзника Наполеона имѣло тайныя пружины. Еще раньше пріѣзда Наполеона въ Эрфуртъ туда прибылъ Талейранъ. Онъ не только не содѣйствовалъ своему государю, но тайно дѣйствовалъ противъ него. Онъ велъ сношенія съ русскими государственными людьми и внушалъ имъ мысль о необходимости сопротивляться Наполеону, непомѣрное честолюбіе котораго опасно для свободы Европы и для самой Франціи. Онъ видѣлся и съ Александромъ I и въ бесѣдѣ съ нимъ поставилъ вопросъ такъ: „Государь! зачѣмъ вы пожаловали сюда? Вамъ суждено спасти Европу, и вы можете достигнуть этого, только сопротивляясь Наполеону. Французскій народъ цивилизованъ; его государь нѣтъ. Государь Россіи цивилизованъ, его народъ нѣтъ; русскому государю, значитъ, надо быть союзникомъ народа французскаго“.

Онъ самъ сообщалъ Меттерниху объ этой своей рѣчи къ Александру I. Далѣе онъ прямо и черезъ другихъ внушалъ Александру I, что всѣ усилія Наполеона разоружить Австрію есть результатъ его честолюбія; разъ онъ этого достигнетъ, онъ уничтожитъ единственный барьеръ, стоящій между нимъ и Россіей. Такимъ образомъ, въ умѣ императора Александра составилась идея, что Австрія вооружается со страху передъ Наполеономъ, что увѣренія послѣдняго относительно опасности предстоящей войны придуманы съ цѣлью добиться давленія на Австрію въ интересахъ ея разоруженія. Чѣмъ увѣреннѣе былъ онъ въ вѣрности этой мысли, тѣмъ упорнѣе онъ отказывался отъ совмѣстнаго дѣйствія на Австрію.

Наполеонъ вынужденъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что по отношенію къ Австріи Россія заключила съ нимъ оборонительный союзъ и что оба государя сдѣлаютъ представленія Австріи въ пользу мира. Такимъ образомъ, измѣна Талейрана была серьезной причиною нежеланія императора Александра произвести давленіе на Австрію, чтобы предотвратить войну. Талейранъ не остановился на этомъ. Онъ передалъ Меттерниху свой разговоръ съ Александромъ и увѣрилъ его, что въ случаѣ войны Франція не получитъ никакой поддержки отъ Россіи. Это было прямое поощреніе къ войнѣ. Чѣмъ можно объяснить подобную измѣну?

Личное раздраженіе могло играть здѣсь нѣкоторую роль: въ послѣднее время Наполеонъ пересталъ слѣдовать совѣтамъ Талейрана, и вліяніе его уменьшилось. Но гораздо сильнѣе здѣсь говорило, можетъ быть, тонкое чутье Талейрана, дававшее ему возможность раньше всѣхъ направлять свой корабль по вѣтру. Онъ подмѣчалъ раздраженіе, вызванное безостановочнымъ стремленіемъ Наполеона къ владычеству надъ Европой, почуявъ приближеніе реакціи и соединенной съ нею опасности и постарался отдѣлить свою судьбу отъ судьбы Наполеона. Не лишено вѣроятности и то соображеніе Вандаля, что, возбуждая сопротивленіе Наполеону, онъ надѣялся сдержать его честолюбіе и удержать его въ предѣлахъ предпріятій возможныхъ и разумныхъ.

Но вся политика Талейрана въ Эрфуртѣ была основана на совершенно ошибочномъ предположеніи, что съ Англіей можно войти въ соглашеніе, сохраняя силу Австріи; тогда какъ Англія, какъ показали событія, не согласна была ни на какія сдѣлки, пока у нея была какая либо точка опоры въ Европѣ. Императоръ Александръ уѣхалъ изъ Эрфурта, отказавшись отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Австріи.

Вопросъ англійскій заключался въ томъ, чтобы побудить Англію къ миру на условіи признанія совершившихся на континентѣ территоріальныхъ перемѣнъ. И въ этомъ вопросѣ не оказалось единодушія между союзниками. Хотя они и согласились адрессовать Англіи одновременно ноты одинаковаго содержанія; но характеръ нотъ оказался весьма различнымъ, и это различіе изобличало различіе во взглядахъ и въ настроеніи союзниковъ.

Несогласія между союзниками были извѣстны весьма немногимъ, близкимъ къ нимъ людямъ; всѣ тѣ, кто стоялъ дальше, видѣли, напротивъ, вполнѣ дружественныя отношенія двухъ императоровъ; они проводили все время вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ показывались въ публикѣ, вмѣстѣ катались, вмѣстѣ отправлялись на охоту, вмѣстѣ бывали въ театрѣ, словомъ, какъ будто старались показать публикѣ, какъ рады они быть въ обществѣ одинъ другого. Не было недостатка и въ эффектныхъ сценахъ. На одномъ изъ торжественныхъ представленій, которыя давала въ Эрфуртѣ доставленная нарочно сюда труппа „Французской Комедіи“ (Comedie Française) поставили „Эдипа“ Вольтера. Въ театрѣ присутствовали, кромѣ двухъ императоровъ, сидѣвшихъ рядомъ, короли Баварскій, Виртембергскій, Вестфальскій и Саксонскій.

Когда актеръ произнесъ этотъ стихъ: „L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux“, императоръ Александръ поднялся и съ живостью пожалъ руку Наполеону. Это движеніе, подсказанное удачною мыслью, подхваченное съ энтузіазмомъ присутствовавшею публикою и отмѣченное исторіей, казалось не простымъ заявленіемъ; въ немъ увидѣли освященіе соглашенія и торжественное возобновленіе союза.

Но не эти внѣшнія проявленія вліяли на взаимныя политическія отношенія, а именно тѣ никому почти невидимыя разногласія. И Наполеонъ, и Александръ уѣхали изъ Эрфурта съ чувствомъ неудовлетворенности, съ сознаніемъ, что узы теперь слабѣе, чѣмъ были послѣ Тильзита. Особенно это рѣзко чувствовалось, когда рѣчь шла о присутствіи французскихъ гарнизоновъ въ герц. Варшавскомъ. Эта черная точка на союзѣ успѣла уже вырости и стать порядочнымъ пятномъ, весьма замѣтнымъ на политическимъ горизонтѣ. Наполеонъ приписывалъ происшедшія перемѣны въ отношеніяхъ испанскимъ дѣламъ. Свою политику въ Испаніи онъ считалъ причиной возникшаго недовѣрія и даже громко высказывалъ между своими, что эта „испанская чертовщина“ ему дорого обходится. Но онъ былъ правъ только отчасти;

онъ не понималъ, что его господство начинаетъ тяготить Европу, и что противъ него начинаютъ подниматься весьма многочисленные общественные интересы. И дѣйствительно. Эрфуртское свиданіе было концомъ политическихъ успѣховъ Наполеона. Оно было зенитомъ, до котораго дошла его, а съ нимъ и французская гегемонія въ Европѣ. Съ этого момента начинается спускъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе быстрый.

Вскорѣ послѣ свиданія началась война съ Австріей по иниціативѣ послѣдней, возможность которой искренно или нѣтъ отрицали императоръ Александръ и Талейранъ. Согласно конвенціи приняла въ ней участіе и Россія, но дѣйствія ея въ Галиціи имѣли одну цѣль: избѣжать встрѣчи съ непріятелемъ. Иначе отнеслись къ требованію Наполеона поляки герцогства Варшавскаго. Они захватили Краковъ и часть Галиціи, радуясь возможности возвратить часть старыхъ польскихъ провинцій. Тутъ и русскія войска выказали энергію. Они поспѣшили вступить въ Краковъ вмѣстѣ съ поляками, и послѣ побѣды при Ваграмѣ Наполеонъ долженъ былъ разбирать взаимныя претензіи своихъ союзниковъ.

При заключеніи мира онъ былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ долженъ былъ вознаградить единственныхъ искреннихъ своихъ союзниковъ—поляковъ, но сознавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что каждая пядь земли, присоединенная къ Варшавскому герцогству, отзывалась на его отношеніяхъ къ Россіи. Миръ не удовлетворилъ никого, въ томъ числѣ и Францію.

Онъ далъ, кромѣ того, новый толчекъ польскому вопросу. Въ дипломатической перепискѣ, приведенной у Вандаля въ его сочиненіи „Наполеонъ и Александръ I“, мы видимъ, что этотъ вопросъ поглощаетъ теперь наибольшую часть вниманія политиковъ, заглушаетъ всѣ другіе интересы. Россія опасается за результаты своей многовѣковой борьбы и требуетъ отъ Наполеона обязательства никогда не допустить возстановленія Польши. Наполеонъ готовъ обѣщать, что ни прямо, ни косвенно онъ не будетъ содѣйствовать этому; но не могъ ручаться за будущее и не хотѣлъ обязаться противодѣйствовать этому возстановленію, если бы оно совершилось помимо его участія.

Вандаль думаетъ, что Наполеонъ не намѣревался возстановить Польшу, но смотрѣлъ на Варшавское герцогство, какъ на полезную всегдашнюю угрозу своему союзнику, какъ на аванпостъ Франціи, „какъ на остріе шпаги, которое всегда можно дать почувствовать“, когда нужно.

Еще болѣе испортилъ отношенія Наполеона къ Россіи проэктъ его брака съ Анной Павловной, сестрой Александра I. Когда Коленкуръ началъ частные переговоры по этому вопросу, ему отвѣчали, что рѣшеніе дѣла зависитъ отъ вдовствующей императрицы и указывали на крайнюю молодость великой княжны. Затѣмъ переговоры оживились, приняли оффиціальный характеръ. Коленкуръ, передавая Наполеону свои разговоры съ императоромъ, увѣрялъ, что дѣло идетъ успѣшно, но Наполеонъ, болѣе проницательный, видѣлъ въ фразахъ императора Александра совсѣмъ иной смыслъ. Въ началѣ февраля 1810 года Коленкуръ прислалъ Наполеону донесеніе о переговорахъ и свое заключеніе, изъ котораго вытекало, что рѣшительное согласіе будетъ объявлено при слѣдующемъ свиданіи, долженствовавшемъ быть черезъ нѣсколько дней. Наполеонъ увидѣлъ изъ этого донесенія, что слѣдующій курьеръ привезетъ ему отказъ; тогда онъ обратился къ Австріи, гдѣ былъ увѣренъ въ благопріятномъ пріемѣ. Еще въ ноябрѣ 1809 года, тотчасъ же послѣ войны, Меттернихъ въ разговорѣ съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ Лабордомъ ясно высказалъ мысль о возможности семейныхъ связей между Австріей и Франціей.

Въ самый разгаръ сватовства Наполеона въ Петербургѣ, въ декабрѣ 1809 года на одномъ изъ послѣднихъ раутовъ, которые давала императрица Жозефина предъ разводомъ, когда послѣдній уже былъ рѣшенъ, сенаторъ Семонвиль, разговаривая съ секретаремъ австрійскаго посольства Флоретомъ, своимъ старымъ знакомымъ, по поводу развода и русскаго сватовства, которое считалъ дѣломъ рѣшеннымъ, сказалъ: „Кажется это дѣло сдѣлалось вслѣдствіе того, что вы не хотѣли его дѣлать“. —„Кто вамъ это сказалъ“?— „Такъ думаютъ всѣ. Развѣ это не такъ?“ —„Почему нѣтъ?“— „Развѣ, сказалъ Семонвиль, вы были бы расположены дать одну изъ вашихъ эрцгерцогинь?“ —„Да“.— „Кто? вы то, положимъ такъ, но вашъ посланникъ? (князь Шварценбергъ)“. —„Я за него отвѣчаю.“— „А Меттернихъ?“ —„Безъ всякихъ затрудненій.“— „А императоръ?“ —„Не болѣе.“— „А теща, которая насъ ненавидитъ?“ —„Вы ее не знаете. Она женщина честолюбивая; ее убѣдятъ, когда и какъ захотятъ.“— Пораженный сообщеніемъ, Семонвиль черезъ нѣсколько минутъ спросилъ: „Могу ли я считать вѣрнымъ то, что вы мнѣ сообщили?“ —„Можете.“— „Слово друга?“ —„Слово друга.“— Послѣ этого разговора Семонвиль отправился прямо къ герц. Бассано, начальнику кабинета Наполеона

и сообщилъ ему его. Тотъ записалъ его подъ его диктовку и утромъ на другой день передалъ Наполеону.

Такимъ образомъ Наполеону было извѣстно о готовности Австрійскаго двора породниться съ нимъ. Когда въ началѣ февраля (5-го) получены были донесенія Коленкура, изъ которыхъ для Наполеона было ясно, что слѣдующій курьеръ привезетъ отказъ, онъ рѣшилъ предупредить отказъ и обратиться съ своимъ сватовствомъ къ Австріи, въ согласіи которой не было сомнѣнія, такъ что отказъ Россіи засталъ уже его съ согласіемъ Шванценберга на бракъ съ австрійской принцессой. Депеша Наполеона къ Коленкуру съ отказомъ отъ сватовства и другая депеша, посланная 2 часами позже съ извѣщеніемъ объ австрійскомъ сватовствѣ, скрестились въ дорогѣ съ русскимъ курьеромъ, везшимъ отказъ Наполеону въ формѣ отсрочки дѣла на два года.

Бракъ Наполеона еще болѣе омрачилъ отношенія между союзниками, уже испорченныя турецкими и польскими дѣлами.

Перейдемъ теперь къ событіямъ 1811 г. Континентальная система стала невыносимой для Россіи; вслѣдствіе этого правительство вынуждено было смотрѣть сквозь пальцы на ввозъ англійскихъ товаровъ, торговля которыми подъ видомъ товаровъ нейтральныхъ державъ, стала очень оживленною. Наполеонъ протестуетъ; но ему возражаютъ ссылкой на примѣръ самой Франціи, на его собственныя разрѣшенія (licences) ввоза тѣхъ или другихъ англійскихъ товаровъ. Рядомъ съ недоразумѣніями по поводу континентальной системы еще шире разростается антагонизмъ по поводу Польши. Предвидя столкновеніе съ Франціей, императоръ Александръ заботится о созданіи для Россіи благопріятнаго ей настроенія въ Варшавскомъ герцогствѣ. Онъ входитъ съ этой цѣлью въ переговоры съ Чарторыйскимъ и другими польскими магнатами, обѣщая имъ политическія выгоды для ихъ отечества отъ союза поляковъ съ Россіей. Онъ ставитъ имъ на видъ возможность автономнаго существованія Польши подъ эгидой Россіи. Русскіе эмиссары, посланные въ герцогство, склоняли поляковъ къ этой мысли. Наполеонъ зналъ объ этихъ происках и съ своей стороны тоже пропагандировалъ необходимость сохраненія связи поляковъ съ Франціей. Агенты той и другой стороны натыкались другъ на друга, слѣдили за своими противниками и доносили своимъ правительствамъ. Все это вмѣстѣ съ нѣкоторыми инцендентами настолько обострило отношенія, что неизбѣжность войны стало очевидной. Императоръ Александръ составилъ планъ

предупредить Наполеона въ нападеніи и вторгнуться въ Германію раньше, чѣмъ онъ успѣетъ сосредоточить силы. Вслѣдствіе этого, не ожидая окончанія войны съ Турціей, онъ собираетъ на западной границѣ 200,000 войска, тогда какъ у Наполеона въ Германіи было тогда не болѣе 60,000 человѣкъ. Наполеонъ понялъ, что достаточно искры, чтобы разгорѣлась война, и сталъ быстро мобилизировать великую армію. Желалъ ли онъ этой войны? Нѣтъ. Могъ ли онъ избѣжать ея? Нѣтъ. Къ ней побуждала его роковая необходимость—польскій вопросъ и вся его политика: континентальная система, владычество въ Европѣ и грандіозные планы. Небольшая, но удачно написанная книжка „Les monologues de Napoleon“ изображаетъ его во время перехода черезъ Нѣманъ. Въ головѣ его роятся мысли о томъ, куда онъ идетъ и что его ждетъ?

„Предоставимъ вѣрить всѣмъ, говоритъ авторъ отъ имени Наполеона, друзьямъ и недругамъ, что у меня и на этотъ разъ есть планъ, какъ это бывало въ другія кампаніи.

Истина въ томъ, что сегодня я отдаюсь съ завязанными глазами богинѣ, не зная, куда она поведетъ меня. Я направляюсь на Москву, въ Азію, вотъ и все. Вотъ и весь мой объективъ, а вѣдь это мало въ самомъ дѣлѣ. Я не знаю, какое сопротивленіе я встрѣчу, до какихъ поръ я дойду?... Съ кѣмъ я имѣю дѣло? Съ государемъ ли только и съ дворомъ, или же и съ народомъ? Я ничего не знаю.

Если бы я былъ русскимъ государемъ, чтобы я сдѣлалъ въ виду такого нашествія. Пустыню. Пусть же онъ меня не дожидается!

Возвращаться назадъ уже невозможно. Впередъ, въ неизвѣстность!“

Но очень скоро оказалось, что Наполеонъ имѣетъ дѣло не съ правительствомъ только, но и съ народомъ. Маршалъ Жюно послѣ Смоленска писалъ своей женѣ: мы вошли въ Испанію, только безпредѣльную. Наполеонъ искалъ генеральнаго сраженія; онъ нашелъ его, наконецъ, на поляхъ Бородина и одержалъ побѣду. Но эта побѣда стоила пораженія. Графъ Толстой превосходно характеризуетъ бородинскій бой и его значеніе.

Несмотря на извѣстіе о нѣкоторомъ успѣхѣ, Наполеонъ видѣлъ, что все это было не то, что было во всѣхъ его прежнихъ сраженіяхъ. Онъ видѣлъ, что то же чувство, которое испытывалъ онъ, испытывали и всѣ окружающіе его люди, опытные въ дѣлѣ

сраженій. Всѣ лица были печальны, всѣ глаза избѣгали другъ друга... Наполеонъ послѣ своего долгаго опыта войны зналъ хорошо, что значило въ продолженіе 8 часовъ, послѣ всѣхъ употребленныхъ усилій, невыигранное атакующимъ сраженіе. Онъ зналъ, что это было проигранное сраженіе и что малѣйшая случайность могла теперь,—на той натянутой точкѣ колебанія, на которой стояло сраженіе—погубить его и его войска.

Въ прежнихъ сраженіяхъ своихъ онъ обдумывалъ только случайности успѣха, теперь же безчисленное множество несчастныхъ случайностей представлялось ему, и онъ ожидалъ ихъ всѣхъ. Да это было какъ во снѣ, когда человѣку представляется наступающій на него злодѣй, и человѣкъ во снѣ размахнулся и ударилъ своего злодѣя съ тѣмъ страшнымъ усиліемъ, которое, онъ знаетъ, должно уничтожить его, и чувствуетъ, что рука его, безсильная и мягкая, падаетъ какъ тряпка, и ужасъ неотразимой гибели охватываетъ безпомощнаго человѣка.

Онъ видѣлъ невиданное зрѣлище. Предъ нимъ стояла армія, которая въ теченіи 8 часовъ потеряла половину своихъ солдатъ и все таки продолжала стоять.—Это было похоже на привидѣніе.

„Не одинъ Наполеонъ, говоритъ графъ Толстой, испытывалъ, то похожее на сновидѣніе чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ) испытывали одинаковое чувство ужаса предъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ также грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила французской, атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и своемъ безсиліи, была одержана русскими подъ Бородинымъ“.

„Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ бѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель, но оно не могло остановиться, такъ же какъ и не могло отклониться вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы, но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной при Бородинѣ, раны“.

Такъ совершилось разложеніе великой арміи.

Въ видѣ безпорядочной толпы она начинаетъ тянуться по старой разоренной смоленской дорогѣ, при чемъ голодъ, холодъ, болѣзни и нападенія партизановъ, дѣлаютъ изъ этого похода такую классическую картину бѣдствія войска, подобная которой рѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ военной исторіи. Вторая армія Наполеона гибнетъ на поляхъ Лейпцига, и начинается кампанія 1814 г.

Начиная ее, Наполеонъ понималъ невозможность съ 60 тыс. войска, большею частью рекрутъ, бороться съ 600,000 человѣкъ, выставленныхъ противъ него европейской коалиціей. Но во Франкфуртѣ онъ отказался отъ мира, по которому границей Франціи долженъ былъ служить Рейнъ, а въ Шатильонѣ уже союзники не приняли этихъ условій.

Эта борьба Франціи и Наполеона, тѣсно соединившихся въ послѣднихъ усиліяхъ борьбы противъ вторженія, представляетъ блестящую страницу политической и военной роли Наполеона.

Въ Наполеонѣ 1814 года воскресъ Бонапартъ итальянской кампаніи съ его живостью, быстротой соображенія, рѣшительностью и геніальностью комбинацій. Но всѣ усилія генія разбивались о численное превосходство противниковъ, а иногда и объ несчастное стеченіе обстоятельствъ.

Авторъ упомянутыхъ выше „Монологовъ“ такъ характеризуетъ положеніе и настроеніе Наполеона въ эту пору. Полуразрушенная хижина, открытая со всѣхъ сторонъ бурѣ съ дождемъ и снѣгомъ, служитъ убѣжищемъ императору; онъ стоитъ передъ огнемъ, колеблемымъ вѣтромъ. Гренадеры едва держатъ передъ нимъ развернутыя карты. Среди маршаловъ и офицеровъ свиты стоитъ бѣдная крестьянка, опершись въ стѣну своей убогой хижины и держа въ рукахъ ребенка.

Кругомъ стоятъ молчаливые и сумрачные ряды войскъ, повернувшись спиною къ бурану. Широкій горизонтъ теряется во мглѣ. Всѣ взоры обращены на императора, который держитъ въ рукахъ депешу. Ее привезъ герц. Бассано отъ Коленкура, уполномоченнаго Наполеона въ Шатильонѣ. Наполеонъ стоитъ молчаливый съ мрачнымъ взглядомъ, сжавъ губы: „Миръ! Коленкуръ въ послѣдній разъ умоляетъ меня принять условія, предъявляемыя союзниками“... „Мое рѣшеніе непоколебимо. Миръ унизительный, Франція, возвращенная къ границамъ старой монархіи, это будетъ

завтра дѣломъ Бурбоновъ. Франція ихъ предковъ, можетъ быть для нихъ достаточною, но не для меня".

„Миръ былъ бы для меня шагомъ назадъ; но я не отступаю. Имъ не сдвинуть этой твердыни гордости и воли. Я отлично знаю, гдѣ я нахожусь: съ каждымъ днемъ я на одну ступень спускаюсь къ пропасти. Пускай!... Съ горстью моихъ храбрецовъ, которые слѣдуютъ за мною, какъ за своимъ Богомъ, я только задерживаю минуту неизбѣжнаго паденія, ничего больше. Міръ взираетъ на меня съ вниманіемъ и изумленіемъ. Картины войны и разоренія... —Потрясеніе всего живущаго... Трауръ и развалины...—Я этого не отрицаю. Но въ концѣ концовъ этотъ упорный героизмъ, эта борьба безъ надежды, предпочтенная трусливымъ колебаніямъ, они поднимутъ человѣка, и пасть на родной землѣ, ее .защищая, лучше, чѣмъ умирать спокойно въ постели". „Предпочесть полную погибель какой бы то ни было уступкѣ, собственному униженію, —это урокъ и примѣръ, который я хочу дать. Если я пришелъ въ міръ не съ тѣмъ, чтобы открыть ему какія либо истины, по крайней мѣрѣ я ему покажу, что такое мужчина. Отъ меня узнаютъ, какъ борются до конца".

„Меня, значитъ, не поняли, когда я сказалъ депутатамъ, которые, воспользовавшись моимъ несчастіемъ, въ первый разъ подняли робкіе голоса, чтобы упрекать меня: „Я изъ тѣхъ людей, которыхъ можно убить, но не обезчестить".

„Я считаю для себя безчестіемъ согласиться спуститься послѣ того, какъ я поднялся такъ высоко. Другимъ пусть достается умаленный тронъ; я лучше откажусь отъ всего".

„И, наконецъ, они не замѣчаютъ, что сохраняя незапятнаннымъ мое достоинство, я ограждаю и обезпечиваю мое будущее. Украшая мое пораженіе, я дѣлаю возможнымъ мое возвращеніе впослѣдствіи. Раздѣленная со мною превратность судьбы укоренитъ меня еще болѣе въ сердцѣ Франціи, чѣмъ мои успѣхи. Эта послѣдняя борьба станетъ легендою, передаваемою въ хижинахъ.— Они ничего не понимаютъ; но я,—я знаю и предвижу. Позоръ убилъ бы славу,—моя непоколебимость ее спасаетъ".

„Эта слава, къ тому же, развѣ она только моя? Я утверждаю, что это также и слава Франціи".

„Итакъ, пусть Европа съ ея пятью великими державами идетъ на одного человѣка съ остаткомъ арміи, пусть выкорчуетъ меня наконецъ. Она еще повозится".

„Я цѣликомъ кидаюсь въ эту борьбу. Это просто, ясно и велико, и во мнѣ нѣтъ и тѣни сомнѣнія или колебанія“.

„Если ядро поразитъ меня, хорошо“.

„Если я буду пощаженъ, драма будетъ продолжаться; моя энергія, превзойдя все, что до сихъ поръ было видано, можетъ еще извлечь неожиданный блескъ изъ случайностей войны. Я прибавлю еще одинъ вѣнецъ къ моей славѣ защитою родной земли и я создаю себѣ послѣдніе шансы“.

„На непріятеля“!

Этотъ монологъ, вставленный въ уста Наполеона, конечно не можетъ претендовать на роль исторической характеристики момента, но онъ довольно близко подходитъ къ натурѣ Наполеона и можетъ поэтому служить литературной иллюстраціей его душевнаго настроенія во время послѣдней отчаянной борьбы.

Мы знаемъ, какъ расплатился Наполеонъ за свое честолюбіе и какъ Франція расплатилась за Наполеона. Займемся теперь историческимъ значеніемъ внѣшней и внутренней его политики.

Что сдѣлалъ Наполеонъ для внутренней жизни Франціи? Когда онъ принялъ диктатуру, у Франціи было два выхода: старый режимъ и Бурбоны, и дискредитированная республика разныхъ оттѣнковъ; въ перспективѣ обоихъ виднѣлась междоусобная война и, можетъ быть, опасность самого политическаго существованія. Другого выхода, внѣ диктатуры, не было и она спасла Францію.

Ставъ диктаторомъ, Наполеонъ организовалъ новый порядокъ, создалъ или переработалъ законы, администрацію, полицію, систему народнаго просвѣщенія и т. д., словомъ, въ его время и при его участіи создался тотъ государственный организмъ, который въ главныхъ чертахъ сохранился во Франціи и до нашихъ дней. Эта прочная работа, сочетавшая традиціи старой Франціи съ принципами 89-го года, укрѣпила эти послѣдніе въ общественной жизни Франціи настолько, что 15 лѣтъ спустя послѣ переворота 1799 года вырвать ихъ изъ нея оказалось невозможнымъ. Можно было подъ эгидой непріятельскихъ штыковъ водворить въ Парижѣ престолъ Бурбоновъ, но возстановленіе стараго порядка оказалось не только невозможнымъ, но даже немыслимымъ, тогда какъ пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ такая попытка имѣла за собою нѣкоторые шансы успѣха, или, по крайней мѣрѣ, не представлялась безумною.

Въ этомъ укрѣпленіи новаго гражданскаго строя Франціи и заключается значеніе времени и дѣятельности Наполеона.

Для правильной оцѣнки послѣдней необходимо остановиться на вопросѣ, сознательно ли онъ относился къ своей задачѣ и понималъ ли историческое значеніе своего времени?

Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ надо отвѣтить утвердительно. Разговаривая однажды съ Шапталемъ о характерѣ революціи, онъ высказался такимъ образомъ: „Французскій народъ былъ задѣваемъ въ своихъ наиболѣе дорогихъ интересахъ. Дворянство и духовенство унижали его своею надменностью и своими привилегіями“.

„Они давили его тѣми правами на его трудъ, которыя они присвоили себѣ. Онъ томился подъ этой тяжестью долго; но наконецъ онъ пожелалъ стряхнуть ярмо, и Революція началась. Паденіе монархіи было только послѣдствіемъ тѣхъ препятствій, которыя ставились Революціи; оно вовсе не входило въ намѣренія революціонеровъ“ [1]).

Эти слова съ достаточною ясностью показываютъ, что Наполеонъ вѣрно понималъ то общественное движеніе, которое совершалось въ Революціи и вѣрно подмѣтилъ, что паденіе королевской власти было, такъ сказать, попутнымъ дѣломъ этого движенія, а не вызывалось его сущностью. Если, такимъ образомъ, мы видимъ, что онъ свою дѣятельность направляетъ на упроченіе гражданскихъ завоеваній Революціи, то онъ это дѣлалъ сознательно, а не случайно.

Но, можетъ быть, онъ дѣлалъ это, видя въ этомъ средство своего возвышенія и вовсе не интересуясь сохраненіемъ новаго порядка на время, которое послѣдуетъ послѣ его смерти?

Такъ именно думалъ Тэнъ. Вотъ что онъ говоритъ объ отношеніи Наполеона къ государству. Сравнивая его съ французскими королями, у которыхъ, по мнѣнію Тэна, было сильно развито чувство государственной пользы, онъ находитъ, что „у ихъ импровизированнаго преемника не доставало этого принципа. На тронѣ, какъ на полѣ битвы, будучи генераломъ, консуломъ или императоромъ, онъ остается офицеромъ каррьеристомъ (officier de fortune), который только думаетъ о своемъ повышеніи. Вслѣдствіе громаднаго пробѣла въ воспитаніи, въ совѣсти и въ сердцѣ, вмѣсто того, чтобы подчинять свою личность государству, онъ подчиняетъ по-

---

[1]) Chaptal. Mes souvenirs, p. 309.

слѣднее своей личности. За предѣлами своей физической жизни его взоръ не видитъ націи, которая его переживетъ, а потому онъ жертвуетъ будущимъ настоящему, и его дѣло непрочно“ [1]).

Въ подтвержденіе своего взгляда Тэнъ ссылается на слова брата Наполеона Жозефа, сказанныя въ 1803 году. Эти слова во-первыхъ, не подтверждаютъ взгляда Тэна, а во-вторыхъ, если бы это и было такъ, то на нихъ нельзя было бы положиться, ибо Жозефъ былъ не безпристрастенъ къ Наполеону. Между тѣмъ въ воспоминаніяхъ Шапталя есть не догадка, не мнѣніе, а фактъ, который указываетъ нѣчто иное. Какъ то разъ Камбасересъ предложилъ Наполеону на высокій постъ въ магистратурѣ одного яраго якобинца. Наполеонъ отказалъ ему въ этомъ назначеніи и по этому поводу сказалъ: „Пока я живъ, я не боюсь этихъ людей; я сумѣю ихъ сдержать; но когда я умру, они васъ столкнутъ. Вѣрьте мнѣ, не надо давать первостепенныхъ постовъ выдающимся якобинцамъ; въ моментъ кризиса у васъ не будетъ силы сдержать ихъ. Если я умру, держите меня недѣлю въ постели, увѣряя, что я еще дышу, и воспользуйтесь этимъ временемъ, чтобы все устроить и поставить этихъ людей въ невозможность дѣйствовать“ [2]).

Это было сказано, когда Наполеонъ былъ еще консуломъ, когда, слѣдовательно, онъ еще возвышался и когда сдѣланное дѣло не успѣло стать ему дорогимъ. И тогда уже онъ интересовался его существованіемъ за предѣлами своей физической жизни.

Весьма мало вѣроятно, чтобы человѣкъ талантливый, какимъ былъ Наполеонъ, не привязался къ своему созданію и не заботился бы о его будущности. На основаніи сказаннаго мы должны, напротивъ, признать, что дѣятельность Наполеона была дѣломъ сознательнымъ и не разсчитаннымъ только по гробъ жизни, а на болѣе длинный срокъ существованія національныхъ интересовъ Франціи.

Во внѣшней политикѣ Наполеона красной нитью проходитъ непримиримая вражда къ Англіи и стремленіе къ господству въ центральной Европѣ. Правда, были субъективныя причины, создавшія ненависть Наполеона къ Англіи; но для насъ интереснѣе то, что эта личная ненависть совпадала съ традиціоннымъ политическимъ и торговымъ антагонизмомъ Франціи и Англіи. Съ того момента, какъ Людовикъ XIV въ своемъ стремленіи овладѣть Ис-

---

[1]) Taine. Regime Moderne, p. 108.

[2]) Chaptal. ibid, p. 312.

паніей и ея владѣніями въ Бельгіи встрѣтился съ Англіей, въ теченіе всего XVIII вѣка Франція и Англія при всѣхъ политическихъ комбинаціяхъ оказываются во враждебныхъ лагеряхъ.

Въ теченіе этого вѣка Англія не только мѣшаетъ политикѣ Франціи на континентѣ Европы, но еще болѣе сильные удары наноситъ ей въ ея колоніяхъ и въ торговлѣ. Франція теряетъ свое монопольное положеніе въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ, теряетъ свои владѣнія въ Остъ-Индіи и лишается Канады. Отсюда ненависть къ Англіи у французовъ и желаніе возвратить понесенныя утраты. Въ этой ненависти они сходились съ Наполеономъ, и онъ, борясь съ Англіей, продолжалъ старыя традиціи Франціи.

То же самое надо сказать и о политикѣ по отношенію къ Германіи и Пруссіи. Стародавняя политика Франціи видѣла въ раздробленной Германіи матерьялъ для территоріальнаго разширенія Франціи. Наполеонъ выразилъ эту политическую тенденцію въ болѣе рѣзкой формѣ: Наполеоновскій Рейнскій союзъ есть болѣе развитая форма тѣхъ союзовъ съ курфюрстомъ Баварскимъ и другими государями Германіи, которыми Людовикъ XIV старался обезпечить тамъ свою гегемонію. Политика по отношенію къ Австріи продолжаетъ собою старое соперничество Валуа и Бурбоновъ съ Габсбургами въ Испаніи и въ Германіи. Если борьба съ Англіей послѣ Наполеона затихаетъ, то политика по отношенію къ Германіи остается и послѣ Наполеона въ прежнемъ видѣ, такъ что усиленіе Пруссіи при объединеніи Сѣверной Германіи вызвало во Франціи такую же вражду, какую въ XVIII вѣкѣ вызвало усиленіе ея при Фридрихѣ II.

Но будучи въ связи съ традиціями французской политики, политика Наполеона представляетъ и существенныя отличія.

Прежде всего онъ не удовольствовался гегемоніей, а сталъ полновластнымъ господиномъ какъ въ центральной Европѣ, такъ и въ Италіи. Это господство сопровождалось перемѣнами въ общественномъ строѣ тѣхъ націй, которыхъ это господство касалось: отмѣнялись феодальныя привилегіи, вводилось законодательство, основанное на принципѣ равенства передъ закономъ, и появлялся судъ присяжныхъ. Это было развитіе той пропаганды, которая начата была еще во время Революціи. Понятно, почему въ глазахъ привилегированныхъ классовъ старой Европы Наполеонъ являлся исчадіемъ Революціи.

Съ другой стороны, господство Наполеона отражалось въ секуляризаціи церковныхъ владѣній, упраздненіи мелкихъ госу-

дарствъ и государей и въ образованіи болѣе крупныхъ политическихъ единицъ. Это мы видимъ и въ Италіи, и въ Германіи.

Стремленіе Наполеона къ господству въ Европѣ, само по себѣ довольно химерическое, осложнялось еще фантастическими планами возстановленія сначала монархіи Карла Великаго, а потомъ Александра Македонскаго. Эти фантазіи и это стремленіе къ господству надъ Европой Тьеръ справедливо называетъ бредомъ безумнаго, и въ результатѣ такой политики только и могли быть всеобщая реакція и крушеніе могущества Франціи.

Тѣмъ не менѣе эта политика оставила глубокіе слѣды въ Европѣ. Отмѣна феодальныхъ привилегій и введеніе кодекса Наполеона познакомили европейское общество на практикѣ, а не изъ книгъ только, съ новыми основаніями политической и общественной жизни. Отсюда появленіе и развитіе партій, которыя проводятъ въ жизнь эти основанія. „Либералы“ въ Испаніи, карбонары и другіе либеральные союзы въ Италіи, партія молодой Германіи, все это порожденіе потрясеній, вызванныхъ господствомъ Наполеона.

Далѣе, унизительность положенія нести чужеземное иго, вызвала, какъ реакцію, пробужденіе національнаго чувства, а образованіе болѣе крупныхъ политическихъ единицъ вызвало сознаніе національнаго единства и породило стремленіе къ политическому объединенію на національной основѣ. Борьба съ Наполеономъ нѣмцевъ въ 1813 и 1814 году шла подъ знаменемъ идеи національнаго освобожденія и объединенія. Такимъ образомъ, національныя движенія XIX вѣка, поведшія къ объединенію Италіи и Германіи, къ освобожденію Греціи, Сербіи и Болгаріи, къ помысламъ славянъ о политическомъ объединеніи коренятся во внѣшней политикѣ Наполеона, равно какъ съ нею же находятся въ связи и политическія движенія съ цѣлью преобразованія государства по принципамъ гражданскаго равенства и суверенnаго права народа въ противоположность феодальнымъ привилегіямъ и теоріи трансцендентальнаго происхожденія королевской власти. Само собою разумѣется, что всѣ эти послѣдствія явились въ значительной мѣрѣ помимо сознательной дѣятельности Наполеона и даже противъ его воли; но тѣмъ не менѣе, однако, ими опредѣляется историческое значеніе его внѣшней политики, и эти явленія исторіи Европы XIX вѣка были бы непонятны, если бы мы не знали ничего объ этой политикѣ.

И такъ, какъ во внутренней жизни Франціи Наполеонъ стоитъ въ связи съ ея прошлымъ и будущимъ, и его работа оставивила глубокіе слѣды, такъ то же самое мы видимъ и во внѣшней политикѣ, съ тою, однако, разницею, что въ первой больше цѣлесообразности и практичности, тогда какъ во второй больше фантазіи и игнорированія насущныхъ интересовъ реальной жизни.

Лалли Толандаль и его процессъ о государственной измѣнѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметъ настоящаго очерка служилъ темой моей публичной лекціи, читанной въ Университетѣ св. Владиміра въ пользу недостаточныхъ студентовъ этого Университета, а также и той, которую я читалъ въ Одессѣ въ началѣ 1899 года въ пользу Одесскаго Славянскаго Общества. Излагая эту лекцію въ настоящее время, я подвергъ ее очень незначительнымъ передѣлкамъ и дополненіямъ. При составленіи этой лекціи я пользовался слѣдующими книгами: 1) Hamont: Dupleix, d'après sa correspondance inédite. Paris. 1881 и Lally Tollendal. Paris. 1887 г. Весьма обстоятельныя сочиненія. 2) Voltaire. Fragmens Historiques sur l'Inde, sur le général Lalli et sur plusieurs autres sujets [1]) помѣщено въ XXVI томѣ сочиненій Вольтера, изд. 1784 г.). 3) Vie Privée de Louis XV. Londres. 1781 г. 4 тома. Это анонимное сочиненіе даетъ нѣкоторыя интересныя подробности. 4) Jobez. Histoire du Regne de Louis XV. 5) Meyer Alfred. Lally Tollendal. Paris. 1898 г. Маленькая брошюрка; много фразъ и мало дѣла. Она очевидно написана по поводу дѣла Дрейфуса.

---

[1]) Орѳографія Вольтера.

БИБЛІОТЕКА
* Ученаго Комитета Мин. Фин. *

Лалли Толандаль и его процессъ о государственной измѣнѣ.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.

Предметъ предлагаемой бесѣды имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ тѣмъ вопросамъ, которые теперь волнуютъ французское общество. Я разумѣю съ одной стороны тотъ антагонизмъ на почвѣ колоніальной политики, который раздѣляетъ Францію и Англію и дѣлаетъ мирныя отношенія между ними затруднительными; съ другой стороны невольно вспоминается тотъ интересъ, который возбуждаетъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ одинъ процессъ, и тоже объ измѣнѣ, которымъ интересуются по мотивамъ довольно сложнымъ и трудно поддающимся къ разбору въ настоящее время. Несомнѣнно для меня только то, что причины, создающія волненіе, созерцаемое нами, лежатъ внѣ вопросовъ юстиціи и внѣ интереса къ личности осужденнаго; мнѣ кажется также, что въ отношеніи важности вопросы теперешней колоніальной политики гораздо крупнѣе, чѣмъ вопросъ объ оправданіи или обвиненіи узника Чертова Острова.

Дѣятельность Лалли Толандаля составляетъ только одну страничку въ томъ спорѣ о колоніяхъ, который сводили между собою Франція и Англія въ половинѣ XVIII-го вѣка. Подъ вліяніемъ причинъ, которыя разбирать теперь нѣтъ времени, французы при Людовикѣ XV сильно развиваютъ свою внѣшнюю торговлю, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первой половинѣ вѣка во французскомъ обществѣ замѣтно усиливается стремленіе къ расширенію колоній и оно достигаетъ значительныхъ успѣховъ въ первой половинѣ царствованія Людовика XV, не смотря на индифферентное отношеніе къ это-

му правительства. На сколько послѣднее, по словамъ Жобеза, историка этого царствованія, интересовалось каждымъ клочкомъ земли, пріобрѣтаемымъ или теряемымъ въ Европѣ, на столько оно равнодушно относилось къ потерѣ цѣлыхъ имперій въ Остъ-Индіи и даже не имѣло яснаго представленія о величинѣ этихъ потерь. Благодаря общественной энергіи, положеніе французовъ въ Остъ-Индіи и въ Сѣверной Америкѣ было болѣе сильнымъ, чѣмъ положеніе англичанъ; но тѣмъ не менѣе, однако, это расширеніе колоній не имѣло подъ собою благопріятной почвы. Напротивъ, было довольно много существенныхъ неблагопріятныхъ условій. Однимъ изъ такихъ условій была слабость французскаго флота сравнительно съ англійскимъ. Въ 1752 году французскій флотъ состоялъ изъ 61 корабля и 27 фрегатовъ, тогда какъ, въ то же время, англійскій флотъ считалъ 160 кораблей и 112 фрегатовъ. Другимъ неблагопріятнымъ условіемъ было основаніе политической жизни Франціи, а именно: централизація и система опеки. Это основаніе не только составляло характерную черту французской государственной машины, но оно проникло и французское общество, такъ что организація французской „Остъ-Индской компаніи“ проникнута была тѣмъ же духомъ. А, между тѣмъ, если система централизаціи имѣетъ свои выгоды въ организаціи государства для военныхъ цѣлей и можетъ не представлять значительныхъ неудобствъ при небольшихъ размѣрахъ государства и при незначительности разнообразія между его отдѣльными частями, то она становится прямо вредной при разбросанности послѣднихъ и при разнообразіи, которое трудно поддается одному шаблону. А, между тѣмъ, именно въ такомъ положеніи были французскія колоніи въ Индіи. Компанія и правительство старались управлять ими изъ Версали и Парижа, а, между тѣмъ, знанія особенностей тамошней жизни почти не было, а громадность разстоянія не позволяло своевременно удовлетворять требованіямъ текущей жизни, если бы и было на лицо знаніе тамошней жизни. Авторъ сочиненія „La vie privée de Louis XV“, видимо, человѣкъ образованный, говоря въ одномъ мѣстѣ объ индійскихъ дѣлахъ, выражается такимъ образомъ: нѣкоторый городъ Пондишери, нѣкто г. Дюпле и въ этомъ родѣ, что, конечно, обнаруживаетъ очень смутное представленіе о предметѣ, о которомъ онъ говоритъ, ибо и Пондишери и Дюпле были не „нѣкоторый“ и не „нѣкто“, а величины очень крупныя. Таковы же были представленія объ этихъ отдаленныхъ странахъ и въ правительственныхъ сферахъ. Вслѣдствіе этого происходили такіе

промахи, которые трудно было исправить и которые отзывались гибильно на колоніальной жизни. Такъ, предъ войною за австрійское наслѣдство въ правленіи компаніи почему то воображали, что война съ Англіей не коснется колоній и потому оставили ихъ безъ всякой защиты. Когда, по словамъ герцога Люиня, генералъ Бель-Иль былъ въ плѣну въ Лондонѣ, то его англичане спрашивали тамъ: какимъ образомъ Франція, готовясь объявить войну Англіи, ничего не сдѣлала, чтобы свои владѣнія въ Америкѣ и въ Индіи привести въ состояніе обороны и не снабдила ихъ всѣмъ тѣмъ, что нужно было для сопротивленія англичанамъ, которые, очевидно, должны были сдѣлать нападеніе съ этой стороны? Генералъ ничего не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Удивительнѣе еще то, что и министръ иностранныхъ дѣлъ Амело тоже ничего не могъ отвѣтить на подобный же вопросъ. Въ тѣхъ же мемуарахъ разсказывается, что этотъ министръ ужиналъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ Сешелемъ и на такой же вопросъ послѣдняго отвѣтилъ, что онъ и самъ тутъ ничего не понимаетъ, тѣмъ болѣе, что объявили войну не англичане, а французы. Кромѣ недостатковъ, присущихъ централизаціи въ отношеніи развитія колоній, надо принять во вниманіе еще и то положеніе, въ которомъ находилась французская государственная машина при Людовикѣ XV-мъ, когда не столько имѣли вліяніе на государственные дѣла министры, выдающіеся своими способностями, сколько придворные, для которыхъ государственные интересы всегда стояли ниже ихъ придворныхъ отношеній. При извѣстномъ равнодушіи короля къ дѣламъ управленія, они пользовались большимъ вліяніемъ на дѣла и, понятно, вліяніе это могло быть только пагубнымъ. Какъ, не безъ основанія, замѣчаетъ Жобезъ въ своей исторіи царствованія Людовика XV-го, французы не были не способны дѣлать прочныхъ завоеваній въ Индіи, такъ какъ въ то время территоріи ихъ были болѣе обширны, чѣмъ англійскія, и у нихъ были вожаки, могшіе спорить съ англійскими. Кто смѣнилъ этихъ людей, покрытыхъ славой? Кто погубилъ Лабурдонне? Кто отозвалъ Дюпле въ ту минуту, когда онъ пытался осуществить тотъ планъ, который потомъ выполнили англичане? Все это сдѣлали версальскіе чиновники. Дѣйствительно, французскія владѣнія въ Остъ-Индіи въ концѣ первой половины вѣка были довольно обширны и были значительнѣе англійскихъ. Они шли по берегу Бенгальскаго залива и доходили до устьевъ Ганга. Болѣе важными изъ нихъ были: Карикалъ, Пондишери, Низампатамъ, Музулипатамъ и Шандернагоръ. Послѣд-

ній городъ находился къ сѣверо-востоку отъ Калькутты, которая въ то время была весьма незначительнымъ поселеніемъ, тогда какъ находившійся съ нею по сосѣдству Шандернагоръ былъ цвѣтущимъ городомъ. Центромъ французскихъ колоній въ Остъ-Индіи былъ Пондишери, бывшій и резиденціей губернатора. Завѣдывала всѣми этими колоніями компанія, которая основана была въ 1719 году при Ло и подъ его вліяніемъ замѣнила собою прежнія индійскія компаніи и получила значительныя привилегіи, каковыя сохраняла до 1769 года.

Въ концѣ первой половины XVIII вѣка въ исторіи французскихъ колоній въ Остъ-Индіи два человѣка занимаютъ видное мѣсто, содѣйствуя усиленію французскаго вліянія тамъ столько же, сколько центральное правительство содѣйствовало его ослабленію, это Лабурдонне и Дюпле.

Лабурдонне представляетъ собою очень оригинальную фигуру. Морякъ чуть ли не съ самаго рожденія, такъ какъ ему было всего десятъ лѣтъ, когда онъ ушелъ въ море изъ своего родного города С. Мало, онъ соединялъ съ достоинствами моряка большія административныя способности. Смѣлость, не знающая чувства страха, хладнокровіе въ бою и быстрота и вѣрность рѣшенія, таковы были его качества, какъ военнаго человѣка. Способность находить рессурсы тамъ, гдѣ казалось никакого выхода не было, несокрушимая энергія, разностороннія знанія, пріобрѣтенныя помимо школы совершенно самостоятельно, способность подчинять людей своей волѣ и внушить имъ къ себѣ довѣріе, наконецъ, способность увлекаться интересами и славой своего отечества, всѣ эти качества сдѣлали изъ него выдающагося колоніальнаго администратора. Когда онъ былъ назначенъ губернаторомъ острововъ Иль-де-Франсъ (теперешній о. св. Маврикія) и Бурбонъ (о. Соединенія), онъ поселился на первомъ изъ этихъ острововъ. Положеніе дѣлъ было весьма плачевно. Благодаря бѣдности почвы и большимъ засухамъ, а также и отсутствію порядка, европейское населеніе острова почти совершенно ушло оттуда, а оставшееся тамъ подвергалось постояннымъ нападеніямъ негровъ, которые грабили фермы колонистовъ и избивали ихъ обитателей. Въ теченіи трехъ лѣтъ съ 1735 и по 1738 годъ Лабурдонне сдѣлалъ тамъ чудеса. Добившись водворенія нѣкотораго порядка и спокойствія, онъ становится и архитекторомъ, и агрономомъ, и руководителемъ торговыхъ предпріятій. Онъ вводитъ культуру сахарнаго тростника и дѣлаетъ изъ него источникъ вѣрнаго дохода жителей; онъ выпи-

сываетъ и вводитъ культуру маніоки, растенія прекрасно выдерживающаго засуху и дающаго прекрасное питательное средство. На островѣ, гдѣ совсѣмъ не было лошадей и другихъ вьючныхъ животныхъ, онъ приручаетъ мѣстную породу дикихъ быковъ, и, такимъ путемъ, ему удается вывозить изъ лѣсу необходимые матеріалы для построекъ. При помощи немногихъ мастеровыхъ европейцевъ, которые у него были подъ руками, онъ учитъ негровъ мастерствамъ и принимается за устройство порта и заводитъ верфь. И вотъ, тамъ, гдѣ пристающіе корабли прежде не могли найти никакихъ средствъ, ни матерьяловъ для починки, черезъ какіе нибудь три года они видѣли портъ довольно хорошо оборудованный, въ которомъ вмѣсто прежней хижины, вмѣщавшей нѣсколько кроватей, они могли располагать большимъ зданіемъ въ качествѣ пріюта. Тамъ, гдѣ не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ маленькихъ лодокъ и не было даже и признаковъ верфи, таковая явилась, и былъ построенъ корабль въ 500 тоннъ вмѣстимости. Ведя за свой счетъ торговыя операціи, побуждая мѣстныхъ жителей вести ихъ съ Персіей, Аравіей и Европой, онъ далъ этому дѣлу настолько прибыльный оборотъ, что торговля острова приняла довольно широкія размѣры. Особенно настойчиво хлопоталъ Лабурдонне о развитіи морскихъ силъ острововъ, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что съ англичанами придется воевать въ этихъ странахъ. Онъ считалъ заблужденіемъ мнѣніе, господствовавшее въ Парижѣ въ правительствѣ и въ правленіи компаніи, что будто при войнѣ съ Англіей въ Европѣ, французскія колоніи въ Азіи могутъ остаться нейтральными. Онъ настаивалъ и доказывалъ, что если бы даже англійская компанія и стала соблюдать нейтралитетъ, то это нисколько не гарантируетъ колоній и ихъ торговли отъ нападеній англійскихъ королевскихъ кораблей и, въ подтвержденіе своихъ соображеній, ссылался на процеденты изъ исторіи XVII вѣка, когда это такъ и было. Тѣмъ не менѣе, однако, предъ войной за австрійское наслѣдство, правленіе компаніи распорядилось, чтобы Лабурдонне отправилъ всѣ имѣющіеся въ его распоряженіи корабли во Францію. Скрѣпя сердце, онъ исполнилъ это приказаніе: не только то обстоятельство, что эти суда были произведеніемъ его рукъ, были дѣтищемъ его патріотизма и энергіи, но и сознаніе, что онъ съ этой эскадрой не только могъ защитить французскія колоніи въ Индійскомъ Океанѣ, но и принести существенный вредъ англійскимъ, заставляло его скорбѣть объ этомъ распоряженіи компаніи, которое дѣлало его беззащитнымъ. Онъ хотѣлъ оставить мѣсто,

на которомъ онъ чувствовалъ себя теперь безполезнымъ, но министръ Орри уговорилъ его остаться, выставивъ ему на видъ, что только онъ можетъ оказать Франціи услуги въ приближающуюся трудную минуту. Онъ остался. Его предсказанія сбылись. Едва начались въ Европѣ военныя дѣйствія, какъ англійскіе крейсеры безнаказанно стали захватывать корабли французской компаніи, мечтавшей о сохраненіи нейтралитета. Мало этого, самыя французскія колоніи стали опасаться за свою цѣлость. Пондишери стала угрожать англійская эскадра, появившаяся въ Бенгальскомъ заливѣ. Губернаторъ индійскихъ колоній обратился къ Лабурдонне съ просьбой придти на помощь. Послѣдній кладетъ всю свою энергію на это почти невозможное дѣло, онъ останавливаетъ приходящіе въ Иль-де-Франсъ купеческіе корабли, вооружаетъ ихъ, образуетъ маленькую эскадру и съ ней отправляется противъ англичанъ. По пути онъ попадаетъ въ страшный ураганъ, въ жалкомъ видѣ флотилія его собирается у береговъ Мадагаскара; не имѣя подъ руками никакихъ средствъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не падаетъ духомъ и, съ помощью только своихъ матросовъ, чинитъ свои корабли и снова пускается въ путь. По пути въ Пондишери онъ встрѣчаетъ англійскую флотилію, вступаетъ съ нею въ бой, и послѣдняя уходитъ отъ него только благодаря тому, что ея суда, какъ военные, обладали лучшимъ ходомъ. Прибытіе Лабурдонне къ Пондишери было встрѣчено съ восторгомъ тамошнимъ населеніемъ (1746 г.). На него смотрѣли, какъ на избавителя. Встрѣча его съ Дюпле была тоже сердечною; но это настроеніе двухъ выдающихся дѣятелей было непродолжительно и вскорѣ замѣнилось противоположными чувствами. Перемѣна эта отчасти была результатомъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, а отчасти различія ихъ взглядовъ и ихъ положенія.

Такъ же, какъ и Лабурдонне, Дюпле рано отправился въ чужіе края, но не въ качествѣ моряка, и въ качествѣ ученика-коммерсанта. Посылая его туда, отецъ хотѣлъ отвадить его отъ его любимыхъ занятій математикой и фортификаціей, и въ то же время музыкой и поэзіей. Способный юноша скоро обратилъ на себя вниманіе въ Индіи, когда его назначили туда на службу въ качествѣ чиновника компаніи. Сначала въ качествѣ губернатора Шандернагора, а потомъ въ должности губернатора Пондишери онъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ дѣламъ компаніи въ Индіи, къ политическому положенію на полуостровѣ, и у него создалась опредѣленная идея относительно той системы, которой слѣдовало

держаться, чтобы составить могущество Франціи въ Индіи. Онъ подмѣтилъ раньше другихъ, что имперія Великаго Могола представляетъ собою зданіе хотя и величественное снаружи, но ветхое внутри. Въ его глазахъ она походила на фигуру, облеченную въ стальные доспѣхи и пурпуръ, но которую стоило только раздѣть, чтобы убѣдиться, что тамъ ничего нѣтъ, кромѣ скелета, наполовину изъѣденнаго крысами. Кто будетъ наслѣдникомъ этого богатаго наслѣдства, готоваго открыться? Франція, если она захочетъ. Въ глазахъ Дюпле это былъ вопросъ терпѣнія, дипломатіи, золота и немного желѣза. По убѣжденію его, Франціи слѣдовало войти въ связь съ индонстанскими государями, чтобы привлечь ихъ на свою сторону и поддерживать однихъ противъ другихъ. Онъ полагалъ, что такое проникновеніе въ среду туземныхъ интересовъ легче всего можетъ быть достигнуто, если Франція будетъ являться въ ихъ глазахъ не въ качествѣ купца, а въ роли равноправнаго вассала имперіи Могола. Онъ воспользовался возможностью явиться въ этой роли и пріобрѣсти, благодаря разумной политикѣ, большое вліяніе на ближайшаго къ Пондишери Карнатскаго набаба. Эта политика Дюпле требовала однако и военныхъ силъ и укрѣпленныхъ пунктовъ. Каково же было его разочарованіе, когда онъ получилъ отъ компаніи предложеніе сократить возможно больше расходы вообще и не дѣлать никакихъ расходовъ на укрѣпленія, такъ какъ, хотя и возможна война между Франціей и Англіей, но онъ легко можетъ уговориться съ англійскимъ губернаторомъ въ Индіи относительно сохраненія нейтралитета во время этой войны. Эту инструкцію онъ получилъ въ 1743 году. Представленія, которыя онъ послалъ противъ этого безсмысленнаго плана, остались безъ послѣдствій. Рѣшившись держаться своей собственной политики, онъ, все таки, послѣдовалъ сдѣланному ему приказанію и попытался вступить въ переговоры о нейтралитетѣ съ англійскимъ губернаторомъ Морзомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, эта попытка осталась безъ результата; когда же, вслѣдъ затѣмъ, онъ узналъ, что у Лабурдонне взяты тѣ корабли, которые были въ распоряженіи послѣдняго, и что англійская эскадра изъ Китайскихъ водъ направляется къ Индіи, то вся величина опасности стала для него очевидной, а равно и то, что для избѣжанія ея, онъ долженъ разсчитывать только на свои силы. Дюпле не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые способны теряться въ минуту опасности. Напротивъ, его умъ настолько же былъ способенъ къ широкимъ концепціямъ, сколько былъ

способенъ быстро найти выходъ изъ даннаго труднаго положенія.

У него былъ даръ творчества идей ясныхъ и точныхъ. Онѣ рождаются въ его мозгу, для котораго затрудненіе было только возбужденіемъ къ дѣятельности. Дѣйствіе для него было легко. Въ дѣлѣ онъ никогда не смущался и не колебался. Въ выборѣ путей къ достиженію намѣченной цѣли онъ мало затруднялся и способенъ былъ соорудить новый путь, если такового не оказывалось на лицо. Онъ былъ прирожденный администраторъ, полководецъ и дипломатъ съ душею артиста. Онъ сохранилъ свою юношескую любовь къ музыкѣ и поэзіи. Когда заботы одолѣвали его, онъ брался за арфу и въ музыкѣ искалъ успокоенія.

Будучи въ частной жизни человѣкомъ страстнымъ, онъ въ политикѣ былъ человѣкомъ разсчета, который рѣшается на что нибудь не подъ вліяніемъ чувства, который не знаетъ ни привязанности, ни ненависти, но подчиняется только государственному интересу. Въ дѣлѣ завоеванія Индіи онъ видитъ только рядъ политическихъ комбинацій, дипломатическихъ вѣроломствъ и аттакъ, которыя надо исполнить для овладѣнія извѣстными позиціями, паденіе которыхъ должно за собою повлечь достиженіе конечной цѣли. Словомъ, съ его точки зрѣнія, это нѣчто аналогичное партіи шахматовъ, проведенной съ твердостью, безъ вниманія къ пѣшкамъ и фигурамъ, т. е. къ людямъ Онъ не отступаетъ предъ двуличностью и вѣроломствомъ во время переговоровъ. Онъ не заботится о средствахъ, онъ думаетъ только о томъ, чтобы восторжествовать. Враги обвиняли его въ трусости; правда заключается однако въ томъ, что онъ былъ человѣкомъ очень храбрымъ, но, такъ какъ успѣхъ его предпріятія зависѣлъ отъ продолжительности его жизни, то онъ имѣлъ право рисковать ею только рѣдко и только ради большого выигрыша.

Выйдя изъ невысокаго званія, онъ въ немного лѣтъ сталъ почти королемъ и, несомнѣнно, самымъ крупнымъ представителемъ политическаго генія Франціи въ XVIII вѣкѣ. Не имѣя себѣ равныхъ по дѣятельности и по проницательности, занятый исключительно только своимъ дѣломъ, ревнивый болѣе къ торжеству своихъ идей, чѣмъ къ своему собственному, умѣя, среди сомнѣній и опасностей дѣйствія, въ одну минуту принять рѣшеніе, способный однимъ взглядомъ оцѣнить и обстоятельства, и средства и съ поразительной скоростью повернуть въ свою пользу ошибки противника, онъ собралъ съ неутомимой настойчивостью всѣ тѣ мамерьялы, которые принесены были различными теченіями той та-

инственной силы, которою создаются имперіи, и своими руками создалъ грандіозное зданіе, котораго плана онъ былъ единственнымъ творцомъ. И онъ былъ не только его архитекторомъ, но и главнымъ устоемъ; когда приказъ Людовика XV его низвергъ, все зданіе рушилось.

Несогласіе между Лабурдонне и Дюпле истолковывается различно историками. Жобезъ полагаетъ, что съ самаго начала Дюпле отнесся къ Лабурдонне съ скрытой антипатіей, вслѣдствіе во-первыхъ того антагонизма, который вообще существовалъ между представителями компаніи и чиновниками министерства. Съ этой точки зрѣнія Лабурдонне для него былъ человѣкъ чужой. Во-вторыхъ, онъ не чуждъ былъ зависти къ человѣку, успѣвшему съ такими ничтожными рессурсами сдѣлать такъ много [1]).

Напротивъ, Амонъ (Hamont) въ своемъ сочиненіи, посвященномъ Дюпле [2]) объясняетъ этотъ антагонизмъ характеромъ Лабурдонне, который будто бы не выносилъ рядомъ съ собой никакой крупной величины и былъ крайне щепетиленъ ко всякому мнѣнію, заявленному въ разрѣзъ съ его собственнымъ. Съ другой стороны, по его словамъ, причиной ссоры было разнорѣчіе въ воззрѣніяхъ ихъ на то, что слѣдуетъ предпринять относительно Мадраса. Эта англійская колонія, находившаяся въ 48 часахъ ходьбы отъ Пондишери, была постоянною угрозою для послѣдняго. Поэтому Дюпле настаивалъ на томъ, чтобы разрушить, если возможно будетъ, этотъ городъ прежде, чѣмъ успѣетъ подоспѣть на помощь англійскій флотъ. Лабурдонне, напротивъ, высказывался за то, чтобы ограничиться только контрибуціей. Такъ дѣло и не было рѣшено, когда Лабурдонне отправился къ Мадрасу. Благодаря его способностямъ и рѣшительности, ему удалось взять этотъ городъ, и онъ заключилъ съ тамошнимъ англійскимъ губернаторомъ конвенцію, въ силу которой обязался возвратить англичанамъ городъ въ случаѣ уплаты опредѣленной контрибуціи, причемъ всѣ магазины переходили въ собственность французовъ. Тутъ то и начинается прискорбное столкновеніе между Дюпле и Лабурдонне, дошедше до открытаго разрыва. Дюпле не могъ признать этой конвенціи, потому что она противорѣчила его политическимъ планамъ. Еще раньше того, онъ заключилъ конвенцію съ набабомъ Карната

---

1) Jobez. Histoire de Louis XV. 1867. T. IV, pp. 23 et 24.

2) Tibulle Hamont. Dupleix d'après sa correspondance inédite. 1881, pp. 42 и 44.

Анавердиханомъ, по которой послѣдній обязался держать благопріятный нейтралитетъ въ разсчетѣ, что французы не овладѣютъ Мадрасомъ, развѣ только для того, чтобы потомъ передать его ему. Этимъ путемъ Дюпле удалось удержать Анавердихана отъ враждебныхъ дѣйствій противъ французовъ, къ которымъ побуждали его англичане. Съ другой стороны онъ смотрѣлъ на завоеваніе Мадраса, какъ на эпизодъ въ той политикѣ, въ результатѣ которой должно было быть первенство Франціи въ Индостанѣ. На почвѣ этого разногласія между Лабурдонне и Дюпле дошло до открытаго столкновенія. Лабурдонне настоялъ на томъ, что онъ сохранитъ договоръ, заключенный съ англичанами, но отдалилъ срокъ возврата имъ города. Когда онъ увидѣлъ, однако, что онъ поступилъ противно праву, несомнѣнно принадлежавшему Дюпле въ регулированіи политической стороны дѣла, то онъ рѣшилъ, наконецъ, оставить Мадрасъ, послѣ того, какъ буря почти уничтожила его флотъ. Съ остатками его онъ безславно удалился въ свое губернаторство.

Этотъ печальный конецъ столь славно начатой экспедиціи, былъ столько же результатомъ необузданнаго и щепетильнаго характера Лабурдонне, сколько той неопредѣленности, которая существовала въ границахъ компетенціи обоихъ губернаторовъ, и противорѣчія ихъ инструкцій.

Лабурдонне былъ отозванъ съ своего поста и на возвратномъ пути въ Европу попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ. Они отнеслись къ нему съ большимъ уваженіемъ, хотя и признавали открыто, что никто не надѣлалъ имъ столько вреда, какъ онъ. Въ бытность свою въ Англіи онъ узналъ, что въ Парижѣ его обвиняютъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ. Съ цѣлью оправдаться и съ согласія англійскаго правительства на поѣздку во Францію съ обязательствомъ вернуться, онъ явился въ Парижъ; но тамъ его арестовали и посадили въ Бастилію. Три года онъ просидѣлъ въ одиночномъ заключеніи (1748—1751 г.), ожидая суда; когда онъ, наконецъ, былъ представленъ таковому, то тотчасъ же былъ оправданъ и выпущенъ на свободу. Но его здоровье было подорвано долгимъ заключеніемъ, а все состояніе потеряно; при этомъ правительство запретило ему искать съ компаніи тѣ суммы, которыя она ему была должна. Онъ прожилъ еще два года въ бѣдности послѣ того, какъ посвятилъ столько труда и знаній и личныхъ средствъ на обогащеніе французской колоніи.

Послѣ отъѣзда Лабурдонне изъ Мадраса положеніе Дюпле въ

Индіи стало критическимъ. Сильная англійская эскадра прибыла въ индійскія воды и вскорѣ Пондишери былъ осажденъ англичанами (1748) въ то время, когда извѣстіе о мирѣ въ Ахенѣ между Франціей и Англіей не дошло еще въ Индію. Энергія Дюпле, связи, которыя онъ подготовилъ себѣ между туземными владѣтелями помогли ему справиться съ англичанами и заставить ихъ снять осаду. Полученное извѣстіе объ Ахенскомъ мирѣ заставило его не только прекратить военныя дѣйствія, но и возвратить англичанамъ Мадрасъ.

Этотъ миръ не остановилъ, однако, Дюпле въ преслѣдованіи намѣченной цѣли. Борьба за гегемонію въ Индіи продолжалась и въ этой борьбѣ измѣнилось только то, что обѣ стороны воевали теперь за спиною мѣстныхъ владѣтелей въ качествѣ союзниковъ послѣднихъ. Дюпле нашелъ себѣ достойнаго соперника въ лицѣ англійскаго губернатора Клайва, которому удавалось до извѣстной степени сдерживать успѣхи перваго и даже иногда наносить ему чувствительные удары. Удаленіе Клайва въ Европу открыло путь къ торжеству Дюпле. Вмѣшавшись въ дѣла Декана, онъ успѣваетъ расширить тамъ французское вліяніе, утвердивъ на престолѣ деканскаго вице-королевства союзника французовъ, который самого Дюпле утвердилъ въ званіи набаба Карнатики (область, прилегающая къ Пондишери и Мадрасу). Такимъ образомъ Дюпле развернулъ вліяніе французовъ на громадную территорію. Въ центрѣ Декана онъ помѣстилъ французскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Бюсси, одного изъ немногихъ его талантливыхъ сотрудниковъ. Этотъ отрядъ былъ не великъ, всего изъ 300 французовъ и 2,000 индусовъ, обученныхъ по-европейски, но въ то время такіе отряды одерживали побѣды надъ сотнями тысячъ туземцевъ. Великій Моголъ не только утвердилъ Дюпле въ званіи набаба Карнатики, но и призналъ за нимъ весь берегъ Ориссы, т. е. пространство къ сѣверо-востоку отъ Пондишери почти вплоть до входа въ Бенгальскій заливъ. Такое усиленіе французскаго могущества сильно безпокоило англичанъ. Губернаторъ Саундерсъ началъ переговоры съ Дюпле о заключеніи мира, но они ни къ чему не повели, потому что первый не хотѣлъ согласиться на уступки, пропорціональные успѣхамъ французовъ. Тогда англичане начали переговоры непосредственно съ версальскимъ кабинетомъ, выставляя Дюпле человѣкомъ, съ которымъ не можетъ быть мирныхъ отношеній. Они нашли въ Парижѣ благосклонныхъ слушателей своихъ разсужденій. Французское правительство не понимало зна-

ченія успѣховъ Дюпле и не имѣло понятія о ихъ размѣрѣ; французская компанія видѣла только одни расходы въ настоящемъ и уменьшеніе своихъ доходовъ и не считала пріобрѣтеній Дюпле важными для будущаго.

Самые размѣры предпріятій Дюпле смущали членовъ компаніи. Не имѣя понятія объ индійскихъ дѣлахъ, они измѣряли тамошнія военныя дѣйствія на европейскій аршинъ, а потому считали совершенной утопіей предположеніе овладѣть значительными территоріями Великаго Могола съ такими малыми средствами, которыми располагалъ Дюпле и которыя онъ просилъ лишь немного увеличить. Поэтому временныя неудачи его признавались началомъ неизбѣжнаго крушенія его плановъ и вызывали сильную тревогу. Конечно, къ этому присоединялась еще и работа враговъ его, которые не упускали случая преувеличивать значеніе его неудачъ и самого его изображать въ видѣ честолюбиваго игрока, который преслѣдуетъ свои личныя цѣли.

Несмотря на то соображеніе, что разъ непріятель хлопочетъ объ удаленіи Дюпле, то, значитъ, послѣдній очень вреденъ для англійскихъ интересовъ и полезенъ для французскихъ, французское правительство и французская компанія согласились, безъ предварительнаго разслѣдованія, поставить условіемъ начала переговоровъ съ Англіей удаленіе Дюпле и, во-вторыхъ, признать принципъ, что какъ англичане, такъ и французы должны отказаться отъ тѣхъ вассальныхъ отношеній, въ которыя они вступили въ имперіи Великаго Могола, а, слѣдовательно, и отъ тѣхъ владѣній, которыя съ ними связаны. Для англичанъ это не составляло никакой потери, такъ какъ у нихъ такихъ владѣній не было, а для французовъ это означало потерю цѣлой имперіи. Въ Индію посланъ былъ новый губернаторъ съ четырьмя кораблями и 2,000 человѣкъ войска на случай, если бы Дюпле не захотѣлъ повиноваться рѣшеніямъ компаніи и правительства. Эти двѣ тысячи человѣкъ, которыхъ онъ тщетно просилъ у компаніи въ качествѣ необходимаго подкрѣпленія для осуществленія его плановъ и для торжества надъ англичанами, посланы были теперь для его низверженія и для торжества англичанъ надъ французами. Такъ французское правительство и французская компанія уничтожали дѣло рукъ одного изъ геніальныхъ сыновъ Франціи.

Дюпле не оказалъ ожидавшагося отъ него сопротивленія. Онъ безусловно подчинился посланному приказу и только старался, до своего отъѣзда изъ Индіи, своими совѣтами убѣдить новаго губер-

натора Годеге излишнею уступчивостью не губить окончательно дѣла французовъ въ Индіи. Совѣты эти, какъ сейчасъ увидимъ, оказались безполезными. Дюпле былъ отправленъ во Францію, причемъ ему не было отдано ни одного гроша изъ тѣхъ 13 милліоновъ, которые онъ ссудилъ кассѣ компаніи. По пріѣздѣ въ Парижъ онъ тщетно старался убѣдить правленіе компаніи и правительство въ правотѣ своей и въ томъ, что поставленная имъ задача легко осуществима и на половину была разрѣшена; его не слушали и подозрѣвали манію съ одной стороны и своекорыстіе стремленій съ другой. Мало того, онъ тщетно старался вытребовать отъ компаніи хоть что нибудь въ возвратъ своихъ денегъ. Онъ вынужденъ былъ обратиться къ суду. Но судебная процедура требовала времени и денегъ, а въ его распоряженіи и того, и другого было мало. Девять лѣтъ прошло въ этой борьбѣ съ врагами и съ нуждой. Онъ скончался въ 1763 году въ большой нуждѣ, обремененный долгами и не добившись ничего.

Въ то время, какъ человѣкъ, которому повидимому судьбою было суждено создать колоніальное могущество Франціи въ Индіи, былъ удаленъ оттуда, какъ врагъ французскихъ интересовъ, его намѣстникъ разрушилъ его дѣло. Годеге (Godeheu) принадлежалъ къ людямъ очень ограниченнаго ума, а по характеру своему принадлежалъ къ тѣмъ придворнымъ каррьеристамъ, которымъ понятіе общественнаго интереса совершенно чуждо, а ихъ честолюбіе не можетъ возвыситься надъ уровнемъ мелкихъ успѣховъ личнаго свойства. Онъ до такой степени старался дѣлать все то, что было противоположно тому, что дѣлалъ Дюпле, до такой степени выказывалъ англичанамъ свое желаніе заключить миръ во что бы то ни стало, что Саундерсъ понялъ, какъ много уступокъ можно получить отъ такого умнаго политика. По заключенному договору французская компанія не только отказалась отъ пріобрѣтеній внутри Индіи, отъ Карнатики и отъ позицій въ Деканѣ, но даже уступила то, что по смыслу первоначальнаго условія вовсе не должна была уступать. Подъ предлогомъ равномѣрнаго распредѣленія приморскихъ пунктовъ, предлогу рѣшительно ни на чемъ не основанному, англичане воспользовались полнымъ невѣдѣніемъ мѣстныхъ дѣлъ со стороны новаго французскаго губернатора и такъ подѣлили эти пункты, что на долю французовъ пришлось меньше, чѣмъ на долю англичанъ. Дѣло получило такой видъ, какъ будто французы были передъ тѣмъ не побѣдителями, а побѣжденными, а англичане наоборотъ.

Тотъ основной пунктъ невмѣшательства въ дѣла индійскихъ государей, который выставленъ былъ англичанами въ качествѣ базиса мирныхъ переговоровъ, не былъ ими соблюдаемъ. Напротивъ, впослѣдствіи они воспользовались именно системой Дюпле и, приложивъ ее къ дѣлу, на ней построили свое могущество въ Индіи. Система Дюпле настолько повелительно вытекала изъ природы отношеній, существовавшихъ въ Индіи, что она противостояла нѣкоторое время даже самимъ усиліямъ французской компаніи разрушить ее. Преемникъ Годеге, вскорѣ оставившаго свой постъ, Лейри (Leyrit) сейчасъ же увидѣлъ, что процессъ разрушенія имперіи Великаго Могола идетъ быстрыми шагами и что вопроса объ открывающемся наслѣдствѣ избѣжать нельзя безъ нарушенія кровныхъ интересовъ Франціи, такъ какъ иначе надо было предоставить господство англичанамъ, господство, которое такъ недавно было обезпечено за Франціей. Вслѣдствіе этого онъ постарался, не смотря на недавно заключенный договоръ, очистить Карнатъ отъ сторонниковъ англичанъ и сохранить вліяніе Франціи въ средѣ туземныхъ владѣній. Въ Деканѣ на стражѣ французскихъ интересовъ стоялъ генералъ Бюсси, который тоже раздѣлялъ взглядъ Дюпле на направленіе политики, которой слѣдуетъ французамъ держаться въ Индіи и рѣшился сохранять занятыя позиціи до послѣдней возможности. Положеніе его было особенно трудно, такъ какъ удаленіе Дюпле сильно подорвало авторитетъ французовъ, а поведеніе Годеге укрѣпляло туземцевъ во мнѣніи, что англичане гораздо серьезнѣе французовъ въ качествѣ союзниковъ. Этотъ взглядъ лучше всего характеризуется словами субаба Декана Салабетъ-Зенга, обращенными къ Бюсси. „Вашъ государь обѣщалъ мнѣ устами того, кого я называлъ моимъ дядей, и котораго больше нѣтъ здѣсь, поддерживать меня противъ моихъ непріятелей, утвердить и заставить уважать мою власть. Вы тоже мнѣ въ этомъ клялись. Теперь же я повсюду слышу, что это король Англіи, вашъ врагъ и мой, держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Индіи и мою. Вы меня сравняли съ Мегметомъ-Али, вы допустили поставить во главѣ одной изъ моихъ провинцій этого человѣка, который меня ненавидитъ, который постоянно возставалъ противъ меня. Если бы я пошелъ противъ него, чтобы изгнать его изъ Карната, англичане его поддержатъ. А вы, не смотря на то, что вы прежде клялись поддерживать меня, теперь не сдѣлаете ни одного выстрѣла въ мою защиту. Трактатъ Годеге связываетъ вамъ руки; онъ вамъ запрещаетъ дѣйствовать противъ англичанъ и

противъ Мегмета-Али. И однако, опираясь на французовъ, я считалъ, что я опираюсь на народъ воинственный. Можетъ быть, у васъ только одежда была военная? Можетъ быть, это англичане были настоящими солдатами? Годеге заявилъ громко, что ваше единственное честолюбіе заключается въ томъ, чтобы покупать и продавать, что вы не хотите быть въ Индіи ничѣмъ инымъ, какъ купцами. Можетъ быть, ваша нація могла поставить только двухъ военныхъ людей, васъ и Дюпле? Мои вассалы почитали васъ изъ боязни; они уважаютъ только военное дѣло, единственное мужское. Они станутъ васъ презирать, когда они увидятъ васъ въ пыли, нагружающими ваши ящики. Положеніе моихъ дѣлъ требуетъ непремѣнно поддержки европейской державы. Готовы ли вы итти во главѣ вашихъ войскъ, чтобы оказать мнѣ услуги, которыми прежде вы меня осыпали? Я вѣрю, вы бы этого желали; но можете ли вы это сдѣлать и вашъ король позволитъ ли вамъ? Мнѣ нужно будетъ просить помощи англичанъ, унижаться передъ ними“ [1]).

Бюссе держался очень осторожно и твердо въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Путемъ политики больше, чѣмъ путемъ оружія, хотя и къ послѣднему приходилось прибѣгать ему, онъ поддерживалъ французское вліяніе и сохранилъ его до семилѣтней войны, когда въ Индію былъ командированъ Лалли Толандаль. Онъ писалъ во Францію о своемъ положеніи и о томъ, что слѣдуетъ поддержать систему политической гегемоніи въ Индіи, но компанія и правительство не раздѣляли этого взгляда. Немногіе знали о томъ, какъ былъ завоеванъ Карнатъ, какъ поддерживалось и какъ установлено было вліяніе въ Деканѣ, какъ это сдѣлано было въ какіе нибудь три года и какіе маленькіе отряды разбивали цѣлыя полчища, а потому, когда Дюпле въ своихъ мемуарахъ по возвращеніи изъ Индіи или Бюсси въ своихъ донесеніяхъ говорили о легкости осуществленія политики установленія супрематіи Франціи надъ индійскими государствами и о незначительности европейской арміи, которая для этого требуется, то надъ этимъ смѣялись, называя такія мнѣнія чистой фантазіей, поддерживаемой своекорыстными видами.

При такихъ условіяхъ наступаетъ семилѣтняя война, когда англичанамъ удалось нанести рѣшительные удары французской колоніальной политикѣ какъ въ Америкѣ, такъ и въ Индіи. Съ

---

[1]) Hamont. Lally-Tollendal, p. 44.

наступленіемъ войны стало яснымъ, что надо поддержать колоніи въ Индіи противъ покушеній англичанъ, и для этой цѣли выбранъ былъ компаніей и правительствомъ генералъ Лалли Толандаль. Посмотримъ, что это былъ за человѣкъ и насколько онъ соотвѣтствовалъ той задачѣ, которая ему предстояла?

Лалли Толандаль былъ родомъ ирландецъ, хотя онъ родился во Франціи въ 1702 году. Отецъ его сэръ Джераръ (Gérard) оставилъ Англію вмѣстѣ съ королемъ Яковомъ II вслѣдствіе своей преданности дѣлу послѣдняго, и съ тѣхъ поръ мечта о возвращеніи Стюартовъ въ Англію на прародительскій престолъ была съ нимъ неразлучна, равно какъ и ненависть къ „узурпаторамъ“, т. е. къ Оранскому дому и ко всѣмъ его сторонникамъ. Эту ненависть онъ внушилъ и своему сыну, у котораго мысль о низверженіи Оранскаго дома стала господствующею. Мальчикъ получилъ по тогдашнему времени солидное образованіе; его учили въ школѣ и мертвымъ, и живымъ языкамъ; но въ то же время отецъ старался сдѣлать изъ него военнаго человѣка и когда мальчику еще было 10 лѣтъ, онъ уже бралъ его съ собою на войну. Мы встрѣчаемъ юнаго Лалли Толандаля несущимъ траншейную службу предъ стѣнами Барцелоны во время школьныхъ вакацій, по окончаніи которыхъ отецъ снова отправилъ его въ школу. Такое воспитаніе не осталось безъ результатовъ; изъ него вышелъ выдающійся военный не только по своей храбрости, но и по тактическимъ способностямъ. Въ сраженіи при Филипсбургѣ онъ спасаетъ своего отца изъ толпы непріятелей, рискуя собственной своей жизнью. Это дѣло обратило на него вниманіе военныхъ людей. Во время наступившаго затѣмъ мира гарнизонная жизнь тяготитъ его, а между тѣмъ мысль о помощи дѣлу Стюартовъ не даетъ ему покоя. Ему кажется, что если съ чьей помощью Франція могла бы справиться съ Англіей, то это съ помощью Россіи, которую слѣдовало бы оторвать отъ союза съ Англіей и извлечь изъ подъ вліянія Австріи и Пруссіи. Эту мысль онъ старается пропагандировать при французскомъ дворѣ и добился того, что кардиналъ Флери далъ ему неоффиціальную командировку къ русскому двору. Явившись въ Россію, Лалли Толандаль успѣлъ пріобрѣсти расположеніе Бирона и внушить ему расположеніе къ своей мысли. Но правительство, пославшее Лалли, не поддерживало его даже въ смыслѣ посылки ему отвѣтовъ на его донесенія, такъ что его по-

ложеніе стало довольно щекотливымъ. Его могли принять за самозванца, и его личное положеніе стало бы тогда опаснымъ. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ убраться изъ Россіи. Возвратившись во Францію, по требованію кардинала Флери, онъ составилъ два мемуара, въ которыхъ трактуется о военномъ и политичсскомъ положеніи Россіи и выгодахъ, которыя могла бы Франція извлечь изъ союза съ нею въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи. Эти мемуары составили единственный результатъ миссіи Лалли и свидѣтельствуютъ о внимательности, съ которою онъ присматривался къ русской жизни [1]).

Во время войны за австрійское наслѣдство мы снова его встрѣчаемъ на военномъ поприщѣ и не безъ замѣтной роли. Онъ настолько выдвигается, что герцогъ Ноаль дѣлаетъ его своимъ начальникомъ штаба (1742 г.). Въ сраженіи при Деттингенѣ онъ своимъ совѣтомъ содѣйствовалъ успѣху дня. Далѣе мы видимъ, что онъ выхлопоталъ себѣ позволеніе сформировать особый ирландскій полкъ, который носитъ его имя и которымъ онъ командуетъ. Въ сраженіи при Фонтенуа онъ своимъ полкомъ выказалъ пылкую храбрость въ аттакѣ противъ непріятеля и лично отъ короля получилъ чинъ генералъ-майора. Въ это время онъ узнаетъ о высадкѣ претендента Карла-Эдуарда въ Англію и отправляется туда. Еще прежде того онъ дѣлалъ путешествіе въ Англію съ цѣлью лично познакомиться съ тѣмъ, насколько дѣло Стюартовъ имѣетъ шансы на успѣхъ и старательно изучалъ тогда все восточное побережье Шотландіи съ цѣлью опредѣлить, гдѣ удобнѣе сдѣлать высадку. Какъ извѣстно, экспедиція Карла-Эдуарда потерпѣла неудачу; но Лалли не скоро помирился съ приговоромъ дѣйствительности; онъ все еще надѣялся на поворотъ фортуны и мечталъ поднять въ Англіи возстаніе въ пользу послѣдняго Стюарта. Когда его выслали изъ Лондона, онъ снова явился туда и покинулъ его тогда только, когда безнадежность дѣла Стюартовъ стала очевидной и когда англійское правительство, освѣдомленное о его участіи въ заговорѣ, назначило премію за его голову. На пути изъ Англіи онъ попалъ къ контрабандистамъ въ качествѣ

---

[1]) Въ „Recueil des istructions données au ambassadeurs et ministres de France“, въ томѣ „Russie“, на стр. 330 напечатано письмо Флери отъ 18 апрѣля 1738 г. къ Лалли Толандалю въ Петербургъ въ отвѣтъ на его письмо отъ 16 марта. Онъ не получилъ этого письма, которое вывело бы его изъ затрудненія.

матроса и лоцмана и изъ ихъ разговора узналъ, что они считали бы себя счастливыми, если бы имъ удалось получить награду за голову Лалли.

Онъ такъ хорошо направилъ ихъ судно, что оно попалось въ руки французскихъ таможенныхъ, а онъ самъ освободился отъ своихъ хозяевъ. Эти неудачи не устались безъ вліянія на характеръ и на настроеніе Лалли Толандаля. Онъ сталъ мрачнымъ, раздражительнымъ и крайне вспыльчивымъ. Та доброта и общительность, о которыхъ говорилъ Вольтеръ, вспоминая о личныхъ своихъ сношеніяхъ съ нимъ, остались позади. Неизмѣнною оставалась только ненависть къ Англіи и готовность вслѣдствіе этого всегда и вездѣ вредить этой странѣ. Предъ семилѣтнею войною у него является мысль о высадкѣ въ Англію и снова воскресаетъ надежда на оживленіе дѣла Стюартовъ. Онъ былъ на сѣверномъ берегу Франціи, изучая вопросъ о высадкѣ, когда индійская компанія остановила на немъ свой выборъ и обратилась къ нему съ порученіемъ отправиться въ Индію въ качествѣ главнокомандующаго. Онъ согласился на это порученіе тогда, когда узналъ, что всякая мысль о высадкѣ въ Англію оставлена и что Франція отказывается поддерживать претензіи Стюарта. Явившись въ Парижъ, онъ получилъ въ правленіи компаніи инструкціи и въ то же время представилъ ей свой планъ дѣйствій, который онъ составилъ на основаніи тѣхъ матерьяловъ, которые онъ нашелъ въ бумагахъ компаніи. Этотъ планъ и эти инструкціи поучительны въ томъ отношеніи, что они совершенно противорѣчили требованіямъ дѣйствительности, съ которою мы нѣсколько познакомились выше.

Этотъ планъ представлялъ собою компромиссъ между идеями правленія индійской компаніи и идеями Дюпле. Разбираясь въ планахъ послѣдняго, Лалли соглашался съ тѣмъ, что эти идеи были продуктомъ фантазіи, но эта фантазія все таки его плѣнила своимъ величіемъ. Онъ отрекался отъ мысли о завоеваніи Индіи, но онъ не могъ отказаться отъ мысли о необходимости изгнать англичанъ изъ Индіи и образовать тамъ нѣчто въ родѣ государства, которое было бы достаточно велико, чтобы чувствовать себя безопаснымъ отъ нападенія и недостаточно велико, чтобы возбуждать зависть. „Совершенно невозможно, говорилъ онъ, быть въ мирѣ съ англичанами въ Индіи и, слѣдовательно, вести тамъ полезную торговлю до тѣхъ поръ, пока они тамъ существуютъ. Съ другой стороны рѣшительно и абсолютно необходимо отказаться отъ системы Дюпле, которая была источникомъ столькихъ несчастій. Значитъ ли

это, что слѣдуетъ забыть наши интересы и нашу славу? Нѣтъ. Политика, которой нужно слѣдовать, заключается въ томъ, что надо начать съ искорененія англичанъ въ Индіи; сдѣлавъ это, надо, въ полномъ блескѣ побѣды, показать примѣръ умѣренности, который обезпечитъ намъ уваженіе и любовь всѣхъ сосѣдей. Это будетъ тотъ моментъ, когда нужно будетъ отдать законнымъ государямъ всѣ тѣ земли, которыя у нихъ были отняты". Далѣе онъ предлагалъ отказаться отъ всѣхъ тѣхъ владѣній, которыя были обременительны тѣмъ, что лежали за 300—400 лье отъ Пондишери и, будучи расположены въ четырехъ кускахъ, не могли поддерживать другъ друга, и замѣнить ихъ посредствомъ обмѣна съ туземными государями нѣсколькими меньшими и смежными землями, которыя составили бы вмѣстѣ съ Пондишери одну массу [1]).

Какъ говоритъ Амонъ, это былъ проэктъ человѣка, который не имѣлъ понятія о положеніи дѣлъ въ Индіи. Онъ совершенно забылъ, что если англичане и французы боролись уже десять лѣтъ въ Индіи, то это вовсе не изъ за торговыхъ интересовъ, а изъ за обладанія Индіей. Идея завоеванія оттѣснила на второй планъ коммерческіе интересы. На лицо было три соискателя наслѣдства Великаго Могола: англичане, французы и мараты. Быть побѣдителемъ могъ только одинъ, и онъ долженъ былъ задавить своихъ соперниковъ: таково было положеніе дѣла. Изгнаніе англичанъ и отказъ затѣмъ Франціи отъ трона Дели ничуть не измѣняли положенія, такъ какъ оставались мараты. Ставъ побѣдителями, они естественно должны были уничтожить всѣхъ тѣхъ набабовъ и раджей, которые были подъ властью Великаго Могола, и, конечно, они не имѣли бы ни основаній, ни желанія уважать тѣ договоры, которые послѣдніе заключили бы съ Франціей относительно уступки послѣдней тѣхъ небольшихъ земель, которые должны были составить вокругъ Пондишери компактную массу въ одномъ кускѣ. Отсюда вытекало возобновленіе войны, которая должна была бы быть ведена, въ такомъ случаѣ, безъ помощниковъ, съ непріятелемъ, усиленнымъ побѣдой, и потому стать упорной и продолжительной. Очевидно, что планъ Лалли былъ именно химерой, тогда какъ то, что онъ называлъ химерой, а именно идея Дюпле о необходимости завладѣнія, помимо англичанъ и противъ нихъ, имперіей Великаго Могола, было въ сущности простымъ и, потому самому, вѣрнымъ рѣшеніемъ предстоявшей задачи.

---

[1]) Hamont. Lally-Tollendal, p. 62.

Этотъ планъ Лалли показывалъ, что по своимъ идеямъ онъ не годился для той задачи, которую на него возлагали. Но и по личнымъ своимъ качествамъ онъ не былъ подходящимъ человѣкомъ для этого дѣла. Современники, знавшіе его, понимали это. Военный министръ д'Аржансонъ, къ которому члены правленія компаніи обратились съ просьбой о поддержкѣ ихъ ходатайства о назначеніи Лалли Толандаля главнокомандующимъ въ Индію, отвѣчалъ на ихъ просьбу въ слѣдующихъ словахъ, которыя оказались пророческими. „Вы ошибаетесь, сказалъ онъ имъ. Я знаю лучше васъ достоинства г. де-Лалли; но его нужно оставить намъ въ Европѣ. Его дѣятельность огневая. Въ дѣлѣ дисциплины онъ не пойдетъ на сдѣлку, онъ приходитъ въ ужасъ отъ всякаго неправильнаго поступка, негодуетъ противъ всего, что не идетъ достаточно быстро; онъ не скрываетъ того, что чувствуетъ, и высказывается въ такихъ выраженіяхъ, которыя не забываются. Все это прекрасно между нами, но въ нашихъ конторахъ въ Азіи... какъ это вамъ кажется? При первой небрежности, которая повредитъ королевскому оружію, при первомъ признакѣ неповиновенія или мошенничества, Лалли начнетъ гремѣть, если не наказывать жестоко. Тогда начнутъ вредить его операціямъ, чтобы отомстить ему. Такимъ образомъ въ Пондишери будетъ происходить война внутри его стѣнъ одновременно съ внѣшней войной у воротъ его“.

Эти слова д'Аржансона показываютъ, что онъ хорошо зналъ характеръ Лалли. Онъ вѣрно указалъ то, что въ этомъ характерѣ не подходило къ индійскимъ отношеніямъ. Но кромѣ того, тамъ требовалось отъ главнокомандующаго, чтобы онъ былъ не только стратегомъ, но и политикомъ, и дипломатомъ и обладалъ организаторскимъ талантомъ. Лалли не обладалъ этими качествами. Онъ не проходилъ школы дипломата или политика или даже администратора. Его характеръ, какимъ его обрисовалъ д'Аржансонъ и какимъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ, не подходилъ къ этимъ ролямъ, а, между тѣмъ, эти роли въ Индіи значили больше, чѣмъ военные таланты. Да и какъ военный Лалли былъ несовсѣмъ тѣмъ, что тамъ требовалось. Онъ привыкъ къ условіямъ войны европейской, гдѣ отъ генерала требовалось только заботиться о тактическихъ вопросахъ: снаряженіе арміи, ея комплектованіе, ея снабженіе всѣмъ необходимымъ на немъ не лежало. Не то было въ Индіи: тамъ надо было заботиться обо всемъ: и о снабженіи войска, и объ отысканіи подкрѣпленій и о созданіи ресурсовъ въ самой странѣ, служившей театромъ военныхъ дѣйствій.

Къ этому онъ не былъ приготовленъ, а его талантливость не отличалась тѣмъ творчествомъ, которое составляетъ удѣлъ людей, щедро одаренныхъ природой. Такимъ онъ не былъ.

Надо имѣть въ виду кромѣ того, что онъ получилъ инструкціи отъ правленія компаніи, въ которыхъ ему указывалось, какъ онъ долженъ относиться къ мѣстнымъ дѣятелямъ. Въ этихъ инструкціяхъ послѣдніе были очерчены въ невыгодномъ свѣтѣ, такъ что онъ былъ уже предупрежденъ противъ нихъ. Самая политика, представителемъ которой былъ Бюсси и которой, поневолѣ, въ силу логики вещей, долженъ былъ слѣдовать Лейри, выставлена была въ такомъ свѣтѣ, будто она удовлетворяетъ ихъ своекорыстнымъ цѣлямъ, и что они держатся ея въ видахъ своего обогащенія. Такимъ образомъ Лалли отправлялся въ Индію человѣкомъ предубѣжденнымъ какъ противъ извѣстныхъ воззрѣній, такъ и противъ тамошнихъ дѣятелей, которыхъ содѣйствіе было для него необходимо и которыхъ, однако, онъ долженъ былъ считать мошенниками, противъ которыхъ слѣдуетъ принимать мѣры. Очевидно поэтому, что въ планѣ Лалли, въ его невѣдѣніи той страны, въ которую онъ отправлялся, въ его характерѣ, въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя онъ былъ поставленъ къ колоніальному правительственному персоналу, крылись причины неудачи той миссіи, которая была поручена ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшавшія въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о томъ, будетъ ли использована въ интересахъ Франціи политика Дюпле, или же выгоды ея достанутся англичанамъ, которые въ это время уже начали ей слѣдовать.

При назначеніи Лалли главнокомандующимъ ему обѣщано было, что ему будетъ дано шесть полковъ пѣхоты, шесть милліоновъ ливровъ и три линейныхъ корабля въ добавку къ компанейскимъ кораблямъ. Но въ то время, когда уже эскадра подняла якорь, пришелъ приказъ, по которому линейные корабли оставлялись во Франціи, а также оставлялись и три пѣхотныхъ полка и сокращались также на половину денежныя средства. Равнымъ образомъ были произведены и перемѣны въ личномъ составѣ высшей команды, невыгодныя для нея. По полученіи этихъ распоряженій, Лалли заявилъ желаніе отказаться отъ возложеннаго на него порученія, но министры его уговорили остаться во главѣ экспедиціи, обѣщавъ ему прислать впослѣдствіи подкрѣпленія какъ денежныя, такъ и военныя. Послѣ долгихъ сборовъ, наконецъ, эскадра тронулась 5-го мая 1757 года и, съ большими остановками, двигалась въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ до Пондишери, Эта медленность

движенія въ значительной степени зависѣла отъ характера адмирала д'Аше, которому поручено было командованіе эскадрой. Это былъ человѣкъ нерѣшительный и крайне медлительный. Всякое предвидѣніе неблагопріятныхъ условій для плаванія заставляло его застаиваться въ портахъ, и никакія просьбы Лалли не могли заставить его ускорить плаваніе; а приказать ему онъ не могъ, такъ какъ онъ не былъ подчиненъ ему. Нерѣшительность д'Аше усиливалась еще тѣмъ, что онъ съ глубокимъ презрѣніемъ относился къ компанейскимъ кораблямъ и къ ихъ командѣ. Наконецъ, въ концѣ апрѣля увидѣлъ Лалли англійскій фортъ С. Давидъ, расположенный нѣсколько южнѣе Пондишери. Увидя, что онъ не защищенъ англійской эскадрой, онъ рѣшилъ оставить передъ нимъ свою эскадру, а самъ отправился въ Пондишери, чтобы тамъ приготовить все нужное для нападенія на крѣпость. Появленіе фрегата, который везъ главнокомандующаго было привѣтствовано салютомъ съ укрѣпленій Пондишери; но эта встрѣча была очень неудачна; нѣкоторыя орудія, по недосмотру, стрѣляли боевыми снарядами и нѣсколько ядеръ попало въ корму фрегата. Это произвело очень дурное впечатлѣніе. Сойдя на берегъ въ дурномъ настроеніи духа, Лалли едва отвѣчалъ на привѣтствія мѣстныхъ властей, и тотчасъ же потребовалъ отъ губернатора и совѣтниковъ колоніи, чтобы они распорядились доставкою къ С. Давиду орудій и провіанта. Когда ему на это замѣчено было, что надо немного подождать, когда будутъ собраны кули (носильщики), то онъ на это нетерпѣливо отвѣтилъ приказаніемъ, чтобы собрали всѣхъ жителей, способныхъ выполнить это дѣло. Такое приказаніе легко было дать, но не легко выполнить въ странѣ, въ которой существовали касты. Этимъ распоряженіемъ онъ сразу возстановилъ противъ себя туземцевъ; при извѣстіи о немъ началось повальное бѣгство туземцевъ изъ Пондишери. Тѣ же туземцы, которыхъ успѣли захватить, были глубоко оскорблены въ своихъ вѣрованіяхъ тѣмъ, что ихъ заставили дѣлать то, что ими признавалось унизительнымъ. Въ странѣ, гдѣ такъ строго разграничивались касты между собою, гдѣ солдатъ считалъ для себя униженіемъ рыть траншею, которая должна была защищать его отъ непріятеля, гдѣ кавалеристъ считалъ для себя невозможнымъ ухаживать за своею лошадью и гдѣ браминъ считалъ для себя унизительнымъ всякій физическій трудъ, въ такой странѣ распоряженіе Лалли могло принести больше вреда чѣмъ пользы. Дѣйствительно носильщиковъ много не достали, а раздраженія вызвали много и съ пер-

ваго же разу, между главнокомандующимъ и мѣстнымъ населеніемъ, установились натянутыя отношенія. Не безъ значительныхъ затрудненій добрался Лалли до С. Давида; въ тотъ моментъ, когда онъ разсчитывалъ напасть на лежащій по сосѣдству городъ Годелуръ, появилась англійская эскадра. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы д'Аше вступилъ съ нею въ бой самъ, онъ нападаетъ на Годелуръ, рискуя, что въ это время на него можетъ быть сдѣлано нападеніе изъ С. Давида. Онъ догадался, что этого не будетъ, и его догадка оказалась вѣрна. Составъ гарнизона былъ настолько плохъ, что англійскій комендантъ, человѣкъ очень энергичный, не рѣшился выйти противъ французовъ въ открытое поле, будучи убѣжденъ, что его солдаты побѣгутъ при первой встрѣчѣ. Годелуръ былъ взятъ. Вслѣдъ затѣмъ Лалли сталъ приготовляться къ осадѣ С. Давида, т. е. убѣждаться, что у него ничего нѣтъ для этой осады: ни орудій, ни провіанта, ни пороха. Въ то же время его безпокоила судьба флота. Черезъ нѣсколько дней онъ узнаетъ, что д'Аше, благополучно раздѣлавшись съ англичанами, но потерявъ пятьсотъ человѣкъ убитыми и потерпѣвъ кое какія аваріи, сталъ на якорь передъ Пондишери. Едва онъ упросилъ его поддержать осаду крейсерствомъ въ морѣ, для чего авансировалъ ему 60 т. ливровъ. Далѣе начались нелегкія хлопоты относительно доставки къ С. Давиду всего необходимаго для осады, причемъ опять повторилась та же ошибка по отношенію къ туземцамъ. Одинъ французъ, писавшій объ этомъ во Францію, сравнивалъ это смѣшеніе судровъ и браминовъ съ паріями съ тѣмъ, какъ если бы графовъ и герцоговъ запрягли въ одну упряжь съ помощниками палача и вмѣстѣ заставили разрушать соборъ Парижской Богоматери. Какъ бы то ни было, но неукротимая энергія Лалли сдѣлала то, что, не смотря на отсутствіе необходимыхъ средствъ, ему удалось менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ заставить капитулировать крѣпость, обладавшую болѣе сильною артиллеріею и гарнизономъ, по численности почти равнымъ силамъ осаждающаго. 2 іюня С. Давидъ палъ, и это событіе произвело сильное впечатлѣніе во всей странѣ, такъ какъ эта крѣпость считалась сильнѣйшею. Возвращеніе войска въ Пондишери было привѣтствовано выраженіями живѣйшаго восторга, и неудовольствія между главнокомандующимъ и мѣстными властями и жителями были на время забыты.

Лалли желалъ воспользоваться немедленно тѣмъ впечатлѣніемъ, которое было произведено паденіемъ С. Давида и напасть на Мадрасъ, этотъ центръ англійскихъ владѣній.

Это предположеніе имѣло за себя нѣкоторыя основанія, но оно было осуществимо при содѣйствіи флота, между тѣмъ адмиралъ д'Аше рѣшительно отказался дѣйствовать противъ Мадраса съ моря, предпочитая крейсировать на высотѣ Цейлона. Всѣ уговоры были напрасны; онъ ушелъ съ своей эскадрой изъ Пондишери. Кромѣ того оказалось, что и денегъ то почти нѣтъ. Лейри сообщилъ объ этомъ Лалли и поставилъ его въ большое затрудненіе. Въ этотъ моментъ, когда онъ не зналъ, что дѣлать, къ нему явился патеръ Лаворъ, іезуитъ, который при Дюпле получалъ иногда миссіи къ индійскимъ дворамъ, въ которыхъ онъ показалъ свою изворотливость и хитрость. Онъ представилъ Лалли, что нѣтъ ничего легче справиться съ затрудненіемъ: стоитъ только предпринять экспедицію противъ владѣтеля Танжаура, который долженъ Чанда-Саибу, протеже французовъ, 5.600,000 рупій. Подъ предлогомъ взысканія этихъ денегъ можно получить съ него хорошую контрибуцію. Дѣло это онъ представилъ легкимъ, не требующимъ ни большихъ средствъ, ни большого отряда. Успѣхъ его будетъ обезпеченъ быстротой движенія. Съ этимъ проэктомъ, который Лалли усвоилъ не безъ колебанія, въ его умѣ связалась идея нападенія на Тричинапали, съ цѣлью овладѣнія этимъ городомъ, находившимся подъ владычествомъ англичанъ, и изъ за котораго такъ упорно боролся съ ними Дюпле. Но для этого небольшого отряда было недостаточно, надо было брать съ собою всю армію. Такъ какъ члены совѣта Пондишери одобрительно относились къ идеѣ экспедиціи и чаяли отъ нея большого выигрыша въ средствахъ, то Лалли рѣшился предпринять ее возможно скорѣе и двинулся изъ Пондишери (19 іюня 1758 г.), снабдивъ свою армію только на одинъ день провизіей, разсчитывая найти припасы въ Дивикотѣ, на пути къ Танжауру. Населеніе окрестностей пути помнило тѣ поступки, которые допустилъ по отношенію къ нему французскій генералъ во время первой экспедиціи, а потому въ страхѣ бѣжало отъ него подальше, затрудняя тѣмъ передвиженіе арміи въ чужой странѣ и ея снабженіе. Легкомысліе похода стало скоро давать себя чувствовать. Въ Дивикотѣ продовольствія не оказалось, и армія двинулась дальше, лишенная самаго необходимаго. Лалли не только не постарался примирить съ собою населеніе и внушить ему довѣріе къ французамъ, но, напротивъ, однимъ поступкомъ еще болѣе раздражилъ его. Неподалеку отъ городка Наура солдаты разграбили одну пагоду и захватили въ ней нѣсколькихъ спрятавшихся тамъ браминовъ. Они привели ихъ къ

Лалли. Для него представлялся теперь прекрасный случай великодушнымъ отношеніемъ къ этимъ безобиднымъ людямъ, и извиненіемъ передъ ними за грабежъ храма расположить къ себѣ населеніе и, такимъ образомъ, добыть средства для арміи. Вмѣсто того, видя вездѣ шпіоновъ, онъ вздумалъ примѣрнымъ наказаніемъ браминовъ навести страхъ на всю округу. Онъ приказалъ привязать ихъ къ жерламъ пушекъ и разстрѣлять. Это зрѣлище кровавыхъ брызговъ и летящихъ въ разныя стороны кусковъ мяса сдѣлало больше, чѣмъ большая побѣда государя Танжаура могла бы сдѣлать. Все населеніе поднялось противъ французовъ, и къ ужасамъ голода присоединились опасности партизанской войны. Осада Танжаура, до котораго таки добралась французская армія, началась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Доходило до того, что разыскивали непріятельскія ядра, чтобы ими снова стрѣлять въ непріятельскія укрѣпленія. Тѣмъ не менѣе однако осада пришла къ тому, что брешь была сдѣлана и уже готовился приступъ, какъ пришло извѣстіе о томъ, что англичане овладѣли французской крѣпостцею Карикаломъ, находившеюся по сосѣдству. Въ этихъ обстоятельствахъ Лалли созвалъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса о томъ, слѣдуетъ ли продолжать дѣло подъ Танжауромъ или же снять осаду? Онъ самъ и еще нѣсколько его товарищей стояли за приступъ, основываясь на томъ, что изъ Карикала англичане не могутъ предпринять ничего въ помощь Танжауру, тогда какъ послѣдній, будучи взятъ, станетъ прекраснымъ базисомъ для дѣйствій противъ англичанъ въ Карикалѣ, тѣмъ болѣе, что армія будетъ снабжена въ Танжаурѣ всѣмъ необходимымъ. Нерѣшительность и боязнь неудачи приступа взяли верхъ и рѣшено было отступить. Каково же было горе и негодованіе, когда подойдя къ Карикалу увидали, что на его стѣнахъ развивается французское знамя и что англичане только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ постояли передъ нимъ и потомъ снова ушли въ море.

Разстроенная, изнуренная армія, потерявшая значительную часть своего состава, возвратилась въ Пондишери. Это возвращеніе совсѣмъ не походило на первое. Ни кликовъ, ни флаговъ, ни букетовъ цвѣтовъ, ничего этого теперь не было; ледяное молчаніе встрѣчало армію и ея генерала, который винилъ въ своей неудачѣ всѣхъ, за исключеніемъ себя самого. Горькіе упреки, которыми онъ, въ своихъ письмахъ изъ подъ Танжаура, осыпалъ членовъ совѣта Пондишери, надѣлали ему много враговъ среди послѣднихъ,

и они, и многіе въ Пондишери почти рады были неудачѣ, постигшей высокомѣрнаго генерала. Въ это время въ городѣ ходилъ по рукамъ пасквиль, въ которомъ, между прочимъ, говорилось про Лалли: „г. Лалли самый необыкновенный человѣкъ, какой появлялся въ Индіи. Вы слишкомъ хорошіе патріоты, чтобы не простить ему его запальчивость, его странности и его выходки; онъ вамъ будетъ дѣлать ихъ на каждомъ шагу. Вы будете тоже испытывать его вспышки, въ особенности, когда вамъ придется направлять на путь истины его мысли или его фантазіи. Я васъ заклинаю именемъ націи и во имя общаго блага не приходите въ отчаяніе; я васъ предупреждаю относительно его слабой стороны, заключающейся въ томъ, что, не умѣя ничего дѣлать, онъ хочетъ показать, что онъ дѣлаетъ все самъ и не слѣдуетъ ни чьимъ совѣтамъ“. „Вамъ будетъ стоить большого труда останавливать его вниманіе на какомъ нибудь дѣлѣ, такъ какъ, занимаясь самымъ серьезнымъ и неотложнымъ дѣломъ, онъ забавляется какой нибудь мелочью, какимъ нибудь анекдотомъ, а дѣло ни съ мѣста. Надо еще васъ предупредить, что онъ считаетъ себя человѣкомъ непроницаемымъ и очень недоволенъ тѣми, которые его разгадываютъ. Я оканчиваю этотъ портретъ, говоря вамъ, что онъ самый корыстолюбивый человѣкъ въ Европѣ, и онъ считаетъ себя такимъ хитрымъ, что можетъ обмануть весь міръ“.

Этотъ портретъ былъ столь же далекъ отъ истины, сколько онъ былъ проникнутъ злобой противъ Лалли. Надо, однако, признать, что онъ усердно создавалъ себѣ враговъ, гремя противъ неспособности и корыстолюбія членовъ совѣта колоніи, и забывая про свои ошибки. Походъ противъ Танжаура былъ одной сплошной ошибкой. Онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы подготовить средства для достиженія намѣченной цѣли. Онъ говорилъ, что это дѣло не его, а администраціи и сваливалъ вину на совѣтъ, но въ Индіи полководецъ не могъ ни на минуту не быть администраторомъ, хотя и вообще ему трудно не быть таковымъ вовсе и въ другихъ странахъ, и большое легкомысліе и незнаніе мѣстныхъ условій со стороны Лалли сказалось въ томъ, что онъ думалъ, что можно имѣть успѣхъ, оставаясь только тактикомъ и не заботясь объ организаціи всей администраціи, не только военной, но и гражданской. Но подлость, а также и корыстолюбіе были ему чужды, и напротивъ, возбуждали въ немъ отвращеніе.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ подъ С. Давида онъ задумалъ вызвать генерала Бюсси изъ Декана, полагая, что его пребываніе

тамъ безполезно. На представленія послѣдняго о томъ, чтобы онъ тамъ его оставилъ, онъ отвѣчалъ отказомъ, полагая, что настойчивость послѣдняго въ желаніи остаться тамъ, а равно и желаніе въ томъ же направленіи тамошняго субаба Салабетъ-Зенга объясняются корыстолюбивыми мотивами. Тѣмъ настойчивѣе требовалъ онъ исполненія своего желанія. Бюсси послѣдовалъ этому приказанію, разсчитывая, однако, что ему удастся убѣдить Лалли въ томъ, что первоклассные интересы Франціи требуютъ присутствія французскаго отряда въ Деканѣ. Свиданіе между этими людьми произошло въ то время, когда, послѣ неудачной экспедиціи въ Танжауръ, Лалли отправился противъ сосѣдняго города Арката въ надеждѣ тамъ найти средства для содержанія арміи и обезпечить себѣ тылъ въ нападеніи на Мадрасъ, отъ котораго онъ не отказался. Бюсси и Лалли представляли собою противоположности, примиренія между которыми не могло быть и встрѣча которыхъ только могла усилить вражду, къ которой располагала ихъ противоположность ихъ политическихъ воззрѣній, если бы даже къ этому и не примѣшивалась подозрительность Лалли, усиленная имѣвшимися у него указаніями, данными ему въ правленіи компаніи. Бюсси былъ человѣкомъ, воспитавшимся въ школѣ Дюпле. Будучи храбнымъ и недюжиннымъ генераломъ, онъ въ то же время былъ и государственнымъ человѣкомъ. Въ этомъ заключается оригинальность его характера, разгадка его силы и слабости и объясненіе его роли. Если у него нѣтъ соперниковъ въ мастерствѣ вести аттаку, если у него есть глубина разсчета хорошаго стратега, то у него въ еще большей степени есть качества выдающагося министра. Посреди теченій и разрозненныхъ политическихъ силъ, которыя, соединяясь и пересѣкаясь между собою, созидаютъ и разрушаютъ государства, онъ умѣлъ распознать такія, которыми государственный человѣкъ долженъ воспользоваться, если хочетъ дать торжество своему дѣлу. Это умъ наиболѣе политическій и наиболѣе практичный, какой только можно встрѣтить. Онъ обладаетъ правильностью сужденія; его концепціи ясны и точны; у него есть инстинктъ дипломата, его чутье. Его господствующая черта, это здравый смыслъ. По существу это умѣренный человѣкъ, который любитъ только реальное и врагъ всякихъ химеръ.

Лалли совсѣмъ не похожъ на своего соперника. У него совсѣмъ нѣтъ политическаго ума и еще менѣе качества дипломата; у него темпераментъ солдата, его характеръ, это пылъ и страсть. Онъ не способенъ ни очаровывать, ни ласкать. Его тонъ повелите-

ленъ, манеры рѣзки, улыбка саркастична; его слова сѣкутъ человѣка, противъ котораго они направлены, какъ удары хлыста. Къ этому присоединялась непомѣрная гордость и высокомѣріе, которыя способны были вооружить противъ него весь міръ. По натурѣ онъ былъ подозрителенъ, недовѣрчивъ, склоненъ всегда искать заднія мысли въ словахъ того, кто съ нимъ говорилъ. У него не было недостатка въ умѣ, но это былъ умъ абсолютный, узкій и упрямый. Онъ охотно исходитъ изъ ложнаго принципа и отъ дедукціи къ дедукціи онъ идетъ до конца, увлекаемый своимъ воображеніемъ, которое у него слишкомъ живо и прячетъ отъ него дѣйствительность. Въ самомъ дѣлѣ, если чего ему недостаетъ, это чутья возможнаго.

Встрѣча между нимъ и Бюсси произошла, какъ мы сказали, во время похода въ Аркатъ. Лалли пригласилъ его сѣсть съ нимъ въ коляску и, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, разговоръ скоро перешелъ на дѣла въ Деканѣ. Самый походъ Лалли въ Аркатъ казался Бюсси признакомъ, что Лалли отказывается отъ неуклоннаго слѣдованія той системѣ, которая требовала уклоненія отъ всякихъ завоеваній въ Индіи, за исключеніемъ англійскихъ колоній. Тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ онъ началъ излагать свой взглядъ на положеніе французовъ въ Деканѣ. „Деканъ въ нашихъ рукахъ обезпечиваетъ намъ владѣніе Индіей, говорилъ Бюсси. Г. Дюпле говорилъ, что это ключь свода всей его системы, никакое дѣйствіе ни матерьяльно, ни нравственно невозможно, если не обращать ниманія на желанія государя Декана, такъ какъ ничего нельзя сдѣлать безъ его содѣйствія. Она сюзеренъ Карната, Тричинапали и другихъ земель, онъ даетъ инвеституру набабамъ. Сама компанія владѣетъ Пондишери въ силу уступки, на которою согласился когда то субабъ Декана. Это власть, отъ которой все зависитъ. Если противъ этой власти бываютъ возстанія, это не доказываетъ ничего; она тѣмъ не менѣе остается единственнымъ политическимъ и нравственнымъ авторитетомъ, предъ которымъ преклоняется вся эта часть Индіи, которая служитъ поприщемъ нашихъ дѣйствій. Въ высшей степени важно поэтому, чтобы мы продолжали устами Салабетъ-Зенга диктовать Индіи наши желанія, въ особенности теперь, когда мы направляемся на Аркатъ, чтобы прогнать оттуда ставленника англичанъ, котораго надо будетъ замѣнить нашей креатурой. Если мы, напротивъ, эвакуируемъ Деканъ, то вся наша власть рухнетъ, такъ какъ безъ горсти французовъ, которая его защищала до сего времени, Са-

лабетъ-Зенгу нельзя будетъ удержаться. Разъ мы уйдемъ, этотъ субабъ будетъ атакованъ маратами, англичанами и, наконецъ, опаснымъ соперникомъ Низамомъ-Али, сыномъ низверженнаго субаба, котораго, конечно, Англія будетъ поддерживать.

Салабетъ-Зенгъ падетъ въ этой борьбѣ и тогда англичане посадятъ на тронъ, вмѣсто нашего вассала, свою креатуру Низама-Али, или, можетъ быть, Салабетъ-Зенгъ выпроситъ помощь у Англіи, и тогда онъ обратится противъ насъ. Тогда не только мы потеряемъ Деканъ, наше вліяніе и престижъ, которые даются владычествомъ въ немъ, но и тѣ сѣверныя провинціи, земли Сиркаровъ, которыя мнѣ удалось побудить Салабетъ-Зенга уступить въ собственность компаніи. Намъ даже невозможно будетъ сохранить наши владѣнія Мазулипатамъ и Диви".

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя эти пророческія слова оправдались.

„И это еще не все, говорилъ Бюсси, мы ничего не будемъ въ силахъ предпринять противъ Мадраса, такъ какъ этотъ городъ будетъ имѣть опору въ громадныхъ рессурсахъ сѣвера Индіи. Единственное средство устранить всѣ эти опасности, это отослать нѣсколько французскихъ солдатъ къ Салабетъ-Зенгу" [1]). Далѣе онъ представлялъ Лалли, что, если теперь армія лишена средствъ, то этотъ недостатокъ можно восполнить средствами туземныхъ князей, но только это возможно подъ тѣмъ условіемъ, если требованіе къ нимъ будетъ обращено подъ фирмой Салабетъ-Зенга.

Лалли слушалъ всѣ эти разсужденія молча и только дѣлалъ короткія замѣчанія въ томъ смыслѣ, что всѣ эти опасенія преувеличены и что главный врагъ, это англичане и что разъ онъ съ ними справится, то онъ, не выходя изъ своего кабинета, будетъ дѣлать болѣе солидныя операціи и съ меньшими расходами, чѣмъ тѣ, которыя стоили столько денегъ и людей королю. Умъ Лалли никакъ не могъ взять въ толкъ полезность союзовъ съ туземными князьями, которыхъ сами же французы возводили на престолъ и на немъ поддерживали. Ему не понятна была эта фикція власти, за которою должна была скрываться дѣйствительная сила. Его умъ не могъ обнять всей сложности тѣхъ отношеній, которыя возникали изъ политическаго положенія французовъ и англичанъ въ Индіи и изъ шаткаго положенія Монгольской имперіи. Будучи во-

---

[1]) Hamont. Ibid., pp. 129—133 (Мемуаръ Бюсси 1766 г.—Письмо Лалли министру Силуету 16 окт. 1759 г.).

еннымъ и только военнымъ, онъ привыкъ къ отношеніямъ болѣе простымъ и терялся въ дебряхъ политики, какъ терялся въ вопросахъ администраціи. А къ тому же при этомъ непониманіи смысла политики, представителемъ которой являлся Бюсси, онъ хорошо помнилъ о тѣхъ корыстолюбивыхъ видахъ, на которыя ему указали въ Парижѣ, и теперь всѣ эти непонятные аргументы являлись ему какъ прикрытіе, болѣе или менѣе удачное, этихъ видовъ. И онъ сидѣлъ съ подозрѣніемъ въ душѣ, искоса посматривая на своего собесѣдника. Послѣдній былъ удивленъ. Наступило молчаніе, неловкое для обоихъ. Бюсси вспомнилъ о тѣхъ обвиненіяхъ въ корыстолюбіи Лалли, о которыхъ онъ слышалъ, и онъ рѣшился подѣйствовать на эту сторону его, чтобы спасти политику, которую онъ отстаивалъ. Къ тому же онъ такъ много практиковалъ подобныя средства въ сношеніяхъ съ азіатскими государями и съ представителями компаніи, что ему легко было вѣрить въ людское корыстолюбіе. Послѣ нѣкотораго малчанія онъ обратился къ Лалли съ слѣдующимъ представленіемъ. „Я прошу у васъ только отдохнуть восемь или десять дней въ Пондишери. Я привелъ вамъ триста солдатъ изъ Декана. Прибавьте къ нимъ семьсотъ и отошлите меня опять къ Салабетъ-Зенгу. Я вамъ уплачу сто пятьдесятъ тысячъ рупій и дамъ алмазъ въ сто тысячъ франковъ“. Лалли едва не подскочилъ на мѣстѣ: наконецъ то Бюсси снялъ маску и показалъ свою жадность и свой эгоизмъ! Онъ успѣлъ, однако, сохранить свое положеніе и скрыть свое презрѣніе и радость. По его собственному выраженію онъ „сыгралъ добродѣтельную кокетку“ и ограничился отказомъ, сказавъ: „милостивый государь, въ настоящее время я думаю только объ англичанахъ. У меня есть проэктъ противъ Мадраса; помогите мнѣ вашимъ кредитомъ и вашимъ кошелькомъ, чтобы овладѣть этимъ городомъ, а потомъ я сдѣлаю все, чего вы пожелаете, и это вамъ не будетъ стоить ни одного су“. Этотъ отвѣтъ привелъ въ отчаяніе Бюсси; въ то же время этотъ разговоръ порвалъ роковымъ образомъ отношенія между этими двумя людьми. Послѣ того, вражда между ними все болѣе и болѣе разгоралась, прорываясь въ бурныхъ выходкахъ съ одной стороны и въ спокойной критикѣ дѣйствій генерала съ другой, критикѣ, уничтожавшей и безъ того небольшой авторитетъ послѣдняго. Лалли убѣдился, что онъ для блага своей миссіи долженъ поступать во всемъ какъ разъ наоборотъ тому, что будетъ совѣтовать Бюсси, и подъ вліяніемъ этого убѣжденія дѣлалъ иногда роковыя ошибки. Такъ было въ дѣлѣ о назначеніи набаба въ Аркатъ. Экспедиція

кончилась удачно, Аркатъ былъ взятъ, ставленникъ англичанъ былъ прогнанъ. Явился вопросъ, кого поставить на его мѣсто? Кандидатовъ представлялось двое: Басалетъ-Зенгъ и Ражда-Саибъ. Первый изъ нихъ приходился братомъ субабу Декана Салабетъ-Зенгу и потому могъ быть очень полезнымъ въ томъ отношеніи, что могъ разсчитывать на признаніе послѣдняго и на поддержку; кромѣ того, онъ былъ человѣкъ колоссально богатый, а потому отъ него можно было получить большія средства какъ за предоставленіе Аркота, такъ и авансомъ за тѣ платежи, которыя слѣдовали компаніи съ нѣкоторыхъ племенъ и полученіе которыхъ онъ могъ взять на себя. Такимъ образомъ, эта кандидатура представлялась выгодной въ политическомъ и, что было въ данную минуту очень важнымъ, и въ финансовомъ отношеніяхъ. Раджа-Саибъ былъ сыномъ Чанда-Саиба, сторонника французовъ, котораго Дюпле поддерживалъ въ качествѣ набаба Карната. Онъ, такимъ образомъ, имѣлъ нѣкоторое основаніе разсчитывать на поддержку французовъ; но затѣмъ у него не было ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя могли бы его сдѣлать полезнымъ союзникомъ. У него не было ни связей съ туземными владѣтелями, онъ не могъ разсчитывать на признаніе со стороны Салабетъ-Зенга и потому его водвореніе не могло получить характера законности въ глазахъ туземцевъ. Средствъ у него не было, а потому на него, какъ на финансовую силу разсчитывать нельзя было. Вслѣдствіе этихъ условій Бюсси высказался за кандидатуру Басалетъ-Зенга. Но этого было достаточно, чтобы Лалли предпочелъ кандидатуру Раджа-Саиба. Это была ошибка, имѣвшая роковыя послѣдствія, сказавшіяся очень скоро. Для обезпеченія своего плана похода на Мадрасъ Лалли рѣшилъ овладѣть однимъ небольшимъ укрѣпленіемъ (Ченглепе), которое находилось въ рукахъ англичанъ. Но экспедиція эта не удалась вслѣдствіе того, что давно не получавшая жалованія кавалерія возмутилась. Этотъ бунтъ удалось кое какъ усмирить тѣмъ, что офицеры сложились и заплатили часть недоимки. Новый набабъ Карната не могъ заплатить той контрибуціи, которая съ него причиталась, такъ какъ собрать не могъ тѣхъ платежей, на которые разсчитывалъ. Между тѣмъ англичане практиковали теперь ту политику, авторомъ которой былъ Дюпле, и имѣли все нужное въ изобиліи, благодаря своимъ союзникамъ. При такихъ обстоятельствахъ возвратился Лалли въ Пондишери въ октябрѣ 1758 года послѣ славнаго, но безполезнаго похода. Но онъ все таки не отказался отъ немедленнаго осуществленія нападенія на Мадрасъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Пондишери онъ созвалъ совѣтъ, на которомъ поставилъ вопросъ объ этой экспедиціи на обсужденіе военныхъ и гражданскихъ властей. Въ его мысли поход противъ Мадраса долженъ былъ предупредить возможное нападеніе англичанъ на Пондишери. Губернаторъ Лейри поставилъ на видъ отсутствіе средствъ для содержанія арміи. Тогда Лалли пожертвовалъ своихъ 140 т. ливровъ, а его генералы, сложившись, собрали еще 34,000 рупій, причемъ генералъ д'Этэнъ (d'Estaing) замѣтилъ, что онъ предпочитаетъ погибнуть на глассисѣ Мадраса, чѣмъ пропасть съ голоду въ Пондишери. Экспедиція была рѣшена, но какъ и въ прежніе разы въ походахъ противъ Сенъ Давида и противъ Танжаура, такъ и теперь походъ предпринятъ былъ спѣшно, безъ надлежащей подготовки. Не было принято въ разсчетъ также и время года, когда тропическіе дожди дѣлаютъ дороги непроходимыми. Вслѣдствіе всего этого экспедиція была очень трудна и разливы рѣкъ задержали ее на цѣлыхъ двѣ недѣли, что для отряда, плохо снабженнаго, оказалось роковымъ. Наконецъ 11 декабря 1758 года армія явилась подъ стѣнами Мадраса. Городъ раздѣлялся на двѣ, рѣзко отличныя другъ отъ друга, части: крѣпость св. Георгія, обнесенную хорошими валами и снабженную въ достаточной степени средствами защиты, въ которой жили европейцы, и Черный Городъ, обнесенный невысокимъ тыномъ и легко доступный для аттаки. Въ этомъ послѣднемъ жили туземцы; отдѣлялась эта часть города отъ первой прудомъ и русломъ вытекавшей изъ него рѣчки. Не трудно было овладѣть Чернымъ Городомъ. Это и было сдѣлано тотчасъ по прибытіи арміи. Измученные лишеніями во время похода, солдаты бросились грабить и совсѣмъ не слушались останавливавшихъ ихъ офицеровъ. Это замѣтили англичане и рѣшились воспользоваться разстройствомъ непріятеля. Они сдѣлали быструю и стремительную вылазку. Она почти увѣнчалась успѣхомъ, когда генералъ д'Этэнъ, отрядъ котораго былъ въ порядкѣ, оказалъ сопротивленіе нападавшимъ. Въ то же время Лалли успѣлъ собрать лотарингскій полкъ и броситься въ атаку; тоже успѣлъ сдѣлать генералъ Бюсси и придти на помощь съ полкомъ Лалли. Сраженіе стало общимъ и кончилось къ невыгодѣ англичанъ. Очень можетъ быть, что они попались бы въ плѣнъ, если бы отрядъ генерала Криллона занялъ мостъ черезъ рѣчку, ведущій въ крѣпость. Уже начальникъ англійскаго отряда Дрэперъ слышалъ мѣрный топотъ, который для привычнаго уха военнаго означалъ приближеніе значи-

тельнаго отряда. Дѣйствительно, Крилльонъ шелъ къ мосту; но его задержалъ на нѣкоторое время генералъ Бюсси, обратившій его вниманіе на то, что у него нѣтъ пушекъ, тогда какъ у непріятеля онѣ есть. Онъ даже запретилъ солдатамъ двигаться впередъ, когда Крилльонъ, не смотря на его совѣтъ, скомандовалъ впередъ. Онъ таки двинулся впередъ съ частью солдатъ, но происшедшее замѣшательство вызвало потерю времени, которымъ и воспользовался Дрэперъ. Онъ успѣлъ пройти по мосту нѣсколькими минутами раньше, хотя и потерялъ значительную часть отряда плѣнными и убитыми. Англичане потерпѣли пораженіе, но избѣжали катастрофы, такъ какъ за плѣномъ отряда Дрэпера, который былъ почти неминуемъ, послѣдовалъ бы штурмъ крѣпости св. Георгія, а послѣдній послѣ такого пораженія имѣлъ большіе шансы на успѣхъ. Но такъ какъ англичане ускользнули отъ такого несчастья, то теперь пришлось приступить къ правильной осадѣ.

Тутъ сказалась неподготовленность арміи. Артиллерійскіе снаряды доставляли изъ Пондишери въ малыхъ количествахъ, такъ что осаждающіе могли давать только очень ограниченное число выстрѣловъ ежедневно. То же самое надо сказать и относительно съѣстныхъ припасовъ. Отсутствіе союзниковъ и безсиліе аркатскаго набата доставить деньги и припасы теперь высказались въ полной мѣрѣ. Войска терпѣли недостатокъ во всемъ необходимомъ. Къ этому присоединялись еще злоупотребленія гражданъ Пондишери. Очень нерѣдко тѣ подводы или лодки, которыя нужны были для доставки припасовъ арміи, они брали себѣ для доставки того груза, который они грабили въ Черномъ Городѣ. Они аккуратно являлись за тѣмъ, чтобы поживиться оставленнымъ безъ хозяевъ добромъ, но не обращали вниманіе на положеніе арміи. Лалли писалъ Совѣту колоніи грозныя письма; но послѣднія кромѣ раздраженія не приводили ни къ какому иному результату. Между тѣмъ солдаты не получали жалованія и на повиновеніе ихъ трудно было разсчитывать. Чтобы предотвратить возстаніе, Лалли занялъ у одного армянина подъ свою личную отвѣтственность 24 т. ливровъ и къ нимъ присоединилъ 12 т. ливровъ, полученныхъ имъ въ подарокъ отъ одного туземнаго князя, и внесъ это все въ казну арміи. Конечно, это было ничто сравнительно съ тѣмъ, что требовалось. Онъ долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на мародерство солдатъ, видя въ немъ средство выиграть время. Между тѣмъ у англичанъ было все въ изобиліи. Ихъ союзники доставляли имъ и деньги, и припасы. Дезертировавшіе изъ

французскаго отряда солдаты появлялись потомъ на валахъ крѣпости и показывали своимъ товарищамъ бутылки съ виномъ и хлѣбъ, полученные ими отъ осажденныхъ. Была еще надежда на присылку обѣщанной помощи изъ Франціи. Дѣйствительно оттуда была послана эскадра въ четыре корабля съ семьюстами солдатами и съ тремя милліонами ливровъ. Въ самый разгаръ кризиса Лалли узналъ, что въ Пондишери пришелъ фрегатъ съ 19 солдатами и съ милліономъ ливровъ. Гдѣ же остальные? Оказалось, что адмиралъ д'Аше, стоявшій все время съ своей эскадрой у Иль-де-Франса, оставилъ у себя три корабля и всѣхъ солдатъ и три милліона. Напрасно администраторы острова уговаривали его двинуться въ Индію на помощь Лалли, онъ отказывался двинуться раньше апрѣля и не только не помогалъ дѣлу, но еще и ослаблялъ его, лишая тѣхъ рессурсовъ, которые для него были предназначены. Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ присоединялось еще и то, что начальникъ инженерной части Дюръ (Dure) до такой степени плохо зналъ свое дѣло, что возводимыя имъ батареи нерѣдко должны были быть перестраиваемы, такъ какъ направляли выстрѣлы не туда, куда слѣдовало. Онъ не слушался генерала и тѣмъ тормозилъ осаду. Опасаясь ежеминутно прибытія англійской эскадры, Лалли рѣшилъ произвести приступъ и назначилъ его на ночь съ 12 на 13 февраля. Непослушаніе и неосторожность туземныхъ войскъ обнаружили предпріятіе и скомпрометтировали его. Новый приступъ былъ назначенъ на 16 число. Все было готово къ нему, войска уже собирались двинуться, какъ на горизонтѣ, при свѣтѣ восходящаго солнца, вырисовались паруса шести англійскихъ кораблей, пришедшихъ на выручку осажденнымъ. Мадрасъ былъ спасенъ. Осаждать его далѣе не было смысла. Лалли снялъ осаду и отступилъ, не тревожимый непріятелемъ.

Снятіе осады Мадраса вызвало негодованіе въ Пондишери, и послѣднее было столько же обусловлено раной, нанесенной патріотическому чувству, сколько злобой на Лалли, который своими выходками противъ совѣтниковъ колоніи и противъ выдающихся гражданъ ея создалъ себѣ множество враговъ. Всѣ они сердились на неудачу не только по тому, что это была крупная неудача, но еще и по тому, что эта неудача была дѣломъ рукъ свирѣпаго генерала. Главнымъ источникомъ, изъ котораго знакомились пондишерійцы съ отношеніемъ къ нимъ Лалли, былъ патеръ Лаворъ, котораго мы уже разъ встрѣчали и который, не смотря на свой роковой совѣтъ Лалли, продолжалъ пользоваться его довѣріемъ.

Въ своихъ письмахъ къ нему послѣдній изливалъ свое негодованіе на губернатора, на членовъ совѣта и на прочихъ нотаблей колоніи, и эти письма показывались заинтересованнымъ лицамъ, и, такимъ образомъ, сѣялась личная вражда противъ Лалли.

Между тѣмъ послѣдній не совсѣмъ оставался глухъ къ урокамъ, вынесеннымъ изъ пораженія. Онъ видѣлъ собственными глазами, какую пользу извлекали англичане изъ своихъ союзовъ, и теперь пытается тоже прибѣгнуть къ нимъ. Но теперь было поздно, такъ какъ политическое положеніе стало совсѣмъ инымъ. Когда англичане потерпѣли неудачу во время вылазки въ Мадрасѣ, многіе индійскіе князья выражали готовность сблизиться съ французами; теперь, послѣ такой крупной неудачи престижъ послѣднихъ упалъ слишкомъ низко, чтобы имъ можно было разсчитывать на хорошіе союзы. Не смотря на предостереженіе Бюсси, Лалли заключилъ союзъ съ маратами, разсчитывая получить отъ нихъ кавалерію для рекогносцировочной службы. Они взяли деньги, но не прислали ни одного кавалериста. Одновременно съ этимъ англичане одержали еще одинъ успѣхъ, который нанесъ французамъ смертельный ударъ. Это было взятіе Мазулипатама. Набабъ сосѣдней области Визанапура обратился къ Клайву за помощью противъ французовъ, противъ которыхъ онъ возмутился. Не смотря на то, что Клайвъ зналъ, что тамъ находится довольно сильный отрядъ французовъ подъ начальствомъ маркиза Конфлана, съ которымъ трудно будетъ справиться, онъ рѣшился рискнуть дѣломъ, такъ какъ выгода отъ удачи могла быть очень велика. Результатомъ ея могло быть преобладаніе въ Деканѣ. Нѣкоторыя случайности были причиной того, что французы потерпѣли пораженіе неподалеку отъ Мазулипатама, и Конфланъ долженъ былъ запереться въ послѣднемъ. Истощивъ почти всѣ припасы, Фордъ, начальникъ англійскаго отряда, взялъ приступомъ эту значительную французскую колонію, которая была ключемъ къ ихъ господству въ Деканѣ и въ странѣ сиркаровъ, лежащей сѣвернѣе. Вслѣдъ за взятіемъ Мазулипатама (апрѣль 1759 г.), субабъ Декана, Салабетъ-Зенгъ обратился къ англичанамъ съ повинною и съ просьбой принять его подъ свое покровительство. Они согласились на его просьбу съ тѣмъ, что онъ долженъ отказаться отъ своихъ отношеній къ французамъ и удалить всѣхъ ихъ изъ своихъ владѣній въ теченіе двухъ недѣль. Такимъ образомъ паденіе Мазулипатама, благодаря энергіи и быстротѣ соображенія Клайва и близорукости французскаго правительства и компаніи, отрек-

шихся отъ политики Дюпле, котораго систему теперь Клайвъ и прилагалъ къ дѣлу, стало равнозначительно паденію французскаго владычества въ Индіи. Послѣ этого событія все, что дѣлалось, было только агоніей умирающаго дѣла, разрушеннаго, можно сказать самими тѣми, кому это дѣло принадлежало.

Когда пришло извѣстіе о паденіи Мазулипатама, Лалли понялъ необходимось обратиться къ услугамъ Бюсси, который, по его мнѣнію, одинъ только могъ сохранить за Франціей Салабетъ-Зенга въ качествѣ союзника. Теперь, послѣ неудачи онъ понялъ и значеніе этого союза. Онъ написалъ Бюсси и предложилъ ему отправиться къ субабу съ 200 человѣкъ солдатъ и съ нѣкоторымъ количествомъ артиллеріи у удержать его отъ подчиненія англичанамъ. Бюсси не менѣе, если не болѣе Лалли понялъ роковое значеніе паденія Мазулипатама, но онъ понималъ также и невозможность осуществленія той задачи, которую предлагалъ ему Лалли. Теперь онъ предлагалъ ему то, что онъ хотѣлъ сдѣлать тогда, когда Лалли шелъ въ походъ противъ Арката. Онъ самъ просилъ возвратить его и его маленькій отрядъ въ Деканъ. Теперь возвращаться туда было поздно. Чѣмъ онъ вернется туда? Представителемъ побѣжденныхъ при Мадрасѣ и потерявшихъ Мазулипатамъ? Это плохое основаніе для разсчета на успѣхъ. Даже самый походъ въ триста слишкомъ лье среди мелкихъ государствъ, враждебно настроенныхъ при такомъ ущербѣ въ престижѣ, былъ слишкомъ труднымъ предпріятіемъ. Къ тому же не самъ ли Лалли старался подорвать авторитетъ Бюсси въ глазахъ Басалетъ-Зенга? Не самъ ли онъ писалъ ему: „Вы мнѣ нѣсколько разъ писали, чтобы я вамъ прислалъ Бюсси, что меня очень удивляетъ. Все зависитъ отъ меня; я всюду даю приказанія. Бюсси не можетъ дѣйствовать нигдѣ и ни въ чемъ иначе, какъ по моимъ приказаніямъ“. Такимъ образомъ теперь онъ явился бы къ Салабетъ-Зенгу не такъ, какъ прежде, представителемъ сильной націи и въ качествѣ командира, пользующагося уваженіемъ и безусловной поддержкой своего начальнка, а представителемъ націи побѣжденной и мелкимъ подчиненнымъ, не имѣющимъ своей воли и котораго вліяніе при начальникѣ ничтожно. Далѣе, не самъ ли Лалли посадилъ въ Аркатѣ Раджа-Саиба, противника Салабетъ-Зенга, и даже не спросивъ для формы послѣдняго въ качествѣ сюзерена Арката? При наличности такихъ условій, которыя всѣ были приняты въ соображеніе Бюсси, когда онъ получилъ предложеніе Лалли отправиться въ Деканъ, надежда на какой либо успѣхъ въ

миссіи сохранить союзъ въ Салабетъ-Зенгомъ представлялась несбыточной мечтой, а, между тѣмъ, при наличности враждебныхъ отношеній къ нему Лалли, неуспѣхъ такой миссіи подвергалъ его огромной отвѣтственности. Онъ отказался отъ предлагаемаго порученія, мотивируя свой отказъ болѣзнью. Этотъ отказъ привелъ въ ярость Лалли. Онъ хотѣлъ арестовать Бюсси, но потомъ послалъ къ нему патера съ приказаніемъ, чтобы онъ не являлся въ главную квартиру и не покидалъ Пондишери. Лаворъ выполнилъ это порученіе очень ловко. Онъ поставилъ себя такъ, что, какъ будто, онъ старался отклонить главнокомандующаго отъ его намѣренія и изобразилъ отношенія послѣдняго къ Бюсси въ еще болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ. Съ другой стороны онъ старался держаться такъ, чтобы и Лалли вѣрилъ въ его дружбу. Онъ началъ вести дневникъ въ двойномъ экземплярѣ. Въ одномъ онъ изображалъ Лалли, какъ зловреднаго человѣка и накидывалъ на него тѣнь всяческихъ подозрѣній, а въ другомъ, выставлялъ его неудачникомъ только, но выдающимся слугою короля. Эту двойную игру онъ велъ, потому что, съ замѣчальною вѣрностью сужденія, предвидѣлъ, что драма войны въ Индіи въ послѣднемъ своемъ актѣ закончится процессомъ или Бюсси или Лалли, и онъ заранѣе ставилъ себя въ возможность выступить обвинителемъ того или другого, дабы, какъ говоритъ Амонъ, сохранить за собою то положеніе, которое онъ себѣ создалъ въ Индіи, и чтобы стать въ сторонѣ. Этотъ человѣкъ, который выставлялъ себя отрѣшившимся отъ всего земного, на самомъ дѣлѣ, былъ жаденъ и честолюбивъ. Когда онъ умеръ, то въ шкатулкѣ этого поклонника бѣдности нашли больше чѣмъ на милліонъ цѣнностей.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ съ каждымъ днемъ становилось все хуже и хуже. На одно мгновеніе мелькнулъ лучъ надежды, когда пришелъ фрегатъ „Грасьезъ“ и привезъ извѣстіе, что за нимъ идетъ и эскадра д'Аше. Кромѣ того этотъ фрегатъ привезъ распоряженіе привительства, коимъ Лалли назначался главнымъ начальникомъ гражданской части въ Индіи и, такимъ образомъ, ему давалась власть для искорененія злоупотребленій въ управленіи колоніей. Но это пріятное извѣстіе парализовалось другимъ о томъ, что помощникомъ его, какъ командующаго, назначается Бюсси. Это назначеніе только усилило то нерасположеніе, которое ужъ и такъ было сильно. Лалли не иначе объяснялъ себѣ его, какъ тѣмъ, что Бюсси много денегъ роздалъ въ Версали. Въ

своихъ донесеніяхъ министру Силуету онъ рисуетъ Бюсси въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Г. Бюсси, пишетъ онъ, человѣкъ самый вѣроломный, самый лживый и самый хищный, о какомъ когда либо вы слыхали. Къ тому же, это человѣкъ очень ограниченный въ отношеніи знаній и, въ особенности, въ отношеніи военнаго дѣла, котораго онъ никогда не дѣлалъ. Онъ, однако, обладаетъ коварствомъ мавра и, какъ Медея, опытенъ въ искусствѣ измѣны". Нѣсколькими днями позже онъ пишетъ: „Изъ числа великихъ негодяевъ, присужденныхъ къ колесованію въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ нѣтъ ни одного, котораго преступленія могли бы сравняться съ преступленіями Бюсси. Бюсси владѣетъ болѣе чѣмъ 30 милліонами, и компанія могла бы выжать изъ него десять милліоновъ, если бы приказала, но самымъ секретнымъ образомъ, арестовать его на Иль-де-Франсѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ отчета въ суммахъ, которыя онъ получалъ". Читая эти обвиненія, едва понимаешь ту степень ослѣпленія, которая могла приводить къ такой неправильной оцѣнкѣ человѣка. Кромѣ приказовъ на „Грасьезъ" привезены были и денежныя суммы, которыя были такъ нужны. Но эти суммы были очень незначительны и не могли надолго вывести армію изъ затруднительнаго положенія. Ихъ было только 400,000 ливровъ деньгами и на 380,000 брильянтовъ, которые д'Аше взялъ на одномъ англійскомъ кораблѣ. Кромѣ того онъ согласился дать еще 50 человѣкъ солдатъ. Это все, что онъ далъ взамѣнъ тѣхъ двухъ милліоновъ и тѣхъ 1,100 солдатъ, которыхъ онъ задержалъ въ предыдущемъ году въ Иль-де-Франсѣ и которые посылались въ помощь Лалли. Но этого мало, онъ объявилъ, что остается у Пондишери только два дня и что 17 сентября 1759 г. онъ отправляется назадъ въ Иль-де-Франсъ. Никакіе уговоры не могли отклонить его отъ этого намѣренія, такъ какъ предстоящіе тифоны, господствующіе обыкновенно въ Индійскомъ океанѣ въ октябрѣ, казались ему страшнѣе всего. Никакія ссылки на то, что и англійская эскадра находится въ томъ же положеніи, для него не казались убѣдительными. Въ тотъ моментъ, когда онъ тронулся изъ Пондишери, на горизонтѣ показалась англійская эскадра, которая, не подозрѣвая пребыванія французской эскадры у Пондишери, шла довольно безпечно, въ разбросъ. Съ высоты города она была замѣчена. Лалли видѣлъ, что д'Аше имѣетъ преимущество надъ англичанами и въ числѣ кораблей, и въ готовности къ бою и пушечными выстрѣлами старался привлечь его вниніе на непріятеля, но, къ крайнему удивленію всѣхъ, слѣдившихъ

съ крышъ за движеніями его эскадры, онъ не только не напалъ на непріятеля, но, напротивъ, поворотилъ на югъ по направленію къ Цейлону. Англичане, съ своей стороны, будучи увѣрены, что д'Аше привезъ въ Пондишери значительныя подкрѣпленія, не рѣшились подойти къ городу и удалились по направленію къ Мадрасу.

Появленіе эскадры, такимъ образомъ, не только не поправило положенія дѣлъ, но оно только выяснило, что надо оставить всякую надежду на какую либо помощь. Какъ до прибытія ея, такъ и послѣ его, солдаты оставались безъ жалованія; но теперь къ этому присоединилось подозрѣніе, что деньги есть и что ихъ умышленно не даютъ. Вслѣдствіе этого произошло возстаніе, начавшееся въ Лотарингскомъ полку и охватившее всѣ другія войска. Кавалерія, артиллерія и пѣхота удалились изъ города, разбили лагерь и выбрали себѣ двухъ генераловъ изъ числа сержантовъ. При полученіи извѣстія объ этомъ возстаніи, Лалли не могъ и думать объ его усмиреніи; ему удалось собрать около 250,000 ливровъ и онъ послалъ одного изъ своихъ офицеровъ, пользовавшагося популярностью между солдатами, въ лагерь. Послѣднему удалось уговорить возставшихъ возвратиться къ повиновенію на условіи, что они примутъ теперь часть платы, имъ слѣдовавшей, а черезъ 20 дней имъ будетъ уплачено все, что имъ слѣдуетъ полностью.

Отчасти для того, чтобы справиться съ финансовыми затрудненіями, а отчасти для того, чтобы принять мѣры къ искорененію злоупотребленій въ управленіи финансами, Лалли воспользовался предоставленными ему полномочіями, ввелъ нѣкоторыя ограниченія въ распоряженіи расходами, въ выпускѣ траттъ, а также наложилъ штрафъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ въ суммѣ 312,000 ливровъ подъ страхомъ отнятія должностей въ случаѣ неуплаты штрафа. Должности оказались такъ выгодны, что штрафъ былъ внесенъ въ теченіе пяти дней. Но за то принятыя имъ мѣры возбудили сильнѣйшее негодованіе противъ Лалли со стороны всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Патеръ Лаворъ своими письмами разжигалъ еще болѣе возбужденныя чувства противъ „неистоваго“ генерала.

Возмущеніе Лотарингскаго полка и отъѣздъ французской эскадры оказали дурное вліяніе на политическія отношенія колоніи. Еще до этихъ событій Лалли обратился къ Бюсси, чтобы онъ ему указалъ средства для привлеченія Басалетъ-Зенга къ союзу съ Франціей. Въ отвѣтъ на это предложеніе Бюсси подалъ

докладную записку, въ которой доказывалъ, что Басалетъ-Зенгъ можетъ быть привлеченъ къ союзу только цѣной признанія его правъ на Аркатъ. Онъ указывалъ при этомъ, что привлеченіе его къ союзу будетъ имѣть въ результатѣ ту выгоду, что, во-первыхъ, часть арміи, а именно, всѣ туземныя войска могутъ перейти на его иждивеніе и что, во-вторыхъ, значительно усилится кавалерія французовъ тѣми силами, которыми располагаетъ Басалетъ-Зенгъ и, такимъ образомъ, французы пріобрѣтутъ перевѣсъ надъ англичанами, получатъ рекогносцировочныя средства и средства для фуражировокъ. Такъ какъ его выводъ приходилъ къ тому, что надо отказаться отъ поддержки Раджа-Саиба и пожертвовать имъ въ пользу выгодъ союза съ Басалетъ-Зенгомъ, то Бюсси указалъ и на средства устроить компромиссъ между набабомъ и французскимъ протеже. Какъ ни трудно было для Лалли примириться съ этой необходимостью, но, не говоря ни да, ни нѣтъ, а предоставляя политическую сторону вопроса на благоусмотрѣніе Бюсси, онъ послалъ его самого вести переговоры съ Басалетъ-Зенгомъ. Сначала миссія шла успѣшно, но потомъ Басалетъ-Зенгъ вдругъ прервалъ переговоры. Оказалось, что онъ узналъ о возстаніи во французской арміи и объ отъѣздѣ д'Аше и вывелъ изъ этихъ событій подобающія заключенія.

Интересно то, что въ то время, какъ Бюсси находился въ своей трудной миссіи, Лалли затѣялъ сношенія, противоположныя тому, что ему совѣтовалъ Бюсси въ своемъ мемуарѣ. Бюсси не совѣтовалъ вступать въ соглашеніе съ маратами,—значитъ надо сдѣлать это, разсуждалъ Лалли. Бюсси говорилъ, что не слѣдуетъ вступать въ переговоры съ племенемъ палеагаровъ и съ мелкими князьями Карната до тѣхъ поръ, пока не заключено будетъ соглашеніе съ Басалетъ-Зенгомъ, такъ какъ онъ считается ихъ сюзереномъ и потому такіе переговоры будутъ противорѣчить переговорамъ съ нимъ, какъ съ набабомъ Карната, и не приведутъ къ результатамъ;—надо, слѣдовательно, начать эти переговоры. Для этой миссіи онъ выбралъ четырехъ монаховъ, между которыми былъ Лаворъ и португалецъ Норонья (Noronha), который не получилъ мѣста епископа за безстыдное поведеніе и который жилъ нѣкоторое время въ Парижѣ и относительно котораго парижская полиція имѣла весьма скверныя справки. Употребленіе монаховъ въ дипломатическую миссію въ то время не представляло ничего удивительнаго, мало того, при томъ уваженіи, которымъ они пользовались среди туземцевъ, такая миссія имѣла за себя очень мно-

гое, но выборъ данныхъ лицъ былъ очень неудаченъ. Эти сношенія ни къ чему не привели, хотя посланники Лалли и извлекли для себя изъ нея значительныя матеріальныя выгоды.

Эти неудачи указывали на начало конца въ борьбѣ французовъ съ англичанами, въ борьбѣ за обладаніе Индіей. Но Лалли не пришелъ еще въ отчаяніе. Онъ понималъ, что, оставаясь въ оборонительномъ положеніи, онъ неминуемо придетъ къ блокадѣ Пондишери англичанами, между тѣмъ, какъ перейдя въ наступленіе, онъ могъ бы, при удачѣ, повернуть шансы успѣха въ свою пользу.

Такова была идея похода къ Вандаваши и къ Конживарону (мѣстечки къ сѣверо-востоку отъ Пондишери), закончившагося сраженіемъ у Вандаваши. Во время этого сраженія Лалли выказалъ много энергіи и находчивости, но всѣ его усилія не привели ни къ чему. Бѣгство во время сраженія туземной кавалеріи, случайный взрывъ пороховыхъ ящиковъ, произведшій панику въ его маленькомъ отрядѣ и, наконецъ, стойкость англичанъ сдѣлали то, что это сраженіе кончилось рѣшительнымъ пораженіемъ французовъ (12 января 1760 г.). Послѣ него пришлось отступить къ Пондишери и подвергнуться осадѣ, результатъ которой не могъ подлежать сомнѣнію. Не о побѣдѣ, не о спасеніи можно было думать, а только о томъ, чтобы возможно дороже отдать непріятелю и городъ, и свою жизнь.

Пораженіе у Вандаваши произвело сильное моральное потрясеніе на Лалли: какъ это нерѣдко бываетъ съ людьми, постигнутыми несчастьемъ, онъ винилъ всѣхъ и вся въ своихъ неудачахъ и считалъ себя объектомъ огромнаго заговора, въ которомъ принимали участіе всѣ совѣтники и многіе граждане. Раздраженіе его достигло крайнихъ предѣловъ. Въ засѣданіи Совѣта онъ дошелъ до того, что схватилъ за воротъ совѣтника Селля, который возвратился изъ Черингама безъ гроша денегъ, а, между тѣмъ, его посылали туда съ цѣлью собрать слѣдуемые платежи. Лалли приказалъ арестовать его за такой исходъ его миссіи. Въ сраженіи при Вандаваши Бюсси попался въ плѣнъ. Онъ предложилъ англичанамъ за себя выкупъ; они готовы были выпустить его, но Лалли отказался обратиться къ англійскому генералу съ соотвѣтственной просьбой; онъ радъ былъ, что избавился отъ „этого измѣнника“.

Англійскій генералъ Кутъ не сразу замѣтилъ всю значительность побѣды, одержанной имъ надъ французами; поэтому онъ

промедлилъ нѣкоторое время прежде чѣмъ приступить къ дѣйствіямъ противъ Пондишери. Онъ рѣшилъ сначала овладѣть Аркатомъ, чтобы обезпечить себѣ тылъ. Лалли рѣшился дѣйствовать противъ него и напасть на сосѣдній городокъ Четупе, принадлежавшій англичанамъ, разсчитывая на то, что или Кутъ долженъ будетъ снять осаду Арката, или же ему удастся овладѣть Четупе и находившимися тамъ большими магазинами съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ. Планъ было хорошо задуманъ, но выполненію его помѣшало то обстоятельство, что въ самомъ началѣ похода взбунтовалась индійская кавалерія, требуя уплаты жалованья, а къ ней присоединились и нѣкоторые другіе полки. Кое какъ удалось собрать нѣкоторую сумму для уплаты солдатамъ недоимки, но двинуться впередъ все таки не удалось, такъ какъ 25 февраля 1760 г. на рейдѣ Пондишери явилась англійская эскадра, и началась блокада города съ моря. Оставить городъ при такихъ условіяхъ нельзя было. Тогда Лалли пытается вступить въ переговоры съ владѣтелемъ Майссура, съ цѣлью полученія отъ него помощь. Крайность заставила его прибѣгнуть къ этому средству, которое онъ объявлялъ когда то нелѣпымъ и унизительнымъ. Переговоры привели къ тому, что майсурійцы двинулись на выручку Пондишери съ значительнымъ обозомъ; но, встрѣтившись по дорогѣ съ англійскимъ отрядомъ, они поддались паникѣ и потеряли весь обозъ и привезли въ Пондишери лишь нѣсколько мѣшковъ рису, да часть ихъ самихъ тоже явилась въ городъ, что только ухудшило положеніе, такъ какъ это были плохіе солдаты, но, во всякомъ случаѣ, то были лишніе рты. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ того времени въ бездѣйствіи. Лалли не могъ ничего предпринять противъ англичанъ, а они не рѣшались напасть на него въ его укрѣпленномъ лагерѣ и ограничились укрѣпленіемъ своего. Въ этомъ положеніи Лалли рѣшился попытаться на нападеніе прежде, чѣмъ рѣшится участь колоніи. Назначена была ночная аттака на лагерь, причемъ часть войскъ должна была взять непріятеля съ фланга. Начало дѣла было очень удачно. Лалли взялъ въ штыки два укрѣпленія непріятеля: но къ своему удивленію не услышалъ ни звука съ той стороны, съ которой должно было произойти фланговое нападеніе. Оказалось, что солдаты, пройдя нѣкоторое разстояніе, повернули обратно, и, такимъ образомъ, хорошо начавшееся дѣло кончилось пораженіемъ (3 сентября 1760 г.). Оставалось теперь только одно: запереться въ крѣпости. Но и это не могло отсрочить надолго катастрофу. Перевѣсъ непріятеля былъ

слишкомъ великъ. Въ распоряженіи Лалли было только 1,200 человѣкъ, тогда какъ у Кута ихъ было 5,000. Съ такими незначительными силами нельзя было защищать такую большую крѣпость, какъ Пондишери. Чтобы какъ нибудь ввести въ заблужденіе непріятеля относительно дѣйствительной своей силы, Лалли придумалъ такое средство. Онъ приказалъ всѣмъ чиновникамъ колоніи и гражданамъ одѣться въ мундиры и явиться на набережную на смотръ, чтобы, такимъ образомъ, показать англичанамъ бо́льшія силы, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности и предупредить ихъ желаніе попытаться на дессантъ. Это распоряженіе послужило сигналомъ къ бунту. Чиновники компаніи и жители ворвались во дворъ резиденціи Лалли подъ предводительствомъ Селля, который теперь мстилъ за свой арестъ, и нѣкоторыхъ другихъ нотаблей. Попытка губернатора Лейри подѣйствовать на возставшихъ убѣжденіемъ не привела ни къ чему, только появившіеся регулярные солдаты, вызванные Лалли, выгнали буяновъ со двора. Въ такихъ обстоятельствахъ Лалли не рѣшился, однако, прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости противъ виновниковъ, на что, конечно, имѣлъ право и возможность тотчасъ послѣ подавленія возстанія. Онъ думалъ, что снисходительность скорѣе привлечетъ къ себѣ сердца гражданъ и прибѣгъ къ полумѣрамъ, которыя привели къ тому, что еще болѣе расшатали дисциплину. Но онъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности въ ожиданіи какого нибудь счастливаго случая, который помогъ бы ему спасти городъ. Съ этой цѣлью онъ назначилъ реквизиціи съѣстныхъ припасовъ у частныхъ лицъ, не исключая и своего дома, чтобы собрать ихъ въ одномъ складѣ и раздавать имъ по раціонамъ. Эта мѣра, совершенно естественная въ осажденномъ городѣ, вызвала вопли о деспотизмѣ бѣшенаго генерала и сильное раздраженіе. Послѣднее высказывалось въ памфлетахъ, появлявшихся на улицахъ, въ которыхъ Лалли не только обвинялся въ произволѣ, но и въ измѣнѣ и преданности Магомету. Его ирландское происхожденіе давало поводъ смѣшивать его съ англичанами. Подметныя письма, въ которыхъ генералу угрожали смертью, появлялись у него на столѣ почти ежедневно. Однажды, когда онъ съѣлъ каши, которою съ нѣкотораго времени только и питался, съ нимъ сдѣлались сильныя рвоты. Онъ заподозрилъ отраву. Все это вмѣстѣ съ сознаніемъ неизбѣжности рокового конца и съ убѣжденіемъ, что начальникъ, который не внушаетъ къ себѣ довѣрія, не можетъ даже отсрочить таковую, въ конецъ разстроило его, и онъ слегъ

въ постель. Въ припадкахъ мрачнаго настроенія онъ громко говорилъ самъ съ собою или, обращаясь къ тѣмъ лицамъ, которыя его навѣщали. „Пондишери потерянъ. Прорвать непріятельскія линіи невозможно. Армія безсильна. Капитуляція близка. И это я самъ осужденъ судьбою подписать этотъ актъ, который я желалъ бы стереть своею кровью. О, зачѣмъ я еще живъ“. Чаще другихъ при такихъ и подобныхъ монологахъ бывалъ отецъ Лаворъ. Уйдя изъ квартиры генерала, онъ съ руками, еще теплыми отъ рукопожатій, ходилъ по членамъ Совѣта и съ удрученнымъ видомъ передавалъ разсказъ, въ которомъ Лалли являлся въ видѣ измѣнника, котораго не столько мучатъ угрызенія совѣсти, сколько страхъ будущей отвѣтственности. Такимъ путемъ создалось убѣжденіе, что Лалли играетъ комедію тоскующаго и страдающаго человѣка. Такъ шли дни за днями въ этомъ безъисходномъ положеніи. Объ адмиралѣ д'Аше только одинъ разъ прошелъ слухъ, что губернаторъ Иль-де-Франса тщетно уговаривалъ его двинуться на выручку Пондишери. Разъ была только свѣтлая минута, когда блеснула надежда. 1-го января сорвался страшный ураганъ, который съ головокружительною скоростью унесъ непріятельскіе корабли въ открытое море. Въ слѣдующіе дни ничего не было видно, кромѣ обломковъ, прибиваемыхъ водою къ берегу, которые свидѣтельствовали какъ будто о катастрофѣ. Лалли хотѣлъ воспользоваться снятіемъ блокады и разослалъ во всѣ стороны лодки съ указаніемъ, что море свободно, чтобы поспѣшили доставить въ Пондишери какъ можно больше съѣстныхъ припасовъ. Къ д'Аше тоже послана была миссія съ цѣлью уговорить его поспѣшить на помощь осажденнымъ. Въ душѣ на минуту воскресла надежда на возможность спасенія. Но увы, она была напрасна. Черезъ четыре дня на горизонтѣ появились паруса, и скоро убѣдились, что это были англичане. Моряки справились съ ураганомъ и снова вернулись и возстановили блокаду. Черезъ нѣсколько дней послѣ того наступилъ моментъ сдачи. Лалли попытался сдать только армію съ тѣмъ, чтобы городъ былъ оставленъ въ его теперешнемъ положеніи до окончанія войны, но генералъ Кутъ не согласился на это, хотя и далъ обѣщаніе, что городъ останется нетронутымъ, а равно и собственность гражданъ будетъ неприкосновенна (18 января 1761 г.). Члены совѣта требовали, чтобы генералъ Кутъ предоставилъ городу перемиріе, въ теченіе котораго послѣдній могъ бы собрать съѣстные припасы и чтобы онъ въ теченіе этого времени кормилъ бы гражданъ; но такое нелѣпое требованіе, конечно, не

встрѣтило согласія. Извѣстіе о сдачѣ вызвало ярость. Толпа рѣшила убить Лалли и собралась передъ фортомъ, въ которомъ онъ жилъ. Когда ворота открылись и въ нихъ показались носилки, на которыхъ лежалъ изможденный болѣзнью генералъ, то нѣсколько человѣкъ бросились на него. Собравъ послѣднія силы, онъ приказалъ окружавшимъ его солдатамъ стрѣлять и самъ взялся за пистолетъ. Это удержало нападавшихъ, а тѣмъ временемъ прискакали англійскіе гусары и разогнали возставшихъ.

Лалли былъ отвезенъ въ Мадрасъ. Тамошній губернаторъ Пиготъ принялъ его очень дурно. Онъ приказалъ обыскать его багажъ, надѣясь найти у него деньги; но кромѣ стараго платья тамъ ничего не нашли. За симъ губернаторъ объявилъ заключенную капитуляцію недѣйствительною и приказалъ разрушить всѣ укрѣпленія Пондишери, а также и дома, и церкви, и дворцы. Все было срыто. Такъ, говоритъ Пиготъ, французы разрушили С. Давидъ. Въ началѣ марта онъ приказалъ Лалли отправиться на простомъ купеческомъ кораблѣ, не смотря на то, что тотъ еще былъ совсѣмъ боленъ, а на суднѣ не было даже каюты. Онъ даже запретилъ ему взять свою провизію и немного вина и обрекъ его питаться одной солониной и сухарями въ теченіе долгаго плаванія. Генералъ Кутъ, глядя на эти безполезныя жестокости, открыто протестовалъ противъ нихъ во имя чести Англіи и гуманности. „У меня достаточно силы, писалъ онъ Лалли, чтобы спокойно сносить обиды, которыя направлены прямо на меня; но вся моя философія покидаетъ меня, когда они въ васъ направляютъ стрѣлы, которыми хотятъ пронзить меня“.

Прежде, чѣмъ мы послѣдуемъ за дальнѣйшей судьбой Лалли, остановимся на нѣсколько минутъ надъ вопросомъ о томъ, какова была та историческая роль, которую онъ сыгралъ въ Индіи. Мы видѣли, что стараніями одного изъ геніальныхъ сыновъ Франціи въ Индіи было создано крупное колоніальное владѣніе, которое, развившись, могло имѣть въ результатѣ образованіе колоніальной имперіи, той, которая образовалась потомъ тамъ въ пользу Англіи. Это положеніе послѣ Дюплэ было подорвано, но не уничтожено. Государственные дѣятели, которыхъ потомъ назначали въ Индію, силою вещей принуждены были слѣдовать политикѣ Дюплэ: до такой степени она указывалась самыми событіями для всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Вслѣдствіе этого, хотя англичане и много выиграли отъ того, что Дюплэ былъ отозванъ, и положеніе Франціи въ Индіи было подорвано, но все же ея вліяніе въ Дека-

нѣ сохранилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ вопросъ о преобладаніи далеко еще не былъ рѣшенъ въ пользу Англіи. Въ этомъ смыслѣ вопросъ былъ рѣшенъ при Лалли, который рѣшительно порвалъ съ политикой Дюплэ и тѣмъ лишилъ Францію всѣхъ шансовъ остаться побѣдительницей въ борьбѣ съ соперницей. Онъ предоставилъ эксплоатировать систему Дюплэ англичанамъ, и мы видѣли, что они поняли значеніе этой системы для торжества ихъ гегемоніи. Этимъ шагомъ Лалли обрекъ себя на неудачу въ своей миссіи, т. е. изгнаніе англичанъ изъ Индіи, а рядъ его неудачъ доставилъ послѣднимъ торжество, на которое они въ противномъ случаѣ не могли бы разсчитывать. Паденіе и срытіе Пондишери не было поэтому только мимолетнымъ эпизодомъ въ этой борьбѣ за преобладаніе, но знаменовало собою финалъ политической роли и могущества французовъ въ Индіи. Въ этой развязкѣ соперничества между Франціей и Англіей въ Индіи и заключается историческая роль Лалли Толандаля. Такимъ образомъ онъ докончилъ то, что начато было французскимъ правительствомъ и Индійской компаніей актомъ отозванія Дюплэ изъ Индостана и приказаніемъ отказаться отъ союзовъ съ туземными князьями.

Неудачи, постигшія Лалли въ Индіи, зависѣли отъ многихъ условій. На первомъ планѣ должны быть поставлены тѣ инструкціи, которыя ему были даны въ Версали и Парижѣ и которыя не были въ согласіи съ интересами французской политики въ Индіи. Затѣмъ слѣдуетъ недостатокъ средствъ, съ которыми его отправили; этотъ недостатокъ былъ тѣмъ болѣе важенъ, что его инструкціи лишали его тѣхъ рессурсовъ, которые могли быть извлечены изъ союзовъ съ туземными князьями. Не малое значеніе имѣло и то обстоятельство, что морскія силы поставлены были отъ него въ полную независимость и потому адмиралъ д'Аше могъ помогать или не помогать ему по своему усмотрѣнію. Онъ предпочелъ, какъ мы знаемъ, послѣднее. Наконецъ, должно указать на его полное неумѣніе оперировать въ непривычныхъ условіяхъ войны, которыя требовали отъ генерала не только тактическихъ способностей, но и административныхъ и политическихъ и къ тому же знанія мѣстныхъ условій жизни. Мы видѣли промахи, которые онъ дѣлалъ,. именно благодаря отсутствію этого знанія, а что касается политическихъ и административныхъ способностей, то они несомнѣнно оставляли желать многаго. Какъ бы то ни было, однако, у него не было недостатка ни въ личной храбрости, ни въ самоотверженіи, ни въ страстномъ желаніи справиться съ агли-

чанами, а потому страннымъ показался бы даже намекъ на возможность заподозрить его въ измѣнѣ Франціи, а между тѣмъ такое обвиненіе было выставлено и принято.

Въ процессѣ Лалли мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ такихъ явленій, которыя съ точки зрѣнія разумности кажутся необъяснимыми, но которыя находятъ разгадку въ томъ настроеніи, въ той комбинаціи интересовъ, которыя были въ данный моментъ. Настроеніе французскаго общества по окончаніи семилѣтней войны было очень удрученное. Паденіе французскихъ колоній было крупнымъ фактомъ, который столько же поражалъ національное самолюбіе, сколько и матеріальные интересы. Какъ обыкновенно бываетъ, послѣ большихъ пораженій всегда ищутъ не просто виновныхъ въ ошибкахъ, рѣдко изслѣдуютъ общественныя причины общественныхъ бѣдствій, а ищутъ измѣнниковъ во что бы то ни стало. Такъ было и въ то время. Вопросъ о томъ, кто виноватъ, былъ у всѣхъ на устахъ. А тутъ еще общественная подозрительность находила пищу въ канадскомъ процессѣ, который начатъ былъ правительствомъ противъ тамошнихъ чиновниковъ. Къ суду было привлечено болѣе пятидесяти человѣкъ, начиная съ губернатора, интенданта, морского коммиссара и кончая мелкими чиновниками, которыхъ обвиняли въ хищеніяхъ, лихоимствахъ и растратѣ казенныхъ денегъ. Слухи о потеряхъ въ Индіи обратили общественное вниманіе и въ эту сторону. Съ жадностью разыскивали письма оттуда, чтобы узнать, въ чемъ тамъ дѣло. Изъ этихъ писемъ, исходившихъ отъ совѣтниковъ Пондишери и другихъ жителей колоніи, читатели узнавали о томъ, что виновникомъ всѣхъ бѣдствій является генералъ Лалли, который въ письмахъ изображался злымъ геніемъ Франціи и измѣнникомъ. Іезуиты писали: „Орудіе, которое избралъ Господь для того, чтобы наказать французовъ за ихъ прегрѣшенія, это этотъ ирландецъ, обремененный громадными сокровищами, который простираетъ свое безстыдство до того, что, какъ говорили въ Пондишери, онъ разъ прямо сказалъ, что онъ оставитъ колонистамъ только глаза, чтобы плакать“. Большинство совѣтниковъ въ своихъ письмахъ съ меньшимъ мистицизмомъ, хотя съ неменьшей злобой, утверждали, что генералъ продалъ Индію англичанамъ и что бѣдствіе было результатомъ адскаго плана, проведеннаго съ математическою вѣрностью. Благодаря этому, измѣна Лалли мало-по-малу стала въ публикѣ дѣломъ рѣшеннымъ, сдѣлалась предметомъ вѣры. Когда возвратились совѣтники Пондишери, то въ ихъ разсказахъ публика почерпала

подтвержденіе своего вѣрованія. Мы знаемъ отношенія Лалли къ совѣтникамъ. Они не могли объ немъ говоритъ иначе, какъ только подтверждая самые злостные слухи. Администрація Индійской Компаніи поступила къ тому же очень неосторожно, показавъ имъ тѣ донесенія Лалли, въ которыхъ онъ ихъ чистилъ, какъ мошенниковъ и обвинялъ въ самыхъ серьезныхъ преступленіяхъ. Это открытіе сплотило ихъ общимъ чувствомъ не только вражды, но и страха за свою безопасность, а страхъ сдѣлалъ ихъ жестокими. При отсутствіи въ то время періодической печати всѣ вопросы, касавшіеся управленія Индіей и дѣятельности Лалли, трактовались въ брошюрахъ. Настроеніе публики было благопріятно для пасквилей, и ихъ появилось очень много и не было такой нелѣпицы и небылицы, которой бы не повѣрили. Изъ этихъ брошюръ наиболѣе ярымъ былъ памфлетъ совѣтника Пондишери Ленаура. Онъ представилъ публикѣ тарифъ всѣмъ крѣпостямъ, которыя были проданы англичанамъ. По его словамъ Лалли продалъ Мазулипатамъ, продалъ Аркатъ, все продавалъ, даже жизненные припасы своимъ „дорогимъ англичанамъ“. Онъ взялъ на себя обязательство продать англичанамъ Пондишери гораздо раньше сдачи этого города, и деньги были уже готовы давно. Онъ осаждалъ Мадрасъ съ единственной цѣлью продать губернатору Пиготу честь защиты этой крѣпости. Еще лучше, онъ только потому поставилъ тяжелыя условія коменданту С. Давида, чтобы заставить англійскаго генерала защищаться и предоставить ему,—конечно за деньги,—честь славной защиты крѣпости. Къ сожалѣнію, прибавляетъ авторъ, тотъ не понялъ дѣла съ перваго слова, струсилъ и сдался. Авторъ патетически заканчивалъ свой обвинительный актъ: „Лалли. Вашъ Богъ деньги; молитесь ему. Нашъ Богъ на небѣ; мы уповаемъ, что въ своемъ милосердіи, не смотря на ваши ухищренія, Онъ спасетъ насъ, если такова его святая воля“. Только при очень большой готовности публики слушать всякій вздоръ, лишь бы онъ соотвѣтствовалъ ея желанію свалить на кого нибудь вину въ своихъ несчастіяхъ, пасквиль Ленуара могъ имѣть успѣхъ. Наконецъ, 3-го августа 1762 года губернаторъ Пондишери и совѣтники подали правительству жалобу на Лалли съ приложеніемъ особаго доклада, въ которомъ доказывалось, что совѣтъ и колонія были совершенно уничтожены со времени появленія Лалли въ Индіи и до самаго конца власти „деспотическаго правителя, который не имѣлъ понятія о правилахъ осторожности, чести и даже человѣчности“; что графъ Лалли одинъ отвѣтственъ поэтому за

все управленіе дѣлами компаніи какъ внутренними, такъ и внѣшними, а равно и за всѣ доходы отъ земель и другихъ угодій, ей принадлежавшихъ..., что онъ отвѣтственъ за потерю Пондишери, такъ какъ городъ былъ сданъ только потому, что не было больше съѣстныхъ припасовъ, для доставленія коихъ онъ одинъ располагалъ средствами, именно: деньгами для ихъ покупки, урожаемъ земель и войсками, чтобы защищать послѣдній [1]).

Болѣе сдержанно, хотя не менѣе враждебно держалъ себя Бюсси по возвращеніи изъ Индіи. Онъ тоже познакомился съ письмами Лалли о немъ, въ которыхъ онъ говорилъ про него, какъ про человѣка, заслужившаго больше всѣхъ колесованія; но онъ затаилъ свою злобу и жажду мщенія и говорилъ объ Лалли, повидимому, хладнокровно, разоблачалъ его ошибки, выставлялъ его виновникомъ всѣхъ бѣдъ, которыя постигли французовъ въ Индіи и характеризовалъ ту ненависть, предметомъ которой онъ былъ тамъ. Тѣмъ большее впечатлѣніе производили его слова, такъ какъ онъ приходился сродни Шуазелю, тогда еще всесильному министру, то въ бесѣдахъ съ послѣднимъ онъ сильно компрометтировалъ Лалли и подготовилъ почву для извѣстнаго отношенія къ послѣднему министра. Когда онъ узналъ о прошеніи, поданномъ совѣтниками, то онъ нашелъ, что насталъ моментъ нанести противнику рѣшительный ударъ. Онъ обратился съ письмомъ въ правленіе компаніи, въ которомъ онъ потребовалъ выдачи ему писемъ Лалли, въ которыхъ послѣдній говоритъ о немъ, и заявилъ: „если это не клевета, достойная только презрѣнія и глубокаго забвенія, но обвиненіе, достойное разслѣдованія съ рискомъ для обвинителя и для обвиняемаго, изъ которыхъ одинъ заслуживаетъ смерти, то я подчиняюсь такому разслѣдованію и требую его. Я знаю, милостивые государи, что клевета, на которую я жалуюсь, занесена въ ваши протоколы; пусть она будетъ записана тамъ моею кровью, если я виновенъ, или же пусть будетъ смыта кровью клеветника“.

Письмо Бюсси, сдѣлавшееся гласнымъ, произвело сильнѣйшее впечатлѣніе вслѣдствіе авторитета, которымъ онъ пользовался, вслѣдствіе связей, которыми онъ располагалъ, и, наконецъ, по серьезности объявленной войны. Тутъ впервые мы встрѣчаемся съ угрозой смерти.

Лалли еще въ это время не было въ Парижѣ. Узнавъ объ от-

---

[1]) La vie privée de Louis XV (анонимное соч.), изд. 1781, т. IV, стр. 79.

крывшейся противъ его кампаніи, онъ просилъ о своемъ освобожденіи изъ плѣна и получилъ разрѣшеніе съѣздить во Францію подъ честнымъ словомъ вернуться. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ сталъ было печатать опроверженія на взводимыя на него обвиненія и въ свою очередь нападать на своихъ противниковъ, но правительство посовѣтовало молчать. Онъ умолкъ. Потомъ его пытались свести съ Бюсси и съ адмираломъ д'Аше, тоже возвратившимся въ столицу; но изъ этихъ попытокъ ничего не вышло: слишкомъ онъ ужъ былъ упрямъ и гнѣвенъ. Между тѣмъ враги его не молчали и продолжали свою кампанію противъ него. Въ правительствѣ у него были защитники. Министръ финансовъ Бертье въ отвѣтъ на его просьбу о разборѣ дѣла писалъ ему: если я доложу ваше дѣло королю, то отъ него даже „и хвоста не останется". Это было написано 27 октября, а перваго ноября Шуазель выпустилъ королевскій указъ объ его заключеніи въ Бастилію. Вліяніе Бюсси сказалось. Шуазель мотивировалъ свою мѣру тѣмъ, что нелѣпо пытаться противостать такому сильному потоку общественнаго мнѣнія и необходимо дать ему удовлетвореніе. Хотя сами друзья Шуазеля совѣтовали Лалли спастись бѣгствомъ, но тотъ отказался отъ этого и, будучи увѣренъ въ своей правотѣ, самъ отправился въ Бастилію и написалъ Шуазелю письмо, въ которомъ говорилъ: „Я приношу мою голову и мою невинность". Съ этого момента дѣло пріостановилось и 15 мѣсяцевъ Лалли сидѣлъ въ той самой камерѣ, въ которой когда то сидѣлъ Лабурдонне, и не зналъ, что съ нимъ намѣрены дѣлать. Онъ обращался съ просьбой о назначеніи надъ нимъ военнаго суда; но отвѣта на эту просьбу не послѣдовало. Не находили возможнымъ его преслѣдовать. Въ королевскомъ указѣ 12 января 1763 г., который былъ данъ по вопросу о разборѣ дѣлъ Индіи, сказано было не о преслѣдованіи Лалли, а вообще о разборѣ всѣхъ дѣлъ съ цѣлью выясненія виновныхъ. Такой разборъ дѣла былъ вовсе не на руку совѣтникамъ Пондишери [1]).

Такъ дѣло какъ будто и забылось, когда весной объ немъ снова вспомнили. Поводомъ послужила смерть нашего знакомаго іезуита Лавора. По возвращеніи во Францію онъ обратился съ прошеніемъ о назначеніи ему скромной пенсіи въ 400 франковъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, отправиться на свою родину, въ Пери-

---

[1]) Hamont, p. 202. Авторъ La vie privée de Louis XV относитъ этотъ эдиктъ къ январю 1764 года.

горъ, и провести тамъ въ молитвахъ къ Богу остатокъ дней своихъ. Весною 1764 года онъ умеръ. Послѣ его смерти нашли у него капиталъ по однимъ въ 1.250,000 ливровъ, а по другимъ въ 1.080,000. Въ той же шкатулкѣ найденъ былъ его дневникъ, о которомъ мы упоминали уже выше. Нѣкоторыя части его были опубликованы: они напомнили о Лалли и снова взбудоражили страсти.

Этотъ дневникъ далъ оружіе для обвиненія Лалли. Онъ какъ будто гладко излагалъ факты; но для знающаго обстоятельства дѣла онъ былъ сотканъ изъ лжи, а для внимательнаго и непредубѣжденнаго читателя онъ былъ переполненъ противорѣчіями. Прежде чѣмъ говорить объ его содержаніи, упомянемъ объ одномъ обстоятельствѣ, которое сопровождало его открытіе. Вольтеръ говоритъ, что найдены были въ той же шкатулкѣ „два дневника (memoires), одинъ въ пользу графа, а другой, взваливавшій на него всевозможныя преступленія. Изъ этого остраго ножа о двухъ лезвіяхъ, доставили генералъ-прокурору то, которое поражало Лалли“ [1]). Авторъ сочиненія „La vie privée de Louis XV“, современнаго сочиненію Вольтера, говоритъ, что нашли одинъ дневникъ, но онъ тоже убѣжденъ, что было два дневника и объясняетъ то обстоятельство, что нашли только одинъ и притомъ тотъ, который былъ противъ Лалли, тѣмъ, что „съ того момента, какъ іезуитъ убѣдился въ торжествѣ заговора, направленнаго противъ заключенника, онъ сжегъ вѣроятно его апологію и сохранилъ только пасквиль“ [2]). Амонъ въ своемъ сочиненіи о Лалли тоже держится того мнѣнія, что дневникъ другой, въ пользу Лалли, исчезъ и, повидимому, думаетъ, что онъ исчезъ послѣ смерти Лавора [3]). Всѣ приходятъ къ заключенію о существованіи этого второго дневника на основаніи показанія человѣка, знавшаго дѣло и заслуживающаго вѣры,—маркиза Монморанси, который былъ въ Индіи, оставался тамъ до 1760 года и предъ отъѣздомъ видѣлъ дневникъ отца Лавора и читалъ его. Когда ему сказали объ открытомъ дневникѣ и о томъ, какъ онъ обвиняетъ Лалли, онъ сказалъ: „Не можетъ быть, это, вѣроятно, не его дневникъ, а если его, то, значитъ, у него было ихъ два, такъ какъ я читалъ его дневникъ и онъ былъ весь въ его пользу“. Впослѣдствіи, когда сынъ Лалли поднялъ вопросъ о пересмотрѣ дѣла и когда по поводу этого обстоятельства къ Мон-

---

1) Voltaire. Oeuvres Completes T. XXVI, p. 445, изд. 1784.
2) La vie privée de Louis XV, p. 80.
3) Hamont. Ibid., p. 288.

моранси обратился съ вопросомъ одинъ изъ противниковъ пересмотра Дюваль-д'Епремениль, то онъ въ отвѣтъ на его письмо, писалъ ему слѣдующее (4 іюня 1780 г.): „Вы желаете знать, что я говорилъ на счетъ дневника или мемуаровъ отца Лавора; вотъ въ точности: когда послѣ смерти этого іезуита мнѣ сказали, что въ его бумагахъ нашли дневникъ, ужасный для Лалли, я отвѣтилъ: это не можетъ быть, это, конечно, не его дневникъ, или если онъ писанъ имъ, то надо допустить, что онъ писалъ два дневника совершенно различныхъ, ибо, когда я уѣзжалъ изъ Индіи и онъ мнѣ давалъ письма для передачи разнымъ лицамъ во Франціи, то на мой вопросъ, какъ онъ отзывается въ нихъ о нашихъ дѣлахъ, онъ мнѣ сказалъ: я вамъ это покажу; при этомъ онъ открылъ мнѣ свой дневникъ, перелистовалъ его со мною со дня моего пріѣзда въ Индію и до дня моего отъѣзда и прочелъ мнѣ всѣ событія кампаніи, изложенныя умно и вѣрно, и повсюду были большія похвалы Лалли. Такъ какъ этотъ фактъ вѣренъ, то я такъ и сказалъ, и это я могу подтвердить. Я еще прибавилъ къ этому,—это я хорошо помню:—я вижу столько злости и лжи во взводимыхъ на Лалли обвиненіяхъ по поводу фактовъ, происходившихъ на моихъ глазахъ въ то время, какъ я былъ Индіи, что я имѣю полное основаніе сомнѣваться и даже вовсе не вѣрить ни одному слову изъ того, что ему приписываютъ за время послѣ моего отъѣзда изъ Индіи, до тѣхъ поръ, пока мнѣ этого не докажутъ такъ же ясно, какъ день". Пораженный категоричностью такого заявленія, д'Епремениль снова обратился къ Монморанси съ письмомъ, въ которомъ спрашивалъ его, сплошь ли читалъ ему свой дневникъ Лаворъ или же съ исключеніями, Монморанси не отвѣчалъ опредѣленно, а только сослался на предыдущее свое письмо. Какъ бы то ни было, если Лаворъ и читалъ ему свой дневникъ съ исключеніями, все же остается тотъ фактъ, что въ дневникѣ, фигурировавшемъ въ процессѣ, тѣ событія, о которыхъ ему читалъ Лаворъ въ своемъ дневникѣ, изложены были какъ разъ противоположно тому, какъ они изложены были въ посмертномъ дневникѣ. Но гипотеза о двухъ дневникахъ, выставленная Монморанси и высказанная имъ на тотъ конецъ, если посмертный дневникъ подлинный, слишкомъ натянутъ. Если Лаворъ самъ уничтожилъ свой дневникъ и оставилъ другой, то почему онъ этотъ послѣдній держалъ у себя до смерти, когда уже полтора года прошло послѣ ареста Лалли и когда, слѣдовательно, по разсчету, который ему приписываютъ, онъ могъ уже пустить его въ дѣло? Къ тому же мы

не видимъ, чтобы онъ выступалъ противъ Лалли въ то время, когда на него нападали и когда было видно, что онъ одинокъ въ своей защитѣ. Изъ слѣдственнаго процесса Лалли не видно, былъ ли дневникъ Лавора подвергнутъ экспертизѣ со стороны его подлинности. Въ пользу послѣдней можетъ говорить то, что онъ былъ найденъ въ бумагахъ покойнаго прокуроромъ парламента при принятіи охранительныхъ мѣръ; но все же это не устраняетъ сомнѣній совершенно.

Познакомимся же теперь съ содержаніемъ этого документа, который настолько убѣдилъ генералъ-прокурора въ виновности Лалли, какъ только онъ его прочелъ, что онъ послѣ этого тотчасъ обратился къ королю съ формальной жалобой на „сэра Лалли, изобличаемаго въ злоупотребленіи властью, въ хищеніяхъ и въ лихоимствѣ и въ государственной измѣнѣ, чтобы противъ сказаннаго Лалли былъ вчиненъ процессъ, а также и противъ его соучастниковъ и помощниковъ“. Съ перваго взгляда кажется, что въ дневникѣ событія разсказаны гладко и послѣдовательно, но при внимательномъ чтеніи оказывается, что разсказъ сотканъ изъ противорѣчій, которыя ясно говорятъ о томъ, что дѣло изложено невѣрно и что документъ не долженъ внушать довѣрія. Укажемъ нѣсколько крупныхъ примѣровъ. Въ разсказѣ о томъ, какъ Лалли созвалъ совѣщаніе, на которомъ онъ представилъ свое предположеніе о походѣ на Мадрасъ, Лаворъ говоритъ, что онъ доказывалъ, „что разъ Мадрасъ будетъ взятъ, то найдутся и съѣстные припасы, и деньги, и кредитъ. Никто въ этомъ не сомнѣвался...; но многіе не соглашались съ тѣмъ, чтобы легко было осуществить то, что служило цѣлью доклада“. „Если открыть дневникъ нѣсколькими страницами дальше, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о снятіи осады Мадраса, то тамъ мы прочтемъ такое замѣчаніе: „взять Мадрасъ зависѣло только отъ Лалли“.

Когда Лаворъ разсказываетъ о взятіи Арката войсками Лалли, онъ умаляетъ значеніе этого факта, говоря, что Аркатъ не былъ хорошо укрѣпленъ и что крѣпость эта мало стоитъ. Но когда затѣмъ онъ говоритъ объ обратномъ ея взятіи англичанами онъ восклицаетъ: „с и л а крѣпости не могла остановить храбрости непріятеля“. Когда Лаворъ описываетъ реквизицію съѣстныхъ припасовъ въ Пондишери во время осады, то въ одномъ мѣстѣ дневника у него получается картина грабежа, „предписаннаго бѣшенымъ Лалли“, картина „насилій, обысковъ, вопіющихъ несправедливостей, выламыванія дверей, похищенія мебели и товаровъ, разгро-

ма Пондишери разнузданной солдатчиной. Солдаты присваили все, что имъ попадалось подъ руку". Нѣсколькими строчками ниже Лаворъ говоритъ иное. „Къ чести и славѣ солдатъ, заявляетъ онъ, надо признать, что тѣ, кому поручено было обыскивать дома, не злоупотребляли этимъ порученіемъ, и не разъ генералъ порицалъ то, что они не пользовались предоставленной имъ свободой".

Говоря объ осадѣ Пондишери англичанами, Лаворъ указываетъ на то, что „Лалли не безъ удовольствія видѣлъ себя въ силахъ оставить жителямъ только глаза, чтобы плакать. Когда непріятель занялъ внѣшнюю линію укрѣпленій, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы у него не вырвалась наружу радость по поводу этого событія. Непріятель началъ стрѣлять,—Лалли не въ силахъ скрыть свое удовольствіе". Нѣсколько ниже генералъ изображается подавленнымъ мыслью о томъ, что англичане блокируютъ Пондишери. „Онъ былъ охваченъ такимъ горемъ и отчаяніемъ, которыя его выводили изъ себя. Иные слышали, какъ онъ въ припадкѣ отчаянія кричалъ, какъ бѣшеный: „Конечно. Пондишери не существуетъ болѣе. Мы станемъ добычей англичанъ". И онъ вылъ. Это противорѣчіе до нельзя цинично.

Разсказывая объ извѣстномъ фактѣ рвоты, случившейся съ Лалли послѣ того, какъ онъ поѣлъ каши, и которую онъ приписывалъ отравѣ, Лаворъ намекаетъ, что рвота была съ перепоя. „Въ сосѣднихъ комнатахъ, говоритъ онъ, слѣдили со страхомъ за всѣми выраженіями Лалли въ то время, какъ отецъ Лаворъ старался успокоить возбужденіе, причину котораго онъ тотчасъ угадалъ, когда приблизился къ генералу, и которое могло быть успокоено только сномъ и временемъ. Предположеніе Лавора оказалось вѣрнымъ, винные пары разсѣялись и возбужденіе прекратилось. Въ такомъ видѣ показывался довольно часто человѣкъ, отъ котораго зависѣла участь Пондишери, честь націи, выгоды компаніи, слава короля. Надо однако признать, что эти излишества не всегда доходили до крайняго предѣла, но все же вѣрно то, что это въ большей или меньшей степени отражалось на приказахъ, которые онъ давалъ". Тутъ ужъ мы имѣемъ дѣло не съ противорѣчіемъ, а съ ехидной инсинуаціей.

Открытіе дневника Лавора было оружіемъ въ рукахъ его противниковъ. Выдержки изъ этого документа были разглашены и они произвели сильное впечатлѣніе. Негодованіе публики снова вспыхнуло и было такъ распространено, что даже извощики кричали на упрямыхъ лошадей: „но, но, Лалли!" Подъ вліяніемъ общественнаго

негодованія министерство смущается и рѣшается начать преслѣдованіе Лалли. Въ королевскомъ совѣтѣ на короля производятъ давленіе. Ему претило допустить, чтобы генералъ-лейтенантъ его арміи былъ судимъ штафирками (robins): но съ обычной своей нерѣшительностью онъ въ концѣ концовъ согласился на то, чтобы противъ Лалли начато было судебное преслѣдованіе, какъ противъ главнаго виновнаго и противъ другихъ, какъ соучастниковъ. Сначала разслѣдованіе было начато въ Шатле, а потомъ было перенесено въ парламентъ. Уже въ первой инстанціи было видно, насколько оно будетъ безпристрастно. Всѣ показанія противъ Лалли принимались съ удовольствіемъ, а, напротивъ, показанія въ его пользу истолковывались, какъ неимѣющія значенія. Такъ, напримѣръ, когда допрашивали одного изъ офицеровъ Лалли Крилльона, то онъ сказалъ: „Во время моего пребыванія въ Индіи я не замѣтилъ ничего такого въ дѣяніяхъ Лалли, что было противно его обязанностямъ. Я видѣлъ въ немъ много усердія и энергіи. Я видѣлъ, какъ онъ раздѣлялъ съ колоніей ея труды и опасности, я замѣтилъ только, что его характеръ былъ немного жестокъ, что сдѣлало ему много враговъ“. Въ отношеніи обвиненій въ измѣнѣ, въ злоупотребленіи властью, онъ сказалъ, что не знаетъ ничего такого, чтобы дало основаніе для такого обвиненія. Выслушавъ эти ясныя показанія, коммиссаръ, обращаясь къ секретарю, сказалъ: „Запишите, что господинъ Крилльонъ ничего не знаетъ о дѣлѣ г. де-Лалли“. Крилльонъ протестуетъ: „смыслъ и значеніе моихъ словъ вовсе не таковы. Я не говорилъ ничего подобнаго“. Коммиссаръ не смущается и повторяетъ секретарю: „Запишите, что господинъ ничего не знаетъ о дѣлѣ Лалли“. Эта наглость выводитъ изъ себя Крилльона, онъ вскакиваетъ съ мѣста и самымъ громкимъ голосомъ твердо и глядя прямо въ глаза судьѣ отчеканиваетъ: „Милостивый государь, или я имѣю несчастье говорить не по-французски или же вы не имѣете счастья понимать этотъ языкъ. Я повторяю вамъ въ третій разъ, что я не могу ничего прибавить къ моему показанію, такъ какъ мнѣ не говорятъ о тѣхъ фактахъ, которые ставятся въ вину г. де-Лалли, и что я готовъ тотчасъ дать показаніе, какъ только мнѣ сообщать эти факты“.

Когда парламентъ изъялъ дѣло изъ вѣдѣнія Шатле, найдя, что въ немъ достаточно матеріала для юрисдиціи высшаго суда, то дѣло было поручено члену парламента Пакье, тому самому, который былъ докладчикомъ по аміенскому процессу, въ который въ свое время вмѣшался Вольтеръ. Какъ говоритъ авторъ цитирован-

наго уже нами сочиненія „Частная жизнь Людовика XV-го“, который, повидимому, зналъ его близко, „это былъ человѣкъ очень опытный въ лабиринтѣ крючковъ и законовъ, очень ловкій, очень тонкій; но это былъ въ то же время старикъ склонный къ предубѣжденію и упрямству. Онъ былъ человѣкъ страстный и гнѣвный, составлявшій въ этомъ отношеніи противоположность хладнокровному и безстрастному докладчику по канадскому процессу. У Лалли были почти тѣ же недостатки. Отсюда рѣзкія сцены между этими двумя людьми во время допросовъ. У такихъ людей часто отъ этого образуется въ глубинѣ души закваска, которая бродитъ и дѣлаетъ ихъ опасными, когда они становятся судьями, въ особенности, когда имъ поручается дѣло такое сложное, въ докладѣ о которомъ они не руководятся точнымъ безпристрастіемъ. Въ этомъ упрекаютъ Пакье“ [1]). Между Лалли и имъ происходили дѣйствительно бурныя сцены, которыя не умѣрялись ничьимъ вмѣшательствомъ, такъ какъ первому было отказано въ совѣтахъ адвоката. Ничего путнаго изъ этого взаимнаго раздраженія выйти не могло.

Обвиненія, выставленныя противъ Лалли, были многочисленны, но перечислять ихъ было бы излишне, такъ какъ огромное большинство ихъ не имѣло ровно никакого значенія. Его обвиняли между прочимъ въ томъ, что онъ вспылилъ противъ одного совѣтника колоніи Пондишери и, когда послѣдній ему сказалъ, что онъ жертвовалъ своею кровью въ интересахъ компаніи, Лалли ему отвѣтилъ: достаточно ли у васъ крови, чтобы изъ нея сдѣлать колбасы для солдатъ, у которыхъ нѣтъ хлѣба (№ 74).

въ томъ, что онъ говорилъ глупости другому совѣтнику (№ 87),

что онъ приказалъ прижечь горячимъ желѣзомъ плечо парикмахера за то, что онъ обжегъ плечо одной негритянкѣ (№ 88),

что онъ нѣсколько разъ напивался пьянъ (№ 104),

что онъ заставилъ одного капуцина пѣть на улицѣ (№ 105),

что онъ сказалъ, что Пондишери похожъ на публичный домъ, въ которомъ одни ласкаютъ дѣвокъ, а другіе хотятъ ихъ выбросить въ окна (№ 106),

что онъ нѣсколько разъ посѣтилъ г-жу Пиго, которая убѣжала отъ своего мужа (№ 108),

что онъ давалъ рису своимъ лошадямъ, когда у него не было лошадей (№ 112),

---

[1]) La vie privée. T. IV. p. 83.

что однажды онъ далъ солдатамъ пуншъ, приготовленный изъ лакрицы (№ 131),

что онъ приказалъ лѣчить себя отъ нарыва на печени раньше, чѣмъ послѣдній вскрылся; если бы нарывъ прорвался, то онъ, къ счастью, умеръ бы (№ 147).

Къ этимъ обвиненіямъ присоединялись другіе, менѣе комичныя: что онъ продалъ Пондишери англичанамъ; въ доказательство этого приводилось то, что онъ безъ всякой надобности приказывалъ ночью пускать ракеты и дѣлать ночью обходъ съ барабаннымъ боемъ (№№ 144 и 145), что онъ намѣренно проигралъ битву у Вандаваши. Пакье, повидимому, убѣжденъ въ виновности Лалли и считаетъ нужнымъ только собрать противъ него показанія, его обвиняющія. Онъ обращаетъ вниманіе только на нихъ, не обращая никакого вниманія на ихъ внутреннюю достовѣрность и не останавливаясь ни предъ ихъ бездоказательностью, ни предъ ихъ противорѣчивостью. Такъ, напримѣръ, тщетно военные говорятъ о техническихъ соображеніяхъ, вполнѣ удовлетворительно объясняющихъ ночныя ракеты, для Пакье онѣ имѣютъ значеніе предупрежденія непріятеля и составляютъ вещественное доказательство измѣны Лалли: сколько ракетъ, столько доказательствъ измѣны. Если Лалли при сдачѣ Пондишери приказалъ бросить въ море пушки и прочіе военные снаряды, то, по мнѣнію докладчика, это, конечно, было сдѣлано для того, чтобы разсердить англичанъ, чтобы они отнеслись болѣе жестоко къ жителямъ Пондишери. Показаніе о томъ, что при свиданіи съ Кутомъ послѣ капитуляціи, Лалли обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами по англійски, Пакье понималъ въ томъ смыслѣ, что онъ, конечно, въ это время сказалъ ему, что онъ не хочетъ вовсе соблюденія капитуляціи и посовѣтовалъ разрушить городъ и дома гражданъ.

Среди свидѣтелей онъ не нашелъ между военными такихъ, которые дали бы показанія въ доказательство измѣны Лалли. Они указывали его ошибки, критиковали его дѣйствія, но не говорили о намѣренныхъ неудачахъ. Объ этомъ намекали только совѣтники Пондишери. Но за то Пакье останавливается съ особеннымъ удовольствіемъ на показаніяхъ Мишеляра, конюха Лалли, который давалъ подробныя показанія какъ о военныхъ дѣйствіяхъ Лалли, такъ и объ его распоряженіяхъ. Онъ слушаетъ внимательно разглагольствованія этого дурака, какъ онъ критикуетъ диспозицію сраженія при Вандаваши и заявляетъ, что она была плоха, что генералъ легко могъ избѣгнуть взрыва зарядныхъ ящиковъ, оста-

вивъ ихъ за 16 верстъ, въ Шетупе. Одного такого заявленія было достаточно для того, чтобы прогнать прочь такого эксперта въ военномъ дѣлѣ, но Пакье, напротивъ, поощряетъ его излагать свой странный курсъ тактики. Но интереснѣе всего то, что этотъ человѣкъ, едва грамотный, въ своихъ письменныхъ показаніяхъ такъ подробно излагаетъ ходъ военныхъ операцій, такъ знаетъ всѣ проэкты по политическимъ и военнымъ вопросамъ, что Лалли справедливо сказалъ, что эти показанія таковы, что какъ будто бы этотъ человѣкъ находился не на конюшнѣ, а все время у него въ кабинетѣ. Онъ говорилъ, что нѣсколько абсурдовъ, которые высказаны имъ въ его показаніяхъ, не ослабляютъ того факта, что все вообще показаніе никакъ не можетъ быть признано принадлежащимъ ему: его догадка, повидимому, была основательна. Слишкомъ ужъ много заключается слѣдовъ образованности въ показаніяхъ этого полуграмотнаго человѣка.

Не менѣе удовольствія доставляютъ докладчику и тѣ противорѣчія, которыя встрѣчаются всюду въ показаніяхъ свидѣтелей обвиненія. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ таковыхъ. Два свидѣтеля Дени и Леконтъ показываютъ, что во время аттаки англичанъ на внѣшнія укрѣпленія Пондишери Лалли не принималъ участія въ бою и появился на полѣ сраженія лишь тогда, когда бой былъ уже конченъ. Другой свидѣтель Ленуаръ говоритъ, что во время всего дѣла онъ оставался покойно у себя въ постели. Де-Мемъ утверждаетъ, что генералъ безмятежно прогуливался на террассѣ правительственнаго дома на глазахъ у всѣхъ жителей. Нуарфоссъ, одинъ изъ совѣтниковъ Пондишери, заявляетъ, напротивъ, что Лалли былъ не на террассѣ и не въ постѣли, а во главѣ войскъ; дѣлаетъ онъ это показаніе, однако, не съ цѣлью обѣлить Лалли, а выставить тотъ фактъ, что во время сраженія онъ, Нуарфоссъ, указалъ генералу на легкость захватить 150 англичанъ, которые слишкомъ придвинулись впередъ и легко могли быть отрѣзаны; но что Лалли пренебрегъ этимъ указаніемъ и не приказалъ солдатамъ двигаться.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ докладчикъ впадаетъ въ комичное положеніе вслѣдствіе незнанія тѣхъ дѣлъ, которыя ему приходилось разбирать. Такъ съ самымъ серьезнымъ видомъ онъ разбираетъ вопросъ о томъ, что Лалли присвоилъ себѣ 10,000 сипайевъ, о которыхъ упоминается въ его бумагахъ. Онъ предполагаетъ, повидимому, что сапайи это деньги, а не туземные солдаты, каковыми они были на самомъ дѣлѣ. Встрѣтивъ упоминаніе о томъ, что

Лалли принялъ „вакилля“, онъ толкуетъ о томъ, что онъ получилъ подарокъ, не вѣдая, что это слово значитъ посланникъ.

Не взирая на ворохъ нагроможденнаго матеріала, нельзя было даже и при полномъ невниманіи къ его достовѣрности ничего съ нимъ сдѣлать, чтобы придти къ заключенію о виновности Лалли въ государственной измѣнѣ и къ возможности, по точному смыслу закона, осудить его на смертную казнь. Пакье вышелъ изъ этого затрудненія, поставивъ на видъ членамъ парламента то соображеніе, что въ процессѣ подобнаго рода, стоящемъ внѣ обычнаго хода юстиціи, который и не долженъ быть предметомъ ихъ компетенціи, они должны стать выше закона, войти въ виды законодателя и, сообразуясь съ высшими видами правительства, постановить приговоръ и на знаменитомъ виновномъ дать рѣзкій примѣръ другимъ [1]). И этотъ приговоръ былъ постановленъ. По всему процессу Лалли видѣлъ, что ему не сдобровать въ этой борьбѣ. Но онъ считалъ себя обязаннымъ бороться до послѣдней крайности, какъ подобаетъ доброму солдату. Онъ писалъ своей подругѣ г-жѣ Дилонъ: „Во Франціи нѣтъ человѣка, который былъ бы настолько смѣлъ, чтобы, я не говорю, рѣшиться взять на себя мою защиту, но чтобы выразить участіе къ тѣмъ несправедливостямъ, которыя я терплю. Для того, чтобы меня обвинить, есть только одно средство, это помѣшать мнѣ защищаться. Это средство употребляли, отказавъ мнѣ въ адвокатѣ. Что могъ бы я прибавить еще къ этой безднѣ несправедливости? Все мое преступленіе заключается теперь въ томъ, что я невиненъ. Пожалѣйте меня, но забудьте меня какъ только можете скорѣе“.

Защищая себя, онъ еще въ началѣ процесса составилъ мемуаръ и издалъ его подъ названіемъ: „Tableau Historique de l'Expedition de l'Inde“. Въ этомъ сочиненіи онъ покойно излагалъ факты, ни на кого не нападая. Несправедливыя обвиненія и клеветническія показанія его враговъ во время процесса побудили его написать другое сочиненіе „Vraies causes de la perte de l'Inde“, которое было уже настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ совѣтниковъ Пондишери и противъ Бюсси. Это сочиненіе вызвало возраженіе со стороны послѣдняго. Въ немъ Бюсси излагалъ отношенія съ себѣ Лалли и изображалъ его ужасными красками. Изъ этого чтенія получалось впечатлѣніе, что Лалли самый злой человѣкъ на свѣтѣ. Общественное мнѣніе еще болѣе озлилось про-

---

[1]) La vie privée de Louis XV. T. IV, p 83.

тивъ него. Парижъ обвинялъ парламентъ въ слабости и гнѣвно требовалъ головы преступника. Парламентъ не требовалъ поощреній въ отношеніи строгости.

Видя серьезность своего положенія, Лалли попытался пустить въ дѣло послѣднее средство; за нѣсколько дней до произнесенія приговора, 3 мая, онъ подалъ прокурору такъ называемую просьбу о смягченіи. Въ ней онъ устанавливалъ свою защиту при помощи письменныхъ документовъ. Эти документы составляли, во-первыхъ, три тэма мемуаровъ in 4^0, во-вторыхъ, протоколы военнаго совѣта относительно сдачи Пондишери, военную и административную переписку Лалли и, наконецъ, королевскія и министерскія инструкціи, которыя оправдывали его поведеніе и которыя онъ до тѣхъ поръ не считалъ себя вправѣ показывать. Чтобы прочитать только всѣ эти документы, потребовалось бы десять дней по крайней мѣрѣ. Судьи нашли, что это слишкомъ долго; но они вышли изъ затрудненія, вставивъ въ приговоръ фразу: „принимая во вниманіе прошеніе сэра Лалли и документы къ нему приложенныя и въ немъ поименованные“... Такъ какъ прошеніе было подано третьяго мая въ субботу вечеромъ, понедѣльникъ пятаго мая былъ занятъ допросомъ, а шестого утромъ, приговоръ былъ уже произнесенъ, то очевидно, что эта фраза была введена въ приговоръ лишь для формы и что означенные документы не были даже просмотрѣны.

Послѣ произнесенія приговора были сдѣланы попытки обращенія къ королю съ просьбой о помилованіи. Упоминавшаяся нами госпожа Дилонъ обратилась къ королю съ письмомъ: „Государь. Мнѣ мѣшаютъ броситься къ стопамъ вашего величества. Я не прошу у васъ помилованія, я молю о справедливости. Прикажите позвать Монморанси и Крилльона. Первый скажетъ вамъ, былъ ли онъ допрошенъ, а второй о томъ, какъ его допрашивали. Государь, я умоляю васъ кровью моего двоюроднаго брата, которая пролита на вашей службѣ, кровью моихъ братьевъ, которые пали, защищая ваше величество, соблаговолите дать намъ отсрочку въ шесть недѣль; она только обнаружитъ еще болѣе справедливость приговора, если онъ признанъ будетъ таковымъ послѣ его пересмотра“.

Эти попытки остались безплодными. Также осталась безплодной попытка избавить Лалли отъ позорныхъ обрядовъ казни. Король, по словамъ современника, согласился на ихъ устраненіе, но Пакье воспротивился этому. Онъ говорилъ, что собственно смерть для такого человѣка какъ Лалли, ничего не значитъ. „Важная ея

обстановка, она должна навести ужасъ: кандалы, позорная телѣга, палачъ". Ничего изъ этого не было упущено. По своему рангу Лалли имѣлъ право отправиться на мѣсто казни въ траурной каретѣ; онъ протестовалъ, когда увидѣлъ позорную телѣгу, употребляемую для обыкновенныхъ преступниковъ. Его силой втащили на нее и наложили на ротъ повязку, чтобы онъ не могъ говорить. Наконецъ его привезли на Гревскую площадь. Онъ видитъ толпу, которая наполняетъ ее, довольная предстоящимъ привлекательнымъ зрѣлищемъ, какъ будутъ безглавить большого барина. Когда голова его отдѣлилась отъ туловища, увидѣли мальчика 14 лѣтъ, бѣгущаго къ эшафоту, „чтобы тутъ поцѣловать отца и дать ему услышать голосъ сына среди криковъ палачей". Этотъ опоздавшій на свиданіе съ отцемъ сынъ, былъ незаконнорожденный сынъ Лалли, Жераръ-Трофимъ, котораго онъ узаконилъ и которому онъ завѣщалъ свою память и свою невинность. Этому ребенку суждено было черезъ 12 лѣтъ добиться пересмотра процесса своего отца.

Парижъ апплодировалъ этой казни. Одна изъ образованныхъ женщинъ того времени, писала по ея поводу Вальполю: „Лалли умеръ какъ бѣшеный... боялись, что онъ проглотитъ свой языкъ. Ему наложили кляпъ. Были довольны всѣмъ тѣмъ, что сдѣлало эту казнь унизительной: позорной телѣгой, кандалами и кляпомъ... Этотъ послѣдній гарантировалъ духовника, который боялся, что онъ его укуситъ". Это ужасное письмо было какъ бы надгробнымъ словомъ надъ Лалли [1]).

Несправедливость приговора надъ Лалли бросается въ глаза. Казнь его была возмутительнымъ юридическимъ убійствомъ. Во всемъ его поведеніи въ Индіи нѣтъ и намека не только на государственную измѣну, но даже на преступленіе по службѣ. Лалли не былъ, конечно, измѣнникомъ въ тотъ моментъ, когда онъ, при осадѣ С. Давида самъ копалъ траншеи и таскалъ телѣжки съ землей. Или, можетъ быть, это назовемъ измѣной, когда онъ изъ подъ С. Давида мчится въ Пондишери и платитъ своими деньгами жалованье матросамъ, отказывавшимся служить, лишь бы заставить эскадру выйти въ море? Не измѣнялъ онъ и тогда, когда онъ двинулся противъ Мадраса и ссудилъ своихъ 60,000 рупій на покрытіе расходовъ по этой экспедиціи. Наконецъ, не тогда-ли онъ измѣнялъ королю, когда, во время осады Пондишери, истратилъ всѣ свои деньги на уплату жалованья возмутившимся солдатамъ,

---

[1]) Hamont. Lally, p. 316.

когда, истративъ свои деньги, онъ продалъ свои вещи, посуду, часы, лишь бы достать нѣсколько лишнихъ мѣшковъ рису, дабы протянуть защиту города въ ожиданіи появленія эскадры? Нѣтъ, никто не имѣлъ права осудить этого человѣка.

Вѣрно, что у него не оказалось политическаго смысла, что у него не оказалось организаторскихъ способностей, что онъ выказалъ упрямство, недостатокъ такта въ сношеніяхъ съ людьми, злобу и завистливость; но въ то же время онъ выказалъ несомнѣнную храбрость и такую любовь къ общественному благу, которыя бы заставили вынести ему оправдательный вердиктъ всякихъ другихъ судей, болѣе склонныхъ слушаться велѣній долга и менѣе поддающихся страстямъ ошалѣвшей толпы.

Лалли сдѣлалъ много ошибокъ. Особенно непріятное впечатлѣніе производитъ его вражда къ Бюсси. Но, обвиняя его за ошибки и за эту роковую подозрительность и вражду къ Бюсси, слѣдуетъ имѣть въ виду не только его личныя качества, но и тѣ инструкціи, которыя ему были даны, и тѣ характеристики служебнаго персонала Индіи, которыми его снабдили. Эти инструкціи не были отмѣнены, они даже были подтверждены письмомъ генералъ-контролера финансовъ Буллоння (Boullongne), писаннымъ полтора года спустя послѣ отплытія экспедиціи. „Проэктъ большихъ земельныхъ владѣній, писалъ онъ 6 февраля 1758 года, и содержанія войска при субабѣ Декана, имѣлъ, до сихъ поръ, своимъ послѣдствіемъ только обогащеніе нѣкоторыхъ офицеровъ и истощеніе компаніи въ людяхъ, деньгахъ и всякаго рода припасахъ... Послѣдняя революція въ Деканѣ была, по крайней мѣрѣ, хороша тѣмъ, что она дала почувствовать даже самому Бюсси необходимость удалиться изъ этой страны, дышащей измѣной, и гдѣ покончили бы тѣмъ, что потеряли бы всѣ войска, которыя имѣла бы тамъ компанія“[1]).

Несправедливость и жестокость приговора не только очевидна для насъ, знающихъ дѣятельность Лалли Толандаля, но она представлялась таковою и современникамъ, не увлекавшимся враждою противъ генерала и не томимымъ жаждой найти измѣнника во что бы то ни стало. Вольтеръ писалъ д'Аламберу мѣсяцъ спустя послѣ казни Лалли: „Я знаю, что это былъ человѣкъ очень буйный, который легко находилъ секретъ быть ненавидимымъ

---

[1]) Hamont. Lally Tollendal, p. 320. Archives du ministère de la marine, fonds des colonies.

всѣми; но я поставлю въ закладъ мою шейку, что онъ не былъ измѣнникомъ. Приговоръ не говоритъ, что онъ былъ лихоимцемъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что три дня спустя послѣ казни, одинъ очень уважаемый человѣкъ спрашивалъ одного изъ судей, за какое именно преступленіе былъ осужденъ Толандаль? „Нѣтъ никакого отдѣльнаго преступленія, отвѣтилъ судья, но—таковы его собственныя слова,—приговоръ постановленъ по совокупности всего его поведенія" [1]). По поводу этого заявленія судьи, невольно вспоминается процессъ англійскаго епископа Лоуда, бывшій сто лѣтъ раньше. Его тоже судили за измѣну и не найдя отдѣльнаго факта таковой, судьи-лорды выставили тезисъ, что хотя отдѣльные факты порознь не составляютъ измѣны, но въ совокупности могутъ составить таковую На это адвокатъ Лоуда возразилъ: „я прошу у васъ извиненія; но я никогда не слыхалъ, чтобы изъ двухсотъ кроликовъ могла бы выйти лошадь".

Возвращаясь къ приговору надъ Лалли Толандалемъ нѣсколько позже, Вольтеръ говоритъ: „этотъ приговоръ кажется теперь тѣмъ болѣе жестокимъ, что въ то самое время Шатле, гдѣ разбирался процессъ гражданскихъ чиновниковъ Канады, виновныхъ въ очевидныхъ лихоимствахъ, приговорилъ ихъ къ возмѣщенію убытковъ, къ штрафамъ и къ изгнаніямъ... У этихъ обвиняемыхъ не было шайки враговъ, тогда какъ свирѣпая и страшная шайка была противъ этого ирландца, страннаго, капризнаго, вспыльчиваго, ревниваго къ счастью другого, преслѣдовавшаго, какъ и всякій другой, свои интересы; но храбраго, преданнаго государству и невиннаго...; въ его пользу стали говорить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда утоленная месть открыла справедливости доступъ въ сердца вмѣстѣ съ состраданіемъ. Что особенно содѣйствовало обѣленію его памяти въ обществѣ, это то, что на самомъ дѣлѣ оказалось, что у него ничтожное состояніе. Приговоръ требовалъ, чтобы изъ его конфискованнаго имущества взято было 100 тыс. экю въ пользу бѣдныхъ Пондишери. За уплатой долговъ такой суммы не оказалось, а, между тѣмъ, совѣтъ Пондишери въ своей жалобѣ оцѣнивалъ его состояніе въ 17 милліоновъ [2]). Стараясь объяснить себѣ пристрастное поведеніе парламента въ процессѣ, Вольтеръ дѣлаетъ слѣдующее правдоподобное соображеніе. Полагали, говоритъ онъ, что парламентъ былъ очень раздраженъ про-

---

[1]) Meyer Alfred. Lally Tollendal, p. 48 et 55.
[2]) Voltaire. Oeuvres, éd. 1784. T. XXVI, p. 457.

тивъ генераловъ, которымъ обыкновенно поручали передавать ему королевскіе приказы. Будучи не разъ изгоняемъ за сопротивленіе и, тѣмъ не менѣе, продолжая сопротивляться и сдѣлавшись, самъ того не сознавая, естественнымъ врагомъ всякаго высокопоставленнаго военнаго, онъ могъ ощущать тайное удовольствіе, получая возможность проявить свою власть надъ человѣкомъ, которому вручена была верховная власть. Въ лицѣ его онъ унижалъ всѣхъ генераловъ. Въ этомъ чувствѣ, скрытомъ въ тайникахъ души, даже и самому себѣ не признаются; но тѣ, кто его подозрѣваетъ, можетъ быть, и не ошибаются [1]).

Умирая, Лалли Толандаль оставилъ, какъ мы упоминали, защитника своей невинности. Трофиму Толандалю надо было, однако, ждать совершеннолѣтія, чтобы выступить въ роли защитника. Какъ только онъ достигъ его, какъ онъ взялся за дѣло, и обратился съ просьбой къ Вольтеру помочь ему въ немъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу Вольтеръ написалъ ему письмо (1773 г.), въ которомъ симпатично отозвался объ его отцѣ и посовѣтовалъ ему обратиться съ этимъ дѣломъ къ члену государственнаго совѣта Сенъ-Присту, который, по словамъ Вольтера, былъ убѣжденъ въ невинности Толандаля и долженъ чувствовать себя передъ нимъ нѣсколько виноватымъ, такъ какъ онъ посовѣтовалъ послѣднему отдается въ руки парламента. Свое письмо онъ заключалъ словами: „что касается меня, то я предлагаю вамъ себя въ секретари, не смотря на мой 80-лѣтній возрастъ и не смотря на послѣдствія моей болѣзни, которая чуть не свела меня въ могилу. Для меня будетъ утѣшеніемъ то, что мой послѣдній трудъ послужитъ защитѣ правды“.

Трофиму Толандалю удалось собрать нужные документы для представленія ихъ королевскому совѣту. Пять лѣтъ, однако, прошло въ хлопотахъ о кассированіи приговора. Только 21 мая 1778 года состоялось, по докладу Ламбера, постановленіе королевскаго совѣта, гласившее, что приговоръ парламента отмѣняется „вслѣдствіе множества нарушеній формъ закона, какъ во время процесса, такъ и до него“. Извѣстіе объ этомъ результатѣ застало Вольтера уже на смертномъ одрѣ. Оно вызвало его изъ апатіи, и онъ написалъ своему юному кліенту: „я умираю довольнымъ; я вижу, что король любитъ справедливость“. Трофимъ Толандаль не удовольствовался этимъ рѣшеніемъ. Убѣжденный въ невинности сво-

---

[1]) Voltaire. Ocuvres, éd. 1784. T. XXVI, p 453.

сго отца, онъ желалъ доказать ее на судѣ и съ этой цѣлью добился передачи дѣла на новое разсмотрѣніе. Оно было передано Руанскому парламенту. Генералъ-прокуроръ послѣдняго составилъ уже докладъ въ томъ смыслѣ, что добрая память генерала могла быть возстановлена, и его невинность должна была быть торжественно провозглашена, когда въ дѣло вмѣшался Дюваль д'Епремениль, членъ парижскаго парламента, горячій покровитель двухъ тогдашнихъ шарлатановъ Месмера и Каліостро, эксплоатировавшихъ любопытство и праздность высшаго парижскаго общества.

Какъ членъ парижскаго парламента и какъ племянникъ д'Епремениля, служившаго въ Пондишери и личнаго врага Лалли Толандаля, онъ чувствовалъ достаточно мотивовъ не допускать провозглашенія невинности послѣдняго. Онъ вошелъ въ дѣло въ качествѣ третьяго лица и былъ допущенъ Руанскимъ парламентомъ, хотя не имѣлъ на такое вмѣшательство законнаго основанія. Въ своемъ прошеніи (1781 г.) Дюваль д'Епремениль рѣзко напалъ на покойника Вольтера за его вмѣшательство въ дѣло Лалли Толандаля и, мимоходомъ, и на всю его литературную дѣятельность. Онъ возмущался стараніемъ поднять снова разъ уже „рѣшенное" дѣло. Это нападеніе на память Вольтера вызвало публичную отповѣдь со стороны его знаменитаго друга и единомышленника Кондорсе. Онъ напечаталъ брошюру „Reponse au premier plaidoyer de M. d'Eprémenil dans l'affaire du comte de Lally" (1781 г.), въ которой онъ, со свойственнымъ ему пыломъ, выступилъ противъ доводовъ д'Епремениля. „Насъ хотятъ заставить, говоритъ онъ, благоговѣть предъ судомъ, въ которомъ позволено было отказать обвиняемому въ защитѣ, въ которомъ его лишаютъ защитника въ то время, когда онъ находится предъ судьями и свидѣтелями, въ которомъ ему запрещаютъ получить копію документовъ, направленныхъ противъ него, чтобы спокойно разобрать ихъ. И когда сынъ, защищая память своего отца, осмѣливается высказать сомнѣніе въ справедливости обвиненій противъ него и въ безпристрастіи его судей, то удивляются тому, что такое обвиненіе остается безнаказаннымъ; когда жгучая боль вырвала у этого несчастнаго сына крикъ негодованія, то удивляются, почему этотъ крикъ не былъ наказанъ какъ новое преступленіе... Такія идеи составляютъ оскорбленіе человѣчности и разума". Заканчиваетъ онъ эту часть своей реплики такимъ образомъ: „судьи Лалли! былъ ли этотъ несчастливецъ невиненъ или нѣтъ; но вы виновны: Европа заклеймила васъ позоромъ, который не сотрется никогда.

Справедливое мщеніе Бога человѣчности воздвигло противъ васъ этого человѣка, сочиненія котораго переживутъ и предразсудки, и имперіи".

Въ своемъ прошеніи д'Епремениль заявлялъ, что выскажутся за него и противъ Вольтера всѣ разумные отцы, всѣ разсудительныя матери, добродѣтельные супруги, люди искренніе въ дружбѣ, писатели-граждане (auteurs-citoyens), судьи неподкупные, государи предусмотрительные, словомъ, всѣ тѣ, для которыхъ добрые нравы составляютъ е щ е что нибудь". На послѣдней фразѣ Кондорсе особенно остановился. „О, милостивый государь! Это „е щ е" уничтожаетъ весь эффектъ вашей фразы. Какъ, вы еще вѣрите сказкамъ вашей няни о чистотѣ нравовъ добраго стараго времени? Сожалѣете-ли вы о цѣломудріи двора Фредегонды? Восхищаетесь ли вы чистотою нравовъ нашихъ крестоносцевъ? Или вамъ нравятся больше нравы временъ Карла VI, чѣмъ наши; процессіи Франсуа I и Генриха II и богомольность Генриха III? А романическія исторіи почтенныхъ дамъ времени Карла IX, о которыхъ разсказываетъ Брантомъ? а эти любовные грѣшки, которые думали загладить, избивая еретиковъ;—вамъ все это кажется очень назидательнымъ? Вы развѣ забыли списокъ куртизанокъ, которыя пріѣхали въ Констанцъ въ свитѣ собора и которымъ духовные отцы доставили удовольствіе посмотрѣть на сожженіе Гуса? Не помните ли вы праздники, которые устроилъ Александръ VI на свадьбѣ своей дочери? Нашъ вѣкъ не первый ли со времени паденія Римской Имперіи, въ которомъ благопристойность и добрые нравы безъ перерыва находятся на папскомъ престолѣ? Почитайте подлинные мемуары и письма людей, которые жили въ теченіе послѣднихъ четырехъ царствованій; сравните ихъ съ теперешнимъ и судите". „Писатели-граждане!" „Писатель-гражданинъ, это тотъ человѣкъ, который... высказываетъ своимъ согражданамъ истины, которыя онъ считаетъ полезными, смѣло нападаетъ на пагубные предразсудки, поднимаетъ голосъ противъ злоупотребленій, какъ бы не были сильны ихъ покровители; разбираетъ недостатки законовъ своей страны и требуетъ ихъ реформы; разбираетъ принципы государственнаго управленія, отъ которыхъ зависитъ благо націй; громко возглашаетъ священныя слова: человѣчность и справедливость, терпимость и свобода, не боясь ни лицемѣровъ, ни тирановъ; ищетъ истину и благо народа, забываетъ за этими великими предметами свои личные интересы, интересы корпораціи и сословія (état); онъ знаетъ при этомъ, что его дѣятельность бу-

детъ вознаграждена лишь клеветой и преслѣдованіемъ и въ несправедливости людской находитъ лишь поводъ удвоить свою ревность и смѣлость. Писатели-граждане немногочислены; но они пишутъ не противъ Вольтера“.

Это письмо намъ показываетъ, что вопросъ о пересмотрѣ процесса Лалли Толандаля сталъ на болѣе широкую почву борьбы между двумя общественными теченіями, представителемъ одного изъ которыхъ былъ Вольтеръ. Это обстоятельство, равно какъ вмѣшательство д'Епремениля, усложнили дѣло; но весьма сильнымъ препятствіемъ реабилитаціи памяти Толандаля было то, что, какъ писалъ одинъ современникъ, „ни одинъ изъ парламентовъ не согласится провозгласить, что Парижскій парламентъ совершилъ легальное убійство“. Въ Руанскомъ парламентѣ дѣло было проиграно; вслѣдствіе новой кассаціи дѣла королевскимъ совѣтомъ, оно перешло въ Дижонскій парламентъ. И тамъ Трофимъ Толандаль напрягалъ всѣ усилія, чтобы добиться возстановленія чести своего отца. Какъ сообщаетъ тотъ же современникъ, онъ написалъ два мемуара, въ которыхъ проявилъ всю свою энергію. Но Дижонскій парламентъ не внялъ ни воплямъ сына, ни его доводамъ; онъ отказался постановить новиновность Лалли и такъ неизбѣжно поступитъ, писалъ тотъ же современникъ, каждый изъ парламентовъ, которымъ будетъ поочередно передано это дѣло послѣ тоже неизбѣжной кассаціи ихъ постановленій королевскимъ совѣтомъ [1]). Онъ прибавляетъ, что публика и дворъ стоятъ за этого несчастнаго сына, „но то, что называютъ формой и что всегда беретъ верхъ надъ сущностью, не позволяетъ дѣйствовать скорѣе и рѣ-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, кн. 30-я Письма пріятеля молодости къ графу Александру Романовичу. Въ одномъ письмѣ отъ 9-го августа 1783 года неизвѣстный авторъ писемъ сообщаетъ, что дѣло должно на-дняхъ разбираться въ Дижонскомъ парламентѣ и упоминаетъ о двухъ мемуарахъ: „que je n'ai pas encore lus, et où celui qui les a apporté de Dijon m'a dit, qu'il (Lally le fils) avoit dévéloppé toute son énergie et fait explosion. Malheureusement je ne pourrais me les procurer pour vous les envoyer qu'après le jujement“. Въ письмѣ отъ 3-го сентября 1783 г., сообщая о рѣшеніи парламента, прибавляетъ: „Ainsi les éloquents mémoires dont je vous ai parlé seront encore longtemps de saison (т. к. дѣло затянется). J'en ai retenu pour vous un exemplaire, des qu'il aura pu en faire entrer dans Paris un nombre suffisant: car l'arrét de Dijon, tant qu'il subsiste encore, met ces memoires an rang des livres défendus, puisque il les a condamnés à être brulés par la main du bourreau“, стр. 41 и 45. Видно, дѣло Лалли интересовало людей и внѣ Франціи.

шить дѣло волей самого государя". Дижонскій парламентъ не удовольствовался утвержденіемъ приговора парижскаго парламента, но и самые мемуары Трофима Толандаля постановилъ сжечь рукой палача, такъ что въ Парижѣ ихъ можно было получить только тайкомъ.

Мы не знаемъ, по какимъ еще парламентамъ странствовало дѣло несчастнаго Лалли; но оно не было еще рѣшено, когда наступила революція 1789 года; вскорѣ затѣмъ исчезли французскіе парламенты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старое судопроизводство съ его отжившими, жестокими принципами.

Трофиму Толандалю не удалось возстановить честь своего отца предъ трибуналомъ парламента; но она была возстановлена передъ судомъ исторіи. Но ему удалось въ качествѣ депутата Учредительнаго Собранія 1789 года ввести въ декларацію нравъ человѣка и гражданина слѣдующій тезисъ: „каждый обвиняемый предполагается невиновнымъ; если признано необходимымъ его арестовать, то всякая суровость, которая не необходима для того, чтобы задержать его (s'assurer de sa personne), должна быть строго преслѣдуема закономъ". „Законъ долженъ устанавливать наказанія лишь точно и очевидно необходимыя".

Эти положенія были столько же отраженіемъ теоретическаго разсужденія членовъ Учредительнаго Собранія, сколько и отголоскомъ личныхъ впечатлѣній Трофима Толандаля и воспоминаній его о судьбѣ и обстоятельствахъ казни отца. Прошло столѣтіе съ тѣхъ поръ, но однако, ни ученіе Беккаріи „О преступленіи и наказаніи", по скольку оно отрицаетъ смертную казнь, ни тезисъ о соразмѣрности наказанія съ требованіями строгой и очевидной необходимости не нашли еще полнаго осуществленія въ практикѣ человѣческой жизни. Медленно двигается прогрессъ нашей жизни. А все таки движется.

Денежный кризисъ.

1899-й годъ закончился необычайно высокими процентными ставками въ дисконтѣ: 6 % въ Лондонѣ, 7 % въ Берлинѣ, 7½ % въ Петербургѣ и 4½ въ Парижѣ. До этого высокаго уровня дисконта банки дошли довольно быстро осенью, когда на недѣлѣ съ 27-го сентября и до 4 октября англійскій банкъ поднялъ дисконтъ два раза, сначала до 4½ % и потомъ до 5 %, что, замѣчаетъ хроникеръ, случилось только четыре раза на пространствѣ 33 послѣднихъ лѣтъ. Уровень процентовъ въ октябрѣ мѣсяцѣ на главныхъ рынкахъ стоялъ такой: въ Лондонѣ 3½—4½—5 %, въ Берлинѣ 5 и 6 %, въ Петербургѣ 7 %, въ Парижѣ 3 %.

Въ этомъ послѣднемъ мѣсяцѣ произошло рѣзкое поднятіе дисконта на всѣхъ европейскихъ рынкахъ за немногими исключеніями и, какъ и слѣдовало ожидать, оно произвело тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ сильнѣе были оптимистическія надежды на продолженіе той дешевизны денегъ, которая наблюдалась въ послѣдніе годы, и которую стали считать нормальнымъ явленіемъ, такъ что даже нѣкоторые экономисты, напримѣръ Поль Леруа Болье, одно время стали предсказывать, что учетъ въ Парижѣ долженъ дойти до 1 процента. Другіе, какъ напримѣръ Клодіо Жанне, сомнѣвались въ скоромъ осуществленіи такого удешевленія капитала, но соглашались съ тѣмъ, что дѣло къ тому идетъ. И вдругъ такое вздорожаніе учета! Тѣ, кто наблюдалъ экономическія явленія въ 1898 и 1899 гг. не только въ своей узкой дѣловой сферѣ, а на болѣе широкомъ горизонтѣ, поняли значеніе совершавшагося явленія и даже еще въ маѣ мѣсяцѣ 1899 года предсказывали его наступленіе осенью; но масса публики, не при-

выкшая не только наблюдать экономическія явленія, но и вообще мало знакомая съ ихъ природой и склонная смѣшивать одни явленія съ другими, единодушно заговорила объ отсутствіи денегъ и этому уменьшенію массы денегъ приписала то неудобство, которое естественно сопутствуетъ вздорожанію учета. Г. Рафаловичъ въ своемъ обозрѣніи финансоваго рынка (Le Marché Financier en 1889) говоритъ, что большія нападки были направлены на русскаго министра финансовъ за то, что будто бы онъ слишкомъ сократилъ билетное обращеніе, и отъ него требовали новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ; къ счастью, эти неисправимые сторонники всякихъ пластырей (inflationnistes) не были услышаны. Въ Англіи тоже въ публикѣ не поняли сразу смысла совершавшихся явленій и въ іюлѣ мѣсяцѣ „Times“ писалъ противъ тѣхъ, кто кричалъ о недостаткѣ денегъ, объясняя имъ высоту процента „Повидимому, все еще не хотятъ понять, говорила означенная газета, что заемная стоимость капитала должна была повыситься послѣ двухъ или трехлѣтней усиленной дѣятельности въ области промышленности и торговли иммобилизировавшей свободный оборотный капиталъ совсѣмъ или въ извѣстной его части, и что она въ теченіе извѣстнаго промежутка времени должна будетъ еще держаться выше того уровня, который былъ господствующимъ въ періодъ меньшаго дѣлового оживленія“.

Нижеслѣдующія таблицы даютъ наглядное представленіе о движеніи учетнаго процента въ истекшемъ году и за послѣдніе десять лѣтъ.

Движеніе среднихъ учетныхъ нормъ за десятилѣтіе			
Годы	Парижъ	Лондонъ	Берлинъ
1890	3%	4,55%	4,38%
1891	3%	3,35%	3,80%
1892	2,66%	2,54%	3,20%
1893	2,50%	3,05%	4,08%
1894	2,50%	2,11%	3,12%
1895	2,20%	2%	3,15%
1896	2%	2,48%	3,65%
1897	2%	2,78%	3,84%
1898	2,20%	3,26%	4,28%
1899	3,06%	3,75%	4,98%

Эта таблица наглядно свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ, что движеніе учетнаго процента въ теченіе десятилѣтія представ-

ляетъ собою дугу, концы которой обращены кверху, а середина вогнута внизъ. Въ началѣ десятилѣтія учетный процентъ стоялъ на высотѣ, хотя и меньшей, чѣмъ въ концѣ его, въ 1899 году, но во всякомъ случаѣ на уровнѣ, къ нему близко подходящемъ. Затѣмъ начинается спускъ съ этой высоты, продолжающійся до 1894 г. въ Берлинѣ и до 1895 г. въ Лондонѣ и Парижѣ. Съ 1895 года въ Берлинѣ, съ 1896 г. въ Лондонѣ и только съ 1898 г. въ Парижѣ снова начинается повышеніе средней годовой учетной нормы, достигающее въ 1899 году наивысшей точки. Во-вторыхъ, эта таблица свидѣтельствуетъ о томъ, что испугавшее весь промышленный міръ, и въ особенности русскій, возвышеніе учетнаго процента въ концѣ 1899 г. не было неожиданностью, а такъ сказать, подходило постепенно, ибо мы видимъ, что въ послѣдніе четыре года учетная норма послѣдовательно поднимается съ каждымъ годомъ все выше и выше. Западно-европейскіе банкиры видѣли это съ такой ясностью, что, напримѣръ, весною 1899 года они предсказывали, что осенью этого послѣдняго года учетная норма будетъ выше, чѣмъ была осенью 1898 г., и съ деньгами будетъ тѣснѣе

Это послѣдовательное возвышеніе учетной ставки маскировалось тѣмъ обстоятельствомъ, что обыкновенно вначалѣ года она всюду понижалась, и такое пониженіе заставляло публику забывать о томъ, что она въ среднемъ была выше, чѣмъ въ предыдущій годъ; а такъ какъ самое поднятіе процента зависѣло отъ многихъ разнообразныхъ причинъ, уловить которыя представлялось дѣломъ не легкимъ для непривычнаго глаза, то подъемъ процента склонны были объяснить случайными обстоятельствами, въ родѣ, напримѣръ, постройки сибирской желѣзной дороги, и лелѣяли себя надеждой, что предстоящая осень не будетъ свидѣтельницей дороговизны учета. Само собою разумѣется, что разсчеты, строившіеся на такихъ надеждахъ, оказывались построенными на ложномъ основаніи, и нарушеніе ихъ влекло за собою непріятные сюрпризы.

Теперь обратимъ наше вниманіе на движеніе процента въ послѣдніе два года изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, при чемъ интересно взять не только свѣдѣнія относительно процентныхъ нормъ, назначенныхъ большими національными банками, но и тѣ, которыя относятся къ частному дисконту. Оговариваемся напередъ, что эти послѣднія не отличаются у насъ достаточной полнотой.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ УЧЕТНЫЙ ПРОЦЕНТЪ											
Мѣсяцы	Парижъ		Лондонъ		Берлинъ		Петербургъ				
							По 3-хъ мѣс. вексел.		По 6-ти мѣс. вексел.	
	1898	1899	1898	1899	1898	1899	1898	1899	1898	1899
Январь .	2	3	3	4—3½	5—4	6—5	5—4½	6 - 5	6—5½	6½—6
Февраль.	2	3	3	3½—3	4—3	5—4½	4½	5	5½	6
Мартъ .	2	3	3—4	3	3—4	4½	4½	5	5½	6
Апрѣль .	2	3	4	3	4	4½	4½	5	5½	6
Май .	2	3	4—3½—3	3	4	4½—4	4½	5—4½	5½	6—5½
Іюнь . .	2	3	3—2½	3—4	4	4½—4	4½	4½—5	5½	5½—6
Іюль . .	2	3	2½	3—3½	4	4½	4½	5	5½	6
Августъ.	2	3	2½	3½	4	4½—5	4½	5—5½	5½	6 - 6½
Сентябрь	2	3	2½—3	3½	4—5	5	4½	5½ - 6	5½	6½—7
Октябрь.	3	3	3—4	3½—4½—5	5—5½	5—6	4½—5½	6	5½—6½	7
Ноябрь .	3	3	4	5—6	5½ - 6	6	5½—6	6	6½	7
Декабрь.	3	3—4½	4	6	6	6—7	6	6—7	6½	7—7½

Въ этой таблицѣ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ показаны процентныя ставки, причемъ, если въ теченіе мѣсяца произошло измѣненіе, то указаны обѣ ставки рядомъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣва направо. Для Петербурга указаны ставки по трехмѣсячнымъ и шестимѣсячнымъ векселямъ въ отдѣльныхъ столбцахъ; трехмѣсячныя ставки интересны для сравненія съ заграничными, такъ какъ за границей учитываются трехмѣсячныя векселя, не длиннѣе; шестимѣсячныя же ставки интересны по той причинѣ, что у насъ шестимѣсячный вексель наиболѣе распространенный и имѣетъ такое же значеніе, какъ за границей трехмѣсячный. Поэтому, для нашей промышленности и торговли размѣръ трехмѣсячнаго дисконта имѣетъ мало значенія, за исключеніемъ Царства Польскаго, въ которомъ трехмѣсячный вексель получилъ право гражданства.

Изъ приведенной таблицы наглядно представляется тотъ фактъ, что на всѣхъ главныхъ рынкахъ Европы учетный процентъ въ 1899 году съ самаго начала года стоитъ выше, чѣмъ въ предыдущемъ. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и Парижъ, который въ общемъ стоитъ особнякомъ. Здѣсь же надо оговориться, что парижскій учетный процентъ не ясно отражаетъ на себѣ дѣйствительныя измѣненія въ спросѣ и предложеніи денегъ, такъ какъ Французскій Банкъ путемъ премій стремится удержать въ странѣ золото и старается не прибѣгать къ измѣненію учетной ставки; такимъ образомъ, онъ держалъ ее неизмѣн-

ною съ 1895 года и до ноября 1898 г. Въ Парижѣ острили по этому поводу, говоря, что замокъ того шкафика, въ которомъ за проволочной сѣткой выставлены процентныя нормы, такъ заржавѣлъ, что его не могли отворить, когда въ ноябрѣ 1898 г. захотѣли выставить новое росписаніе процентовъ. Но и Французскій Банкъ не могъ выдержать своей системы и вынужденъ былъ поднять процентъ сначала до трехъ, а потомъ, въ декабрѣ 1899 года, до $4^1/_2{}^0/_0$. Зато Лондонскій и Берлинскій банки оказываются очень чуткими къ колебаніямъ на рынкѣ, да къ тому же и экономическія условія тутъ были нѣсколько иными, чѣмъ во Франціи. На этихъ двухъ рынкахъ, мы видимъ, въ началѣ года обнаруживается нѣкоторое спокойствіе, которое и отражается на большей стойкости дисконта; по крайней мѣрѣ, это замѣтно въ 1898 г. Но со второй половины года замѣтно особенно нервное настроеніе, которое сказывается то въ подъемѣ, то въ пониженіи дисконта, пока наконецъ подъемъ температуры не принимаетъ рѣшительнаго характера. По высотѣ учетнаго процента въ началѣ года можно было съ большей или меньшей вѣроятностью судить о томъ, что будетъ дѣлаться осенью, и въ этомъ отношеніи дисконтъ начала 1899 года былъ весьма внушителенъ. Если мы обратимъ вниманіе на движеніе частнаго дисконта, который за границей отличается тѣмъ, что онъ постоянно ниже оффиціальнаго и къ тому же обладаетъ особенной подвижностью, то мы увидимъ изъ приводимыхъ данныхъ относительно Берлина (другихъ данныхъ у насъ нѣтъ), что тѣ явленія, которыя мы отмѣтили осносительно оффиціальнаго дисконта, видны также и на частномъ, а что касается подвижности, то въ 1899 г. она доходила во второй половинѣ до того, что въ теченіе лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ дисконтъ колебался по 14 и по 15 разъ въ мѣсяцъ.

Частный дисконтъ въ Берлинѣ		
Мѣсяцы	1898	1899
Январь	2,65	4,68
Февраль	2,5	4,05
Мартъ	2,73	4,09
Апрѣль	3,61	3,60
Май	3,26	3,70
Іюнь	3,41	3,97
Іюль	3,14	3,99
Августъ	3,22	4,69
Сентябрь	3,68	4,97
Октябрь	4,04	5,33
Ноябрь	5,12	5,79
Декабрь	4,94	5,53

Изъ этой таблицы видно, что и въ частномъ дисконтѣ съ самаго начала 1899 г. замѣтенъ подъемъ уровня учетной нормы сравнительно съ предшествующимъ годомъ; послѣ того, какъ дискотъ дошелъ до своего минимума въ этомъ году въ апрѣлѣ, онъ начинаетъ снова подниматься и непрерывно растетъ до самаго конца года. Хотя въ декабрѣ и отмѣчено у насъ нѣкоторое пониженіе, но оно объясняется тѣмъ, что въ нашу таблицу вошли депеши, полученныя нами по старому стилю, а потому—и тѣ изъ нихъ, которыя носятся по новому стилю уже къ новому году, когда послѣ перваго января послѣдовало уже пониженіе дисконта.

Хотя у насъ и нѣтъ систематическихъ свѣдѣній относительно частнаго дисконта въ Лондонѣ и Парижѣ, но мы знаемъ, что въ первомъ послѣдовало возвышеніе учетнаго процента въ іюлѣ до 3 % и потомъ въ августѣ 1899 г. до $3^3/_4$ % и послѣ того подъемъ продолжался. Въ Парижѣ дисконтъ поднялся въ августѣ до $2^1/_2$ % и, кажется, не поднимался очень сильно. Во всѣхъ еженедѣльныхъ корресподенціяхъ „Торгово-Промышленной газеты“ въ теченіе августа, сентября и октября мѣсяцевъ минувшаго года мы видимъ постоянно одну и ту же отмѣтку, что деньги вездѣ стали рѣдки, за исключеніемъ Парижа, гдѣ замѣчается изобиліе и куда направляетъ Англійскій банкъ свои аттаки, чтобы выкачать оттуда золото, нужное ему для оборотовъ и для надобностей войны. Положеніе этого послѣдняго банка становится настолько стѣсненнымъ, что въ сентябрѣ 1899 г. свободный резервъ билетовъ банка сократился до 20,651 т. ф. с. и банкъ вынужденъ былъ поднять въ теченіе одной недѣли учетный процентъ два раза, что съ нимъ случалось только четыре раза въ теченіе послѣднихъ 33 лѣтъ. Въ началѣ октября золотомъ могло быть покрыто только 39 % билетовъ Лондонскаго Банка, бывшихъ въ обращеніи. Но на этомъ дѣло не остановилось и въ концѣ ноября сокращеніе свободнаго резерва билетовъ дошло даже до 19,336 т. ф. с. [1]). На сколько за послѣдніе годы измѣнились условія снабженія капиталами лондонскаго рынка лучше всего видно изъ сопоставленія частнаго дисконта. Въ 1895 г. онъ былъ въ среднемъ $0{,}_{70}$ %, въ 1896 г.—$1{,}_{76}$ %, въ 1897 г.—$2{,}_{03}$ %, въ 1898 г.—$2{,}_{11}$ % и въ 1899 г.—$3{,}_{52}$ %. Мы видимъ, что повышеніе произошло въ пять разъ.

---

[1]) Свободнымъ резервомъ билетовъ въ Англійскомъ банкѣ называютъ то количество ихъ, которое банкъ имѣетъ право выпустить до той нормы, какая назначена закономъ 1844 г. За этимъ предѣломъ онъ можетъ выдавать новыя ссуды только за счетъ обратныхъ поступленій по активу.

Положеніе свободныхъ рессурсовъ Германскаго Имперскаго Банка въ 1899 году тоже было весьма натянутымъ. Обыкновенно лѣтомъ банкъ располагаетъ значительнымъ резервомъ билетовъ, которые онъ можетъ выпускать безъ оплаты пошлиной. Въ августѣ мѣсяцѣ 1899 года онъ находился въ этомъ отношеніи въ довольно благопріятномъ положеніи по отношенію къ данному году. На недѣлѣ съ 10 по 16 августа было уплачено по векселямъ и ссудамъ 15,643 т. мар. и резервъ свободныхъ отъ пошлины билетовъ банка достигъ цифры 140,986 т. мар., но и эта цифра была меньше таковой же въ 1898 г. въ соотвѣтствующій періодъ, когда она достигла 195 милліоновъ марокъ, 1897 года, когда она была равна 188 милліонамъ, и 1896 года съ его 244 милліонами марокъ. Но уже въ концѣ августа, вслѣдствіе расширенія учета и ссудъ, резервъ свободныхъ билетовъ упалъ до 59 милліоновъ марокъ противъ 111 мил. мар. въ соотвѣтствующій періодъ 1898 г. Въ началѣ декабря билетное обращеніе банковыхъ билетовъ достигло 1,137 мил. мар. Вслѣдствіе такого требованія на учетъ и ссуды банкъ долженъ былъ послѣдовательно поднимать учетный процентъ, дабы сдержать требованіе, а также и потому, что онъ самъ долженъ былъ оплачивать пошлиной билеты, выпущенные сверхъ нормы, да, наконецъ, онъ долженъ былъ имѣть въ виду, что его обязательства покрыты золотымъ запасомъ только въ 45 %. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что нѣмецкіе банкиры очень усердно помогали Имперскому Банку въ его стараніяхъ, какъ можно позже прибѣгать къ повышенію процента. Они отказывались отъ той прибыли, которую имъ въ данный моментъ представляла возможность вывозить золото въ Англію; они не дѣлали этого изъ патріотизма, чтобы только не уменьшать золотого запаса въ странѣ. Примѣръ достойный подражанія.

Вопрссъ о причинѣ повышенія дисконта еще въ 1898 г. сводился къ вопросу о недостаточности мірового запаса золота. При этомъ имѣвшійся запасъ сравнивался съ недостаточно большимъ одѣяломъ, которымъ хотятъ укрыться нѣсколько лицъ, при чемъ каждый тянетъ къ себѣ конецъ его и на время успѣваетъ укрыться, чтобы потомъ опять ощущать недостатокъ тепла, когда его болѣе счастливый соперникъ успѣетъ стащить съ него эту покрышку. Это объясненіе болѣе остроумно, чѣмъ основательно. Несомнѣнно, что количество золота недостаточно для всѣхъ тѣхъ финансовыхъ оборотовъ, которые совершаются въ мірѣ, но въ этомъ нѣтъ и надобности, какъ нѣтъ надобности въ томъ, чтобы коли-

чество хлѣба въ натурѣ соотвѣтствовало тѣмъ оборотамъ, которые съ нимъ совершаются. Финансовые обороты дѣлаются главнымъ образомъ не при помощи золота, и послѣднее является только субстратомъ ихъ, а не главнымъ орудіемъ. Но, даже если и допустить справедливость возраженія въ томъ смыслѣ, что этотъ субстратъ долженъ быть достаточно великъ для того, чтобы существовала полная увѣренность и спокойствіе за непрерывность торговаго оборота, то и съ этой точки зрѣнія фактическое положеніе дѣла противорѣчитъ мнѣнію о недостачѣ мірового запаса золота. По даннымъ французскаго монетнаго двора міровое снабженіе золота продолжало въ 1899 г. увеличиваться, какъ и въ предыдущіе годы, что видно изъ слѣдующей таблицы:

ДОБЫЧА ЗОЛОТА		
Годы	Тонны	Стоимость въ милліон. франковъ
1894	273	939
1895	299	1,030
1896	306	1,053
1897	358	1,233
1898	438	1,503
1899	450	1,550

Съ 1889 г. и по 1899 г. добыто золота на $10^1/_4$ милліардовъ противъ $5_{,6}$ милліардовъ франк., добытыхъ въ періодъ съ 1880 по 1889 г. Къ началу 1890 г. міровые запасы золота равнялись $18_{,75}$ милліардовъ франк., а теперь они исчисляются въ $25_{,75}$ милліардовъ франк., т. е. ихъ считается на 40 % больше.

По американскимъ исчисленіямъ отмѣчается тоже значительное увеличеніе добычи золота.

Килограммы.

1896 г.	1897 г.	1898 г.
$317,831_{,6}$	$359,193_{,1}$	$435,975_{,9}$

Такимъ образомъ, въ 1898 г. добыто золота больше, чѣмъ въ 1897 г., на $76,782_{,8}$ килограмма. Стоимость добытаго въ этомъ году золота оцѣнивалась въ 282.147,779 долл. противъ 238.719,755 долл., что даетъ увеличеніе въ 50.428,024 доллар. или 21 %. Самое большое количество добыто было въ Трансваалѣ—117,470 килогр., что представляетъ собою увеличеніе противъ 1897 года на 37 %;

за Трансваалемъ слѣдуетъ Америка съ 97,982 килогр. и съ увеличеніемъ въ $9,_9$ %, затѣмъ Россія съ 37,217 кил. Увеличеніе русской добычи противъ 1897 г. составляетъ 3.195,928 долл. или $14,_3$ %; но эта послѣдняя добыча все же меньше добычи 1896 г. на 6.271,299 долл. или на $20,_2$ %. Далѣе слѣдуетъ Канада съ 20,613 килогр., почти вдвое болѣе добычи 1897 года (9,068 килогр.). Добыча въ Канадѣ, благодаря богатствамъ Юконскаго округа, способна сильно увеличиться, равно какъ и добыча Трансвааля. Въ этой послѣдней странѣ она считается способной дойти до 100 милл. долл. Въ Россіи, по мнѣнію американскихъ спеціалистовъ, тоже надо ожидать увеличенія добычи золота, такъ какъ тамъ начинаютъ примѣнять усовершенствованные способы его добычи [1]). Упомянутая цифра добычи золота въ Трансваалѣ показываетъ, какое видное мѣсто заняла эта страна въ дѣлѣ снабженія золотомъ мірового рынка, и потому станетъ понятнымъ то опасеніе относительно дефицита золота, которое высказалось по поводу начавшейся войны Англіи съ этой республикой. Но это опасеніе было преувеличено, и можетъ быть, не совсѣмъ безкорыстно. Данныя о добычѣ золота въ Трансваалѣ за первую половину 1899 г. говорятъ о томъ, что тамъ было добыто золота на 32 % больше, чѣмъ за тотъ же періодъ въ истекшемъ году; слѣдовательно, если во вторую половину и произойдетъ нѣкоторое уменьшеніе, то оно не можетъ быть такъ велико, чтобы повліять на положеніе мірового запаса.

Какъ бы то ни было, приведенныя данныя относительно количества золота показываютъ, что вздорожаніе дисконта никакъ нельзя приписать уменьшенію въ добычѣ золота. Послѣдняя продолжала расти и тогда, когда, какъ въ 1895 г., дисконтъ былъ очень низокъ, и продолжала увеличиваться еще въ большей степени, когда въ 1897 и въ 1898 гг. онъ началъ подниматься и сдѣлалъ уже въ этомъ направленіи значительные успѣхи. Для ясности дѣла надо обратить вниманіе на то, насколько находится въ связи высота дисконта съ размѣромъ добычи золота и какова роль послѣдняго въ міровомь оборотѣ.

Во французскомъ „Journal des Economistes“ за 1899 г. есть на этотъ счетъ интересная статья подъ заглавіемъ: „О теперешнемъ размѣрѣ учета“, авторъ которой Рафаилъ-Жоржъ Леви указываетъ на то, что, какъ бы ни велика была годичная добы-

---

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ“ 1899 г. № 39, стр. 509.

ча золота, она представляетъ собою все меньшую и меньшую частицу того золота, которое уже существуетъ въ обращеніи. Вслѣдствіе этого, колебанія размѣра годовой добычи золота теряютъ значеніе при разсужденіи о причинахъ, вызвавшихъ повышеніе или пониженіе учетнаго процента. Извѣстнымъ экономистомъ Воловинскимъ было замѣчено еще въ 1855 г., во время преній въ Обществѣ Экономистовъ въ Парижѣ, что обиліе золота, извлеченнаго тогда изъ розсыпей Калифорніи и Австраліи, не помѣшало денежному кризису свирѣпствовать на главнѣйшихъ рынкахъ Европы, на которыхъ дисконтъ въ это время быстро поднимался. Ученый экономистъ выяснилъ тогда, что этотъ кризисъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ, напримѣръ въ Англіи, огромному поглощенію капиталовъ промышленными предпріятіями разнаго рода и главнымъ образомъ постройкой желѣзныхъ дорогъ. Немного позже, 5 января 1858 г., другой ученый экономистъ Гарнье доказывалъ, что сильное и продолжительное потрясеніе, испытанное Европой въ то время, было создано главнымъ образомъ исключительно сильнымъ развитіемъ множества предпріятій, потребовавшихъ громадныхъ капиталовъ, непосредственно вслѣдъ за Крымской войной, которая съ своей стороны была причиной большихъ непроизводительныхъ затратъ капиталовъ.

Сопоставляя ряды годовъ, въ которые была большая добыча золота, г. Леви приходитъ къ выводу, что колебанія дисконта въ теченіе XIX вѣка были независимы отъ размѣровъ добычи драгоцѣнныхъ металовъ и наиболѣе сильный и продолжительный кризисъ, въ теченіе котораго Французскій Банкъ поднялъ учетный процентъ до такой нормы, до которой онъ его никогда не поднималъ,—до 10 %, разразился именно въ то время, когда Калифорнія и Австралія выкинули въ оборотъ такія массы золота, о которыхъ до того времени и не слыхивали [1]).

Что не въ абсолютномъ количествѣ золота заключается средство для развитія оборотовъ, свидѣтельствуетъ примѣръ Англіи. Всякій согласится, что это страна съ наиболѣе крупнымъ торгово-промышленнымъ оборотомъ, и однако она располагаетъ небольшимъ количествомъ золота, гораздо меньшимъ, чѣмъ то, которымъ располагаетъ Франція и въ настоящее время Россія. Для пониманія этого факта слѣдуетъ имѣть въ виду, что, кромѣ золота, и въ

---

[1]) „Journal des Economistes“ 1899. 15 Mars, p. 337—338.

гораздо большей пропорціи, для цѣлей обращенія служатъ въ странахъ съ развитой системой денежнаго обращенія разнаго рода орудія, основанныя на кредитѣ, какъ напримѣръ: векселя, чеки или просто записи на счетъ, и что это такъ называемое фидуціарное обращеніе (т. е. основанное на довѣріи) занимаетъ тамъ огромное мѣсто. Обороты разсчетной палаты въ Лондонѣ достигли въ 1898 г. цифры 8,097 милліоновъ ф. с. или 202,425 милліон. франковъ. Проводы по счетамъ въ Германскомъ Имперскомъ Банкѣ, составлявшіе въ 1892 г. 39 милліардовъ марокъ, въ 1898 г. возросли до 60 милліардовъ. Только что начавшіяся въ концѣ 1898 года операціи разсчетной палаты въ Петербургѣ дали оборотъ за 1899 г. въ 3,051 милліон. рублей. При этихъ колоссальныхъ цифрахъ какую жалкую величину представляютъ собою полтора милліарда франковъ золота, добытаго въ 1899 г. А если взять ту величину, которую представляетъ собою добыча золота въ Трансваалѣ, за уменьшеніе которой такъ боялись,—или показывали видъ, что боятся,—биржевики, то она просто напросто является величиной незамѣтной сравнительно съ приведенными цифрами.

Такимъ образомъ, оказывается, что если бы золота и дѣйствительно стало въ мірѣ нѣсколько меньше, то на высоту учетнаго процента это оказать вліянія не могло въ виду незначительности той роли, которую оно играетъ въ торгово-промышленномъ оборотѣ. Но несомнѣнно, конечно, что орудіе обращенія такъ же нужно для послѣдняго, какъ смазка для машины, и что поэтому количество денежныхъ знаковъ того или иного сорта необходимо для того, чтобы эта машина дѣйствовала гладко и плавно. Мы знаемъ, что резервуарами этой смазки являются въ настоящее время банки. Если они сократятъ выпускъ денегъ въ оборотъ, то послѣдній не останется къ этому нечувствительнымъ и это ощущеніе выразится такими болѣзненными симптомами, какъ остановки платежей, банкротства и разореніе цѣлыхъ предпріятій; словомъ, экономическая машина начнетъ портиться, какъ портится и скрипитъ машина, лишенная смазки. Поэтому, является вопросъ, какъ дѣйствовали банки въ ближайшее къ намъ время? У насъ есть въ этомъ отношеніи данныя относительно Германіи, Франціи и Россіи, изъ которыхъ обнаруживается участіе банковъ въ снабженіи средствами промышленности и торговли. Въ Германіи дѣйствующіе эмиссіонные банки помѣщали въ послѣдніе годы слѣдующія суммы въ учетъ векселей и въ ссуды подъ бумаги.

Годы	Балансовыя цифры къ 31 сентября		
	Милліоны марокъ		
	Вексельный портфель	Ссуды	Итого
1894	834	122	956
1895	959	176	1.135
1896	1.013	196	1.209
1897	1.080	172	1.252
1898	1.148	194	1.342

Всѣ данныя, относящіяся къ дѣятельности Имперскаго Банка въ 1899 г., свидѣтельствуютъ, что капиталы, предоставленные имъ въ распоряженіе торгово-промышленнаго оборота, были еще болѣе значительны, чѣмъ въ 1898 г.

Что касается частныхъ банковъ въ Германіи, то они росли какъ въ числѣ, такъ и въ своихъ операціяхъ.

Къ 31-му декабря	Число банковъ	Въ милліонахъ марокъ		
		Акціонер. капиталъ	Вексельн. портфель	Ссуды
1894	96	1.067	795	469
1895	94	1.134	764	450
1896	98	1.240	855	458
1897	102	1.418	957	563

Въ 1898 г. въ Германіи дѣйствовало уже 108 акціонерныхъ банковъ, которыхъ средства собственныя и постороннія (вклады) составляли $5{,}673_{,5}$ милл. марокъ; въ 1895 г. эта послѣдняя величина равнялась $3{,}933_{,2}$ милл. марокъ; такимъ образомъ, за три года она увеличилась на $1{,}740_{,3}$ милліон. марокъ, или на 44 % [1]). Такое значительное увеличеніе капитала банковъ и стянутыхъ ими чужихъ капиталовъ указываетъ, съ одной стороны, что торгово-промышленный оборотъ требовалъ этого, а съ другой стороны—на то, что резервуары, снабжающіе хозяйственную жизнь оборотными средствами, не бездѣйствовали.

Объ операціяхъ банковъ во Франціи мы располагаемъ данными относительно Французскаго Банка и пяти большихъ частныхъ банковъ (Crèdit Foncier, Grèdit Lyonnais, Société Générale,

---

[1]) „Journal des Economistes“ 1899 г. Mars, p.p. 331—332 и „Вѣстникъ Финансовъ“ 1899 г. № 35, стр. 340—343.

Comptoir d'Escompte и Crèdit Industriel). Ихъ учетно-ссудный портфель составлялъ къ концу 1897 г. 2,081 милл. фр., а къ концу 1898 г. 2,266 милл. фр.—Здѣсь увеличеніе гораздо менѣе значительно, чѣмъ въ Германіи; но надо замѣтить, что и промышленное движеніе въ эти годы во Франціи было слабо.

Приведенныя данныя должны быть дополнены указаніемъ, что въ Германіи рядомъ съ ростомъ учетно-ссудной операціи росло и количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи и, хотя тамъ и раздавались въ послѣднее время жалобы на недостаточность эмиссіонной дѣятельности Имперскаго Банка, но эти жалобы направлены были на узость границы, до которой билеты могутъ быть выпускаемы банкомъ безъ оплаты ихъ пошлиной въ пользу казны. Этотъ предѣлъ опредѣляется въ 273,875 т. марокъ. Банковые билеты, выпущенные сверхъ этой суммы, должны быть оплачиваемы 5 % пошлиной въ пользу казны. Очевидно, что разъ банкъ, въ силу требованій кредита, долженъ выпускать оплачиваемые пошлиной билеты, онъ долженъ повышать и дисконтъ, такъ какъ самъ долженъ платить за нихъ пошлину. Поэтому, лица, жаловавшіяся на высоту проценту, сѣтовали на то, что норма, установленная для безпошлинныхъ билетовъ еще въ 1881 г., до сихъ поръ неизмѣнена, тогда какъ потребности билетнаго обращенія съ тѣхъ поръ значительно возросли. Въ этихъ сѣтованіяхъ есть своя доля справедливости.

Во Франціи не раздавалось жалобъ на недостатокъ денегъ, такъ какъ потребности торговли и промышленности въ денежныхъ знакахъ удовлетворялись, какъ вслѣдствіе достаточности количества послѣднихъ, такъ и вслѣдствіе слабости развитія первыхъ.

Обращаясь теперь къ даннымъ о Россіи, мы должны напомнить читателямъ, что осенью какъ 1898, такъ еще болѣе 1899 г., раздавались жалобы, на недостаточность денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, каковому недостатку приписывали и высоту учетнаго процента. Другіе къ этому прибавляли, что, если бы Россія не ввела у себя золотого обращенія, то она избавлена была бы отъ нужды поднимать у себя учетный процентъ, и рекомендовали возвратиться къ неразмѣннымъ кредитнымъ билетамъ, выпускаемымъ къ неограниченномъ количествѣ. Хотя тезисъ о преимуществѣ плохихъ денегъ надъ хорошими самъ по себѣ представляется страннымъ, но положеніе, что будто бы неразмѣнные кредитные билеты гарантируютъ внутренній рынокъ отъ вліянія событій, совершающихся на міровомъ рынкѣ, опровергается

какъ исключительными осложненіями, которыя были прошлой осенью на рынкахъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ сохранилось бумажно-денежное обращеніе, напримѣръ, въ Вѣнѣ и на ея биржѣ, равно и осложненіями, испытанными у насъ въ серединѣ семидесятыхъ годовъ вслѣдствіе вѣнскаго краха. Но, кажется, жалоба на недостаточность денегъ на русскомъ рынкѣ и на зависимость этого недостатка отъ узости эмиссіонной дѣятельности Государственнаго Банка, не подтверждается и фактически.

Осенью 1899 г. (къ 1 октября) количество денегъ, находившихся у насъ въ обращеніи, опредѣлялось въ 1,360,6 милл. руб., считая въ этой суммѣ золото, банковое серебро и кредитные билеты. Въ первой половинѣ истекающаго десятилѣтія наибольшее количество денежныхъ знаковъ въ обращеніи было въ 1892 году; тогда оно равнялось 1,138,9 милл. рублей. Сумма, относящаяся къ 1899 году, какъ видно, превышаетъ послѣднюю на 221,7 милл. рублей.

Движеніе суммы денежныхъ знаковъ въ обращеніи въ истекающемъ десятилѣтіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Годы	Денежные знаки въ обращеніи			
	Милліоны рублей			
	Золото	Б. Сер.	Кред. бил.	Всего
1892	—	—	1.138,9	1.138,9
Среднее 1 окт. 1893—1895	—	—	1.095,6	1.095,6
„ „ 1896 —	30,5	24,1	1.047,6	1.102,3
„ „ 1897 —	107,0	61,0	986,6	1.154,6
„ „ 1898 —	408,8	117,4	760,7	1.286,9
„ „ 1899 —	662,3	143,3	555,3	1.360,6

Приведенныя цифры показываютъ, что сумма денежныхъ знаковъ въ обращеніи, бывшихъ въ октябрѣ послѣдняго года, была наибольшею въ истекающемъ десятилѣтіи и превышала цифру ихъ въ соотвѣтствующій моментъ 1896 г. на 216 милл. руб. То обстоятельство, что въ составъ денежнаго обращенія въ послѣдніе три года входитъ въ значительной пропорціи золото, дало поводъ къ предположенію, что указываемая цифра его не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ значительная часть его могла уйти за границу. Не говоря о томъ, что въ 1892 г. значительныя суммы кредитныхъ билетовъ отправлялись нашими частными банками на берлинскую биржу и слѣдовательно существованіе въ обращеніи

только кредитныхъ билетовъ еще не есть гарантія того, что всѣ числящіеся въ обращеніи билеты дѣйствительно въ немъ находятся, надо признать, что многія соображенія и данныя говорятъ за то, что предположеніе о значительномъ, или даже просто болѣе или менѣе замѣтномъ отливѣ золота за границу не имѣетъ подъ собою достаточнаго основанія. Прежде всего, конечно, надо имѣть въ виду, что золото поѣдетъ за границу лишь въ такомъ случаѣ, когда людямъ, имѣющимъ его, выгодно везти или посылать его туда въ уплату по своимъ разсчетамъ или на продажу. Для своего удовольствія никто его туда не повезетъ. Вмѣсто отправки золота дѣйствительно, въ натурѣ, обыкновенно покупаютъ чекъ на иностранный банкъ и посылаютъ его туда. Для того, чтобы стало выгодно отправить золото вмѣсто чека, надо, чтобы чекъ настолько былъ дороже, чтобы, не смотря на расходъ по пересылкѣ золота, все таки было бы выгоднѣе послать послѣднее въ натурѣ. Такая цѣна чека, при которой выгодно посылать золото въ натурѣ, называется золотой точкой, и для насъ она равняется $37_{,73}$ коп. за франкъ. Когда послѣдній въ чекѣ на Парижъ становится дороже этой суммы, тогда наступаетъ выгода посылки золота въ натурѣ. Мы знаемъ, что въ 1899 г. чекъ на Парижъ не доходилъ до этой точки, а слѣдовательно не было такого момента, когда было выгодно посылать золото за границу. Это обстоятельство даетъ основаніе заключать, что болѣе или менѣе значительныя суммы его и не посылались туда, не говоря о томъ, что такія суммы были бы замѣчены на границѣ.

Другое обстоятельство, приводящее къ тому же выводу, заключается въ томъ, что, если бы нашего золота за границу попало много, то оно оказалось бы въ томъ золотѣ, которое присылается оттуда въ Россію. Между тѣмъ, въ 38 милл. руб. присланнаго оттуда разнаго золота, русскаго золота оказалось только на 246 т. р. Повидимому, его тамъ очень немного. Такимъ образомъ, надо придти къ заключенію, что золото, которое по свѣдѣніямъ Государственнаго Банка находится въ обращеніи, дѣйствительно въ немъ находится, и слѣдовательно тезисъ, что количество денежныхъ знаковъ сократилось, оказывается недоказаннымъ. Тутъ является еще одинъ вопросъ: достаточно ли теперь того количества денежныхъ знаковъ, которое существуетъ? Можетъ быть, оборотъ такъ усилился, что и значительно увеличившееся количество денежныхъ знаковъ оказывается все таки уже недостаточнымъ. Это вопросъ очень сложный и разборъ его завелъ бы насъ слишкомъ далеко.

Скажемъ только, что увеличенію числа денежныхъ знаковъ въ публикѣ непреоборимыхъ препятствій нѣтъ, ибо золотой запасъ Государственнаго Банка такъ великъ, что онъ допускаетъ еще очень большое увеличеніе выдачъ подъ вѣрныя и,—это очень важно,—краткосрочныя обезпеченія. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ тому, не стѣснялъ ли банкъ торговаго оборота тѣмъ, что не давалъ денегъ по учету векселей и ссудамъ разныхъ формъ? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ на ходъ коммерческихъ операцій Государственнаго Банка въ теченіе послѣдняго десятилѣтія; о нихъ намъ дастъ понятіе слѣдующая таблица:

Къ 1-му января	Въ тысячахъ рублей		
	Учетъ векселей	Ссуды срочныя и въ формѣ спец. счета	Промышленныя ссуды
1891	83.736	74.934	8 998
1892	87.279	89 695	9.339
1893	64 786	67.916	8.806
1894	150.239	88.374	10.013
1895	187.834	93.458	15 597
1896	196.217	153 597	16.748
1897	187.944	130.688	13.310
1898	147.560	90.858	10 950
1899	155.007	81 589	8.665
1900	226 803	121.608	22.719

Въ этой таблицѣ мы отмѣтимъ только послѣднія три цифры снизу, такъ какъ онѣ имѣютъ прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу. Въ общемъ же мы примемъ къ свѣдѣнію, что въ теченіе десятилѣтія были колебанія въ величинѣ учета гораздо большія, чѣмъ въ ссудахъ, въ которыхъ главнымъ образомъ играютъ роль ссуды, выданныя подъ процентныя бумаги. Если мы обратимъ вниманіе на учетъ, то окажется, что въ теченіе десятилѣтія онъ увеличился болѣе чѣмъ въ два съ половиной раза. Но въ этомъ увеличеніи по всей вѣроятности играло роль не только увеличеніе потребности въ учетѣ, но до извѣстной степени и преобразованіе Государственнаго Банка, совершившееся въ 1894 г., но подготовка котораго началась еще раньше, и по всей вѣроятности эти подготовительныя работы, направленныя къ тому, чтобы оживить операціи банка и избавить ихъ отъ той рутины, которая ихъ парализовала, отразились на усиленіи операцій банка раньше введенія новаго устава. Мы видимъ, что во второй половинѣ десятилѣтія учетъ банка принялъ размѣры гораздо большіе, чѣмъ прежде,

и хотя потомъ онъ колеблется, но уже не спускается даже и приблизительно къ тому уровню, на которомъ онъ стоялъ въ началѣ дѣсятилѣтія. Я поставилъ въ отдѣльную графу такъ называемыя промышленныя ссуды по той причинѣ, что онѣ не представляютъ собою операціи краткосрочной, а потому не могутъ претендовать на то, чтобы занимать въ числѣ операцій Государственнаго Банка, какъ учрежденія эмиссіоннаго, значительное мѣсто. По всей вѣроятности, онѣ будутъ всегда представлять собою нѣчто исключительное, вызываемое особыми обстоятельствами. Для этого рода кредита должно было бы существовать особое кредитное учрежденіе, спеціально для этого приспособленное.

Обращаясь къ послѣднимъ тремъ балансамъ Государственнаго Банка на первое января 1898, 1899 и 1900 года, мы не можемъ не отмѣтить того факта, что сумма учета и ссудъ, т. е. двухъ операцій, имѣющихъ для торговли и промышленности особое значеніе въ смыслѣ снабженія ихъ оборотными средствами, возросла въ значительной степени. Къ 1 января 1898 г. общій итогъ учета и ссудъ составлялъ 238,418 т. р.; къ 1-му же января 1900 г. онъ возросъ до 348,411 т. р., т. е. увеличился на 109,943 т. р. или на $46,_1$ %. Если же мы будемъ сравнивать между собою цифры, относящіяся къ началу 1899 г. и къ началу 1900 г., то получимъ слѣдующіе выводы: къ началу 1899 году общая сумма учета и ссудъ равнялась 239,596 т. р., а къ 1900 г., какъ сказано, она дошла до 348,411 т. р., изъ чего слѣдуетъ, что она увеличилась на 108,815 т. р., что составляетъ $46,_5$ %. Въ этомъ послѣднемъ году учетъ и ссуды увеличились хотя и не въ одинаковой степени, но разница въ размѣрѣ увеличенія не очень велика. Учетъ увеличился въ теченіе года на 71,796 т. р. или на $46,_3$ %, а ссуды увеличились на 37,019 т. р., т. е. на $43,_6$ %. Такое значительное увеличеніе активныхъ операцій Государственнаго Банка, въ особенности въ теченіе послѣдняго года, свидѣтельствуетъ, конечно, о томъ, что онъ не стягивалъ шнурковъ своего кошелька, а держалъ его достаточно открытымъ для удовлетворенія требованій торговли и промышленности. Если, слѣдовательно, не смотря на то, раздавались сѣтованія, что онъ не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ въ достаточной степени, то надо думать, что эти требованія и не подлежали удовлетворенію. Не разъ намъ приходилось быть свидѣтелями такого явленія. Люди, избалованные тѣмъ, что имъ постоянно былъ оказываемъ особенный ходъ къ казенному сундуку, въ силу тѣхъ или иныхъ, правильно или невѣрно понимаемыхъ государственныхъ интересовъ,

начинаютъ громко кричать, когда этотъ ходъ закрывается, или имъ просто говорятъ: „довольно, довольствуйтесь собственными средствами“. Такъ какъ эти люди поставлены въ благопріятное положеніе тѣмъ, что ихъ голосъ хорошо слышится, или потому что онъ самъ по себѣ силенъ, или они успѣли взобраться на такое возвышеніе, съ котораго онъ свободно раздается, то получается иллюзія, какъ будто кричитъ очень много людей; а на самомъ дѣлѣ ихъ не такъ много, какъ кажется по ихъ крику. Эта иллюзія еще усиливается тѣмъ, что окружающее ихъ общество привыкло къ молчанію и тишинѣ, а потому крикъ кажется еще болѣе громкимъ. Мы слышали этотъ крикъ, когда одно время понизились цѣны на земледѣльческіе продукты, и этому чисто экономическому дѣлу приданъ былъ тогда такой видъ, какъ будто тутъ замѣшанъ не интересъ земледѣльческаго класса, а интересъ сословія, причемъ послѣднее выставлено было такимъ, безъ благосостоянія котораго государство будто бы существовать не можетъ. Теперь то же явленіе повторяется съ промышленнымъ классомъ, который хочетъ заставить въ пониженіи своей прибыли видѣть опасность для могущества и благоденствія Россійской Державы. Намъ кажется, что кричатъ то собственно немногіе, которые задумали устроить предпріятія, не имѣя для того достаточныхъ средствъ, и рѣшились рисковать большими займами, разсчитывая высокой прибылью покрыть проценты, погасить капиталъ и пріобрѣсти состояніе. Ихъ розовыя надежды на обогащеніе не сбылись, и вотъ они кричатъ, что Государственный Банкъ не оказываетъ имъ кредита, или что онъ съуживаетъ его въ тотъ моментъ, когда въ немъ особенно нуждается „Всероссійская промышленность“. Какъ мы только что видѣли, Государственный Банкъ не отказывалъ въ кредитѣ, —напротивъ, какъ увидимъ ниже, кое кто другой съузилъ его, хотя, можетъ быть, и имѣлъ для этого свои основанія; подъ этимъ кѣмъ то другимъ, я разумѣю наши акціонерные банки. Посмотримъ, что они дѣлали?

Для того, чтобы читатели имѣли передъ глазами цифры, съ которыми они могли бы справляться, я въ слѣдующей таблицѣ выставлю балансовые остатки банковъ на 1-е января 1896, 1897, 1898 и 1899 годовъ и еще на 1-е іюля и 1-е ноября 1899 года. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ руками своднаго баланса акціонерныхъ банковъ на 1-е января 1900 года, такъ какъ онъ въ ту минуту, когда я пишу эти строки, еще не вышелъ; а потому я долженъ былъ удовольствоваться балансомъ на 1-е ноября, послѣд-

нимъ, который появился на свѣтъ. Но я думаю, что этотъ пробѣлъ не будетъ имѣть существеннаго значенія, такъ какъ банковая политика акціонерныхъ банковъ за эти два мѣсяца не подвергалась измѣненіямъ, и потому результаты, которые мы получили изъ сравненія баланса на 1-е ноября съ предыдущими, не могутъ измѣниться по качеству, а только въ количественномъ отношеніи, и притомъ въ томъ же направленіи, которое обозначилось и къ этому сроку.

ВРЕМЯ. Къ:	Сводныя цифры балансовъ акціонерн. банковъ кратко-срочнаго кредита въ тысячахъ рублей.							
	Петербургскіе		Московскіе		Провинціальные		Общіе итоги для всѣхъ	
	Учетъ	Ссуды	Учетъ	Ссуды	Учетъ	Ссуды	Учетъ	Ссуды
1 января 1896	86819	155014	32082	64987	84619	77234	210520	296968
„ „ 1897	96936	161034	46956	68725	94712	83433	238604	313192
„ „ 1898	135810	152753	61283	74123	116713	83995	313806	310871
„ „ 1899	170584	177786	78435	85273	161175	96961	410194	360020
1 іюля 1899	171162	157010	88065	77002	171705	96766	430932	330778
1 ноября 1899	155542	150965	87986	77528	161670	111537	405198	340030
Сравненіе послѣдн. цифръ: съ январскими . . . 1899	—15420	—26821	+9551	—7745	+ 495	+14576	— 4996	—19990
съ 1 іюля 1899	—15602	— 6045	— 79	+ 526	—10035	+14771	—25734	+ 9252

Для ясности представленія о значеніи петербургскихъ банковъ для столицы и провинціи мы должны указать на то, что значительная часть суммъ, которыя значатся у нихъ по балансамъ въ учетѣ и ссудахъ, относится къ операціямъ, совершаемымъ ихъ отдѣленіями въ провинціи. Такъ, напримѣръ, въ январѣ 1896 г. изъ 86,819 т. р. векселей, числившихся въ портфелѣ петербургскихъ банковъ, въ ихъ отдѣленіяхъ въ провинціи находилось 52,118 т. р., да въ московскихъ отдѣленіяхъ 8,822 т. р., а всего, значитъ, 60,940 т. р.; т. е. болѣе 70 % учета относилось не къ Петербургу. Что касается ссудъ, то изъ 155,014 т. р. приходилось 3,287 т. р. на Москву и 43,446 т. р. на провинцію, а всего 46,733 т. р., или 30 %. Въ балансѣ къ 1 января 1897 года мы видимъ, что изъ суммы учета въ 96,936 т. р. приходилось на Москву и провинцію 58,538 т. р. или $60,_3$ %; изъ суммы ссудъ въ 161,034 т. р. приходилось на Москву и провинцію 58,256 т. р., т. е. $30,_6$ %. Эти данныя намъ показываютъ, во-первыхъ, какую большую роль въ оборо-

тахъ петербургскихъ банковъ играетъ провинція, особенно въ дѣлѣ учета, а во-вторыхъ, что ссуды въ мѣстныхъ дѣлахъ петербургскихъ банковъ играютъ подавляющую роль, и именно ссуды подъ процентныя бумаги, такъ какъ другого рода ссуды въ балансахъ выражены незначительными цифрами. Это обстоятельство не рѣдко ставили въ упрекъ петербургскимъ банкамъ, укоряя ихъ въ томъ, что они, вмѣсто участія въ торговлѣ, занимаются спекуляціей. Такое обвиненіе едва ли справедливо во всей его полнотѣ. Для того, чтобы понять то обстоятельство, что въ балансахъ, а слѣдовательно и въ операціяхъ петербургскихъ банковъ играютъ такую видную роль ссуды подъ процентныя бумаги, надо принять въ разсчетъ, какую роль играетъ Петербургъ въ дѣлѣ выпуска процентныхъ бумагъ. Если только мы остановимся на этомъ вопросѣ, то и отвѣтъ является самъ собою: Петербургъ единственное мѣсто, гдѣ сосредоточена эмиссіонная дѣятельность. Куда же могутъ поступить въ видѣ матерьяла для кредита всѣ тѣ процентныя бумаги, которыя тамъ выпускаются, какъ не въ мѣстные банки? Если взять въ разсчетъ всю торговлю и промышленность Петербурга и сравнить ихъ съ размѣрами его эмиссіонной дѣятельности, то первыя должны отступить на второй планъ. Поэтому, мнѣ кажется, что упрекать петербургскіе банки въ томъ, что въ ихъ портфелѣ процентныя бумаги занимаютъ такое видное мѣсто, такъ-же не основательно, какъ упрекать московскую контору Государственнаго Банка за то, что въ ея портфелѣ мануфактурные векселя занимаютъ преобладающее мѣсто, или кіевскую контору за то, что у нея такую, если еще не болѣе исключительную, роль играютъ сахарные векселя. Это въ порядкѣ вещей. Если бы петербургскіе банки для избѣжанія упрека стали уклоняться отъ пріема въ свои портфели процентныхъ бумагъ, то отъ этого никто не выигралъ бы, но сильно пострадала бы эмиссіонная дѣятельность, столь важная для учрежденія новыхъ предпріятій.

Выше мы указали на значительное количество провинціальныхъ векселей, которое находится на счетахъ петербургскихъ банковъ. Очевидно, какъ въ развитіи, такъ и въ сокращеніи операцій петербургскихъ банковъ сильно должны были быть заинтересованы провинціальныя торгово-промышленныя предпріятія. Поэтому, когда учетъ петербургскихъ банковъ съ 96 милліоновъ рублей въ теченіе 1897 и 1898 годовъ подскочилъ сначала на 135 милліоновъ, а потомъ до 170 милліоновъ, то мы можемъ сказать, что значительная часть этихъ большихъ суммъ была предоставле-

на къ услугамъ провинціальной промышленности и торговли. Этотъ ростъ учета петербургскихъ банковъ продолжается, хотя уже въ значительно замедленномъ темпѣ, до іюля 1899 г., а затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ четырехъ мѣсяцевъ видимъ необычайно острое сокращеніе учета на цѣлыхъ пятнадцать съ половиной милліоновъ, или на $9,_1\%$. Сокращеніе операцій по ссудамъ началось у нихъ еще раньше, а именно съ января 1899 г., когда ссудный портфель петербургскихъ банковъ достигъ своей наибольшей величины—177 милліоновъ; съ этого момента онъ начинаетъ падать, и уже въ теченіе первой половины 1899 года сокращается до 157 милліоновъ, т. е. на двадцать милліоновъ; а затѣмъ въ слѣдующіе четыре мѣсяца онъ сократился еще на шесть милліоновъ, такъ что въ теченіе десяти мѣсяцевъ получилось сокращеніе въ 26,821 т. р., или на $15,_1\%$. Такое сокращеніе нельзя не признать очень рѣзкимъ. Болѣе устойчивыми въ своихъ операціяхъ оказались московскіе банки. Ихъ учетная операція, правда, не дѣлала такихъ большихъ размаховъ вверхъ, какіе дѣлала операція петербургскихъ банковъ; но за то мы не видимъ и такого сильнаго обратнаго движенія, какое видимъ тамъ. Достигши своего кульминаціоннаго пункта тоже къ іюлю 1899 года, она сокращается затѣмъ всего на 79 т. р. или на $0,_9\%$. Ссудная же операція московскихъ банковъ стала сокращаться тоже съ января 1899 г. и сократилась къ іюлю на 7,745 т. р., т. е. на 10%, но послѣ того стала опять подниматься и къ ноябрю мѣсяцу увеличилась на 526 т. р. Учетная операція въ провинціальныхъ банкахъ шла тоже вверхъ быстрыми скачками въ 1897 и 1898 годахъ и продолжала расти въ первой половинѣ 1899 г., увеличившись за послѣдній періодъ на 10 милліоновъ и достигши къ этому времени крупной цифры въ 171,705 т. р.; затѣмъ въ послѣдніе четыре мѣсяца она сокращается на 10 милліоновъ или на 6%. Что касается ссудной операціи, то она въ провинціальныхъ банкахъ непрерывно продолжала расти до самаго послѣдняго времени и къ ноябрю достигла 11,537 т. р. Въ послѣдніе мѣсяцы 1899 г. она увеличилась на 14,771 т. р. или на $15,_3\%$. Такимъ образомъ, общая картина дѣятельности акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго кредита представляется въ такомъ видѣ. Ихъ учетная операція въ теченіе послѣднихъ двухъ съ половиной лѣтъ, до половины 1899 г., растетъ съ значительной быстротой и съ 238 милліоновъ доходитъ до 430 милліоновъ, т. е. увеличивается на $80,_7\%$; затѣмъ въ теченіе времени съ 1-го іюля прошедшаго года она быстро сокращается и

падаетъ къ ноябрю до 405 милліоновъ, сократившись на 6 % въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Ссудная операція увеличивалась съ 1897 г. по 1899 г. въ гораздо меньшей прогрессіи, чѣмъ учетъ. За этотъ періодъ времени она возросла на 15 %, затѣмъ къ первому іюля 1899 г. она сократилась на 19,990 т. р., или на 5,5 %.

Такимъ образомъ, въ противоположность дѣятельности Государственнаго банка, акціонерные банки не только не развивали своей дѣятельности въ послѣдніе мѣсяцы, но даже въ значительной степени сократили ее, то есть они не только не дали промышленности и торговлѣ тѣхъ средствъ, въ которыхъ она очевидно нуждалась,—такъ какъ иначе не росъ бы учетъ въ Государственномъ Банкѣ,—напротивъ, они отняли у нея часть и тѣхъ капиталовъ, которые предоставили ей раньше. Запѣвалой въ этой политикѣ явились петербургскіе банки; за ними послѣдовали провинціальные и болѣе стойкими оказались московскіе, которые однако не устояли противъ общаго теченія и тоже сократили свой портфель, хотя и на незначительную сумму.

При созерцаніи такого явленія невольно является вопросъ: чѣмъ оно вызвано? Нѣкоторый отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ состояніе счетовъ по вкладамъ и въ особенности состояніе текущихъ счетовъ. Вклады въ акціонерныхъ банкахъ къ 1898 году составляли 468,017 т. р.; затѣмъ они возрастали и поднялись къ іюлю 1899 года до 622,690 т. р. Далѣе однако начинается обратное движеніе и къ 1 ноября сумма вкладовъ понизилась до 598,654 т. р., т. е. на 24,044 т. р. Это попятное движеніе отразилось только на текущихъ счетахъ, которые сократились на 26,047 т. р. въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ съ іюля по ноябрь, тогда какъ вклады срочные за тотъ же періодъ не только не сократились, но даже увеличились, хотя въ очень небольшой прогрессіи (всего на два милліона рублей). Такимъ образомъ, разгадка явленія, что банки сокращали свой активъ, заключается, повидимому, въ томъ, что они видѣли необходимость отвѣчать по вкладамъ. Противъ этого сказать ничего бы нельзя, но не безусловно. Дѣло въ томъ, какъ мы видѣли, что сокращеніе своей ссудной операціи банки открыли съ начала 1899 года и, можетъ быть, это именно сокращеніе и стало отчасти причиной того, что вклады начали убывать, такъ какъ люди, коимъ сокращался кредитъ, естественно искали его возмѣстить и, можетъ быть, находили его у тѣхъ лицъ, которыя имѣли свои вклады въ банкахъ. Я высказываю условно это предположеніе, не думая придавать ему значенія большаго, чѣмъ

то, которое оно заслуживаетъ; но мнѣ кажется, что главная причина, заставившая банки сокращать свой активъ, лежитъ гораздо глубже. Они непомѣрно развивали его въ теченіе 1898 и предыдущаго года и такимъ образомъ естественно пришли къ необходимости его крупнаго и быстраго сокращенія, когда наступилъ моментъ отлива вкладовъ. Если бы значительную часть прибывшихъ денегъ банки обратили въ резервъ на случай обратнаго требованія вкладовъ, то конечно ихъ прибыли за предыдущіе годы не были бы такъ велики,—это правда; но зато имъ не пришлось бы дѣлать пертурбаціи на рынкѣ слишкомъ поспѣшнымъ сокращеніемъ своихъ активовъ и притомъ въ тотъ моментъ, когда торговля и промышленность въ нихъ такъ нуждались. Разъ вклады сильно и быстро растутъ, искусство банка заключается не въ томъ, чтобы поскорѣе помѣстить эти деньги на выгодные проценты, а чтобы, умѣряя свою прибыль, создать резервы для свободнаго возврата вкладовъ, не прибѣгая къ стѣсненію своихъ кліентовъ. Такимъ образомъ, главную причину, въ силу которой банки должны были прибѣгнуть къ сокращенію своихъ активовъ, я вижу въ томъ, что они думали только о прибыляхъ и не думали о рынкѣ. Между тѣмъ, разъ они имѣютъ право принимать отъ публики вклады, они перестаютъ быть учрежденіемъ совершенно частнымъ, а становятся учрежденіемъ общественнымъ, которое въ своихъ дѣйствіяхъ не можетъ руководствоваться соображеніями только индивидуальнаго свойства, а должно имѣть въ виду и такія, которыя имѣютъ характеръ свойства публичнаго. Въ силу этого соображенія имъ и ставятъ въ вину такую ихъ политику, которая нарушаетъ общіе интересы.

Кромѣ этого соображенія, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что развивая свои активы съ быстротой большею, чѣмъ бы слѣдовало, они по необходимости должны были быть въ кредитованіи своихъ кліентовъ и въ пріисканіи новыхъ болѣе покладистыми, чѣмъ бы это слѣдовало. Пока капиталъ былъ дешевъ, ихъ кліенты не обнаруживали своихъ слабыхъ сторонъ, уже по той только причинѣ, что имъ легко было изъ доходовъ предпріятій дѣлать погашеніе процентовъ на занятыя деньги, и производить срочные платежи въ разсчетѣ на новые займы, что обыкновенно и происходило. Но, какъ только картина измѣнилась, слабыя стороны ихъ стали обнаруживаться; тогда банки увидѣли не только необходимость создать резервъ для оплаты вкладовъ (хотя и поздно), но еще и опасность отъ потерь вслѣдствіе неосторожнаго кредитованія.

Тогда ими овладѣлъ страхъ, а онъ, какъ извѣстно, никогда не былъ хорошимъ совѣтникомъ. И вотъ они наперерывъ другъ передъ другомъ стараются получить съ своихъ кліентовъ какъ можно скорѣе тѣ деньги, которыя прежде чуть ли имъ не навязывали. На самомъ дѣлѣ такое полученіе по существу дѣла не могло быть исполнено быстро. Понятно! Значительная часть открытыхъ кредитовъ употреблена была на снабженіе оборотными средствами тѣхъ предпріятій, которыя таковыми не обладали въ достаточной степени, а отчасти и на образованіе паевого капитала ихъ; извлечь ихъ оттуда нельзя было, не останавливая и не разрушая самаго предпріятія. Понемногу это извлеченіе можно было бы сдѣлать безболѣзненно, но скоро сдѣлать этого было нельзя безъ жертвъ значительныхъ, и, скажу прямо, никому не нужныхъ. Но банки ждать не хотѣли и тѣмъ самымъ только увеличили свои потери на этихъ самыхъ кліентахъ. Эта вся сцена торопливаго стремленія получить что можно съ своихъ кліентовъ проходила у меня передъ глазами на такомъ крупномъ рынкѣ, какъ кіевскій, и я думаю, что я не погрѣшу обобщеніемъ, сказавъ, что весьма вѣроятно, тоже происходило и въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ дѣйствовали петербургскіе и другіе акціонерные банки. Эта картина напоминаетъ то положеніе, въ которомъ находится публика въ моментъ, когда обнаруживается пожаръ въ театрѣ: времени обыкновенно бываетъ достаточно, чтобы выйти всѣмъ, находящимся въ залѣ; но всѣ бросаются выйти первыми—и въ результатѣ оказываются жертвы, которыя не были неизбѣжны. У банковъ былъ иной выходъ, чѣмъ поспѣшное реализованіе активовъ, для того чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія: дополнительный и почти неограниченный кредитъ, предложенный имъ Государственнымъ Банкомъ по учету имѣющихся у нихъ векселей; они имъ воспользовались въ очень скромныхъ размѣрахъ:

Къ началу	1898	года	долгъ	ихъ	былъ	41,495	т. р.
„ „	1799	„	„	„	„	50,342	„ „
къ іюлю	1899	„	„	„	„	38,257	„ „
и къ 1 ноября	1899	„	„	„	„	56,292	„ „

Такимъ образомъ, долгъ ихъ съ начала года увеличился почти на шесть милліоновъ, а съ іюля мѣсяца на 18 милліоновъ; но это послѣднее колебаніе не играетъ большой роли, ибо оно обыкновенно повторяется каждый годъ. Въ серединѣ лѣта наступаетъ

пора затишья въ оборотахъ, а такъ какъ банки главнымъ образомъ пользуются кредитомъ въ формѣ спеціальнаго текущаго счета, то они могутъ очень быстро сокращать свой долгъ Государственному Банку по мѣрѣ надобности, что они и дѣлаютъ. Для насъ въ данномъ случаѣ интересно только то, что за первые десять мѣсяцевъ 1899 года они увеличили свой долгъ Государственному Банку только на шесть неполныхъ милліоновъ; это указываетъ, что они не прибѣгли къ превышенію своихъ нормальныхъ кредитовъ, а предпочли сократить свой учетъ и ссуды на 45 милліоновъ. Такъ какъ изъ этого сокращенія главная масса приходится на операціи петербургскихъ банковъ (41 милліонъ), то, понятно, оно стало очень чувствительнымъ для всѣхъ кліентовъ этихъ банковъ, и они подняли крикъ и создали иллюзію недостатка денегъ. Мы говоримъ: иллюзію, такъ какъ на самомъ дѣлѣ такого недостатка не было и ихъ въ оборотѣ съ начала года стало больше, ибо учетъ и ссуды Государственнаго Банка, какъ мы видѣли, увеличились въ теченіе истекшаго года на 108 милліоновъ, т. е. въ большей суммѣ, чѣмъ сократились эти операціи въ частныхъ банкахъ; но для перехода нѣкоторыхъ обездоленныхъ кліентовъ частныхъ банковъ въ Государственный требовалось извѣстное время, а для другихъ тамъ не нашлось и мѣста, а потому этотъ крикъ имѣлъ вполнѣ реальную подкладку, по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго періода времени и для извѣстныхъ лицъ. Я хочу однако остановить особое вниманіе читателей на томъ, что, не смотря на сокращеніе кредита частными банками, нельзя утверждать, что количество денегъ, которыя были къ услугамъ публики, стало меньше. Такимъ образомъ, если политикѣ частныхъ банковъ мы придаемъ извѣстное значеніе въ данномъ дѣлѣ, то только значеніе фактора, осложнившаго дѣйствіе главной причины, но не являющагося такой причиной.

Для того, чтобы покончить съ вопросомъ о количествѣ капиталовъ, предоставленныхъ за послѣднее время въ распоряженіе публики, мы остановимся еще на минуту на балансахъ обществъ взаимнаго кредита.

Мы возьмемъ ихъ главныя операціи къ 1 іюля 1896 года и къ 1 января 1897, 1898 и 1899 годовъ. Другихъ свѣдѣній у насъ подъ руками нѣтъ.

Счеты общества Взаимнаго Кредита въ тысячахъ рублей							
Къ:	Учетъ	Ссуды	Ссуды подъ недвиж.	Итогъ	Текущій счетъ	Вклады срочн.	Итогъ вкладовъ
1 іюля 1896 г.	70139	62916	19217	152272	54803	68067	122150
1 января 1897 „	73038	70764	19289	163091	51063	74652	125715
1 января 1898 „	77172	69431	21420	168023	61264	82609	143873
1 января 1899 „	92443	62409	23746	178598	67866	92599	160465
1 іюля 1899 „	—	—	—	—	—	—	—

Изъ этихъ цифръ мы видимъ то же самое явленіе, которое наблюдали и въ другихъ балансахъ, т. е. что активныя операціи, учетъ и ссуды увеличились къ началу 1899 года и въ теченіе 1898 года ихъ увеличеніе достигло 10,500 т. р. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы склонны заключить, что они не уменьшились и въ теченіе истекшаго года, а напротивъ увеличились; но то или другое колебаніе ихъ по своей незначительности не могло имѣть вліянія на общую картину денежнаго рынка.

Такимъ образомъ, по отношенію къ Россіи, какъ и по отношенію къ западной Европѣ мы должны констатировать тотъ фактъ, что количество капиталовъ, предоставленныхъ черезъ посредство банковъ въ распоряженіе промышленности и торговли, за послѣдніе два года, не уменьшилось, а увеличилось и притомъ въ значительной степени. Это послѣднее положеніе вѣрно и по отношенію къ русскимъ акціонернымъ банкамъ, такъ какъ, не смотря на значительное сокращеніе ихъ учета и ссудъ въ послѣдніе мѣсяцы, все же ихъ размѣры далеко оставляютъ позади себя тѣ, которые имѣли эти операціи въ началѣ 1898 года.

Все вышеизложенное приводитъ неминуемо къ выводу, что ни въ количествѣ добываемаго золота, ни въ размѣрахъ фидуціарнаго обращенія, ни въ размѣрахъ кредита, оказываемаго банками, мы не можемъ найти причины дороговизны капитала и затрудненій въ его полученіи для текущихъ надобностей, а если такъ, то мы должны обратиться къ вопросу о томъ, не произошло ли какихъ либо измѣненій въ положеніи самаго капитала въ силу тѣхъ или иныхъ движеній въ области промышленности. Существенно важно не только то, каково количество капиталовъ вообще, но и то, какъ они распредѣляются между оборотными и основными.

Обращаясь къ вопросу о положеніи капитала въ послѣдніе годы, мы должны сейчасъ же отмѣтить Испано-Американскую войну. Все то, что было издержано въ эту войну, является чи-

стой потерей капитала. Съ обыденной точки зрѣнія дѣло представляется въ такомъ видѣ: правительство вѣдь платило за всѣ тѣ предметы, которые оно потребляло для войны, и слѣдовательно всѣ тѣ отрасли промышленности, которыя работали на правительство, выиграли все то, что оно истратило. Такъ нерѣдко и разсуждуютъ. При этомъ обыкновенно упускаютъ изъ виду ту разницу, которая существуетъ между производительнымъ и непроизводительнымъ потребленіемъ и которая заключается въ томъ, что всѣ тѣ предметы, которые пріобрѣтаются для промышленныхъ цѣлей, воспроизводятся снова и, такимъ образомъ, общая сумма богатства не только не уменьшается, но даже увеличивается; тогда какъ то, что уничтожено на войнѣ, изчезаетъ безслѣдно, а потому общественный капиталъ уменьшился на всю эту сумму. Можетъ быть эта трата и была необходима; это другой вопросъ; но, съ точки зрѣнія увеличенія или уменьшенія капитала вообще, а не капитала личнаго или же капитала даннаго народа, произошелъ извѣстный ущербъ. Затѣмъ мы должны отмѣтить, что въ теченіе послѣднихъ годовъ многія государства воспользовались обиліемъ свободныхъ капиталовъ, выразившимся въ ихъ дешевизнѣ, чтобы конвертировать прежніе займы, по которымъ платились болѣе или менѣе высокіе проценты, въ займы новые, но съ меньшимъ процентомъ. Операція эта облегчилась тѣмъ, что охотниковъ имѣть государственные фонды было много, что доказывалось ихъ высокой цѣной на биржѣ. Если мы обратимъ вниманіе на цѣны фондовъ главнѣйшихъ государствъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, то получимъ слѣдующую таблицу:

Цѣна фондовъ въ процентахъ (столько то за сто) въ декабрѣ					
Названія фондовъ	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.
$2^3/_4{}^0/_0$ Англійск. консоли	106	$110^5/_8$	$112^{11}/_{16}$	$110^1/_{16}$	$98^1/_8$
$3^0/_0$ Французск. рента .	100,7	102,4	103,2	101,8	99,4
$3^1/_2{}^0/_0$ Германскій заемъ	104,1	103,4	102,6	101,3	99,4
$4^0/_0$ Русская рента . .	98	100	$100^2/_8$	101	99,4

Эта таблица показываетъ, что въ предыдущіе ближайшіе годы цѣна фондовъ стояла выше номинальной, и это повышеніе особенно было сильно въ Англіи. При такихъ условіяхъ естественно, что государства могли дѣлать легко не только конверсіи старыхъ, но и новые займы для тѣхъ или иныхъ полезныхъ цѣлей. Капиталъ, не находившій себѣ выгоднаго и обезпеченнаго помѣ-

щенія, а иногда и получившій хорошіе уроки за погоню за высокимъ процентомъ въ чужихъ странахъ, какъ напримѣръ въ Аргентинѣ, охотно откликался на приглашеніе правительствъ и помѣщался въ государственные займы. Поскольку послѣдніе дѣлались на производительныя цѣли, напримѣръ, на постройку желѣзныхъ дорогъ, постольку онъ не уничтожался въ смыслѣ капитала, приносящаго пользу производству цѣнностей; но та часть его, которая шла на другія цѣли, на всю свою величину уменьшала такой капиталъ.

Въ приведенной таблицѣ мы видимъ, что цѣна фондовъ послѣ значительнаго подъема начинаетъ всюду понижаться, и въ 1899 году это пониженіе выражено довольно рѣзко. Рѣзче всего въ Англіи; конечно, въ этомъ пониженіи англійскихъ фондовъ видную роль играетъ война съ Трансваалемъ и тѣ пораженія, которыя англичане терпѣли въ истекшемъ году. Но раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, пониженіе цѣны государственныхъ бумагъ начинается въ Германіи (съ 1897 года), тогда какъ въ Англіи, Франціи и Россіи цѣна бумагъ въ этомъ году еще повышалась и стала падать только въ слѣдующемъ. Этотъ фактъ находится въ связи съ тѣмъ, что и подъемъ промышленнаго движенія начался въ Германіи раньше, чѣмъ у сосѣдей. Если бы паденіе цѣны государственныхъ фондовъ было слѣдствіемъ недостатка денегъ, то оно имѣло бы общій характеръ, т. е. коснулось бы и всѣхъ другихъ цѣнностей. Временно такое явленіе кое гдѣ и было, но только какъ преходящее, а въ общемъ мы видимъ, наоборотъ, что всякаго рода промышленныя цѣнности продолжаютъ повышаться въ цѣнѣ и достигаютъ наивысшихъ курсовъ въ маѣ 1899 года, требуя для своего помѣщенія громадныхъ суммъ. Въ Лондонѣ цѣна семи родовъ горнопромышленныхъ бумагъ, относящихся къ производству угля, чугуна и стали, въ декабрѣ 1898 года составляла сумму въ 10,632 т. ф. с.; 19 мая 1899 года эти цѣнности стоили уже 12,241 т. ф. с.; а 16 декабря онѣ стоили 12,251 т. ф. с. Такимъ образомъ, видимъ, что въ Англіи промышленныя цѣнности,—и не только эти, но и нѣкоторыя другія,—продолжали подниматься до конца 1899 года. Само собою разумѣется, что промышленныя бумаги не поднимались бы, если бы не было разсчета на то, что доходъ промышленныхъ предпріятій повышается и способенъ вознаградить тотъ большой капиталъ, который влагается въ даннук акцію. Этотъ подъемъ въ Англіи тѣмъ болѣе знаменателенъ, что сопутствующія ему политическія обстоятельства не были благопріятны.

Такимъ образомъ, мы подошли къ моменту, который играетъ главную роль въ томъ подъемѣ процентовъ, т. е. въ дороговизнѣ капитала, который намъ хотѣлось объяснить. Этотъ моментъ заключается въ томъ подъемѣ промышленности, который начался въ Соединенныхъ Штатахъ послѣ томительнаго застоя во время войны съ Испаніей; этотъ подъемъ съ особенной силой выразился въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи. Онъ достигаетъ въ 1899 году такого напряженія, что однѣ отрасли промышленности обгоняютъ другія, причемъ основныя отрасли не успѣваютъ приготовлять то, что требуется другими. Это рельефно сказалось въ томъ, что угля стало не хватать, несмотря на то, что его вырабатывалось въ истекшемъ году, какъ и въ предыдущемъ, большее количество, чѣмъ прежде. Тоже самое отозвалось и на производствѣ чугуна, желѣза и стали, которые тоже требуются для всѣхъ другихъ производствъ. Спросъ на эти предметы предъявленъ былъ въ большихъ размѣрахъ вслѣдствіе разросшагося желѣзнодорожнаго строительства и небывалаго оживленія судостроенія, машиностроенія и вообще всѣхъ отраслей промышленности. Для примѣра приведемъ данныя о ростѣ производства и потребленія чугуна въ Германіи за послѣднія пять лѣтъ.

Годы	Производство	Потребленіе
1895	5,788,798 тоннъ	5.768,251 тонна
1896	6,360,982 „	6,505,245 „
1897	6,889,067 „	7,221,166 „
1898	7,402,017 „	7,538,134 „
1899	8,029,305 „	8,469,904 „

Отсюда видно, что хотя производство возросло на 2,240 тыс. тоннъ (тонна взята въ 1,000 кило), т. е. на 39 %, отрасли промышленности, которымъ нуженъ чугунъ, увеличили его потребленіе на 2,701 тыс. тоннъ или на 47 %. Своего чугуна, значитъ, не хватало, пришлось ввозить иностранный.

Само собою понятно, что цѣна чугуна и другихъ предметовъ должна была сильно подняться и вслѣдствіе этого потребовать затраты болѣе значительныхъ капиталовъ, чѣмъ прежде. Насколько значительны должны быть эти новыя затраты, могутъ показать слѣдующіе примѣры. Производство угля для семи промышленныхъ государствъ опредѣляется въ 500 милліоновъ тоннъ. Въ 1898 году цѣна угля въ Англіи опредѣлялась въ 10 шил. за тонну, а въ

1899 году она была въ 14,5 шил., т. е. на 45 % дороже. Вся стоимость производства угля опредѣляется для 1899 года въ 3,855 милліоновъ рублей противъ 2,633 милліоновъ въ 1898 году. Получается увеличеніе затраты для всѣхъ производствъ, потребляющихъ уголь, въ 1,222 милліона рублей; значитъ требуется въ такомъ размѣрѣ излишній капиталъ. Міровое производство чугуна въ 1899 г. опредѣляется въ 400 мил. квартеровъ противъ 360 милліон. въ 1898 г. Такъ какъ цѣна его повысилась на 16,7 %, то это вмѣстѣ потребовало увеличенія затраты въ 299 милліоновъ рублей. Міровое производство шерсти по тѣмъ же разсчетамъ потребовало увеличенія затратъ въ 595 милл. руб., а производство хлопка на 273 милліона рублей. Такимъ образомъ, только эти цифры увеличенія затратъ даютъ въ итогѣ требованіе на излишній капиталъ въ 2,389 милліоновъ рублей. Какъ расширились, кромѣ того, и многія другія предпріятія, какъ промышленныя, такъ и колоніальныя и желѣзнодорожныя, въ которыхъ на долгое время закрѣплены многіе и многіе милліоны! Весь этотъ громадный подъемъ, конечно, подготовлялся исподволь и начало его замѣтно еще въ 1896 году; но въ истекшемъ году онъ достигъ наибольшей степени напряженія, при которомъ малѣйшая помѣха въ обычномъ ходѣ дѣлъ должна была вызвать тяжкія затрудненія.

Подъемъ промышленности отразился на расширеніи торговаго оборота. Въ Англіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ онъ увеличился на болѣе или менѣе значительныя суммы, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

ТОРГОВЫЙ ОБОРОТЪ		
	Годы	Сумма въ тысяч. руб.
Англія	1898	5,446,071
	1899	5,846,547
Франція . . .	1898	2,459,631
	1899	2,495,668
Соед. Штаты	1898	2,945,467
	1899	3,277,138

Относительно Германіи нѣтъ окончательныхъ данныхъ за прошлый годъ, но есть свѣдѣнія о значительномъ повышеніи оборота въ первомъ полугодіи. Оборотъ Россіи сократился за первые семь мѣсяцевъ 1899 года съ 742,150 т. р. до 657,641 т. р.; причемъ сократился вывозъ съ 414,529 т. р. до 310,986 т. р., а ввозъ

усилился съ 327,621 т. р. до 346,655 т. р. Уменьшеніе вывоза объясняется бывшимъ неурожаемъ, а увеличеніе ввоза указываетъ на усиленіе требованія промышленности на разные матерьялы.

Выгоды, предоставляемыя промышленными предпріятіями, естественно вызывали расширеніе прежнихъ предпріятій и основаніе новыхъ, а это отразилось на увеличеніи эмиссіонной дѣятельности. Въ наше время болѣе или менѣе значительныя предпріятія непремѣнно требуютъ складочнаго капитала, представляемаго выпускаемыми бумагами. Поэтому, увеличеніе количества вновь выпускаемыхъ бумагъ сопутствуетъ расширенію промышленности. Мы имѣемъ слѣдующія данныя относительно эмиссій въ главныхъ промышленныхъ странахъ Европы.

Въ Англіи эмиссіонная дѣятельность въ послѣдніе четыре года была такова:

въ	1896	году	было	выпущено	бумагъ	на	152.677,000	ф. с.
„	1897	„	„	„	„	„	157.299,000	„ „
„	1898	„	„	„	„	„	150.173,000	„ „
„	1899	„	„	„	„	„	133.170,000	„ „

Изъ послѣдней цифры 88 милліоновъ приходится только на первое полугодіе. Эти цифры показываютъ, какіе большіе капиталы помѣщались въ тѣ или иныя предпріятія, между которыми государственные займы не играли особенно большой роли.

Въ 1899 году первое мѣсто по величинѣ потребованнаго капитала занимаетъ мануфактурная промышленность съ . . . . . 10.367,300 ф. с.

второе—уголь, желѣзо и сталь	7.215,100	„ „
третье—земельный кредитъ	6.184,900	„ „
четвертое—склады и магазины	5.462,200	„ „
пятое—электрическая энергія	3.545,900	„ „

Въ Германіи эмиссіонная дѣятельность не сокращалась, какъ въ Англіи, ни въ 1898 году, ни въ 1899 году, а, напротивъ, расширялась, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

въ	1896	году	было	выпущено	бумагъ	на	1.817,920	т. м.
„	1897	„	„	„	„	„	1.806,850	„ „
„	1898	„	„	„	„	„	2.021,890	„ „
„	1899	„	„	„	„	„	2.036,440	„ „

Въ послѣдніе два года въ Германіи капиталы были помѣщены въ нижеслѣдующія дѣла. При этомъ мы указываемъ не только номинальную сумму выпуска, но и его биржевую цѣну. Это указы-

ваетъ на то предпочтеніе, которое оказывалось общественными капиталами тѣмъ или другимъ дѣламъ.

Сумма категорій выпусковъ въ милліонъ марокъ				
Категоріи	1898 года		1899 года	
	Номинальная	Биржевая	Номинальная	Биржевая
Госуд. заемъ . .	168,10	160,44	430,50	399,13
Закладн. листы . . .	364,81	364,81	250,00	250,00
Промышл. акціи . .	310,22	520,60	515,94	861,39
Промышл облиг. . .	139,75	143,12	73,24	74,62
Банковыя акціи .	273,35	372,77	211,63	276,50

Эти данныя очень интересны. Онѣ указываютъ съ одной стороны на то, что, въ то время какъ государственный заемъ принимается публикой ниже его номинальной цѣны, промышленныя и банковыя акціи и облигаціи принимаются по цѣнѣ, далеко оставляющей за собою номинальную. Банки выпускали новыя акціи для усиленія своего основного капитала и выручали въ среднемъ преміи 30%. Для выпусковъ, дѣлаемыхъ промышленными предпріятіями частью для увеличенія основного капитала, а частью для образованія новыхъ предпріятій, премія составляла около 66 % номинальной цѣны акцій. Этотъ подъемъ биржевой цѣны сравнительно съ нарицательной показываетъ, какія надежды дѣловой міръ возлагалъ на ихъ доходность. Конечно, въ этомъ подъемѣ не малая роль принадлежить биржевой спекуляціи; но такая повышательная тенденція едва ли бы была возможна, если бы она не совпадала съ оптимистическимъ настроеніемъ публики и не имѣла реальной подкладки. Само собою разумѣется, что въ этомъ увлеченіи есть своя опасная сторона, которая вскроется при первыхъ неудачахъ промышленности, такъ какъ паденіе, происходящее съ большой высоты, будетъ особенно чувствительно и станетъ вызывать панику; но во всякомъ случаѣ для насъ изъ этихъ цифръ становится яснымъ ростъ германской промышленности и тотъ размѣръ требованій на новые капиталы, которые нужны были для поддержки этого роста. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ эти выпуски есть ничто иное, какъ перемѣщеніе оборотнаго капитала въ основной и, слѣдовательно, значительное сокращеніе перваго.

Во Франціи общій итогъ эмиссій былъ значительно меньше, чѣмъ въ предыдущихъ двухъ странахъ. Въ 1898 году онъ равнялся 1,332 милліоновъ франковъ, а въ 1899 году 1,680 милл. франк. И

тутъ, значитъ, мы имѣемъ увеличеніе, хотя и въ гораздо меньшемъ масштабѣ. Совокупность приведенныхъ данныхъ свидѣтельствуетъ о томъ мощномъ, можно сказать—гигантскомъ движеніи, которое испытала промышленность передовыхъ странъ и въ которомъ она находится, какъ кажется, и въ настоящую минуту. На вопросъ, откуда явилось это движеніе и что его обусловило? весьма вѣроятнымъ кажется отвѣтъ, что на немъ отразилось, главнымъ образомъ, стремленіе въ новыя страны, начавшееся съ самаго приступа къ постройкѣ великой Сибирской желѣзной дороги и съ тѣхъ поръ разростающееся съ большой силой. Постройка Сибирской дороги и ряда дорогъ въ Китаѣ; усиленіе колоніальнаго движенія въ Азіи и въ Африкѣ, въ которомъ принимаютъ участіе не только европейскія страны съ Германіей во главѣ, но впервые и Соединенные Штаты; усиленная работа на всѣхъ верфяхъ для созданія флота, одновременно охватившая всѣ промышленныя страны и съ особенной силой сказавшаяся опять таки въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ,—таковы новыя теченія, отчетливо выяснившіяся въ 1898 и въ 1899 годахъ и, конечно, не оставшіяся безъ непосредственнаго вліянія на промышленность. Не только уголь и желѣзо потребовались на всѣ возникшія и вновь возникающія предпріятія (дорога въ Малой Азіи и Трансафриканская дорога), но и всевозможные продукты стали требоваться на Востокъ. Туда, по данныъ таможенной статистики, усилился спросъ на ткани и на другія издѣлія изъ Германіи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ. Мы выдѣли, что въ Англіи, напримѣръ, въ 1899 году около 140 милл. руб. новаго капитала положено на мануфактурную промышленность. Но мы не должны забывать, что вмѣстѣ съ усиленіемъ промышленности произошелъ подъемъ благосостоянія массы населенія, что отозвалось на усиленіи внутренняго спроса на произведенія обрабатывающей промышленности. Вотъ тѣ главныя условія, создавшія такой спросъ на капиталы для промышленныхъ цѣлей, который мы отмѣтили выше и который, какъ мы сказали, вызвалъ крупное напряженіе всѣхъ силъ и средствъ кредита,—послѣдняго въ особенности; такое напряженіе, при которомъ малѣйшій переполохъ, малѣйшее недовѣріе могли вызвать недостатокъ средствъ и чувство страха за успѣхъ дѣла. Такою troubleféе явилась трансваальская война, ставшая непосредственнымъ поводомъ паники, разразившейся осенью въ Нью-Іоркѣ и на нѣкоторыхъ европейскихъ биржахъ. Но эта паника была создана не недостаткомъ выгодъ промышленности и не отсутствіемъ сбыта, а скорѣе именно

замѣшательствомъ, происшедшимъ отъ сознанія, что всѣ средства напряжены, а между тѣмъ политическій горизонтъ начинаетъ сулить сюрпризы. Это былъ не кризисъ, а только иллюзія кризиса, которая испугала дѣловой міръ. Одинъ американскій финансистъ назвалъ это состояніе паникой благосостоянія (prosperity panic) и, кажется, опредѣлилъ этимъ названіемъ вѣрно положеніе дѣла.

Какъ бы то ни было, послѣ сего сказаннаго станетъ понятнымъ, что именно переходъ, вслѣдствіе требованій промышленности, значительнаго количества оборотнаго капитала въ основной сдѣлалъ послѣдній болѣе рѣдкимъ и слѣдовательно болѣе дорогимъ и что въ этомъ обстоятельствѣ, т. е. въ быстромъ развитіи промышленныхъ предпріятій, а не въ денежномъ кризисѣ кроется причина подъема учетнаго процента.

Говоря о современномъ западно-европейскомъ промышленномъ движеніи, мы должны отмѣтить еще одну его особенную черту, а именно то, что оно коренится въ успѣхахъ науки, все болѣе идущей рука объ руку съ практикой, охраняющей послѣднюю и дающей ей силы. Химія и электричество, совмѣстно совершенствуясь, постепенно подготовляютъ цѣлый переворотъ, который не уступитъ по силѣ перевороту, созданному въ свое время изобрѣтеніемъ пара и машинъ, на которомъ Англія обосновала свое могущество въ промышленности, подготовленное ея торговой политикой. Новымъ переворотомъ обѣщаютъ воспользоваться Соединен. Штаты и Германія, развивающія нынѣ наиболѣе соотвѣтствующія отрасли промышленности, и они обезпечили за собою это право, своевременно понявъ всю силу знанія, всю тѣсную связь науки съ техникой. Руководясь этимъ сознаніемъ, они создали широкое, доступное всему населенію обязательное народное образованіе преимущественно утилитарнаго характера. Америка, напримѣръ, за послѣдніе 30 лѣтъ увеличила свои затраты на народное образованіе съ 37 милл. дол. до 123 милл., тогда какъ населеніе ея увеличилось за то же время въ меньшей степени: съ 38 милл. до 76 м. Когда мы слышали въ рѣчи лорда Розбери призывъ къ тому, чтобы англичане внесли больше „научности“ въ ихъ экономическую жизнь, то въ этомъ призывѣ намъ послышалось сознаніе того перевѣса, который получила техника Германіи и Соединенныхъ Штатовъ надъ англійской именно въ этомъ отношеніи. Можетъ быть теперь уже поздно гнаться за ними по этому пути и волей-неволей придется предоставить имъ воспользоваться плодами ихъ усилій въ теченіи десятковъ лѣтъ и снять, такъ сказать, сливки съ бу-

дущаго переворота въ промышленности подъ вліяніемъ химіи и электричества, а самимъ довольствоваться снятымъ молокомъ. Исторія не ждетъ опоздавшихъ.

Обращаясь теперь къ Россіи, мы видимъ тутъ то же явленіе которое мы видѣли и на Западѣ и которое мы тамъ же отмѣтили и относительно Россіи; и тутъ мы то же замѣчаемъ въ 1896 и 1897 годахъ и немного раньше обиліе свободнаго капитала, хотя цѣна его по особенностямъ мѣстныхъ условій и не стояла на томъ же уровнѣ, какъ въ странахъ болѣе развитыхъ экономически. Благодаря дешевизнѣ процента, и здѣсь происходилъ приливъ капитала къ государственнымъ бумагамъ, отразившійся въ повышеніи цѣны послѣднихъ не смотря на то, что вслѣдствіе предыдущихъ конверсій доходъ по нимъ понизился. Но это самое обстоятельство, которое вліяло на повышеніе цѣны фондовъ, стало одной изъ причинъ того, что началось оживленіе промышленности, ибо обиліе капитала этому благопріятствуетъ. Мы говоримъ одной изъ причинъ, такъ какъ тутъ дѣйствовали и другія, и даже можетъ быть въ гораздо большей степени, какъ то: желѣзнодорожное строительство и въ особенности постройка великой Сибирской дороги, усиленное судостроеніе и усиленіе потребленія внутри государства продуктовъ обрабатывающей промышленности. Но, конечно, дешевизна капитала повліяла поощрительно на духъ предпріимчивости, ибо оставляла большій просторъ для надежды на предпринимательскую прибыль. И вотъ на Руси мы видимъ то же, что отмѣтили и на Западѣ: сильное движеніе впередъ въ области промышленности. Это движеніе видно изъ слѣдующей таблицы:

ДЕСЯТИЛѢТІЕ 1887—1897 г.г.			
Годы	Число фабрикъ и заводовъ	Сумма производства въ милл. руб.	Число рабочихъ въ тысячахъ
1887	30888	1.334,5	1.318
1890	32254	1.502,6	1.424,7
1893	30333 [1])	1.734,9	1.582,9
1896	35827	2.590,9	1.818,4
1897	39029	2.839,1	2.098,2

За весь періодъ число фабрикъ и заводовъ возросло на 8,141 или на 26,3 %, сумма же производства—на 1,504,6 милл. руб. или на 112,8 %, а число рабочихъ увеличилось на 780,200 человѣкъ или

[1]) Уменьшеніе объясняется тѣмъ, что съ этого года въ счетъ не вводятся мельницы меньше чѣмъ о трехъ поставахъ.

на 59%. Наибольшею интенсивностью отличается ростъ промышленности за вторую половину десятилѣтія. Число фабрикъ и заводовъ за вторую половину возросло на 8,696, сумма производства увеличилась на 1,104,2 милл. руб. или на 73,4 %, т. е. почти на три четверти всего увеличенія за все десятилѣтіе. Число рабочихъ увеличилось тоже сильнѣе за вторую половину, а именно на 66 %. Сравненіе увеличенія числа заводовъ и фабрикъ и число рабочихъ съ увеличеніемъ суммы производства показываетъ, что между новыми заводами преобладали крупные [1]).

Независимо отъ цифры общаго движенія промышленности имѣютъ значеніе указанія, какъ росли отдѣльныя отрасли промышленности и какое мѣсто занимаютъ они въ общемъ количествѣ производства страны. Эти данныя явствуютъ изъ слѣдующей таблицы:

Движеніе русской промышленности по группамъ [2])					
Группы	Годы	Сумма производства въ тысяч. руб.	Число фабрикъ	Число рабочихъ въ тысячахъ	% отношеніе къ общ. колич. производства
Обработка волокнистыхъ веществъ	1887	463014	2847	399	—
	1890	519365	2985	433	—
	1893	621929	3025	497	—
	1896	837598	4123	545	—
	1897	946296	4449	642	33,3%
Питательныя вещества	1887	375286	14508	205	—
	1890	391947	15640	203	—
	1893	399700	13607	216	—
	1896	627815	15592	239	—
	1897	648116	16512	255	29,8%
Обработка дерева	1887	25688	1093	30	—
	1890	33377	1121	36	—
	1893	38876	1191	39	—
	1896	91258	2150	75	—
	1897	102897	2357	86	3,6%
Писчебумажная	1887	21030	242	19	—
	1890	23804	274	27	—
	1893	27529	343	33	—
	1896	45386	431	35	—
	1897	45490	532	46	1,6%
Горная и горнозаводская	1887	156012	2656	390	—
	1890	202894	2935	426	—
	1893	249188	3482	461	—
	1896	339170	3205	489	—
	1897	393749	3412	544	13,9%

[1]) „Торгово-Промышленная Газета“ 1900 г., № 20.

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ“ 1900 г., № 5, стр 210 и 211.

Изъ этой таблицы видно, что всѣ отрасли производства увеличивались въ довольно большой прогрессіи въ теченіе всего десятилѣтія, но что ростъ это былъ быстрѣе въ періодъ послѣ 1892 г. Въ то время какъ въ періодъ времени съ 1887 г. по 1891 г. включительно ростъ промышленности выражался суммой въ 26,$_1$ милліоновъ ежегодно, въ періодъ съ 1892 г. по 1897 г., онъ выразился цифрой въ 161 милліонъ ежегоднаго приращенія.

Если величину производства 1887 г. признать за 100, то возрастаніе стоимости производства, числа фабрикъ и числа рабочихъ выразится въ слѣдующихъ процентныхъ числахъ:

Годы	Сумма производства %	Число фабрикъ %	Число рабочихъ %
1890	104,$_4$	112,$_6$	108,$_1$
1893	98,$_2$	130	120
1896	115,$_9$	194,$_1$	137,$_9$
1897	126,$_3$	212,$_8$	159,$_2$

Сокращеніе производства 1893 г. объясняется исключеніемъ изъ вѣдомостей производства мелкихъ мельницъ.

Наиболѣе значителенъ былъ ежегодный ростъ слѣдующихъ отраслей промышленности:

горной на . . . . . 11,$_2$ %
химическаго производства на . . . . . 10,$_7$ %
обработка волокнистыхъ веществъ на . 7,$_8$ %

Оказывается, что наибольшей интенсивностью отличался ростъ горной промышленности. Ростъ ея будетъ виденъ изъ слѣдующихъ данныхъ, которыя показываютъ, что онъ продолжался и въ слѣдующихъ за 1897 годахъ съ неменьшею быстротой.

Движеніе горной [1]) промышленности, въ милл. пуд.					
Предметы	1887 г.	1892 г	1897 г.	1898 г.	1899 г.
Камен. уголь	—	42+	68+	746	800 [2])
Нефть	16	299	478	507	547
Чугунъ. . .	30	64	113	131	163 [3])
Желѣзо . . .	—	29	30	30	—
Сталь.	—	31	74	90	—

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ“ 1900 г., № 2, стр. 43.
[2]) Предполагавшаяся цифра.
[3]) Ожидавшееся количество.

Наиболѣе замѣтенъ ростъ горной промышленности въ послѣдніе три года. Такъ, въ 1887 г. выплавлено было чугуна 30 милл. пуд. стоимостью на 50 милл. руб., въ 1897 г. его добыто уже 113 милл. пуд. на 77 мил. руб., въ 1898 г. 134 милл. пуд., а въ 1899 г. ожидалось его 163 милл. пуд. При этомъ цѣна его за послѣдніе два года не падала, а возрастала. Еще бо́льшій ростъ обнаруживаетъ угольная промышленность и въ особенности въ послѣдніе года, когда съ 1897 по 1898 годъ добыча его выросла въ одинъ годъ на 9 %, а между тѣмъ потребность въ немъ на столько возрасла, что его цѣна поднялась въ значительной степени. Въ донецкомъ бассейнѣ рядовой уголь стоилъ въ 1898 году $6^1/_4$ к., а въ 1899 г. 10 к., коксъ поднялся съ 14 на 17 коп., антрацитъ съ 8—9 к. до 12—14 к. Въ Одессѣ цѣны угля въ тѣ же годы стояли такъ:

	1898 г.	1899 г.
англійскій уголь	27—28 коп.	28—30 коп.
домбровскій уголь	22—23 „	23—24 „
донецкій крупный уголь .	14—16 „	23—24 „

Это значительное возрастаніе цѣны было результатомъ усилившагося спроса, который не могъ быть удовлетворенъ усилившимся производствомъ, на что прямо указываетъ усиленіе ввоза иностраннаго угля. Въ первую половину 1898 г. было ввезено 48 милл. пуд., а за тотъ же періодъ 1899 г. 81 милл. пуд., т. е. на 70 % больше. Это усиленіе потребленія угля является прямымъ слѣдствіемъ развитія другихъ отраслей промышленности, главнымъ образомъ желѣзодѣлательной, а затѣмъ обработки волокнистыхъ веществъ, развитія желѣзнодорожной сѣти и производства питательныхъ продуктовъ. При отмѣченномъ выше увеличеніи числа фабрикъ крупныхъ размѣровъ каждое движеніе его впередъ связано съ усиленіемъ потребленія разнаго вида топлива; поэтому, мы и видимъ повышеніе цѣнъ не только на уголь, но также и на дрова, нефть и торфъ.

Въ группѣ металлическихъ издѣлій на первомъ планѣ стоятъ машиностроительные и механическіе заводы. Съ 49 милл. руб. въ 1887 г. стоимость машиностроительнаго производства повысилась до 142 милл. руб., т. е. почти утроилась.

Приростъ производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ выражается за послѣднее десятилѣтіе ежегодно въ среднемъ счетѣ 7,8 %. Болѣе половины производства направлено на обработку хлопка въ 1897 году—399 милліоновъ рублей.

Мы упомянули о развитіи производства питательныхъ продук-

товъ. Между ними сахарная промышленность занимаетъ видное мѣсто и для нашихъ мѣстныхъ интересовъ она играетъ очень крупную роль. Сахарная промышленность развивалась такъ: въ кампанію 1897/8 г. работало 239 заводовъ, въ кампанію 1898/9 г. было 244 завода, а въ кампанію 1899/900 г. было уже 269 заводовъ, на 30 заводовъ больше, чѣмъ въ 1897/8 г. Въ кампанію 1899/900 г. вступило новыхъ заводовъ 24, цифра доселѣ невиданная. Кромѣ того, многіе заводы были расширены, такъ какъ по условіямъ производства, опредѣляемымъ нормировкой, выгодно вести производство въ крупномъ размѣрѣ. Количество произведеннаго сахара въ послѣднемъ десятилѣтіи было таково:

Годы	Сахарный песокъ тысячи пуд.
$189^{1}/_{2}$	28362
$189^{2}/_{3}$	23753
$189^{3}/_{4}$	35406
$189^{4}/_{5}$	34684
$189^{5}/_{6}$	39625
$189^{6}/_{7}$	38717
$189^{7}/_{8}$	39581

По этимъ цифрамъ замѣтно значительное усиленіе производства за послѣдніе три года. Сахара рафинада въ кампанію 1897/8 года было выработано 19,563 т. пуд., въ кампанію 1895/6 г. было приготовлено 16,801 тыс. пуд., а въ кампанію 1891/2 г.—14,336 тыс. пудовъ.

Такое значительное усиленіе производства, конечно, потребовало значительной затраты капитала на постройку новыхъ сахарныхъ заводовъ и на расширеніе старыхъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что только на постройку новыхъ заводовъ въ теченіе двухъ лѣтъ употреблено было 18 милліоновъ рублей.

Приведенные факты о значительномъ развитіи и русской промышленности въ послѣдніе годы приводятъ насъ къ вопросу о затратахъ капитала. Выше мы видѣли, что эмиссіонная дѣятельность въ Россіи въ 1898 г. потребовала 2,286 милл. фр., больше чѣмъ во Франціи за тотъ же годъ; въ 1899 г. она ослабѣла, но все же взяла 737 милл. фр.

Въ своемъ разборѣ причинъ современнаго кризиса г. Касперовъ указываетъ на то, что въ послѣдніе годы акціонерныя предпріятія, преимущественно горнопромышленныя, по обработкѣ во-

локна, сахарныя и друг., потребовали въ 1896 г.—126 милл. руб., въ 1897 г.—114 милл. руб., въ 1898 г.—148 милл. руб., а всего 388 милл. руб., т. е. болѣе четверти всего нашего акціонернаго капитала. Если присоединить сюда предпріятія не акціонерныя, то по мнѣнію автора статьи, помѣщенной въ „Кіевлянинѣ“ (№№ 309 и 311 прошлаго года), потребовавшаяся сумма должна превысить полъ милліарда рублей. Но авторъ справедливо присоединяетъ къ этому капиталы, затраченныя на залоговой кредитъ, на каковой въ послѣдніе три года (1896—1898 г.г.) употреблено 486 милл. руб, изъ коихъ подъ залогъ земель—259 милл. руб. и подъ залогъ городской собственности 227 милл. руб. Изъ этой послѣдней суммы только въ 1898 г. было употреблено 223 милл. руб. Такимъ образомъ, только на эти видимыя частно-хозяйственныя затраты употреблено, по мнѣнію „Кіевлянина“, за послѣдніе три года до милліарда рублей. Къ нимъ надо прибавить огромныя затраты правительства по постройкѣ дорогъ въ Европейской Россіи, Сибири, Манчжуріи, расходы на Дальнемъ Востокѣ и крупныя частно-хозяйственныя затраты на оживленіе экономической жизни во всей той полосѣ Сибири, которая прилегаетъ къ великой Сибирской дорогѣ.

Когда мы говоримъ о капиталахъ, затраченныхъ на русскую промышленность, то мы должны всегда имѣть въ виду вліяніе иностранныхъ капиталовъ, которые явились въ Россію и снабдили средствами многія предпріятія. Сами по себѣ они не вліяли прямо на усиленіе потребленія русскаго капитала, но косвенно не остались безъ такого вліянія, такъ какъ учреждавшіяся предпріятія заявляли извѣстныя требованія, для удовлетворенія которыхъ требовалось учрежденіе или расширеніе другихъ предпріятій. Такъ, напримѣръ, для желѣзодѣлательнаго завода требуется топливо, снабженіе рабочихъ предметами потребленія, строительные материалы и т. д. Очевидно, что всѣ эти вещи не потребовались бы, если бы заводъ не создавался. Кромѣ того, заводъ своей успѣшной дѣятельностью побуждаетъ другихъ капиталистовъ пойти по тому же поприщу и вызываетъ, такимъ образомъ, основаніе другихъ аналогичныхъ предпріятій. Это послѣднее вліяніе особенно важно въ обществѣ, въ которомъ частная иниціатива не очень развита и гдѣ дѣло новое неохотно предпринимается.

По поводу вліянія иностранныхъ капиталовъ высказывались мнѣнія, что ихъ польза слишкомъ дорого оплачивается, такъ какъ иностранные капиталисты эксплоатируютъ русскія богатства и

рабочихъ и увозятъ очень скоро затраченные капиталы назадъ, за границу въ видѣ прибылей, которыя въ иностранныхъ капиталахъ очень велики. Для разъясненія возникшихъ сомнѣній г. Брандтъ предпринялъ экономическое обслѣдованіе иностранныхъ предпріятій въ каменноугольной и желѣзодѣлательной промышленности въ двухъ раіонахъ, южно-русскомъ и польскомъ. Результаты своего обслѣдованія онъ опубликовалъ въ книгѣ, которою мы пользуемся по реферату довольно подробному, напечатанному въ „Торгово-Промышленной газетѣ“ за прошлый годъ (№№ 104—107). Эта книга полна интересныхъ фактовъ. Прежде всего авторъ начинаетъ съ того едва ли оспоримаго факта, что серьезнаго широкаго развитія русская промышленность не получала въ области угольнаго и желѣзодѣлательнаго производствъ, несмотря въ рядъ энергичныхъ попытокъ, и не могла получить его, за отсутствіемъ въ самой странѣ достаточныхъ капиталовъ и спеціальныхъ знаній, до тѣхъ поръ, пока этотъ продуктъ опередившей насъ культуры Запада не явился къ намъ на помощь. Далѣе онъ доказываетъ, какая крупная доля затрачиваемыхъ въ русскія предпріятія иностранныхъ капиталовъ переходитъ въ русскія руки. На основаніи данныхъ для многихъ предпріятій оказывается, что ихъ остается около 80 % основныхъ капиталовъ, а эксплоатаціонныхъ остается около 89 %. Что касается прибыли держателей бумагъ (акцій), поступающей въ распоряженіе иностранныхъ капиталистовъ и уходящой за границу, то въ двухъ наиболѣе прибыльныхъ изъ иностранныхъ предпріятій она составляетъ 10—15 %. Для всѣхъ же вообще 60 иностранныхъ предпріятій, существующихъ въ каменноугольной и желѣзодѣлательной промышленности, она составляетъ по подсчету г. Брандта за 1897 г. 5,6 % на основные капиталы, а на всю совокупность капиталовъ, на которые ведутся иностранныя предпріятія, она составляетъ едва 3 %. Значитъ только эта часть можетъ возвращаться за границу, а этимъ опредѣляетъ скорость возврата туда иностраннаго капитала.

Сравнительныя данныя о высотѣ рабочей платы показываютъ относительную высоту послѣдней въ польскомъ раіонѣ и на югѣ, т. е. тамъ, гдѣ аклиматизировались иностранныя предпріятія. Кромѣ того оказывается на лицо тотъ фактъ, что въ этихъ двухъ раіонахъ рабочая плата въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ поднялась значительно, для нѣкоторыхъ отраслей труда это повышеніе составляетъ 60 %. Это поступательное движеніе должно быть отнесено на счетъ приложенія къ промышленности новыхъ капиталовъ.

Анализируя послѣдствія появленія иностраннаго предпріятія для разныхъ сторонъ экономической дѣятельности страны, авторъ беретъ, какъ примѣръ, Петровскій заводъ Русско-Бельгійскаго Общества. Для сооруженія и оборудованія этого завода затраченъ капиталъ въ 15 милл. руб., изъ которыхъ только $3^1/_2$ милл. руб. были ввезены изъ за границы въ видѣ машинъ и аппаратовъ, т. е. 23 %, а $11^1/_2$ милл. или 77% истрачены въ Россіи. Первымъ послѣдствіемъ этого обстоятельства было то, что на всю эту сумму увеличилась покупательная сила Россіи на международномъ рынкѣ, а вторымъ то, что тамъ, гдѣ прежде была голая степь, стоитъ теперь рядъ зданій, стоимость которыхъ составляетъ чистый плюсъ для страны. Анализируя расходованіе тѣхъ $11^1/_2$ милл., которые истрачены внутри страны, авторъ указываетъ, что доходъ казны составляетъ 16 %, на долю желѣзныхъ дорогъ пришлось 8 %, на долю землевладѣльцевъ—9 %, на долю рабочей силы –26 %, на долю представителей интеллигентнаго труда—6 % и наконецъ въ пользу прочихъ хозяйственныхъ группъ, какъ то: кирпичныхъ заводовъ, каменоломенъ, лѣсныхъ угодій и разныхъ заводовъ, которые участвовали въ сооруженіи этого завода 33 %. Для выясненія вопроса о томъ, какъ распредѣляется валовая прибыль предпріятія, взяты въ примѣръ Новороссійскій и Южно-Днѣпровскій заводы. Валовая прибыль перваго изъ нихъ въ размѣрѣ $12^1/_2$ милл. руб. распредѣляется такъ: въ пользу рабочихъ идетъ 34,4 %, интеллигентному труду—1,5 %, желѣзнымъ дорогамъ—12,2 %, казнѣ—2,3 %, прочимъ хозяйственнымъ группамъ—31,6 %, израсходовано внѣ Россіи—1,5 %, въ пользу акціонеровъ пошло 16,8 %.

Валовая прибыль Южно-Днѣпровскаго завода распредѣляется такъ: рабочимъ—26,8 %, интеллигентамъ—2 %, желѣзнымъ дорогамъ—10 %, казнѣ—1,5 %, прочимъ хозяйственнымъ группамъ—37 % и въ пользу хозяевъ предпріятія—22 %. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ 81,7 %, а во-второмъ 77,8 % валоваго дохода распредѣлились между различными хозяйственными группами и остались въ Россіи.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что иностранные капиталы тоже участвовали въ сильномъ подъемѣ русской промышленности. Этотъ подъемъ потребовалъ для своего осуществленія весьма значительныхъ капиталовъ и главнымъ образомъ основныхъ, которые конечно образоваться могли только за счетъ оборотныхъ капиталовъ, бывшихъ до того времени свободными. Удивительно ли послѣ этого, что такіе капиталы значительно сократились и стали дороже

тѣмъ болѣе, что съ развитіемъ промышленности спросъ на нихъ не сократился, а напротивъ долженъ былъ увеличиться.

Намъ кажется, что въ этомъ быстромъ развитіи русской промышленности есть свои слабыя стороны, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, чтобы имѣть ясное понятіе о положеніи дѣла. Я имѣю въ виду, во-первыхъ, слишкомъ быстрый ростъ ея, который грозитъ перепроизводствомъ; но это, кажется, общая участь всѣхъ быстрыхъ промышленныхъ движеній, въ особенности связанныхъ съ новыми изобрѣтеніями. Но есть еще другая сторона, которую мы подмѣтили въ сахарной промышленности, но которая, повидимому, составляетъ явленіе, встрѣчающееся и въ другихъ отрасляхъ, это недостаточность капиталовъ, которые вкладываются въ каждое дѣло при его основаніи. Отчасти это явленіе составляетъ слѣдствіе недостаточности капиталовъ, а между тѣмъ прибыльность предпріятій побуждаетъ рисковать обращеніемъ къ кредиту. Отчасти же такая незначительность затрачиваемаго капитала бываетъ дѣломъ разсчета основателей. Они разсчитываютъ такъ: если капиталъ предпріятія великъ, то прибыль, распредѣляясь между большимъ числомъ единицъ его, будетъ въ процентномъ отношеніи меньше. Если же капиталъ будетъ невеликъ и значительная часть его будетъ занята, то такъ какъ на занятый капиталъ платится опредѣленный процентъ, гораздо меньшій той прибыли, которая дается каждымъ рублемъ предпріятія, то весь излишекъ прибыли на занятый капиталъ пойдетъ въ распредѣленіе между единицами паевого капитала. Обѣ эти причины создали предпріятія, которыя имѣли иногда только третью часть основного капитала и никакого оборотнаго. Мнѣ приходилось наблюдать эти образовавшіяся предпріятія, и я могу представить слѣдующую схему ихъ образованія. Нѣсколько лицъ обладаютъ капиталомъ въ 200 т. р. Нужно для постройки завода составить капиталъ въ 500 т. р. Процедура составленія его такова: пишется уставъ и посылается на утвержденіе въ министерство. Уставъ утвержденъ съ тѣмъ, что общество можетъ начать дѣйствовать съ того момента, какъ оно внесетъ паевой капиталъ въ Государственный Банкъ. Учредители обращаются въ какой либо банкъ и просятъ ссудить имъ на одинъ день недостающую сумму въ 300 т. р., которую тотъ же банкъ внесетъ за счетъ учредителей въ Государственный Банкъ.

Итакъ, паевой капиталъ „собранъ“. Получается удостовѣреніе объ этомъ отъ Государственнаго Банка и шлется депеша ми-

нистру. Теперь учредители могутъ собрать общее собраніе и выбрать правленіе, которому поручается получить изъ Государственнаго Банка внесенный туда складочный капиталъ. Его получаетъ тотъ же банкъ, который и вносилъ его. Но теперь владѣльцы акцій, они же и учредители, могутъ получить въ какомъ либо банкѣ подъ акціи извѣстную ссуду, скажемъ, въ размѣрѣ 40 %. Вотъ еще 200 т. р. готовы; далѣе, они могутъ въ долгъ заказать машины для завода и для этого получить кредитъ въ заграничномъ заводѣ въ 100 т. р. Далѣе, есть еще возможность продать сахаръ будущаго производства и получить, скажемъ, за 100 т. пуд. по рублю на пудъ, 100 т. р. и употребить эту сумму на анансы земледѣльцамъ на свеклу. Такимъ образомъ, хозяинъ завода въ 500 т. р. имѣетъ въ дѣйствительности только 200 т. р., а остальное все въ кредитѣ. Такихъ предпріятій въ области сахарной промышленности образовалось не мало, и всѣ они построены были на разсчетѣ, что, во-первыхъ, прибыль сахарнаго дѣла покроетъ проценты на занятый капиталъ и дастъ средства амортизировать и капиталъ, а во-вторыхъ, на легкости и дешевизнѣ кредита. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ разсчетъ увѣнчался успѣхомъ и соблазнилъ другихъ предпринимателей. Но очевидна вся шаткось такого положенія. Вздорожалъ капиталъ,—а слѣдовательно и кредитъ,—и картина мѣняется: вмѣсто дохода получается минусъ, положеніе предпріятія становится затруднительнымъ, а кредитоспособность его хозяевъ уже исчерпана и новыхъ займовъ уже дѣлать нельзя. Напротивъ, заимодавцы (преимущественно банки) начинаютъ сокращать тотъ кредитъ, который оказывали, такъ какъ начинаютъ чувствовать страхъ предъ шаткимъ положеніемъ предпріятія.

Между тѣмъ, маленькій капиталъ предпріятія способенъ былъ при благопріятныхъ условіяхъ дать значительный дивидендъ, спекулятивные предприниматели разсчитывали именно на него, для того, чтобы можно было продать акціи предпріятія съ барышемъ и потому старались поднять ихъ цѣну на биржѣ. Мы знаемъ, что биржа, находившая опору въ банкахъ, подняла цѣну многихъ предпріятій очень высоко, и былъ такой періодъ, когда казалось, что всѣ выигрывали и никто не проигрывалъ. Но по существу дѣла это невозможно и вотъ начинается реакція и оказываются проигравшіе. Дороговизна капитала на Западѣ, наконецъ, достигаетъ той высоты, когда онъ начинаетъ отливать туда, такъ какъ и тамъ онъ нуженъ. Кредитъ сокращается и предпріятія, построенныя почти исключительно на кредитѣ, оказываются въ положеніи за-

труднительномъ. Акціи ихъ падаютъ и петербургская биржа проводитъ цѣлый 1899 г. въ непрерывномъ пониженіи акцій, не только промышленныхъ, но и банковскихъ. Это пониженіе, конечно, грозитъ интересамъ тѣхъ банковъ, которые подъ эти акціи давали въ свое время высокія ссуды. Они стараются получить ихъ обратно и на сколько прежде они легко открывали кредитъ и финансировали предпріятія, на столько теперь они въ перегонку стараются получить обратно свои деньги возможно скорѣе. Такова ихъ политика во второй половинѣ 1899 г. Мы видѣли, на сколько сократили они свои активы не только по ссудамъ, но и по учету. Мнѣ кажется, что во второмъ случаѣ они были столько же неправы, какъ и въ первомъ. Разъ они взялись снабжать предпріятія основными капиталами и оборотными, они должны были предвидѣть, что этотъ кредитъ не можетъ быть погашенъ по существу своему въ короткій срокъ, такъ какъ затраченный капиталъ не возсоздается изъ прибылей въ одинъ—въ два года. Они должны были слѣдовательно продолжать кредитовать тѣ предпріятія, которыя они финансировали, если только не выяснилась ихъ гнилость. Своей поспѣшностью въ извлеченіи своихъ капиталовъ они необходимо вредили дѣлу и ставили въ затруднительное положеніе, и губили иногда такія предпріятія, которыя могли существовать и могли современемъ выйти изъ разряда слабыхъ. Поэтому, такую трусливую политику нельзя не признать вредной.

Все нами изложенное приводитъ насъ наконецъ къ отвѣту на вопросъ о томъ, какого рода кризисъ мы переживаемъ, и отвѣтъ этотъ экономистами дается въ томъ смыслѣ, что это кризисъ капиталовъ, а вовсе не денежный. Задача настоящей статьи заключалась въ томъ, чтобы путемъ изложенія фактовъ сдѣлать это положеніе для читателя по возможности яснымъ и убѣдительнымъ и, кромѣ того, познакомить его съ тѣми фактами, которыя разбросаны иногда въ повременныхъ и спеціальныхъ изданіяхъ, не имѣющихъ большого круга читателей. Вопросъ о томъ, въ чемъ заключается причина кризиса, изъ вышеизложеннаго становится яснымъ и надо думать, что читатель отвѣтитъ на него въ томъ смыслѣ, что кризисъ наступилъ вслѣдствіе того, что большой и быстрый ростъ промышленности потребилъ огромное количество капиталовъ, превративъ оборотные капиталы въ основные. Этотъ недостатокъ оборотныхъ капиталовъ сталъ замѣчаться не въ текущемъ только году, а давалъ себя знать исподволь путемъ подъема дисконта, который, какъ мы показали, начался не со вчераш-

няго дня. Но недостача капитала могла болѣе или менѣе долгое время маскироваться путемъ кредита для многихъ слабыхъ предпріятій, и могло казаться, что все обстоитъ благополучно, пока какое нибудь постороннее обстоятельство не обнаружило недостачи ихъ силы. Такимъ обстоятельствомъ явилась трансваальская война. Она внесла въ финансовый міръ смущеніе и неувѣренность въ будущемъ и въ особенности тогда, когда англійскія войска начали терпѣть пораженія. Наиболѣе сильныя затрудненія на биржѣ совпали съ этимъ періодомъ начала войны. Смущеніе и неувѣренность вызвали сжатіе биржевой дѣятельности и сокращеніе довѣрія, а это оказалось гибельнымъ для предпріятій, которыя только и жили легкостью кредита. Кого коснулись затрудненія, происшедшія отъ сокращенія оборотнаго капитала? Они, естественно, коснулись всѣхъ, такъ какъ вздорожаніе капитала не могло не отозваться на сокращеніи предпринимательской прибыли, но болѣзненно оно должно было отозваться и дѣйствительно отозвалось на предпріятіяхъ, которыхъ существованіе основано было на разсчетѣ на дешевый капиталъ и на легкій кредитъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что вся промышленность страдаетъ и что по отношенію ко всей промышленности должны быть принимаемы какія либо мѣры, если онѣ вообще могутъ быть приняты.

Намъ скажутъ: не все ли равно, будемъ ли мы считать настоящія затрудненія денежнымъ кризисомъ или же кризисомъ капиталовъ? Конечно, нѣтъ. Во-первыхъ, правильность пониманія дѣла всегда нужна и не только съ теоретической, но и съ практической точки зрѣнія. Во-вторыхъ, различіемъ въ сущности дѣла и въ его причинахъ опредѣляется и различіе въ ходѣ переживаемаго состоянія и различіе въ тѣхъ средствахъ, которыя могутъ быть принимаемы для его устраненія. Напримѣръ, если бы принять, что дѣло заключается въ недостаткѣ мѣновыхъ знаковъ, то тогда государство можетъ помочь горю выпускомъ недостающаго количества денегъ, если же денегъ довольно, то новый ихъ выпускъ можетъ принести вредъ, а не пользу. Далѣе, если мы убѣдимся, что дѣло заключается въ томъ, что количество оборотныхъ капиталовъ стало меньше, то мы не будемъ предпринимать дѣлъ, которыя разсчитаны на существованіе на рынкѣ достаточнаго количества таковыхъ, а если мы предпримемъ ихъ, то неминуемо потерпимъ фіаско, какъ и случилось съ нѣкоторыми нашими финансистами, лѣтомъ прошлаго года, разсчитывавшими на пониженіе процента и облегченіе кредита предстоявшею осенью. Вотъ по-

чему мы льстимъ себя надеждою, что статьей нашей для разъясненія сущности переживаемаго нами кризиса мы не злоупотребили понапрасну временемъ читателя.

Теперь остается еще одинъ вопросъ. Скоро ли можно ожидать облегченія? На этотъ вопросъ едва ли можно отвѣчать съ большей или меньшей опредѣленностью, такъ какъ кромѣ чисто экономическихъ причинъ, которыя и сами по себѣ сложны, на хозяйственную жизнь вліяютъ еще, какъ мы и видѣли, причины посторонняго свойства; но что касается главнаго фактора создавшаго кризисъ—роста промышленности,—то онъ продолжаетъ дѣйствовать. Какъ писалъ хроникеръ „Торгово-Промышленной Газеты“, въ январѣ текущаго года, поступательное движеніе промышленности въ Германіи и въ С.-А. Штатахъ продолжается, и именно изъ послѣднихъ нужно ожидать новыхъ тучъ для денежнаго рынка. Ввозъ золота въ Соединенные Штаты составлялъ въ 1899 г. только 12 милл. долларовъ противъ 134 милл. въ 1898 г., а вывозъ изъ нихъ товаровъ превысилъ ввозъ на 419 милл. Значитъ они кредитовали кому то эту сумму, которую рано или поздно надо будетъ уплатить, а такъ какъ Европа главная покупательница, то ей и приходится не терять изъ виду этихъ цифръ. Еще на дняхъ англійскій министръ финансовъ заявлялъ въ парламентѣ, что ходъ промышленной жизни Англіи идетъ хорошимъ ходомъ и что работы всюду довольно. Такимъ образомъ, нѣтъ основаній думать, что спросъ на капиталъ ослабѣетъ и что онъ подешевѣетъ. Съ другой стороны, такъ какъ наростаніе капитала имѣетъ одинъ источникъ—прибыль отъ промышленнаго труда, то естественно, что онъ не можетъ явиться сразу, а будетъ наростать по мѣрѣ наростанія прибылей. Хотя оборотъ нашей современной экономической жизни и отличается быстротой, все же этотъ процессъ не совершается по мановенію жезла и мы не можемъ поэтому обѣщать себѣ удешевленія капитала въ ближайшемъ будущемъ, т. е. въ текущемъ году.

Мирабо.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва ли надо настаивать на томъ, что въ послѣднія два десятилѣтія значительно возросъ интересъ къ пересмотру исторіи, непосредственно предшествовавшей французской революціи, а также и условій, сопровождавшихъ эту послѣднюю. Результатомъ этого пересмотра было то, что многія явленія политической жизни Франціи представились не въ томъ видѣ, какъ было принято понимать ихъ прежде.

Между дѣятелями начала революціи 1789 года фигура Мирабо занимаетъ центральное мѣсто. Естественно, что и она привлекла къ себѣ интересъ историковъ, и надо сказать, что они освѣтили тѣ стороны его дѣятельности, которыя прежде оставались въ тѣни. Прежде Мирабо вырисовывался, какъ смѣлый авторъ знаменитой фразы „Allez dire à votre maître“ и т. д.,—фразы, которой онъ никогда не произносилъ въ томъ видѣ, въ какомъ она повторялась почти всѣми историками революціи 1789 года,—а потомъ, какъ честолюбецъ, купленный дворомъ и измѣнившій дѣлу революціи. Теперь исторія обратила вниманіе на то, что съ начала и до конца Мирабо былъ монархистомъ, сторонникомъ сильной власти, какъ средства осуществить коренную реформу и избѣгнуть возможной анархіи, указали на то, что изъ всѣхъ людей 1789 года Мирабо оказался единственнымъ человѣкомъ, правильно понимавшимъ политическое положеніе, предчувствовавшимъ и даже предвидѣвшимъ, куда приведутъ тѣ или другія событія, наконецъ, имѣвшимъ настоящую правительственную программу. (Карѣевъ Ист. Зап. Европы, III, стр. 495). Было выяснено, далѣе, что, по-

ступивъ на службу двору, Мирабо не измѣнилъ своихъ убѣжденій и воззрѣній на современныя событія. Сама біографія Мирабо въ работахъ историковъ послѣднихъ десятилѣтій была поставлена въ связь съ современными нравами и общественными отношеніями и въ такой постановкѣ получила иной видъ и иной интересъ.

Интересъ, явившійся къ личности Мирабо въ послѣднія два десятилѣтія, въ особенности въ позднѣйшее, свидѣтельствуется многими сочиненіями, появившимися въ это время, и которыми мы воспользовались для составленія нашихъ лекцій. Вотъ эти сочиненія.

Loménie Louis. Les Mirabeaux, nouvelles études sur la société française au XVIII siècle. 2 vol. 1878.

Loménie Charles. Le même ouvrage continué. 3 vol. 1889 – 1891.

Stern. Das Leben Mirabeau's 1889. 2 Bände.

Rousse Edm. Mirabeau. 1 vol. 1891.

Mezières. Vie de Mirabeau. 1 vol. 1892.

Sorel. Essais d'Nistoire et de critique. 2 vol. 1894.

Въ этихъ очеркахъ есть прекрасная характеристика подъ заглавіемъ „Les Mirabeau“.

Наконецъ, упомянемъ старое сочиненіе: „Esprit de Mirabeau“. Paris. Buisson. an XII (1804). Въ немъ большой выборъ рѣчей Мирабо.

I.

Если бы мы захотѣли представить себѣ настроеніе политической мысли во Франціи предъ революціей 1789 года, то мы увидѣли бы, что въ ней господствовали два теченія. Выразителемъ одного изъ нихъ были идеи Монтескье, а другого Руссо, т. е., съ одной стороны, монархическія конституціонныя, а съ другой—республиканскія съ демократическимъ характеромъ. Вліяніе послѣднихъ было болѣе значительнымъ, отсюда нерасположеніе ко всему, что представляло собою власть и преобладаніе однихъ надъ другими. Распространеніе тѣхъ и другихъ идей совершилось широко подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, того обстоятельства, что Старый Порядокъ уже давно, еще при Людовикѣ XIV, возбудилъ противъ себя оппозицію, которая потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась шире и глубже. Знакомство съ Англіей и ея учрежденіями дало понять французамъ, чего въ ихъ политической жизни не хватаетъ имъ, и легло въ основаніе развитія политической мысли во Франціи. И Вольтеръ и Монтескье оттуда вынесли и свое отрицательное отношеніе къ существующему порядку во Франціи, и свои общественно-политическіе идеалы (Руссо вынесъ ихъ изъ Швейцаріи). Мы видимъ, что въ половинѣ XVIII столѣтія не только въ области политики, но и въ другихъ областяхъ жизни, напримѣръ, въ области хлѣбной торговли, ссылка на примѣръ Англіи въ качествѣ доказательства считалась среди французовъ достаточной. Побѣды, одержанные Англіей надъ Франціей во время Семилѣтней войны, и пораженія, нанесенныя французамъ Фридрихомъ Великимъ должны были еще болѣе поднять престижъ первой, какъ образца, достойнаго подражанія, и еще болѣе усилить отрицательное отношеніе къ существующему порядку во Франціи. Примѣръ Америки возымѣлъ особенно сильное возбудительное влія-

ніе. Принципы, провозглашенные американцами во время возстанія противъ Англіи, въ основѣ которыхъ въ сущности лежало то же народоправство, которое лежало въ основѣ идей Монтескье и Руссо, осуществленіе этихъ принциповъ въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, все это возбудило самыя розовыя надежды среди французовъ относительно легкости введенія свободныхъ учрежденій и во Франціи. Казалось, что если простые колонисты Америки могли свергнуть деспотизмъ и водворить у себя свободу, то тѣмъ легче сдѣлать это такому образованному народу, какъ французы. При этомъ, подъ вліяніемъ господства классическаго образованія, интеллигенты тогдашняго времени, получавшіе главнымъ образомъ формальное образованіе, склонны были разсуждать въ пустомъ пространствѣ, не справляясь съ фактами, а отдаваясь одной дедукціи, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ тогдашняго предсталенія объ исторіи, передъ ихъ воображеніемъ витали образы классическихъ героевъ, создававшихъ мановеніемъ руки государства и чуть ли не самые народы. Съ этой точки зрѣнія Франклинъ и Вашингтонъ являлись не великими представителями настойчиваго и свободолюбиваго и сознающаго свои права народа, а героями, въ родѣ Солона и Мильтіада или Ѳемистокла, которые освобождаютъ свой народъ отъ рабства и творятъ ему конституцію по своей идеѣ. Не даромъ при встрѣчѣ съ Франклиномъ въ Парижѣ д'Аламберъ привѣтствовалъ его, какъ человѣка, „исторгнувшаго молнію у неба и скипетръ у тирановъ“ (Eripuit coelo fulmen, sceptrumque tyrannis). То обстоятельство, что американцы, провозглашая свои права, положили въ основаніе своей декларації общіе принципы, родственные съ тѣми, которые признавались большинствомъ образованнаго французскаго общества, какъ основы свободы, побуждало думать, что торжество свободы въ Америкѣ есть результатъ признанія этихъ принциповъ и вывода изъ нихъ логическихъ послѣдствій. Стоило, значитъ, дать торжество этимъ принципамъ во Франціи, и судьба свободы въ ней обезпечена. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Французы не замѣчали того, что, въ сущности говоря, американцы не были такой чистой доской, на которой рисовались новые цринципы съ ихъ послѣдствіями въ законодательныхъ опредѣленіяхъ. Огромное большинство французскаго общества не знало того, что колоніи давно пользовались самоуправленіемъ, давно пользовались индивидуальной свободой и полной вѣротерпимостью; что тѣ политическія основы, которыя они теперь провозглашали и осуществляли у себя, были наслѣді-

емъ долгаго историческаго процесса, который переживала Англія со времени среднихъ вѣковъ, и которое ихъ предки вынесли оттуда, оставляя родину именно ради желанія сохранить свою политическую и религіозную свободу, когда ей на родинѣ грозила серьезная опасность во времена Стюартовъ и отчасти Тюдоровъ. Такимъ образомъ, то, что провозглашалось въ Филадельфіи, лежало уже въ традиціяхъ и нравахъ американскихъ колонистовъ. Кромѣ того, какъ справедливо замѣчено, французы не обращали вниманія на то, что на дѣвственной почвѣ Америки не было тѣхъ силъ—королевской власти, католическаго клира и феодальной аристократіи,—существованіе коихъ во Франціи отражалось не только на внѣшнихъ формахъ общества, но и на всѣхъ привычкахъ и нравахъ націи. Все это оставалось незамѣченнымъ, а потому, когда Версальскимъ миромъ было признано торжество американцевъ надъ Англіей, то это событіе было истолковано, какъ торжество французскихъ принциповъ, какъ знаменіе близкой побѣды ихъ въ самой Франціи. Это сознаніе сильно подняло оппозиціонное настроеніе. Сама аристократія французская принимала живѣйшее участіе въ оппозиціи королевской власти и съ этой точки зрѣнія смотрѣла на сопротивленіе парламентовъ распоряженіямъ правительства, какъ на проявленіе идеи свободы, и поддерживала его. Когда же, наконецъ, правительство, поставленное въ безвыходное положеніе отсутствіемъ денегъ и громаднымъ по тому времени дефицитомъ и долгомъ, объявило созваніе государственныхъ чиновъ, то все французское общество привѣтствовало этотъ актъ, какъ наступленіе эры свободы, и охвачено было живѣйшей радостью и сильной надеждой на будущее.

Всякій, знакомый съ положеніемъ Франціи въ то время, знаетъ, что страна нуждалась въ коренныхъ политическихъ реформахъ, а также въ отмѣнѣ феодальныхъ привилегій, что равнозначительно было глубокой соціальной реформѣ. Такой переходъ къ новому политическому и соціальному строю не могъ не быть труденъ въ виду существованія сильныхъ традицій и противоположныхъ интересовъ. Въ ихъ борьбѣ легко могло взволноваться житейское море, и требовалась сильная рука для сохраненія въ цѣлости государственнаго корабля и предупрежденія анархіи. Отсюда—необходимость сильной королевской власти.

На самомъ дѣлѣ этого условія не было, ибо фактически королевская власть была слаба. Она была слаба вслѣдствіе личной слабости Людовика XVI. Добродушный человѣкъ и надѣленный

очень слабой волей, онъ къ тому же лишенъ былъ и сильнаго ума. Его умственныя способности были ниже среднихъ, а образованіе ничтожно. Онъ не понималъ совершенно современнаго положенія дѣлъ и требованій времени, и даже тогда, когда положеніе стало уже опаснымъ, онъ относился, по словамъ Мирабо, къ дѣламъ Франціи съ такимъ же равнодушіемъ, какъ будто это были дѣла Китая. Но слабостъ королевской власти лежала еще и въ томъ недовѣріи къ правительству, которое къ этому времени развилось во французскомъ обществѣ и охватывало глубокіе слои его. Это недовѣріе развилось сильно въ царствованіе Людовика XV и нельзя сказать, что оно было лишено основанія. Управленіе страной происходило при королѣ, относившемся вполнѣ равнодушно къ благу страны и эгоистично заботившемся о собственномъ спокойствіи. Дворъ вліялъ на правительство въ широкой степени, и нерѣдко объ личные интересы придворныхъ разбивались усилія людей, желавшихъ блага странѣ. Распущенность нравовъ при дворѣ едва ли достигала когда либо той же степени, а это отзывалось и на пополненіи административныхъ должностей. Такія фигуры на министерскихъ креслахъ, какъ аббатъ Террэ или Мопу, не часто встрѣчаются. Про администраторовъ провинціи тогдашняго времени осталось не мало свидѣтельствъ современниковъ, говорящихъ о томъ, что въ большинствѣ они были негодны, а между тѣмъ власть ихъ была безконтрольна и очень велика. Но, какъ это обыкновенно бываетъ, общественное недовольство питалось не только дѣйствительными фактами, но и легендами, которыя выростаютъ и развиваются на почвѣ этого недовольства и въ свою очередь увеличиваютъ его. Среди этихъ легендъ были чудовищнаго характера, напримѣръ, о ваннахъ для короля изъ дѣтской крови; но онѣ находили вѣру. На плечи Людовика XVI легла тяжесть этого наслѣдія. Сначала его привѣтствовали какъ „желаннаго“ короля, но скоро эта популярность поблекла. Надежда на то, что король выведетъ Францію изъ ея затруднительнаго положенія сильно поколебалась послѣ того, какъ придворной, реакціонной партіи при значительномъ участіи королевы Маріи-Антуанетты удалось низвергнуть Тюрго, явившагося на министерскомъ посту съ программой реформъ, невыгодныхъ для привилегированныхъ классовъ, и съ беззавѣтно-честнымъ отношеніемъ къ общественному благу. Онъ сталъ невозможенъ на своемъ посту, такъ какъ потребовалъ отъ короля бережливаго отношенія къ казеннымъ деньгамъ и не допускалъ посягательства даже приближен-

ныхъ ему лицъ на казенный сундукъ. Съ другой стороны, онъ вошелъ въ противорѣчіе съ предразсудками, господствовавшими въ высшихъ сферахъ. Чѣмъ сильнѣе были надежды образованнаго общества, возбужденные реформами Тюрго, тѣмъ глубже было разочарованіе, вызванное его увольненіемъ. Нѣсколько времени спустя, еще болѣе сильный ударъ былъ нанесенъ общественнымъ надеждамъ неудачей реформъ Неккера и его удаленіемъ опять таки вслѣдствіе того, что онъ требовалъ неприкосновенности общественнаго добра и осмѣлился опубликованіемъ бюджета приподнять часть той завѣсы, которая скрывала придворную расточительность, и которая по господствовавшему предразсудку считалась государственной тайной. Общественное недовольство при Людовикѣ XVI направлялось главнымъ образомъ противъ Маріи-Антуанетты, такъ какъ она была энергична, она имѣла вліяніе на короля и она стала душой придворной партіи, враждебной всему, что могло сократить расточительность и ослабить привилегіи феодальныхъ классовъ. И тутъ опять таки дѣйствительность смѣшивалась съ легендами. Яркимъ выраженіемъ общественной подозрительности противъ королевы служитъ дѣло объ ожерельѣ королевы. Дѣло это, какъ извѣстно, заключалось въ томъ, что одна изъ придворныхъ дамъ, графиня Ламотъ, одурачила кардинала герцога Рогана, увѣривъ его, что она выведетъ его изъ опалы, если онъ купитъ для королевы ожерелье за 1.600,000 ливровъ, и обѣщала ему устроить свиданіе съ королевой. Онъ купилъ ожерелье, ему устроено было свиданіе въ Версальскомъ паркѣ съ какой то дамой, которую ему выдали за королеву, а ювелировъ, продававшихъ дорогое ожерелье, увѣряли, что хотя Роганъ и даетъ векселя за него, но что оно покупается для королевы. Когда деньги не были уплачены, обманъ раскрылся, графиня Ламотъ была приговорена парламентомъ къ тѣлесному наказанію и клейменію и къ изгнанію изъ Франціи. Можетъ быть, королева и знала о томъ, что графиня Ламотъ дурачить своего друга Рогана, но въ публикѣ вѣрили, что она участвовала лично въ мошеннической продѣлкѣ.

Подъ вліяніемъ общественнаго недовольства и недовѣрія къ правительству, доходившему до крайнихъ размѣровъ, общество относилось съ сочувствіемъ ко всему тому, что направлено было противъ него. Когда, поэтому, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ парламенты вступили въ оппозицію проэктамъ финансовыхъ реформъ министерства, то общество единодушно поддерживало эту

оппозицію, хотя въ ней и не было залога прогресса. При такихъ условіяхъ, естественно, правительство не могло разсчитывать въ трудную минуту на содѣйствіе общества, и въ этомъ, конечно, была его слабость.

Но былъ одинъ моментъ, который давалъ шансъ на сохраненіе порядка и на проведеніе реформъ, это традиціонное представленіе о королевской власти, какъ о чемъ то очень могущественномъ, способномъ сдѣлать больше, чѣмъ могутъ сдѣлать обыкновенные люди. Этотъ взглядъ создался путемъ долгаго процесса, достигъ своего апогея при Людовикѣ XVI и не исчезъ еще совершенно къ тому времени, о которомъ мы говоримъ. Это было безотчетное и тѣмъ болѣе сильное преувеличеніе возможнаго воздѣйствія короля на ходъ общественныхъ дѣлъ. Отсюда инстинктивное, привычное повиновеніе королю или по крайней мѣрѣ отсутствіе активнаго сопротивленія. Въ этомъ былъ еще остатокъ силы королевской власти. Но уже наканунѣ революціи мы видимъ многочисленныя возстанія противъ агентовъ власти. При внимательномъ отношеніи къ событіямъ нельзя не замѣтить, какъ они постепенно переходятъ въ тѣ возстанія, которыя мы видимъ во время революціи, и въ нихъ надо видѣть условіе возможнаго развитія той анархіи, которая охватила Францію впослѣдствіи. Человѣкъ сильной воли и широкаго ума, рѣшившійся твердо осуществить программу реформъ, указанныхъ временемъ и желаніями общества, могъ воспользоваться этимъ остаткомъ королевской власти, который крылся въ идеѣ ея всемогущества. Онъ могъ, опираясь, съ одной стороны, на стремленія образованныхъ людей къ реформамъ, а съ другой—на не исчезнувшую еще привычку повиноваться королевской власти, оказать могучее воздѣйствіе на общество, удержать его въ предѣлахъ порядка и предупредить развитіе анархіи.

Возможность послѣдней была очень велика вслѣдствіе слабости самого общества. Послѣднее давно отвыкло во Франціи отъ самодѣятельности. Централизація и абсолютизмъ давно упразднили тѣ учрежденія, которыя были органами самоуправленія, а вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣднихъ ушла и самая способность управлять собою. Общество представляло собою аморфное тѣло, которое могло производить безпорядочныя движенія, но не могло само, не будучи водимо, дѣйствовать правильно. При такой слабости оно, при отсутстіи сильной власти, легко могло стать жертвой безпорядочныхъ движеній, т. е. анархіи, но не было способно

организоваться способомъ, соотвѣтствующимъ требованію принциповъ свободы и самоуправленія. Въ этой слабости общества заключалась сила и слабость государственной власти. Въ обычное время, когда дѣла идутъ по привычному шаблону, государственная власть не встрѣчала препонъ своему дѣйствію, но въ экстренныхъ обстоятельствахъ, когда нужно не ожиданіе приказаній, а дружное дѣйствіе всѣхъ и притомъ дѣйствіе умѣлое, тогда государственная власть не могла найти въ обществѣ этого элемента своей силы и легко могла оказаться въ опасномъ положеніи.

При крайнемъ развитіи централизаціи, Парижъ получилъ особенное значеніе; онъ сталъ головой Франціи, отъ положенія которой (головы) многое зависѣло. Было однако одно условіе его жизни, которое было неблагопріятно для сохраненія его спокойствія. Я говорю о продовольственной политикѣ правительства. Издавна во Франціи установился взглядъ, враждебный хлѣбной торговлѣ, по которому жадность купцовъ и крестьянъ могли принести только вредъ снабженію хлѣбомъ городовъ. Отсюда—стремленіе опутать регламентами хлѣбную торговлю. Эти послѣдніе парализовали ее. Пока дѣло шло о мелкой хлѣбной торговлѣ и не было еще крупныхъ городовъ, продовольствіе которыхъ требуетъ широкихъ торговыхъ операцій, вредное дѣйствіе регламентовъ могло быть еще не такъ замѣтно, но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что торговля, опутанная регламентами, не можетъ удовлетворить потребности въ хлѣбѣ большого города. Королевская власть усвоила стародавнюю политику по отношецію къ хлѣбной торговлѣ и еще болѣе развила систему регламентаціи, давъ ей болѣе общій и сильный характеръ. Недостатокъ хлѣба, его дороговизна приписывались не естественному результату отсутствія свободы его передвиженія, которое было крайне затруднительно при отсутствіи свободы хлѣбной торговли, а признавался результатомъ недостатка регламентовъ, оставляющихъ еще слишкомъ много свободы купцамъ, при которой ихъ жадность находитъ слишкомъ широкое поле дѣйствія. Признавалось невозможнымъ продовольствіе такого „огромнаго города“, какъ Парижъ (600 т. жит.), предоставить дѣйствію свободной торговли. А продовольствіе Парижа считалось особенно важнымъ, такъ какъ онъ находится у самой резиденціи короля, а потому спокойствіе его населенія должно было быть предметомъ особыхъ заботъ правительства. Такимъ образомъ, правительство мало по малу взяло на себя заботу о продовольствіи большихъ городовъ Франціи и въ особен-

ности Парижа. Правительство не могло по самому существу дѣла замѣнить собою свободной торговли, а потому въ снабженіи хлѣбомъ являлись естественно недочеты. Къ этому присоединялись еще и злоупотребленія чиновниковъ и подрядчиковъ, которыя ухудшали дѣло. Общество, которое раздѣляло вполнѣ взглядъ, что снабженіе хлѣбомъ можетъ происходить только при дѣйствіи администраціи, приписывало всѣ недочеты не отсутствію свободы торговли, а только злоупотребленію власти. Упомянутая нами подозрительность къ послѣдней въ значительной степени питалась недочетами въ продовольственной политикѣ правительства, и эти недочеты приписывались не самому существу этой политики, а только злоупотребленіямъ, которыя были дѣйствительно сильны въ семидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія. Благодаря имъ и подозрительному отношенію общества къ правительству, развились чудовищныя легенды въ этой области вродѣ той, что будто бы дворъ и министры образовали компанію, спекулирующую на народный голодъ (Pacte de Famine). Такое подозрѣніе, циркулировавшее въ публикѣ уже давно, нашло себѣ выраженіе въ печати осенью 1789 года. Такія легенды имѣютъ значеніе, какъ показатели отношенія публики къ правительству, но важнѣе было то, что въ своихъ заботахъ о продовольствіи населенія большихъ городовъ и въ особенности „добраго города Парижа“, правительство пріучило его къ мысли о томъ, что король всемогущъ въ созданіи изобилія и дешевизны хлѣба, а если этого нѣтъ, то, значитъ кто то ему мѣшаетъ осуществить его доброе желаніе обезпечить хлѣбъ народу Парижа.

Попытки шестидесятыхъ годовъ, а потомъ семидесятыхъ (Тюрго) измѣнить эту опасную систему, достигающую къ тому же обратныхъ цѣлей, и водворить свободу хлѣбной торговли были дважды уничтожаемы затѣмъ реакціей, которая возвращала дѣло къ старому положенію. Передъ самой революціей, послѣ попытки, сдѣланной при Калоннѣ вновь освободить хлѣбную торговлю, послѣдовала реакція Неккера, который былъ принципіальнымъ противникомъ свободы хлѣбной торговли. Когда наступилъ незначительный неурожай 1788 года, онъ возстановилъ въ силѣ всѣ регламенты по хлѣбной торговлѣ, даже такіе, которыхъ не пускали въ дѣло со времени Людовика XIV и которые были отмѣнены, и этимъ путемъ парализовалъ едва становившуюся на ноги хлѣбную торговлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, своими оффиціальными декларациями противъ жадности купцовъ, онъ оживилъ въ публикѣ всѣ

старые предразсудки противъ свободы хлѣбной торговли. Эта дезорганизація торговли осложнилась затѣмъ лѣтомъ и осенью начавшимися безпорядками, которые окончательно остановили ее и скомпрометировали продовольствіе столицы. Это обстоятельство было важнымъ условіемъ броженія въ послѣдней, которое усилило трудностъ и безъ того тяжелаго момента и оказало вліяніе, какъ мы увидимъ, на ходъ политическихъ событій осенью 1789 года.

Всѣ эти условія политической жизни были неясны для огромнаго большинства тогдашняго образованнаго общества, а потому надежды безграничныя на возрожденіе Франціи охватили французовъ, когда появилось королевское объявленіе о созывѣ государственныхъ чиновъ. Въ этомъ актѣ былъ весьма существенный недостатокъ: онъ предполагалъ возможнымъ созвать ихъ въ томъ видѣ, въ которомъ они созывались въ послѣдній разъ въ 1614 году. Объ этихъ формахъ всѣ забыли, да къ тому же онѣ не соотвѣтствовали болѣе формамъ жизни и составу общества, которые измѣнились сильно за такой длинный промежутокъ времени. Средній классъ, который тогда не имѣлъ большого значенія, теперь развился въ большую общественную силу, преобладающую по своему могуществу надъ привилегированными классами; но это сословіе не пріобрѣло соотвѣтствующихъ правъ. Съ этой точки зрѣнія созывъ государственныхъ чиновъ въ формахъ 1614 года обнаруживалъ непониманіе предстоящей политической задачи. Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ явился вопросъ о томъ, будетъ ли средній классъ представленъ въ томъ же числѣ, какъ это было въ 1614 году, или же число его представителей будетъ удвоено? Во множествѣ брошюръ того времени общественное мнѣніе склонялось къ послѣднему рѣшенію. Оно смотрѣло нѣкоторымъ призрѣніемъ на эти старинные „Государственные чины“ 1614 года, которые являлись какимъ то невѣдомымъ фантомомъ сѣдой старины, но не отвѣчали требованіямъ времени. Мирабо выразилъ это отношеніе, сказавъ: „Наше несчастіе въ томъ, что мы сохранили наши старые архивы, что мы имѣли когда то собранія, которыя не могли тогда упрочиться“. Всѣ разнообразныя теченія общественной мысли, выражавшіяся во множествѣ брошюръ, были консолидированы въ одномъ направленіи знаменитой брошюрой аббата Сіэса: „Что такое средній классъ?“ (Qu'est ce que le tiers état?). Требованіе удвоенія числа представителей средняго класса и предоставленія будущему собранію рѣшать дѣла не посословно, какъ это было прежде, а поголовно, было настолько сильно, что правительство,

руководителемъ котораго былъ въ то время Неккеръ, рѣшилось уступить этому требованію, хотя и не совсѣмъ: оно объявило удвоеніе представителей средняго класса, но ничего не постановило относительно способа рѣшенія дѣлъ въ будущемъ собраніи. Безъ рѣшенія этого вопроса удвоеніе числа представителей теряло смыслъ.

Въ началѣ избирательной кампаніи на политической аренѣ выступаетъ впервые Мирабо. Онъ появляется въ своей родной провинціи, въ Провансѣ, и, какъ тамошній дворянинъ, обращается за полномочіями къ своему сословію. Но тутъ же на первыхъ порахъ между нимъ и имъ оказалось глубокое разнорѣчіе во взглядахъ. Онъ явился на собраніе почтенныхъ представителей древнихъ фамилій Прованса, этихъ Гримальди, Галлифе, Вильневовъ, Альбертасовъ, Сабрановъ и другихъ, вышедшихъ изъ своихъ античныхъ отелей или средневѣковыхъ замковъ. Это была старая поземельная аристократія, воспитанная изъ вѣка въ вѣкъ въ суевѣрномъ представленіи о своей древней независимости. Ни эдикты Ришилье, ни великолѣпное сіяніе Людовика XIV, ни долгое придворное лакейство не могли подчинить ее мысли о единомъ государствѣ съ единымъ главой. Съ ея точки зрѣнія въ Провансѣ есть только одно королевство,—государство короля Рене,—дружественное, но не подчиненное Франціи; это—со-государство (co-état), но не провинція. На первыхъ же порахъ Мирабо рѣзко высказался противъ этого отжившаго взгляда. „Если это со-государство, сказалъ онъ въ избирательномъ собраніи дворянъ, то будемъ сноситься, какъ держава съ державой. Вмѣсто депутатовъ, пошлемъ пословъ. Вслучаѣ неудовольствія провансальскіе феодалы будутъ драться съ французскими легіонами. Но если мы составляемъ провинцію, то будемъ повиноваться общему закону. Съ какого времени подданные стали давать законы государю?“ Эти взгляды возмутили противъ Мирабо его земляковъ. Они рѣшили не допускать его къ участію въ своихъ собраніяхъ. Его скандальное прошлое давало для такого рѣшенія достаточно поводовъ. Дворянство рѣшило изслѣдовать законныя основанія его права участвовать въ избирательномъ собраніи, а тѣмъ временемъ удалить его изъ него.

Отвергнутый дворянами, Мирабо обращается къ среднему классу. Въ то же время онъ ищетъ поддержки у министра Монморена. Онъ обратился къ нему съ просьбой о субсидіи на избирательные расходы. Онъ доказывалъ, что этотъ расходъ возмѣстится сторицей той пользой, которую онъ принесетъ государству

въ качествѣ депутата. Онъ просилъ сумму въ 3—4 тысячи ливровъ. Эти домогательства не имѣли успѣха. Монмеренъ смотрѣлъ на Мирабо, какъ на обыкновеннаго авантюриста, запутавшагося въ долгахъ. Но средній классъ Прованса отнесся въ высшей степени сочувственно къ желанію Мирабо стать его представителемъ. Къ тому же Мирабо уже прежде своими процессами пріобрѣлъ популярность въ населеніи, и про него знали кромѣ того, какъ про человѣка, много потѣрпевшаго отъ господствовавшаго произвола, и какъ про человѣка, всегда готоваго помогать бѣднымъ людямъ добиваться справедливости. Эта популярность ярко сказалась въ тѣхъ овацiяхъ, предметомъ которыхъ онъ дѣлался всюду. Когда онъ прибылъ 5 марта 1789 года въ Ламбескъ, то все населеніе этого городка вышло къ нему на встрѣчу и едва не выпрягло лошадей изъ его коляски, чтобы везти его на себѣ. При приближеніи его къ Эксу, ремесленники этого города вышли къ нему на встрѣчу съ цвѣтами. Въ самомъ городѣ, передъ домомъ адвоката Жобера, гдѣ онъ обѣдалъ, овацiи не прекращались со стороны огромной толпы народа. На другой день туда явилась депутацiя изъ Марсели. Большая толпа крестьянъ повела ее къ женѣ Мирабо и высказала ей на своемъ провансальскомъ нарѣчiи совѣтъ: „Это очень хорошая порода, жалко будетъ если она прекратится“. Въ Марсели, куда онъ прибылъ 18 марта, энтузiазмъ достигъ высшей точки. Живое, легко возбуждающееся населеніе не знало предѣловъ своему восторгу. Домъ, гдѣ остановился Мирабо, убрали весь корабельными флагами, а вечеромъ тысячи народа сопровождали его въ театръ, а тамъ на голову его возложили вѣнокъ. Онъ сидѣлъ въ ложѣ между двумя дамами, одна изъ которыхъ была теткой впослѣдствiи знаменитаго Тьера. Давали мельеровскаго Буржуа-Жантильома. Когда Мирабо обратился къ мадамъ Тьеръ съ вопросомъ, нравится ли ей представленiе Буржуа-Жантильома, находчивая дама отвѣтила ему: „Что намъ особенно нравится, это то, что мы сидимъ рядомъ съ жантильомомъ-буржуа“. На другой день, когда онъ оставлялъ Марсель, сотни экипажей и верховыхъ провожали его до городской черты. На прощанiи съ нимъ произнесены были рѣчи, въ которыхъ говорилось о вѣчной ненависти противъ враговъ „гражданина-героя“, о „Другѣ человѣчества“, который будетъ продолжать жить въ своемъ сынѣ. До самаго Экса провожала марсельская молодежь Мирабо, и такъ какъ она не хотѣла разстаться съ своимъ идоломъ, то вышедшiе на встрѣчу изъ Экса соединились съ ними и вмѣстѣ при свѣтѣ факеловъ проводили его

въ городъ. Жители Экса считали себя по преимуществу защитниками „провансальской націи“. Десять тысячъ народу вышло ему на встрѣчу; носилки, въ которыхъ несли его, быстро были покрыты вѣнками, молодежь верхами и пѣшкомъ провожала его звуками бубновъ и свистелекъ. Цѣлую ночь, при участіи военной музыки, давали серенады въ честь Мирабо, а на другой день ему устроено было братское пиршество.

Въ это время въ Провансѣ, какъ и въ остальной Франціи, чувствовалась сильная дороговизна хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ. Такія обстоятельства и прежде сопровождались часто волненіями. Въ настоящій моментъ, среди всеобщаго возбужденія, волненія стали значительнѣе. Они вспыхнули въ сорока или въ пятидесяти мѣстахъ. Болѣе значительны были безпорядки въ Марсели и въ Эксѣ. Въ Марсели возставшіе осадили думу, разбили въ ней окна и не выпускали оттуда городскихъ властей, требуя отъ нихъ отмѣны налоговъ на хлѣбъ и мясо и пониженія цѣны съѣстныхъ припасовъ. Съ согласія начальника войскъ Мирабо вмѣшался въ это дѣло и явился среди бушующей толпы и обратился къ ней съ увѣщаніями. Этого было достаточно, толпа успокоилась. Въ Эксѣ ему посчастливилось еще больше. Тамъ тоже произошли крупные безпорядки. Толпа побила окна въ домахъ властей и начала грабить хлѣбные склады. Командующій войсками, разсчитывая на популярность Мирабо, поручилъ ему охраненіе порядка и передалъ въ его распоряженіе полицію. Пускать въ дѣло послѣднюю не понадобилось. Одного появленія Мирабо на лошади верхомъ, на улицахъ Экса, было достаточно. Южная толпа, подвижная, легко переходящая отъ одного настроенія къ другому, живо перешла отъ страха къ надеждѣ. Слова Мирабо, въ которыхъ онъ уговаривалъ ее успокоиться, возложить всѣ свои надежды на доброту короля и не дѣлать безпорядка, подѣйствовали. Тѣ же люди, которые недавно неистовствовали на улицѣ, теперь бросались въ ноги предъ Мирабо, привѣтствовали его какъ спасителя своего и цѣловали его одежду. Въ этихъ случаяхъ сказалась та черта, которую не разъ намъ придется встрѣтить въ жизни Мирабо: безконечная смѣлость въ нападеніи на злоупотребленія отживающаго строя и твердая храбрость въ отстаиваніи общественнаго порядка.

Въ наступившихъ затѣмъ выборахъ депутатовъ въ собраніе государственныхъ членовъ Мирабо былъ избранъ сразу въ двухъ городахъ представителемъ третьяго класса, въ Марсели и въ Эксѣ.

Онъ предпочелъ послѣдній. Когда онъ затѣмъ отправлялся въ въ Парижъ, то кавалькада изъ 400 молодыхъ людей, далеко конвоировала его экипажъ, который граждане города украсили дубовыми и лавровыми гирляндами. Что же это за человѣкъ, который выступаетъ на политическое поприще среди такой громадной популярности въ своей провинціи?

Представленіе о Мирабо, какъ о политическомъ дѣятелѣ, мѣнялось вмѣстѣ съ развитіемъ историческаго изслѣдованія, которое отражало на себѣ, какъ это часто бываетъ, общественное настроеніе. Прежде на Мирабо смотрѣли, какъ на человѣка, направлявшаго всѣ усилія на ниспроверженіе монархіи, нанесшаго ей наиболѣе чувствительные удары. Историки и учебники повторяли его фразу: „ступайте, скажите вашему господину“... и для многихъ Мирабо и извѣстенъ былъ по этой фразѣ, никогда имъ не произнесенной въ томъ видѣ, въ какомъ ее повторяли. Потомъ, согласно этому представленію, онъ измѣнилъ дѣлу революціи и сталъ на сторону монархіи, такъ какъ былъ купленъ дворомъ. Измѣнилось время, измѣнилось воззрѣніе, что будто революція была направлена противъ монархіи, и что послѣдняя и старый феодальный порядокъ и произволъ тождественны, усилилось историческое изслѣдованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и взглядъ на Мирабо. Доказано, что онъ былъ монархистомъ при самомъ вступленіи на политическое поприще и таковымъ остался до конца. Онъ былъ однако ярымъ противникомъ феодальнаго порядка и деспотизма, который, по словамъ академика Русса, „былъ только грубой поддѣлкой монархіи“. Онъ не раздѣлялъ воззрѣнія тѣхъ, которые мечтали о возможности введенія республики во Франціи. Во время выборовъ въ государственные чины, онъ писалъ своему отцу, уговаривая его стать депутатомъ: „вы будете въ собраніи центромъ единенія для всѣхъ добрыхъ гражданъ, которые слишкомъ хорошо знаютъ свою страну и эту націю, чтобы желать ей республиканской конституціи“. Теперь содержаніе идей Мирабо и его стремленій представлено историками въ полной картинѣ и, сравнивая ихъ съ тѣмъ, что произошло, съ тѣмъ, что ставилось временемъ, какъ задача политика, и съ тѣмъ, что дѣлали другіе, они приходятъ къ тому заключенію, что Мирабо былъ единственнымъ человѣкомъ, понимавшимъ правильно политическое положеніе, предчувствовавшимъ и даже предвидѣвшимъ, куда при-

ведутъ тѣ или другія событія, имѣвшимъ, наконецъ, настоящую правительственную программу.

Но въ изслѣдованіи Ломени, въ очеркахъ академиковъ Сореля и Русса, а также въ изслѣдованіи профессора Штерна съ наглядною ясностью выступаетъ тотъ фактъ, что въ Мирабо мы имѣемъ не только сына, унаслѣдовавшаго черты своего отца, но и внука, въ натурѣ котораго воскресли желѣзная структура дѣда, и его алмазной твердости воля. Отецъ Мирабо былъ извѣстный физіократъ, другъ многихъ передовыхъ людей того времени, прозванный „Другомъ человѣчества“. Онъ былъ кутилой и буяномъ въ молодости, дѣлалъ долги на-право и на-лѣво, а въ старости сталъ суровымъ и даже жестокимъ человѣкомъ деспотическаго нрава. Въ его сочиненіяхъ было такое сочетаніе феодальныхъ понятій и демократическихъ идей, что Токвилль характеризовалъ этотъ складъ міросозерцанія, какъ „вторженіе демократическихъ идей въ феодальный умъ“. Въ немъ была странная амальгама важнаго барина и революціонера. Послѣ бурной молодости, онъ женился на дѣвицѣ Вассанъ, которая сдѣлалась мученіемъ его жизни. Братъ маркиза Мирабо писалъ ему про нее: „Ты женился на самкѣ, которая не имѣетъ ни одной изъ красотъ своего пола, обладаетъ всѣми его пороками съ прибавкой еще и нашихъ“. Самъ маркизъ говорилъ про свою жену: „Это чудовище страсти, распущенной во всѣхъ смыслахъ“. Они прожили однако вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ и имѣли одиннадцать дѣтей, а потомъ разошлись. Не смотря на свой гнѣвный характеръ и свою деспотичность, маркизъ старался сдерживать себя и сохранить приличія, пока не стало силъ терпѣть дальше. Онъ писалъ своему брату: „Я все переносилъ до тѣхъ поръ, пока не изучилъ этой навозной кучи которую честный человѣкъ никогда не долженъ покрывать своимъ плащемъ“. Она была расточительна и страстнымъ игрокомъ. Безпорадочность своей жизни она не старалась даже скрасить изяществомъ. Къ тому же она быта жадна, сутяга и вспыльчива до послѣдней степени. Мирабо-сынъ вспоминалъ впослѣдствіи, какъ мать разъ выстрѣлила въ него изъ пистолета, разсердившись за слово примиренія съ отцомъ, которое онъ осмѣлился сказать ей. Сверхъ всего—еще цинизмъ. Она не довольствовалась тѣмъ, что брала любовниковъ и брала ихъ очень низко, но еще стояла на томъ, чтобы имъ давать письменное свидѣтельство своего расположенія. Когда она вела процессы противъ своего мужа, она, не стѣснялась никакими скандалами и пускала въ ходъ всѣ аргу-

менты, даже самые унизительные для нея самой. Стараясь привлечь на свою сторону дѣтей противъ отца, она прибѣгала къ снисходительности къ ихъ порокамъ. Этотъ характеръ матери и отца и ихъ взаимныя отношенія должны быть приняты во вниманіе для уясненія вліяній, подъ которыми прошло дѣтство Мирабо, складывался его характеръ и создалась натура.

Онъ родился въ 1749 году и съ самаго появленія своего на свѣтъ не встрѣтилъ любви. Онъ былъ некрасивъ. Отецъ писалъ своему брату: „Твой племянникъ безобразенъ, какъ чертовъ племянникъ“. Не чувствомъ любви сопровождалось воспитаніе мальчика, а только строгостью, стремившеюся подавить въ немъ тѣ черты характера, которыя не нравились отцу. Отецъ называлъ его „маленькимъ чудовищемъ, которое онъ долженъ воспитать“. Особенно его злило то, что въ немъ онъ замѣчалъ нѣкоторыя черты матери. Мальчикъ былъ бурнаго нрава, что ему заслужило прозвище „Monsieur l'Ouragan“ со стороны отца и „le comte de la Bourasque“ со стороны дяди. Но всѣ признавали въ немъ большую живость ума и находчивость. Разсказывали, какъ онъ отвѣтилъ матери, которая упрекала его за его безобразіе. „Le dessous prendra le dessus“, отвѣтилъ онъ на ея вопросъ, за что его могутъ любить? Вспоминали также отвѣтъ, который онъ далъ, будучи тоже ребенкомъ, герцогу Конти. Послѣдній спросилъ его:

— Que ferais-tu, si je te donnais un souflet?

„Un souflet! Monseigneur n'oserait pas“.

— Eh, bien, que ferais-tu, si le Roi t'en donnait un?

„Cette question eut été embarrassante avant l'invention des pistolets à duex coups“ [1]).

Излишняя суровость воспитанія, которая подчасъ граничила съ жестокостью, съ полнымъ отсутствіемъ любви, этого могучаго рычага воспитанія, безъ котораго послѣднее едвали ли мыслимо, стала по всей вѣроятности причиной лживости, которая отличала мальчика и не покидала его и въ зрѣломъ возрастѣ. „Чортъ возьми! Онъ особенно склоненъ ко лжи... О чемъ я думаю, это о томъ, чтобы при первой лжи, такъ заклеймить его каленымъ желѣзомъ, чтобы рубецъ остался на всю жизнь“. Такъ писалъ „Другъ человѣчества“ своему брату, не подозрѣвая того, что такія педагогическія воздѣйствія способны только заклеймить, но не искоренить, лживости. Нерасположеніе къ своему сыну и вѣра въ то, что

---

[1]) L'Esprit de Mirabeau, p. 12.

только суровыми мѣрами можно что нибудь сдѣлать съ „этимъ упрямцемъ, дикимъ и страннымъ, склоннымъ ко злу раньше, чѣмъ онъ позналъ его и можетъ имъ воспользоваться“, сдѣлали то, что онъ не довѣрялъ и воспитателямъ, когда они, узнавая ближе ребенка, находили въ немъ хорошія качества и получали къ нему расположеніе. Онъ мѣнялъ ихъ, находя, что они балуютъ его сына, и наконецъ, отдалъ его въ пансіонъ аббата Шокара въ Парижѣ, который приготовлялъ молодыхъ людей къ военной службѣ. Довольно странное занятіе для аббата. Здѣсь молодой человѣкъ почувствовалъ себя нѣсколько легче вдали онъ недружелюбнаго преслѣдованія отца, а воспитатели по прежнему были имъ довольны, такъ какъ въ его характерѣ были черты симпатичныя, которыя и теперь и позже располагали къ нему. Онъ былъ добръ къ людямъ, способенъ на искреннюю дружбу, откровенъ и щедръ. Его огромныя умственныя способности подкупали въ его пользу еще болѣе его учителей. Отношеніе же къ нему отца, полное не только строгости, но и антипатіи, смѣшанной съ ненавистью, было бы непонятно, если бы мы не приняли во вниманіе домашнія отношенія. Отецъ боялся своего сына въ виду домашнихъ отношеній. Такой одаренный юноша не могъ не замѣтить, что въ домѣ не все такъ идетъ, какъ слѣдуетъ. Когда мать оставила домъ, то онъ могъ оказаться на ея сторонѣ, такъ какъ она баловала его деньгами, тогда какъ отецъ былъ строгъ съ нимъ и въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ мальчикъ и дома и въ школѣ усвоилъ привычку тогдашняго дворянина къ расточительности, подобающей настоящему барину. Когда онъ окончилъ свое обученіе и поступилъ въ военную службу, отецъ отдалъ его въ Беррійскій кавалерійскій полкъ, выбравъ его по той причинѣ, что полковой командиръ тамъ былъ очень строгъ. Бездѣлье гарнизонной жизни не было хорошей школой для такой живой натуры. Картежъ, любовныя похожденія, долги—вотъ содержаніе этой жизни. Надѣлавъ долговъ, онъ уѣхалъ въ Парижъ, а вслѣдъ затѣмъ отецъ выхлопоталъ lettre de cachet и посадилъ его подъ замóкъ на о. Рэ. Но тамъ Мирабо встрѣтилъ очень добродушнаго коменданта, котораго онъ совершенно обворожилъ и который не стѣснялъ его свободы и никакъ не могъ съ нимъ справиться и, наконецъ, самъ постарался избавиться отъ своего арестанта и выхлопоталъ ему назначеніе въ Лоррэнскій полкъ, посланный въ походъ на Корсику. Походная жизнь была по сердцу Мирабо, она соотвѣтствовала потребности его натуры въ дѣятельности. Ему показалось даже, что во-

енная дѣятельность была именно его призваніемъ. Командиръ его полка тоже находилъ, что у него большія военныя способности, и что онъ „не встрѣчалъ человѣка, болѣе способнаго къ военному дѣлу, чѣмъ графъ Мирабо“. Этотъ походъ на Корсику сдѣлалъ и самого Мирабо какъ то болѣе серьезнымъ, чѣмъ онъ былъ прежде. Возвратившись оттуда, онъ отправляется къ дядѣ. Послѣдній его встрѣтилъ съ естественнымъ предубѣжденіемъ; но вскорѣ послѣднее превратилось въ очарованіе племянникомъ. Онъ поражаетъ честнаго моряка богатствомъ своихъ свѣдѣній, легкостью, съ которой онъ разсуждаетъ о самыхъ трудныхъ вопросахъ. Идетъ ли рѣчь о военномъ дѣлѣ, онъ говоритъ такъ, какъ будто онъ посѣдѣлъ на боевомъ конѣ; идетъ ли рѣчь объ исторіи, онъ приводитъ въ восторгъ своего дядю началомъ сочиненія по исторіи Корсики, которую онъ принялся писать у него. Любознательность его не знаетъ предѣловъ, и онъ читаетъ все, что только находитъ въ его библіотекѣ. Онъ внимательно слушаетъ рѣчи дяди и, слушая, учится у него. Такъ было всегда въ его жизни: онъ учился не изъ книгъ только, но еще болѣе, наблюдая жизнь, обладая талантомъ читать эту громадную книгу и слушая разговоры людей, знающихъ тотъ или другой предметъ. Въ свое время также учился и Наполеонъ.

Очарованный племянникомъ, дядя сначала самъ не могъ разобраться въ томъ, что онъ изъ себя представляетъ. Онъ пишетъ своему брату: „Или онъ будетъ хуже, чѣмъ Неронъ, или же онъ будетъ лучше Марка Аврелія; у него чувствительное сердце, а ума у него больше, чѣмъ у чорта. Моя бѣдная голова совершенно поглощена имъ... Или это самый ловкій и искусный зубоскалъ міра, или же это будетъ величайшій человѣкъ въ Европѣ, чтобы быть папой, министромъ, генераломъ, адмираломъ, канцлеромъ и, можетъ быть, земледѣльцемъ. Ты былъ кое чѣмъ въ двадцать два года, но только половину его стоилъ“.

Отецъ отнесся очень подозрительно къ этимъ восторгамъ своего брата, но и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы его сынъ оставался въ военной службѣ. Онъ говорилъ, что во Франціи никто не хочетъ работать; вмѣсто того, всѣ охотятся за чинами и за орденами. Кто хочетъ называть землю своей, тотъ долженъ привыкнуть къ тому, чтобы признавать жителей своихъ помѣстій своими братьями, а не смотрѣть на нихъ, какъ на „губку, которую выжимаютъ, чтобы имѣть мѣсто въ оперѣ и ѣздить въ золоченой каретѣ по мостовымъ Парижа“. Онъ требовалъ поэтому, чтобы

сынъ его изучилъ физіократическія сочиненія и приготовился къ своей роли помѣщика. Съ этой точки зрѣнія совѣтъ отца понравился Мирабо. Интересъ къ меньшей братіи носился тогда въ воздухѣ. Несмотря на то, что ему показались довольно скучными физіократическія сочиненія, за которыя его засадилъ дядя, но работа пошла споро. Онъ работалъ, какъ каторжникъ, не только надъ чтеніемъ, но и надъ вычисленіями, соображеніями и проэктами устройства защитъ противъ наводненій Дюрансы, дѣлалъ выписки изъ сочиненій и въ недѣлю истратилъ весь запасъ бумаги, который дядюшка приготовилъ на восемь мѣсяцевъ. Послѣдній былъ пораженъ его работоспособностью. Онъ называетъ его то мельницей мыслей, то раскаленной печкой и пришелъ къ убѣжденію, что если въ немъ и много сомомнѣнія, то все же съ кротостью и разсудкомъ съ нимъ легко можно справляться.

Наконецъ, и отецъ рѣшился простить сына и допустить его къ себѣ на глаза. И на отца онъ произвелъ то же впечатлѣніе огромной рабочей силы. И въ полѣ, и за письменнымъ столомъ онъ былъ одинаково плодовитъ и находчивъ. Тогда былъ въ Лимузенѣ голодъ. Съ замѣчательнымъ искусствомъ и усердіемъ онъ заботился о помощи крестьянамъ. „Онъ можетъ самого чорта въ отчаяніе привести“, писалъ отецъ своему брату, „это демонъ невозможнаго“; но „что дѣлать“, спрашивалъ онъ далѣе: „съ этимъ избыткомъ физической и духовной силы? Я знаю только царицу Екатерину, которая была бы ему подходящей партіей“.

Скоро ему пришлось удовольствоваться гораздо менѣе достойной невѣсткой. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Провансъ по дѣламъ отца, Мирабо познакомился съ дочерью богатаго маркиза Мариньянъ, отъ котораго разсчитывалъ получить въ наслѣдство болѣе 500,000 ливровъ, и устроилъ такъ, что родные не могли отказать ему въ рукѣ ихъ дочери. Этотъ бракъ, который долженъ былъ, казалось, стать началомъ его солидной жизни, имѣлъ совершенно обратныя послѣдствія и повлекъ за собой цѣлый рядъ злоключеній.

Два первыхъ года супруги провели хорошо и воспользовались своимъ положеніемъ богатыхъ наслѣдниковъ, которымъ открывается широкій кредитъ разными ростовщиками. Они жили широко и въ теченіе 15 мѣсяцевъ сдѣлали до 220,000 ливровъ долгу. Съ кредиторами въ то время дворянамъ не приходилось особенно церемониться: болѣе назойливыхъ изъ нихъ Мирабо выгонялъ вонъ, пуская въ дѣло иногда и палку; но безъ конца и дворянину нель-

зя платить свои долги ругательствами и палочными ударами, а потому пришлось подумать о болѣе дѣйствительныхъ средствахъ. Отецъ его и тесть рѣшились прибѣгнуть къ тѣмъ, которыя тогда нерѣдко пускались въ дѣло, чтобы защитить дворянъ отъ послѣдствій ихъ расточительности. Они выхлопотали, чтобы Мирабо объявили находящимся „подъ рукою короля“ (sous la main du Roi), что обозначало, что противъ него нельзя было начать взысканія въ обычномъ судебномъ порядкѣ. Вслѣдъ затѣмъ было выхлопотано учрежденіе надъ нимъ опеки съ водвореніемъ его на жительство въ замкѣ Маноскѣ (Manosque) 1774 г.; причемъ въ распоряженіе супруговъ предоставлено было изъ доходовъ 3,000 ливровъ въ годъ, а остальные доходы должны были быть употребляемы опекой на уплату долговъ. Это запрещеніе оставалось на Мирабо въ теченіе всей его жизни, и онъ никогда не хлопоталъ о его снятіи: оно его освобождало отъ взысканій со стороны кредиторовъ, которые въ сущности не имѣли права давать денегъ взаймы человѣку, находящемуся подъ запрещеніемъ. Все это было въ обычаяхъ того времени.

Съ женой у него скоро начались нелады, онъ искалъ авантюръ въ окрестностяхъ, она устроила таковую у себя дома съ какимъ то мушкетеромъ. Когда Мирабо, къ удивленію своему, узналъ объ этомъ, онъ разыгралъ театральную сцену. Въ напыщенныхъ выраженіяхъ онъ „даровалъ“ женѣ презрительное прощеніе, а любовнику ея написалъ торжественное письмо, въ которомъ въ заключеніе говорилъ: „Не показывайтесь никогда мнѣ на глаза, ибо пусть молнія меня убьетъ, если я не уничтожу васъ“. Уничтожать его онъ и не думалъ, а даже для своего спокойствія сталъ хлопотать о его женитьбѣ. Оставивъ съ этой цѣлью свое невольное мѣстожительство, онъ заѣхалъ по пути въ городокъ Грассъ (Grasse), гдѣ жила его сестра, замужемъ за Кабри. Это была женщина красивая, веселая и остроумная, а потому имѣла не мало ухаживателей. Она не стояла за семейныя добродѣтели; этого, можетъ быть, ей и не поставили бы въ большую вину, но она отличалась способностью зло смѣяться надъ мѣстными барынями и не прятать своихъ авантюръ, а потому съ мѣстнымъ обществомъ она была не въ ладахъ. Когда пріѣхалъ къ ней братъ, она пріобщила его къ своей веселой жизни, что не составляло большого труда, а мѣстное общество включило его въ свои сплетни. Однажды на стѣнахъ города появились афиши, въ которыхъ нѣкоторыя мѣстныя дамы были оскорблены. Тотчасъ подумали на г-жу Кабри и на ея бра-

та и стали по этому поводу распускать про нихъ разные оскорбительные слухи. Болѣе другихъ отличился въ этомъ отношеніи баронъ Вильневъ. Это стало причиной скандала между нимъ и Мирабо. Однажды онъ съ сестрой устроили пикникъ за городомъ. Когда они весело проводили время, невдалекѣ отъ нихъ расположился баронъ Вильневъ. Подойти къ нему, вырвать у него зонтикъ и начать бить его имъ, было для Мирабо дѣломъ одной минуты. Противники вцѣпились другъ въ друга, валялись въ пескѣ и тузили другъ друга, какъ извощики. Мадамъ Кабри и ея пріятели не допустили прибѣжавшихъ на шумъ женщинъ разнять дерущихся, а сами хохотали до упаду, смотря на эту сцену. Въ происшедшемъ, по нравамъ того времени, не было ничего изъ ряда вонъ выходящаго; но мѣстное общество и принадлежавшія къ нему мѣстныя власти дали этому дѣлу серьезный оборотъ. Прокуроръ сенешальства (lieutenant criminel de la sénéchaussée) возбудилъ преслѣдованіе противъ Мирабо не за драку, а по обвиненію въ покушеніи на убійство и издалъ указъ объ его арестѣ. Теперь надо было оградить его отъ прокурора, какъ прежде защищали его отъ кредиторовъ. На это тоже было средство въ обиходѣ тогдашняго времени. Отецъ его выхлопоталъ такъ называемое lettre de cachet, то-есть приказъ объ административномъ арестѣ, и его посадили въ фортъ Ифъ, недалеко отъ Марсели, съ наказомъ коменданту, какъ можно строже къ нему относиться. Но съ послѣднимъ случилось то же, что и съ комендантомъ Рэ: онъ былъ очарованъ своимъ арестантомъ и скоро предоставилъ ему такую свободу, что тотъ сталъ жить въ свое удовольствіе и завелъ скандальную интригу съ маркитанткой. Тогда отецъ похлопоталъ о переводѣ его въ другое мѣсто. Его перевели въ фортъ Жу (Joux), около Понтарлье. Коменданту написали, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ послабленій юному Мирабо, а кромѣ того отецъ написалъ ему и разрисовалъ въ подходящихъ краскахъ характеръ своего ужаснаго сына. Сначала положеніе Мирабо было очень тяжело, и его живая натура особенно страдала отъ бездѣлья и отъ отсутствія движенія. Но скоро и здѣсь произошло то же самое, что и въ другихъ мѣстахъ. Комендантъ подпалъ подъ его вліяніе. Мало-по-малу онъ расширялъ его свободу, позволялъ ему ѣздить въ Понтарлье и, наконецъ, дѣло дошло до того, что Мирабо нанялъ себѣ квартиру въ городѣ и только на бумагѣ числился обитателемъ Жу. Въ Понтарлье онъ познакомился съ женой члена мѣстнаго парламента (судебная палата), Софіей Монье. Это была молодая женщина.

Родные ея выдали ее замужъ за стараго человѣка изъ корыстныхъ разсчетовъ, а послѣдній женился на молодой дѣвушкѣ для того, чтобы отомстить своей дочери, которую онъ разсчитывалъ, получивъ другого ребенка, лишить наслѣдства. Удивительно ли что Софи Монье скоро полюбила Мирабо, который, съ своей стороны, тоже сильно полюбилъ ее. На первый взглядъ кажется страннымъ, что такой человѣкъ, не только не могшій похвастаться красотой, но скорѣе отличавшійся отсутствіемъ таковой, могъ внушить такое сильное чувство молодой (24 года), красивой женщинѣ, которою такъ многіе увлекались? Да и ей ли одной внушалъ Мирабо такое же сильное чувство? Но на этомъ некрасивомъ лицѣ были черты, которыя можно было назвать красивыми. Это глаза и ротъ. Глаза живые, сильные, выражавшіе всѣ оттѣнки чувства, ласкавшіе людей нѣжностью и наводившіе страхъ выраженіемъ гнѣва. Ротъ тонко очерченный, очаровывавшій своей улыбкой, слагавшейся подъ движеніемъ симпатіи. Но, конечно, эти черты лица не играли бы такой роли, если бы не было той внутренней силы, которая брала верхъ надъ его лицомъ и одухотворяла и дѣлала его красивымъ или, по крайней мѣрѣ, заставляла не видѣть его недостатковъ. Какъ онъ когда то сказалъ матери, „le dessous prendra le dessus“, и это такъ и вышло. Эта сила и блескъ ума, это порывисто неотвратимое чувство, эта сила желанія, которая могла и умѣла стремиться, все это преображало лицо, какъ только Мирабо начиналъ говорить; эти душевныя силы привлекали къ нему и побѣждали ему тѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, не только женщинъ, но и мужчинъ, въ той же степени. Его учителя любили его, его дядя увлекся имъ, коменданты, которымъ поручали стеречь его какъ можно строже и которыхъ предупреждали на счетъ его характера, подпадали подъ его вліяніе. Одинъ современникъ Мирабо говоритъ, что однажды его другъ спросилъ Софи Монье, „какимъ это образомъ Мирабо властвуетъ надъ нею, когда онъ замѣчателенъ только своей крайней некрасивостью?“ Она отвѣтила: „Отчего вы сами слушаете его съ религіознымъ почтеніемъ, какъ только онъ начинаетъ говорить?... Почему вы, мужчины, такіе сильные и такіе тщеславные, тогда оказываетесь у его ногъ? А я, слабая женщина, могу ли я противостать ему, когда онъ у моихъ ногъ развиваетъ краснорѣчіе, гораздо болѣе непреодолимое?“ [1]).

---

[1]) Esprit de Mirabeau, p. 41

Взаимныя чувства Мирабо и Софи стали извѣстны среди ихъ общихъ знакомыхъ и среди многихъ встрѣчали сочувствіе. Между ними относился къ нему съ особенной симпатіей Мишо (Michaud), старый прокуроръ парламента. Онъ не только покровительствовалъ Мирабо, когда онъ послѣ тщетныхъ попытокъ добиться освобожденія отъ тяготѣвшаго надъ нимъ ареста, рѣшился бѣжать изъ Понтарлье, но онъ скрылъ его у себя въ домѣ въ то время, когда комендантъ подъ вліяніемъ настояній высшихъ властей, а отчасти и изъ ревности, сталъ разыскивать Мирабо, чтобы возвратить его въ крѣпость. Мирабо бѣжалъ изъ Понтарлье сначала въ Дижонъ, а потомъ въ Швейцарію. Софи Монье отдѣльно послѣдовала туда за нимъ, захвативъ съ собою порядочную сумму денегъ и драгоцѣнностей своего мужа 25,000 ливровъ.

Такъ какъ передъ тѣмъ начались сношенія Мирабо съ матерью, то отецъ испугался отъ этого возможныхъ послѣдствій для его процесса съ женой, а потому, хотя и скрѣпя сердце, рѣшился на расходъ для поимки бѣглеца. Но поиски остались безъ результата; нѣсколько разъ полицейскіе сыщики почти настигали его, но ему удавалось избѣгнуть опасности. Изъ Швейцаріи Мирабо и Софи Монье перебрались въ Голландію, гдѣ поселились въ Амстердамѣ подъ именемъ супруговъ Сенъ Матье. Средства, которыя захватила съ собой госпожа Монье, далеко не были достаточны даже для людей и болѣе экономныхъ, чѣмъ Мирабо, а потому надо было подумать о заработкѣ, и вотъ Мирабо впервые принимается за литературную работу ради денегъ. Для дворянина тогдашняго времени это было занятіе исключительное. Еще раньше, во время пребыванія въ Маноскѣ, онъ написалъ „Разсужденіе о деспотизмѣ“ („Essai sur le despotisme“); теперь онъ продалъ рукопись этого сочиненія мѣстному издателю за 1,500 ливровъ. Въ этомъ произведеніи Мирабо впервые выступаетъ съ политическимъ разсужденіемъ. Онъ различаетъ деспотизмъ одного, деспотизмъ немногихъ (феодализмъ) и деспотизмъ многихъ (въ республикѣ) и останавливается на деспотизмѣ перваго рода и слѣдитъ за судьбой его во Франціи. Мѣткими чертами характеризуетъ онъ эпоху Людовика XIV и съ неслыханной дотолѣ смѣлостью разбираетъ французскіе порядки. „Что слѣдуетъ хвалить“ въ „Essai sur le despotisme“, говоритъ Руссъ, „это быстрый ходъ мысли, живое вдохновеніе, которое движетъ ихъ; искренній патріотизмъ, довольно рѣдкій въ ту эпоху, который даетъ нѣкоторымъ страницамъ истинное величіе, наконецъ, разнообразіе и обширность познаній,

которыя, кажется, находятся у этого молодого человѣка всегда въ запасѣ подъ рукой, хотя и не видать, откуда они у него?“ Это сочиненіе Мирабо имѣло успѣхъ и создало ему литературную извѣстность, хотя и появилось безъ его имени. Кромѣ этого, онъ писалъ въ Амстердамѣ по многимъ вопросамъ литературы и искусства, между прочимъ о музыкѣ, которую онъ и Софи Монье очень любили и которою они услаждали свое изгнаніе. Изъ произведеній того времени надѣлала еще много шума его брошюра „Совѣтъ Гессенцамъ“ (Avis aux Hessois), написанная по поводу событія дня. Въ это время герцогъ Гессенъ-Кассельскій продалъ англичанамъ извѣстное число своихъ подданныхъ для посылки ихъ въ Америку на войну противъ возставшихъ колонистовъ. На Рейнѣ, куда ихъ доставили, между отправляемыми произошелъ бунтъ, который однако не помѣшалъ доставкѣ ихъ къ мѣсту посадки на корабли. Вотъ по поводу то этого случая Мирабо написалъ свою брошюру. Въ ней онъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ укорялъ гессенцевъ за то, что они, вмѣсто того, чтобы пойти на помощь тѣмъ, кто борется за свои права, позволяютъ продавать себя тѣмъ, кто попираетъ послѣднія. Въ виду литературныхъ достоинствъ произведенія и въ виду того интереса, который возбуждала въ Европѣ борьба сѣверо-американскихъ колонистовъ съ Англіей, эффектъ, произведенный имъ, былъ очень силенъ. Появилось возраженіе противъ мыслей Мирабо, которое вызвало съ его стороны сильную реплику, въ которой будущій вожакъ учредительнаго собранія еще рѣзче выставляетъ на видъ обязанность сопротивленія произволу и суверенное право народа. Какъ говоритъ проф. Штернъ, „онъ тутъ не обращается, какъ поэтъ „Коварства и любви“, къ чувству, но его смѣлыя политическія аксіомы были такими же сильными показателями негодованія, какъ и потрясающія слова, которыми сѣдовласый комердинеръ поразилъ сердце Леди Мильфордъ“. Не этими только, вызывавшими общее сочувствіе, произведеніями прославилъ Мирабо свое имя во время пребыванія въ Амстердамѣ, но и другими, имѣвшими характеръ скандала и притомъ грубаго. Ставъ на сторону матери противъ отца, на котораго онъ могъ негодовать за многое въ отношеніяхъ его къ себѣ, онъ написалъ рядъ статей въ „Рейнскомъ Курьерѣ“, которыя соединилъ въ видѣ мемуара „для несчастной, достойной женщины“, въ которомъ онъ грубо очернилъ отца и зятя дю-Сальанъ, а также—и это было особенно чувствительно отцу,—госпожу де-Пайи (de Pailly), съ которой жилъ маркизъ Мирабо

послѣ того, какъ онъ разошелся съ своей женой, и въ которой онъ нашелъ дѣйствительнаго друга жизни. Этотъ мемуаръ Мирабо послалъ своей матери въ количествѣ 600 экземпляровъ для распространенія въ публикѣ. Опубликованіе такого произведенія сдѣлало большой скандалъ и обострило ненависть отца къ сыну. Если прежде онъ опасался содѣйствія, которое можетъ оказать молодой человѣкъ матери въ процессѣ ея съ нимъ, то теперь ему представилось необходимымъ достать его и запереть покрѣпче. Съ этой цѣлью онъ сталъ хлопотать предъ правительствомъ, чтобы оно потребовало выдачи Мирабо. Съ другой стороны, о томъ же самомъ хлопоталъ и Монье по отношенію къ своей женѣ. Послѣдній предлагалъ ей, что онъ предоставитъ ей полное прощеніе и дастъ денегъ на томъ только условіи, чтобы она разсталась съ своимъ любовникомъ. Она отказалась отъ этого предложенія. Мирабо былъ предупрежденъ о томъ, что предстоитъ выдача его французскому правительству; но или потому, что онъ не имѣлъ средствъ оставить Амстердамъ, или же онъ не хотѣлъ разстаться съ Софи Монье, но только онъ ничего не предпринялъ для того, чтобы избавиться отъ ареста, и оба они 14 мая 1777 года были выданы французскому посланнику и привезены въ Парижъ. Мирабо разлучили съ его подругой и посадили въ Венсенскій замокъ на основаніи lettre de cachet, вновь выхлопотаннаго его отцомъ. Послѣдній писалъ по этому поводу своему брату: „Я хочу, чтобы, кромѣ меня и властей, никто не зналъ о мѣстѣ нахожденія этого злодѣя, и чтобы послѣ моей смерти мой наслѣдникъ узналъ о немъ только изъ моего запечатаннаго письма“. Такимъ образомъ, Мирабо долженъ былъ по мысли отца находиться въ пожизненномъ заключеніи, вродѣ желѣзной маски. Въ первое время послѣ ареста онъ былъ лишенъ всякихъ средствъ сношенія съ внѣшнымъ міромъ, и ему не давали никакихъ письменныхъ принадлежностей.

За четыре дня до его ареста въ Амстердамѣ состоялся въ Понтарлье приговоръ по дѣлу его и Софи Монье. По этому приговору онъ былъ признанъ виновнымъ въ соблазнѣ и похищеніи чужой жены и приговоренъ къ отрубленію головы и уплатѣ 40,000 ливровъ. Что касается ея, то она была приговорена къ лишенію правъ, вытекающихъ изъ ея брака съ Монье, къ обрѣзанію волосъ и къ строгому заключенію въ монастырѣ. Дальнѣйшая судьба ея представляетъ печальный эпилогъ непродолжительнаго счастья. Сначала она была лишена возможности получать извѣстія отъ Мирабо, потомъ послѣднему, какъ и прежде, удалось склонить

въ свою пользу свое начальство и получить возможность переписываться съ нею. Сначала онъ писалъ каждый день. Потомъ эта переписка стала рѣже и рѣже и, наконецъ, письма Софи стали оставаться безъ отвѣта. Горе ея было безконечно сильно; по словамъ доктора, она выплакала свои глаза. Когда умеръ ея мужъ, ее освободили. Она увлеклась однимъ жандармскимъ поручикомъ, который однако скоро разочаровалъ ее своей грубостью. Потомъ у нея явилось новое чувство къ одному молодому дворянину; но наканунѣ самаго брака онъ умеръ. Этого удара она не выдержала и покончила съ собою самоубійствомъ. Извѣстіе объ этомъ получено было Мирабо въ то время, когда онъ былъ въ засѣданіи Національнаго Собранія, и, повидимому, не произвело на него особеннаго впечатлѣнія: прошедшее подернулось дымкой забвенія, другія стремленія и другія чувства владѣли имъ въ то время.

Почти одновременно съ процессомъ въ Понтарлье, разбиралось дѣло Мирабо съ Вильневомъ въ Грассѣ. Тоже заочно онъ былъ приговоренъ тамъ къ порицанію (blame), что заключало въ себѣ лишеніе гражданскихъ правъ, и къ уплатѣ Вильневу 6,000 ливровъ. Оба эти приговора не могли быть приведены въ исполненіе, такъ какъ въ силу lettre de cachet Мирабо находился „подъ рукою короля“, значитъ, внѣ дѣйствія суда; но первый изъ нихъ могъ имѣть для него впослѣдствіи серьезное значеніе, если бы онъ не добился его отмѣны, а второй такъ и остался неотмѣненнымъ, но, что называется, пришелъ въ забвеніе.

Почти въ то же время пришелъ къ концу и процессъ Мирабо-отца съ его женой. Хотя большинство парижскаго парламента и не благоволило къ „Другу человѣчества“, какъ представителю физіократіи, однако парламентъ отвергъ ея жалобу на него. Тогда она явилась къ нему въ домъ и объявила, что она не выйдетъ изъ него. Никакими силами ее нельзя было выдворить оттуда. Тогда маркизъ обратился къ помощи правительства и получилъ lettre de cachet, въ силу котораго мадамъ Мирабо была посажена въ заключеніе въ монастырь св. Михаила въ Парижѣ, и игуменья этого монастыря должна была ее не выпускать оттуда, при условіи полученія отъ маркиза Мирабо опредѣленной ежегодной платы за ея содержаніе. Это опредѣленіе, повидимому, состоялось въ министерскомъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Людовика XVI. Маркизъ былъ очень доволенъ достигнутыми результатами: сына заперъ подъ замокъ, жену тоже, оставалась еще на свободѣ дочь мадамъ Кабри, которая, по его словамъ, принадлежала къ этому „тройственному

союзу разбойниковъ"; но онъ надѣялся и ее тоже припрятать и тѣмъ достигнуть полнаго спокойствія.

Съ того момента, какъ захлопнулись за Мирабо тяжелыя двери Венсенскаго замка, начался въ жизни его тотъ періодъ жизни, который имѣлъ большое значеніе. Прежнія мѣста заключенія были шутками сравнительно съ этимъ. Здѣсь не только заключенныхъ не выпускали никуда, но имъ запрещалось даже общеніе другъ съ другомъ, и они вполнѣ отчуждались отъ внѣшняго міра. Сначала Мирабо не выпускали рѣшительно никуда, даже во дворъ замка, ему не позволяли ни съ кѣмъ видѣться и не позволяли ни съ кѣмъ переписываться. Его вырвали изъ объятій любимой женщины и даже не позволяли переписываться съ нею. Для бурной натуры Мирабо такое лишеніе движенія, свободы и занятій было втройнѣ тяжело при такихъ условіяхъ. Онъ старался найти въ пѣснѣ выходъ своей потребности дѣятельности и ходынемъ ходившему чувству. Онъ пѣлъ хорошо пѣсни и собиралъ передъ своимъ окномъ слушателей изъ обитателей замка. Потомъ ему удалось нѣсколько смягчить свое заключеніе. Ему позволили читать и писать и допустили переписку съ Софи. Онъ долженъ былъ писать очень экономно, такъ какъ бумага выдавалась счетомъ, но именно за эти три съ половиной года, которые онъ провелъ въ тюрьмѣ, онъ сдѣлалъ громадную работу. Онъ перечиталъ скоро всѣ книги, которыми располагала библіотека замка, но такъ какъ онъ получилъ позволеніе покупать книги, то въ этомъ отношеніи онъ не терпѣлъ недостатка. Но что было написано имъ за это время, представляется невѣроятнымъ. Если въ Голландіи онъ писалъ много ради денегъ, то здѣсь онъ писалъ ради потребности въ активной умственной работѣ, ради спасенія себя отъ гибели, подъ тяжестью одиночества. Колоссальность этой работы смущаетъ обыкновеннаго смертнаго и вызываетъ удивленіе. Каталогъ написаннаго имъ въ эту пору очень разнообразенъ. Тутъ и переводы съ разныхъ языковъ, и разсужденія на разныя темы, замѣтки, докладныя записки министрамъ по своему дѣлу и письма, письма безъ конца. Онъ переводитъ Тибулла, разсказы Боккачіо, пишетъ жизнь Агриколы, мемуары о министерствѣ герцога Эгильона, разсужденіе о вѣротерпимости, мемуары объ оспопрививаніи, объ употребленіи регулярныхъ войскъ, исторію Филиппа II, двѣ героическихъ трагедіи и одну буржуазную комедію и знаменитый мемуаръ о „Приказахъ объ арестѣ и о государственныхъ тюрьмахъ" (Les lettres de cachet et les prisons d'Etat) и ведетъ огромную переписку съ Софи.

Нечего и говорить, что среди всей этой массы написаннаго есть много дребедени, которою несчастный заключенникъ убивалъ время; но въ ней надо имѣть въ виду двѣ категоріи произведеній, въ которыхъ выясняется авторъ, какъ человѣкъ, какъ писатель и какъ ораторъ. Первая охватываетъ собою письма и мемуары, адресованные къ начальнику полиціи, къ Мальзебру, къ маркизу Мирабо и къ другимъ лицамъ. Къ ней же слѣдуетъ отнести и упомянутый мемуаръ о lettres de cachet. Ко второй относится его корреспонденція съ Софи Монье.

Что касается первой группы и въ особенности мемуаровъ, то многіе изъ нихъ представляютъ собой шедевры ума, страсти и краснорѣчія. Руссъ говоритъ по поводу ихъ: „Я слышалъ на своемъ вѣку много адвокатскихъ рѣчей, но мало знаю такихъ, которыя бы въ чтеніи оставались такими сильными, такими искусными, такими язвительными и въ особенности такими патетическими, несмотря на напыщенность, которая портитъ почти всѣ произведенія того времени. Это произведеніе неподражаемаго адвоката, который защищаетъ дѣло, отъ котораго зависитъ вся его жизнь; это крикъ плоти, которая страдаетъ, ума, который задыхается, души, которая, почувствовавъ свое униженіе и униженіе, выпрямляется подъ рукой тюремщика и поднимается къ свободѣ“.

Что касается писемъ къ Софи, то кромѣ личнаго интереса, они имѣютъ значеніе матеріала, по которому можно знакомиться съ воззрѣніями Мирабо въ это время. Эти письма были изданы впослѣдствіи, хотя и безъ вѣдома Мирабо, но они не предназначались для печати, а потому ихъ слѣдуетъ разсматривать, какъ вещь интимную, гдѣ, что называется, душа на распашку. Эта переписка сначала велась очень энергично. Софи Монье писала Мирабо по этому поводу въ 1780 году: „Вотъ ровно годъ, какъ мы пишемъ другъ другу; я сдѣлала подсчетъ писемъ. Мы написали, ты мнѣ и я тебѣ, триста шестьдесятъ“. Писали, очевидно, чуть не ежедневно. Нечего и говорить, что ихъ личное чувство стоитъ тутъ на первомъ планѣ; но тутъ говорится обо всемъ—о религіи, о морали, о загробной жизни, о политикѣ и т. д. Когда Мирабо говоритъ о религіи, то мы видимъ спокойнаго атеиста, который не относится къ религіи враждебно, но для котораго она представляетъ предметъ совершенно безразличный. О загробной жизни онъ говоритъ совершенно опредѣленно, что, по его мнѣнію, со смертью все кончается и что дальше ничего нѣтъ. Онъ много разсуждаетъ о морали, но эти разсужденія отличаются сбивчивостью

и, видимо, его нравственная философія не имѣетъ подъ собою твердой почвы. Но при отсутствіи ясной философской системы, мы видимъ, что у этого человѣка чудный здравый смыслъ, который освѣщаетъ „потемки этой безпорядочной души“. По этой перепискѣ можно видѣть, какъ постепенно онъ проникается интересомъ къ политическимъ вопросамъ и какъ онъ смотритъ на себя самого. „Что касается меня, говоритъ онъ, я родился со всѣми талантами военнаго человѣка, съ нѣкоторымъ количествомъ ума, съ большой смѣлостью и съ душой, очень энергичной. Съ такими качествами можно найти себѣ мѣсто. Мнѣ говорили очень недавно, что я созданъ, чтобы играть видную роль (pour jouer un rôle). Да, я былъ созданъ для этого; я знаю это лучше тѣхъ, которые знаютъ обо мнѣ только то, что у меня лицо рябое, да что я молодой человѣкъ бурный уже давно, а теперь ставшій на дыбы подъ вліяніемъ несчастія. Но они не хотѣли меня, когда я шелъ къ нимъ. Ну, что-жъ, пускай идутъ къ чертямъ. Я имъ всѣмъ говорю, что они не знаютъ, какое сердце они рвутъ, не знаютъ, какого человѣка они презираютъ, и что они никогда не узнаютъ его цѣну. Политика, которую я изучалъ, мнѣ противна (me degoûtte). Мнѣ невыносимо, что люди приносятъ столько жертвъ и дѣлаютъ столько преступленій ради интересовъ, которые мнѣ кажутся такими маленькими“.

Это отношеніе къ политикѣ странно слышать въ устахъ человѣка, который составилъ себѣ славу именно въ ея области. Но это отношеніе къ ней у него самого тогда же измѣняется. По мѣрѣ того, какъ продолжается его невыносимая неволя, съ каждымъ новымъ страданіемъ политика привлекаетъ его все больше и больше. Съ высоты своей башни онъ говоритъ о власти королей, о правахъ подданныхъ, о союзахъ, которые нужны для Франціи, и вообще о международномъ и государственномъ правѣ и высказываетъ такіе взгляды, которые насъ повергаютъ въ смущеніе своей пророческой смѣлостью. Спрашиваешь себя, какимъ образомъ при абсолютномъ правительствѣ политическій арестантъ осмѣливался писать такія страницы? Какимъ образомъ чиновникъ, бодрствующій и всемогущій, читая эти страницы ежедневно, пропускалъ ихъ безпрепятственно?

Эти взгляды обнаруживаютъ передъ нами зрѣющій не по днямъ а по часамъ политическій умъ, направляющійся противъ стараго порядка, и однимъ изъ могущественныхъ условій этого быстраго роста было именно заключеніе. Будучи на свободѣ, Мирабо

оставался бы, по всей вѣроятности, въ области тѣхъ авантюръ, среди которыхъ мы его видѣли и которыя не могли бы дать его уму того досуга, который былъ нуженъ для того, чтобы онъ созналъ себя и сосредоточился. Будучи оторванъ отъ жизни и ея радостей и увлеченій, онъ отдался размышленіямъ и сильной умственной работѣ, оплодотворяемой чтеніемъ и изложеніемъ продуманнаго. Подъ вліяніемъ его личныхъ обстоятельствъ его мысль напрявляется естественно противъ того порядка, который его такъ давитъ, къ изученію государственнаго порядка вообще, къ разбору того, какимъ онъ долженъ быть для того, чтобы въ государствѣ жилось легче, и такимъ путемъ создается политикъ, противникъ стараго порядка. Эта сторона его мысли съ особенной силой высказалась въ его мемуарѣ о lettres de cachet. Человѣкъ, который прошелъ черезъ форты Ифъ, Жу и теперь сидѣлъ въ Венсенѣ не за опредѣленное преступленіе, а по волѣ отца, поддержанной административнымъ произволомъ, тогда какъ этотъ непокорный сынъ былъ уже 30 лѣтъ отъ роду и потому могъ бы претендовать быть свободнымъ отъ отеческой власти, такой человѣкъ былъ живымъ образчикомъ того, что можетъ проистекать отъ преувеличенія власти, переходящей въ произволъ. На себѣ самомъ онъ испыталъ его и въ своей собственной жизни онъ могъ черпать аргументы противъ него. Поэтому то это сочиненіе его, служащее продолженіемъ его же „Essai sur le despotisme“ и дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ же мыслей, отличается такой силой впечатлѣнія. Никогда не была доказана съ такой силой и жаромъ незаконность произвольнаго ареста съ точки зрѣнія тогдашняго права. Въ этомъ сочиненіи мы видимъ уже будущаго борца противъ стараго порядка. Въ немъ же теперь мы видимъ человѣка, который не согнулся подъ тяжестью несчастья, а напротивъ противопоставляетъ ему еще болѣе сильную энергію души. Съ нимъ было въ данномъ случаѣ то, что происходитъ съ натурами сильными, и въ чемъ и выражается ихъ мощь. Если принять во вниманіе, чѣмъ являлось заключеніе въ Венсенѣ съ лишеніемъ свободы движенія для этой атлетической натуры, съ отсутствіемъ дѣятельности для этого ума, находящагося въ постоянномъ движеніи, то нельзя не придти къ заключенію, что натура менѣе сильная сломилась бы подъ этой тяжестью и потеряла бы свою первоначальную упругость. Но натура Мирабо закаляется еще болѣе въ этихъ условіяхъ и его нравственная сила оказывается по окончаніи заключенія еще большею, чѣмъ была прежде. Въ томъ и заключается значеніе пребыванія въ Вен-

сенѣ въ его жизни, что въ это время его характеръ закончилъ свое развитіе. Предъ нами человѣкъ готовый. Онъ сталъ какъ то устойчивѣе, онъ пересталъ метаться въ безпорядочныхъ порывахъ страсти, умъ его образовался путемъ широкаго наблюденія надъ своей и чужой жизнью, надъ бывшимъ прежде, и путемъ глубокаго размышленія надъ этими наблюденіями и массы чтенія теперь.

Всѣ мемуары, адресованные Мирабо начальнику полиціи Ленуару, Мальзебру, а также и отцу, есть вопль объ освобожденіи. Какъ случалось и раньше въ его общеніи съ людьми, не исключая и комендантовъ крѣпостей, въ которыхъ ему доводилось сидѣть, такъ случилось и теперь. Онъ подчинилъ своему обаянію коменданта Венсенскаго замка. Послѣдній выступаетъ ходатаемъ за него предъ начальствомъ. Онъ представляетъ, что здоровье Мирабо подвергается разстройству отъ отсутствія воздуха и движенія, и самъ начинаетъ понемногу расширять кругъ его заключенія. Онъ позволилъ ему устроить предъ окномъ свой садикъ, въ которомъ можно было заняться физической работой, онъ доставилъ ему возможность переписываться съ Софи и читать, писать и покупать книги. Затѣмъ онъ сталъ позволять ему прогуливаться по замку и, наконецъ, ѣздить верхомъ въ его окрестностяхъ. Но не только комендантъ,—самъ министръ полиціи поддался вліянію слова Мирабо. Ленуаръ сталъ ходатайствовать передъ его отцомъ объ его освобожденіи. Послѣдній сначала упорно сопротивлялся, но потомъ сдался и согласился на его освобожденіе послѣ трехъ съ половиной лѣтъ заключенія. Но онъ согласился не безусловно, а поставилъ своему сыну очень тяжелыя требованія: чтобы онъ оставилъ Софи Монье и вернулся къ женѣ, чтобы онъ добился отмѣны приговора въ Понтарлье и чтобы онъ выступилъ адвокатомъ отца въ его процессѣ противъ матери. Это послѣднее условіе было самымъ унизительнымъ и тяжелымъ; но суровый отецъ стоялъ на своемъ. Когда Мирабо согласился на всѣ эти условія, тогда въ 1780 году онъ былъ освобожденъ, и этимъ освобожденіемъ кончаются его аресты.

Хотя маркизъ Мирабо и заперъ свою жену въ монастырь, но онъ не былъ защищенъ отъ ея претензій, особенно по поводу имущества, которое ей принадлежало и котораго онъ не хотѣлъ возвращать. Она требовала отдѣльнаго жительства и возращенія приданаго. Общественное мнѣніе Парижа было на ея сторонѣ. Мирабо возбудилъ его противъ себя своей ненасытностью въ полученіи lettres de cachet. Положеніе Мирабо, какъ защитника своего

отца, было очень трудно, не говоря уже о томъ, что онъ теперь долженъ былъ дѣйствовать противъ той, которую онъ прежде защищалъ, и защищать того, кого онъ такъ порочилъ въ своихъ заграничныхъ мемуарахъ, извѣстныхъ, однако, въ Парижѣ. Когда насталъ день засѣданія парламента, то зала была переполнена публикой, явно враждебной „Другу человѣчества“. Оффиціальный адвокатъ и Мирабо сдѣлали все, что были въ силахъ сдѣлать, и все таки проиграли процессъ. Парламентъ призналъ за г-жею Мирабо право получить все свое приданое. Но Мирабо-сынъ выказалъ очень много искусства и знанія, чтобы его можно было винить въ результатѣ, и отецъ поэтому позволилъ ему явиться къ себѣ просить прощенія. Послѣ десяти лѣтъ они свидѣлись снова, и маркизъ нашелъ въ сынѣ большую перемѣну. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни послѣдняго съ нимъ въ Биньонѣ, онъ нашелъ, что „порокъ имѣетъ въ немъ менѣе глубокіе корни, чѣмъ добро, и что худшее, въ чемъ его можно упрекать, должно быть приписано его бурной натурѣ“.

Вскорѣ затѣмъ начатъ былъ процессъ въ Понтарлье. Мирабо отправился туда и, въ качествѣ приговореннаго къ смерти, явился въ полицію съ требованіемъ о своемъ арестѣ. Положеніе его противниковъ было довольно трудно, ибо если заочно было возможно его обвинить въ увозѣ чужой жены и въ ея соблазнѣ, то въ присутствіи обвиняемаго сдѣлать это было очень трудно. Мирабо имѣлъ къ тому же такого друга, какъ прокуроръ Мишо, который и теперь оказывалъ ему свою помощь. Онъ повелъ дѣло очень смѣло и энергично и печатными записками старался воздѣйствовать на общественное мнѣніе. Его противники старались выиграть время и взять его, такъ сказать, изморомъ, такъ какъ ему отказали освободить его на поруки, а потому ему приходилось сидѣть въ отвратительной тюрьмѣ маленькаго городка тогдашняго времени. Но онъ былъ твердъ и такъ энергично велъ свое дѣло, съ такой смѣлостью нападалъ на своихъ противниковъ, что дѣло было имъ выиграно, сначала въ Понтарлье, а потомъ въ Безансонѣ. Когда дѣло перешло сюда по аппеляціи, то противники Мирабо могли надѣяться на то, что очень много членовъ парламента были въ дружескихъ отношеніяхъ съ Монье; но Мирабо былъ увѣренъ въ своихъ силахъ. Онъ писалъ своему другу: „Я хочу показать, что можетъ сдѣлать человѣкъ, отважный въ этотъ вѣкъ безволія“. Какъ въ Понтарлье, такъ и въ Безансонѣ онъ не только защищался въ своихъ мемуарахъ, но онъ нападалъ на судебныя

злоупотребленія того времени, и привлекая тѣмъ на свою сторону общественное мнѣніе, онъ смущалъ своимъ искусствомъ и смѣлостью своихъ судей. Теперь повторилось то же самое, что происходило незадолго передъ тѣмъ въ процессѣ Бомарше, надѣлавшемъ такъ много шума. Только тогда дѣйствовалъ „одинъ Фигаро (буржуа), а въ лицѣ Мирабо соединились Фигаро и Альмавива вмѣстѣ“. Маркизъ Мирабо былъ недоволенъ тѣмъ шумомъ, который производилъ его сынъ въ своемъ процессѣ. Онъ къ тому же противъ воли согласился на то, чтобы послѣдній присоединилъ къ своему процессу и интересы Софи Монье; да, наконецъ, всѣ эти мемуары и затяжка процесса стоила денегъ. Поэтому онъ прислалъ въ Безансонъ своего зятя дю-Сальянъ, который вошелъ въ соглашеніе съ противниками графа Мирабо. Послѣдніе были рады этому исходу, но самъ Мирабо былъ очень недоволенъ и приписывалъ этотъ шагъ вліянію мадамъ дю-Пайи, вернувшейся тѣмъ временемъ къ его отцу въ Биньонъ. Благодаря боязни Монье и родныхъ Софи проиграть дѣло, они согласились на то, чтобы послѣдняя осталась разведенной съ мужемъ, но получала бы пенсію въ 1,200 ливровъ и была обязана оставаться въ монастырѣ до смерти мужа и еще годъ послѣ нея. Мирабо долженъ былъ быть признанъ невиновнымъ въ возведенныхъ на него преступленіяхъ, и приговоръ, тяготѣвшій надъ нимъ, долженъ былъ быть отмѣненъ. Кромѣ того всѣ судебныя издержки были возложены на Монье.

Теперь осталось еще третье дѣло, это — возстановленіе совмѣстной жизни съ женой. Отецъ Мирабо думалъ, что она охотно согласится снова жить съ его сыномъ, тѣмъ болѣе, что она была столько же виновата передъ нимъ, сколько и онъ передъ нею. Но она вовсе не желала возврата мужа, съ которымъ такъ давно порвались всѣ сношенія и судьба котораго была такъ громко скандальна. Но послѣдній не хотѣлъ отказаться отъ мысли возстановить свое положеніе „порядочнаго“ человѣка, живущаго своей семьей, а также и отъ того имущества, которое было за женой. Поэтому онъ рѣшился на процессъ, несмотря на то, что при связяхъ Мариньановъ въ Провансѣ добиться своего было мало шансовъ. Такимъ образомъ, начался процессъ въ Эксѣ, сдѣлавшій Мирабо знаменитымъ и популярнымъ въ Провансѣ.

Сначала онъ обратился къ женѣ съ письмомъ, въ которомъ уговаривалъ ее принять его и жить съ нимъ. Его письма возвращались ему безъ отвѣта. Тогда онъ предъявилъ формальное требованіе о возвращеніи жены. Въ отвѣтъ на него она начала про-

цессъ объ отдѣльномъ жительствѣ. Отецъ Мирабо не хотѣлъ этого процесса, какъ стоящаго денегъ, такъ и потому, что онъ зналъ, что онъ въ своихъ письмахъ къ Мариньанамъ далъ хорошее оружіе противъ своего сына. Но дядя уговорилъ его дать свое согласіе на этотъ процессъ, а самъ далъ на него средства. Мирабо не скрывалъ отъ себя трудности дѣла. Широкое родство Мариньановъ среди судебнаго міра и большія дружественныя отношенія давали имъ преимущество предъ человѣкомъ, у котораго ничего не было, кромѣ скандальнаго прошлаго и двухъ позорныхъ приговоровъ за спиной. Къ тому же онъ зналъ, что письма отца къ его женѣ будутъ выставлены противъ него, какъ аргументъ для законнаго отлученія жены отъ мужа,—котораго самъ отецъ называлъ негодяемъ, котораго „одинаково можно назвать обезьяной, лисицей или волкомъ“, и про котораго отецъ говорилъ, что если жена его захочетъ жить съ нимъ, то можно сказать про нее, что она готова для поступленія въ сумасшедшій домъ. Но Мирабо былъ слишкомъ смѣлъ для того, чтобы отступить передъ опасностью проигрыша, и сама опасность борьбы увлекала его. Онъ рѣшился лично вести процессъ свой. Это рѣшеніе не только было необычно, но даже могло считаться неприличнымъ. Дворянство военное такъ рѣзко отдѣлялось отъ „штатскаго“ и считалось стоящимъ выше послѣдняго, что для военнаго дворянина нельзя было стать адвокатомъ, не унизивъ своего достоинства. Насколько въ то время эти сословныя различія были сильны, видно изъ того, что извѣстныя должности влекли за собой потерю дворянскаго достоинства, если бы ихъ занялъ дворянинъ. Такова была, напримѣръ, должность нотаріуса. Эти случаи помнятся еще и теперь. Академикъ Гастонъ Парисъ говорилъ мнѣ, что его дѣдъ или прадѣдъ, не помню, потерялъ дворянское достоинство именно потому, что занялъ должность нотаріуса. Мирабо выступилъ нарушителемъ этихъ воззрѣній стараго порядка. Его отецъ, котораго нельзя причислить къ сторонникамъ послѣдняго, не могъ однако отдѣлаться отъ стараго предразсудка, который сидѣлъ крѣпко въ его „феодальныхъ“ мозгахъ. Онъ писалъ своему брату по поводу рѣшенія своего сына: „Хотя мнѣ и трудновато было примириться съ мыслью, что внукъ нашего отца, предъ которымъ всѣ снимали шляпы, когда онъ проходилъ по королевскому дворцу, будетъ фигурировать у рѣшетки суда, оспаривая практику у „брехунцовъ ябеды“ (aboyeurs de la chicane), я себѣ сказалъ однако, что Людовикъ XIV еще болѣе былъ бы удивленъ, когда бы онъ увидалъ

жену своего правнука въ платьѣ и въ передникѣ крестьянки, бѣгающею безъ свиты, безъ пажей и совершенно одной по дворцу и по террасамъ и обращающеюся къ первому повѣсѣ во фракѣ (polisson en frac), чтобы онъ далъ ей руку, которую этотъ послѣдній предоставляетъ ей только до конца лѣстницы. Другія времена, другіе нравы“ [1]).

Начался процессъ въ судѣ сенешальства. Противникомъ Мирабо выступилъ опытный адвокатъ Портализъ, котораго имя впослѣдствіи стало знаменитымъ по участію, которое онъ принималъ при Наполеонѣ въ выработкѣ гражданскаго кодекса. Странный случай свелъ теперь и поставилъ другъ противъ друга этихъ двухъ лицъ, изъ которыхъ одному выпало на долю стоять во главѣ разрушителей стараго порядка, а другому въ первыхъ рядахъ созидателей новаго. 20 марта 1783 года, когда Мирабо говорилъ свою первую рѣчь въ процессѣ въ Эксѣ, признается историками однимъ изъ большихъ дней французскаго краснорѣчія. Онъ очень искусно построилъ свою рѣчь. Онъ говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ женѣ, о своемъ чувствѣ къ ней и обращался къ ней заочно въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ; затѣмъ онъ говорилъ въ торжественномъ тонѣ объ ихъ умершемъ маленькомъ сынѣ и его тѣнью заклиналъ жену возвратиться къ совмѣстной семейной жизни. Его рѣчь была настолько сильна, что произвела сильное впечатлѣніе даже на его противниковъ. Его тесть, маркизъ Мариньянъ, присутствовалъ при этомъ дебютѣ. Онъ слушалъ сначала эту рѣчь и эти изліянія чувства съ презрительной улыбкой, но мало по малу его настроеніе стало измѣняться, и его, наконецъ, охватило такое сильное волненіе, что онъ вышелъ изъ залы, задыхаясь отъ душившихъ его слезъ. Что же говорить о впечатлѣніи людей постороннихъ? Примемъ при этомъ въ разсчетъ особенный характеръ этой южной публики, легко воспламеняющейся и обладающей живымъ воображеніемъ, предъ которой говорилъ ихъ же землякъ, способный также отдаться чувству, вызываемому образами его фантазіи, какъ бы эти образы существовали въ дѣйствительности. Онъ сродни Тартарену изъ Тараскона. Успѣхъ Мирабо былъ громаденъ и не для дебюта, въ которомъ онъ сразу, безъ подготовки, явился выдающимся ораторомъ. Процессъ не кончился въ этой инстанціи, но юридическій успѣхъ его былъ въ

---

[1]) Mezières, p. 86.

томъ, что судъ постановилъ, что жена его должна впредь до окончанія процесса возвратиться къ нему.

Дѣло перешло въ парламентъ Экса. Мирабо продолжалъ съ успѣхомъ вести свое дѣло, публика окружала его своей симпатіей, она сопровождала его рѣчи апплодисментами и съ энтузіазмомъ встрѣчала его на улицѣ. Выдающимся моментомъ процесса былъ день 23 мая 1783 года. На совѣщаніи адвокатовъ жены Мирабо одинъ изъ нихъ Паскалисъ посовѣтовалъ вывести Мирабо изъ себя. „Ему надо дать шпоры, сказалъ онъ, тогда онъ поднимется, какъ бѣшеный жеребецъ, и тогда ужъ онъ будетъ у насъ въ рукахъ“. Исполненіе этой задачи взялъ на себя Порталисъ. Результатъ былъ достигнутъ, но онъ превзошелъ всякія ожиданія. Мирабо отвѣчалъ Порталису въ рѣчи, которая длилась съ восьми часовъ утра и до часу дня безъ перерыва. Сначала онъ защищался противъ нападковъ и обвиненій, а потомъ самъ перешелъ въ нападеніе. Онъ атакуетъ своихъ противниковъ съ такой силой, что мало по малу овладѣваетъ всей залой. Его рѣчь льется бурнымъ потокомъ, его слова, жесты и мимика электризуютъ присутствующихъ; проявившаяся сила физическая, позволяющая человѣку говорить подрядъ пять часовъ безъ передышки, сила чувства и ума, вырвавшаяся, подобно вулкану, громаднымъ потокомъ огня и камней,--все это подчинило ему всѣхъ присутствующихъ, не исключая и противниковъ и тѣхъ, кто хотѣлъ вызвать этотъ вулканъ. Его слова бьютъ, какъ молотомъ, тѣхъ, противъ кого они направлены, его гнѣвъ и негодованіе поражаютъ тѣхъ, кто вызвалъ его. Впечатлѣніе рѣчи было такъ сильно, что самъ Порталисъ не выдержалъ его. Онъ лишился чувствъ и его вынесли изъ залы въ обморокѣ. Отецъ Мирабо говоритъ: „Это невѣроятно, какъ этотъ палачъ овладѣлъ народомъ“. Стеченіе народа было громадно. Толпа разломала двери и окна, чтобы его слышать; чтобы его видѣть, люди взбирались на крыши сосѣднихъ домовъ, знатные путешественники, какъ эрцгерцогъ Фердинандъ Австрійскій, старались попасть въ судъ, чтобы его слышать. Словомъ, еще не было такого торжества оратора надъ всѣми, какое видѣли въ Эксѣ въ 1783 году. Хотя судъ и вынесъ 5 іюля приговоръ въ пользу жены Мирабо, и отчасти онъ самъ своими нападками на нее въ судѣ былъ причиной своей неудачи, но въ общественномъ мнѣніи онъ вышелъ побѣдителемъ, и торжество его было такъ велико и популярность такъ широка, что когда онъ шесть лѣтъ спустя явился въ Провансъ на выборы, то пріобрѣтенныя симпатіи

оказались живыми. Эта популярность и этотъ тріумфъ, соединенные съ сознаніемъ проявленной силы, совершенно уничтожили впечатлѣніе понесенной неудачи въ процессѣ. „Ему только этого и нужно было, пишетъ маркизъ Мирабо брату. Въ этомъ странномъ родѣ (race) нѣтъ ни одного, который бы въ силу физической склонности не посмотрѣлъ бы какъ на день тріумфа на тотъ день, когда его повѣсятъ, только потому, что объ немъ будутъ говорить“ [1]).

Впослѣдствіи жена Мирабо измѣнила свое отношеніе къ мужу. Когда онъ сталъ знаменитымъ политическимъ дѣятелемъ, когда его имя гремѣло по всей Франціи и стало извѣстно всей Европѣ, она сдѣлала попытку вернуться къ нему, но онъ отказался отъ этого. Потомъ, послѣ его смерти, она вышла замужъ и овдовѣла въ 1800 году. Тогда произошелъ странный поворотъ. Она воспылала ретроспективнымъ чувствомъ къ своему первому мужу и стала благоговѣйно чтить его память. Она пріѣхала въ Парижъ, поселилась въ той самой комнатѣ, въ которой онъ умеръ, и сама умерла на той самой постели.

Ораторская слава, пріобрѣтенная Мирабо въ Эксѣ, не дала ему ни общественнаго положенія, ни средствъ къ жизни. Отецъ не давалъ ему таковыхъ. Съ цѣлью снискать себѣ положеніе и занятіе онъ отправляется въ Англію, гдѣ у него были школьные товарищи по училищу аббата Шокара. Онъ поѣхалъ по приглашенію одного изъ нихъ; но ничего не удалось устроить, и онъ вернулся обратно. Англія произвела на него сильное впечатлѣніе, какъ прежде на Вольтера и Монтескье. Англичане не понравились Мирабо; но государственный строй ихъ плѣнилъ его, и онъ склоненъ былъ приписывать англійской конституціи и ея вліянію на общество то, что англичане такъ сильны и имѣютъ превосходство надъ другими.

Возвратившись во Францію, онъ принимается для снисканія средствъ къ жизни за писаніе всевозможныхъ брошюръ и памфлетовъ по разнымъ вопросамъ и скоро пріобрѣтаетъ себѣ извѣстность въ Парижѣ. Во многихъ случаяхъ въ составленіи этихъ произведеній у него были сотрудники, которые составляли для него матеріалъ и даже редактировали отдѣльныя части, а онъ только собиралъ это все вмѣстѣ и, какъ онъ говорилъ, шлифовалъ и полировалъ; но все же безъ его литературнаго таланта

---

[1]) Mezières, p. 91.

едва ли что либо вышло изъ даннаго матеріала, какъ безъ архитектора изъ кирпича не выйдетъ домъ. Его услугами сталъ пользоваться и министръ де-Калоннъ, когда онъ выступилъ противъ ажіотажа, начавшагося тогда на биржѣ, съ нѣкоторыми акціями. Мирабо съ жаромъ бросился въ эту борьбу съ ажіотажемъ и съ обычной своей самоувѣренностью говорилъ о своихъ финансовыхъ познаніяхъ: „Когда знаешь хорошо четыре правила ариѳметики, умѣешь хорошо спрягать глаголъ „имѣть“ и если ты трудолюбивъ, то можно быть орломъ въ финансахъ“, писалъ онъ своему другу Шамфору. Центромъ ажіотажа были акціи водопроводнаго общества. Когда Калоннъ потомъ перешелъ на сторону этого общества и когда ему надо было защищать его, то онъ отказался отъ услугъ Мирабо и натравилъ на него Бомарше. Мирабо, съ своей стороны, напалъ на министра и въ сильно написанномъ письмѣ вѣрно охарактеризовалъ этого легковѣснаго государственнаго человѣка. „Слишкомъ легко вѣрятъ, пишетъ онъ, что вы знаете то, что вы понимаете, что вы понимаете то, что вы слушаете съ тонкимъ и умнымъ выраженіемъ, и что васъ легко склонить къ тому, что вамъ выяснили. Все это ошибочно. Будучи исключительно заняты тѣмъ, чтобы вывернуться изъ затрудненія даннаго момента, найти средство остаться министромъ завтра, не зная о томъ, останетесь ли вы имъ черезъ недѣлю, вы ищете не совѣтовъ, а уловокъ, не друзей, а панегиристовъ, не истины, а похвалъ. По вашему... если ваши сторонники кадятъ вамъ, если ваши прилипалы (obsesseurs) не бранятъ васъ, если ваша невыразимая вѣтренность находитъ достаточно развлеченій, и ничто не отвлекаетъ васъ отъ удовольствій,—значитъ дѣла идутъ“. Этого письма Каллонъ не получилъ, такъ какъ оно было опубликовано въ Германіи, но онъ все таки находилъ неудобнымъ оставлять въ Парижѣ такого талантливаго памфлетиста, который могъ писать и противъ него и потому постарался удалить его оттуда. Онъ попросилъ Вержена, министра иностранныхъ дѣлъ, дать ему порученіе въ Берлинъ. Чѣмъ былъ Мирабо въ полемикѣ противъ ажіотажа, былъ ли онъ писакой, „запятнаннымъ продажностью“, какъ говорилъ про него отецъ, продавалъ ли онъ вмѣстѣ съ перомъ и свою совѣсть? Этотъ вопросъ разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ какъ Штерномъ, такъ и Руссомъ. „Его совѣсть была въ данномъ случаѣ въ согласіи съ его выгодой. За плату онъ поддерживалъ дѣло, которое считалъ правымъ. Но даже и для политическаго дѣятеля плохая репутація бываетъ иногда неудобнымъ багажемъ, и

въ этомъ то и заключается несчастье Мирабо, что при каждомъ его дѣйствіи или писаніи, при каждой его рѣчи приходится спрашивать себя, не служитъ ли этотъ краснорѣчивый наемникъ противъ совѣсти тому дѣлу, которое онъ защищаетъ, и тому кліенту, который имъ пользуется“ [1]). Что касается отъѣзда въ Берлинъ, то, повидимому, Мирабо, самъ желалъ этого и, можетъ быть, имѣлъ какіе нибудь виды устроиться такимъ путемъ. Ему дана была рекомендація къ французскому послу, а такъ какъ Фридрихъ Великій имѣлъ обыкновеніе просматривать списокъ пріѣзжихъ и такъ какъ онъ слѣдилъ за французскими дѣлами, то имя Мирабо было ему извѣстно, и онъ обратилъ на него вниманіе въ спискѣ и пригласилъ къ себѣ. Мирабо два раза былъ принятъ королемъ, и во второй разъ ихъ бесѣда была довольно продолжительна. Отъ прусскаго короля онъ былъ въ восторгѣ, и послѣ его смерти онъ выразилъ это свое отношеніе къ нему въ блестящей формѣ въ своемъ сочиненіи. Онъ является его безусловнымъ поклонникомъ и часто оправдываетъ его даже тамъ, гдѣ, казалось бы, трудно было найти оправданіе. Интересно въ этомъ отношеніи сходство, которое существуетъ между Мирабо и Наполеономъ. Послѣдній, какъ извѣстно, также былъ безусловнымъ поклонникомъ Фридриха Великаго и нерѣдко, соображая какую нибудь военную комбинацію, онъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ бы на нее посмотрѣлъ великій прусскій стратегъ?

Когда наступила кончина Фридриха Великаго, то Мирабо было дано изъ Парижа порученіе сообщать все то, что говорится объ этомъ событіи и о преемникѣ прусскаго короля. Съ обычной энергіей онъ принялся за писаніе сообщеній и мемуаровъ, въ которыхъ сообщалъ все, что ему казалось достойнымъ вниманія. Это была секретная корреспонденція, до которой Людовикъ XVI, какъ его дѣдушка, былъ большой охотникъ. Но Мирабо писалъ не такъ, какъ это было принято въ дипломатическихъ сферахъ, а потому его донесенія передаваемы были сначала аббату Перигорскому Талейрану. Какъ Мирабо родился ораторомъ, такъ Талейранъ родился дипломатомъ. Онъ давалъ шлифовку донесеніямъ Мирабо. Нѣсколько времени спустя Мирабо не постѣснился опубликовать эту корреспонденцію въ ея первоначальномъ видѣ, чѣмъ вызвалъ сильнѣйшее негодованіе Талейрана. Послѣдній до

---

[1]) Rousse, p. 102.

[2]) Stern, pp. 184—191.

самой смерти оставался съ нимъ въ отношеніяхъ болѣе, чѣмъ холодныхъ. И въ своихъ мемуарахъ о революціи онъ едва упоминаетъ раза два его имя: ему неудобно заслонять такой крупной фигурой свою собственную персону.

Въ донесеніяхъ Мирабо, говоритъ Руссъ, „среди газетныхъ и уличныхъ сплетенъ, рядомъ съ скандальными анекдотами, какъ будто вытащенными изъ грязи газетнаго болота, почти на каждой страницѣ встрѣчаются политическіе взгляды поразительной важности, пророческую проницательность которыхъ мы къ своему горю теперь узнали. Наконецъ мѣстами этотъ словоохотливый хроникеръ вдругъ является первокласснымъ писателемъ и историкомъ глубокимъ и точнымъ. Смерть Фридриха Великаго въ разсказѣ Мирабо классическое и захватывающее произведеніе. Интересно окончаніе этой странички. „Двѣ трети Берлина изощряются теперь въ томъ, чтобы доказать, что Фридрихъ II былъ заурядным человѣкомъ, даже ниже многихъ. О, если-бъ эти великіе взоры, которые по волѣ этой героической души вызывали ужасъ или очарованіе, открылись на одно мгновеніе! Нашли ли бы въ себѣ тогда мужество умереть эти глупые льстецы“? Но наиболѣе замѣчательнымъ памятникомъ поѣздки Мирабо въ Пруссію осталось его произведеніе: „Прусская Монархія“ (La Monarchie Prussienne“), четырехтомное сочиненіе, появившееся въ печати въ 1788 году. Оно было задумано въ Брауншвейгѣ. Тамъ Мирабо встрѣтился съ маіоромъ Мовильономъ (Mauvillon). Послѣдній собралъ богатый матеріалъ о состояніи современной Пруссіи и предоставилъ его въ въ распоряженіе Мирабо. Можно сказать, что они вмѣстѣ работали надъ этимъ сочиненіемъ. По крайней мѣрѣ Мирабо, пиша ему о предстоящемъ выходѣ его въ свѣтъ, говоритъ: „Я думаю, вамъ доставитъ удовольствіе увидѣть вновь н а ш у р а б о т у, разъ вы хотите, чтобы я такъ называлъ ее, нѣсколько передѣланной и причесанной“ [1]). Можно сказать, что фактическая часть принадлежитъ Мовильону, а разсужденіе надъ фактами, освѣщеніе ихъ и выводы, такъ же, какъ и введеніе, принадлежатъ Мирабо. Онъ выпустилъ его, какъ это нерѣдко съ нимъ случалось, только подъ своимъ именемъ. Но именно эти стороны сочиненія, которыя принадлежатъ Мирабо—оцѣнка фактовъ, вѣрность ихъ освѣщенія и смѣлая точность сужденія—и поразили современниковъ. Несмотря на свое преклоненіе предъ Фридрихомъ II, онъ замѣтилъ

[1]) Mezières, p. 119.

слабыя стороны его режима. Трактуя о значеніи его абсолютизма, онъ говоритъ, что эта форма государства можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать только тогда, когда король—великій государь (prince). Когда пружины монархіи ослабѣваютъ, не оказывается никого, кто бы могъ замѣстить отсутствующую власть. Подданные, коихъ личная иниціатива была всегда порализована, не могутъ найти въ себѣ самихъ никакой индивидуальной силы, которая могла бы замѣнить отсутствующую. Онъ находитъ при всей внѣшней крѣпости прусской монархіи не мало условій разложенія, что потомъ и обнаружилось особенно въ эпоху Іены и Ауэрштедта.

Мирабо о своемъ трудѣ писалъ своему другу г-жѣ Нер: „Когда этотъ трудъ явится въ свѣтъ, мнѣ будетъ только 38 лѣтъ. я осмѣливаюсь предсказать, что онъ сдѣлаетъ мнѣ имя и, можетъ быть, онъ заставитъ мою родину пожалѣть немного о томъ, что она оставляетъ безъ дѣла такого наблюдательнаго человѣка и такъ плохо вознаграждаетъ такую работу“ [1]).

Если Мирабо разсчитывалъ или надѣялся на то, что его миссія въ Берлинъ и его таланты, обнаруженные въ этой книгѣ, откроютъ ему дорогу къ дипломатической карьерѣ, то въ этой надеждѣ онъ ошибся, но предвидѣніе того, что „Прусская Монархія“ сдѣлаетъ ему имя, оправдалось. Это сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе какъ въ политическихъ сферахъ Парижа многосторонностью знаній автора, силой сужденія и вѣрностью, такъ и проницательностью взгляда. Политическіе клубы „Общество друзей Черныхъ“ (Société des amis des Noirs) и „Конституціонный клубъ“ (Club Constitutionnel) открыли ему свои двери. По возвращеніи Мирабо изъ Германіи мы имѣемъ въ немъ человѣка, вполнѣ сложившагося и готоваго вступить на общественное поприще и играть въ немъ замѣтную роль. Личныя качества много тому благопріятствовали. Мы знаемъ, что про него нельзя сказать, чтобы онъ былъ хорошъ собой. То, что про него отецъ говорилъ въ дѣтствѣ, что онъ похожъ на чорта, то приблизительно и осталось. Но мы знаемъ, что его наружность пронзводила впечатлѣніе и привлекала къ нему людей. Причиной тому были прекрасные глаза, блестѣвшіе умомъ и энергіей, выдававшіе всѣ движенія чувства, и тонко очерченный и красивый ротъ, особенно когда онъ складывался въ чарующую улыбку. Къ этому присоединялся гибкій, сильный, способный къ выраженію всѣхъ изгибовъ чувства голосъ. Оказы-

---

[1]) Mezières, p. 123.

вала вліяніе на окружающихъ и его смѣлость, никогда ему не измѣнявшая. Онъ былъ физически и нравственно человѣкомъ мужественнымъ, а это много значитъ въ сношеніяхъ съ людьми,— въ общественной дѣятельности еще больше, чѣмъ въ частной жизни.

Въ отношеніи къ людямъ онъ отличался добротой, составлявшей замѣтную черту его сердца. Еще въ дѣтствѣ близкіе люди замѣчали ее. Отецъ ставилъ ему въ упрекъ склонность якшаться съ простыми людьми и входить въ ихъ нужды. Въ зрѣломъ возрастѣ та же отзывчивость побуждала его вступаться за угольщиковъ и водоносовъ въ ихъ нуждахъ. Но рядомъ съ ней мы видимъ въ немъ такую бурную натуру, въ которой, особенно въ молодости, страсти клокотали, какъ въ вулканѣ. Прибавимъ къ этому отсутствіе нравственныхъ сдержекъ, какъ продуктъ воспитанія и расы, и мы поймемъ многія уклоненія и тѣ безпорядочные эксцессы, которые встрѣчались въ его жизни и опять таки въ особенности, въ молодости. Онъ самъ не разъ впослѣдствіи жалѣлъ объ этомъ своемъ прошломъ, которое стояло камнемъ преткновенія въ началѣ его общественной дѣятельности. Но, оцѣнивая этотъ характеръ и это прошлое, возмущающее наше нравственное чувство и совѣсть, мы не должны забывать то время, въ которое Мирабо жилъ, и помнить, что то, что онъ надѣлалъ и что составило ему дурную славу, было удѣломъ большинства дворянъ, его современниковъ. Знатокъ того времени Сорель сравниваетъ его съ Водрейемъ и приходитъ къ выводу, что грѣхъ Мирабо заключался не въ эксцессахъ его молодости, а въ томъ, что онъ въ то время, будучи графомъ, усвоилъ себѣ демократическія убѣжденія. „Если бы Мирабо, говоритъ онъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать долгъ въ 200 тысячъ перескочилъ бы за милліонъ; если бы вмѣсто того, чтобы афишировать себя въ Понтарлье съ провинціальной президентшей онъ дерзко вступилъ въ отношенія къ герцогинѣ, любимицѣ королевы; если бы вмѣсто того, чтобы принять 25,000 ливровъ, вытащенныхъ Софіей изъ шкатулки Монье, онъ получалъ бы черезъ мадамъ Полиньякъ пенсію въ 35,000 изъ казны, — онъ сошелъ бы, какъ Водрей (Vaudreuil), за блестящаго и вполнѣ приличнаго дворянина, и самые грѣхи его, если бы даже его въ нихъ упрекали, были бы прощены ему обществомъ, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы заявлять себя демократомъ, исповѣдывалъ бы, какъ тотъ же Водрей, здравое правовѣріе: Водрей признавалъ, что вся бѣда правительства происходитъ отъ не-

способности бѣлаго духовенства просвѣщать народъ; онъ требовалъ возвращенія іезуитовъ съ предоставленіемъ монополіи школьнаго обученія этимъ монахамъ. Это мнѣніе купно съ цифрой его долговъ, съ величиной его пенсіи и рангомъ его метрессы вѣнчало его превосходство. Онъ былъ хорошаго тона. Мирабо, напротивъ, былъ дурнаго тона. Онъ связался со сволочью, онъ разыгрывалъ мятежника, онъ совершилъ, однимъ словомъ, непростительный грѣхъ противъ придворнаго духа и противъ сущности стараго порядка [1]).

Недостатки его моральной личности стояли рядомъ съ колоссальной работоспособностью. Сдѣлать такое количество работы, какое могъ сдѣлать Мирабо въ данную единицу времени, могутъ только очень немногіе люди; работать столько времени и съ такой энергіей, какую онъ былъ способенъ развить, могутъ только исключительныя натуры. Самъ отецъ, который не можетъ быть заподозрѣнъ въ пристрастіи въ пользу его, поражался этой силой. Его умственная сила была такъ велика, что онъ усваивалъ все, можно сказать, на лету, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ близко къ Наполеону. Часто онъ работалъ при содѣйствіи другихъ, доставлявшихъ ему матеріалъ; впослѣдствіи у него былъ цѣлый штабъ такихъ работниковъ; но онъ поразительно быстро ассимилировалъ ихъ работу, давалъ ей свой духъ и форму, сливая въ одно цѣлое дѣло нѣсколькихъ лицъ. Отчасти отсюда его широкое образованіе, почерпнутое не только изъ книгъ, но еще въ большей степени изъ бесѣды съ спеціалистами, какъ это было и у Наполеона. Но, кромѣ того, и сама жизнь съ ея превратностями многому научила его, главное, дала ему знаніе людей. Ему пришлось имѣть дѣло съ людьми разныхъ классовъ, разныхъ положеній, разнообразныхъ характеровъ. Матеріалъ для наблюденія былъ болѣе широкъ, чѣмъ онъ былъ обыкновенно у людей его соціальнаго положенія. Отсюда то знаніе человѣческаго сердца, которое его отличало. Тѣ же перипетіи личной жизни привели его къ знакомству съ различными формами общественной жизни. Въ Англіи онъ познакомился съ тамошней политической жизнью, какъ и многіе изъ его современниковъ; но какъ немногіе изъ нихъ, онъ изучилъ Пруссію и Германію, и его сочиненіе „Прусская Монархія“ отражаетъ проницательность взгляда и быстроту пониманія чужой жизни. Эта быстрота понимать или, можно сказать,

---

[1]) Sorel, Essais, p. 143.

угадывать текущія событія, умѣніе быстро оріентироваться въ нихъ составляетъ черту, присущую выдающемуся государственному человѣку. Выработанныя имъ изъ массы наблюденій воззрѣнія на современныя задачи отличались твердостью и послѣдовательностью. Они укладывались у него въ опредѣленный политическій планъ. Сущность послѣдняго сводится къ слѣдующему. Отмѣна феодальныхъ правъ, періодичность парламента, которому должна принадлежать вполнѣ финансовая юрисдикція, гражданская свобода. Вотъ три главныхъ пункта, говорилъ онъ, остальное придетъ скоро. Предвидя трудность перехода отъ стараго порядка къ новому,—въ этомъ онъ отличался отъ огромнаго большинства своихъ современниковъ,—онъ требовалъ сильной королевской власти, какъ необходимаго условія, чтобы предупредить анархію, возможность которой онъ предвидѣлъ. Республику онъ отрицалъ, ибо, говорилъ онъ, что бы это была за республика со всѣми аристократіями, которыя насъ подтачиваютъ? Очагъ самой сильной тиранніи. Вотъ почему, прибавлялъ онъ, мы должны остаться и почему я лично останусь монархистомъ. Если мы присоединимъ ко всему сказанному выдающійся ораторскій талантъ съ замѣчательной способностью ясно и послѣдовательно развивать самые сложные аргументы, то мы получимъ представленіе объ условіяхъ силы этого государственнаго человѣка и поймемъ причины его быстраго возвышенія.

II.

5 мая 1789 года происходило въ Версали торжественное открытіе собранія „Государственныхъ Чиновъ“. Послѣ торжественнаго молебствія большая процессія съ участіемъ короля, королевы, всего двора и депутатовъ трехъ сословій направилась во дворецъ. Громадная толпа лицъ, пріѣхавшихъ изъ Парижа и сосѣднихъ мѣстъ, сопровождала выраженіемъ своихъ чувствъ участниковъ процессіи. Король былъ сопутствуемъ живымъ одобреніемъ; напротивъ, королева была встрѣчена молчаніемъ. Пышно одѣтые депутаты дворянства и духовенства были встрѣчены холодно, тогда какъ скромно одѣтые по традиціи XVII вѣка депутаты средняго сословія были сопровождаемы бурными восторгами, не оставлявшими никакого сомнѣнія въ томъ, на чьей сторонѣ находятся симпатіи публики.

Но устроители церемоніала открытія „Государственныхъ Чи-

новъ“ сдѣлали съ своей стороны все возможное для того, чтобы депутаты третьяго сословія не выходили изъ рамокъ того положенія, въ которомъ они находились двѣсти лѣтъ тому назадъ. Они должны были явиться въ короткихъ и простыхъ черныхъ плащахъ въ противоположность пышнымъ шелковымъ цвѣтнымъ костюмамъ депутатовъ высшихъ сословій. Въ то время, какъ послѣдніе входили въ залъ въ главныя двери, открытыя настежъ, депутаты третьяго сословія, должны были входить въ нее въ боковыя двери, открытыя только на одну половину. Имъ какъ бы хотѣли сказать: „Помните, что вы мужики и мѣщане, и не смѣйте равняться съ барами“. Между тѣмъ несомнѣнно было, что именно депутаты третьяго сословія были въ то время господами положенія.

Съ открытіемъ Государственныхъ Чиновъ самъ собою связывался вопросъ о программѣ его занятій. Рѣшеніе этого вопроса теперь же было капитально важно. Если правительство дастъ собранію свою программу, соотвѣтствующую требованіямъ времени и общественнаго мнѣнія, то оно останется господиномъ положенія и будетъ вести собраніе по разъ намѣченному пути. Если же, напротивъ, оно не намѣтитъ этой программы, то оно само будетъ идти на буксирѣ собранія, помимо того, что и это послѣднее, не обладая должнымъ опытомъ въ дѣлахъ и богатое только отвлеченными теоріями и добрыми желаніями, не пойдетъ по твердой и прямой дорогѣ. Нѣсколько дней спустя, въ разговорѣ съ Малуе Мирабо высказалъ опасеніе относительно послѣдняго. „Я вижу въ нашемъ собраніи такъ много дурныхъ головъ, такъ много неопытности и склонности къ преувеличенію, съ другой стороны—въ дворянствѣ и въ духовенствѣ такъ много неразумнаго раздраженія, что я такъ же, какъ и вы, предвижу очень страшныя потрясенія, если своевременно не будутъ приняты мѣры“. Но правительство, въ лицѣ своего руководителя Неккера, не имѣло программы, оно даже не рѣшило капитальнаго вопроса, съ котораго слѣдовало начать: какъ будутъ Государственные Чины рѣшать дѣла—вмѣстѣ или же посословно? Въ уста короля была вложена рѣчь безъ всякаго содержанія, потомъ Неккеръ мучилъ собраніе трехчасовымъ чтеніемъ финансовой рѣчи, которая всѣхъ утомила, а на людей свѣдущихъ произвела непріятное впечатлѣніе тѣмъ, что онъ въ ней старался скрыть размѣры дефицита, которые всѣмъ свѣдущимъ людямъ были извѣстны. Такимъ образомъ собраніе Государственныхъ Чиновъ было предоставлено себѣ и само должно было рѣшить вопросъ и о томъ, какъ будутъ рѣшаться дѣла. Рѣшить этотъ

вопросъ въ пользу того, чтобы собраніе раздѣлилось на три сословныя собранія и подавало голоса по сословіямъ, значило отказаться отъ всякихъ реформъ, противныхъ феодальнымъ привилегіямъ, и въ тоже время сдѣлать безсмысленнымъ удвоеніе числа представителей третьяго сословія. Мирабо имѣлъ на этотъ счетъ въ самаго начала опредѣленный взглядъ. Между его бумагами найденъ былъ проэктъ предложенія, которое онъ долженъ былъ сдѣлать собранію въ формѣ обращенія къ королю. Это предложеніе, которое онъ опубликовалъ въ своемъ журналѣ тогда же, хотя и въ измѣненной формѣ, выражено было такъ. „Подъ предсѣдательствомъ вашего величества, мы, и притомъ только мы одни, имѣемъ право рѣшить вопросъ о способѣ нашихъ совѣщаній. Но вы, государь, несомнѣнно имѣете право воспрепятствовать тому, чтобы этотъ важный вопросъ,—должны ли сословія раздѣлиться или оставаться вмѣстѣ,—не былъ рѣшенъ раньше, чѣмъ онъ былъ обсужденъ. Онъ былъ бы уже предрѣшенъ, государь, если бы вы допустили, чтобы мы начали съ того, чтобы раздѣлиться. Естественное состояніе всякаго собранія то, чтобы его члены были всѣ вмѣстѣ; по существу дѣла они составляютъ единое цѣлое, пока они сами не раздѣлились. Чтобы рѣшить вопросъ, должны ли они раздѣлиться, очевидно, нужно предварительное соединеніе ихъ; но совершенно ясно, что было бы противно здравому смыслу разъединять ихъ для того, чтобы узнать, хотятъ ли они быть соединенными“ [1]). Къ Неккеру онъ относился со всѣмъ не такъ, какъ къ нему относилась тогдашняя публика, для которой онъ былъ идоломъ и оракуломъ. Мирабо не находилъ въ немъ ни широты взгляда, ни большого мужества государственнаго человѣка, который умѣетъ распознать то, что неизбѣжно, и открыть этому неизбѣжному дорогу, вмѣсто того, чтобы быть имъ опрокинутымъ, который предпочитаетъ вести бурный потокъ, а не безвольно нестись по немъ. Онъ говорилъ про него, что онъ „силенъ своей громадной популярностью“, но что, „онъ увидитъ въ концѣ концевъ, что время интриги и шарлатанства миновало“ [2]). Между нимъ и Неккеромъ началась борьба съ самаго дня открытія Государственныхъ Чиновъ. Онъ сталъ нападать на Неккера въ печати Чтобы имѣть возможность свободно высказывать свои взгляды и имѣть опору въ общественномъ мнѣніи, Мирабо сталъ издавать „Жур-

---

[1]) Passy. Frochot, prefet de la Seine. Stern, II, p. 3.
[2]) Stern, II, p. 3.

налъ Государственныхъ Чиновъ“, причемъ рѣшилъ обойтись безъ разрѣшенія цензуры. Правительство попыталось запретить выходъ этого изданія, но это постановленіе министерскаго совѣта встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны избирателей Парижа, которые издали протестъ противъ него, въ которомъ выразили мысль, что избиратели должны знать то, что дѣлается въ собраніи Государственныхъ Чиновъ, и отнеслись одобрительно къ изданію Мирабо. Къ этому протесту присоединились и дворянскіе депутаты, хотя по существу они относились несочувственно къ журналу. Мирабо не остановился въ изданіи, а вслѣдъ затѣмъ подъ своимъ собственнымъ именемъ сталъ издавать новый журналъ подъ заглавіемъ: „Письма къ моимъ избирателямъ“. Въ немъ онъ заклеймилъ „такъ называемаго народнаго министра, который дерзко осмѣливается желать запечатать мысли“. Эта была послѣдняя попытка правительства сохранить цензуру. Вслѣдъ затѣмъ вышло объявленіе отъ генералъ-директора книжной торговли о томъ, что король находитъ хорошимъ, чтобы всѣ періодическія изданія помѣщали извѣстія о происходящемъ въ Государственныхъ Чинахъ. Хотя къ этому и прибавлялось, что они должны сообщать только факты безъ всякихъ комментаріевъ съ своей стороны, но на эту оговорку никто не обратилъ вниманія, такъ какъ всѣ понимали, что она сдѣлана лишь для того, чтобы позолотить мостикъ отступленія. Неккеръ съ своей стороны не остался въ долгу предъ Мирабо. Внушаемые имъ писатели противопоставляли въ брошюрахъ „добродѣтельнаго“ и „патріотическаго“ министра „новому Герострату“, „опозоренному писакѣ“ и „депутату ада“. Какой „честный человѣкъ“, говорилось въ этихъ брошюрахъ, „захочетъ сѣсть рядомъ съ какимъ нибудь Мирабо?“ „Это ядовитое пресмыкающееся хочетъ только захватить деньги подписчиковъ. Принциповъ у него нѣтъ, онъ всегда говоритъ къ народу со словъ тѣхъ, кто его кормитъ: сегодня—Калонна, завтра—противниковъ Колонна. Постояненъ онъ только въ одномъ: въ порокѣ“ [1]).

Нѣкоторые друзья общественнаго блага попытались свести Мирабо съ Неккеромъ и убѣдить послѣдняго въ той пользѣ, которую можно извлечь изъ способностей этого талантливаго человѣка. Назначена была аудіенція у министра. Но Неккеръ принялъ Мирабо, какъ принимаетъ банкиръ плохого маклера, являющагося къ нему съ сомнительнымъ дѣломъ. „Какое предложеніе хотите вы

---

[1]) Stern, II, p. 5.

мнѣ сдѣлать?“ спросилъ онъ. „Пожелать вамъ добраго дня“, отвѣтилъ Мирабо и вышелъ отъ него внѣ себя. Тѣмъ эта попытка и кончилась.

Между тѣмъ, благодаря тому, что основной вопросъ о способѣ рѣшенія дѣлъ въ собраніи Государственныхъ Чиновъ не былъ рѣшенъ въ теченіе болѣе, чѣмъ мѣсяца, депутаты переговаривались между собой относительно того, какъ быть, и не приступали къ дѣлу. Терялось такимъ образомъ золотое время. Наконецъ, третье сословіе взяло на себя его рѣшеніе. Оно въ засѣданіи 17 іюня объявило, что оно, составляя представительство огромнаго большинства націи, можетъ составить представительное собраніе и назвало себя по предложенію аббата Сіэса „Національнымъ Собраніемъ“ и пригласило другія сословія присоединиться къ нему. Многіе изъ послѣднихъ послѣдовали этому приглашенію, и такимъ образомъ дѣло повернуло къ тому, что отдѣльность сословій, при которомъ только и былъ шансъ сохранить феодальныя привилегіи, изчезнетъ Поэтому такой поворотъ при дворѣ произвелъ переполохъ и тамъ рѣшились уговорить короля на то, чтобы онъ произвелъ государственный переворотъ (coup d'état). 20-го мая депутаты нашли залъ своихъ засѣданій закрытымъ и охраняемымъ часовыми. Такъ какъ повѣстки объ отмѣнѣ засѣданія они не получили, то противъ этого акта насилія они протестовали тѣмъ, что собрались въ залѣ для игры въ мячъ, въ которой они, обсудивъ положеніе, принесли клятву не расходиться до тѣхъ поръ, пока не утвердятъ государственнаго порядка на твердыхъ основаніяхъ. Мирабо и его сторонники были изъ первыхъ, которые подписали эту клятву. Когда затѣмъ и эта зала была закрыта для собраній депутатовъ, то они собрались черезъ день въ церкви св. Людовика, въ той самой, въ которой служилось торжественное молебствіе въ день открытія Государственныхъ Чиновъ. Здѣсь присоединились къ третьему сословію многіе духовные и нѣкоторые дворяне, которые были встрѣчены съ восторгомъ. Наконецъ, 23 мая назначено было королевское засѣданіе Государственныхъ Чиновъ. Когда представители третьяго сословія явились на него, то по приказу церемоніймейстера ихъ продержали нѣкоторое время на дворѣ подъ дождемъ, пока пустили въ залу. Отсутствіе Неккера среди министровъ, явившихся съ королемъ, не предвѣщало ничего хорошаго. Мирабо зналъ о причинѣ его отсутствія. Въ королевскомъ совѣтѣ Неккеръ теперь проводилъ ту мысль, которую Мирабо высказалъ въ своемъ журналѣ еще при самомъ открытіи Государственныхъ

Чиновъ. Онъ предлагалъ, чтобы король въ засѣданіи приказалъ депутатамъ дворянства и духовенства присоединиться къ третьему сословію и составить единое собраніе. Онъ надѣялся поднять престижъ короля удовлетвореніемъ всеобщаго желанія и въ глазахъ общественнаго мнѣнія поставить короля сторонникомъ реформъ и отдѣлить его отъ стремленій придворной партіи. Но въ засѣданіи королевскаго совѣта взяли верхъ герцогъ Артуа, королева и другіе сторонники сохраненія неприкосновенности стараго порядка и рѣшено было просто приказать депутатамъ раздѣлиться на три коллегіи и рѣшать дѣла посословно. Соотвѣтственная рѣчь составлена была въ энергичныхъ выраженіяхъ, подобающихъ абсолютному королю, но совершенно не подходившихъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ дѣла. Людовикъ XVI читалъ эту рѣчь въ такомъ смущеніи, что оно было ясно для всѣхъ. Въ заключеніе рѣчи онъ прочиталъ вложенное ему въ уста приказаніе: „Я повелѣваю вамъ теперь разойтись и завтра утромъ собраться и вести ваши засѣданія въ отдѣльныхъ залахъ, приготовленныхъ для каждаго сословія. Я приказываю оберъ-церемоніймейстеру приготовить залы“.

Когда послѣ того король вышелъ, за нимъ послѣдовали депутаты дворянства и духовенства, но депутаты средняго сословія остались. Желаніе ихъ было теперь то же, что и во время клятвы 20 іюня; но настроеніе было теперь подавленное. Эти люди, которыхъ судьба оторвала отъ ихъ обычныхъ занятій, которыхъ потокъ событій принесъ сюда изъ ихъ городковъ и деревень, изъ ихъ скромныхъ сельскихъ церквей, теперь очутились въ особенномъ положеніи: они должны были или подчиниться приказанію короля и съ тѣмъ вмѣстѣ отказаться отъ надежды на реформу существующаго порядка, или же оказать непослушаніе, и кому? Не дворянству и высшему духовенству, которое было вмѣстѣ съ послѣднимъ, а самому королю! Съ одной стороны тутъ на дворѣ было слышно бряцаніе оружія собраннаго войска, а съ другой стороны тамъ, въ Парижѣ, волновалась масса народа, нетерпѣливо ждущая облегченія своего положенія. Многіе изъ нихъ понимали, что дѣло идетъ, можетъ быть, не только о ихъ свободѣ, но и о самой жизни. Самъ предсѣдатель собранія Бальи находился въ томъ же угнетенномъ состояніи духа, и когда церемоніймейстеръ де-Брезе со шляпой на головѣ приблизился къ нему и напомнилъ о приказаніи короля, то онъ не нашелся, какъ и что ему сказать, хотя и не рѣшался повиноваться. Наступилъ моментъ, составляющій эпоху, въ которой рѣшается судьба не только государства,

но и наступающаго историческаго періода. Онъ оказался рѣшительнымъ и для Мирабо. Среди всеобщаго смущенія и нерѣшительности онъ всталъ и обратился къ церемоніймейстеру не съ той театральной фразой: „пойдите, скажите вашему господину“ и т. д., которая усвоена исторической легендой, но съ болѣе почтительными, политичными, хотя и не менѣе твердыми и смѣлыми словами: „Да, милостивый государь, мы слышали намѣренія, внушенныя королю, а вы, который не можете быть его органомъ предъ Государственными Чинами, не имѣя здѣсь ни мѣста, ни голоса, ни права говорить,—вы не созданы для того, чтобы напоминать намъ его рѣчи. Однако, для избѣжанія всякаго недоразумѣнія и всякихъ околичностей, я объявляю вамъ, что если васъ уполномочили заставить насъ уйти отсюда, вы должны потребовать приказаній, чтобы употребить силу, ибо мы оставимъ наши мѣста лишь подъ штыками“ [1]).

То, что чувствовалось всѣми, но чего никто не смѣлъ сказать, было сказано. Всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ закричали: „Да, это воля собранія“! Де-Брезе былъ такъ смущенъ рѣшительностью слова и силой выраженія Мирабо и тѣмъ, что съ нимъ были, очевидно, всѣ присутствующіе, что отвѣтилъ поклономъ на полученный отвѣтъ и сталъ отступать съ поклонами же къ двери, какъ будто передъ нимъ былъ самъ король. Когда королю доложено было о случившемся, онъ не далъ того приказанія, на которое ссылался Мирабо, а сказалъ, что если депутаты не хотятъ расходиться, то пусть остаются. Этому нерѣшительному поступку короля придавали слишкомъ большое значеніе. Можно сказать, что если бы и было дано приказаніе пустить въ дѣло силу, то едва ли оно было бы исполнено. Обнаружившееся черезъ нѣсколько дней послѣ того настроеніе войскъ гарнизона даетъ основаніе для такой догадки.

Попытка вернуть событія назадъ не удалась. Мирабо сталъ сразу въ первые ряды Національнаго Собранія. До сихъ поръ онъ былъ знаменитостью Прованса. 23-го іюня онъ сталъ извѣстенъ всей Франціи и Европѣ. Тотчачъ же по удаленіи де-Брезе онъ внесъ предложеніе,—которое и было принято,—что депутаты лично неприкосновенны въ теченіе всего періода ихъ полномочій, и тѣмъ поставилъ преграду для тѣхъ, которые разсчитывали на арестъ наиболѣе энергичныхъ депутатовъ третьяго сословія.

---

[1]) Въ этомъ видѣ эти слова напечатаны въ 13-мъ „Письмѣ къ избирателямъ“. Stern, II, p. 27.

Вслѣдъ затѣмъ многіе дворяне присоединились къ третьему сословію, а также и нѣкоторые изъ высшихъ духовныхъ лицъ, а потомъ король приказалъ и остальнымъ присоединиться, мотивируя свою волю тѣмъ, что, будучи въ Собраніи, они станутъ оплотомъ монархіи.

Планъ, который былъ связываемъ въ coup d'état придворными сферами съ королевой и герцогомъ Артуа во главѣ, пока не удался. Планъ заключался въ томъ, чтобы удалить Неккера, распустить Государственные Чины, если бы они настаивали на своемъ поведеніи, а такъ какъ они созваны были для улучшенія финансовъ, а таковое оказывалось невозможнымъ, то устроить банкротство. Когда Мирабо узналъ о подробностяхъ этого плана, то онъ такъ отозвался о немъ: „Это тотъ путь, которымъ королей ведутъ на эшафотъ“. Это въ первый разъ онъ высказался объ опасности того пути, которому потомъ слѣдовала реакція при дворѣ, и выразилъ страхъ за судьбу королевскаго дома.

Но этой опасности не видѣли, какъ равно не видѣли и начавшагося разложенія государственнаго порядка, а потому рѣшились на возобновленіе той попытки, которая не удалась, по мнѣнію руководителей ея, только потому, что войска оказались ненадежны. Поэтому въ началѣ іюля мѣсяца были стянуты къ Парижу иностранные полки, которыхъ тогда было много во Франціи и которые, казалось, не могли колебаться въ борьбѣ съ народомъ. Подъ вліяніемъ очевидной опасности для собранія отъ сосредоточенія войскъ и гибельности возможной гражданской войны, Мирабо 8-го іюля сдѣлалъ предложеніе Національному Собранію, чтобы оно обратилось къ королю съ адресомъ объ удаленіи войскъ отъ Парижа и объ учрежденіи гражданской стражи. Первое изъ этихъ предложеній было принято, второе же показалось слишкомъ смѣлымъ. Адресъ былъ поднесенъ королю особой депутаціей, въ которой былъ и Мирабо. Отвѣтъ короля на адресъ Національнаго Собранія полученъ былъ только 11 іюля. Онъ былъ неудовлетворителенъ. Король говорилъ въ своемъ посланіи, что войска собраны не въ угрозу Собранію, а для его безопасности и для поддержанія порядка, но что если Собраніе находитъ близость войскъ для себя опаснымъ, то оно можетъ удалиться въ Нойнъ или въ Суассонъ. Иными словами, ему предлагалось удалиться подальше отъ столицы, гдѣ оно могло найти себѣ поддержку и защиту, и отдаться на волю иностранныхъ полковъ и придворной реакціи. По поводу этого отвѣта Мирабо сказалъ въ собраніи: „Мы желали

удаленія войскъ, но мы вовсе не желали бѣгства передъ войсками. О возможномъ удаленіи ихъ отъ столицы мы просили не ради насъ самихъ. Вѣдь извѣстно, что не страхъ руководитъ нами, но соображеніе объ общей пользѣ". Въ тотъ же день вечеромъ Неккеръ получилъ отъ короля повелѣніе оставить должность и немедленно выѣхать изъ предѣловъ Франціи. Отставку получили и его товарищи по министерству, и на мѣсто ихъ назначены были лица, реакціонное настроеніе которыхъ ни для кого не было тайной.

Это извѣстіе, и въ особенности отставка Неккера, поразило какъ громомъ парижское населеніе, которое не было посвящено въ подробности того, что до тѣхъ поръ происходило въ Варсали. Настроеніе населенія было мрачно уже и до того времени. Неурожай предыдущаго года сопровождался повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ въ столицѣ; безпорядки, начавшіеся въ провинціи, затрудняли его подвозъ, а къ этому присоединилось затишье въ дѣлахъ и безработица, какъ послѣдствіе неопредѣленности политическаго положенія. Все это вмѣстѣ создавало развитіе нужды среди городского населенія. Сосредоточеніе войскъ вокругъ столицы и патрули, доходившіе до Тюльерійскаго сада, только увеличивали естественное безпокойство. Являлось опасеніе, что солдаты своимъ потребленіемъ хлѣба еще болѣе поднимутъ цѣну его. Поэтому въ городѣ было безпокойно. Къ волненіямъ народа присоединялись волненія солдатъ, заражавшихся общимъ движеніемъ. Незадолго до того гвардейцы братались съ народомъ. Въ саду Палероляя обыкновенно собирались сходки, на которыхъ обсуждалось положеніе дѣлъ и говорились зажигательныя рѣчи противъ аристократовъ и министровъ, томящихъ голодомъ столицу. Извѣстіе объ отставкѣ Неккера было той искрой, которая нашла много горючаго матеріала. Началось возстаніе, ораторомъ котораго въ Палероялѣ явился Камиллъ Демуленъ. Въ Елисейскихъ поляхъ дошло до столкновенія народа съ драгунами полка Ламбеска (Lambesc), причемъ французскіе гвардейцы стрѣляли въ драгунъ. Разростаясь, движеніе нашло себѣ объектъ въ крѣпости Бастиліи, которая своими пушками угрожала всему С. Антуанскому предмѣстью, населенному рабочимъ людомъ. Подробностей событій, закончившихся 14 іюля взятіемъ приступомъ Бастиліи, мы касаться не будемъ. Для предупрежденія анархіи городскіе избиратели собрались и выбрали думу, а для охраны порядка организовали гражданскую стражу. Городскимъ головой избранъ былъ Бальи, предсѣдатель Національнаго Собранія, а начальникомъ гражданской стражи Ла-

файетъ. Въ то время, какъ во дворцѣ въ Версали уже готовились въ ночь на 15 число привести въ исполненіе государственный переворотъ, т. е. распустить собраніе и арестовать его членовъ, когда королева, герцогъ Артуа, Полиньякъ, Конде и другіе раздавали солдатамъ вино и деньги, готовясь къ рѣшительному удару, когда заготовлены были уже сорокъ тысячъ королевской прокламаціи о переворотѣ, туда пришло извѣстіе о взятіи Бастиліи. Впечатлѣніе этого событія было тѣмъ громаднѣе, чѣмъ менѣе оно было ожидано. Оно вызвало страхъ и рѣшеніе отступить пока было еще возможно. Королева настаивала на томъ, чтобы король удалился изъ Версали и началъ гражданскую войну; но большинство склонилось къ миру съ Національнымъ Собраніемъ и съ столицей. Рѣшеніе это было продиктовано не только сильнымъ впечатлѣніемъ происшедшихъ событій, но и опасеніемъ относительно исхода борьбы. Извѣстно стало, что драгуны Ламбеска отступили изъ Елисейскихъ полей, швейцарскій полкъ отказался рѣшительно стрѣлять въ народъ. Являлось сомнѣніе въ возможности положиться на войска. Поэтому на другой день, когда собраніе снова хотѣло уже послать депутацію къ королю и просить возвращенія Неккера и удаленія новыхъ министровъ, ему стало извѣстно, что король самъ идетъ въ собраніе. Онъ явился туда въ сопровожденіи братьевъ и объявилъ объ удаленіи войскъ и о возвращеніи министровъ вмѣстѣ съ Неккеромъ. Онъ заявилъ, что онъ хочетъ быть съ націей за одно. Это заявленіе вызвало энтузіазмъ въ собраніи, одушевленнэмъ монархическими чувствами и бывшимъ еще подъ обаяніемъ престижа монархической традиціи. Оно въ полномъ составѣ проводило короля во дворецъ и послало отъ себя депутацію въ столицу оповѣстить о предстоящемъ посѣщеніи ея королемъ. На другой день Людовикъ XVI совершилъ эту поѣздку. Громадныя толпы стояли по пути королевскаго кортежа, но гробовое молчаніе сопровождало его. Насколько страннымъ казалось это путешествіе, видно изъ того, что передъ поѣздкой въ Парижъ король исповѣдывался и причастился. Когда онъ достигъ думы, у подножія лѣстницы онъ былъ встрѣченъ Бальи и Лафайетомъ, а офицеры гражданской гвардіи, стоявшіе по ступенямъ лѣстницы, образовали изъ сабель сводъ, подъ которымъ король прошелъ въ думу. Тамъ онъ утвердилъ учрежденіе новаго городского управленія и гражданской стражи и изъ рукъ Лафайета принялъ новую трехцвѣтную кокарду. Когда народъ увидѣлъ его съ нею на балконѣ въ сопровожденіи Бальи и Лафайета, то молчаніе смѣнилось

ликованіемъ, и теперь уже бурные клики восторга провожали короля по пути его обратнаго слѣдованія изъ Парижа. Но это путешествіе короля въ Парижъ, а равно и посѣщеніе имъ собранія не были примиреніемъ его съ новымъ порядкомъ вещей, а были только побѣдой народа. Когда онъ вернулся домой, то онъ бросился со слезами въ объятіе королевы со словами: „Какое униженіе, какое униженіе“. Еще менѣе того склонны были примириться съ новымъ порядкомъ вещей тѣ, которые были зачинщиками задуманнаго переворота. Видя свое пораженіе, братъ короля, герцогъ Артуа, и съ нимъ Конде, Конти, Бролль, Полиньякъ и другіе выдающіеся аристократы выѣхали за границу и тѣмъ положили начало дворянской эмиграціи.

Паденіе Бастиліи, уничтоженіе стараго управленія въ Парижѣ не осталось единичнымъ фактомъ. Во многихъ городахъ произошли возстанія, и почти всюду произошло паденіе стараго управленія, оно исчезало какъ бы само собою подъ тяжестью своей собственной дряхлости и подъ давленіемъ общественной антипатіи и недовѣрія. Такимъ образомъ, 14-е іюля явилось историческимъ моментомъ, означающимъ паденіе абсолютизма во Франціи, а черезъ посредство ея европейскаго вліянія получило и мірóвое историческое значеніе.

Въ дни 13 и 14 іюля мы не видимъ имени Мирабо въ протоколахъ Національнаго Собранія. У него было свое семейное дѣло, смерть отца, который скончался въ Аржантейѣ около Парижа. Оно отвлекло его отъ общественныхъ дѣлъ. Но отношеніе его къ этому крупному послѣдствіями событію тѣмъ не менѣе интересно. Когда въ Національномъ Собраніи нѣкоторыми депутатами сдѣлана была попытка въ прокламаціи отъ собранія заклеймить возстаніе безъ всякихъ объясненій, онъ возсталъ противъ этой попытки, энергично доказывая естественную необходимость возстанія и законность въ смыслѣ сопротивленія насилію. Но затѣмъ, объясняя въ своемъ журналѣ „Письма къ избирателямъ“ нѣкоторыя крайности возстанія, онъ писалъ: „Общество скоро распалось бы, если бы толпа привыкла къ крови и къ безпорядку, поставила бы себя выше судей и стала бы бравировать силу законовъ. Вмѣсто свободы народъ кинется тогда къ рабству, ибо часто опасность соединяетъ всѣхъ около абсолютизма, и среди анархіи самъ деспотъ представляется спасителемъ“. (19 письмо) [1]). Это указаніе оправдалось 19 брюмера.

[1]) Sterr, II, p. 48.

III.

Съ паденіемъ Бастиліи миновала опасность для существованія Національнаго Собранія, но опасность для благополучныхъ родовъ новаго порядка усилилась. Съ паденіемъ стараго административнаго строя и при отсутствіи новыхъ установленныхъ порядковъ явилась опасность анархіи. Съ этого момента мы видимъ Мирабо въ постоянной заботѣ о скорѣйшей организаціи исполнительной власти, вмѣсто разрушенной, и на стражѣ противъ проявленій анархіи. Когда вскорѣ послѣ паденія Бастиліи Лалли Толандаль предложилъ Національному Собранію издать прокламацію, предостерегающую противъ нарушеній закона и объявляющую плохими гражданами тѣхъ, кто будетъ нарушать законы, и при этомъ совѣтовалъ сослаться на отеческую любовь короля, Мирабо возсталъ противъ этого предложенія, какъ противъ непрактичнаго, и кромѣ того онъ находилъ, что послѣ того, какъ еще такъ недавно Собраніе избѣгло опасности, нетактично вводить народъ въ заблужденіе относительно отеческой любви короля. Взамѣнъ такой декларації, которая ни къ чему бы не повела, онъ предлагалъ Собранію скорѣе заняться организаціей власти, а такъ какъ такое дѣло требуетъ времени, то онъ предлагалъ озаботиться сейчасъ же организаціей исполнительной мѣстной власти и гражданской стражи и поручить эту работу мѣстнымъ силамъ, поставивъ имъ только главныя условія: слiяніе сословій, свободу выборовъ и срочность службы должностныхъ лицъ. Это предложеніе осталось втунѣ. Собраніе, напротивъ, предпочло заняться формулировкой правъ человѣка и гражданина, дабы изъ этихъ принциповъ вывести конституціонные законы. Мирабо возсталъ противъ такой работы. Онъ находилъ, что „голая декларація правъ, примѣнимая ко всѣмъ широтамъ нравственнымъ и географическимъ земного шара, безъ сомнѣнія была великой идеей, но мнѣ кажется, говорилъ онъ, что прежде чѣмъ думать такъ великодушно о кодексѣ другихъ націй, лучше бы было, чтобы сначала были положены или покрайней мѣрѣ условлены основанія нашего. Съ каждымъ шагомъ, который вы сдѣлаете въ правахъ человѣка, вы будете поражены тѣмъ злоупотребленіемъ, которое можетъ изъ нихъ сдѣлать гражданинъ“. По поводу того же дѣла онъ указывалъ Собранію на разницу, которая существуетъ между работой философа и работой государственнаго человѣка. „Философъ работаетъ для будущаго и не обращается

къ массѣ (народа), государственный человѣкъ дѣйствуетъ на всѣхъ и въ опредѣленный данный моментъ". Этотъ тезисъ Мирабо сближаетъ его съ Екатериной II, которая тоже писала Дидро: „Вамъ хорошо разсуждать; вы работаете на бумагѣ, которая все терпитъ, а мнѣ приходится работать на человѣческой кожѣ". Потомъ, во время преній о Декларації правъ, онъ предсказывалъ, что она не будетъ имѣть того дѣйствія, котораго отъ нея ожидаютъ, что среди народа, который состарился въ предразсудкахъ, она будетъ звучать не столько объявленіемъ свободы, сколько объявленіемъ войны тиранамъ.

Всѣ эти предостереженія и требованія человѣка практическаго, желавшаго настоящаго дѣла, а не отвлеченныхъ разсужденій, понимавшаго, что время не ждетъ и что надо торопиться съ дѣломъ, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ въ собраніи, наполненномъ людьми неопытными и къ тому же, въ силу господствовавшаго тогда классическаго духа и философскаго настроенія, склоннаго къ дедукціи и къ вѣрѣ въ силу отвлеченныхъ принциповъ. Между тѣмъ событія не ждали и опережали Національное Собраніе. Движеніе изъ городовъ перешло въ деревни и направилось противъ помѣщичьихъ правъ. Въ концѣ іюля каждый день приходили въ Собраніе извѣстія о нападеніяхъ крестьянъ на помѣщичьи замки, и каждую ночь пожары послѣднихъ освѣщали горизонтъ. При этомъ главной цѣлью было уничтоженіе феодальныхъ архивовъ, въ которыхъ сохранялись документы, обосновывавшіе феодальныя права. Подъ вліяніемъ этихъ событій произошла знаменитая ночь 4-го августа. Вечеромъ въ этотъ день Національное Собраніе находилось подъ впечатлѣніемъ доставленныхъ грозныхъ извѣстій. Герцогъ Эгильонъ и Виконтъ Ноаль обратились къ нему съ предложеніемъ уничтожить всѣ феодальныя права и за себя отказались отъ послѣднихъ. Тогда произошло зрѣлище, невиданное въ исторіи. Одни за другими всходили на трибуну владѣльцы феодальныхъ правъ и привилегій и объявляли объ отказѣ отъ нихъ. Представители городовъ, отдѣльныхъ корпорацій, священники, представители провинцій, словомъ всѣ отказывались отъ своихъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Исключеніе составило только высшее духовенство. Каждое заявленіе встрѣчалось съ восторгомъ, и энтузіазмъ достигъ того предѣла, когда люди поднимаются гораздо выше своего обычнаго моральнаго уровня. Къ утру, когда кончилось засѣданіе, всѣ феодальныя права были отмѣнены.

Мирабо не было въ засѣданіи во время этой достопамятной

ночи. Семейныя дѣла по поводу раздѣла наслѣдства отвлекли его. Онъ такъ отозвался объ этомъ событіи. „Таковы наши французы: цѣлый мѣсяцъ спорятъ о словахъ, а въ одну ночь разрушаютъ и сваливаютъ въ кучу все старое зданіе французской монархіи“. По поводу же постановленій ночи 4-го августа онъ писалъ дядѣ, что предпочтительнѣе было бы, вмѣсто огульнаго уничтоженія феодальныхъ правъ, оставляющаго много недоразумѣній, подвергнуть отдѣльному разбору всѣ дѣла, связанныя съ феодальнымъ порядкомъ и съ правомъ собственности, такъ какъ многія изъ феодальныхъ правъ не могли быть уничтожены безъ выкупа. Такъ оно потомъ и произошло въ дѣйствительности, и отдѣльныя коммиссіи занялись разборомъ этихъ правъ. Но Собраніе было право, поспѣшивъ съ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса, такъ какъ оно имѣло въ виду предупредить развитіе крестьянскихъ возстаній, а къ тому же было много привилегій чисто личныхъ, не имѣвшихъ значенія собственности, которыя однако отзывались невыгодно на деревенской и городской экономической жизни или же причиняли униженіе личности непривилегированныхъ людей.

Провозглашеніе принциповъ и теоретическое обсужденіе основаній свободы не могло прекратить волненій въ Парижѣ и въ другихъ городахъ. Они поддерживались недостаткомъ работы и продовольствія. Въ Парижѣ были организованы общественныя работы, чтобы доставить средства къ жизни нуждающемуся населенію. Но эти работы оплачивались не поурочно, а поденно, къ тому же они не были организованы въ другихъ мѣстахъ, а потому много людей стекалось въ столицу, и такимъ образомъ зло увеличивалось. Неккеръ принялъ широкія продовольственныя мѣры, стоившія большихъ денегъ, но онѣ не достигали цѣли главнымъ образомъ ѣслѣдствіе того, что хлѣбная торговля была парализована. Французское населеніе, какъ мы сказали выше, привыкло относиться враждебно къ хлѣбной торговлѣ, будучи воспитано въ предразсудкѣ, что такой важный предметъ, какъ народное продовольствіе, не можетъ быть отдаваемъ на произволъ жадности купцовъ. Оно вслѣдствіе этого смотрѣло враждебно и на передвиженіе хлѣба. Неккеръ раздѣлялъ взглядъ населенія на хлѣбную торговлю и въ своихъ распоряженіяхъ объявлялъ громко о „жадности купцовъ, достойной наказанія“. Теперь, когда правительственная власть пала, общественному предразсудку противъ хлѣбной торговли открытъ былъ широкій путь, и онъ отозвался, съ одной стороны, на томъ, что отдѣльные города и общины не допускали пе-

редвиженія хлѣба, и такимъ образомъ хлѣбная торговля была парализована, а правительственныя продовольственныя мѣры, конечно, не могли возмѣстить этотъ недостатокъ, если бы онѣ и шли совершенно правильно и покойно. Съ другой стороны, населеніе относилось враждебно и подозрительно и къ передвиженію казенныхъ грузовъ. Дѣло дошло до того, что по Сенѣ должны были крейсировать военные люгеры, чтобы обезпечить доставку въ Парижъ казенныхъ грузовъ.

Населеніе столицы, лишенное работы и чувствующее сильный недостатокъ въ продовольствіи, волновалось и по своему объясняло свое положеніе. Оно привыкло издавна смотрѣть на короля, какъ на источникъ изобилія хлѣба. Въ этой мысли оно было воспитано длиннымъ рядомъ лѣтъ продовольственной политики, въ теченіе котораго монархія считала особенно важнымъ заботиться о дешевизнѣ хлѣба въ столицѣ. Всемогущество короля въ этомъ направленіи не подлежало никакому сомнѣнію. Если, значитъ, онъ теперь не производитъ изобилія хлѣба, то это потому, что аристократы ему мѣшаютъ въ этомъ, стараясь заморить голодомъ столицу, защитницу свободы. Отсюда до мысли объ освобожденіи короля отъ аристократовъ и доставленіи его въ столицу уже недалеко. Въ поддержаніи возбужденія населенія Парижа сильно работали агенты герцога Орлеанскаго. Послѣдній надѣялся, что въ возстаніи можетъ погибнуть королевская семья, и на мѣсто Людовика XVI можетъ стать королемъ Филиппъ Орлеанскій. Наиболѣе могущественнымъ человѣкомъ въ Парижѣ былъ въ это время Лафайетъ, не только потому, что онъ былъ начальникомъ національной гвардіи, переименованной изъ гражданской стражи, но еще и потому, что онъ пользовался большой популярностью въ населеніи. Ради послѣдней онъ не принималъ всѣхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ, происходившихъ ежедневно. Его честолюбіе рисовало ему роль человѣка, насаждающаго свободу во Франціи; но для этого надо было, чтобы Декларація правъ, — это его дѣтище, — была утверждена королемъ, а во-вторыхъ, чтобы дворъ находился подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Лафайетъ былъ очень недоволенъ королемъ за то, что тотъ медлилъ утвердить поднесенный ему актъ Декларації правъ человѣка и гражданина, которому онъ придавалъ такое первостепенное значеніе. Онъ не былъ бы недоволенъ, если бы народное движеніе произвело на короля нѣкоторое давленіе въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ, интересы герцога Орлеанскаго и соображенія Лафайета совпадали съ предразсудкомъ народа, подсказывавшимъ ему движеніе въ Версаль.

Какъ извѣстно, поводомъ движенія на Версаль былъ праздникъ прибывшаго туда Фландрскаго полка, которому офицеры давали перваго октября вечеръ. Послѣдній посѣтили король и королева, что вызвало сильный энтузіазмъ офицеровъ. Музыка играла гимнъ „О, Ричардъ, мой король, всѣ тебя покидаютъ“... Возбужденные виномъ офицеры стали срывать съ себя трехцвѣтную кокарду, въ чемъ имъ помогали придворныя дамы, и замѣнять ее бѣлой. Такой же вечеръ повторился 3-го октября. Извѣстіе объ этой, въ сущности говоря, не имѣвшей значенія демонстраціи, пришедши въ Парижъ, произвело взрывъ готоваго горючаго матеріала. Произошло движеніе женщинъ, отправившихся въ Версаль освобождать короля отъ аристократовъ и просить у него хлѣба, за которыми отправилась туда же и толпа мужчинъ, захватившихъ съ собой и пушки. Лафайетъ тоже собралъ національную гвардію и двинулся туда же, но онъ собирался очень медленно и явился тогда, когда толпа уже побывала у короля и наполнила залу Національнаго Собранія, и тамъ и тутъ требуя хлѣба. Ему удалось возстановить спокойствіе, народу былъ розданъ хлѣбъ, и ночь прошла спокойно. Внѣшніе караулы дворца были заняты національными гвардейцами. Какъ и во всякой толпѣ, такъ и тутъ были бродяги, готовые поживиться на чужой счетъ. Нѣкоторые изъ нихъ, бродя около рѣшетки дворца, нашли одну калитку незапертой и проникли туда. Внутри они натолкнулись на караулъ, съ которымъ завязалась драка. Она послужила поводомъ къ тому, что началась общая свалка, и возбужденная толпа проникла во дворецъ. Королевская семья едва избѣгла нападенія и опасности, такъ какъ, несомнѣнно, въ толпѣ были клевреты герцога Орлеанскаго, готовые убить короля. Лафайету удалось очистить дворецъ отъ толпы и защитить короля и королеву, но онъ настоялъ на томъ, чтобы король утвердилъ Декларацію правъ человѣка и гражданина и переѣхалъ на жительство въ Парижъ. Переѣздъ короля изъ Версали въ Парижъ похожъ былъ на карнавалъ, а не на путешествіе главы государства. Громадная толпа окружала карету и пѣла пѣсни, въ которыхъ говорилось, что она везетъ съ собой главнаго булочника и булочницу. Черезъ нѣсколько дней послѣ того переѣхало въ Парижъ и Національное Собраніе.

Значеніе дней 5-го и 6-го октября громадно. Помимо того факта, что королевская власть была аттакована толпой и, такъ сказать, взята въ плѣнъ; но обѣ государственныя власти очутились теперь въ Парижѣ подъ господствомъ толпы. Вліянію послѣд-

ней, за отсутствіемъ сильной исполнительной власти, они неизбѣжно должны были подчиниться, и само Національное Собраніе вмѣсто того, чтобы быть выразителемъ воли націи, стало теперь въ необходимость быть выразителемъ воли Парижа. Мало кто въ то время понималъ именно это значеніе событій; напротивъ, думали, что настала эпоха спокойствія и примиренія.

Роль Мирабо въ этихъ событіяхъ была не велика, но она показываетъ, что онъ понималъ ихъ значеніе. Когда въ Версаль пришло извѣстіе о движеніи толпы изъ Парижа, онъ подошелъ къ президенту Національнаго Собранія Мунье и посовѣтовалъ ему отправиться тотчасъ же во дворецъ и уговорить короля немедленно оставить Версаль, чтобы не очутиться въ плѣну у народа. Мунье не послѣдовалъ этому совѣту, такъ какъ онъ отнесся къ нему подозрительно. Онъ считалъ Мирабо купленнымъ сторонникомъ герцога Орлеанскаго. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Мирабо мѣшала его плохая репутація. Потомъ, когда совершилось переселеніе въ Парижъ королевской семьи, онъ увидѣлъ въ этомъ фактѣ наступленіе анархіи и очень мрачно смотрѣлъ на будущее. Онъ говорилъ своему другу графу Ламарку: „Вы увидите, король и королева погибнутъ. Ихъ трупы будутъ волочить по мостовой, и толпа надругается надъ ними“. Едва ли кто нибудь тогда такъ предвидѣлъ будущее.

Несмотря на мрачный взглядъ на будущее, несмотря на то, что Мирабо сознавалъ, какой тормазъ въ его дѣятельности составляетъ его прошлое, онъ съ энергіей принималъ участіе въ выработкѣ конституціонныхъ положеній. Первымъ изъ крупныхъ вопросовъ былъ вопросъ о королевской санкціи законодательныхъ постановленій собранія. Имѣетъ ли право король не утвердить постановленіе собранія? Вотъ въ чемъ заключается вопросъ о королевскомъ veto. Мирабо, оставаясь послѣдовательнымъ сторонникомъ сильной исполнительной власти и имѣя въ виду примѣръ Англіи, не могъ не настаивать на предоставленіи королю права отказывать въ утвержденіи рѣшеній парламента. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда зашла рѣчь о королевскомъ veto, онъ отозвался объ этомъ такимъ образомъ: „Я считаю veto короля столь необходимымъ, что если-бъ его у него не было, я предпочелъ бы жить скорѣе въ Константинополѣ, чѣмъ во Франціи. Да, я заявляю, я не знаю ничего ужаснѣе аристократіи 600 человѣкъ, которые завтра сдѣлали бы себя несмѣняемыми, послѣзавтра наслѣдственными и кончили бы, какъ всѣ аристократіи міра, тѣмъ, что захва-

тили бы все“ [1]). Потомъ, въ августѣ, вновь возвращаясь къ тому же вопросу, онъ настаивалъ на мысли, что безъ сильной исполнительной власти дѣло придетъ къ анархіи. „Ничто не можетъ утѣшить въ бѣдствіяхъ анархіи, развѣ только сознаніе, что она не можетъ тянуться долго, и, конечно, или вы никогда не создадите французской конституціи, или же вы найдете средство дать нѣкоторую силу исполнительной власти и общественному мнѣнію раньше, чѣмъ ваша конституція будетъ формулирована“. По этому случаю онъ опять говорилъ о необходимости установленія королевской санкціи законовъ и напередъ обѣщалъ, что къ ней онъ отнесется съ бо́льшимъ религіознымъ уваженіемъ, чѣмъ кто либо изъ роялистовъ [2]). По поводу его горячей защиты королевской прерогативы было высказано тогда въ собраніи подозрѣніе относительно безкорыстія его отношенія къ дѣлу. Эти намеки, съ ссылкой на его прошлое, вызвали съ его стороны реплику: „Безъ сомнѣнія, во время моей бурной молодости, по винѣ другихъ и еще болѣе по моей собственной, я сдѣлалъ очень много дурного, и мало найдется людей, которыхъ частная жизнь давала бы больше поводовъ для клеветы и больше пищи для злословія. Но я могу засвидѣтельствовать предъ всѣми вами: ни одинъ писатель, ни одинъ общественный дѣятель не имѣетъ болѣе меня права поставить себѣ за честь смѣлость чувства, безкорыстіе цѣли, гордую независимость и единство принциповъ“.

Въ началѣ сентября ему снова пришлось говорить по поводу королевской санкціи законовъ. Возражая тѣмъ, кто не допускалъ этой прерогативы короля, съ одной стороны, ради теоретически послѣдовательнаго раздѣленія государственныхъ властей, а съ другой—изъ опасенія злоупотребленія этой прерогативой со стороны короля, Мирабо доказывалъ, что двѣ власти: хотѣть и дѣйствовать—должны имѣть одинаковое значеніе; изъ нихъ исполнительная власть, имѣющая постоянное общеніе съ народомъ, можетъ лучше знать, что отвѣчаетъ или не отвѣчаетъ народной волѣ. Если лишить ее права высказывать свое мнѣніе и вліять на законодательную власть, то могутъ получиться два послѣдствія: или общественная сила, находящаяся въ распоряженіи главы исполнительной власти, будетъ направлена, даже помимо его воли, противъ парламента, или парламентъ захватитъ исполнительную

---

[1]) Rousse, p. 157. Lomenie, IV, p. 428.
[2]) Lomenie, IV, p. 394 и 428.

власть и превратится въ аристократическую тираннію. Опасенія злоупотребленія правомъ veto, по его мнѣнію, неосновательны, ибо у представителей націи есть въ рукахъ средство противъ этого: отказъ въ деньгахъ, въ войскахъ, ежегодность парламента и отвѣтственность министровъ.

Принципы, которые высказывалъ теперь Мирабо, были тѣ же, которые онъ высказывалъ и въ началѣ года на выборахъ: упраздненіе феодальныхъ привилегій, гражданская свобода и равенство предъ закономъ, сильная исполнительная власть и полная солидарность короля съ новымъ соціально-политическимъ порядкомъ. Послѣднее условіе онъ считалъ главнымъ для безопасности перехода отъ стараго порядка къ новому, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ этого условія не было, ибо при дворѣ не могли примириться съ паденіемъ феодальнаго строя и съ равенствомъ всѣхъ передъ закономъ. Энергическая защита Мирабо королевской прерогативы достигла только того, что королю предоставлено было отлагательное veto. По этому закону рѣшеніе законодательнаго собранія могло быть не утверждено королемъ, но въ такомъ случаѣ оно не отмѣнялось совершенно, а только откладывалось на двѣ сессіи. Если по прошествіи двухъ сессій парламента оно снова принималось послѣднимъ, то оно вступало въ законную силу и помимо согласія на него короля.

Въ этомъ рѣшеніи Національнаго Собранія сквозило опасеніе злоупотребленія со стороны короля своей прерогативой, и надо сказать, что въ этомъ опасеніи было основаніе. Позднѣйшія событія показали, что исполнительная власть могла подкапываться подъ новый порядокъ вещей; но тѣмъ не менѣе принятіе отлагательнаго veto нисколько не исправляло дѣла, ибо оно не устраняло возможности злоупотребленія, а между тѣмъ колебало авторитетъ исполнительной власти.

Мирабо полагалъ, что ставить человѣка вождемъ двадцатипятимилліоннаго народа и въ то же время въ извѣстныхъ случаяхъ заставлять его примѣнять законы, на которые онъ не давалъ согласія, значитъ—одной рукой разрушать то, что другой созидаютъ. Но разногласіе между нимъ и противниками абсолютнаго veto было глубже, чѣмъ казалось. Оно крылось въ различіи пониманія монархіи. Его противники считали, что они достаточно монархисты, если они утвердятъ на бумагѣ наслѣдственность королевскаго сана и неотвѣтственность короля; но этому наслѣдственному и неотвѣтственному носителю короны они, отчасти сами не

сознавая того, предоставляли конституціи не больше мѣста, чѣмъ какому нибудь орнаменту. Мирабо же видѣлъ спасеніе Франціи въ томъ, чтобы королевская власть и нація слили свои интересы; но именно для этого онъ хотѣлъ, чтобы между представителями послѣдней и королемъ не было воздвигаемо рѣзкихъ границъ. Новая французская монархія, носившаяся предъ его взоромъ, была не та, которая существовала передъ созывомъ Государственныхъ Чиновъ; но это была и не та монархія, которая рисовалась въ умѣ тѣхъ, кто изъ плохо понятой теоріи раздѣленія государственной власти сдѣлали догматъ и, чтобы сохранить послѣдній во всей чистотѣ, дѣлали самую практику власти невозможной. То, о чемъ онъ думалъ, выражалось фразой: „Правительство Франціи есть королевская демократія“. „Это значитъ, какъ говорилъ органъ Мирабо, „Courrier de Provence“, что демократія естественнымъ образомъ сливается съ монархіей, что ихъ интересы не противорѣчатъ другъ другу, ибо воля короля должна заключаться въ томъ, чтобы видѣть свой народъ многочисленнымъ, цвѣтущимъ и могущественнымъ, а воля народа—въ томъ, чтобы видѣть своего короля достаточно сильнымъ, чтобы воспротивиться возвращенію аристократіи, которая всегда стремится къ независимости, и могущество которой всегда проявляется на счетъ силы государя и силы народа“ [1]).

Но современники Мирабо, сознательно или нѣтъ, стремились къ республикѣ съ монархической вывѣской. Отсюда, а также и вслѣдствіе подозрительнаго отношенія къ королевской власти, вопросъ о veto получилъ преувеличенное значеніе. Въ широкихъ кругахъ народа veto считали живымъ существомъ, какимъ то придворнымъ чиномъ или же средствомъ возвращенія къ рабству, а газетчики изображали его кровавымъ манекеномъ деспотизма. Нѣсколько дней спустя, послѣ своей рѣчи 1 сентября, произнесенной въ Національномъ Собраніи въ защиту veto, Мирабо съ своимъ другомъ Дюмономъ пріѣхалъ въ Парижъ. Около книжнаго магазина Лежэ (Lejay) вокругъ его экипажа собралась толпа парижанъ. Когда онъ вышелъ изъ магазина, люди съ плачемъ бросились ему въ ноги и, какъ „отца народа“, умоляли его спасти ихъ отъ „этого ужаснаго veto“ и отъ возвращенія рабства [2]).

На той же почвѣ происходило и рѣшеніе вопроса о томъ,

---

[1]) Stern, II, p. 63.

[2]) Stern, II, p. 68 Rousse, p. 157.

могутъ быть или нѣтъ министры изъ числа членовъ парламента? Сущность этого вопроса заключается въ томъ, что министры, будучи назначаемы изъ числа членовъ парламента, естественно являются представителями и руководителями наиболѣе вліятельной его группы. Мирабо былъ знакомъ съ дѣломъ по практикѣ Англіи, гдѣ еще со второй половины XVIII вѣка утвердился обычай, что министерство составляется королемъ изъ членовъ парламента, пользующихся наибольшимъ вліяніемъ и довѣріемъ этой коллегіи. Но для этого, конечно, необходимо условіе, чтобы законъ не препятствовалъ членамъ парламента совмѣщать должность министра и депутата. Къ этому вопросу Національное Собраніе подошло въ концѣ октября 1789 года, когда зашла рѣчь о правахъ гражданъ быть избирателями и избираемыми на общественныя должности. Одинъ изъ болѣе радикальныхъ депутатовъ Собранія предложилъ теперь же объявить, что министры не могутъ быть избираемыми въ депутаты. Хотя теперь шелъ вопросъ не о министрахъ, а объ общихъ условіяхъ избираемости, но, благодаря этому предложенію, онъ сошелъ на вопросъ о томъ, могутъ ли быть министры изъ числа членовъ парламента? Мирабо выступилъ въ защиту рѣшенія этого вопроса въ положительномъ смыслѣ въ силу двухъ аргументовъ. Во-первыхъ, потому, что министры, будучи изъ числа членовъ парламента, являются проводниками въ парламентѣ идей исполнительной власти и такимъ образомъ способны усилить въ немъ ея вліяніе. Во-вторыхъ, сама исполнительная власть становится сильнѣе именно тѣмъ, что она пользуется поддержкой большинства парламента и пользуется его довѣріемъ, а черезъ него и общества. Оба эти аргумента находились въ согласіи съ постояннымъ требованіемъ Мирабо объ установленіи сильной исполнительной власти. По его мнѣнію, при назначеніи министровъ изъ числа членовъ парламента устранялась одна изъ лишнихъ перегородокъ между законодательной и исполнительной властью, чрезмѣрное отдѣленіе которыхъ онъ считалъ вреднымъ.

Но такъ же, какъ и въ вопросѣ о королевской санкціи законовъ, Національное Собраніе и въ вопросѣ о назначеніи министровъ стало на сторону проведенія въ чистомъ видѣ теоріи раздѣленія государственныхъ властей, а потому не хотѣло допустить совмѣщенія роли законодателя, т. е. члена парламента съ ролью министра, т. е. представителя исполнительной власти. Кромѣ этого принципіальнаго основанія, большое вліяніе имѣло и опасеніе, что король, имѣя право назначать министровъ изъ числа чле-

новъ парламента, будетъ имѣть возможность привлекать на свою сторону наиболѣе вліятельныхъ членовъ парламента, а эти послѣдніе, ставъ министрами, будутъ идти противъ него и, такимъ образомъ, вредить дѣлу свободы.

Мирабо со всей силой своей энергіи возсталъ противъ этихъ тенденцій. Все, что можно было сказать въ защиту совмѣщенія званій депутата и министра, было имъ сказано, и все краснорѣчіе въ истинномъ смыслѣ слова было употреблено, чтобы подчинить умъ слушателей аргументамъ, выясняющимъ необходимость упомянутаго совмѣщенія, въ наше время ясную для всѣхъ. „Всѣ добрые граждане озабочены возстановленіемъ сильнаго правительства. Какъ можетъ быть достигнута эта цѣль, если исполнительная и законодательная власти разсматриваются какъ враги, если онѣ опасаются совмѣстно обсуждать общественныя дѣла? Почему мы должны бояться присутствія министровъ?... Нѣтъ, не будемъ давать пустому призраку власти надъ собою. Присутствіе высшаго агента исполнительной власти въ собраніи необходимо“. Далѣе Мирабо доказывалъ, какъ нелогично заподозривать депутата только потому, что онъ сталъ министромъ. „Я не допускаю, сказалъ онъ, чтобы довѣріе, оказанное націей гражданину, должно было быть основаніемъ для лишенія его довѣрія монарха. Я не хочу повѣрить, чтобы министерство хотѣли оскорбить мыслью, что достаточно войти въ составъ его, чтобы стать подозрительнымъ для Собранія“ [1]). На самомъ дѣлѣ это и было такъ.

Многіе понимали, что, отстаивая совмѣстимость званія депутата съ должностью министра, Мирабо въ тоже время отстаивалъ для себя возможность стать министромъ. Онъ зналъ, что надо дѣлать, у него была ясно сознанная правительственная программа, и онъ чувствовалъ въ себѣ силу стать у руля государства и управлять имъ лучше, чѣмъ корифеи того времени, Неккеръ и Лафайетъ, которые неслись по теченію безъ компаса, безъ руля и безъ вѣтрилъ. Но чѣмъ опаснѣе была для нихъ его конкурренція, чѣмъ яснѣе чувствовалась его сила, тѣмъ сильнѣе хлопотали они въ Собраніи, чтобы не допустить для Мирабо возможности пройти въ министры. Неккеръ и другіе министры всѣми силами старались возбудить противъ него недовѣріе. Съ консервативной стороны Собранія возсталъ противъ Мирабо Франсуа Монлозье. Онъ самъ впослѣдствіи вспоминалъ, что его натравилъ канцлеръ Шампіонъ-

---

[1]) Rousse, p. 158.

де-Сисе. Онъ заявилъ Собранію, что въ предложеніи Мирабо скрывается таинственный смыслъ. Со стороны лѣвой выступилъ въ томъ же духѣ Ланжюине, впослѣдствіи извѣстный жирондистъ. Въ данномъ случаѣ онъ тоже былъ глашатаемъ канцлера. „Краснорѣчивый геній теперь увлекаетъ и покоряетъ васъ. Что же будетъ тогда, если онъ станетъ министромъ“? Онъ требовалъ постановленія, чтобы представители націи въ теченіе законодательнаго періода и три года послѣ него не принимали бы ни министерскаго мѣста, ни какого либо знака монаршей милости, никакой пенсіи и никакой должности подъ страхомъ лишенія своихъ полномочій и избирательныхъ правъ на пять лѣтъ. Вопросъ, очевидно, перешелъ на личную почву; но представителю города Нанта, Блену, намеки Ланжюине показались недостаточно ясны и онъ внесъ добавку такого рода: „Ни одинъ изъ членовъ Національного Собранія въ продолженіе текущей сессіи не можетъ вступить въ министерство“. Въ отвѣтъ на это предложеніе Мирабо снова развивалъ выгоды парламентскаго управленія и закончилъ это изложеніе вопросомъ, что выгоднѣе, чтобы на министерской скамьѣ сидѣли придворные, или же люди, пользующіеся довѣріемъ народа? Перейдя затѣмъ къ личнымъ намекамъ Ланжюине и Блена, онъ поставилъ вопросъ открыто и сказалъ, что надо догадываться, что Бленъ имѣлъ въ виду исключеніе изъ министерства лишь нѣкоторыхъ членовъ Національнаго Собранія. „Кто эти члены? Вы уже угадали ихъ, господа. Это авторъ предложенія и я. Я называю автора предложенія первымъ, потому что онъ въ своей скромности и застѣнчивости боится какихъ либо большихъ знаковъ довѣрія и хочетъ создать себѣ средство отклонить ихъ, установивъ общее исключеніе. Затѣмъ я называю себя, такъ какъ слухи, которые ходятъ обо мнѣ, однимъ людямъ внушаютъ страхъ, а въ другихъ вызываютъ надежду, и такъ какъ авторъ предложенія, по всей вѣроятности, повѣрилъ этимъ слухамъ, то возможно, что онъ думаетъ обо мнѣ такъ же, какъ и я самъ. Я поэтому, не удивляюсь, если онъ меня считаетъ способнымъ выполнить порученіе, которое, какъ я чувствую, по плечу моему мужеству и усердію, но не моему разуму и моему таланту, въ особенности въ томъ случаѣ, если я буду лишенъ указаній и совѣтовъ, которые я всегда нахожу въ этомъ собраніи. Поэтому я вношу предложеніе ограничить требуемое исключеніе только однимъ г. Мирабо, депутатомъ общины сенешальства Экса. Я буду считать себя счастливымъ, если бы такой цѣной я могъ пріобрѣсти надежду, что многіе изъ

нашихъ сочленовъ, которые пользуются моимъ уваженіемъ и довѣріемъ, могли бы стать совѣтниками націи и короля, которыхъ я всегда разсматриваю, какъ неотдѣлимыхъ другъ отъ друга“ [1]).

Но эта иронія была такъ же безрезультатна, какъ и всѣ доводы, которые онъ приводилъ въ доказательство того, что министры должны быть избираемы изъ среды парламента. Эти доводы скользили по поверхности сознанія членовъ Національнаго Собранія, не проникая внутрь его. Давно развившіяся чувства и предразсудки мѣшали ихъ усвоенію. Предразсудокъ, въ силу котораго министръ былъ только слугой короля, но не общаго блага, стоялъ во всей силѣ. Совмѣстить въ лицѣ его представителя націи и королевской власти считалось невозможнымъ, несмотря на живой примѣръ Англіи, предъ которой многіе тогда преклонялись. Къ этому присоединялось преувеличенное представленіе о силѣ короля, созданное предыдущей исторіей королевскаго обсолютизма. Поэтому боялись дать ему въ руки еще новыя средства вліянія. Эта традиціонная привычка видѣть всесиліе короля была такъ велика, что члены Національнаго Собранія не могли отрѣшиться отъ этого представленія, несмотря на всю его неосновательность. Словомъ, они боялись самихъ себя, какъ людей старой Франціи, и потому не въ силахъ были усвоить идей и чувствъ, относившихся къ новому порядку государственной жизни, хотя и хотѣли страстно создать таковой. Провозгласить новые принципы они могли; но осуществить ихъ не были въ силахъ. Вопросъ о совмѣщеніи депутатскаго званія съ должностью министра рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Это было роковое рѣшеніе. Еще одинъ устой монархіи былъ устраненъ. Для Мирабо лично это рѣшеніе тоже имѣло большое значеніе. Одушевляемый сознаніемъ своей силы и побуждаемый своимъ честолюбіемъ онъ надѣялся устранить Неккера и стать министромъ короля и своей силой восполнить его слабость. Теперь эта возможность для него была закрыта. Въ совѣтники короля можно было идти только съ задняго крыльца. (5-го ноября 1789 г.).

Мы видѣли, что еще раньше этого времени Мирабо дѣлалъ попытки оказывать вліяніе на правительство. Мы знаемъ, что друзья его пытались пристроить его къ Неккеру, и какъ это не удалось. Впослѣдствіи, въ концѣ 1789 и въ началѣ 1790 года, онъ

[1]) Stern, II, p. 119.

не разъ поддерживалъ Неккера въ его финансовыхъ комбинаціяхъ; но онъ оказывалъ эту поддержку не въ силу личныхъ отношеній къ Неккеру, къ которому онъ чувствовалъ антипатію и котораго способности онъ не высоко цѣнилъ, но потому, что понималъ необходимость и неизбѣжность тѣхъ финансовыхъ мѣръ, съ которыми выступалъ министръ.

Осенью 1789 года друзьями Мирабо была сдѣлана попытка свести его съ Лафайетомъ, чтобы въ союзѣ этихъ людей найти средство спасенія монархіи. Мирабо очень не высоко цѣнилъ политическій талантъ Лафайета. Онъ его признавалъ скорѣе героемъ романа, чѣмъ политическимъ дѣятелемъ. Онъ называлъ его: „Кромвель-Грандиссонъ“ [1]), „Жилль-Цезарь“; но популярность Лафайета была такъ велика, что обойтись безъ него въ планахъ составленія министерства было невозможно. Свиданіе между ними произошло въ началѣ октября, вскорѣ послѣ переѣзда въ Парижъ королевской семьи. Но эти натуры слишкомъ были противоположны, чтобы между ними могло произойти сближеніе, если бы даже они и постарались объ этомъ. Впечатлѣніе, произведенное на Лафайета его собесѣдникомъ, было неблагопріятно. Онъ самъ впослѣдствіи вспоминалъ, что безнравственность Мирабо его шокировала и что, несмотря на удовольствіе, которое ему доставилъ разговоръ съ нимъ, несмотря на восторгъ предъ его высокимъ талантомъ, онъ не могъ скрыть нѣкотораго пренебреженія къ нему, которое задѣло Мирабо. Очень скоро между ними начались взаимныя недоразумѣнія, и хотя Мирабо въ Собраніи противъ воли поддерживалъ Лафайета, но сближенія между ними не произошло, и министерство, въ которомъ оба они заняли бы мѣсто, не организовалось. Впослѣдствіи, въ серединѣ 1790 года, когда вліяніе Мирабо стало сильнѣе, Лафайетъ самъ пытался сблизиться съ нимъ, но тогда послѣдній уже не нуждался въ немъ, считалъ его вреднымъ для дѣла политикомъ и помышлялъ о низверженіи этого идола толпы.

Мирабо страстно добивался мѣста у власти. Въ данномъ случаѣ его личные интересы совпадали съ показаніями его убѣжденія. Ему нужны были деньги для жизни, для содержанія того штаба работниковъ, который его окружалъ и готовилъ ему матеріалъ для его работъ въ Собраніи, помогалъ ему въ изданіи газеты; ему нужны были деньги для удовлетворенія кредиторовъ. По-

---

[1]) Грандиссонъ – герой романа Ричардсона, изданнаго въ 1753 году.

слѣдніе давали ему средства въ разсчетѣ получить потомъ съ лихвой; но пока на ихъ просьбы объ уплатѣ онъ говорилъ имъ: „прійдите потомъ, когда я буду министромъ“.

Но въ то же время онъ былъ убѣжденъ, что каждый пропущенный день безъ организаціи сильной власти приближаетъ монархію къ гибели и Францію къ анархіи. Послѣ октябрскихъ дней онъ говорилъ своимъ друзьямъ, что королевская семья, чтобы не погибнуть, должна поскорѣе уѣхать изъ Парижа, иначе она окажется въ рукахъ толпы. „Чего же они дожидаются, говорилъ онъ про дворъ, чтобы взять меня?“ Онъ думалъ, что есть еще возможность спасти монархію, и былъ увѣренъ въ своихъ силахъ сдѣлать это. Говорили, что онъ былъ агентомъ герцога Орлеанскаго, что онъ помышлялъ устранить короля, чтобы на его мѣсто сталъ этотъ принцъ. Невѣрность этого предположенія доказана изслѣдованіями Ломени и Штерна. Самъ Мирабо, когда ему послѣ отъѣзда герцога въ Англію говорили объ этихъ слухахъ объ отношеніяхъ его къ нему, отозвался такъ: „И этого человѣка мнѣ прочили въ господа. Да я бы не взялъ его себѣ въ лакеи“.

Тѣмъ не менѣе, однако, дѣйствительно въ это время надежды на Людовика XVI, какъ на государя, настолько были слабы, что въ политическихъ кругахъ считали полезнымъ фактически устранить его отъ дѣлъ и организовать регентство и регентомъ поставить брата короля, герцога Прованскаго, впослѣдствіи короля Людовика XVIII. Предполагалось, что онъ организуетъ министерство, которое и возьметъ на себя дѣло спасенія монархіи и организаціи новаго государственнаго порядка. Съ нимъ вошли въ сношенія. Въ половинѣ октября ночью состоялось свиданіе съ нимъ графа Ламарка, человѣка, искренно преданнаго королевской семьѣ, и въ то же время друга Мирабо. Въ данномъ случаѣ онъ былъ органомъ цѣлой группы политическихъ дѣятелей. Между прочимъ, онъ передалъ ему докладъ Мирабо о современномъ положеніи вещей. Въ немъ Мирабо совѣтовалъ удалить королевскую семью изъ Парижа въ Руанъ или другой какой городъ сѣверной Франціи и туда же перевести Національное Собраніе. Онъ настаивалъ, однако, на томъ, чтобы новое министерство искренно и твердо взялось за осуществленіе новаго порядка вещей на основаніи создаваемой конституціи. Этотъ докладъ произвелъ впечатлѣніе на герцога Прованскаго, а роль, которая ему предназначалась, льстила ему. Онъ помышлялъ о томъ, чтобы совсѣмъ замѣнить Людовика XVI и стать впослѣдствіи королемъ. Онъ говорилъ о королѣ, какъ о

человѣкѣ, совсѣмъ неспособномъ. „Слабость и нерѣшительность короля, говорилъ онъ, превосходятъ все, что можно только сказать. Чтобы составить себѣ представленіе объ его характерѣ, вообразите два шара слоновой кости, смазанныхъ масломъ, которые вы тщетно старались бы удержать вмѣстѣ“. Но и самъ онъ тоже страдалъ недостаткомъ характера и, кромѣ того, онъ относился съ полнымъ равнодушіемъ къ общественному дѣлу. Смѣлости и рѣшительности у него не было, а потому найти въ немъ опору было дѣломъ безнадежнымъ. Королева относилась къ нему съ антипатіей и съ подозрѣніемъ. Самъ Мирабо скоро замѣтилъ, что на герцога Прованскаго плоха надежда. Онъ писалъ графу Ламарку: „Мосье чистъ душой какъ ребенокъ, но и слабъ какъ ребенокъ... Королева ласкаетъ его и дурачитъ... Она обращается съ нимъ, какъ съ маленькимъ цыпленкомъ, котораго любятъ ласкать чрезъ рѣшетку клѣтки, но не хотятъ выпустить изъ нея, и онъ позволяетъ обращаться съ собой такимъ образомъ“. Разъ, однако, герцогъ Прованскій какъ будто рѣшился предложить королю поручить ему составить министерство и стать во главѣ его. Онъ выставилъ себя при этомъ, какъ единственнаго принца изъ дома Бурбоновъ, котораго не обвиняютъ въ томъ, что онъ врагъ націи. Выборъ его, по его мнѣнію, не только указанъ самой природой, но и необходимостью положенія вещей. Этотъ ходъ герцога Прованскаго не остался незамѣченнымъ со стороны Неккера и Лафайета. Они соединились между собой, чтобы отвратить грозившую имъ опасность. Они рѣшились побудить короля на такой шагъ, который поднялъ бы его популярность. Въ началѣ февраля 1790 г., по ихъ совѣту, онъ явился лично въ Національное Собраніе безъ всякаго стариннаго блеска и прочелъ рѣчь, исполненную дружественнаго настроенія по отношенію къ конституціи, и тѣмъ вызвалъ энтузіазмъ не только въ Собраніи, но и въ толпѣ, которая наполняла галлереи. Такимъ образомъ, одна часть совѣта Мирабо, который онъ не разъ высказывалъ, что король долженъ открыто заявить о своемъ присоединеніи къ новому порядку,— была использована; но безъ осуществленія другой его части—объ образованіи сильнаго министерства. О кондидатурѣ герцога Прованскаго въ регенты послѣ того не было больше рѣчи. Зять Неккера, шведскій посолъ, сообщалъ объ этомъ маленькомъ маневрѣ, что „Мосье, затѣявшій вмѣстѣ съ Мирабо маленькую интригу съ цѣлью войти въ королевскій совѣтъ и стать во главѣ популярной партіи, въ настоящее время искуснымъ образомъ устраненъ. Неккеръ и Ла-

файетъ въ настоящее время соединились и могутъ быть разсматриваемы какъ единственныя опоры правительства“ [1]).

Между тѣмъ, одно изъ лицъ, близко стоящихъ къ королевѣ. оцѣнивало по достоинству то значеніе, которое имѣлъ Мирабо, Это былъ графъ Мерси, австрійскій посолъ, который давно жилъ во Франціи, зналъ хорошо внутреннія ея отношенія и не разъ выступалъ совѣтникомъ королевы въ ея поведеніи. Нужно, однако, сказать, что лучше бы было, если бы она его чаще слушалась. Въ данномъ случаѣ онъ вошелъ въ сношенія съ другомъ Мирабо. графомъ Ламаркомъ, и послѣдній въ началѣ марта устроилъ ему тайное свиданіе съ Мирабо. Изъ этого разговора о дѣлахъ обѣ стороны вынесли хорошее впечатлѣніе. Мерси употребилъ свое вліяніе на короля и королеву въ томъ смыслѣ, чтобы они обратились къ услугамъ Мирабо. Благодаря ему, Ламаркъ имѣлъ аудіенцію у королевской четы, на которой ему удалось выяснить, что Мирабо былъ чуждъ октябрскому движенію. Королева рѣшила, что король приметъ къ себѣ на службу Мирабо послѣ того, какъ онъ имъ представитъ мемуаръ, въ которомъ изложитъ свой планъ дѣйствій. Условлено было, что для того, чтобы посѣщенія Ламаркомъ дворца не возбуждали подозрѣнія своей необычностью, посредникомъ между Мирабо и королемъ будетъ архіепископъ тулузскій Фонтанжъ, которому онъ и будетъ передавать свои доклады для передачи ихъ королю.

Однако не сразу сладилось это дѣло. Въ началѣ мая Мирабо доставилъ королю требуемый докладъ, а тѣмъ временемъ въ Національномъ Собраніи онъ произнесъ рѣчи, которыя произвели при дворѣ непріятное впечатлѣніе.

Во время обсужденія церковнаго вопроса, когда рѣчь шла относительно того, слѣдуетъ ли, или нѣтъ, объявить католическую религію національной религіей Франціи, и когда сторонники такой декларації сослались на распоряженіе Людовика XIV, Мирабо возразилъ: „Какъ, развѣ нетерпимость не была освящена въ это царствованіе, знаменитое отмѣной Нантскаго эдикта? Если ссылаетесь на исторію, то не забывайте того, что видно отсюда. Съ этой трибуны видно окно, изъ котораго король Франціи, вооруженный противъ своего народа заговорщиками, прикрывавшими свои личные интересы интересами религіи, стрѣлялъ изъ пищали въ народъ и далъ сигналъ Варѳоломеевской ночи“. Такое непониманіе

---

[1]) Stern, II, p. 132.

не могло не произвести тягостнаго впечатлѣнія на благочестиваго потомка Карла IX-го. Въ другой разъ, во время обсужденія того же церковнаго вопроса, аббатъ Мори, желая затормазить готовившееся рѣшеніе Собранія, поднялъ вопросъ о срокѣ полномочій депутатовъ, доказывая, что послѣднія окончились, что депутаты должны разойтись, и спросилъ, между прочимъ: „съ какихъ это поръ мы составляемъ національный конвентъ?“ Въ отвѣтъ на эту рѣчь очень искусно построенную, Мирабо отвѣчалъ одной изъ своихъ сильныхъ импровизацій: „Насъ спрашиваютъ, сказалъ онъ, съ которыхъ поръ депутаты народа сдѣлались національнымъ конвентомъ? Отвѣчаю: съ того дня, когда, найдя входъ въ залу своихъ засѣданій окруженнымъ солдатами, они отправились въ первое мѣсто, представлявшее имъ возможность собраться, и поклялись, что скорѣе погибнутъ сами, чѣмъ измѣнятъ націи и отступятся отъ правъ ея. Наши полномочія, каковы бы они ни были, въ этотъ день измѣнились въ своей сущности; каковы бы ни были полномочія, которыми мы пользовались, наши труды, наши усилія узаконили ихъ, согласіе народа ихъ освятило. Вы всѣ помните слово великаго человѣка древности, пренебрегшаго законными формальностями, чтобы спасти отечество. На вопросъ трибуна, соблюлъ ли онъ законы, онъ отвѣчалъ: клянусь, я спасъ отечество. Господа (обращаясь къ депутатамъ общинъ), клянусь, что вы спасли Францію“. Обстоятельства неудавшагося королевскаго засѣданія 3-го мая были еще слишкомъ свѣжи, чтобы къ воспоминанію объ этихъ дняхъ могли отнестись при дворѣ безразлично.

Въ началѣ мая 1790 года Мирабо представилъ докладъ о политическомъ положеніи и о своемъ взглядѣ на то, что слѣдуетъ дѣлать. Въ немъ онъ заявлялъ о томъ, что онъ самъ монархистъ и глубоко убѣжденъ въ необходимости сильной исполнительной власти для спасенія Франціи отъ анархіи. Для этого онъ считалъ необходимымъ удаленіе короля въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Франціи и перенесеніе туда же и Національнаго Собранія. Но онъ тутъ же настаивалъ на томъ, что король долженъ отказаться отъ всякой мысли о контръ-революціи, которую онъ объявлялъ опасной и преступной. Онъ обѣщалъ королю посвятить всѣ свои силы на то, чтобы возстановить законныя права и силу короны. Для этой цѣли онъ считалъ необходимымъ воздѣйствіе на общественное мнѣніе путемъ печати. Онъ говорилъ, что его надо возвратить къ разуму. Онъ обѣщалъ королю такую лойяльность, энергію, дѣятельность, усердіе и мужество, о которыхъ, вѣроятно, не имѣ-

ютъ и приблизительнаго представленія. „Я обѣщаю, говорилъ онъ, словомъ, все за исключеніемъ вѣрнаго успѣха, который ни въ какомъ случаѣ не зависитъ отъ одного человѣка, и за который могла бы поручиться въ этотъ моментъ страшной болѣзни, которая губитъ государство и грозитъ главѣ его, только безумная и преступная дерзость. Очень страненъ былъ бы человѣкъ, который, видя возможность спасти государство и монархію, остался бы равнодушенъ къ славѣ сдѣлать это. Я не принадлежу къ числу такихъ людей".

Мемуаръ этотъ удовлетворилъ короля и королеву, и Мирабо былъ принятъ на службу короля съ тѣмъ, что онъ будетъ для него составлять доклады по государственнымъ вопросамъ и подавать совѣты по дѣламъ, интереснымъ для короля. За эту работу онъ получаетъ по 6,000 ливровъ въ мѣсяцъ и кромѣ того король уплачиваетъ его долги въ суммѣ 250,000 ливровъ по представленному имъ списку кредиторовъ.

Договоръ этотъ далеко не осуществлялъ тѣхъ стремленій, которыя одушевляли Мирабо. Вмѣсто того, чтобы стать первымъ министромъ и руководителемъ политики государства, къ чему онъ стремился, онъ сталъ платнымъ совѣтникомъ короля, совѣты котораго однако не имѣли обязательнаго значенія. Правда, онъ ставилъ условіемъ поступленія своего на такую роль, чтобы король не отступалъ отъ начертанной имъ программы, и требовалъ полнаго къ себѣ довѣрія, но, какъ извѣстно, такого отношенія къ его совѣтамъ не было, и съ самаго начала Марія-Антуанетта смотрѣла на этотъ договоръ, какъ на средство воспользоваться способностями талантливаго человѣка, а не какъ на нѣчто связывающее короля въ его политикѣ. Она никогда не относилась къ Мирабо съ тѣмъ довѣріемъ, которое бы давало силу его совѣтамъ и вело къ ихъ осуществленію. Обстоятельства заставили ее прибѣгнуть къ услугамъ Мирабо, но не принять его программу, неизбѣжности которой она не понимала и не чувствовала. Эти же обстоятельства побудили ее дойти до свиданія съ нимъ.

Конецъ мая и іюнь мѣсяцъ были тѣмъ временемъ, когда въ разныхъ городахъ Франціи праздновались годовщины важныхъ дней предыдущаго года, и когда въ Парижѣ шли приготовленія къ устройству огромнаго праздника Федераціи съ цѣлью укрѣпить готовившуюся конституцію и торжественно почтить взятіе Бастиліи. Можно было опасаться послѣдствій этого праздника, и потому королева хотѣла лично переговорить съ Мирабо объ этомъ дѣ-

лѣ. Свиданіе было назначено въ великой тайнѣ въ паркѣ Сенъ-Клу, куда королевская семья переѣхала на нѣкоторое время. Къ назначенному дню (съ 2-го на 3-го іюля) Мирабо пріѣхалъ въ Пасси, къ своей племянницѣ графинѣ Арагонъ, и вечеромъ отъ нея поѣхалъ въ Сенъ-Клу, причемъ для сохраненія тайны кучеромъ сѣлъ на козлы его племянникъ и подвезъ его къ условленной калиткѣ. При видѣ человѣка, къ которому она относилась съ ужасомъ, королева едва могла сдержать волненіе, овладѣвшее ею; король, какъ и всегда, оставался апатичнымъ. Благихъ послѣдствій этого свиданія не было никакихъ. Мирабо понималъ, что праздникъ Федераціи только укрѣпитъ положеніе Лафайета и усилитъ его и безъ того довольно могущественную диктатуру. Съ цѣлью противодѣйствовать этому онъ рекомендовалъ королю рѣшительно выступить въ этотъ день въ качествѣ сторонника новаго порядка и тѣмъ поднять свой престижъ въ глазахъ представителей всей Франціи на праздникѣ. Онъ рекомендовалъ ему на конѣ верхомъ объѣхать рядъ депутатовъ провинцій и національной гвардіи и такимъ образомъ стать во главѣ торжества предъ лицомъ всей Франціи. По просьбѣ короля онъ составилъ ему и доставилъ ту рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнести во время присяги конституціи; но эта рѣчь такъ и осталась въ карманѣ короля, и на праздникѣ онъ совершенно стушевался предъ Лафайетомъ.

Но это свиданіе оказалось вреднымъ для цѣлей Мирабо въ томъ отношеніи, что оно не осталось тайнымъ. Не смотря на всѣ принятыя предосторожности, въ силу которыхъ, казалось, никто не могъ знать о немъ, на другой же день анонимный авторъ брошюры сообщалъ о ночномъ свиданіи между королемъ и Мирабо. „Orateur du Peuple“ Фрерона сообщалъ, что королеву видѣли въ паркѣ Сенъ-Клу. Эти слухи возбудили общественную подозрительность.

Какъ ни далеко было то положеніе, въ которомъ теперь очутился Мирабо въ качествѣ платнаго и при томъ тайнаго совѣтника короля, отъ того, къ которому онъ стремился, онъ былъ доволенъ тѣмъ, что получилъ возможность вліять на направленіе государственныхъ дѣлъ и, конечно, также и тѣмъ, что онъ вышелъ изъ своихъ матеріальныхъ затрудненій, которыя были тѣмъ значительнѣе, чѣмъ шире была его политическая дѣятельность, требовавшая содержанія цѣлаго штаба сотрудниковъ для подготовительной работы по тѣмъ или другимъ государственнымъ вопросамъ. Этими матеріальными соображеніями объясняли потомъ его

защиту королевской власти и заключали отсюда, что онъ продался королю, измѣнивъ общественному дѣлу. Мы знаемъ, что онъ ничуть не измѣнилъ тѣмъ политическимъ воззрѣніямъ, которыя высказывалъ еще до созыва Государственныхъ Чиновъ, и что онъ защищалъ королевскую прерогативу и въ то время, когда о какихъ либо отношеніяхъ къ двору, хотя бы въ будущемъ, и рѣчи быть не могло. Дознано и доказано, что и послѣ того, какъ онъ поступилъ на службу королю въ качествѣ его совѣтника, онъ не измѣнялъ своихъ убѣжденій, и, какъ вѣрно отмѣчено въ книгѣ Штерна, онъ не былъ отступникомъ, какъ многія мелкія души стараго и новаго времени, которыя не устояли предъ блестящимъ искушеніемъ. Его личный интересъ совпадалъ съ его убѣжденіемъ. Какъ прежде онъ защищался противъ упрека, что онъ продалъ Каллону за деньги свои убѣжденія, такъ и теперь онъ могъ сказать: „меня можно купить, но я себя не продаю“ [1]).

Съ этого времени мы замѣчаемъ въ немъ приливъ энергіи, возбуждаемой надеждой на приближеніе къ цѣли. Въ теченіе 11 мѣсяцевъ службы королю онъ усиленно работалъ въ Собраніи и въ то же время онъ написалъ королю до 50 докладовъ, въ которыхъ онъ по тѣмъ или инымъ случаямъ развиваетъ планъ, обнаруживающій ясное пониманіе дѣйствительности и средствъ для достиженія намѣченной цѣли. Какъ мы сказали, планъ этотъ въ существенныхъ чертахъ тотъ же, который мы видѣли раньше. Детали разнятся въ зависимости отъ измѣнившихся условій политической жизни. Мирабо совѣтовалъ королю выѣхать въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ сѣверной Франціи, но предупреждалъ противъ поѣздки въ Мецъ или въ какой нибудь другой городъ вблизи восточной границы, ибо это могло подать поводъ къ мысли, что король хочетъ вступить въ связь съ эмигрантами, которые уже начинали въ это время интриговать при иностранныхъ дворахъ въ пользу вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи и собираться въ Кобленцѣ. Но онъ требовалъ перенесенія и резиденціи Собранія, дабы и оно освободилось отъ господства парижской толпы, дававшаго уже себя чувствовать. Если бы Собраніе отказалось послѣдовать за королемъ, то его слѣдовало распустить и назначить сейчасъ же новые выборы; произвести пересмотръ конституціи и устранить изъ нея тѣ пункты, которые сводили на нѣтъ королевскую власть. Для осуществленія этого плана онъ считалъ не-

---

[1]) Stern, II, p. 151.

обходимымъ реформировать армію на демократической основѣ. Этотъ пунктъ былъ существенно важенъ, такъ какъ при паденіи феодальнаго порядка въ гражданскихъ отношеніяхъ сохраненіе дворянскихъ привилегій въ арміи служило только условіемъ броженія, сказывавшагося то тутъ, та тамъ солдатскими возстаніями. Въ то же время онъ совѣтовалъ тотчасъ же распустить нѣкоторые полки, которые заражены были революціоннымъ духомъ. Одновременно съ тѣмъ онъ рекомендовалъ планъ воздѣйствія на общественное мнѣніе путемъ организованной оффиціозной прессы, въ особенности въ провинціи. Онъ предлагалъ устроить въ большихъ провинціальныхъ городахъ корреспондентскія бюро, которыя предназначались для воздѣйствія на общественное мнѣніе и для ослабленія вліянія парижской прессы путемъ изданія дешевыхъ газетъ. Когда читаешь этотъ планъ организаціи оффиціозной прессы, то чувствуешь, что авторъ его какъ бы предваряетъ Наполеона III и Бисмарка въ этомъ дѣлѣ. Конечной цѣлью своего плана онъ ставилъ консолидацію результатовъ революціи въ смыслѣ устраненія феодальнаго строя и организаціи конституціоннаго государства съ сильной исполнительной властью. „Слѣдуйте добросовѣстно, писалъ онъ королю, по стезѣ конституціи, или же рѣшитесь возобновить революцію“. („Marchez de bonne foi dans le sentier de la constitution ou resolvez vous recommencer la revolution“. L'Esprit de Mirabeau, t. I, p. 70). Оставаясь, такимъ образомъ, вѣрнымъ своей основной идеѣ, Мирабо при всякомъ случаѣ защищаетъ и теперь въ Собраніи прерогативы королевской власти. Хорошимъ поводомъ къ тому явились дебаты о томъ, кому должно принадлежать право объявленія войны и заключенія мира.

Эти дебаты происходили въ концѣ мая 1790 года и вызвали въ Собраніи и въ обществѣ еще большее возбужденіе, чѣмъ споръ о королевскомъ veto. Собраніе опасалось, что король можетъ начать войну несправедливую, направленную къ притѣсненію другого народа, или же что онъ начнетъ войну для того, чтобы, кончивъ ее побѣдоносно и поднявъ свой престижъ, направить затѣмъ войско на подавленіе свободы. Мирабо прочелъ въ засѣданіи 20 мая большой докладъ, въ которомъ онъ разбиралъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и доказывалъ, что парламентъ не можетъ присвоить себѣ право объявленія войны и заключенія мира, такъ какъ война и миръ вытекаютъ изъ дипломатическихъ сношеній государства, а таковыя по существу дѣла не могутъ вестись коллегіей изъ шестисотъ человѣкъ. Допустивъ же, что собраніе не

можетъ вести дипломатическихъ сношеній, надо признать, что оно и не можетъ знать тѣхъ условій, въ которыхъ наступаетъ наконецъ моментъ, когда необходимо приготовиться къ оборонѣ и объявить войну, хотя бы таковая и имѣла чисто оборонительный характеръ, и самый актъ объявленія войны есть ни что иное, какъ мѣра предупрежденія опасности, связанной съ готовящимся нападеніемъ непріятеля. Если бы король для того, чтобы привести войска въ состояніе обороны и двинуть ихъ къ границамъ, долженъ былъ предварительно сообщить дипломатическіе секреты собранію въ шестьсотъ человѣкъ, то очевидно, что безопасность государства была бы скомпрометтирована. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно заключенія союзовъ и заключенія мира. Раскрывать условія своихъ союзныхъ договоровъ значитъ компрометтировать все дѣло. Объявлять непріятелю напередъ, что я хочу заключить миръ, значитъ лишать себя выгодъ послѣдняго. Нѣтъ надобности приводить здѣсь всѣ аргументы рѣчи Мирабо, которая занимаетъ въ печати цѣлыхъ 36 страницъ. Она представляетъ собой хорошій политическій трактатъ, въ которомъ съ замѣчательной ясностью и полнотой разобранъ вопросъ о внѣшнихъ отношеніяхъ государства. Обращаясь къ опасеніямъ собранія относительно возможности несправедливыхъ войнъ, опасеній, коренившихся въ преданіяхъ старой французской монархіи и преимущественно эпохи Людовика XIV, а также опасеній диктатуры, онъ указывалъ, что и несправедливыя войны, и военная диктатура возможны не только при монархіи.

„Я васъ спрашиваю, сказалъ онъ, будемъ ли мы гарантированы болѣе въ томъ, что мы будемъ вести войны только справедливыя, если мы предоставимъ исключительно собранію въ семьсотъ человѣкъ право объявлять войну? Предвидите ли вы, до какой степени движеніе страсти, до какой степени экзальтація храбрости и ложнаго достоинства могутъ довести и оправдать неосторожность? Мы слышали же, какъ одинъ изъ нашихъ ораторовъ предлагалъ въ томъ случаѣ, если Англія несправедливо нападетъ на Испанію, тотчасъ же переправиться черезъ море, поднять одну націю на другую и въ самомъ Лондонѣ биться до послѣдняго человѣка съ этими гордыми англичанами, и мы всѣ апплодировали. И я самъ себя поймалъ на томъ, что я апплодирую. Ораторскій эффектъ былъ достаточенъ, чтобы на минуту обмануть вашу мудрость. Думаете ли вы, что подобныя движенія, когда законодательный корпусъ обсуждаетъ дѣло исключительно одинъ, не увлекутъ

васъ къ пагубнымъ войнамъ и что вы не смѣшаете совѣтъ храбрости съ совѣтомъ опыта? Въ то время, когда одинъ изъ членовъ предложитъ обсудить дѣло, громкіе крики будутъ требовать войны: вы увидите вокругъ васъ армію гражданъ. Вы не будете обмануты министрами; но не будете ли вы обмануты вами самими?.. Припомните этого римлянина, несшаго войну въ складкахъ своей тоги... онъ угрожалъ, развернувъ ее, вытряхнуть изъ нея всѣ бѣдствія войны. Онъ долженъ былъ чувствовать всю важность своей миссіи. Онъ былъ одинъ; онъ держалъ въ своихъ рукахъ великую судьбу: онъ несъ съ собой страхъ. Но многочисленный сенатъ, его пославшій, испытывалъ ли онъ тотъ страхъ, который долженъ вызываться сомнительнымъ и ужаснымъ будущимъ войны? Вамъ уже говорили это, милостивые государи: взгляните на свободные народы; вѣдь именно они отличались наиболѣе честолюбивыми и наиболѣе варварскими войнами". Перескочивъ отъ древности къ новому времени, Мирабо цитировалъ начало войны Англіи съ Испаніей въ 1740 году. Взгляните на политическія собранія: они декретировали войну всегда подъ обаяніемъ страсти. Вы всѣ знаете фразу этого матроса, которая рѣшила объявленіе войны въ 1740 году Англіей Испаніи: „Когда испанцы калѣчили меня, угрожали мнѣ смертью, я поручалъ мою душу Богу, а мою месть моему отечеству". Этотъ матросъ былъ очень краснорѣчивъ, но война, которую онъ вызвалъ, не была ни справедливой, ни политичной. Ни король, ни министры ея не желали. Возбужденіе собранія, хотя и менѣе многочисленнаго и болѣе приноровленнаго къ лукавой политикѣ, чѣмъ наше, рѣшило эту войну". Перейдя затѣмъ къ опасенію, чтобы король не началъ войны съ цѣлью поднятія своего престижа, дабы съ помощью преданнаго войска возстановить деспотизмъ, Мирабо обратилъ вниманіе на то, что это возраженіе не можетъ служить аргументомъ противъ предоставленія королю права рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ. „Я васъ спрашиваю, говорилъ онъ, развѣ это возраженіе не общее всѣмъ системамъ, развѣ мы не будемъ имѣть большой вооруженной силы только потому, что законодательное собраніе исключительно одно будетъ имѣть право объявлять войну? Я васъ спрашиваю, развѣ этимъ возраженіемъ вы не переносите на монархію неудобство, присущее республикамъ? Ибо именно въ народныхъ государствахъ слѣдуетъ бояться этихъ (военныхъ) успѣховъ. Именно среди націй, которыя никогда не имѣли королей, такіе успѣхи дѣлали ихъ. Для такихъ государствъ, какъ Римъ и Карѳагенъ, такіе люди, какъ Аннибалъ и Цезарь, были опасны".

Когда читаешь эти цитаты, то кажется, что завѣса будущаго открылась предъ ораторомъ, и онъ узрѣлъ въ немъ завоевательныя увлеченія республиканской Франціи и процессъ возвышенія Наполеона. Вся эта рѣчь Мирабо и теперь производитъ впечатлѣніе широтой размаха мысли, силой логики и многосторонностью знанія современнаго положенія Европы, изъ котораго онъ черпалъ примѣры для освѣщенія своей темы. Эта рѣчь резюмирована была въ 12 тезисахъ, которые и составляли предложеніе Мирабо, сдѣланное Собранію. Въ этомъ проэктѣ онъ предлагалъ объявить, что верховное право объявлять войну и заключать миръ принадлежитъ націи, а затѣмъ полагалъ признать, что осуществленіе этого права должно быть предоставлено сообща исполнительной и законодательной власти, причемъ за первой остается право принимать мѣры для безопасности государства, веденіе дипломатическихъ переговоровъ, предписаніе необходимыхъ вооруженій, распоряженіе военными силами послѣ начала войны и подписаніе мирныхъ союзныхъ и торговыхъ договоровъ. Законодательному собранію предоставлялось противиться воинственной политикѣ путемъ отказа въ средствахъ на веденіе войны, путемъ привлеченія министровъ къ отвѣтственности, путемъ требованія начать мирные переговоры и путемъ созыва національной гвардіи, если король лично отправился на войну [1]).

Въ этомъ проэктѣ одинъ существенный пунктъ не былъ формулированъ ясно, а именно: кому принадлежитъ право произнести рѣшительное слово объявленія войны? Хотя по смыслу первыхъ трехъ статей проэкта можно было заключить, что король распоряжается внѣшней политикой и въ рѣшительный моментъ обязанъ довести до свѣдѣнія Національнаго Собранія о предстоящемъ разрывѣ и послѣднему предоставлялось право требовать, чтобы война не начиналась или была прекращена, но нигдѣ не было сказано прямо, кто объявляетъ войну? Эта неясность была намѣренной. Когда ходъ дѣлъ внѣшней политики не формулированъ юридическими рамками, то это благопріятствуетъ дѣятельности правительства. Оно держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити дипломатическихъ сношеній. Оно можетъ оцѣнить сильныя и слабыя стороны иностранныхъ государствъ лучше, чѣмъ многоголовый парламентъ. Поэтому направить свой образъ дѣйствій, подготовить военныя

---

[1]) Etienne Mejan. Collection complète des travaux de M. Mirabeau l'ainé. Paris 1792. t. III, pp, 318—320 и 337—339.

дѣйствія и направить событія къ разрыву для него гораздо легче въ томъ случаѣ, когда ему нѣтъ надобности требовать формальнаго вотума парламента относительно объявленія войны или сохраненія мира. Когда Мирабо показалъ свой проэктъ, раньше представленія его въ Собраніи, Ламету и его друзьямъ, они замѣтили эту уязвимую его сторону, и Барнавъ указалъ на нее въ клубѣ. Мирабо защищалъ тамъ свой проэктъ и сказалъ, что, значитъ, „на этой почвѣ мы будемъ бороться завтра въ Собраніи“.

Барнавъ выступилъ противъ него въ засѣданіи послѣдняго и назвалъ эту неясность положенія „конституціонной анархіей“. Ему не трудно было доказать, что Мирабо не разрѣшаетъ существеннаго вопроса, а обходитъ его, и что тѣмъ самымъ онъ благопріятствуетъ исполнительной власти. По его словамъ, Мирабо открываетъ ей возможность изъ за маленькихъ разногласій вызвать войну, тогда какъ настоящая цѣль послѣдней будетъ совершенно другая. Для предупрежденія этого онъ требовалъ, чтобы объявленіе войны было національнымъ актомъ, путемъ котораго желаніе начать войну и принять на себя отвѣтственность за ея послѣдствія было бы совершенно ясно выражено. Такой національный актъ онъ видѣлъ только въ томъ, что законодательному собранію исключительно будетъ присвоено право объявлять войну или рѣшать заключеніе мира. Королю же, по его мнѣнію, должно быть предоставлено только право дѣлать собранію предложенія, которыя онъ найдетъ подходящими. Онъ умалчивалъ при этомъ, признается ли внесеніе такихъ предложеній только дозволеннымъ королю, или же оно должно необходимо предшествовать обсужденію внѣшнихъ политическихъ отношеній въ собраніи. Кромѣ того, онъ устранялъ совершенно изъ вопроса королевскую санкцію. Правительству предоставлялась только обязанность исполнить всеобщую волю. Конечно, съ такой постановкой вопроса прекращалась „конституціонная анархія“, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала и конституціонная монархія. Мирабо тотчасъ же замѣтилъ этотъ слабый пунктъ аргументаціи Барнава. „Теперь онъ у меня въ рукахъ“, сказалъ онъ своимъ друзьямъ и быстро набросалъ нѣсколько тезисовъ, которые должны были быть развиты. Когда Барнавъ кончилъ при всеобщемъ одобреніи и многіе депутаты требовали немедленнаго голосованія, Мирабо удалось добиться, чтобы ему предоставлено было въ ближайшій день право возраженія, но собраніе оговорило, что въ тотъ день дебаты должны быть окончены.

Впечатлѣніе рѣчи Барнава было очень сильно. Оно шло далеко за предѣлы залы Собранія. Интересъ въ публикѣ къ дебатамъ былъ болѣе силенъ, чѣмъ когда то къ вопросу о veto; но надо сказать, что туманность представленія о сущности вопроса была такъ же велика теперь, какъ и тогда, съ тою однако разницей, что теперь подъемъ революціоннаго настроенія былъ выше и чувство подозрительности было острѣе. Изо всей аргументаціи Мирабо „парижскому народу“ было ясно только то, что онъ отстаивалъ прерогативу королевской власти, и этого было достаточно, чтобы произвести его въ измѣнники. Послѣ того, какъ Барнавъ оставилъ Собраніе, онъ былъ привѣтствованъ толпой на улицѣ, какъ спаситель отечества, тогда какъ Мирабо кричали: „на фонарь“. Онъ говорилъ, что ему указывали даже дерево, на которомъ онъ долженъ быть повѣшенъ. На другой день послѣ сказанныхъ дебатовъ въ Собраніи, на улицахъ Парижа продавалась брошюра подъ заглавіемъ: „Великая измѣна графа Мирабо открыта“ (La grande trahison du comte de Mirabeau decouvèrte). Это было форменное отреченіе „истинныхъ друзей свободы и отечества“ отъ „народнаго трибуна“. „Твои постыдныя дѣла наконецъ открыты, хитрый лицемѣръ,—говорилось въ брошюрѣ.—Твой геній не производитъ болѣе никакого впечатлѣнія. Раньше мы чтили твой талантъ, но ты захотѣлъ золота, вмѣсто почета. Берегись, чтобы народъ не налилъ въ твою змѣиную глотку золота, этого горящаго нектара, чтобы навсегда утолить пожирающую тебя жажду; берегись, чтобы народъ не понесъ твою голову такъ, какъ носилъ голову Фулона съ сѣномъ во рту. Народъ не скоро сердится, но онъ ужасенъ, когда приходитъ день его мщенія“ [1]). Эта брошюра производила сильное впечатлѣніе на народъ, и волненіе было велико на улицѣ. Трибуны Національнаго Собранія были полны, и онѣ были настроены явно враждебно противъ Мирабо. Когда онъ пришелъ въ Собраніе, одинъ изъ членовъ показалъ ему вышедшій пасквиль и сказалъ ему: „ваше мнѣніе правильно и оно благопріятно для націи, но васъ обвиняютъ и вамъ угрожаютъ. Прочтите вотъ это: вотъ что ходитъ по рукамъ на улицахъ. Поклялись погубить васъ. Будьте тверды“. Мирабо прочелъ заглавіе пасквиля и отвѣчалъ: „Съ меня довольно этого. Меня вынесутъ изъ Собранія либо торжествующимъ, либо въ клочкахъ“.

---

[1]) Stern, II, p. 159 Vermorel Mirabeau t. V, p. 105.

Многіе думали, что онъ не придетъ въ засѣданіе, такъ какъ у него была въ распоряженіи только ночь для приготовленія своей реплики, и что, кромѣ того, онъ побоится явиться въ собраніе въ виду возбужденія народа. Поэтому его появленіе на трибунѣ произвело сенсацію. Депутатъ Шапелье внесъ нѣкоторыя поправки къ его проэкту, вносившія бо́льшую точность выраженій. Онъ ихъ принялъ безъ возраженій. Затѣмъ онъ началъ свое возраженіе Барнаву. Онъ началъ съ того, что заявилъ о предпочтительности безпристрастнаго разбора мнѣній предъ клеветническими инсинуаціями, яростными обвиненіями, ненавистью въ борьбѣ, предъ интригой и злобой. „Уже недѣлю распространяютъ мысль, что часть Національнаго Собранія, которая желаетъ участія королевской воли въ осуществленіи права войны и мира, есть отцеубійца общественной свободы. Распространяютъ слухъ объ измѣнѣ, о подкупѣ, призываютъ мщеніе народа, чтобы поддержать тираннію мнѣній. Какъ будто нельзя, не будучи преступникомъ, быть разныхъ мнѣній по одному изъ наиболѣе сложныхъ и трудныхъ вопросовъ общественной организаціи“. Депутатъ Вольней крикнулъ ему при появленіи его на трибунѣ; „Что Мирабо, вчера въ Капитоліи, а сегодня у Тарпейской скалы“. Онъ воспользовался этимъ окрикомъ во введеніи своей рѣчи. „Нѣсколько дней тому назадъ, меня тоже хотѣли нести съ тріумфомъ, а теперь кричатъ на улицахъ: великая измѣна графа Мирабо. Мнѣ не нуженъ былъ этотъ урокъ, чтобы знать, какъ близко отъ Капитолія до Тарпейской скалы. Но человѣкъ, который борется за разумъ, за отечество, не такъ легко сочтетъ себя побѣжденнымъ. Тотъ, кто сознаетъ свою заслугу предъ страной, тотъ, кто сознаетъ, что можетъ быть ей еще полезенъ, тотъ, кто не довольствуется пустой популярностью и кто презираетъ успѣхъ дня ради дѣйствительной славы, тотъ, кто хочетъ говорить правду, кто хочетъ создать общее благо независимо отъ мѣняющагося народнаго настроенія, тотъ носитъ въ самомъ себѣ награду за свои заслуги, наслажденіе трудомъ своимъ и воздаяніе за опасности. Онъ долженъ ждать своей жатвы, судьбы своего имени, — единственной, которая можетъ его интересовать,— только отъ времени, отъ этого неподкупнаго судьи, который всѣмъ оказываетъ справедливость... Пусть называютъ врагомъ революціи человѣка, который, можетъ быть, былъ ей небезполезенъ, пусть предаютъ ярости народной того, кто уже двадцать лѣтъ борется противъ притѣсненій, кто говорилъ французамъ о свободѣ, конституціи, сопротивленіи еще тог-

да, когда его низкіе клеветники сидѣли на школьной скамьѣ (sucaient le lait des cours) и жили господствующими предразсудками. Что мнѣ за дѣло! Эти удары снизу вверхъ не остановятъ меня на пути моемъ. Я имъ скажу: отвѣчайте, если можете, а потомъ ужъ клевещите, сколько хотите".

„Итакъ я выступаю на арену, вооруженный моими принципами и твердостью моей совѣсти. Я постараюсь установить въ свою очередь сущность разногласія со всею ясностью, на которую я способенъ, и я прошу всѣхъ тѣхъ моихъ противниковъ, которые не поймутъ меня, остановить меня, чтобы я выразился яснѣе, такъ какъ я рѣшился развѣять столько разъ повторяемые упреки въ уклончивости, хитрости и запутанности; если это зависитъ только отъ меня, настоящій день раскроетъ тайну лойяльности каждаго изъ насъ. Господинъ Барнавъ сдѣлалъ мнѣ честь, отвѣчая только мнѣ; я отнесусь съ тѣмъ же уваженіемъ къ его таланту и въ свою очередь постараюсь его опровергнуть". И шагъ за шагомъ онъ въ своей рѣчи, которую мы приводимъ въ приложеніи, съ неумолимой логикой и послѣдовательностью, опровергаетъ доводы и защищаетъ конституціонность и полезность преобладающаго участія короля въ рѣшеніи и въ особенности въ подготовкѣ вопросовъ о войнѣ и мирѣ.

„По важности предмета, говоритъ Руссъ, по полнотѣ развитія это, можетъ быть, самый значительный трудъ изъ представленныхъ Мирабо на трибуну Собранія. Въ немъ мы видимъ великолѣпный трактатъ политической философіи, поразительно ясное изложеніе той роли, которую нація должна предоставить государю въ ея сношеніяхъ съ иностранцами, и, наконецъ, энергичное требованіе свободы, права и власти, которыя въ рѣшительныхъ столкновеніяхъ должны принадлежать королю и могутъ принадлежать только ему".

„Тщетно старается Барнавъ съ неподражаемымъ искусствомъ разнять эти разсужденія, сжатыя и крѣпко спаянныя въ непроницаемую ткань, тщетно онъ щупаетъ связки и ищетъ слабыя точки брони. Отвѣтъ Мирабо разрушаетъ это искусство. Это чистый шедевръ. Ни одной дырочки, ни одной щели, ни одной ошибки. Разсужденіе идетъ быстро; оно шагаетъ и двигается впередъ, собираясь и сжимаясь шагъ за шагомъ, и отодвигаетъ передъ собою препятствіе съ точностью машины, которую нично не можетъ остановить. Отъ времени до времени пауза: „мнѣ не отвѣчаютъ, я продолжаю". „На несчастье себѣ Барнавъ упомянулъ

о ловушкѣ, о хитрости. Мирабо поднялъ это слово, выковывалъ его въ своихъ рукахъ, и въ теченіе получаса въ его рѣчи звучитъ одно и то же слово, которое скандируетъ конецъ каждаго періода, какъ припѣвъ въ пѣснѣ, какъ стукъ молота мѣрно бьющаго по наковальнѣ: „Ловушка! Гдѣ ловушка? Гдѣ ловушка? Ловушка гдѣ?“ [1]).

Эту ловушку Барнавъ увидѣлъ въ 5-омъ параграфѣ проэкта Мирабо, въ которомъ онъ предлагалъ, что въ томъ случаѣ, если законодательное собраніе откажетъ въ средствахъ на веденіе войны, исполнительная власть должна немедленно принять мѣры къ прекращенію или предупрежденію военныхъ дѣйствій; министры отвѣтственны за всякую проволочку. Барнавъ увидѣлъ ловушку въ томъ, что Мирабо тѣмъ самымъ молча допускаетъ возможность начала военныхъ дѣйствій раньше согласія парламента. Мирабо отвѣтилъ: „Я хотѣлъ говорить о случаѣ возможномъ, котораго вы однако не предвидите въ вашемъ декретѣ. Кромѣ случая враждебнаго дѣйствія, начатаго и отраженнаго, можетъ быть случай преступнаго нападенія. Нація должна имѣть право преслѣдовать виновника его и наказать его. Тогда недостаточно будетъ того, что война будетъ прекращена: надо еще взыскать съ того, кто неосторожнымъ или вѣроломнымъ поступкомъ пытался подвергнуть или подвергъ насъ риску ввязаться въ войну. Я указываю къ этому средство. Развѣ это ловушка? Но, говорите вы, значитъ, я предполагаю, что исполнительная власть можетъ начать военныя дѣйствія, произвести нападеніе? Нѣтъ, я ей не предоставляю этого права, такъ какъ я формально отнимаю его у нея; я не позволяю нападенія, ибо я предлагаю его наказывать. Что же я дѣлаю? Я разсуждаю о возможномъ случаѣ, котораго ни вы, ни я, не можемъ предупредить. Я не могу сдѣлать такъ, чтобы главный распорядитель всѣми національными силами не обладалъ большими средствами дѣйствія и возможностью злоупотребить ими; но это неудобство развѣ не пресуще всѣмъ системамъ? Это, если хотите, зло и королевской власти; но развѣ вы можете претендовать, чтобы учрежденіе, созданное людьми и для людей, было чуждо всякихъ недостатковъ? Предполагаете ли вы побудить насъ отказаться отъ выгодъ монархіи по той причинѣ, что съ нею связаны опасности? Такъ скажите это открыто. Тогда ужъ мы рѣшимъ, слѣдуетъ ли намъ отъ того, что огонь жжется, отказаться отъ

---

[1]) Rousse, p. 159.

тепла и свѣта, который мы отъ него получаемъ. Все можно стерпѣть, за исключеніемъ непослѣдовательности: скажите намъ: не надо короля; но не говорите, что намъ нуженъ король безсильный и безполезный“ [1]).

Въ сущности говоря, въ этомъ и заключается весь вопросъ. Предубѣжденіе относительно всемогущества королевской власти было такъ сильно, а недовѣріе къ ней такъ глубоко, что господствующая тенденція противниковъ стараго порядка и заключалась въ томъ, чтобы обобрать прерогативы королевской власти и, лишивъ ее силы, оставить ее въ главѣ государства, именуемаго монархіей, но которое даже не могло бы назваться удовлетворительной республикой. Противъ этой тенденціи боролся Мирабо теперь, какъ боролся и прежде, при обсужденіи конституціонныхъ вопросовъ. Отвѣчая, въ заключеніе, на ту часть рѣчи Барнава, въ которой онъ, по входившему уже въ то время въ обычай пріему, распредѣлилъ сторонниковъ и противниковъ проэкта Мирабо, поставивъ въ число первыхъ карьеристовъ въ военной и въ дипломатической сферахъ и людей, связанныхъ съ министрами и ихъ агентами, а въ число вторыхъ—мирныхъ гражданъ, добродѣтельныхъ, игнорируемыхъ, нечестолюбивыхъ, которые видятъ свое счастье и свою жизнь въ общемъ счастьѣ и въ общей жизни, Мирабо сказалъ: „я не послѣдую этому примѣру. Я не думаю, чтобы было полезно для политическихъ обычаевъ, а также и для принциповъ нравственности оттачивать кинжалъ, которымъ нельзя ранить своего противника безъ того, чтобы не почувствовать вскорѣ лезвіе этого оружія на своей собственной груди. Я не думаю, чтобы люди, призванные служить общественному дѣлу, какъ истинные братья по оружію, находили прелесть въ томъ, чтобы драться, какъ низкіе гладіаторы, чтобы бороться при помощи обвиненій и интригъ, а не знаній и талантовъ, чтобы искать во взаимномъ униженіи и уничтоженіи преступный успѣхъ и трофеи одного дня, вредные для всѣхъ и даже для славы. Но я скажу вамъ: между тѣми, кто поддерживаетъ мою доктрину, вы увидите людей умѣренныхъ, которые не думаютъ, что мудрость заключается въ крайностяхъ, и что мужество разрушенія никогда не должно уступать мѣста мужеству возсозданія; вы увидите большую часть тѣхъ энергичныхъ людей, которые въ первые дни „Государственныхъ Чиновъ“ повергли въ прахъ столько предразсудковъ, проти-

---

[1]) Mejan, III, p. 373.

востали столькимъ опасностямъ, справились со столькими препятствіями, чтобы перейти въ среду третьяго сословія (communes), которымъ эта преданность дала ту бодрость и силу, которыя дѣйствительно совершили вашу славную революцію; вы увидите между ними этихъ народныхъ трибуновъ, которыхъ нація еще долго будетъ почитать, несмотря на тявканіе завистливой посредственности, какъ освободителей отечества; вы увидите между ними людей, которыхъ одно имя обезоруживаетъ клевету, которыхъ репутацію, какъ частныхъ лицъ и общественныхъ дѣятелей, не осмѣлились запятнать самые разнузданные пасквилянты, людей, наконецъ, безъ страха, упрека и корысти, которые поставляютъ себѣ въ честь и своихъ друзей и своихъ враговъ“ [1]).

Эта рѣчь Мирабо, сильная и гибкая, какъ кованная сталь, произвела колоссальное впечатлѣніе. Рукоплескали и кричали отъ восторга всѣ; даже трибуны, незадолго передъ тѣмъ такъ враждебно къ нему настроенныя, пришедшія съ улицы подъ господствомъ вѣры, что открыта великая измѣна графа Мирабо. Собраніе единодушно требовало, чтобы пренія были закрыты и чтобы приступили къ голосованію проэкта. Но Мирабо возсталъ противъ этого предложенія и потребовалъ, чтобы Барнаву предоставлено было слово для возраженія. Его желаніе было исполнено. Изъ этого, однако, ничего не вышло. Барнавъ появился на трибунѣ только для того, чтобы произнести нѣсколько фразъ, обнаружившихъ, что ему нечего возразить. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, совершенно растерянаго, ослабѣвшаго, у котораго выбито изъ рукъ оружіе и который чувствуетъ себя совершенно беззащитнымъ, неспособнымъ къ сопротивленію. Послѣ этого проэктъ Мирабо былъ принятъ съ тѣми поправками, на которыя онъ согласился и которыя не измѣняли сути дѣла.

Мирабо не ограничился торжествомъ въ Собраніи. Онъ обратился къ общественному мнѣнію всей Франціи. Напечатавъ свою рѣчь и свое возраженіе на рѣчь Барнава, онъ разослалъ ихъ при письмѣ всѣмъ администраціямъ департаментовъ. Такимъ образомъ онъ впервые прибѣгъ къ тому способу воздѣйствія на общественное мнѣніе, который практикуется теперь, когда по постановленію парламента особенно важныя рѣчи депутатовъ печатаются и расклеиваются во всѣхъ общинахъ Франціи. Въ письмѣ къ админи-

---

[1]) Mejan, III, p. 378.

страторамъ онъ говорилъ: „До тѣхъ поръ, пока клеветали только на мою частную жизнь, я молчалъ, отчасти потому, что строгое молчаніе есть справедливое искупленіе личныхъ грѣховъ, какъ бы ни были они простительны, и потому, что я желалъ ждать отъ времени и отъ моихъ заслугъ пріобрѣтенія уваженія хорошихъ людей; отчасти же потому, что мнѣ всегда казалось, что бичъ публичной цензуры достоинъ почтенія даже тогда, когда онъ вложенъ въ руки враговъ; наконецъ, еще и потому, что я всегда считалъ узко эгоистичной и до смѣшного неприличной претензію занимать своихъ согражданъ чѣмъ либо инымъ, чѣмъ то, что относится къ ихъ интересамъ.

„Но въ настоящее время, когда нападаютъ на мои принципы общественнаго дѣятеля, когда угрожаютъ всему обществу, нападая на то мнѣніе, которое я защищаю, я не могу оставаться въ сторонѣ, не дезертируя съ того почетнаго поста, не посягая на сокровищницу, которая мнѣ ввѣрена, и я считаю себя обязаннымъ дать особый отчетъ въ моемъ искаженномъ мнѣніи той самой націи, въ измѣнѣ интересамъ которой меня обвинили. Мнѣ недостаточно того, что Національное Собраніе очистило меня отъ этого гнуснаго навѣта, принявъ почти единогласно мою систему: надо еще, чтобы меня судилъ тотъ трибуналъ, органомъ и подчиненнымъ котораго состоитъ самъ законодатель. Этотъ судъ тѣмъ болѣе важенъ, что, будучи считаемъ до сихъ поръ среди полезныхъ трибуновъ народа, я обязанъ ему особенно строгимъ отчетомъ въ моихъ мнѣніяхъ. Это сужденіе тѣмъ болѣе необходимо, что дѣло идетъ о томъ, чтобы высказаться относительно принциповъ, которые отличаютъ истинную теорію свободы отъ ложной, ея настоящихъ апостоловъ отъ лжепророковъ, друзей народа отъ его совратителей. У народа при свободной конституціи тоже есть свои придворные, свои паразиты, свои льстецы, свои куртизаны и свои рабы...

„Теперь я представляю вамъ, милостивые государи, мой проэктъ декрета и мои рѣчи. Вы, конечно, будете огорчены, увидя, какъ духъ партій можетъ исказить самый важный вопросъ и разъединить соратниковъ, очень нужныхъ для дѣла свободы. Но неужели я долженъ былъ, ради ничтожнаго успѣха одной минуты, покинуть принципъ, по которому участіе короля въ выраженіи общественной воли положено въ основаніе нашей конституціи? Долженъ ли я былъ воздвигнуть алтарь популярности, подобно тому, какъ древніе воздвигали алтари ужасу, и, повергнувъ на не-

го мои убѣжденія и мои обязанности, насытить ее преступными жертвами?

„Милостивые государи, только тѣ будутъ истинными друзьями народа, которые дадутъ ему понять, что за движеніями, которыя намъ были необходимы для того, чтобы выйти изъ ничтожества, должны слѣдовать концепціи, способныя насъ организовать на будущее, что послѣ того, что мы достаточно уже относились съ недовѣріемъ, что послѣ того въ особенности, какъ мы достаточно расчистили разные негодные обломки, нужно соревнованіе всѣхъ для возсозданія, что время наконецъ перейти отъ состоянія законной революціи къ прочному миру истиннаго общественнаго строя и что свободу не сохраняютъ тѣми самыми средствами, которыми ее пріобрѣли“ [1]).

Это письмо интересно, съ одной стороны, какъ выраженіе сознанія Мирабо отношеній избраннаго къ своимъ избирателямъ, а съ другой—того, какъ онъ вѣрно понималъ значеніе момента и господствующую черту общественнаго настроенія, которое онъ хотѣлъ бы повернуть въ другую сторону. Но онъ ошибался, предполагая, что общество въ своихъ движеніяхъ идетъ въ предѣлахъ логики; онъ не зналъ, что нажитыя временемъ чувства и желанія часто ведутъ его дальше, чѣмъ требуется политическимъ разсчетомъ. Накопившіеся элементы броженія будутъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока все не перебродитъ, и они не изсякнутъ.

Его успѣхъ въ Собраніи не подвигалъ дѣла впередъ, такъ какъ тѣ люди, для которыхъ онъ работалъ и на содѣйствіе которыхъ онъ имѣлъ право разсчитывать, не хотѣли идти по предлагаемому имъ пути и даже не признавали тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился. Король относился совершенно равнодушно къ дѣламъ политики, и современныя дѣла Франціи, по словамъ Монморена, интересовали его столь же мало, какъ будто это были дѣла китайскія. Послѣднія тогда не пользовались тѣмъ вниманіемъ публики, которымъ они пользуются въ настоящее время. Королева не относилась равнодушно къ дѣламъ государства, но она не думала о томъ, чтобы примириться съ совершившимся государственнымъ переворотомъ и создать государство на новыхъ началахъ. Ея идеаломъ было возвращеніе къ старому порядку съ королевскимъ абсолютизмомъ и сословными привилегіями. Она не высказывала этого Мирабо и скрывала тщательно передъ нимъ

---

[1]) Mejan. Collect. compl. t. III, pp. 349—453.

свои планы, поддерживаемые придворнымъ кружкомъ, такъ какъ она понимала, что онъ не можетъ не противодѣйствовать этимъ замысламъ; но поэтому самому она относилась къ нему съ недовѣріемъ, какъ къ стороннику порядка вещей, противнаго ея идеалу, а въ его планахъ обращала вниманіе только на то, что могло быть полезно для осуществленія ея плановъ. Она писала графу Мерси: „Онъ можетъ быть полезенъ и безъ того, чтобы я оказывала ему въ чемъ либо малѣйшее довѣріе“ [1]). Такъ, напримѣръ, Мирабо имѣлъ въ виду возможность и полезность удаленія короля изъ столицы и созыва Національнаго Собранія въ другомъ городѣ. Но онъ предупреждалъ при этомъ, что „король не долженъ возбуждать противъ себя всеобщее недовѣріе. Онъ не долженъ ставить себя въ такое положеніе, чтобы возвращаться въ свое государство силой оружія или же обращаться къ иностранному вмѣшательству“. Въ глазахъ же Маріи-Антуанетты и придворныхъ, ея приближенныхъ, идея Мирабо объ удаленіи короля изъ столицы имѣла цѣнность не потому, что она имѣла въ виду укрѣпить власть конституціоннаго короля Франціи, а лишь по стольку, по скольку это удаленіе могло дать возможность войти въ сношеніе съ иностранными дворами и при помощи иностранныхъ войскъ возстановить старый порядокъ и абсолютную королевскую власть во Франціи. Въ этомъ смыслѣ этотъ планъ и разрабатывался при дворѣ, и за спиной Мирабо велись переговоры съ генераломъ Булье, Акселемъ Ферзеномъ и барономъ Бретелемъ о томъ, чтобы королевская семья удалилась на восточную границу, а австрійскія войска помогли королю возвратиться въ столицу побѣдителемъ и реставраторомъ „законнаго порядка“.

Кромѣ противоположности принциповъ, королеву раздражало въ Мирабо несоблюденіе придворнаго этикета и рѣзкость языка его докладовъ. Онъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ взглядовъ и называлъ вещи ихъ собственными именами. Онъ говорилъ объ опасности, которая грозитъ монархіи и королевской семьѣ, и не обинуясь показывалъ вдали призракъ эшафота, который не разъ становился предъ его взоромъ. Въ своихъ заявленіяхъ въ Собраніи онъ не стѣснялся высказываться рѣзко и въ угрожающемъ тонѣ противъ происковъ придворной партіи. Все это не могло не шокировать королеву, не могло не вооружать ее противъ человѣка и противъ его плановъ, которыхъ она не могла понять. Его

---

[1]) Stern, II, p. 268.

доклады читались, но имъ и не думали слѣдовать, а иногда она ихъ именовала „дурацкими отъ начала и до конца“. При такихъ условіяхъ дѣло организаціи и укрѣпленія конституціонной королевской власти двигаться впередъ не могло, а между тѣмъ дорогое время уходило. Это повергало Мирабо въ мрачное настроеніе. Его другъ Ламаркъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ въ мартѣ 1790 г.: „Я нашелъ, что онъ еще болѣе недоволенъ, еще болѣе палъ духомъ, чѣмъ предъ моимъ отъѣздомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что никогда безъ внутренней борьбы не приступаетъ теперь къ общественнымъ дѣламъ, и очень рѣдко уже появляется на трибунѣ. Обратите особенное вниманіе на причины такого упадка духа. То были: зрѣлище текущихъ общественныхъ дѣлъ, ежедневно возраставшія волненія умовъ, очевидные успѣхи неистовой и безумной неурядицы, ослабленіе всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ средствъ власти, вѣчное колебаніе короля, неповоротливость и неловкость его министровъ“ [1]).

Положеніе Мирабо въ государствѣ однако усилилось. Онъ говорилъ когда то, что онъ воздвигъ противъ себя цѣлую гору предубѣжденій, надо будетъ много времени, чтобы они разсѣялись. Благодаря его таланту и моральной силѣ, они дѣйствительно разсѣялись, и вліяніе его въ Собраніи стало настолько значительнымъ, что онъ былъ выбранъ его предсѣдателемъ. Одинъ современникъ и человѣкъ, близкій къ Мирабо, говоритъ, что, возвращаясь изъ Англіи, онъ былъ пораженъ тѣмъ, насколько въ его отсутствіе возросло значеніе Мирабо въ странѣ. „Это я замѣтилъ, говоритъ онъ, какъ только проѣхалъ отъ Кале до Аміена“. По пріѣздѣ въ Парижъ онъ видѣлъ, какъ съ ранняго утра его домъ былъ окруженъ толпой, которая тѣснилась на улицѣ, чтобы хоть взглянуть на этого человѣка. „На своемъ президентскомъ креслѣ, пишетъ онъ, онъ выказалъ совершенно новые таланты. Онъ внесъ такой порядокъ и правильность въ дебаты, о какомъ до того времени и не помышляли. Онъ устранялъ все, не идущее къ дѣлу, однимъ замѣчаніемъ освѣщалъ сущность вопроса, однимъ словомъ успокаивалъ шумъ. Его дѣятельность, его безпристрастіе и его самообладаніе подняли его славу на томъ мѣстѣ, которое для многихъ изъ его предшественниковъ оказалось подводнымъ камнемъ“ [2]). Протоколы конституанты, говоритъ историкъ Штернъ, подтвер-

---

[1]) Гейссеръ. Ист. револ., стр. 161.

[2]) Stern, II, p. 265.

ждаютъ это показаніе. Они заключаютъ въ себя многочисленные примѣры искусства, съ которымъ Мирабо умѣлъ усмирять разбушевавшіяся волны и заставлять уважать свои требованія это непривыкшее къ спокойствію Собраніе. Когда надо было, онъ былъ строгъ, но чаще ему помогала его находчивость. „Я приказываю вамъ именемъ Собранія сѣсть и молчать“, закричалъ онъ однажды въ вечернемъ засѣданіи депутату, который кричалъ и жестикулировалъ, какъ пьяница, „вечеромъ надо быть столь же разсудительнымъ, какъ и утромъ“. Въ другой разъ, когда Собраніе шумѣло во время рѣчи старика Тронше, онъ закричалъ: „Прошу васъ потише, голосъ господина Тронше не такъ силенъ, какъ его умъ“.

Раньше того, какъ онъ сталъ президентомъ Собранія, онъ былъ избранъ предсѣдателемъ якобинскаго клуба. Онъ добивался этого выбора, видя растущую силу этого учрежденія и желая ею воспользоваться въ интересахъ монархіи. За революціонными декламаціями нѣкоторыхъ изъ его членовъ онъ разглядѣлъ честолюбивыя стремленія и хотѣлъ использовать ихъ. Интересно то, что онъ даже совѣтовалъ королю въ томъ случаѣ, если законъ, препятствующій депутатамъ быть министрами, будетъ отмѣненъ, призвать въ министерство вожаковъ якобинцевъ и объяснялъ такое странное на первый взглядъ предложеніе такимъ образомъ: „Якобинцы-министры, говорилъ онъ, не будутъ якобинскими министрами. Для всякаго человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, большое возвышеніе есть кризисъ, который излѣчиваетъ его отъ болѣзни, которою онъ одержимъ, и приноситъ такую, какой у него не было. Ставъ у кормила правленія, самый отчаянный демагогъ, увидя вблизи недуги государства, признаетъ недостаточность королевской власти“. Далѣе онъ прибавлялъ, что если якобинцы удержатся у власти, „то они по необходимости пойдутъ на уступки, если же не удержатся, то они пропали, а вмѣстѣ съ ними и ихъ партія“. Въ клубѣ онъ боролся съ крайними и заставлялъ молчать Робеспьера, „неизмѣримое“ честолюбіе котораго онъ оцѣнилъ. Онъ импонировалъ этому демагогу своимъ превосходствомъ. Тѣмъ не менѣе, однако, ни успѣхи его въ Собраніи, ни превосходство и успѣхъ въ якобинскомъ клубѣ не подвигали его дѣла. Его вліяніе не простиралось до той степени, чтобы увлекавшіеся имъ люди были послушны его призыву и готовы были слѣдовать по тому пути, который онъ себѣ намѣтилъ. Онъ думалъ: революція закончена, но конституція—нѣтъ. Народъ стоитъ за завоеванныя права, онъ стоитъ за принципы конституціи, но онъ не цѣпляется за

формы. Права должны быть признаваемы ненарушимыми, принципы—несокрушимыми; формы могутъ быть измѣняемы. Упраздненіе феодальнаго порядка, равенство гражданское и политическое, свобода совѣсти, голосованіе налога, безмездность суда, отмѣна монашескихъ орденовъ, продажа церковныхъ имуществъ, новое раздѣленіе государства, отвѣтственность министровъ,—вотъ пріобрѣтенные пункты. Они находятся внѣ спора. Нельзя, не будучи безумнымъ, пытаться напасть на нихъ. Такъ думалъ онъ, а королева и многіе съ нею полагали, что все это можно перемѣнить, и готовились къ попыткамъ, которыя онъ справедливо называлъ безуміемъ. Его коллеги по Національному Собранію, наоборотъ, находились въ томъ настроеніи, что имъ казалось, что революція еще не совершена и что организовать исполнительную власть—значитъ подвергать опасности пріобрѣтенное. По словамъ Сореля, онъ увлекалъ ихъ, когда обращался къ ихъ страстямъ, но онъ былъ безсиленъ ихъ умѣрить, когда обращался къ ихъ разуму... Его мысль проходила надъ ними, не проникая въ нихъ, его рѣчь волновала ихъ, не убѣждая“ [1]). Въ этой безплодной работѣ тратились могучія силы, которыя при другихъ условіяхъ могли дать богатые результаты.

Мирабо видѣлъ тяжесть своего положенія, хотя и не во всемъ его объемѣ, и не терялъ надежды на спасеніе монархіи. Слава его сіяла во всей Франціи, имя его гремѣло въ Европѣ. Онъ еще надѣялся стать у кормила власти, такъ какъ имѣлась въ виду отмѣна закона, воспрещавшаго совмѣщеніе званія депутата съ должностью министра. Да и другіе надѣялись на это. Англійскій посолъ писалъ своему правительству въ донесеніи 4 марта 1791 г.: „Хотя лично король находится совершенно въ рукахъ Лафайета, но, кажется, что правительство скоро перейдетъ въ руки Мирабо“ [2]).

Этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Дни Мирабо были сочтены. Его организмъ былъ надорванъ и прежними злоключеніями и теперешнею слишкомъ напряженною жизнью. Почти весь день онъ проводилъ въ Національномъ Собраніи, не пропуская ни утреннихъ, ни вечернихъ засѣданій. Затѣмъ большую часть ночи онъ проводилъ либо за своимъ рабочимъ столомъ, приготовляя свои доклады Собранію, а потомъ и королю, либо въ кутежѣ съ друзьями, который затягивался иногда далеко за полночь. Эти пирушки нерѣдко служили ему частью той работы, которую онъ

---

1) Sorel. L'Europe et la Revolution, t. II, p. 47.
2) Stern, II, p. 288.

велъ. На нихъ онъ собиралъ людей, отъ которыхъ надѣялся позаимствоваться знаніями для освѣщенія тѣхъ или другихъ интересовавшихъ его вопросовъ. Нерѣдко бывало, что утро заставало его за работой, и онъ начиналъ день съ тѣми же глазами. Окатившись холодной водой, онъ снова начиналъ свою дѣятельность, откладывая сонъ до слѣдующей ночи. Къ этому присоединялось отсутствіе движенія. Онъ почти не ходилъ. Даже отъ себя въ Собраніе онъ большею частью не шелъ пѣшкомъ, а ѣздилъ въ экипажѣ. Его предупреждали относительно его здоровья, но онъ не обращалъ вниманія на признаки его разстройства. Когда онъ былъ президентомъ Національнаго Собранія, съ нимъ стали случаться приступы удушія. Онъ ставилъ къ шеѣ пьявки и затѣмъ, обернувши ее полотенцемъ, являлся на свое кресло. Въ концѣ марта ему стало видимо не хорошо. 26-го онъ поѣхалъ къ себѣ на дачу, чтобы освѣжиться, но ему стало такъ дурно, что онъ на другой день едва могъ возвратиться въ городъ. Онъ обѣщалъ Ламарку непремѣнно быть въ этотъ день въ засѣданіи Національнаго Собранія при обсужденіи вопроса о правѣ собственности землевладѣльцевъ на нѣдра земли. Этотъ вопросъ интересовалъ самого Мирабо; но онъ интересовалъ его друга и съ практической стороны, какъ владѣльца копей въ Анзенѣ. Тщетно Ламаркъ уговаривалъ его не идти въ засѣданіе, видя опасность его положенія. Онъ ему отвѣтилъ: „Другъ мой, люди васъ погубятъ, если я не пойду туда“. Ему удалось провести свою точку зрѣнія, но это усиліе совсѣмъ подкосило его. Послѣ вечерняго засѣданія, блѣдный какъ полотно, онъ, качаясь, вышелъ на террасу Фельянновъ подъ руку съ докторомъ Лашезомъ. „Вы убиваете себя“, сказалъ онъ ему и, удаливъ отъ него кучу просителей и людей, искавшихъ у него совѣта по своимъ дѣламъ, отвезъ его къ Ламарку. „Ваше дѣло выиграно, но я умираю“, сказалъ онъ своему другу, когда его положили на постель. Это была правда. Когда, онъ немного пришелъ въ себя, его перевезли домой, и онъ больше не вставалъ уже. Его лѣчилъ докторъ Кабанисъ, тогда еще начинающій врачъ, къ которому Мирабо относился съ большимъ довѣріемъ. Черезъ день, во вторникъ 29-го, явилась надежда на улучшеніе, но на другой же день она была совершенно потеряна. Самъ Мирабо говорилъ про себя, какъ про умершаго уже. Говоря про отношенія къ Англіи и про Питта, онъ сказалъ: „Я бы надѣлалъ хлопотъ этому Питту, если бы былъ живъ“. Во все время, за исключеніемъ послѣдняго дня, когда онъ временами бредилъ,

онъ интересовался общественными дѣлами и говорилъ объ нихъ съ полной ясностью разсудка. До послѣдней минуты онъ говорилъ объ интересахъ государства и монархіи. Когда ему сообщили, что толпа разбила клубъ умѣренныхъ монархистовъ, онъ сказалъ: „Я уношу съ собой траурное одѣяніе монархіи; послѣ моей смерти бунтовщики будутъ бороться за ея лохмотья“. Онъ позаботился о томъ, чтобы его бумаги были въ цѣлости. Друзья его, по его просьбѣ, занялись ихъ разборкой и сжигали тутъ же то, что считали нужнымъ уничтожить. Остальныя всѣ связали и отнесли въ домъ Ламарка на сохраненіе. Свой докладъ о правѣ наслѣдства онъ пожелалъ поручить Талейрану для сообщенія Національному Собранію. Онъ давно не имѣлъ сношеній съ нимъ и отзывался объ его нравственныхъ качествахъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ впослѣдствіи объ немъ отзывался Наполеонъ. Но онъ высоко цѣнилъ его дарованія и хотѣлъ, чтобы его работа была доложена этимъ талантливымъ человѣкомъ. Талейранъ, со своей стороны, понялъ, что ему выгодно освѣтиться частью популярности Мирабо при полученіи такого посмертнаго распоряженія. Онъ явился къ нему, и они часа два бесѣдовали о государственныхъ дѣлахъ. Своимъ епископскимъ саномъ онъ прикрылъ Мирабо отъ настояній матери и мѣстнаго приходскаго священника, которыя требовали непремѣнно, чтобы онъ исповѣдывался и причастился. Мирабо не хотѣлъ видѣться съ матерью, съ которой онъ давно уже прервалъ всякія сношенія. Ему не хотѣлось оживлять въ памяти той семейной драмы, свидѣтелемъ и участникомъ которой онъ былъ въ юности. Талейранъ поставилъ дѣло такъ, какъ будто онъ самъ исповѣдывалъ Мирабо. Когда онъ послѣ смерти Мирабо докладывалъ Собранію о своемъ съ нимъ свиданіи и о томъ порученіи, которое онъ ему далъ, онъ такъ выразилъ свое впечатлѣніе: „всюду виталъ образъ смерти за исключеніемъ души того, кому она угрожала“.

И дѣйствительно, среди удрученныхъ горемъ друзей, которые вмѣстѣ съ личной утратой оплакивали и потерю общественную, окруженный плачущими слугами, фанатически ему преданными, онъ похожъ былъ на актера, который остается до конца въ своей роли и не позволяетъ себѣ отвлечься чѣмъ нибудь постороннимъ.

Опасность его положенія вызвала всеобщее сочувствіе и интересъ. Въ виду ея всѣ почуяли важность грозившей потери и интересовались его судьбой. Улица Chaussée d'Antin, на которой онъ жилъ, была запружена народомъ, съ жадностью ловившимъ

вѣсти, шедшія изъ квартиры. Король приказалъ по нѣскольку разъ въ день докладывать ему о положеніи больного. Якобинскій клубъ послалъ депутацію выразить свое сочувствіе больному и свои благопожеланія. Присутствіе во главѣ этой депутаціи Барнава принято было Мирабо съ большимъ удовольствіемъ. Онъ про него говаривалъ: „Это молодое дерево обѣщаетъ быть могучимъ стволомъ“. Положеніе становилось все хуже. 1-го апрѣля онъ чаще и чаще терялъ сознаніе, а въ свѣтлые промежутки просилъ опіума для успокоенія страданій. Когда второго апрѣля утромъ его не стало и извѣстіе объ этомъ разнеслось по городу, то не хотѣли вѣрить въ естественность этой смерти. То обстоятельство, что секретарь его де-Конъ (de Comps) съ отчаянія покусился на самоубійство, только усилило это подозрѣніе. Несмотря на протоколъ врачей, увѣренность въ томъ, что Мирабо былъ отравленъ, осталась у многихъ. Вѣсть объ его смерти произвела громадное впечатлѣніе во всѣхъ сферахъ: при дворѣ, въ Собраніи и въ широкихъ кругахъ народа. Національное Собраніе узнало въ утреннемъ засѣданіи о кончинѣ своего знаменитѣйшаго члена и постановило всѣмъ составомъ провожать гробъ его. Сознаніе важности потери было всеобщимъ. У этого гроба умолкли на время всѣ разногласія, прекратились раздоры и все объединено было сожалѣніемъ о понесенной утратѣ. Въ газетахъ тогдашняго времени образовалась цѣлая литература изъ статей, написанныхъ по поводу смерти этого политическаго дѣятеля, въ которомъ видѣли силу, на которую можно было опереться.

Директорія департамента Сены порѣшила устроить ему пышныя похороны. Поэтому случаю постановлено было обратить новую церковь св. Женевьевы въ усыпальницу великихъ людей, изъявъ ее изъ вѣдѣнія духовенства. Такимъ образомъ былъ устроенъ теперешній Пантеонъ. Кромѣ Національнаго Собранія, въ погребальной процессіи приняли участіе департаментскія власти, національная гвардія, линейныя войска, министры и представители короля. Различныя ассоціаціи и корпораціи слѣдовали за гробомъ, провожаемымъ безчисленной толпой, въ которой смѣшались люди всякихъ возрастовъ, состояній и званій. Камиллъ Демуленъ справедливо замѣтилъ въ своемъ журналѣ, что ни одинъ король Франціи не былъ погребаемъ такъ торжественно. Другой журналистъ того времени писалъ по поводу этихъ похоронъ: „Однимъ изъ талантовъ Мирабо былъ даръ дѣлать все во время. Его кончина служитъ тому доказательствомъ. Можно было бы думать, что онъ

самъ выбралъ моментъ для своей смерти“ [1]). Два съ половиной года спустя, Конвентъ постановилъ выбросить изъ Пантеона прахъ Мирабо и положить туда останки Мара. Но этимъ не было сказано послѣднее слово. Прошли человѣческія поколѣнія, правительства возникали и исчезали, и приговоръ потомства составился въ окончательной формѣ. Въ наши дни, сто лѣтъ спустя послѣ его кончины, наканунѣ юбилея революціи, въ исторіи которой ни одно имя не блеститъ такъ, какъ имя Мирабо, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ, въ присутствіи президента республики воздвигнутъ былъ памятникъ этому много поносимому и много хвалимому трибуну.

Невольно при созерцаніи такой выдающейся личности и при сознаніи вѣрности его политическаго плана, является вопросъ о томъ, гдѣ кроется причина неудачи его политической дѣятельности? „Чтобы судить его планъ, говоритъ Сорель, нужно принять во вниманіе не политическій идеалъ, не политическую утопію, которые были лелѣяны членами учредительнаго собранія, а тотъ вѣковой импульсъ, которымъ поставлены были предѣлы кризису 1789 года. Гражданскій кодексъ и конституція 1799 года и добавочно хартія 1814 года, это тотъ предѣлъ, на которомъ хотѣлъ остановить его Мирабо въ 1790 г.“ [2]). Ничего другого революція 1789 года не достигла. Неудача попытки привести въ исполненіе это желаніе зависѣла отъ нѣсколькихъ причинъ. Нельзя оставить безъ вниманія недовѣрія къ его личнымъ качествамъ, которое было сильно въ началѣ его дѣятельности въ Собраніи и не исчезло совсѣмъ и впослѣдствіи. Но это условіе не рѣшало дѣла, такъ какъ въ концѣ концевъ онъ достигъ большого вліянія, и мы знаемъ, что не задолго до его смерти въ высшихъ сферахъ ожидали, что онъ скоро станетъ во главѣ правительства.

Гораздо важнѣе былъ другой моментъ, это отсутствіе характера у короля и неспособность королевы отрѣшиться отъ предразсудковъ, личныхъ симпатій и антипатій и пойти по пути конституціонныхъ и демократическихъ реформъ, которыя были неизбѣжны. А такъ какъ королева была дѣйствительно наиболѣе энергичнымъ человѣкомъ при дворѣ, такъ что про нее Мирабо гово-

---

[1]) Revolutions de Paris. Stern, II, p. 307.
[2]) Sorel La Revolution Franç, II, p. 37.

рилъ, что она тамъ единственный мужчина,—то для него не было опоры въ королевской власти, которую одну онъ считалъ способною провести Францію къ новой жизни, не повергая страну въ анархію.

За отсутствіемъ опоры тутъ, онъ не могъ найти ея и въ обществѣ, ибо, какъ мы сказали выше, оно не было способно къ самостоятельному дѣйствію въ зиждительной работѣ, вслѣдствіе отсутствія автономныхъ навыковъ. Воспитанное въ традиціяхъ абсолютизма, оно къ тому же не понимало сильной исполнительной власти внѣ абсолютизма и потому не могло понять и признать мысли о необходимости скорѣйшей организаціи такой сильной власти. Воспитанное въ традиціяхъ и привычкахъ абсолютизма, общество тогда еще неспособно было къ осуществленію политической свободы. Въ сущности говоря, оно было исполнено деспотическихъ склонностей въ обратную сторону. Уже въ то время сказывалась та политическая нетерпимость, которая такъ ярко раскрылась впослѣдствіи и которая теперь сказывалась въ томъ, что съ противниками по идеямъ стремились расправляться физическими средствами. Самъ Мирабо бывалъ объектомъ такихъ стремленій. Общество съ такими склонностями и привычками, конечно, болѣе было способно прійти къ анархіи, чѣмъ къ правильно организованному свободному государству.

Наконецъ, возможность опереться на войска была весьма сомнительна. Строй арміи тогдашняго времени былъ проникнутъ тѣмъ же феодальнымъ духомъ, какъ и строй государства, а потому въ ней было то же основаніе для недовольства, которое было въ остальномъ французскомъ народѣ. Мирабо понималъ, что на армію можно будетъ опереться тогда, когда въ дѣлѣ производства въ офицеры будетъ устраненъ принципъ сословной привилегіи и будетъ произведена нѣкоторая переформировка полковъ; но для производства этой реформы требовалось время, а его то уже не было тогда, когда Мирабо сталъ совѣтникомъ короля.

Но наиболѣе важнымъ неблагопріятнымъ условіемъ все таки было то, что планы Мирабо въ ихъ существѣ противорѣчили господствовавшему въ то время общественному настроенію. Основной пунктъ его программы требовалъ организаціи сильной исполнительной власти для того, чтобы перейти отъ стараго порядка къ новому безъ слишкомъ сильныхъ потрясеній и безъ разрушенія общественнаго порядка. Общество же боится сильной власти, боясь въ сущности своей традиціонной привычки къ подчиненію и сво-

его безсилія. Оно привыкло представлять себѣ политическій порядокъ въ видѣ абсолютнаго государства и совершенно неспособно было отстаивать свои права, какъ не было способно уважать и чужія. Вслѣдствіе этого исторически сложившагося положенія вещей оно преувеличивало въ сущности размѣръ фактически возможной власти монарха и боялось этого созданнаго имъ самимъ призрака. Власти сильной, хотя и находящейся въ предѣлахъ закона, французское общество тогдашняго времени, даже въ лицѣ своихъ представителей, не понимало, и напрасно старался Мирабо разъяснить своимъ коллегамъ эти новыя основанія королевской власти. Они не понимали его и, сами не замѣчая того, шли по дорогѣ къ анархіи именно потому, что смѣшивали всякую сильную власть съ абсолютизмомъ, а послѣдняго боялись черезъ мѣру въ силу реакціи противъ прежняго преклоненія передъ нимъ. Въ силу этого умонастроенія общество тогдашняго времени, убѣжденное, что свобода сама собой прійдетъ, стоитъ только провозгласить ее, не понимало важности требованія Мирабо не заниматься этими деклараціями, а поскорѣе организовать правительственныя учрежденія въ городахъ и селахъ. Онъ при всякомъ случаѣ стремился къ практическому рѣшенію вопроса, тогда какъ господствующимъ настроеніемъ времени была склонность къ отвлеченнымъ формуламъ. Отсутствіе политической опытности и положительныхъ знаній располагало витать въ области отвлеченныхъ понятій, а классическое образованіе тогдашняго времени создало предрасположеніе къ занятіямъ словами и формулами, а не дѣйствительными предметами. Отъ такого различія въ складѣ ума и стремленій происходило то, что, когда Мирабо удалялся въ отвлеченныя сферы или же унесился порывомъ чувства, онъ увлекалъ членовъ Собранія; но разъ онъ спускался на почву практики политической дѣятельности, то доводы его въ большей части случаевъ не находили отзвука въ ихъ умахъ: они оставались непонятыми. Въ этомъ заключается, какъ мнѣ кажется, существенная причина неисполнимости плана Мирабо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трагизмъ его положенія. Настроеніе его современниковъ въ тотъ моментъ было неразумно, но оно было всеобще, и въ этомъ была его неодолимая сила. Я говорю трагизмъ, такъ какъ желаніе оказать пользу своей родинѣ наполняло его душу, составляя предметъ его честолюбія.

Это положеніе иллюстрируетъ намъ вопросъ о значеніи личности въ исторіи. Мы видимъ, что сильная личность, вооруженная геніальнымъ умомъ, стальной волей, обладающая вѣрнымъ понима-

ніемъ современныхъ задачъ, ничего не можетъ сдѣлать противъ господствующаго общественнаго настроенія, хотя совершенно ясно, что это настроеніе не имѣетъ за собой разумныхъ основаній, а коренится главнымъ образомъ въ традиціяхъ и привычкахъ прошлаго и въ неопредѣленныхъ порываніяхъ къ неясному будущему. Это интересное положеніе граничитъ съ вопросомъ о значеніи великихъ людей въ исторіи. Вы знаете, что есть взглядъ, по которому личность не играетъ ни какой роли въ исторіи и что все происходитъ по направленію, опредѣляемому историческими законами. Мнѣ кажется, что взглядъ этотъ настолько же мало оправдывается дѣйствительностью, насколько не оправдывается и противоположный взглядъ, который ставитъ великихъ личностей въ такое положеніе, что какъ будто все дѣлается ими, и они, такъ сказать, творятъ исторію. Мнѣ кажется, что великіе люди, какъ всякая сила, двигаютъ свое общество, но особенное положеніе получаютъ они тогда, когда въ историческомъ процессѣ происходитъ переломъ, когда въ общественной жизни противоположныя стремленія находятся, такъ сказать, въ неустойчивомъ равновѣсіи. Тогда великая личность, становясь на сторону того или иного общественнаго стремленія, своею силою даетъ ему перевѣсъ и тѣмъ опредѣляетъ дальнѣйшее направленіе исторіи. Такова была роль Наполеона въ 1799 г., какъ это прекрасно выяснено Тэномъ.

Въ томъ случаѣ, когда историческое направленіе подготовлено общественнымъ настроеніемъ или же общественными интересами, хотя и не вполнѣ сознанными, великій человѣкъ, понявъ или угадавъ раньше другихъ задачу времени, формулируетъ ее, берется за дѣло и ему суждено тогда видѣть, какъ общество идетъ за нимъ и какъ его дѣло увѣнчивается успѣхомъ. Онъ, можно сказать, ускоряетъ историческій процессъ и увеличиваетъ его силу. Таковы роли Петра Великаго или Карла Великаго. Это великіе люди-удачники. Но есть и такого рода люди, которые не уступятъ первымъ въ своихъ личныхъ силахъ, но идеи которыхъ находятся въ противорѣчіи съ общественнымъ настроеніемъ или въ силу того, что они опередили слишкомъ далеко пониманіе общества, или же, отставъ отъ него, стали въ противорѣчіе съ его интересами въ данный моментъ. Тогда неудача преслѣдуетъ дѣло такихъ людей и положеніе ихъ становится либо трагическимъ, либо положеніемъ неудачниковъ, и впечатлѣніе такого положенія тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ крупнѣе размѣры самой личности. Къ такимъ неудачникамъ можно отнести императора Карла V, къ нимъ же, ка-

жется, слѣдуетъ отнести и Мирабо. То, что удалось Наполеону въ 1799 году, послѣ того, какъ общество испытало тяжелыя послѣдствія анархіи и сознало, наконецъ, значеніе и необходимость сильной власти, то не удалось Мирабо, когда не было еще этого общественнаго настроенія, хотя, какъ политикъ, онъ, можетъ быть, стоялъ выше Наполеона. Мало того, послѣ смерти, послѣ такихъ торжественныхъ похоронъ, его кости были выброшены изъ могилы, когда узнали объ его планахъ и когда поэтому его признали,—смѣшно сказать,—измѣнникомъ дѣлу свободы и народа. Но прошло сто лѣтъ, и взглядъ на него измѣнился. Исторія признала вѣрность его идей, величіе его стремленій и дарованій, а потомство загладило безумное оскорбленіе его праха постановкой ему памятника.

Эта посмертная судьба его имени оправдала его вѣру въ дѣйствіе времени, какъ неподкупнаго судьи. Вы помните, какъ въ одной изъ своихъ рѣчей онъ говорилъ, что „тотъ, кто не довольствуется пустой популярностью и кто презираетъ успѣхъ дня ради дѣйствительной славы, тотъ, кто хочетъ говорить правду, кто хочетъ сдѣлать общее благо независимо отъ мѣняющагося общественнаго настроенія, тотъ долженъ ждать своей жатвы, судьбы своего имени, единственной, которая можетъ интересовать, только отъ времени, отъ этого неподкупнаго судьи, который всѣмъ оказываетъ справедливость“.

Вторая рѣчь Мирабо

по вопросу о правѣ объявленія войны, сказанная въ Національномъ Собраніи 22 мая 1790 года.

(Переводъ текста, помѣщеннаго въ т. III изданія Etienne Mejan „Oeuvres complètes des travaux de M. Mirabeau l'ainé". Paris, 1792, pp. 355—380).

Для того, безъ сомнѣнія, чтобы сблизить противоположныя воззрѣнія, откровенно сознаются въ томъ, гдѣ кончается общность мнѣній и гдѣ начинается ихъ различіе. Дружественныя пренія пригодны гораздо болѣе для установленія соглашенія, чѣмъ клеветническія инсинуаціи, яростныя обвиненія, ненависть соперничества и продѣлки интриги и злорадства. Уже недѣлю распространяютъ слухи, что часть Національнаго Собранія, желающая участія королевской власти въ рѣшеніи вопроса о войнѣ и мирѣ, отцеубійцы общественной свободы; распускаютъ слухи объ измѣнѣ и подкупахъ; взываютъ къ народному мщенію, чтобы поддержать тираннію мнѣній, какъ будто нельзя, не совершая преступленія, быть двухъ различныхъ мнѣній въ одномъ изъ наиболѣе щекотливыхъ и трудныхъ вопросовъ общественной организаціи. Странная страсть, прискорбное ослѣпленіе возбуждаютъ другъ противъ друга людей, которыхъ постоянно должна была бы сближать и постоянно соединять общность цѣли и одно неразрушимое чувство даже среди самыхъ бѣшеныхъ схватокъ; людей, которые раздражительность своего самолюбія ставятъ на мѣсто культа отечества и предаютъ другъ друга народнымъ предубѣжденіямъ. И меня также: нѣсколько дней тому назадъ хотѣли меня нести съ тріумфомъ, а теперь на улицахъ кричатъ: „великая измѣна графа Мирабо". Мнѣ не нуженъ былъ этотъ урокъ, чтобы знать, какъ не-

далеко отъ Капитолія до Тарпейской скалы. Но человѣкъ, который ратуетъ за разумъ, за отечество, не такъ легко сочтетъ себя побѣжденнымъ. Тотъ, кто сознаетъ за собою заслугу предъ страной и въ особенности тотъ, кто считаетъ, что онъ еще можетъ быть ей полезенъ, тотъ, кто не довольствуется пустой популярностью и кто презираетъ успѣхъ дня ради дѣйствительной славы, тотъ, кто хочетъ говорить правду, кто хочетъ сдѣлать общее благо независимо отъ мѣняющагося народнаго настроенія, тотъ носитъ въ самомъ себѣ награду за свои заслуги, наслажденіе отъ труда своего и воздаяніе за опасности. Онъ долженъ ждать своей жатвы, судьбы своего имени, единственной, которая его можетъ интересовать, только отъ времени, отъ этого неподкупнаго судьи, который всѣмъ оказываетъ справедливость. Пусть тѣ, кто уже недѣлю назадъ предсказывали мое мнѣніе, не зная его, и клевещутъ въ эту минуту на мою рѣчь, не понявъ ея, пусть они обвиняютъ меня въ томъ, что я курю фиміамъ безсильнымъ идоламъ въ то время, когда они уже повержены, или въ томъ, что я низкій наемникъ тѣхъ людей, съ которыми я не переставалъ бороться, пусть объявляютъ врагомъ революціи человѣка, который, можетъ быть, былъ ей небезполезенъ, и который, будь даже эта революція чужда его славѣ, могъ въ ней одной найти свою безопасность. Пусть предаютъ ярости народной того, кто уже двадцать лѣтъ борется противъ притѣсненій, кто говорилъ французамъ о свободѣ, конституціи, сопротивленіи тогда, когда его низкіе клеветники еще сидѣли на школьной скамьѣ и жили всѣми господствующими предразсудками. Что мнѣ за дѣло? Эти удары снизу вверхъ не остановятъ меня на моемъ пути. Я имъ скажу: отвѣчайте, если можете, а потомъ ужъ клевещите, сколько хотите.

Я выхожу, такимъ образомъ, на арену, вооруженный моими принципами и твердостью моей совѣсти. Я выставлю въ свою очередь настоящій предметъ спора со всею ясностью, на которую я способенъ, и я прошу тѣхъ изъ моихъ противниковъ, которые не поймутъ, остановить меня, чтобы я выразился яснѣе, такъ какъ я рѣшился опровергнуть столько разъ повторявшіеся упреки въ уклончивости, тонкости и запутанности; и если только дѣло зависитъ отъ меня, то сегодняшній день выяснитъ нашу относительную лойяльность. Г. Барнавъ сдѣлалъ мнѣ честь, отвѣчая только мнѣ; я въ свою очередь отнесусь съ тѣмъ же почтеніемъ къ его таланту и попытаюсь его опровергнуть.

Вы сказали: мы учредили двѣ отдѣльныя власти—законода-

тельную и исполнительную; одна должна выражать національную волю, другая ее исполнять; эти обѣ власти никогда не должны смѣшиваться одна съ другою. Вы примѣнили этотъ принципъ къ вопросу, о которомъ мы разсуждаемъ, т. е. къ практикѣ права войны и мира.

Вы сказали: необходимо различать дѣйствіе и волю. Дѣйствіе будетъ принадлежать королю, а воля законодательному корпусу. Итакъ, когда дѣло будетъ идти объ объявленіи войны, это объявленіе, будучи актомъ воли, должно быть дѣломъ законодательнаго корпуса.

Разъяснивши этотъ принципъ, вы примѣнили его къ каждой статьѣ моего декрета. Я пойду тѣми же стопами и сперва обсужу общій принципъ, а затѣмъ изслѣдую приложеніе, какое вы изъ него сдѣлали по отношенію къ рѣшенію вопроса о войнѣ и мирѣ.

Вы говорите, что у насъ два различныхъ уполномоченныхъ одинъ для дѣйствія, другой для желанія; я это отрицаю.

Исполнительная власть во всемъ томъ, что касается дѣйствія, безъ сомнѣнія, весьма различна отъ власти законодательной; но совершенно невѣрно, чтобы законодательный корпусъ былъ совершенно независимъ отъ исполнительной власти, даже въ дѣлѣ выраженія общей воли. И въ самомъ дѣлѣ, каковъ органъ этой воли по нашей конституціи? Собраніе представителей народа, или законодательное собраніе, и представитель исполнительной власти, вмѣстѣ взятые; изъ этого происходитъ то, что законодательное собраніе обсуждаетъ и объявляетъ общественную волю, представитель же исполнительной власти имѣетъ двойное право: или утверждать рѣшеніе законодательнаго собранія и это утвержденіе завершаетъ законъ, или же воспользоваться, дарованнымъ ему на извѣстное время правомъ veto, и въ теченіе этого промежутка времени по нашей конституціи рѣшеніе законодательнаго собранія не становится закономъ; значитъ, не точно будетъ сказать, что наша конституція установила двухъ совершенно отличныхъ представителей даже въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о выраженіи общей воли. У насъ, наоборотъ, два представителя, которые вмѣстѣ участвуютъ въ созиданіи закона, изъ коихъ одинъ представляетъ, такъ сказать, второстепенное желаніе, имѣетъ надъ другимъ нѣкоторый контроль и вноситъ въ законъ свою долю вліянія и власти. Такимъ образомъ, общая воля не вытекаетъ изъ одной только воли законодательнаго собранія.

Посмотримъ теперь приложеніе вашего принципа къ рѣше-

нію вопроса о войнѣ и мирѣ. Вы сказали: все, что касается желанія, какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и во всемъ остальномъ, непосредственно исходитъ изъ своего естественнаго начала и можетъ быть высказано лишь законодательной властью. Здѣсь я долженъ васъ остановить и разоблачаю вашъ софизмъ въ одномъ словѣ, которое вы сами произнесли: такимъ образомъ вы отъ меня не ускользнете. Въ вашей рѣчи вы предоставляете исключительное право высказывать общую волю... кому? законодательной власти; въ вашемъ декретѣ кому вы его предоставляете? законодательному собранію. Теперь, я призываю васъ къ порядку. Вы преступили конституцію. Если вы думаете, что законодательное собраніе и законодательная власть одно и то же, вы тѣмъ самымъ ниспровергаете всѣ созданные нами законы; если только, когда дѣло идетъ о выраженіи общей воли по вопросу о войнѣ, достаточно одного законодательнаго собранія... то по тому самому король не имѣетъ ни участія, ни вліянія, ни контроля, ни всего того, что по нашему общественному строю принадлежитъ исполнительной власти, и у васъ въ законодательствѣ было бы два различныхъ начала, одно для обыкновеннаго законодательства, другое для законодательства на случай войны, т. е. для самаго страшнаго кризиса, какой только можетъ потрясать общественный организмъ. Для выраженія общественной воли вамъ то будетъ необходимо участіе монарха, то нѣтъ... и вы еще говорите объ однородности, о единствѣ и цѣльности конституціи.

Не говорите мнѣ, что это различіе малозначуще; наоборотъ, оно настолько важно въ моихъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ тѣхъ добрыхъ гражданъ, которые поддерживаютъ мою доктрину, что если вы въ вашемъ декретѣ замѣните слова „законодательное собраніе“ словами „законодательная власть“ и опредѣлите это выраженіе названіемъ актъ Національнаго Собранія, санкціонированный королемъ, то мы будемъ согласны по всѣмъ пунктамъ; но тогда вы перейдете къ моему декрету, такъ какъ онъ меньше предоставляетъ простора королю...

Вы мнѣ не отвѣчаете... Я продолжаю.

Это противорѣчіе становится еще болѣе поразительнымъ въ примѣненіи вашего принципа, которое вы сами сдѣлали на случай объявленія войны.

Вы сказали: объявленіе войны есть лишь актъ воли, и выраженіе его должно, слѣдовательно, принадлежать законодательному собранію. Поэтому поводу я хочу предложить вамъ два

вопроса, изъ коихъ каждый относится къ двумъ различнымъ случаямъ.

Первый вопросъ. Полагаете ли вы, что право объявленія войны настолько присуще законодательному корпусу, что король не имѣетъ въ немъ иниціативы, или же вы думаете, что онъ имѣетъ иниціативу. Въ первомъ случаѣ, если у него нѣтъ иниціативы, полагаете ли вы, что у него нѣтъ и права veto? Тогда король остается безъ участія въ самомъ важномъ дѣлѣ національной воли. Какимъ образомъ примирите вы это съ правами, дарованными по конституціи монарху? Какимъ образомъ примирите вы это съ общественнымъ благомъ? У васъ явится столько же зачинщиковъ войны, сколько будетъ страстныхъ людей.

Нѣтъ ли большихъ неудобствъ въ такого рода положеніи? Вы не отрицаете, что таковыя имѣются.

Существуютъ ли, наоборотъ, препятствія къ дарованію иниціативы королю? Подъ иниціативой я разумѣю сообщеніе или какое бы то ни было посланіе; вы не найдете къ этому ни малѣйшаго препятствія.

Взгляните, наконецъ, на естественный порядокъ вещей. Чтобы обсуждать, надо быть освѣдомленнымъ. Кто можетъ васъ объ этомъ освѣдомить, какъ не блюститель внѣшнихъ сношеній. Была бы въ высшей степени странная конституція, которая, даровавъ королю высшую исполнительную власть, предоставляла бы возможность объявлять войну, безъ того, чтобы король вызвалъ обсужденіе вопроса тѣми сношеніями (иностранными), которыя ему поручены; ваше собраніе стало бы не обсуждающимъ, а дѣйствующимъ: оно управляло бы.

Итакъ, вы предоставите иниціативу королю.

Перейдемъ ко второму случаю.

Если вы даете королю иниціативу, то вы или предполагаете, что она будетъ состоять въ простомъ сообщеніи, или предполагаете, что король объявитъ, какого мнѣнія онъ держится. Должна ли иниціатива короля ограничиться простымъ сообщеніемъ, и король, тѣмъ самымъ, не долженъ имѣть никакого участія въ объявленіи войны? или же, наоборотъ, его иниціатива состоитъ въ объявленіи рѣшенія, которое, по его мнѣнію, должно быть принято? вотъ двойное предположеніе, которое я васъ прошу обсудить вмѣстѣ со мною.

Если вы полагаете, что когда король склоняется въ пользу войны, законодательный корпусъ можетъ рѣшиться на миръ, то

я не вижу къ этому никакихъ препятствій. Или же вы, наоборотъ, думаете, что при желаніи королемъ мира законодательный корпусъ можетъ постановить войну и настоять на ней, несмотря на его желаніе? Я не могу, въ послѣднемъ случаѣ, принять вашу систему, такъ какъ здѣсь начало затрудненіямъ, съ которыми нельзя справиться. За этой войной, рѣшенной помимо короля, скоро послѣдовала бы война общественнаго мнѣнія противъ короля и всѣхъ его приверженцевъ. Самый безпокойный надзоръ господствовалъ бы надъ всѣми военными дѣйствіями. Желаніе помочь имъ, недовѣріе къ министрамъ, заставило бы законодательный корпусъ скоро выйти за предѣлы своей власти. Начали бы предлагать исполнительные военные комитеты, какъ недавно вамъ предлагали исполнительные комитеты политическіе. Король сдѣлался бы лишь орудіемъ этихъ комитетовъ; явились бы двѣ исполнительныхъ власти, или, вѣрнѣе, законодательный корпусъ царствовалъ бы. Такимъ образомъ изъ-за стремленія одной власти взять верхъ надъ другой, сама наша конституція исказилась бы; изъ монархической, какъ она должна быть, она сдѣлалась бы чисто аристократической. Вы не отвѣтили на это возраженіе и не отвѣтите никогда. Вы говорите лишь объ обузданіи министерскихъ злоупотребленій; а я говорю о средствахъ обузданія злоупотребленій собранія представителей; я говорю о томъ, чтобы остановить незамѣтное стремленіе всякаго правительства къ главной формѣ, которую ему стараются придать. Если же, наоборотъ, когда король хочетъ войны, вы ограничите разсужденія законодательнаго корпуса или согласіемъ на войну, или же рѣшеніемъ, что ея быть не должно, и заставите исполнительную власть вести переговоры о мирѣ, вы избѣгаете всѣхъ недоразумѣній: и, замѣтьте еще, такъ какъ это въ высшей степени характерно для моей системы, что вы нисколько не выходите изъ принциповъ конституціи. Королевское veto, силою вещей, что касается его примѣненія, почти совсѣмъ ослаблено; имъ рѣдко можно воспользоваться во время войны. Вы устраняете это неудобство; вы возстановляете наблюденіе и взаимный контроль, требуемыя конституціей, возлагая на обоихъ уполномоченныхъ націи, на его смѣняемыхъ представителей и на представителя несмѣняемаго, взаимную обязанность быть въ согласіи, когда дѣло идетъ о войнѣ. Вы присваиваете, такимъ образомъ, законодательному корпусу только ту власть, которая можетъ дать ему возможность принять безпрепятственное участіе въ осуществленіи этого ужаснаго права.

Вы соблюдаете въ то же время и національные интересы по столько, по сколько они въ вашихъ рукахъ, такъ какъ вамъ достаточно, чтобы остановить исполнительную власть, только потребовать, чтобы она предоставляла постоянно законодательному корпусу возможность обсудить всѣ случаи, могущіе представиться. Мнѣ кажется, господа, что центръ тяжести спора теперь совершенно ясенъ, и человѣкъ, удостоившійся столькихъ апплодисментовъ внутри этой залы, и внѣ ея,—г. Варнавъ—совершенно не коснулся этого вопроса. Было бы теперь слишкомъ легкимъ торжествомъ преслѣдовать его въ частностяхъ, въ которыхъ онъ, хотя и блеснулъ ораторскими способностями, однако не обнаружилъ ни малѣйшихъ познаній государственнаго мужа, ни знанія человѣческихъ дѣлъ. Онъ декламировалъ противъ золъ, которыя могутъ сдѣлать и сдѣлали короли: но остерегся замѣтить, что по нашей конституціи, монархъ впредь не можетъ ни быть деспотомъ, ни поступать произвольно; и онъ въ особенности остерегся говорить о народныхъ движеніяхъ, хотя онъ самъ бы могъ служить примѣромъ легкости, съ которой друзья иностранной державы вліяютъ на мнѣніе Національнаго Собранія, возмущая вокругъ него народъ и рукоплеща на бульварахъ ихъ агентамъ. Онъ привелъ въ примѣръ Перикла, начавшаго войну, чтобы избавиться отъ отчетности. Можно было подумать, слушая его, что Периклъ былъ королемъ или министромъ деспота. Периклъ — былъ человѣкомъ, который, умѣя льстить народнымъ страстямъ, умѣлъ своею щедростью и щедростью своихъ друзей вызывать своевременные апплодисменты, сходя съ трибуны; и онъ вовлекъ въ Пелопонезскую войну... кого? Національное Собраніе Аѳинъ.

Я подхожу къ критикѣ моего проэкта декрета и наскоро переберу различныя возраженія. Первая статья. Право войны и мира принадлежитъ націи.

Барнавъ утверждаетъ, что статья эта безполезна; почему же безполезна? Мы не уполномочиваемъ королевскую власть, мы ее признали, какъ предсуществующую нашей конституціи. Кромѣ того, такъ какъ въ этомъ Собраніи утверждали, что право войны и мира нераздѣльно отъ королевской власти, такъ какъ утверждали, что мы не имѣемъ даже права ввѣрять его кому либо, то я, значитъ, могъ, я долженъ былъ заявить въ моемъ декретѣ, что право войны и мира принадлежитъ націи?

Гдѣ тутъ ловушка?

Вторая статья. Осуществленіе права войны и мира должно

быть предоставлено совмѣстно законодательному корпусу и исполнительной власти слѣдующимъ способомъ... По мнѣнію г. Барнава, статья эта противорѣчитъ принципамъ и разоблачаетъ ловушку моего декрета. Таковъ вѣдь однако вопросъ, самая суть вопроса, которая насъ волнуетъ. Скажите опредѣленно: оба делегата націи, должны ли они совмѣстно быть выразителями общественной воли, или нѣтъ? Если они должны совмѣстно дѣйствовать, можно ли предоставить одному изъ нихъ исключительное полномочіе при осуществленіи права войны и мира? Сравните мою статью съ вашей; вы не говорите ни объ иниціативѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, ни о предложеніи, ни о санкціи со стороны короля. Если же я точно также не говорю, ни о предложеніи, ни о санкціи, то я замѣняю такого рода участіе другимъ. Граница, раздѣляющая насъ, слѣдовательно, совершенно ясна: я не выхожу изъ предѣловъ конституціи, а вы отъ нея уклоняетесь; необходимо, чтобы вы къ ней возвратились. Съ чьей же стороны ловушка? Она состоитъ, говорите вы, въ томъ, что я не высказываю, какимъ способомъ это совмѣстное дѣйствіе обоихъ уполномоченныхъ должно осуществиться. Что! я этого не высказываю! Что же обозначаютъ эти слова: „Слѣдующимъ образомъ“ и каково общее содержаніе слѣдующихъ статей? Развѣ я не говорю ясно во многихъ изъ нихъ, что сообщеніе принадлежитъ королю, а рѣшеніе, одобреніе или неодобреніе Національному Собранію? Развѣ не слѣдуетъ очевидно изъ каждой изъ моихъ статей, что король никогда не можетъ начать войны, ни даже ее продолжать безъ рѣшенія законодательнаго корпуса? Гдѣ ловушка? Я знаю лишь одну ловушку во всѣхъ этихъ преніяхъ: дѣлаютъ видъ, что законодательному корпусу предоставлено только рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, а на самомъ дѣлѣ, однако, путемъ умолчаній и злоупотребленія словами совершенно устраняютъ короля отъ всякаго участія, отъ всякаго вліянія въ практикѣ права войны и мира.

Я знаю только одну ловушку въ этомъ дѣлѣ; но тутъ маленькая неловкость васъ выдала: эта ловушка заключается въ томъ, что объявленіе войны въ осуществленіи права вы сочли за актъ чисто волевой и присвоили его, поэтому, одному законодательному корпусу, какъ будто законодательному корпусу, который—вовсе не вся законодательная власть, принадлежитъ исключительно выраженіе воли безъ всякаго соучастія монарха.

Третья статья. Въ ней мы согласны.

Четвертая статья. Вы говорили, что я требовалъ сообщенія

лишь въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій, что я предполагалъ, что всякое враждебное дѣйствіе—война, и, что, такимъ образомъ, я предоставлялъ королю воевать безъ участія законодательнаго корпуса. Какая замѣчательная недобросовѣстность! Я требовалъ сообщенія на случай неизбѣжныхъ или начатыхъ враждебныхъ дѣйствій, на случай поддержки союзника, на случай необходимости охраны своего права силою оружія: включилъ ли я сюда всѣ случаи или нѣтъ? Гдѣ ловушка? Я говорилъ въ своей рѣчи, что часто враждебныя дѣйствія могутъ начаться раньше всякаго обсужденія; я говорилъ, что эти враждебныя дѣйствія могутъ быть такими, что въ сущности война началась; что вы на это отвѣтите? Что нѣтъ войны безъ объявленія войны. Но споримъ мы о словахъ или о дѣлѣ? Вы серьезно сказали, что Бугэнвиль, во время сраженія при Гренадѣ, говорилъ въ минуту веселаго героизма; ядра прыгали по палубѣ, а онъ крикнулъ своимъ офицерамъ: „Всего милѣе, господа, то, что мы не воюемъ“, и дѣйствительно война не была объявлена. Вы долго распространялись о современномъ случаѣ съ Испаніей; существуютъ враждебныя отношенія; національное собраніе Испаніи не должно ли войти въ обсужденіе этого дѣла? Да, конечно, и я это сказалъ, и мой декретъ формально предвидитъ этотъ случай; а именно: „Начатыя враждебныя дѣйствія, необходимость охранить право, неизбѣжная война“. Значитъ, заключили вы, враждебныя дѣйствія не составляютъ войны. Но если бы вмѣсто двухъ судовъ, схваченныхъ и выпущенныхъ въ Нотказундѣ, произошло бы сраженіе между двумя военными кораблями; если бы, чтобъ ихъ поддержать, двѣ эскадры вмѣшались бы въ распрю; если бы какой нибудь предпріимчивый генералъ преслѣдовалъ бы побѣжденнаго до самыхъ его береговъ; если бы былъ захваченъ важный островъ, развѣ и тогда не было бы войны? Тутъ есть все, что вамъ угодно; но такъ какъ ни вашъ декретъ, ни мой не даютъ средствъ для предупрежденія подобныхъ нападеній предварительнымъ обсужденіемъ законодательнаго корпуса, то вы согласитесь, что не въ этомъ вопросъ: но гдѣ же ловушка?

Пятая статья. Я хотѣлъ сказать о случаѣ возможномъ, котораго вы не предусматриваете въ вашемъ декретѣ; въ случаѣ враждебнаго дѣйствія, которое было встрѣчено и отражено, могло существовать преступное нападеніе. Нація должна имѣть право преслѣдовать зачинщика и наказать его; мало не начинать войны, необходимо еще обуздать того, кто неосторожнымъ или вѣроломъ-

нымъ шагомъ рисковалъ или пытался вовлечь насъ въ нее. Я указываю къ этому средство: гдѣ тутъ ловушка? Но, говорите вы, я значитъ, предполагаю, что исполнительная власть имѣетъ право начать враждебныя дѣйствія, совершить нападеніе? Нѣтъ, я ей не дарую этого права, такъ какъ формально его у нея отнимаю; я не позволяю нападенія, такъ какъ предлагаю его наказывать. Что же я дѣлаю? Я разсуждаю о возможномъ фактѣ, котораго ни вы, ни я не въ состояніи предупредить. Я не могу сдѣлать такъ, чтобы высшій распорядитель національныхъ силъ не располагалъ бы большими средствами и возможностью злоупотребить ими, но развѣ это неудобство не присуще всѣмъ формамъ правленія? Это, если хотите, зло и королевской власти: но развѣ вы утверждаете, что человѣческія учрежденія, что правительство, созданное людьми и для людей, могутъ быть свободны отъ недостатковъ? Думаете ли вы побудить насъ отказаться отъ выгодъ монархіи по той причинѣ, что она имѣетъ свои опасности? Скажите это ясно. Тогда намъ придется рѣшить, слѣдуетъ ли намъ отказаться отъ тепла и свѣта, получаемыхъ нами отъ огня, по той причинѣ, что онъ жжется. Все можетъ быть защищаемо, за исключеніемъ непослѣдовательности: скажите намъ, что намъ не нужно короля, но не говорите, что намъ нуженъ король безсильный и безполезный.

Ст. ст. 6, 7 и 8. Вы на нихъ, кажется, не нападали, такъ что мы согласны; но признайте въ такомъ случаѣ, что тотъ, кто поставилъ исполнительной власти такія ограниченія, какихъ не выставилъ ни одинъ другой декретъ, не снабжалъ королевскую власть средствами узурпаціи, какъ это, не краснѣя, утверждали, признайте также, что онъ умѣетъ такъ же хорошо, какъ и другіе, снабдить конституціонными предосторожностями права народа; признайте, что въ ту минуту, когда народъ, сбитый съ толку, угрожаетъ ему, онъ защищаетъ этотъ самый народъ лучше, чѣмъ вы.

Ст. 9. „Въ томъ случаѣ, когда король лично будетъ на войнѣ, законодательный корпусъ имѣетъ право собрать то количество національной гвардіи, которое признаетъ нужнымъ, и въ томъ мѣстѣ, которое признаетъ подходящимъ“.

Вы сильно меня упрекаете за то, что я предложилъ эту мѣру. Она имѣетъ неудобства, несомнѣнно, но какое учрежденіе ихъ чуждо? Если бы вы ее поняли, вы увидали бы, что если бы эта мѣра была присуща моей системѣ, то я бы не примѣнялъ ея только къ случаю очень рѣдкому, когда король лично ведетъ войну, но примѣнилъ бы ее ко всѣмъ случаямъ безъ точнаго опредѣле-

нія. Если тутъ и есть ловушка, то эта ловушка цѣликомъ находится въ вашей аргументаціи, а вовсе не въ системѣ того, кто хочетъ устранить короля отъ командованія арміей за границей, ибо онъ не думаетъ, что главный стражъ общества долженъ отдаваться обязанностямъ, столь рискованнымъ; ловушка находится не въ системѣ того, кто вводитъ въ вашу общественную организацію единственное средство правильнаго возстанія, которое рѣшаетъ вопросъ о принципахъ вашей конституціи. Очевидно, недобросовѣстно искать слабую сторону моей системы или какой нибудь умыселъ съ моей стороны въ томъ, что я предвижу неудобство, на которое указывали всѣ, говорившіе до меня, и которое существуетъ рѣшительно во всѣхъ теоріяхъ; ибо очевидно, что воинственный король можетъ быть увлеченъ своей страстью и поддерживаемъ своими легіонами, воспитанными въ побѣдѣ, независимо отъ того, кто началъ войну, законодательная власть или исполнительная. Если при всѣхъ конституціонныхъ гипотезахъ это ужасное несчастіе одинаково предвидимо, то другого средства нѣтъ и противъ этого, кромѣ единственнаго. Вы и я признаемъ обязанность возстанія только въ случаяхъ чрезвычайно рѣдкихъ. Развѣ мое средство такъ предосудительно отъ того, что оно дѣлаетъ возстаніе болѣе методичнымъ и болѣе страшнымъ? Развѣ это ловушка, если національнымъ гвардейцамъ указывается ихъ настоящее назначеніе? Зачѣмъ же мы ихъ учредили, какъ не для того, чтобы они вѣчно охраняли то, что они завоевали? Наконецъ, вѣдь вы первый преувеличили предъ нами эту опасность. Она существуетъ или не существуетъ. Если она не существуетъ, то зачѣмъ вы придаете ей такое значеніе? Если она существуетъ, то она угрожаетъ моей системѣ въ той же степени, какъ и вашей. Въ такомъ случаѣ примите мое средство или давайте другое, или не принимайте никакого; это мнѣ все равно, ибо я вѣрю этой опасности, только какъ чуду. Поэтому я и далъ свое согласіе на поправку г. Шапелье, который устраняетъ эту статью.

Уже давно пора окончить эти длинные дебаты. Теперь я надѣюсь, что болѣе не будутъ скрывать истиннаго предмета спора. Я желаю участія исполнительной власти въ выраженіи общей воли въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ въ той же степени, въ какой наша конституція предоставила его ей въ установленныхъ уже частяхъ нашего общественнаго строя... Мои противники не желаютъ этого. Я желаю, чтобы наблюденіе одного изъ делегатовъ на-

рода не покидало его въ наиболѣе важныхъ дѣяніяхъ политики; мои же противники желаютъ, чтобы одинъ изъ делегатовъ исключительно пользовался правомъ объявленія войны, какъ будто въ томъ случаѣ, если бы исполнительная власть оставалась чуждой акту выраженія общественной воли, намъ бы пришлось разсуждать только о самомъ фактѣ объявленія войны и какъ будто осуществленіе права войны не влечетъ за собой цѣлаго ряда смѣшанныхъ операцій, въ которыхъ дѣйствіе и воля сталкиваются между собою и сливаются. Вотъ черта, которая насъ раздѣляетъ. Если я ошибаюсь, еще разъ прошу, пусть мой противникъ остановитъ меня или пусть лучше замѣнитъ въ своемъ декретѣ слова: „законодательный корпусъ“ словами: „законодательная власть“, т. е. актъ, исходящій отъ представителей націи и утвержденный королемъ, и тогда мы вполнѣ согласны, если не на практикѣ, то по крайней мѣрѣ въ теоріи; и тогда мы посмотримъ, не осуществляетъ ли мой декретъ лучше, чѣмъ всякій другой, эту теорію.

Вамъ предлагали судить вопросъ посредствомъ параллели между людьми, поддерживающими положительное или отрицательное рѣшеніе. Вамъ говорили, что вы увидите съ одной стороны людей, питающихъ надежду на повышеніе въ арміи или же разсчитывающихъ достигнуть руководства иностранными дѣлами, людей, которыя находятся въ связяхъ съ министрами и ихъ агентами; съ другой—мирнаго гражданина, добродѣтельнаго, малоизвѣстнаго, безъ честолюбія, который находитъ свое счастье и бытье въ общемъ счастьѣ и въ общемъ бытіи. Я не послѣдую этому примѣру. Я не думаю, чтобы соотвѣтствовало политическимъ приличіямъ, а равнымъ образомъ и принципамъ нравственности точить кинжалъ, которымъ нельзя ранить своихъ противниковъ безъ того, чтобы не почувствовать очень скоро его лезвія на своей собственной груди. Я не думаю, чтобы люди, призванные служить общему дѣлу въ качествѣ собратьевъ по оружію находили удовольствіе драться, какъ низкіе гладіаторы, бороться при помощи обвиненій и интригъ, а не посредствомъ знаній и талантовъ; искать въ уничтоженіи и въ униженіи другъ друга преступный успѣхъ, трофеи дня, вредные для всѣхъ и даже для славы. Но я вамъ скажу: между тѣми, кто поддерживаетъ мою доктрину, вы насчитываете вмѣстѣ съ умѣренными людьми, которые не вѣрятъ ни въ то, что мудрость заключается въ крайностяхъ, ни въ то, что мужество разрушенія никогда не должно уступить мѣста мужеству созиданія,—большинство тѣхъ энергичныхъ гражданъ, которые въ нача-

лѣ Гударственныхъ Чиновъ (такъ назывался тогда этотъ національный конвентъ, еще связанный въ пеленкахъ свободы) повергли во прахъ столько предразсудковъ, пренебрегли столькими опасностями, справились со столькими препятствіями, чтобы войти въ среду общинъ, которымъ эта преданность придала бодрость и силу совершить эту дѣйствительную славную революцію; вы увидите среди нихъ этихъ трибуновъ народа, которыхъ нація, несмотря на тявканіе завистливой посредственности, долго будетъ еще считать въ рядахъ освободителей отечества; вы увидите тутъ людей, одно имя которыхъ обезоруживаетъ клевету и которыхъ частную и общественную репутацію не попытались омрачить самые разнузданные пасквилянты; людей, наконецъ, незапятнанныхъ, безъ страха и корысти, которые вплоть до могилы будутъ поставлять себѣ въ честь какъ своихъ друзей, такъ и своихъ недруговъ.

Я кончаю тѣмъ, что прошу подвергнуть обсужденію мой проэктъ декрета съ поправкой г. Шапелье.

Ричардъ Кобденъ и свобода торговли.

Приступая къ бесѣдѣ о дѣятельности Ричарда Кобдена [1]) и того общественнаго союза, который извѣстенъ подъ названіемъ „Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ“, приходится говорить о спорѣ, который завязался въ Англіи на практической почвѣ въ концѣ 30-хъ годовъ и въ началѣ 40-хъ между сторонниками свободной торговли и протекціонизма. Прежде чѣмъ изложить этотъ споръ, нужно въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на тѣхъ положеніяхъ, которыя существуютъ въ экономической наукѣ по от-

[1]) Считаю полезнымъ указать нѣкоторыя книги, использованныя мною при составленіи этой лекціи. Прежде всего я укажу на подробную біографію Морлея (John Morley. „Life of Cobden“. 1881). Это сочиненіе имѣло такой успѣхъ, что въ 1882 году Морлей выпустилъ сокращенное изданіе его. Съ этого послѣдняго сдѣланъ переводъ на французскій языкъ Софьей Рафаловичъ, съ ея предисловіемъ. Такъ какъ она извѣстна своимъ экономическимъ образованіемъ, то ей и книги въ руки, при переводѣ и комментированіи этого сочиненія. Она дополнила сокращенное изданіе біографіи нѣкоторыми частями полнаго изданія ея. Но эта книга даетъ мало выдержекъ изъ рѣчей Кобдена. Для ознакомленія съ ними можетъ служить книга извѣстнаго французскаго экономиста Бастіа, сторонника абсолютной свободы торговли. Онъ сдѣлалъ переводъ наиболѣе значительныхъ рѣчей Кобдена и главнымъ образомъ тѣхъ, въ которыхъ онъ говорилъ противъ хлѣбныхъ законовъ, а также рѣчей другихъ дѣятелей лиги. Эта книга о лигѣ противъ хлѣбныхъ законовъ составляетъ третій томъ полнаго собранія сочиненій Бастіи. Рѣчи Кобдена, которыя онъ издалъ, были переведены на русскій языкъ въ изданіи Поповой. Этому переводу предшествуетъ очень краткое изложеніе жизни и дѣятельности Кобдена по Морлею. Вотъ тѣ сочиненія, которыя могутъ быть полезны лицамъ, желающимъ ближе ознакомиться съ предметомъ.

ношенію къ торговлѣ, и на фактахъ, рисующихъ то положеніе дѣла, въ какомъ оно находилось въ тогдашнее время, т. е. во второй четверти XIX столѣтія въ Англіи. Тогда мы поймемъ предметъ спора.

Едва ли нужно объяснять, что торговля между частными людьми обусловливается обоюдной выгодой обмѣна, и если бы обмѣнъ былъ не выгоденъ, то и торговли не было бы; но когда рѣчь заходитъ о международныхъ отношеніяхъ, то вопросъ дѣлается не столь яснымъ, и хотя давно приводилась сторонниками необходимости широкихъ международныхъ отношеній латинская поговорка „non omnis fert omnia tellus“ (не всякая почва приноситъ все), въ объясненіе необходимости обмѣна между народами; но люди, какъ будто нарочно, когда рѣчь заходитъ о международныхъ отношеніяхъ, забываютъ выгоды свободной международной торговли и склоняются къ мысли, что достаточно свободы внутренней торговли для удовлетворенія нуждъ населенія, что не нужно задаваться мыслью проводить принципъ свободы и въ международныя торговыя отношенія. Между тѣмъ международныя торговыя отношенія имѣютъ то же основаніе, какъ и отношенія отдѣльныхъ лицъ, т. е. они не могутъ не быть взаимно выгодны и безъ таковой взаимной выгоды происходить не могутъ. Даже въ томъ случаѣ международная торговля выгодна, когда намъ извѣстно, что намъ было бы выгодно данный продуктъ производить самимъ; но тѣмъ не менѣе, мы будемъ предпочитать пріобрѣтать его у другихъ, а не будемъ производить его сами, если взамѣнъ получаемаго мы можемъ отдавать продуктъ, который мы можемъ производить еще съ большей выгодой. Для примѣра возьмемъ слѣдующій существующій фактъ во внутренней торговлѣ. Извѣстно, что пріуральскіе жители могли бы сами производить хлѣбъ, но однако, они его не культивируютъ, а предпочитаютъ получать изъ Вятской губерніи для того, чтобы имѣть возможность сосредоточить свои силы на металлургическомъ производствѣ, которое для нихъ представляется болѣе выгоднымъ, чѣмъ часть силъ своихъ обращать на производство хлѣба. Еще возьмемъ примѣръ: представимъ себѣ, что данному народу, положимъ, прійдется употреблять 100 дней для выдѣлки даннаго количества полотна и 150 дней затрачивать на производство сукна. Другому народу приходится затрачивать на производство сукна 100 дней, а на производство полотна 125 дней. Что изъ этого выходитъ? Если одинъ и другой народъ станетъ самъ производить только данное количество полот-

на или сукна, смотря по степени выгодности, то одинъ народъ затратитъ на двойное количество полотна 200 рабочихъ дней, вмѣсто 250, которые онъ тратилъ бы, дѣлая и сукно, и полотно; а другой народъ затратилъ на то же двойное количество сукна 200 рабочихъ дней, вмѣсто 225 на сукно и полотно; выходитъ, что при обмѣнѣ, дающемъ возможность сосредоточить свою дѣятельность на одномъ, болѣе выгодномъ продуктѣ, одинъ народъ экономизируетъ 50 рабочихъ дней, а другой можетъ выиграть 25 рабочихъ дней. Этотъ выигрышъ былъ бы невозможенъ безъ обмѣна между предполагаемыми двумя націями. Изъ приведенныхъ случаевъ видно, что выгода вытекаетъ изъ того условія, что при обмѣнѣ каждый изъ приведенныхъ народовъ занимается дѣломъ наиболѣе для него выгоднымъ и что это сосредоточеніе труда возможно только при свободномъ международномъ обмѣнѣ. Но мы видимъ еще въ международныхъ сношеніяхъ, что у каждаго народа есть свои особыя благопріятныя условія, которыя помогаютъ ему выдѣлывать тотъ или другой предметъ. Кромѣ того, при международномъ обмѣнѣ расширяется рынокъ для даннаго производства, а потому оно можетъ вестись въ болѣе широкомъ размѣрѣ и воспользоваться всѣми тѣми выгодами, которыя получаются отъ раздѣленія труда и вообще при веденіи дѣла въ крупномъ размѣрѣ. Чѣмъ обусловливаются международныя сношенія? Чѣмъ свободнѣе торговыя сношенія, тѣмъ развитѣе они становятся, тѣмъ шире можетъ быть проведено международное раздѣленіе труда и улучшеніе организаціи его внутри отдѣльныхъ странъ, участвующихъ въ обмѣнѣ, а при этомъ условіи продуктъ становится доступнѣе для потребителя каждой изъ этихъ странъ. Что касается выгоды производителя, то сторонники свободной торговли утверждаютъ, что при ней производитель, занимаясь такимъ дѣломъ, которое ему наиболѣе сподручно, увеличиваетъ производительность своего труда и, такимъ образомъ, извлекаетъ изъ него наибольшую выгоду. Противники свободы международной торговли въ защиту стѣсненія ея разными государственными мѣрами выставляютъ и выставляли не мало аргументовъ. Они могутъ быть сведены къ двумъ группамъ. Въ то время, когда еще господствовалъ взглядъ, что главное богатство страны составляютъ деньги, сторонники этого взгляда,—меркантилисты,—разсматривали выгоду обмѣна или его убыточность съ точки зрѣнія прилива или отлива денегъ изъ страны. Чѣмъ болѣе страна вывозитъ товаровъ, тѣмъ болѣе она пріобрѣтаетъ денегъ и, слѣдовательно, богатѣетъ.

Наоборотъ, чѣмъ болѣе она ввозитъ чужихъ товаровъ, тѣмъ она болѣе теряетъ денегъ и, значитъ, бѣднѣетъ. Правительство не можетъ относиться равнодушно къ тому, что страна, болѣе сильная въ промышленномъ отношеніи, наводняетъ его государство своими продуктами и увозитъ изъ него деньги и потому принимаетъ мѣры къ стѣсненію ввоза и къ поощренію вывоза. Для достиженія такой цѣли надо, чтобы данная страна развила у себя обрабатывающую промышленность, а пока это произойдетъ надо затруднить или вовсе запретить доступъ въ страну соотвѣтствующихъ заграничныхъ произведеній. Болѣе полнымъ выразителемъ этой системы былъ французскій министръ Кольберъ, вслѣдствіе чего она называется „кольбертизмомъ“, называясь въ то же время „меркантильной“. Кольберъ не былъ создателемъ покровительственной системы, но онъ придалъ ей стройный видъ въ практическомъ приложеніи, и потому сталъ какъ бы отцомъ ея.

Когда меркантильный взглядъ на деньги былъ оставленъ, выработался новый взглядъ на основаніе покровительственной системы и связанныхъ съ нею стѣсненій международной торговли.

Въ XIX вѣкѣ мы видимъ нѣмецкаго экономиста Листа. По его взгляду задачей каждаго народа должно быть развитіе всѣхъ производительныхъ силъ своихъ. Этого онъ достигаетъ лишь тогда, когда онъ развиваетъ не только земледѣльческую, но и всѣ другія отрасли промышленности. Для этого необходимо временное покровительство. По взгляду Листа, необходимость протекціонизма объясняется тѣмъ, что не всѣ народы въ одно и то же время выступили на поприще промышленности и, разумѣется, одинъ народъ естественно стоитъ впереди другого народа въ экономическомъ развитіи, а потому надо заботиться, чтобы народъ развивался, окрѣпъ и тогда онъ можетъ войти съ другимъ народомъ въ свободную конкурренцію. До наступленія этого момента должны быть употребляемы мѣры для промышленнаго воспитанія народа. Правительство создаетъ условія, могущія оградить страну отъ иностранной конкурренціи и это достигается при помощи установленія пошлины настолько высокой, чтобы она покрыла ту разницу въ цѣнѣ, которая существуетъ между иностраннымъ продуктомъ и туземнымъ. Если иностранный промышленникъ продаетъ сукно за 1 рубль аршинъ, а наша промышленность, какъ болѣе бѣдная въ техническомъ развитіи, даетъ возможность производить сукно только въ $1^1/_2$ рубля аршинъ, то нужно наложить такую пошлину на каждый аршинъ иностраннаго сукна, чтобы аршинъ его, буду-

чи привезенъ въ данную страну, стоилъ бы тоже $1^1/_2$ рубля и нашъ производитель могъ бы, такимъ образомъ, конкуррировать съ иностраннымъ. Вотъ въ какомъ видѣ оправдывалъ Листъ протекціонизмъ и въ такомъ видѣ существуетъ теорія послѣдняго и сейчасъ. Само собою разумѣется, что можно покровительствовать иначе: можно было бы выдавать, напримѣръ, премію промышленнику за каждый выдѣланный аршинъ сукна, но это представляется болѣе сложнымъ и составляетъ расходъ, который пришлось бы разложить на всѣхъ, не только на потребителей, но и на производителей вмѣстѣ; тогда какъ пошлина, взимаемая на границѣ, доставляя доходъ государству, ложится на потребителя, а прибыль отъ повышенія цѣны товара переходитъ въ карманъ промышленника. Я намѣтилъ вкратцѣ теорію пошлинъ протекціонныхъ. Но пошлины бываютъ не только покровительственныя, но и фискальныя, т. е. такія, которыя взимаются только въ интересахъ казны.

Исторія пошлины показываетъ, что она ведетъ свое начало со времени гораздо болѣе ранняго, чѣмъ создалась теорія. Фискальная и покровительственная пошлины ведутъ свое начало отъ времени, называемаго варварскимъ. Историческимъ зародышемъ первыхъ былъ грабежъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда рыцари нападали на караваны купцовъ, шедшихъ по дорогамъ или рѣкамъ въ ихъ владѣніяхъ, и отнимали ихъ товары, этотъ грабежъ создалъ фискальныя пошлины. Такъ какъ купцы въ одно и то же время вынуждены были быть купцами и воинами, то и для феодаловъ являлся тоже рискъ при нападеніи на купцовъ, а потому купцы и феодалы пришли къ соглашенію: „Вы не трогайте насъ; мы будемъ вамъ платить отъ товара извѣстную часть“. Такимъ образомъ явился прототипъ пошлинъ, составившихъ доходъ феодаловъ. Аналогичное явленіе мы видимъ теперь въ Манджуріи. Тамъ хунхузы взимаютъ пошлину съ купцовъ за обѣщаніе не грабить ихъ. Во время русской оккупаціи купцы, почувствовавъ большую безопасность, перестали платить. Когда же русскіе ушли, хунхузы снова потребовали и стали получать пошлину отъ купцовъ. Далѣе, горожане XII и XIII-го столѣтія, составивъ отдѣльныя самостоятельныя общины, старались защититься отъ нападеній городскими стѣнами и воротами. Но въ эти ворота они не пропускали не только враговъ, но и мирныхъ людей, если послѣдніе являлись конкуррентами мѣстныхъ ремесленниковъ и торговцевъ, а если и пускали, то взимали съ пришельцевъ извѣстную пошлину. Они оправдывали свою политику соображеніемъ: съ ка-

кой стати мы будемъ пускать даромъ чужеземцевъ, если они будутъ отнимать онъ нашихъ ремесленниковъ и купцовъ прибыль отъ продажи и производства продуктовъ. Таковъ путь созданія фискальныхъ и покровительственныхъ пошлинъ. Изъ пошлинъ городскихъ, по мѣрѣ созданія государства, онѣ постепенно превращаются въ областныя и въ государственныя, съ городскихъ воротъ переходятъ на границы государства и на пограничныхъ заставахъ и таможняхъ онѣ существуютъ вмѣстѣ, какъ фискальныя, такъ и протекціонныя. Если вы вспомните, какой процессъ шелъ въ XIX вѣкѣ въ Германіи, гдѣ существовали пошлины, сначала въ мелкихъ государствахъ, а потомъ образовались сѣверо-германскій таможенный союзъ и южный, пока, наконецъ, не образовался общій германскій тарифъ, то вы поймете сущность схемы развитія системы пошлинъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что протекціонная система не явилась результатомъ теоріи, а развилась изъ боязни конкурренціи, боязни обезцѣнить мѣстное туземное производство; но, какъ всегда, люди, дѣлая что либо неразумное, стараются объяснить свои дѣйствія чѣмъ нибудь разумнымъ, такъ и меркантилизмъ, и теорія Листа явились въ качествѣ средствъ обосновать политику, начавшуюся и развившуюся гораздо раньше и по другимъ мотивамъ.

Но, если протекціонизмъ, какъ историческій фактъ, представляется очень древнимъ, то теорія его, въ той формѣ, какъ она выработана меркантилизмомъ, предшествуетъ теоріи свободы торговли, о которой впервые систематически заговорилъ Адамъ Смитъ въ концѣ XVIII вѣка и подъ вліяніемъ ученія котораго она водворилась въ Англіи.

Мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію положенія протекціонизма въ Англіи во 2-й четверти XIX вѣка. Нужно сказать, что въ это время, въ смыслѣ развитія ткацкой промышленности, Англія представляла страну, которая значительно опередила остальную Европу. Изобрѣтенныя машины: паровая—Уайтомъ, прядильная—Аркрайтомъ и ткацкая—Картрайтомъ дали сильное развитіе прядильному производству и шерсто-ткацкой, и бумажно-ткацкой промышленности. Изобрѣтенія Фультона и Стефенсона, создавъ средства быстраго передвиженія, дополняли промышленныя изобрѣтенія могучими рычагами соотвѣтственнаго развитія торговли. Но такъ какъ англійское правительство думало, что слѣдуетъ придерживаться системы, которая была раньше, для огражденія себя отъ иностранной конкурренціи, то въ первой половинѣ XIX вѣка

таможенный тарифъ въ Англіи состоялъ изъ 1200 статей, въ которыхъ разобраны были самыя мелкія отрасли и поставлена пошлина на всѣ продукты, которые могутъ появиться въ Англіи и могутъ оказать конкурренцію англійской промышленности. Но въ 20-хъ годахъ ученіе Адама Смита переходитъ въ жизнь и подъ вліяніемъ его зарождается общественное теченіе, которое начинаетъ пробивать брешь въ системѣ протекціонизма. Представителемъ этого новаго теченія является Husskison, (Гусскисонъ), который въ 20 годахъ въ Англіи ослабилъ протекціонную пошлину. Въ 40-хъ годахъ XIX вѣка на тотъ же путь вступаетъ выдающійся политическій дѣятель Робертъ Пиль, который болѣе рѣшительно становится на сторону освобожденія англійской торговли отъ таможенныхъ путъ, и изъ 1200 статей тарифа сначала отмѣнилъ 750, т. е. болѣе чѣмъ половину, а потомъ изъ оставшейся половины уничтожилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, еще 430 статей изъ англійскаго таможеннаго тарифа. Но Пиль выступаетъ на почву освобожденія англійской промышленности односторонне, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, оживленіе обмѣна съ колоніями; хотя онъ имѣлъ въ виду также и соображеніе, что большему ввозу соотвѣтствуетъ и большой вывозъ, такъ какъ торговля заключается въ обмѣнѣ продуктовъ. Основываясь на этой мысли, онъ рѣшилъ открыть большій доступъ иностраннымъ товарамъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ сохранилъ большія преимущества за продуктами англійскихъ колоній (главнымъ образомъ, сахаромъ и кофе) предъ иностранными.

Главнымъ принципомъ англійскаго тарифа была защита интересовъ земельной аристократіи. Земельная аристократія владѣла большей частью территоріи Англіи, и въ XIX вѣкѣ мы почти не видимъ мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ это было раньше; все то, что касалось защиты интересовъ землевладѣльческой аристократіи, для огражденія ея отъ конкурренціи, было обложено высокой пошлиной. Между тѣмъ товаръ, который составлялъ главный интересъ населенія, былъ хлѣбъ, и мы видимъ, что, чѣмъ болѣе увеличивается значеніе поземельной аристократіи, тѣмъ болѣе становится высокою покровительственная пошлина на хлѣбъ. Такъ, въ концѣ XVIII столѣтія и затѣмъ въ началѣ XIX-го, а именно въ 1815 году, издаются хлѣбные законы, запрещающіе ввозъ иностраннаго хлѣба въ такомъ случаѣ, если цѣна квартера пшеницы въ самой Англіи стоитъ ниже 80 шиллинговъ (или 18 рублей за четверть). Понятно, что хлѣбъ потому облагается высокой пошли-

ной, чтобы защитить интересы землевладѣльцевъ. Съ ослабленіемъ протекціонизма въ 1828 году запрещеніе ввоза хлѣба замѣняется системой, которую такъ и прозвали: „подвижная лѣстница“.

По этому новому закону хлѣбъ допускался къ ввозу при минимальной внутренней цѣнѣ въ 64 шиллинга за квартеръ, при которой онъ былъ обложенъ пошлиной въ 23 шиллинга (5 р. 23 к. метал.), при цѣнѣ 63—24 шиллинга, при цѣнѣ 60—$26^{3}/_{4}$ шиллинговъ, 56—30; 50—$38^{1}/_{2}$.—Наоборотъ, при цѣнѣ въ 70 шил. пошлина понижалась до $10^{3}/_{4}$ шиллинговъ и до одного шиллинга при цѣнѣ 73 шил. за квартеръ. Такимъ образомъ мы видимъ цѣлую лѣстницу пошлинъ, которыя измѣняются обратно пропорціонально къ цѣнѣ хлѣба: чѣмъ выше цѣна хлѣба, тѣмъ ниже пошлина, чѣмъ цѣна хлѣба ниже, тѣмъ пошлина выше; цѣль ясна: надо, чтобы хлѣбъ стоялъ на высокой цѣнѣ, при которой обезпечивалъ бы ея хорошій доходъ землевладѣльцамъ. Это воззрѣніе на необходимую высоту цѣны хлѣба мѣнялось. Сначала находили, напримѣръ, цѣну въ 80 шиллинговъ обезпечивающею хорошій доходъ землевладѣльцамъ и въ 20-хъ годахъ правящіе классы и землевладѣльцы клялись и божились, что если цѣна будетъ ниже 70 шиллинговъ за квартеръ, то они разорятся; въ концѣ 20-хъ годовъ минимальная цѣна опредѣлена была въ 64 шиллинга. Когда Роб. Пиль въ 1841 году взялся за измѣненіе лѣстницы пошлинъ и пониженіе ихъ, то въ силу только внутренней конкурренціи, цѣна хлѣба колебалась между 54 и 56 шиллингами за квартеръ. Они приняли эту цѣну за минимальную, при которой иностранный хлѣбъ долженъ былъ облагаться пошлиной, и отъ этой цѣны выше онъ установилъ новую подвижную лѣстницу пошлинъ, которую провелъ черезъ парламентъ въ 1842 году. Въ сущности говоря, эта послѣдняя не удешевляла хлѣба, ибо на уровнѣ 56 шил. за квартеръ, при обычныхъ условіяхъ, пошлины стояли въ силу внутренней конкурренціи; въ силу того же обстоятельства пониженіе пошлины при цѣнахъ хлѣба выше этого уровня было безвредно для землевладѣльцевъ, ибо они, все равно, не могли получить болѣе 56 шил. за квартеръ, при среднемъ урожаѣ. Отъ паденія же цѣны, въ силу иностранной конкурренціи, ниже 56 шил. они были защищены ввозной пошлиной въ 16 шил., которая раньше понижалась по мѣрѣ повышенія внутренней цѣны хлѣба.—Лѣстница пошлины Роберта Пиля представляется въ такомъ видѣ,—причемъ, мы приводимъ параллельно пошлины по закону 1828 года:

Хлѣбныя пошлины

По закону 1828 г.		По закону 1842 г.	
Цѣна хлѣба.	Пошлина.	Цѣна хлѣба.	Пошлина.
50 ш. . . .	38 ш. 6 п.	50 ш. . . .	20 ш.
56	40 ш.	56	16 ш.
60	26 ш.	60	12 ш.
63 . . .	23 ш.	63	9 ш.
64	22 ш.	64	8 ш.
70	10 ш.	70	5 ш.

Понижая безполезное покровительство отечественному земледѣльцу, эта система пошлинъ мѣшала однако удешевленію хлѣба. Вотъ почему реформа Пиля неудовлетворила общество и не отвергала тѣхъ экономическихъ отношеній, которыя установились въ странѣ подъ вліяніемъ развитія промышленности. Я остановилъ ваше вниманіе на хлѣбныхъ законахъ потому, что они составляли центральный пунктъ въ обезпеченіи интересовъ англійской аристократіи. Робертъ Пиль ослаблялъ эту сторону только повидимому. Такой же характеръ имѣли отношенія въ колоніяхъ. Цѣлью правительства было дать матеріальныя выгоды колоніямъ, въ которыхъ, при господствѣ системы маіората въ Англіи, находили себѣ поприще дѣятельности младшіе члены аристократическихъ семей; правительство, болѣе покровительствуя ввозимымъ колоніальнымъ продуктамъ, сравнительно съ иностранными, тѣмъ самымъ оказывало покровительство и англійской аристократіи. Младшіе члены англійской аристократіи поступали въ духовенство; тутъ они тоже встрѣчали покровительство государства. Въ Англіи существовала въ пользу духовенства десятина, при чемъ она разлагалась не на однихъ протестантовъ, но и на другихъ. Въ Ирландіи, напримѣръ, ее платили католики. И здѣсь, какъ всюду, имѣлись въ виду только интересы аристократическаго землевладѣльческаго класса.

Если обратить вниманіе на систему налоговъ, то мы замѣтимъ, что и тамъ дѣйствуетъ тотъ же принципъ. Налоги были поземельные, косвенные и налоги на наслѣдство. Налоги наслѣдственные взимались лишь съ движимаго имущества, но не ложились на землю. Что касается поземельныхъ налоговъ, то мы видимъ, что еще въ началѣ XVIII вѣка цифра ихъ составляла въ Англіи 1.997,000 фунтовъ стерлинговъ, а $1^1/_2$ столѣтія спустя (1841 г.) они составляли всего 2.037,000 фун. стерлинговъ; значитъ, налогъ поземельный увеличился только на 40,000 фунтовъ стер-

линговъ за $1^1/_2$ столѣтія, т. е. на $2^0/_0$; между тѣмъ, если посмотрѣть на акцизы, то получается такая картина: въ началѣ XVIII столѣтія акцизы составляли 6,792, а въ 1841 году 12,758 фунтовъ стерлинговъ; то есть, въ то самое время, когда поземельный налогъ поднялся на $2^0/_0$, косвенный налогъ возвысился на $623^0/_0$, что составляетъ громадную разницу. Чѣмъ объяснить это, какъ не тѣмъ, что власть страны находилась въ рукахъ небольшой земельной олигархіи, которая стремилась обезпечить за собой доходъ и свалила тяжесть налоговъ на плечи массы населенія? Замѣтимъ, что земельная рента, т. е. доходъ землевладѣльцевъ, за этотъ періодъ времени увеличилась въ 7 разъ. Такимъ образомъ ясно, что при данномъ политическомъ строѣ, масса народа находилась въ тяжеломъ положеніи. Политическіе дѣятели тогдашняго времени, чувствовавшіе потребность оправдать существованіе хлѣбныхъ законовъ, утверждали, что они не могутъ вредно отражаться на положеніи рабочаго класса на томъ будто бы основаніи, что вмѣстѣ съ повышеніемъ цѣны хлѣба поднимается и заработная плата, а между тѣмъ, развитіе національнаго земледѣлія ставитъ страну въ независимое положеніе въ политическомъ отношеніи, такъ какъ она не нуждается въ чужомъ хлѣбѣ. Они говорили то, что теперь снова начинаютъ говорить сторонники покровительства національному земледѣлію въ Англіи, выставляя на видъ соображеніе, что королевство находится въ опасномъ положеніи, получая большую часть нужнаго ему хлѣба извнѣ; ибо, въ случаѣ войны, подвозъ хлѣба можетъ быть остановленъ иностранными крейсерами, и Англія голодомъ будетъ вынуждена сдаться и подчиниться условіямъ противника.

Оставляя въ сторонѣ политическій аргументъ, достоинство котораго весьма сомнительно въ практическомъ отношеніи, остановимся на тезисѣ, что заработная плата поднимается вмѣстѣ съ повышеніемъ цѣны хлѣба. Дѣйствительность не оправдала этого положенія.

Такъ, въ 1802 году, когда вліяніе хлѣбныхъ законовъ было незначительно, рабочій получалъ 13 шиллинговъ 10 пенсовъ. (Мы беремъ наиболѣе распространенный типъ рабочаго въ Англіи—ткачей. Это наиболѣе многочисленный классъ рабочаго населенія). Въ 1806 г. плата была 10 шиллинговъ 6 пенсовъ (3 руб. 78 коп.) въ недѣлю; въ 1812 году—6 шиллинговъ 4 пенса (2 руб. 28 коп.), въ 1816 г.—5 шиллинговъ 2 пенса (1 р. 86 коп.), въ 1817 году—4 шиллинга 3 пенса (1 р. 55 к.); между 1830 и 1845 г. она коле-

балась отъ 11 до 14 шиллинговъ въ недѣлю. Интересно теперь посмотрѣть, какова была цѣна хлѣба. Въ 1802 году она составляла 69 шиллинговъ за квартеръ (17 р. четверть), въ 1806 году—87 шиллинговъ (21 руб. 80 к.), а въ 1812 году квартеръ стоитъ уже 137 шиллинговъ (35 руб. 60 к. четверть, 3 р. 56 к. пудъ). Когда цѣна хлѣба доходитъ до такого максимума, рабочая плата понижается до 6 шил. въ недѣлю. Далѣе въ 1816 году—квартеръ стоитъ 83 шиллинга (21 руб. 56 коп.), рабочая плата 5 шиллинговъ; въ 1817 году плата рабочему была 4 шиллинга, а хлѣбъ за квартеръ 126 шиллинговъ. Ясно, что рабочая плата не поднималась съ цѣной хлѣба, а происходило совершенно обратное явленіе.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ нужда рабочаго класса должна была возрасти и хозяйственная жизнь страны должна была быть подорвана. До такой степени была она подорвана, что докторъ Маршанъ, на свидѣтельство котораго ссылался въ одной своей рѣчи Кобденъ, показалъ, что въ сороковыхъ годахъ среди населенія Англіи 5 милліоновъ питалось исключительно картофелемъ; еще другіе 5 милліоновъ—овсянымъ хлѣбомъ. Тяжелы были условія жизни фабричнаго рабочаго; но не менѣе тяжело, если не хуже, было положеніе земледѣльческаго рабочаго. Плата фабричному колебалась между 11—14 шиллингами въ недѣлю, между тѣмъ какъ плата сельскому рабочему была около 5—6 шиллинговъ (1 р. 80 к. въ недѣлю, на своихъ харчахъ, со всей семьей). Нужда взрослаго рабочаго естественно распространялась на дѣтей. Родители вынуждены были отдавать ихъ въ наемъ подрядчикамъ, которые поставляли ихъ группами на сельскохозяйственныя работы. Это были маленькіе рабы, которыхъ заставляли работать до изнеможенія. Какъ имъ жилось вдали отъ семьи, какъ они питались, гдѣ спали (въ повалку гдѣ нибудь въ пустомъ хлѣву или сараѣ), какъ ихъ морили голодомъ и били, мы можемъ себѣ представить, зная, что это были беззащитныя существа. Еще хуже было положеніе дѣтей на фабрикахъ. Попечительства о бѣдныхъ, на иждивеніи которыхъ находились родители, отдавали дѣтей въ наймы на фабрики. Собравъ партію, ихъ грузили на возы и отправляли туда. Тамъ они поступали въ безконтрольное распоряженіе хозяина. Работали они наравнѣ съ взрослыми, не исключая и ночныхъ смѣнъ. Плеть поднимала ихъ отъ сна, плеть будила тогда, когда они засыпали отъ изнеможенія на работѣ; голодъ, холодъ были неизбѣжными спутниками ихъ дѣтской жизни, и только преждевременная смерть избавляла ихъ отъ страданій,

созданныхъ общественною несправедливостью. Смертность между ними достигала огромныхъ размѣровъ. Если рабочіе дѣти на сельскохозяйственныхъ работахъ находились, по крайней мѣрѣ днемъ, на чистомъ воздухѣ, то дѣти на фабрикѣ находились и днемъ, и ночью среди пыли и смрада.

Такимъ образомъ, хлѣбные законы, которые, какъ предполагалось, должны обезпечить политическую независимость страны и не должны вредить благосостоянію массы населенія, разрушительно дѣйствовали на послѣднюю. Техническія изобрѣтенія, которыя казалось, должны были, увеличивая производительность человѣческаго труда, облегчить существованіе человѣка, произвели, временно, по крайней мѣрѣ, обратныя послѣдствія. Эти послѣдствія были обусловлены не только тѣмъ, что общественная организація не приспособилась къ новымъ условіямъ промышленной жизни, но и тѣми же самыми хлѣбными законами, о которыхъ мы только что говорили. Переворотъ въ промышленномъ мірѣ, произведенный помянутыми изобрѣтеніями, сосредоточилъ орудія производства въ рукахъ меньшаго числа капиталистовъ, сократилъ временно потребность въ трудѣ и въ особенности въ трудѣ взрослаго мущины, привлекши на фабрику женщинъ и дѣтей, тѣмъ самымъ поставилъ рабочихъ въ большую зависимость отъ капиталиста-фабриканта, а между тѣмъ общество не стало между нанимателемъ и нанимаемымъ и не оградило еще перваго отъ эксплоатаціи послѣдняго.

Съ другой стороны сильный размахъ, сдѣланный промышленностью подъ вліяніемъ изобрѣтенія пара, ткацкой и прядильной машинъ, наталкивался на стѣсненіе сбыта, причиняемое протекціонизмомъ и, главнымъ образомъ, хлѣбными законами. Загораживая доступъ иноземнымъ продуктамъ, они тѣмъ самымъ затрудняли сбытъ англійскихъ и потому понижали ихъ цѣну. Такимъ образомъ, промышленники Англіи должны были требовать отмѣны этихъ законовъ и вступить въ борьбу съ нитересами земледѣльческой олигархіи. Положеніе послѣдней было поколеблено парламентской реформой 1832 г. Вторымъ этапомъ въ этой борьбѣ была отмѣна хлѣбныхъ законовъ. Таковъ смыслъ лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и поднятаго ею движенія. Центральной фигурой послѣдняго является Ричардъ Кобденъ.

Оригинальна была его жизнь. Родился онъ въ маленькой деревушкѣ западной части Суссекса 3 іюня 1804 года. Онъ былъ четвертымъ изъ одиннадцати дѣтей Вилльяма Кобдена, фермера по

профессіи. Дѣла его сначала были не дурны, когда цѣны хлѣба между 1809 и 1813 годами были въ среднемъ 5 ф. ст. за квартеръ и когда не только землевладѣлецъ, но и фермеръ извлекалъ большой доходъ; но въ 1813 году, въ виду приближающагося мира съ Франціей и большого урожая, цѣны стали падать, и отецъ Ричарда Кобдена разорился. Онъ не былъ изъ числа людей сильной воли и большихъ способностей. Вся семья содержалась въ это трудное время матерью, которая была женщиной сильной воли и большихъ способностей. Живя въ такой многочисленной и нуждающейся семьѣ, мальчикъ пасъ стадо овецъ своего отца, и будущность Кобдена не обѣщала ничего. Такъ продолжалось бы и далѣе, если бы не дядя его, который своею помощью далъ ему возможность получить нѣкоторое образованіе въ пансіонѣ. Описывая свое пребываніе тамъ, Кобденъ вспоминалъ о частомъ голоданіи, грубомъ обращеніи и очень плохомъ ученіи. При этомъ дѣтей въ три мѣсяца разъ заставляли писать родителямъ письма, вродѣ слѣдующаго:

„25 марта 1817 г. Уважаемые родители!

...Вотъ уже три года, какъ мы разлучены, но я васъ увѣряю, что я думаю съ большимъ удовольствіемъ объ этихъ трехъ годахъ, чѣмъ о всякой другой порѣ моей жизни. Я благодарю васъ за то, что вы мнѣ предоставили образованіе, которое дастъ мнѣ возможность честнымъ образомъ зарабатывать кусокъ хлѣба, когда я вступлю въ житейскія затрудненія“. Такъ писались эти прописныя сентенціи, подъ диктовку лицемѣрныхъ наставниковъ. Когда Ричардъ подросъ, дядя взялъ его къ своему торговому дѣлу, и такъ какъ приказчикомъ онъ оказался энергичнымъ и трудолюбивымъ, дядя былъ имъ доволенъ: одна бѣда бѣла: какъ только улучалъ онъ свободную минуту, то брался за книгу, стараясь пополнить пробѣлы своего образованія, которое онъ получилъ въ пансіонѣ. Времени для занятій и денегъ на книги было мало. Такъ, быть можетъ, продолжалось бы долго, если бы онъ не нашелъ себѣ лучшаго положенія въ одномъ торговомъ домѣ, въ качествѣ разъѣзднаго приказчика; благодаря этому, онъ получилъ возможность видѣть людей, новыя мѣста, наблюдать, собирать впечатлѣнія, которыя вызываютъ умъ на размышленія, и потому положеніе разъѣзднаго приказчика значительно способствовало его образованію. Между тѣмъ, будучи приказчикомъ, онъ пріобрѣлъ знаніе дѣла и знакомство съ многими фирмами, благодаря чему онъ сталъ не просто человѣкомъ служащимъ, а чело-

вѣкомъ, которымъ стали уже интересоваться. И вотъ со знакомыми людьми онъ составилъ компанію для веденія торговаго дѣла, при чемъ основалъ ситцевую фабрику. Положеніе Кобдена становится лучшимъ и въ матеріальномъ отношеніи; онъ старается помогать своей семьѣ, которая осталась у него на плечахъ послѣ смерти матери. Но это нисколько не заставляетъ его роптать; напротивъ того, ему доставляетъ удовольствіе отдавать заработокъ своимъ, выдвигать своихъ сестеръ и братьевъ и мало по малу эта практика жизни, купно съ природнымъ задаткомъ его характера, развиваетъ въ немъ способность работать на пользу другихъ. Съ этого времени уже въ немъ обнаруживаются черты альтруизма, которымъ онъ въ высшей степени былъ проникнутъ въ теченіи всей своей жизни. Достатокъ и свободное время онъ употреблялъ на путешествіе, при чемъ побывалъ во Франціи, Германіи, Испаніи и Италіи, наблюдая жизнь и закрѣпляя на бумагѣ свои впечатлѣнія. Намъ это видно изъ писемъ, которыя онъ писалъ, такъ какъ онъ любилъ писать письма своимъ роднымъ отовсюду. Эти письма даютъ много матеріала для его характеристики, какъ наблюдательнаго и мыслящаго человѣка. Когда онъ былъ въ Германіи, то тогда уже обратилъ вниманіе на то, что германскіе промышленники и купцы по своему образованію стоятъ выше англійскихъ, явленіе, которое теперь составлятъ силу германской торговли и промышленности.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Кобденъ отдѣляется отъ своихъ компаніоновъ, оставивъ имъ торговое дѣло въ Лондонѣ и принявъ себѣ ситцевую фабрику. Онъ и здѣсь остается альтруистомъ и, не въ примѣръ другимъ фабрикантамъ, заботится о своихъ рабочихъ и о школьномъ образованіи ихъ дѣтей.

Постройка народной школы и забота объ ея развитіи, были первымъ камнемъ въ общественной дѣятельности Кобдена, которая должна была впослѣдствіи принять такіе громадные размѣры. И это дѣло было вполнѣ сознательнымъ актомъ человѣка, у котораго къ этому времени сложились опредѣленныя воззрѣнія на общественную жизнь.

Кромѣ помянутыхъ нами путешествій, въ построеніи послѣднихъ большую роль играли и постоянныя усилія надъ самообразованіемъ. Относительный досугъ и благосостояніе идутъ на чтеніе и научныя занятія. Онъ старается изучить математику, занимается исторіей, политической экономіей, географіей, статистикой, ища въ нихъ отвѣта на запросы своей любознательности и разъ-

ясненія окружающаго міра. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на него сочиненіе Комба „Организація человѣка“, появившееся въ 1828 году, въ которомъ авторъ доказываетъ истину, ставшую теперь общепризнанной, о связи, существующей между физическимъ и моральнымъ здоровьемъ человѣка. Эта мысль дала Кобдену выводъ, съ одной стороны о важности экономическаго благосостоянія, а съ другой, о возможности путемъ его нравственно усовершенствовать человѣка. Съ этой точки зрѣнія онъ становится въ родство съ Тюрго. Его памфлеты, съ которыми онъ выступаетъ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, проникнуты тѣмъ же духомъ, который изгналъ грубость и жестокость изъ воспитанія дѣтей, изъ обращенія съ сумасшедшими и изъ системы уголовныхъ наказаній, и замѣнилъ эти способы, хотя и освященныя временемъ, но безсильные, разумной умѣренностью и просвѣщенной гуманностью.

Въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ Кобденъ былъ ученикомъ Адама Смита и потому былъ сторонникомъ свободы экономическихъ отношеній и свободы торговли. Но онъ былъ ученикомъ сознательнымъ, понимавшимъ связь этого ученія съ современными условіями англійской жизни. „Въ извѣстныя эпохи исторіи,—говорилъ онъ въ своемъ памфлетѣ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ,—націи необходимо произвести пересмотръ принциповъ своей внутренней политики, чтобы приспособить ихъ къ прогрессу, совершившемуся въ народной жизни“. Онъ думалъ, что именно потому, что „Англія такъ могущественна и богата своими рессурсами, своими учрежденіями, своимъ географическимъ положеніемъ, она можетъ быть нравственной и ранѣе другого правительства въ Европѣ быть образцомъ націи, идущей по пути справедливости и мира“. Разумѣя связь ея прогресса съ промышленнымъ переворотомъ, отмѣтившимъ конецъ XVIII вѣка, онъ не былъ восторженнымъ энтузіастомъ этого переворота и вовсе не помышлялъ о томъ, какъ его упрекали впослѣдствіи, чтобы превратить всю Англію въ одну сплошную фабрику. „Я былъ далекъ отъ того, чтобы поддержать такой классовый предразсудокъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ;—напротивъ, мои вкусы совершенно противоположны. Я воспитался среди прелести полей юга Англіи. Я долженъ признаться, что у меня такое влеченіе къ занятіямъ нашихъ предковъ, что если бы отъ меня зависѣло распредѣлять роли на житейской сценѣ, я бы не допустилъ ни фабрики, ни завода... Но всѣ цивилизованныя націи усвоили ману-

фактурную систему, которая обязана своимъ существованіемъ механическимъ изобрѣтеніямъ, и напрасны усилія остановить ея развитіе, отвѣчающее потребностямъ страны. Все, что мы можемъ сдѣлать, это ослабить, сколько возможно, недостатки этого новаго общественнаго элемента, противъ которыхъ, вѣроятно, есть средства". Въ этомъ исканіи средствъ для лѣченія общественныхъ золъ лежитъ основаніе его дѣятельности. Онъ видѣлъ ихъ въ свободѣ экономической и политической, и въ господствѣ международнаго мира. Коммерческой монополіи и преобладанію въ законодательствѣ земельной аристократіи онъ противополагалъ тезисъ, что все это не соотвѣтствуетъ болѣе потребностямъ промышленнаго развитія страны, которое никакой государственный человѣкъ, никакой классъ не можетъ вернуть вспять. Съ этой точки зрѣнія система торговыхъ стѣсненій, многочисленныя пошлины и, главнымъ образомъ, хлѣбныя подлежатъ устраненію.

Въ то же время, по его мнѣнію, Англія не должна вмѣшиваться въ дѣла другихъ націй, такъ какъ таковое не оправдывается справедливостью и возлагаетъ на массу англійскаго народа тяжести, увеличивающія его бѣдность. Теперь въ періодъ своей юности, также какъ и впослѣдствіи на закатѣ дней своихъ, Кобденъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ мира и оправданіе войны даже цивилизаторскими соображеніями считалъ нелѣпостью.

Въ политическомъ отношеніи, какъ и въ экономическомъ, онъ считалъ свободу лучшимъ средствомъ для развитія и отмѣну монополіи одного класса считалъ необходимой; но устраненіе этой монополіи онъ считалъ возможнымъ, главнымъ образомъ, путемъ подъема просвѣщенія массъ. „Единственное средство прогресса,— писалъ онъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ одному издателю въ Эдинбургъ,—лучшее образованіе массъ. Каковы хвостъ и тѣло, такова и голова. Природа не производитъ таковыхъ чудовищъ, каковымъ были общество невѣжественное и порочное, съ правителями мудрыми и добродѣтельными... Я надѣюсь, что вы присоединитесь къ нашему крику въ пользу народныхъ учителей и что въ немъ вы усмотрите первый шагъ къ радикализму". Въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ, что у него безпредѣльная вѣра въ народъ. „Я предпочелъ бы завтра же всеобщее голосованіе теперешней избирательной системѣ. Мы можемъ достичь этой цѣли двумя путями: революціей или школой. Съ послѣдней мы будемъ производить постоянныя реформы; первая же послѣ преходящихъ перемѣнъ кинетъ насъ, какъ Испанію и Италію, въ деспотизмъ и анархію".

Такимъ образомъ, мы видимъ въ Кобденѣ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, человѣка съ сильно развитымъ общественнымъ инстинктомъ, сторонника экономической и политической свободы, склоннаго къ демократіи и занятаго мыслью о подъемѣ благосостоянія массы народа. Надо всѣмъ этимъ царитъ мысль о необходимости приспособить государственную жизнь къ измѣнившимся условіямъ промышленной и торговой жизни Англіи путемъ созданія свободы торговли и на первомъ планѣ отмѣной хлѣбныхъ законовъ; но не путемъ насилія, а путемъ просвѣщенія массъ. Въ письмѣ къ брату своему Фридриху въ 1838 году онъ писалъ: „Если онъ (народъ) ошибается, мы должны наставить его на путь истины; если онъ не остороженъ, мы должны умѣрить его, но никогда не говорить объ оставленіи корабля“ (отвѣтъ на совѣтъ брата оставить общественную дѣятельность ради своихъ интересовъ...) „Я думаю,—продолжалъ онъ,—что разрозненные элементы могутъ быть объединены вокругъ вопроса о хлѣбныхъ законахъ. Мнѣ кажется, что этотъ предметъ можно трактовать въ духѣ нравственномъ и даже религіозномъ. Если здѣсь агитировать такъ же, какъ агитировали въ вопросѣ о невольникахъ, то это движеніе станетъ непреодолимымъ“.

Послѣ всего сказаннаго, намъ станетъ понятнымъ, что Кобденъ не только присталъ, но и всей душой отдался движенію, которое началось въ концѣ тридцатыхъ годовъ въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Вторая половина этого десятилѣтія была моментомъ сильнаго общественнаго движенія, вызваннаго разочарованіемъ непосредственными результатами парламентской реформы 1832 года. Это было время, когда Арнольдъ старался ввести новыя основанія въ школьное образованіе и хлопоталъ о народномъ образованіи, о союзахъ ремесленниковъ, когда Дж. Ст. Миль старался ввести новую жизнь въ радикализмъ, когда Карлейль клеймилъ аристократическую систему тюрьмы и висѣлицы, когда Диккенсъ привлекалъ общественное вниманіе къ типамъ униженныхъ и оскорбленныхъ въ своихъ первыхъ романахъ, въ которыхъ онъ выводилъ злые порядки школы, жизнь сельскаго подмастерья и типы обитателей тюрьмы и рабочаго дома. Въ то же время въ Манчестерѣ зарождается среди тамошнихъ негоціантовъ движеніе противъ хлѣбныхъ законовъ.

Въ 1838 году семь негоціантовъ въ городѣ Манчестерѣ, обсудивъ вопросъ, составили ассоціацію противъ хлѣбныхъ законовъ. Вскорѣ къ ней примкнули другія лица, въ томъ числѣ Кобденъ,

Брайтъ и другіе. Эта ассоціація стремилась къ рѣшенію реальной задачи, при помощи которой можно было бы измѣнить экономическій строй Англіи. По мнѣнію Кобдена, для того чтобы привить народу правильный взглядъ на хлѣбные законы, нужно просвѣтить страну, чтобы всѣ отчетливо понимали необходимость реформы, чтобы все общество объединилось въ движеніи къ одной цѣли. Свою реформу онъ думаетъ осуществить путемъ всеобщаго распространенія идей выгоды свободной торговли и вреда существующихъ законовъ для всего населенія. Для достиженія цѣли нужно дѣйствовать объединенными силами путемъ изданія и распространенія брошюръ, устройства митинговъ, чтенія лекцій и установить связь между всѣми однородными ассоціаціями, трактовать вопросы на собраніяхъ. Его мысль о союзѣ ассоціацій была принята и такимъ образомъ осуществилась и лига противъ хлѣбныхъ законовъ въ 1839 г. Серьезность ея намѣреній и энергія ея дѣятелей выразились въ тѣхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, которыя собирались для достиженія намѣченныхъ цѣлей: въ 1838 году было собрано 5,000 фунт. стерлинговъ, потомъ 8,000 ф. стерлинговъ; въ 1843 году—100,000 ф. стерлинговъ, потомъ въ 1845 году, для увеличенія доходовъ лиги въ рѣшительный моментъ, когда нужно было собрать крупную сумму, было собрано 250,000 ф. стерлинговъ. Интересно то душевное движеніе, которымъ были охвачены всѣ люди. Въ 1845 году, когда въ собраніи въ Манчестерѣ нужно было немедленно собрать крупную сумму, то только и слышалось: „я даю тысячу! я даю тысячу!“ И въ два часа было собрано 60,000 фун. стерлинговъ. Въ Манчестерѣ въ шесть недѣль была выстроена зала на 10,000 слушателей. Административная сторона лиги процвѣтала; у нея была устроена канцелярія, откуда отправлялись шедшія въ огромномъ количествѣ письма, такъ какъ въ то время, благодаря введенію желѣзныхъ дорогъ и почтовыхъ марокъ, лига могла вести безъ задержки колоссальную корреспонденцію со всѣми членами союзныхъ ассоціацій, при чемъ входящихъ писемъ у нихъ было до 300,000 въ годъ, что указываетъ на энергичную дѣятельность совѣта и ея широкое распространеніе. Письма, выходившія отъ центра лиги, распространялись по всей странѣ и всюду давали знать объ экономическомъ положеніи страны. Совѣту ассоціацій было извѣстно, что было нужно тутъ или тамъ. Такая широкая дѣятельность показывала, что въ странѣ образуется общественная сила, которая получаетъ дѣйствительно большое значеніе. Одинъ нѣмецкій путешественникъ Коль (Kohl), побывавъ въ

Англіи, разсказывалъ о впечатлѣніи, которое онъ вынесъ изъ посѣщенія совѣта лиги. „Когда я явился туда,—разсказываетъ онъ,—меня встрѣтило много людей очень любезно, разсказавшихъ о своемъ дѣлѣ откровенно, не дѣлая секретовъ. Потомъ повели меня въ помѣщеніе лиги, въ отдѣленіе брошюръ, гдѣ указали мнѣ на цѣлый складъ сочиненій, которыя были приготовлены къ отправкѣ въ разные концы страны для пропаганды идей лиги. Я увидалъ ихъ канцелярію, въ которой получалось въ годъ 300,000 писемъ. Когда я увидалъ это громадное движеніе, возрастающее съ каждымъ годомъ, я невольно вспомнилъ о своемъ бѣдномъ отечествѣ, подумавъ: „что если бы у насъ, въ Берлинѣ, собрались такіе люди, задумавъ такъ энергично и такъ открыто нападать съ такой талантливостью и смѣлостью на основные законы государства? Уже давно они стонали бы въ темныхъ казематахъ, вмѣсто того, чтобы работать при дневномъ свѣтѣ свободно и смѣло надъ своимъ великимъ дѣломъ“.

Но въ началѣ къ затѣѣ лиги относились очень скептически. Когда въ началѣ 1839 г. изъ Манчестера отъ лиги явилась депутація въ Лондонъ съ петиціей объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, покрытой 500,000 подписей, то одинъ изъ видныхъ политическихъ дѣятелей сказалъ депутатамъ: „вы скорѣе низвергнете монархію, чѣмъ отмѣните хлѣбные законы—эту твердыню Англіи“. Въ парламентѣ, послѣ пяти дней дебатовъ, петиція была отвергнута и изъ 541 членовъ англійской палаты только 197 высказались въ ея пользу.

Однимъ изъ главныхъ средствъ лиги, для пропаганды ея идей, были митинги, устраиваемые ею въ различныхъ концахъ страны, на которыхъ говорили рѣчи представители лиги, разъясняя присутствующимъ значеніе хлѣбныхъ законовъ и необходимость ихъ отмѣны. Этими собраніями создавалось общественное теченіе все болѣе и болѣе широкое и глубокое. Законы страны допускали такую форму движенія; но противники лиги старались разными придирками затруднить дѣятельность ея членовъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ городкѣ Лаутсѣ (Lauth), когда явился представитель лиги, чтобы устроить митингъ въ думскомъ помѣщеніи, мэръ города не позволилъ его устроить, по мотивамъ личнаго свойства. Въ городѣ не нашлось какого нибудь трактира, въ которомъ можно было бы устроить собраніе, такъ какъ трактирщики боялись городского головы. Такимъ образомъ митингъ могъ состояться только на улицѣ. Достали телѣгу, и она сослужила службу ка-

федры. Хотя митингъ не могли запретить по законамъ Англіи, однако же устроителю пришлось отвѣтить за загроможденіе улицы, и заплатить штрафъ въ нѣсколько фунтовъ. Въ Петерсфильдѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, недалеко отъ родины Кобдена, страхъ и боязнь политическихъ послѣдствій были такъ сильны, что когда делегатъ лиги вернулся съ лекціи, которую онъ читалъ на базарной площади, въ гостинницу, то хозяинъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ немедленно очистилъ свою комнату и уходилъ вонъ. Въ другихъ мѣстахъ на лигистовъ дѣлали нападенія, встрѣчали ихъ оскорбленіями, и шумомъ на митингахъ заставляли ихъ удаляться. Студенты Кэмбриджа произвели во время лекціи безпорядокъ, сопровождавшійся кровопролитіемъ. Газеты въ благочестивыхъ выраженіяхъ поздравляли „молодыхъ людей, исполнившихъ свой долгъ, выказавшихъ себя истинной опорой хорошаго правительства и защитниками религіозныхъ учрежденій ихъ страны“. Трудны были первые шаги пропаганды противъ господствовавшихъ предразсудковъ.

Пресса сначала не обращала вниманія на усилія лиги; но потомъ, когда въ концѣ 1839 года вліяніе ея стало замѣтно, она отнеслась къ ней по большей части враждебно: лигистовъ объявляли врагами нравственности, революціонерами, говорили, что вся лига состоитъ изъ плутовъ коммерческихъ и плутовъ политическихъ. Газета „Morning Post“, высмѣивая стремленія лиги, писала: „мануфактуристы кричатъ: «почему мы не можемъ обмѣнивать продукты нашей промышленности на наибольшее количество пищевыхъ средствъ, которое мы можемъ за нихъ получить?» Мы отвѣчаемъ: „Отчего нѣтъ? Кто васъ удерживаетъ? Убирайтесь вмѣстѣ съ вашей мануфактурой и обмѣнивайте ее гдѣ хотите, отъ Тобольска до Тимбукту. Если вы хотите ѣсть непремѣнно иностранный хлѣбъ, убирайтесь вонъ вмѣстѣ съ вашими произведеніями, и далъ бы Богъ намъ больше васъ не видѣть“. „Quarterly Review“ объявлялъ лигу самой безстыдной и опасной шайкой новѣйшихъ временъ. „Times“ называлъ Кобдена и Брайта и ихъ друзей „безумными наемниками, летающими по всей странѣ“. Такой просвѣщенный человѣкъ, какъ Грагамъ, говоритъ въ палатѣ по поводу хлѣбныхъ законовъ и рисуетъ идиллическую картину душистаго, свѣтлаго утра, призывающаго къ труду работника, живущаго въ хорошенькомъ домикѣ, крытомъ соломой и окруженномъ цвѣтущимъ садикомъ и веселыми лугами. „И это хотятъ замѣнить,—восклицаетъ онъ,—печальнымъ звономъ фабричнаго колокола и шумомъ го-

родской улицы, куда неминуемо попадетъ сельское населеніе съ отмѣной хлѣбныхъ законовъ".

Нелѣпость этихъ доводовъ и ложности картины сельскаго благополучія не чувствовались. Степень озлобленія со стороны правительства по отношенію къ лигѣ была такова, что Кобдена и лучшаго его друга Брайта оно трактовало, какъ людей, которые поднимали движеніе, будучи подкупленными и дѣйствующими не для общей, а для личной выгоды. Если съ одной стороны консервативные журналы бросали тѣнь на дѣятельность Кобдена, то съ другой стороны, интересно, что чартисты, добивавшіеся всеобщей подачи голосовъ, въ реформѣ, которой добивалась лига, видѣли организованный обманъ, направленный противъ рабочихъ со стороны капиталистовъ. Однако, извѣстно, что люди, принадлежавшіе къ лигѣ, не были ни революціонерами, ни обманщиками. Они были людьми умѣренными и, какъ это часто бываетъ, служили предметомъ нападокъ какъ со стороны крайней правой, такъ и со стороны крайней лѣвой. Но, нужно сказать, что энергія лиги, не смотря на всѣ препятствія, развивалась, и достигала большихъ размѣровъ. Я уже сказалъ, сколько было собрано въ два года на собраніяхъ въ Менчестерѣ.

Одинъ изъ членовъ лиги, по словамъ самого Кобдена, перебывалъ въ двадцати тысячахъ домовъ, всюду раздавалъ брошюрки, сѣя слова истины. Такихъ энергичныхъ и скромныхъ тружениковъ въ лигѣ было не мало. Нужно сказать, что главное руководство и поддержаніе энергіи лиги скоро стали принадлежать Кобдену. Если идея ассоціаціи, какъ системы новаго движенія, принадлежитъ не ему, то распространеніе ея посредствомъ союза отдѣльныхъ ассоціацій было его дѣломъ; также организація распространенія брошюръ, устройство митинговъ, воздѣйствовавшихъ на общественное мнѣніе, принадлежатъ Кобдену.

По его же мысли было произведено расширеніе дѣятельности лиги, съ распространеніемъ ея на земледѣльческія округи. Когда миссіонеры лиги, побывавшіе въ Девонширѣ, сообщили совѣту между прочимъ о бѣдственномъ положеніи тамошнихъ земледѣльческихъ рабочихъ, когда они разсказали о томъ, что рабочій получаетъ тамъ 7 шиллинговъ въ недѣлю и что у него, за уплатой за квартиру и за расходомъ на хлѣбъ, остается на всю семью только шесть пенсовъ въ недѣлю на картофель, одежду и всѣ прочіе расходы, Кобденъ догадался, что успѣхъ пропаганды лиги въ земледѣльческихъ округахъ при такихъ условіяхъ весьма возможенъ и

оцѣнилъ все значеніе такого успѣха для дѣла. Онъ убѣдилъ своихъ товарищей направить усилія лиги на земледѣльческое населеніе. Побѣда тамъ вырывала у землевладѣльческой аристократіи изъ рукъ главное ея оружіе; она уничтожала аргументъ, что хлѣбные законы полезны земледѣльцамъ и что противъ нихъ кричатъ только мануфактуристы изъ своихъ эгоистическихъ видовъ. Успѣхъ оправдалъ рѣшеніе Кобдена. Очень скоро лекціи и дебаты лиги такъ заинтересовали земледѣльцевъ, что они стали стекаться на митинги ея толпами. Такъ какъ фермеры боялись своихъ господъ, то они не смѣли показываться у себя дома на собранія лигистовъ; но за то они отправлялись на нихъ за 30—40 миль въ такія мѣстечки, гдѣ ихъ не знали, чтобы тамъ принять участіе въ обсужденіи дѣла. Не на одномъ изъ такихъ собраній, даже вопреки вліянію могущественныхъ лэндлордовъ, постановлялись резолюціи, благопріятныя лигистамъ, и каждое такое рѣшеніе производило большее впечатлѣніе, чѣмъ нѣсколько другихъ такихъ же, постановленныхъ горожанами или фабричными.

Далѣе Кобденъ понялъ, что какъ ни важенъ Манчестеръ, какъ значительный промышленный центръ, но его вліяніе не можетъ идти въ сравненіе съ Лондономъ. Привлечь на свою сторону общественное мнѣніе столицы, это значило получить большой выигрышъ. Поэтому, по его совѣту, лига рѣшила открыть рядъ лекцій въ столицѣ. Эти собранія происходили въ разныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, въ театрахъ, какъ напримѣръ, въ Оперѣ и въ Ковентъ-Гарденѣ. Мѣсто собраній приходилось мѣнять, такъ какъ иногда, подъ вліяніемъ недоброжелателей лиги, у нея подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ отнимали занятое ею помѣщеніе; мало по малу однако эти лекціи овладѣли общественнымъ интересомъ и получили огромное вліяніе на общественное мнѣніе столицы не только въ среднихъ кругахъ, но и въ аристократическомъ обществѣ. Лучшіе ораторы лиги: Фоксъ, Брайтъ, Томсонъ фигурировали на этихъ митингахъ; но центральное мѣсто принадлежало Кобдену. Появленіе его имени на афишѣ привлекало такую толпу, что театръ наполнялся за нѣсколько часовъ до начала митинга сверху до низу и масса жаждущихъ попасть на собраніе оставались на улицѣ. Появленіе Кобдена сопровождалось всегда громомъ рукоплесканій, говорившихъ краснорѣчиво о симпатіи, какой онъ сталъ пользоваться въ массѣ публики.

Такое огромное вліяніе этого политическаго дѣятеля досталось ему вполнѣ заслуженно. Рѣдко встрѣчаются дѣятели, такъ

безконечно преданные общественному дѣлу, какъ Кобденъ. Еще въ началѣ дѣятельности въ лигѣ, его братъ Фридрихъ, которому онъ поручилъ веденіе своей ситцевой фабрики, указывалъ ему, что дѣло страдаетъ отъ его отсутствія. Тогда онъ ему отвѣчалъ, что онъ и думать не смѣетъ объ оставленіи корабля. Но тогда, полагаемъ, Кобденъ могъ предполагать, что работа въ лигѣ скоро кончится побѣдой ея идей, и что онъ вернется къ своему дѣлу и поправитъ свое состояніе, простиравшееся въ началѣ его участія въ лигѣ до 900 тыс. рублей. Но потомъ дѣло измѣнилось, работа въ лигѣ затянулась и его личныя дѣла приходили все въ худшее и худшее положеніе, и онъ зналъ это. Онъ не былъ изъ тѣхъ храбрыхъ людей, которые въ пылу боя не замѣчаютъ опасности и дѣйствуютъ, очертя голову. Нѣтъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ храбрыхъ людей, которыхъ такъ ярко обрисовываетъ гр. Л. Толстой въ своихъ кавказскихъ разсказахъ, и которые вполнѣ понимая опасность и признаваясь, что они ее боятся, все же остаются твердо на своемъ посту. Этихъ людей гр. Л. Толстой называетъ дѣйствительно храбрыми людьми. Такимъ былъ Кобденъ. Онъ самъ говорилъ въ началѣ 1844 года на митингѣ: „Если бы я могъ предвидѣть пять лѣтъ тому назадъ, что я незамѣтно и постепенно дойду до того положенія, которое я занимаю теперь и которое я не могу покинуть ни однимъ честнымъ путемъ, если бы я могъ предвидѣть, говорю я, все, чѣмъ долженъ былъ пожертвовать этому дѣлу, въ смыслѣ времени, денегъ и домашняго отдыха, то я думаю, что не смотря на всю мою преданность ему, я не осмѣлился бы принять роль, которая мнѣ выпала на долю, принимая во вниманіе мой долгъ по отношенію къ себѣ самому и мой долгъ по отношенію къ тѣмъ, кому природа дала священныя права на мое существованіе“. Искреннее признаніе, свидѣтельствующее о томъ, что онъ понималъ тяжесть своего положенія! Но онъ не могъ оставить дѣла „ни однимъ честнымъ путемъ“, и еще два года слишкомъ послѣ того оставался на своемъ посту.

Эта преданность дѣлу чувствовалась его соратниками, а его огромная энергія увлекала ихъ за нимъ и обезпечивала успѣхъ ему и дѣлу. Его личная работа была велика; иногда по нѣсколько разъ въ день приходилось ему говорить въ собраніяхъ и не при спокойной обстановкѣ, а нерѣдко и среди бушующихъ страстей враждебно настроенной аудиторіи. Рядомъ съ этимъ приходилось изучать дѣло, собирать данныя изъ огромной корреспонденціи лиги, чтобы почерпать оттуда и аргументы, и

указанія направленія работы. Съ этой же цѣлью онъ принималъ въ помѣщеніи лиги множество миссіонеровъ ея и выслушивалъ ихъ сообщенія. Въ 1844 году, 17 января онъ пишетъ женѣ изъ Дунди: „я изнемогаю отъ усталости. Два собранія въ Эбердичѣ въ понедѣльникъ; во вторникъ мы поднялись въ четыре часа и затѣмъ проѣхали 35 миль, участвовали въ собраніи въ Монтрозѣ и опять 35 миль до Дунди, гдѣ въ тотъ же вечеръ былъ митингъ. Завтра ѣдемъ въ Куперфайфъ, послѣ завтра въ Лейтъ и затѣмъ въ Іедбургъ". Въ своей рѣчи 13 мая 1843 года онъ говорилъ на митингѣ въ оперномъ театрѣ: „Сегодня я только въ пять часовъ утра вышелъ изъ засѣданія парламента, гдѣ я присутствовалъ при сценѣ... Какъ бы ее назвать?.. сценѣ, достойной дикихъ животныхъ Эфеса", а вечеромъ въ тотъ же день онъ долженъ былъ говорить на митингѣ. Такъ было въ теченіи всѣхъ семи лѣтъ дѣятельности въ лигѣ. Онъ самъ объяснялъ свою огромную работоспособность тѣмъ, что послѣ самыхъ бурныхъ дебатовъ, стоило ему только добраться до постели, какъ онъ засыпалъ мертвымъ сномъ. Можетъ быть эта способность то была результатомъ его душевной доброты и хладнокровія. Его біографъ говоритъ, что ни у кого не было такъ мало горечи въ характерѣ, какъ у Кобдена. Послѣ семи лѣтъ энергичной агитаціи, во время которой, какъ онъ говоритъ, единственное средство, которое имъ не было пущено въ ходъ, это кулаки и насиліе, онъ могъ сказать справедливо, что онъ не думаетъ, чтобы онъ создалъ хотя одного врага или задѣлъ чье либо личное чувство. И, дѣйствительно, у него не было личныхъ враговъ. Даже тѣ люди, которые въ пылу страсти оскорбляли его, не вызывали вражды съ его стороны, и всѣ чувствовали, что его добродушіе недоступно для чувства злобы. Это чувствовалось и примиряло съ тѣми нападками, которые онъ дѣлалъ во имя защищаемой идеи.

Его преданность дѣлу была равна его смѣлости. Онъ не боялся являться среди враждебно настроенной толпы даже тогда, когда его пугали личной опасностью. Такъ, въ Эксбриджѣ фермеры рѣшили устроить митингъ, съ цѣлью посрамленія лигистовъ и пригласили Кобдена говорить на немъ; они озаботились о томъ, чтобы на собраніи были только ихъ сторонники и тщательно роздали билеты на входъ. Впередъ возвѣщали пораженіе „пророка лиги". Кобденъ принялъ приглашеніе. Четыре оратора покровительственной системы были выставлены противъ него. Пять часовъ длился диспутъ и въ концѣ концовъ собраніе почувствовало,

что нѣтъ аргументовъ противъ оратора лиги и подавляющимъ большинствомъ вотировало немедленную отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Въ Бедфордѣ у Кобдена не было ни друзей, ни знакомыхъ, а населеніе было настроено противъ лиги. Онъ возвѣстилъ только о своемъ желаніи говорить въ городѣ на митингѣ и отправился туда одинъ одинешенекъ. Протекціонисты созвали фермеровъ и убѣждали ихъ протестовать противъ сторонниковъ свободы торговли. Нельзя было найти залы достаточно обширной, и митингъ собрался на полѣ. Приготовили три повозки вмѣсто кафедръ; ими овладѣли протекціонисты. Кобденъ подождалъ, чтобы ему привезли четвертую. Лордъ Чарльзъ Россель, столпъ протекціонизма, предсѣдательствовалъ на митингѣ. Пренія продолжались съ трехъ часовъ дня до девяти часовъ вечера, не смотря на нѣскотько ливней. Сначала аргументы Кобдена слушали съ видимымъ нетерпѣніемъ, но мало по малу онъ воодушевился, и присутствовавшіе стали чувствовать силу его доводовъ. Въ концѣ концовъ предсѣдатель долженъ былъ признать, противъ своей воли, что большинство собранія высказалось въ пользу свободы торговли.

Тутъ мы видимъ не только смѣлость, но и силу убѣждать людей. Въ этой убѣдительности былъ главный рычагъ краснорѣчія Кобдена. Кто только слышалъ его рѣчи, говоритъ Морлей, всѣ отвѣчали на вопросъ: „Въ чемъ была его сила“? Въ убѣдительности и въ ясности доводовъ. Ему приходилось постоянно почти говорить съ людьми, стоявшими неизмѣримо ниже его въ умственномъ отношеніи, и онъ всегда умѣлъ снизойти до ихъ пониманія и изложить предметъ съ такой ясностью, что рѣчь его становилась понятной даже ребенку. И однако его краснорѣчіе никогда не спускается до тривіальности и сохраняетъ хорошій стиль. Морлей говоритъ по поводу послѣдняго, что Кобденъ служилъ лучшимъ аргументомъ, который можно выставить противъ фанатиковъ латыни и греческаго языка. „Эти послѣдніе любятъ утверждать, что только классическія занятія могутъ создать хорошій стиль. Было бы болѣе справедливо сказать, что наше классическое воспитаніе есть наиболѣе дѣйствительное средство, чтобы остановить развитіе великаго писателя или великаго оратора. Качества, необходимыя для того, чтобы хорошо писать или хорошо говорить, заключаются въ извѣстной свободѣ и вольности языка, какъ равно и въ большей внимательности къ предметамъ, а не къ словамъ. Это какъ разъ такія тенденціи, которыя нашъ способъ преподавать латинскій и греческій языки подавляетъ и

парализуетъ во всѣхъ тѣхъ, у кого литературная способность не непреодолима".

Не останавливаясь на этомъ вопросѣ, скажемъ, что если Кобденъ былъ чуждъ въ своемъ краснорѣчіи правильности классическихъ періодовъ, то онъ былъ неисчерпаемо богатъ въ выраженіяхъ, которыя точно соотвѣтствовали данному предмету, понятію и настроенію. Въ качествѣ агитатора онъ не долженъ былъ бояться повторять одну и ту же мысль предъ своими слушателями или, какъ говорилъ его другъ Брайтъ, повторять въ теченіе семи лѣтъ разсужденіе о томъ, лучше ли человѣку имѣть цѣлый хлѣбъ или только половину хлѣба. Но онъ долженъ былъ бояться наскучить своимъ разсужденіемъ въ его однообразіи. Читая рѣчи Кобдена, мы видимъ, что каждый разъ, хотя онъ говоритъ о томъ же предметѣ, онъ умѣетъ найти новые и новые аргументы для выясненія той же мысли и привести каждый разъ новый и не менѣе остроумный примѣръ для ея иллюстраціи. Такъ, напримѣръ, сколько разъ ему приходилось, нападая на протекціонизмъ, говорить о пошлинѣ, которая взималась съ сахара въ англійскихъ колоніяхъ въ размѣрѣ вдвое меньшемъ, чѣмъ съ сахара иностраннаго. Эта разница мотивировалась тѣмъ, что въ иностранныхъ государствахъ, производящихъ сахаръ, онъ выдѣлывается трудомъ невольниковъ; поэтому допускать его, значитъ поощрять рабство, что грѣшно. Говоря объ этомъ аргументѣ въ одной рѣчи въ Лондонѣ въ октябрѣ 1843 года, Кобденъ придумываетъ такой примѣръ. „Его превосходительство, посланникъ Бразиліи, является къ нашему директору торговли и допущенъ со всею вѣжливостью, подобающей его сану. Онъ предъявляетъ свои вѣрительныя грамоты и заявляетъ, что онъ присланъ, чтобы заключить торговый договоръ. Я, какъ сейчасъ вижу, министръ принимаетъ сразу сосредоточенный, торжественный и благочестивый видъ [1]) и говоритъ: вы изъ Бразиліи, мы были бы очень рады вступить въ обмѣнъ съ вами; но, по совѣсти, мы не можемъ получать рабскихъ продуктовъ. Его превосходительство знаетъ дѣла. Въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, мы посмотримъ, нельзя ли платить вамъ чѣмъ либо другимъ. Что вы можете намъ продавать?—Бумажныя ткани; мы въ этомъ отношеніи самые большіе поставщики міра. Хлопчатую бумагу! восклицаетъ посланникъ. А откуда вы ее получаете?—Изъ Соеди-

---

[1]) Онъ имѣлъ въ виду Гладстона, отличавшагося благочестіемъ, и даже изобразилъ его мимику.

неннымъ Штатовъ.—Она производится свободными людьми или рабами?—Я предоставляю вамъ, продолжаетъ Кобденъ, вообразить себѣ отвѣтъ и положеніе нашего предсѣдателя управленія торговли. (Въ это время въ публикѣ среди апплодисментовъ происходитъ замѣшательство, ибо одна скамья провалилась). Не пугайтесь, говоритъ Кобденъ, это предзнаменованіе и символъ паденія монополистовъ".—Общій смѣхъ встрѣчаетъ это удачное замѣчаніе. Ораторъ продолжаетъ: „Есть ли кто либо между вами, чье гуманное чувство и симпатіи затронуты этими декламаціями о рабскомъ сахарѣ? Знаете ли вы законъ на этотъ счетъ? Мы посылаемъ наши фабрикаты, напримѣръ, въ ту же Бразилію и обмѣниваемъ ихъ тамъ на рабскій сахаръ. Этотъ сахаръ мы рафинируемъ въ нашихъ таможенныхъ складахъ, т. е. въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только одни англичане не могутъ покупать его. Оттуда тѣми самыми купцами, которые разглагольствуютъ про рабскій сахаръ, онъ посылается въ Россію, въ Китай, въ Турцію, въ Египетъ, словомъ, на всѣ четыре стороны свѣта. Онъ распредѣляется между пятью милліонами людей, и только вы одни не смѣете къ нему прикасаться, а почему? Потому что вы не то, что другіе люди: вы рабы вашей олигархіи. О, лицемѣры! лицемѣры!"

Въ другой разъ, говоря въ томъ же мѣсяцѣ снова о пошлинѣ на сахаръ и обращаясь къ торговцамъ Лондона, Кобденъ сказалъ: „А, вы, лавочники, ремесленники, рабочіе и булочники Лондона. Что на вашу долю приходится отъ этой монополіи? Монополія это таинственное лицо, которое садится вмѣстѣ съ вашей семьею за чайный столъ и когда вы кладете кусочекъ сахару въ чашку, оно мигомъ забираетъ другой изъ сахарницы, но когда ваша жена и дѣти протестуютъ и требуютъ этотъ кусокъ, который они заработали и считаютъ своимъ, эта мошенница монополія имъ говоритъ: „я беру его, чтобъ оказать вамъ покровительство".

Въ третій разъ, говоря о томъ же самомъ предметѣ въ Лондонѣ и разсуждая о боязни „рабскаго" сахара, онъ приводитъ такой аргументъ: „развѣ есть что нибудь въ области морали, похожее на то, что мы видимъ въ мірѣ физическомъ, такъ что можно было бы заключить, что одинъ предметъ хорошій проводникъ нравственности, а другіе плохіе? Напримѣръ, кофе это не проводникъ безнравственности рабства, а сахаръ хорошій проводникъ, а потому его ѣсть не слѣдуетъ. Я встрѣчалъ такихъ филантроповъ безъ логики, и они призывали меня лично отвѣчать на ихъ возраженія противъ рабскаго сахара. Я помню, что мнѣ разъ

пришлось разсуждать на эту тему съ однимъ добродушнымъ джентльменомъ, на которомъ былъ великолѣпный бѣлый муслиновый галстухъ. „Ни полслова не прибавляйте, воскликнулъ я, не сорвавъ предварительно съ вашей шеи этотъ галстухъ?“ Онъ мнѣ сказалъ, что это неудобно. „Я настаиваю, возразилъ я; это удобно, ибо я знаю одного джентльмена, который отказываетъ себѣ въ бумажныхъ чулкахъ, даже лѣтомъ, и который не надѣлъ бы платья, сшитаго бумажными нитками, если бы онъ это зналъ. Но, прибавилъ я, если для васъ, стоящаго предо мной съ рабскимъ продуктомъ, обернутымъ вокругъ вашей шеи—неудобно обойтись безъ этого продукта, то удобно ли обойтись безъ подобнаго продукта всему англійскому народу“.

По этимъ рѣчамъ можно было бы составить себѣ одностороннее представленіе объ ораторскомъ талантѣ Кобдена. Онъ не только увлекалъ своихъ слушателей силой логики и убѣдительности, но и развлекалъ ихъ остроуміемъ и шуткой. Въ одной и той же рѣчи онъ часто переходитъ отъ дѣлового тона къ сарказму и шуткѣ и отъ послѣднихъ къ высокому паѳосу; то онъ увлекаетъ слушателей широтою горизонта дѣятельности лиги и высотою ея цѣли; то онъ трогаетъ аудиторію до слезъ картинами человѣческихъ страданій, обусловленныхъ несправедливостью. Такъ, въ рѣчи въ Манчестерѣ онъ указываетъ, что цѣль агитаціи касается всего человѣчества, „такъ какъ вы не можете восторжествовать, говорилъ онъ, въ этой борьбѣ безъ того, чтобы результаты вашей побѣды не отозвались во всѣхъ концахъ земного шара Осуществленіе вашего ученія коснется не только интересовъ промышленныхъ и торговыхъ классовъ, не отзовется на матеріальныхъ и нравственныхъ интересахъ человѣчества на всѣмъ земномъ шарѣ“.

Когда ему пришлось говорить о проэктѣ обязательной эмиграціи бѣдныхъ людей, который выставили лица, старавшіяся увѣрить и себя и другихъ въ томъ, что бѣдность въ Англіи происходитъ не отъ общественной организаціи и въ частности отъ хлѣбныхъ законовъ и вообще покровительственной системы, а отъ слишкомъ большого роста населенія, онъ сначала въ насмѣшливомъ тонѣ изобразилъ Роберта Пиля, видящаго невозможность осуществленія такого дѣла и не желающаго раздражать отказомъ людей своей партіи, а потомъ перешелъ къ доказательству того, что, ужъ если устраивать эмиграцію въ Канаду, то надо устроить ее такъ, чтобы въ колоніи были всѣ классы дѣлового міра и въ

томъ числѣ послать туда лондонскихъ банкировъ. Послѣ хохота вызваннаго идеей, что лондонскихъ банкировъ пошлютъ въ Канаду для исполненія ихъ банкирскихъ обязанностей, онъ переводитъ вниманіе своихъ слушателей на страданія, связанныя съ разставаніемъ съ родиной и рисуетъ потрясающую картину. Тѣ, кто подалъ петицію, подумали ли они серьезно о томъ, что они затѣваютъ. Человѣку, говорятъ, изъ всѣхъ существъ труднѣе всего разставаться съ своей родиной. Оторвать его отъ его страны также трудно, какъ вырвать дубъ съ корнемъ.

Подписавшіе петицію, были ли они когда нибудь на докѣ св. Екатерины въ тотъ моментъ, когда эмигрантскій корабль готовился отправиться въ свой печальный путь? Видали ли они, какъ эмигранты въ послѣдній разъ садятся на плиты набережной, какъ будто для того, чтобы въ послѣднюю минуту уцѣпиться за эту землю, на которой они увидѣли впервые Божій свѣтъ? Видали ли вы ихъ лица, а если видѣли, то вамъ не надо было спрашивать ихъ о волнующихъ ихъ чувствахъ, такъ какъ ихъ сердце отражается на ихъ лицахъ. Видали ли вы ихъ прощаніе съ друзьями? Если вы видали, то вы не говорили бы съ легкимъ сердцемъ о подневольной эмиграціи. Что касается меня, я былъ не разъ свидѣтелемъ этихъ раздирающихъ душу сценъ. Я видѣлъ почтенныхъ женщинъ, говорившихъ своимъ дѣтямъ послѣднее прости. Я видѣлъ мать и дѣда, оспаривавшихъ другъ у друга послѣднее объятіе ихъ сына и внука. Я видѣлъ эти эмигрантскіе корабли, отчаливающими отъ набережной Мерси въ Соединенные Штаты, когда взоры всѣхъ сильныхъ, собравшихся на кормѣ, устремлены къ любимому берегу, потерянному навсегда; и послѣдній предметъ, который поражалъ ихъ взоръ въ тѣ минуты, когда родная земля погружалась во мглу, это были хлѣбные склады, эти гордыя зернохранилища, гдѣ подъ карауломъ,—я бы сказалъ королевы,—но нѣтъ, подъ карауломъ аристократіи сложены горами предметы пищи, привезенной изъ Америки, единственные предметы, которые эти печальные изгнанники отправились искать за море. Я не имѣю обыкновенія выражать свое чувство; меня считаютъ человѣкомъ положительнымъ, человѣкомъ дѣйствія и фактовъ, чуждымъ игры воображенія. Я разсказываю то, что видѣлъ. Я видѣлъ человѣческія страданія, и я ихъ чувствовалъ“. Послѣ этихъ словъ вся зала разразилась криками негодованія.

Нерѣдко такъ бывало во время рѣчей Кобдена. Эта рѣчь 13 мая 1843 года, изъ которой мы взяли выдержку, интересна въ

двухъ отношеніяхъ: она говорена человѣкомъ, который въ этотъ день только въ пять часовъ утра вернулся изъ засѣданія парламента и, тѣмъ не менѣе, въ его рѣчи не чувствуется утомленія. Во-вторыхъ, въ ней ярко сказывается особенность таланта Кобдена: онъ импровизаторъ. Въ началѣ рѣчи онъ, какъ будто самъ не знаетъ, о чемъ говорить, повторяется и заминается, но потомъ, воодушевляясь становится все сильнѣе въ своемъ словѣ; рѣчь его льется быстро и рѣзко, логика и находчивость поражаютъ и увлекаютъ слушателей, а юморъ вызываетъ ихъ смѣхъ, такъ что вся зала то смѣется, то рукоплещетъ, то разражается бурными возгласами, то, наконецъ, превращается во вниманіе и слышны только иногда замѣчанія: „слушайте, слушайте“.

И кто бы повѣрилъ, что такой первоклассный ораторъ началъ свое ораторское поприще самымъ жалкимъ образомъ? А между тѣмъ это фактъ. Когда Кобденъ произносилъ свою первую рѣчь въ Манчестерѣ въ 1835 году, онъ такъ былъ сконфуженъ, что не могъ довести свою рѣчь до конца и предсѣдатель долженъ былъ извиниться за молодого оратора.

Кобденъ въ 1841 году былъ выбранъ въ члены парламента. И тамъ онъ сохранилъ основныя черты своего отношенія къ людямъ. Его первая рѣчь въ парламентѣ произвела хорошее впечатлѣніе своей простотой и ясностью и тѣмъ, что онъ не занимался словами, а предметами, и объявилъ, что онъ считаетъ вопросъ о хлѣбныхъ законахъ, стоящимъ внѣ партій. Чѣмъ далѣе, тѣмъ его вліяніе на членовъ палаты и на перваго министра становилось сильнѣе. Убѣдительность доводовъ Кобдена производила на Роберта Пиля сильное впечатлѣніе. Хотя между ними и произошло разъ, вслѣдствіе недоразумѣнія, личное столкновеніе, но никогда Кобденъ не нападалъ на него и только настаивалъ на необходимости отмѣны хлѣбныхъ законовъ, которые Пиль, какъ и многіе другіе, считалъ краеугольнымъ камнемъ англійскаго государственнаго хозяйства. Но онъ, видимо, поддавался вліянію народнаго трибуна. Характернымъ эпизодомъ въ томъ отношеніи служитъ рѣчь Кобдена въ парламентѣ 11 марта 1845 года, въ которой онъ со всѣхъ сторонъ разбиралъ вопросъ о хлѣбныхъ законахъ. Онъ готовился къ ней съ большимъ волненіемъ. Онъ писалъ своей женѣ: „я очень волнуюсь по поводу моей рѣчи къ четвергу. Вы найдете это страннымъ для такого стараго демагога, какъ я, если вамъ скажу, что я въ такомъ же волненіи, какъ молодая дѣвушка наканунѣ свадьбы. Причина этого, какъ я предполагаю въ томъ,

что отъ меня многаго ожидаютъ, и я боюсь причинить разочарованіе другимъ, а себѣ сдѣлать прочетъ. Я просилъ Латимера провести со мной вечеръ, чтобы изложить мнѣ во всей полнотѣ точку зрѣнія, на которую становятся друзья фермеровъ". Одинъ изъ друзей встрѣтилъ Кобдена въ день рѣчи въ корридорѣ парламента блѣднаго, нервнаго и увѣреннаго, что онъ станетъ на серединѣ рѣчи. Но это была лучшая изъ его рѣчей. Вначалѣ Пиль собирался отвѣчать Кобдену и съ этой цѣлью дѣлалъ замѣтки; но, по мѣрѣ развитія аргументовъ оратора, лицо его становилось все серьезнѣе и задумчивѣе и, наконецъ, онъ отложилъ въ сторону бумажки и карандашъ и, обратившись къ своему товарищу по министерству Сиднею Герберту, сказалъ: „отвѣчайте вы, если можете, а я не могу".

Самъ Кобденъ высказалъ разъ на митингѣ лѣтомъ 1845 года догадку, что Пиль въ сущности убѣдился въ невозможности удержать хлѣбные законы и что онъ только ждетъ повода къ ихъ уничтоженію.

Но не таково было его мнѣніе еще годъ тому назадъ. На митингѣ 4 іюня 1844 года онъ говорилъ: „очевидно, что наши условія въ дѣлѣ свободной торговли должны длиться долѣе, чѣмъ мы полагали... только время можетъ совершить реформу. Ее нельзя взять приступомъ, какъ мы ошибочно думали". Въ догадкѣ своей относительно настроенія Пиля въ 1845 году Кобденъ не ошибался. Онъ дѣйствительно понималъ невозможность сохранить хлѣбные законы и ждалъ только повода, когда эта невозможность обнаружится. Такимъ поводомъ явился неурожай 1845 г. оказавшійся съ наступленіемъ осени. Лѣто было дождливое, на картофелѣ появилась болѣзнь, отъ которой онъ пропалъ, хлѣбъ испортился, цѣны быстро пошли въ гору. Въ Ирландіи урожай пропалъ цѣликомъ, и нужда народная была страшно велика. Всѣ эти обстоятельства сильнѣе возбудили вниманіе общества къ хлѣбнымъ законамъ и голосъ лиги сталъ раздаваться громче. Ея вожаки поняли благопріятность момента и удесятерили свои усилія для агитаціи. Мы упоминали выше, что въ это время члены лиги собрали между собой 250,000 ф. с. для цѣлей усиленной агитаціи. Виги тоже поняли значеніе момента въ ихъ партійной борьбѣ съ торіями, и ихъ вожакъ Джонъ Россель сталъ рѣшительно на сторону отмѣны хлѣбныхъ законовъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ опубликовалъ письмо къ своимъ избирателямъ, въ которомъ онъ рѣшительно высказался за необхо-

димость ихъ немедленной отмѣны. Это письмо показало Роберту Пилю, что наступалъ моментъ сдѣлать рѣшительный шагъ. Увидя, что онъ не можетъ выступить съ этой мѣрой отъ имени тори, онъ вышелъ въ отставку. Королева поручила Дж. Росселю составить министерство; но онъ убѣдился въ невозможности исполнить эту миссію, не зоручившись поддержкой тори, и отказался. Королева предложила Роберту Пилю вновь составить министерство. Принявъ это порученіе, онъ проводитъ отмѣну хлѣбныхъ законовъ вмѣстѣ съ Кобденомъ и его сторонниками, а также при содѣйствіи виговъ.

Ричардъ Кобденъ принималъ горячее участіе въ преніяхъ по вопросу объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ и, между прочимъ, трактуя его съ разныхъ точекъ зрѣнія, затронулъ вопросъ о значеніи англійской аристократіи. Въ одной изъ своихъ рѣчей, обращаясь къ членамъ парламента, онъ говоритъ: „Англійскій народъ видитъ въ аристократіи и дворянствѣ страны вождей своихъ. Я вамъ не свой, но я не колеблюсь сказать, что въ нашей странѣ есть въ вашу пользу предубѣжденіе, глубоко укоренившееся и переходящее отъ отца къ сыну. Не борьбой съ духомъ времени вы пріобрѣли его и не тѣмъ его сохраните. Если вы останетесь равнодушны къ новымъ средствамъ употребить съ пользой людей, населяющихъ ваши земли, если вы будете препятствовать успѣхамъ, которымъ суждено тѣснѣе связать народы мирными узами торговаго обмѣна, если вы будете бороться съ открытіями, которыя, можно сказать, одушевляютъ вещество, если вы будете останавливать преобразованія, предназначенныя судьбой, тогда вы перестанете быть дворянствомъ Англіи, другіе займутъ ваше мѣсто. Я предупреждаю васъ, вы въ опасномъ положеніи. Въ обществѣ заронилось подозрѣніе, что въ настоящемъ случаѣ воспользовались добрымъ расположеніемъ и прямодушнымъ довѣріемъ вашихъ избирателей и не оправдали ихъ надежды на васъ. Вамъ предстоитъ случай доказать, что вы не ислючительно политики. Политики возстанутъ противъ моего предложенія; они не хотятъ слѣдствія, но вы послѣдуете за мной въ комитетъ. Тамъ я берусь привлечь къ вамъ большинство членовъ вашей партіи. Я прошу васъ только добросовѣстно розыскать причины бѣдствій нашего населенія. Что бы ни было, мои или ваши убѣжденія возьмутъ верхъ, слѣдствіе во всякомъ случаѣ принесетъ важные и благотворные результаты“.

Въ Концѣ 1845 и въ началѣ 1846 года года мы видимъ гос-

подствующій на общемъ фонѣ всѣхъ теченій жизни вопросъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ; къ ускоренію рѣшенія его направилъ свои усилія Ричардъ Кобденъ со своими сторонниками, начавъ рядъ интересныхъ митинговъ, кончавшихся резолюціями въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. На одномъ изъ такихъ митинговъ Фоксъ, нападая на монополію аристократіи, говорилъ въ одной своей рѣчи въ Ковентъ-Гарденѣ: „Что я сказалъ объ аристократіи, я отношу только къ нѣкоторымъ ея членамъ, и въ этомъ случаѣ я видѣлъ въ членахъ ея не столько аристократовъ, сколько купцовъ. Если кто содержитъ лавочку колоніальныхъ товаровъ и обманываетъ народъ, развѣ онъ можетъ оправдывать себѣ тѣмъ, что принадлежитъ къ кастѣ аристократовъ? Вотъ на что я жалуюсь. Эти господа дѣйствительно содержатъ большую лавку колоніальныхъ товаровъ, и по каждой статьѣ своего магазина они пытаются увлечь законодательную власть такъ, чтобы общество платило дороже на корысть аристократіи. Было время, когда торговлю считали дѣломъ, несовмѣстимымъ съ этимъ высокимъ достоинствомъ. Ваши феодальные бароны не поставляли себѣ въ безчестье грабить вооруженною рукою; но гнушались бы воровствомъ съ помощью подлоговъ протекціонныхъ пошлинъ. Теперь, когда дворяне сдѣлались купцами, и герцоги торгуютъ разнымъ товаромъ, пользуясь значеніемъ своихъ фамилій, чтобы получать бóльшіе барыши, мы имѣемъ полное право роптать и говорить, что они поступаютъ нечестно въ отношеніи къ другимъ купцамъ страны. Я сознаюсь, что эта путаница безпрестанно представляется моимъ мыслямъ. Я не могу вообразить себе герцога Ричмонда иначе, какъ съ его герцогскимъ вѣнцомъ на головѣ, съ пробами пшеницы въ карманѣ, съ лососемъ въ одной рукѣ и съ бутылкой виски въ другой, и мнѣ кажется, будто герцогская корона служитъ привѣскомъ къ лососю, чтобы продать его подороже господамъ потребителямъ. Можно ли, чтобы такія странныя несообразности, чтобы это униженіе аристократическаго достоинства и чести законодательной власти прикрывали плутни и обогащали это новое сословіе купцовъ“.

О рѣчахъ Дж. Фокса въ залѣ Ковентгарденскаго театра шла громкая молва и онѣ столько же, какъ и рѣчи Кобдена на митингахъ и въ парламентѣ сильно способствовали тому, что рѣшеніе вопроса о хлѣбныхъ законахъ быстро шло къ благополучному концу. Выше мы говорили о томъ впечатлѣніи, которое производили на Пиля доводы Кобдена. Онъ по свойству своего характера

легко поддавался идеѣ общаго блага и ставилъ послѣднюю выше идеи вѣрности интересамъ партіи. Во время преній въ парламентѣ о хлѣбныхъ законахъ его не разъ обвиняли въ измѣнѣ. Въ особенности рѣзки были на него нападки въ этомъ направленіи со стороны Дизраэли. Этотъ блестящій ораторъ едва упомянулъ въ своей рѣчи о сущности мѣры, предложенной Пилемъ, и лишь на поведеніе и политическій характеръ сэра Роберта направилъ блестящую и острую сталь своего слова. Защищая предложенную мѣру, министръ главнымъ образомъ говорилъ по существу вопроса, но не обошелъ во время преній и упрековъ объ измѣнѣ партіи. „Я не буду, говорилъ онъ, защищаться по вопросу о партіи, я охотно допускаю, что обсуживаемые нами мѣры вовсе неудобны для партіи. Я допускаю также, что только неблагопріятный случай передалъ въ мои руки дѣло о хлѣбныхъ законахъ. Предпочтительнѣе было бы, чтобы заслуга этого дѣла, если тутъ есть какая нибудь заслуга, пала на долю постоянныхъ противниковъ этихъ законовъ... Я готовъ былъ содѣйствовать имъ своимъ голосомъ и всѣмъ моимъ вліяніемъ... Я нахожу весьма естественнымъ, что люди, всегда меня поддерживавшіе, лишаютъ меня теперь своего довѣрія; я знаю, что настоящія мои дѣйствія несогласны съ началами, которыми слѣдуетъ руководиться при управленіи государствомъ во имя извѣстной партіи. Я спрошу только у нихъ, правдоподобно ли, чтобы я пожертвовалъ ихъ добрымъ мнѣніемъ и ихъ опорою, если бы я не былъ побуждаемъ самыми понудительными соображеніями общественнаго долга... Не смотря на то, что происходило во время этихъ преній, не смотря на жестокость нѣкоторыхъ выраженій, я отдамъ полную справедливость партіи, которая до сихъ поръ меня поддерживала. Я имѣлъ случай узнать побудительные поводы поведенія людей, меня окружавшихъ, и хотя они угрожаютъ лишить меня своего довѣрія, я скажу громко, говоря объ нихъ въ совокупности, какъ о значительной партіи, что я не знаю партіи, которая руководилась бы болѣе чистыми и болѣе достойными уваженія чувствами... Но я требую и для себя права, буду ли я государственнымъ или частнымъ человѣкомъ, права уступать силѣ сужденія и дѣйствовать по понятіямъ болѣе созрѣвшей опытности. Можно полагать, что такое сознаніе унизительно; я не вижу въ немъ униженія. Я не на столько довѣряю способности человѣка по вдохновенію распознавать истину и ложь, чтобы затрудниться въ признаніи, что я ошибся. Я счелъ бы для себя унизительнымъ, если бы, измѣнивъ мнѣніе, я не хо-

тѣлъ въ томъ сознаться изъ опасенія, чтобы меня не обвинили въ измѣнчивости. Вопросъ только въ томъ, искренняя ли эта перемѣна и основательны ли поводы, къ ней побудившіе".

Это только разъ онъ коснулся вопроса о партійности и о своемъ личномъ дѣлѣ. Во всѣхъ рѣчахъ его въ теченіе преній о хлѣбныхъ законахъ онъ, видимо, находился подъ вліяніемъ идеи важности той задачи, которая подлежала рѣшенію парламента. Защищаясь отъ нападковъ бывшихъ своихъ сторонниковъ, онъ находился подъ обаяніемъ этой грандіозной перспективы и одушевлялся благороднымъ чувствомъ общаго блага. Обыкновенно очень сдержанный, онъ не покидалъ дѣлового тона; но въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ онъ позволялъ себѣ уйти въ болѣе широкую сферу философскихъ обобщеній и когда его аргументы оцвѣчивались волновавшимъ его чувствомъ.

Такова была рѣчь его въ ночномъ засѣданіи 16 февраля, когда онъ показалъ членамъ палаты свое пониманіе возвышеннаго значенія текущихъ преній. Въ этой рѣчи онъ, между прочимъ, говорилъ: „Эта ночь рѣшитъ между движеніемъ впередъ, къ свободѣ торговли и возвращеніемъ къ запретительной системѣ. Въ эту ночь вы изберете девизъ, который обозначитъ торговую политику Англіи: „впередъ" или „назадъ". Которое же изъ этихъ словъ удобнѣе примѣнить къ великому государству? Сообразитесь съ нашимъ положеніемъ, съ преимуществами, дарованными намъ Богомъ и природой, съ нашими судьбами въ будущемъ. Мы стоимъ на окраинѣ западной Европы, какъ главное звено, соединяющее Старый Свѣтъ съ Новымъ. Благодаря открытіямъ науки и усовершенствованіямъ мореплаванія, мы теперь въ десяти дняхъ пути отъ Петербурга и скоро будемъ въ десяти дняхъ отъ Нью-Іорка. Протяженіе нашихъ береговъ въ соразмѣрности съ нашимъ населеніемъ и съ поверхностью страны нашей, несравненно больше приморья всѣхъ другихъ государствъ, и это обстоятельство упрочило нашу силу и наше преобладаніе на морѣ".

„Желѣзо и уголь, эти главные дѣятели промышленности, предоставляютъ нашимъ фабрикамъ значительныя преимущества предъ фабриками нашихъ соперниковъ. У насъ болѣе денегъ, чѣмъ у нихъ. Мы не уступимъ никому въ изобрѣтеніяхъ, въ искусствѣ и энергіи. Нашъ національный характеръ, наши свободныя учрежденія, наша свобода мыслей и дѣйствій, книгопечатаніе не стѣсненное, быстро распространяющее открытія и успѣхи, всѣ эти обстоятельства ставятъ насъ во главѣ націй, способствующихъ

взаимному развитію свободной торговли. Должно ли государство наше опасаться состязанія? Развѣ странѣ нашей суждено процвѣтать не иначе, какъ въ искусственной атмосферѣ запретительныхъ мѣръ? Выбирайте девизъ свой: „впередъ“ или „назадъ“... Совѣтую вамъ подать другимъ странамъ примѣръ безкорыстія. Послѣдуйте моему совѣту, и вы дадите большинству населенія новыя гарантіи довольства и благосостоянія. Поступите такъ, и вы сдѣлаете все, что можетъ сдѣлать человѣческая мудрость для успѣховъ торговли. Вы можете встрѣтить неудачи. Ваши мѣры могутъ оказаться недѣйствительными. Онѣ не могутъ васъ завѣрить, что процвѣтаніе промышленности и торговли не прервется. Неурожаи, неблагопріятныя зимы, времена бѣдствій могутъ возвратиться; можетъ быть вамъ снова придется успокаивать народъ безполезными увѣреніями въ вашемъ сочувствіи и увѣщаніями сносить терпѣливо свою участь. Спросите сердца ваши и отвѣчайте мнѣ на такой вопросъ: менѣе ли будутъ утѣшительны ваши увѣренія въ сочувствіи и наши увѣщанія къ терпѣнію, если въ то время хлѣбные законы не будутъ уже существовать? Не утѣшительно ли будетъ для васъ самихъ подумать, что вы добровольно сложили съ себя отвѣтственность за установленіе цѣнъ на народное продовольствіе? Не скажите ли вы себѣ тогда съ отраднымъ чувствомъ, что нынѣ, въ это время относительнаго благосостоянія, уступая не ропоту, не страху, а только тому предусмотрительному опасенію, которое служитъ залогомъ безопасности, вы предупредили злые дни и еще задолго до ихъ наступленія устранили препятствія къ свободному обращенію даровъ Всевышняго?

Вольный или невольный восторгъ овладѣлъ всѣми: радикалы предались ему съ увлеченіемъ. „Почтенный баронетъ, воскликнулъ Брайтъ, произнесъ рѣчь болѣе сильную и болѣе достойную удивленія, чѣмъ всѣ рѣчи, которыя за человѣческую память были произнесены въ этомъ собраніи. Я наблюдалъ за нимъ, когда онъ выходилъ изъ палаты и впервые завидовалъ его чувствамъ“.

Послѣ длинныхъ и жаркихъ преній отмѣна хлѣбныхъ законовъ была принята нижней палатой большинствомъ 98 голосовъ. 18-го мая билль перешелъ въ палату лордовъ. Шансовъ на принятіе билля тамъ было меньше въ виду состава палаты. 53 лорда участвовали въ преніяхъ менѣе страстныхъ, чѣмъ въ нижней палатѣ, но не менѣе настойчивыхъ. Веллингтонъ, защищая законопроэктъ, указалъ, что въ случаѣ если онъ будетъ отвергнутъ, королева распуститъ парламентъ и назначитъ новые выборы, а потому

совѣтовалъ лучше теперь же принять билль. Лорды послѣдовали совѣту и приняли его большинствомъ 47 голосовъ. Никогда не думалъ Кобденъ, что земельная аристократія, такъ мало симпатизировавшая народному движенію, такъ легко склонится предъ послѣднимъ, но общественное движеніе, возбужденное лигой, было такъ сильно, что внушило страхъ аристократіи предъ перспективой борьбы. Такимъ образомъ кончилось это дѣло, которое и признано дѣломъ лиги; дальнѣйшая судьба и значеніе этой реформы опредѣлили значеніе личности Кобдена въ исторіи Англіи и въ исторіи Европы.

Мѣсяцъ спустя, какъ была принята отмѣна хлѣбныхъ законовъ, Робертъ Пиль вышелъ въ отставку, потерпѣвъ пораженіе на предложеніи исключительныхъ мѣръ противъ ирландцевъ. Оставляя свой постъ, онъ обратился къ парламенту съ прощальной рѣчью, въ которой сдѣлалъ обзоръ совершенныхъ реформъ. Говоря о хлѣбныхъ законахъ, онъ сказалъ: „Что бы ни думали объ опасности, которую намъ угрожалъ недородъ одного изъ главныхъ предметовъ продовольствія, я могу по праву сказать, что, предлагая мѣры торговой политики, которыя лишили правительство довѣрія многихъ почтенныхъ людей, среди которыхъ оно встрѣчало постоянно поддержку, правительство ея величества не было руководимо никакимъ инымъ мотивомъ, кромѣ заботы объ интересахъ страны. Мы желали ее избавить отъ опасностей, которыя мы считали неминуемыми, и положить конецъ столкновенію, которое по нашему убѣжденію повело бы скоро къ борьбѣ между великими и могущественными классами нашего общества. Желаніе сохранить власть не входило ни чуть въ наши предложенія; мы знали, что, встрѣтитъ ли ихъ успѣхъ или неудача, вѣрнымъ послѣдствіемъ ихъ будетъ паденіе кабинета. Можетъ быть, въ выгодахъ общественнаго интереса таковъ и долженъ быть исходъ. Естественно, что многіе изъ нашихъ друзей лишили насъ своего довѣренія. Когда министры предлагаютъ мѣры, повидимому противныя тѣмъ принципамъ, которые они до сихъ поръ поддерживали, можетъ быть и хорошо для блага страны и для чести общественныхъ дѣятелей, чтобы такое поведеніе навлекло на нихъ соотвѣтствующее наказаніе, потерю власти. Поэтому я не жалуюсь вовсе. Лучше лишиться власти, чемъ сохранять ее безъ полной увѣренности въ довѣріи палаты“.

„Я сказалъ когда то, что, предлагая наши мѣры торговой политики, я вовсе не желалъ умалять заслугу тѣхъ, кому она принадлежитъ. Я скажу за почтенныхъ членовъ палаты, сидящихъ

противъ меня, а также за себя и за моихъ друзей, что ни имъ, ни намъ не принадлежитъ честь этого дѣла. Партіи, обыкновенно противоположныя, соединились, и это единеніе и вліяніе правительства повели къ успѣху нашихъ мѣръ. Но имя, которое стоитъ и будетъ стоять во главѣ этого успѣха, это не имя благороднаго лорда, руководящаго партіей, содѣйствіемъ которой мы воспользовались, и это не мое имя; это имя человѣка, который по мотивамъ, какъ я увѣренъ, совершенно чистымъ и съ неутомимой энергіей призывалъ къ разуму всѣхъ насъ и заставилъ насъ себя слушать своимъ краснорѣчіемъ, тѣмъ болѣе удивительнымъ, что оно чуждо всякой претензіи и прикрашиванія: это имя Ричарда Кобдена. Я кончаю на этомъ мои замѣчанія, съ которыми мой долгъ повелѣвалъ мнѣ обратиться къ палатѣ... По всей вѣроятности, черезъ нѣсколько часовъ власть, которую я держалъ, перейдетъ въ другія руки, безъ жалобы и безъ сожалѣнія съ моей стороны, съ воспоминаніемъ гораздо болѣе живымъ о довѣріи и поддержкѣ, которыми я пользовался столько лѣтъ, чѣмъ объ оппозиціи, которую я встрѣтилъ недавно. Покидая власть, я боюсь, что я оставлю имя, сильно порицаемое многими людьми, которое безъ всякаго личнаго интереса, единственно въ виду общественнаго блага, горько оплакиваютъ разрушеніе партійныхъ узъ..., я оставляю имя, ненавидимое монополистами, которые, по мотивамъ менѣе почтеннымъ, взываютъ о покровительствѣ, которымъ они пользовались. Можетъ быть, я оставлю имя, которое будетъ иногда произносимо съ чувствомъ благоволенія въ жилищахъ тѣхъ, чей удѣлъ въ этомъ мірѣ составляетъ трудъ, кто въ потѣ лица своего добываетъ хлѣбъ свой; они вспомнятъ обо мнѣ, когда будутъ возстановлять свои силы пищей обильной и свободной отъ налога и тѣмъ болѣе пріятной, что никакое чувство несправедливости не будетъ примѣшивать къ ней своей горечи“.

Эта рѣчь перваго министра, политическаго противника Ричарда Кобдена, не только констатируетъ, что главная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ ему, но раскрываетъ и благородство характера самаго Роберта Пиля.

Что же сталось съ самимъ борцомъ противъ хлѣбныхъ законовъ? Въ то время, когда онъ вступилъ въ дѣло лиги, онъ думалъ. что ему придется затратить года два—три, что борьба будетъ недолго продолжаться. Свое промышленное дѣло онъ оставилъ на своего брата Фридриха.

А дѣло его было большое. Онъ обладалъ капиталомъ въ 80,000

фунтовъ стерлинговъ, имѣлъ кредитъ въ 25,000 фунтовъ стерлинговъ, обладалъ значительной ситцевой фабрикой. Въ его отсутствіи дѣло начало приходить въ упадокъ, и братъ, такъ какъ онъ не обладалъ достаточными качествами для веденія этого дѣла, звалъ его, какъ мы упоминали выше, возвратиться. Кобденъ отказывался вернуться къ своему дѣлу и мотивировалъ отказъ невозможностью оставить общее дѣло.

Въ 1846 году, когда борьба съ хлѣбными законами была закончена, финалъ борьбы былъ въ то же время моментомъ его окончательнаго разоренія. Но то общество, которое сочувствовало ему и встрѣчало его всегда со знаками энтузіазма и глубокаго уваженія, тѣ люди, которые всѣ, какъ одинъ чаловѣкъ, вставали при его появленіи, въ это тяжелое для него время не оставили его и рѣшили поддержать. Въ пользу его открылась подписка среди его друзей и соратниковъ, давшая 80,000 фунтовъ стерлинговъ, которые были ему поднесены, какъ награда, мотивированная тѣмъ, что деньги эти служатъ вознагражденіемъ за тѣ усилія, которыя онъ употребилъ, чтобы вести общее движеніе, и возмѣщеніемъ сознательно понесенныхъ имъ потерь. Трудно было принять Кобдену эти деньги, но онъ принялъ ихъ, оправдывая себя въ своихъ глазахъ тѣмъ, что у него есть обязанности по отношенію къ семьѣ, которую онъ забросилъ ради общественнаго блага.

„Мнѣ непріятно получить деньги, пишетъ онъ своему другу Комбу, въ награду за услугу, оказанную націи, и я чувствую, что мое нравственное вліяніе будетъ уменьшено тѣмъ фактомъ, что я принялъ приношеніе отъ публики. Я бы предпочелъ отъ него отказаться или же сдѣлать изъ него какое нибудь хорошее употребленіе, напримѣръ, основать училище, но какъ честный человѣкъ, какъ отецъ и мужъ, я не могу отказаться отъ этихъ денегъ. Вы, можетъ быть, будете удивлены, когда я вамъ скажу, что я раздѣлилъ участь всѣхъ тѣхъ, которые были вожаками революцій или же двигателями великихъ реформъ, и что я пожертвовалъ дѣлу всѣмъ моимъ состояніемъ. Однимъ словомъ, въ концѣ агитаціи я былъ разоренъ. Я не буду входить въ подробности, которыя вызываютъ тягостныя воспоминанія, но въ то время, какъ герцогъ Ричмондъ попрекалъ меня большими барышами, которыя я будто бы получалъ въ Манчестерѣ, я терялъ то, что у меня было. Я не боюсь признаться вамъ, что физическое здоровье и мой душевный міръ страдали больше отъ моего личнаго безпокойства въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, чѣмъ отъ моихъ усилій на общее

дѣло. Будучи одаренъ сильнымъ семейнымъ чувствомъ, большимъ чувствомъ порядка, я особенно страдалъ отъ безнравственности, заключавшейся въ томъ, что я рисковалъ, хотя бы и для общаго счастья, счастьемъ тѣхъ, которые имѣютъ на меня преимущественное право. Я бы желалъ, чтобы вы знали факты, такъ какъ изъ всѣхъ людей вы тотъ, котораго я желалъ бы поставить въ возможность судить правильно мотивы, заставляющіе меня дѣйствовать, повидимому, противоположно чувствамъ безкорыстія и чистотѣ нашихъ намѣреній".

Но не только этой потерей денегъ отдѣлался Ричардъ Кобденъ; въ этой борьбѣ онъ потерялъ здоровье; общественная дѣятельность, расшатавъ его нервы, вызвала у него глухоту и охриплость полоса, оставшіяся на всю жизнь. Его нервная система была расшатана; но это скрашивалось чувствомъ удовлетворенія, тѣмъ, что въ душѣ его раздавались звуки торжества одержанной побѣды. Онъ поѣхалъ на югъ Европы и въ Алжиръ. Состояніе здоровья его нѣсколько поправилось. Вскорѣ послѣ того для него и его друга Брайта наступили тяжелыя времена, въ которыхъ высказалась вся душевная сила этихъ людей. Я не разъ упоминалъ въ дѣятельности лиги имя Брайта. Я говорилъ, что это ближайшій другъ Кобдена. Не безынтересны обстоятельства, при которыхъ они сблизились. Сначала они были просто знакомы и вмѣстѣ работали. Но вотъ Брайта постигло несчастье, у него умерла жена. Кобденъ пришелъ навѣстить и утѣшить его. Прійдя къ нему, онъ обратился къ нему съ такими словами: „Ваша печаль неизмѣрима —это вѣрно. Но вспомните, какая масса есть несчастныхъ семействъ, въ которыхъ матери видѣли смерть своихъ дѣтей отъ недостатка питанія, семействъ, въ которыхъ царитъ вѣчная нужда и можетъ быть память о той, которая лежитъ тамъ внизу, заставитъ васъ прійти на помощь и отдать всѣ свои силы на служеніе народу, участь котораго мы можемъ облегчить своей борьбой". Брайтъ былъ тронутъ этими словами и съ тѣхъ поръ они жили не только какъ друзья, а какъ родные братья. Наступилъ періодъ Крымской войны,—тяжелые дни для Кобдена и Брайта вдвойнѣ: война противорѣчила ихъ убѣжденіямъ. Они были убѣжденными сторонниками мира, высказывали это много разъ въ своихъ памфлетахъ, говоря, напримѣръ, что небольшая потеря будетъ въ томъ, что Константинополь и Балканскій полуостровъ отойдутъ къ Россіи и что вѣдь лучше, если правленіе, которое существуетъ тамъ, будетъ замѣнено лучшимъ. Кобденъ высказываетъ желаніе, чтобы Россія

развивалась въ культурномъ отношеніи и чтобы въ этой странѣ тоже водворилась политическая свобода. Съ этой точки зрѣнія онъ дѣйствовалъ противъ правительства и общественнаго мнѣнія, враждебнаго Россіи; онъ не только мечталъ лишь объ общемъ благѣ, онъ говорилъ теперь объ этомъ открыто, какъ и тогда, когда онъ боролся противъ хлѣбныхъ законовъ, и противъ него возстало теперь общественное мнѣніе, представителемъ котораго, какъ выраженіемъ народнаго негодованія, явилась пресса. Половина газетъ называла Брайта и его „врагами отечества и измѣнниками“ и выражала сожалѣніе, что съ ними нельзя расправиться, какъ съ таковыми. И это обвиненіе повторялось чуть не ежедневно. Люди, привыкшіе дѣйствовать черезъ посредство общества, видѣли не только то, что оно ихъ оставило; но слѣпо, враждебно къ нимъ относится. Изображеніе Брайта было сожжено толпою. Кобденъ на одной сходкѣ своихъ избирателей былъ свидѣтелемъ принятія резолюціи, направленной противъ него. Но Кобденъ и Брайтъ не падали духомъ подъ тяжестью общественнаго негодованія и выступали съ рѣчами противъ войны, не пугаясь криковъ толпы, настроенной враждебно. Это время было для Кобдена тяжелымъ еще и по другой причинѣ.

Къ его тяжелому душевному состоянію примѣшалось еще и семейное горе. Въ то время, когда онъ однажды утромъ сошелъ внизъ, когда у него былъ въ гостяхъ полковникъ К. Фицмайеръ, вернувшійся изъ Крыма и ожидавшій его въ столовой,—онъ получилъ письмо, изъ котораго узналъ о смерти своего пятнадцатилѣтняго сына, учившагося недалеко отъ Гейдельберга—въ Вейнгамѣ, котораго еще недавнія вѣсти изображали, какъ наиболѣе здороваго и сильнаго изъ учениковъ школы. Первымъ движеніемъ Кобдена было ѣхать къ женѣ. Онъ рѣшилъ приготовить ее постепенно къ страшному извѣстію; но онъ не въ силахъ былъ это сдѣлать. Онъ засталъ ее въ кругу семьи, весело читающею длинное письмо погибшаго юноши, писанное за нѣсколько дней передъ тѣмъ, когда онъ еще былъ совершенно здоровъ. Лишь только она увидала лицо мужа, искаженное горемъ, какъ, еще ничего не зная, поняла все и у нея вырвался крикъ ужаса. Онъ не могъ не сказать всего. При этомъ ее поразилъ столбнякъ, продолжавшійся нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ она была неподвижна какъ мраморная статуя. Въ нѣсколько часовъ она совершенно посѣдѣла. Когда она стала проявлять кое-какіе признаки жизни, приходилось употреблять всѣ старанія, чтобы поддержи-

вать это едва теплящееся существованіе, и у постели своей жены Ричардъ Кобденъ оставался очень долго, и эти мѣсяцы, проведенные въ душевной мукѣ, оставили слѣдъ у нихъ обоихъ на всю жизнь. Нѣсколько времени спустя, когда Ричарда Кобдена звали на общественную дѣятельность, онъ отказывался, объясняя свой отказъ невозможностью оставить жену безъ своего ласковаго ухода.

Онъ говоритъ въ письмѣ къ одному изъ друзей: „Она не героиня, но ея горе такъ ужасно, что оно подвергло бы жестокому испытанію энергію самого сильнаго характера ея пола. Я увѣренъ, что тѣ, кто не относится къ ней съ достаточнымъ терпѣніемъ и участіемъ въ ея печали, не понимаютъ того, что она перенесла. Она нуждается въ снисхожденіи и нѣжномъ уходѣ, какъ ребенокъ. Это правда, какъ говоритъ Брайтъ (у котораго самое нѣжное сердце, какое я знаю), что мы только весьма мало понимаемъ глубину страданія матери въ такомъ положеніи... Съ тѣхъ поръ, какъ поразилъ насъ этотъ ужасный ударъ, я рѣшилъ подчинить всѣ другія свои обязанности (даже до оставленія, если это нужно, мѣста въ парламентѣ) заботѣ объ облегченіи ея страданія. Ни одно человѣческое существо, кромѣ меня, не можетъ ей принести облегченіе. Я сомнѣваюсь, чтобы отъ сегодня въ теченіе шести мѣсяцевъ я могъ бы оставить ее хотя бы на сутки“.

Черезъ нѣсколько лѣтъ обстановка мѣняется. Прекратилась война и начинаются другія отношенія. Министерство пало, и Пальмерстону было поручено составить новое; онъ пригласилъ Кобдена на постъ министра торговли (1859 г.). Во время перемѣны министерства Бобденъ былъ на пути изъ Америки въ Европу. Многіе друзья его собрались въ Ливерпулѣ, чтобы встрѣтить его и уговорить принять предлагаемый постъ. Но онъ рѣшительно отказался, по мотивамъ нравственнаго свойства. Онъ писалъ 30 іюня 1859 г. своей женѣ по этому поводу: „Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ кажется, что всѣ съ ума сошли, ибо при томъ мнѣніи, которое я нерѣдко въ теченіи 12 лѣтъ высказывалъ о политикѣ Пальмерстона и которое я не измѣнилъ, я бы потерялъ, войдя въ его министерство, уваженіе къ себѣ и уваженіе тѣхъ, которые теперь, въ минуту возбужденія, заставляютъ меня принять предложеніе министра. Давленіе, которое они на меня оказываютъ, такъ сильно, что если бы лордъ Грэнвиль или даже лордъ Россель стояли во главѣ министерства, я бы вынужденъ былъ, помимо моей воли,

стать „высокопоставленнымъ“ (right honourable [1]). Я отправлюсь къ Пальмерстону и объясню ему откровеноо причину моего отказа“. Дѣйствительно, онъ отправился къ Пальмерстону и между ними произошелъ интересный діалогъ: „Въ теченіе 12 лѣтъ я систематическимъ образомъ нападаю на вашу иностранную политику; я считалъ васъ воинственнымъ, задорнымъ, вѣчно ссорящимся: я думалъ, что ваши принципы насъ влекутъ въ войну съ другими націями. Я выражалъ въ то же самое время мое недовѣріе къ тому направленію, которое вы дали бы и внутреннимъ дѣламъ. Можетъ быть, я ошибался, но я васъ спрашиваю искренно, могу ли я выразить перемѣну моего мнѣнія о вашей политикѣ, будучи въ вашемъ кабинетѣ, въ которомъ я буду занимать почетный постъ и получать большое жалованье, которымъ я буду обязанъ вамъ“ Пальмерстонъ настаивалъ, указывая ему, что, находясь среди министровъ, онъ можетъ вліять и на иностранную политику и что, если онъ хочетъ имѣть вліяніе на нее, онъ долженъ принять его предложеніе. Видя, что Кобденъ остается твердъ въ своемъ рѣшеніи, онъ спросилъ его, смѣясь: „зачѣмъ вы вступали въ парламентъ?“ „Я сказалъ, что, право, я этого не знаю“. Пальмерстонъ: „Но зачѣмъ вы вступили въ общественную жизнь?“ „Едва ли я и это знаю, отвѣтилъ Кобденъ; случайно, для спеціальнаго дѣла, и можетъ быть лучше было бы для меня и моей семьи, если бы я остался прежнимъ, незамѣтнымъ человѣкомъ“. Пальмерстонъ и его товарищи были удивлены отказомъ Кобдена, такъ какъ онъ отказывался не только отъ власти, но и отъ значительнаго дохода, связаннаго съ положеніемъ министра. Но Кобденъ оставался твердъ въ своемъ рѣшеніи. Онъ думалъ, что онъ еще можетъ быть полезнымъ своей странѣ, оставаясь простымъ членомъ парламента и это вскорѣ оправдалось.

Когда онъ въ томъ же году поѣхалъ во Францію, онъ видѣлся передъ этимъ съ Гладстономъ и послѣдній возложилъ на него неоффиціальное порученіе отъ имени министерства и уполномочилъ, если онъ найдетъ возможнымъ, склонить Луи-Наполеона къ заключенію торговаго договора съ Англіей. Кобденъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, видя въ немъ средство привлечь Францію къ принципамъ свободной торговли и тѣмъ повліять на укрѣпленіе международнаго мира. Надо добавить, что и самое порученіе явилось результатомъ бесѣдъ по этому вопросу

---

[1]) Обычное титулованіе министра въ Англіи.

съ Гладстономъ, иниціатива которыхъ принадлежала Кобдену, ухватившемуся въ свою очередь за мысль о торговомъ договорѣ подъ вліяніемъ, съ одной стороны Брайта, а съ другой—французскаго экономиста Мишеля Шевалье. Переговоры сначала велись частнымъ образомъ. Въ Парижѣ Кобденъ видѣлся съ министрами Фульдомъ и Руэромъ, а затѣмъ съ самимъ Наполеономъ, на котораго онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, не отвѣчавшее впрочемъ впечатлѣнію, произведенному имъ на Кобдена Онъ писалъ по этому поводу Брайту: „чѣмъ болѣе я вижу властителей міра, тѣмъ болѣе я нахожу, какъ мало нужно ума и величія для того, чтобы управлять человѣчествомъ“. Переговоры его прошли благополучно и въ 1860 году былъ заключенъ торговый договоръ Англіи съ Франціей. Послѣ этой удачи Кобденъ мечталъ, что со временемъ удастся привлечь и другія государства къ системѣ торговыхъ договоровъ, являющихся ступенью къ свободной торговлѣ.

Мы знаемъ, что теперь торговые договоры въ ходу и распространеніемъ своимъ они обязаны въ значительной степени этому акту 1860 года, путь къ которому былъ проложенъ Кобденомъ. Заключеніе торговаго договора съ Франціею было такимъ важнымъ дѣломъ для Англіи, что правительство пожелало вознаградить эту услугу Кобдена, тѣмъ болѣе, что она оказана была совершенно безвозмездно. Отъ имени королевы ему предложенъ былъ титулъ баронета; но онъ отказался отъ этой награды, находя, что онъ вступилъ бы въ противорѣчіе со всѣми своими убѣжденіями, если бы принялъ этотъ титулъ. Послѣ этого онъ не долго жилъ. Его здоровье не поправлялось, его дѣла были тоже плохи, и къ тому же они оба съ женою не могли забыть потери сына. Однажды, когда они ѣхали по желѣзной дорогѣ, жена сказала: „Можетъ быть, лучше было бы, если бы мы не знали славы, если бы мы жили въ какомъ либо уголкѣ Канады, лишенные всего того, что теперь имѣемъ, и жили бы инымъ образомъ“. Повернувшись къ окну, Кобденъ сказалъ: „можетъ быть, вы и правы“. Я не думаю, чтобы фраза эта, которая вырвалась у него при этомъ случаѣ, была выраженіемъ его постояннаго настроенія. Это скорѣе объясняется мимолетнымъ, преходящимъ чувствомъ, навѣяннымъ настроеніемъ даннаго момента. Не могъ человѣкъ, создавшій большое и сильное движеніе въ обществѣ, боровшійся въ теченіе 7 лѣтъ за свою идею, раскаиваться въ томъ, что создалъ его. Онъ самъ въ одномъ письмѣ къ товарищу по лигѣ, писанномъ вскорѣ послѣ отмѣны хлѣбныхъ законовъ, признается, что эта долгая об-

щественная дѣятельность уничтожила въ немъ вкусъ къ покойной и тихой жизни. „Сравнивая, говоритъ онъ, свои тогдашнія чувства съ тѣми, которыя я испытываю теперь, я чувствую, сколько я потерялъ, выигравъ славу. Непрестанная буря уничтожила во мнѣ вкусъ къ покою; я боюсь, что я не способенъ бросить якорь; мнѣ кажется, что месмерическая рука легла на мой мозгъ и что мною овладѣлъ безпокойный демонъ, который толкаетъ меня впередъ. Въ четвергъ я думалъ, отправляясь на собраніе, что завтра я буду счастливъ и покоенъ. А завтра принесло мнѣ внушеніе одного изъ друзей русскаго императора, увѣдомляющаго меня, что если бы вмѣсто Италіи и Египта я поѣхалъ бы въ Петербургъ, я бы могъ оказать вліяніе на умъ императора Николая. И вотъ я снова очарованъ видѣніемъ и готовъ отправиться въ Россію". 2-го апрѣля 1865 года Кобденъ скончался, не удержавшись за нѣсколько дней передъ тѣмъ (21 марта) принять участіе въ одномъ митингѣ по поводу постройки укрѣпленій въ Канадѣ. Тамъ онъ простудился, и это его доконало.

Въ 1850 году оставшіяся еще статьи таможеннаго тарифа были отмѣнены, за исключеніемъ 15-ти, имѣвшихъ фискальный характеръ. Такимъ образомъ оправдалось предположеніе, что хлѣбные законы составляютъ ключъ въ сводѣ зданія протекціонизма и что съ отмѣной ихъ рухнетъ и весь протекціонизмъ и уступитъ мѣсто свободѣ торговли. Какой же результатъ для англійской торговли дали новые пути экономической дѣятельности? Это выясняется торговыми оборотами: въ 1820 году торговый оборотъ внѣшней торговли достигалъ 86 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, въ 1856 году 332 милліона фунтовъ стерлинговъ, въ 1900 году—685 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Мы видимъ, что торговые обороты не только не уменьшились, какъ предполагали протекціонисты, а увеличились почти въ 10 разъ. Заработная плата поднялась, а съ нею и народное благосостояніе, о чемъ между прочимъ можно судить по увеличенію потребленія сахара. Ранѣе на человѣка приходилось 20 фунтовъ сахару въ годъ, а теперь эта цифра значительно выше. Выгоды землевладѣльцевъ и фермеровъ, которые такъ яростно отстаивали монополію въ хлѣбной торговлѣ, значительно увеличились. Доказательствомъ является то, что поземельная рента сильно поднялась. Въ 1799 году она равнялась 20 шиллинговъ за акръ (19 руб. 45 коп. съ десятины), въ 1850 году—38 шиллинговъ (37 руб. съ десятины), въ 1885 году—2 фунта стерлинговъ (38 р. 90 к. съ десятины). Нельзя не

признать, что 40 рублей ренты съ десятины очень и очень крупный доходъ. Весьма вѣроятно, что въ исторіи возрастанія капитала перемѣна произошла еще большая и сама то она была результатомъ усилія воли торгово-промышленныхъ классовъ, не стѣсненныхъ прежними ограниченіями и запрещеніями. Что касается благосостоянія массъ земледѣльческаго и рабочаго класса, то экономическая эволюція безъ сомнѣнія оправдала надежды, которыя на нее возлагались борцами противъ хлѣбныхъ законовъ.

Не только, однако, въ этомъ заключалось значеніе реформы. Она имѣла и большое политическое значеніе. Отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ знаменовала нѣкоторое пониженіе господства поземельной аристократіи по сравненію съ тѣмъ, что было до 1846 года, и переходъ этого господства къ торгово-промышленному классу, значеніе котораго еще болѣе поднялось, подъ вліяніемъ свободы торговли. Съ этимъ переходомъ господства связано было измѣненіе характера государства въ демократическомъ направленіи, тѣмъ болѣе, что за возвышеніемъ значенія капиталистовъ слѣдовалъ подъемъ политическаго значенія рабочаго класса. Этотъ послѣдній былъ слѣдствіемъ увеличенія благосостоянія рабочаго класса. Избирательная реформа, проведенная Дизраэли въ 1867 году, отразила въ себѣ этотъ подъемъ общественнаго значенія рабочаго класса совершенно такъ же, какъ парламентская реформа 1832 года была отраженіемъ усилившагося значенія капиталистовъ. Эта реформа была значительнымъ шагомъ на пути демократизаціи Англіи и, по всей вѣроятности, дѣло не остановилось еще на этомъ. Но уже и теперь монархическая Англія представляется мнѣ по существу болѣе демократическою, чѣмъ ея сосѣдка Франція, хотя тамъ и выписаны на стѣнахъ общественныхъ зданій слова: „свобода, равенства и братство“.

Но, само собою разумѣется, что всѣ указанныя перемѣны нельзя поставить на счетъ работы лиги противъ хлѣбныхъ законовъ. Тутъ дѣйствовали болѣе отдаленныя историческія причины. Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія произошелъ сильный ростъ промышленности и торговли. О ростѣ этомъ, происшедшемъ въ силу экономической революціи, я въ настоящую минуту не могу говорить подробно, но это быстрое усиленіе роста создало новую силу: промышленные и торговые интересы. Создался сильный торгово-промышленный классъ. Ростъ промышленности столкнулся съ интересами поземельной аристократіи, законы которой были враждебны интересамъ промышлен-

ныхъ классовъ и между ними должно было произойти столкновеніе. Торгово-промышленный классъ былъ силенъ и въ этомъ столкновеніи онъ естественно одержалъ верхъ. Такимъ образомъ, отмѣна хлѣбныхъ законовъ и паденіе протекціонизма являются слѣдствіемъ развитія торгово-промышленныхъ классовъ въ Англіи и вмѣстѣ съ тѣмъ роста класса капиталистовъ. Мы присутствуемъ тутъ при глубокомъ измѣненіи, совершившемся въ структурѣ общества и проявившемся въ расказанныхъ нами фактахъ. Это были главныя причины. Но для того, чтобы извѣстная причина могла оказать свое дѣйствіе и произошла бы реформа, для этого надо, чтобы сознаніе даннаго общественнаго положенія и путей къ выходу изъ него было бы на лицо въ данномъ обществѣ. Иначе можетъ произойти бунтъ отъ недовольства даннымъ положеніемъ, насиліе надъ существующими учрежденіями, коверканье страны, но не реформа. Положительныхъ результатовъ такое отрицательное движеніе, какъ Разиновщина или Пугачевщина, дать не можетъ. Но разъ сознаніе необходимости извѣстныхъ мѣръ распространяется въ обществѣ, то создается такая сила, противостоять которой ничто не въ состояніи и перемѣна происходитъ, такъ сказать, сама собой.

Лига о хлѣбныхъ законахъ провела въ сознаніе правящихъ классовъ и всего общества и мысль о страданіяхъ народа, и идею тѣхъ мѣръ, которыя нужно было осуществить, въ интересахъ промышленности и общественнаго благосостоянія. Роль лиги и ея заслуга заключается въ этомъ поворотѣ общественнаго сознанія, произведенномъ ею въ Англіи и обусловившемъ реформу. Оцѣнивая дѣятельность лиги, мы не должны, однако, забывать того, что она дѣйствовала въ странѣ, уже вѣками нажившей извѣстный уровень политической свободы. Безъ этого, такъ сказать, нравственнаго или, вѣрнѣе говоря, культурнаго капитала, нажитаго предыдущими поколѣніями Англіи, едва ли была возможна та широкая и покойная пропаганда мысли, которой свидѣтелями вы были.

Лига произвела движеніе, но главнымъ руководителемъ этой силы, вынесшимъ на плечахъ своихъ все движеніе, былъ Кобденъ. Сила его убѣжденій и настойчивость проявлялись на столько, что даже тѣ, кто былъ съ нимъ не согласенъ по вопросу объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, потомъ пошли за нимъ. Яркимъ примѣромъ является Робертъ Пиль, противникъ Кобдена сначала и побѣжденный его доводами потомъ. Но нельзя сказать про многихъ

членовъ его партіи, что они ни шли рядомъ съ Кобденомъ, не умаляя изъ заслуги, нельзя однако отрицать, что главная, огромная роль по проведенію идеи свободной торговли въ общественное сознаніе принадлежитъ Ричарду Кобдену. Это признавали всѣ современники, а съ ними признаетъ и исторія. Ему принадлежитъ также и заслуга распространенія въ другихъ государствахъ Европы свободной торговли, хотя и въ ограниченномъ видѣ. Еще и въ наше время его идея отражается въ системѣ торговыхъ договоровъ, не смотря на волну протекціонизма, охватившую Европу въ послѣднія два десятилѣтія. Всею совокупностью этой работы опредѣляется историческое значеніе Кобдена и освѣщается въ извѣстной степени роль личности въ исторіи. Различны мнѣнія, существующія по этому предмету. Одни утверждаютъ, что личность не играетъ роли въ исторіи и что направленіе и совершеніе событій обусловливается всей совокупностью причинъ, дѣйствующихъ по опредѣленнымъ историческимъ законамъ. Другіе, напротивъ, думаютъ, что именно силами великихъ людей совершаются болѣе или менѣе важныя историческія событія, что они, такъ сказать, „дѣлаютъ исторію“. Придавая значеніе личности въ исторіи, какъ одной изъ дѣйствующихъ причинъ, я позволяю себѣ высказать мысль, что тѣмъ значительнѣе участіе личности въ событіяхъ, чѣмъ крупнѣе ея духовныя силы. Это участіе становится замѣтнымъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обществѣ образовалось теченіе, во главѣ котораго становится крупная личность. Само собою, въ силу вещей, она становится во главѣ его и ускоряетъ его силой своего сознанія, освѣщая предстоящій путь и увлекая за собой колеблющихся и медлящихъ. Въ другомъ случаѣ, когда общественныя теченія находятся въ состояніи равновѣсія и когда общество можетъ отъ того или иного толчка пойти по тому или иному направленію, сильная личность, приставъ къ одному изъ этихъ теченій, даетъ перевѣсъ ему и тѣмъ самымъ опредѣляетъ дальнѣйшее направленіе исторіи, по крайней мѣрѣ на ближайшее время. Таково было значеніе Наполеона на рубежѣ между XVIII и XIX вѣками во Франціи. Такимъ же крупнымъ лицомъ, ставшимъ во главѣ уже намѣтившагося теченія и сильно ускорившимъ движеніе въ данномъ направленіи, былъ Петръ Великій. Къ группѣ дѣятелей послѣдняго рода надо отнести и Кобдена.

Когда мы останавливаемся на созерцаніи личностей, подобныхъ Кобдену, то это не только пріятно для нашего умственнаго взора, но вызываетъ наше удовольствіе еще и въ томъ отношеніи,

что мы переживаемъ лучшія гуманныя чувства и въ насъ укрѣпляется вѣра въ человѣчество и прогрессъ его. Когда видишь такую хрустально-чистую личность, какъ Кобденъ, беззавѣтно жертвующую своими личными интересами для общественнаго блага, у самого поднимается душа въ груди и зарождается желаніе слѣдовать по стопамъ такихъ людей. Тогда невольно покидаешь пессимистическій взглядъ на людей, которые порою овладѣваютъ нами, подъ давленіемъ тяжелыхъ впечатлѣній несуразной общественности. Но скажутъ намъ: „Развѣ можно заурядному человѣку помышлять идти въ ногу съ такими гигантами и подражать ихъ общественному дѣлу?“

На такое сомнѣніе я позволю себѣ отвѣтить словами біографа Кобдена Джона Морлея. Онъ говорилъ въ одномъ изъ общественныхъ собраній: „Намъ ясно, что не только благосостояніе массъ, но и шансы появленія въ привилегированной части общества генія умственнаго или нравственнаго болѣе высоки въ томъ обществѣ, въ которомъ интеллигентность, любознательность и способности средняго человѣка возрасли. Мы не можемъ, подобно Бетховену или Генделю, силой божественной мелодіи возносить души на седьмое небо несказанныхъ видѣній и безконечныхъ надеждъ; мы не можемъ, подобно Вольтеру, жечь пламеннымъ глаголомъ то, что жестоко и лживо, ни подобно Мильтону и Борку, возбуждать въ сердцахъ звукъ трубный... Но есть вещь, которую мы всѣ можемъ сдѣлать, есть вещь, на которую способенъ самый слабый изъ насъ въ этой большой залѣ: онъ можетъ, съ рвеніемъ пользуясь своимъ разумомъ и усердно ища случая помочь другимъ въ ихъ развитіи, содѣйствовать расширенію того потока, сила и направленіе котораго рѣшаютъ судьбу благополучного движенія человѣчества“.

Покупка векселей въ Кіевѣ.

Покупка векселей практикуется въ кіевской конторѣ въ теченіе 13 лѣтъ слишкомъ, а въ Россіи вообще она была введена еще раньше, а именно въ 1889 году. За два года передъ тѣмъ (2 іюня 1887 г.) было Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ постановлено было ввести въ практику Государственнаго банка покупку и продажу векселей. Для осуществленія этого постановленія были изданы 20 іюня 1889 года правила этой операціи, которая, для начала дѣла, была введена только въ петербургской конторѣ. Главныя основанія этихъ правилъ заключаются въ слѣдующемъ. Учетнымъ комитетомъ составляется списокъ тѣхъ фирмъ, векселя которыхъ могутъ быть принимаемы путемъ покупки и при этомъ опредѣляется и предѣлъ, до котораго векселя данной фирмы могутъ быть принимаемы. Векселя принимаются отъ просителей ихъ, причемъ не требуется, чтобы послѣдніе имѣли предварительно открытый кредитъ въ банкѣ по предъявительству. Важнымъ основаніемъ покупки первоклассныхъ векселей представляется право, данное управляющему конторою банка, дѣлать скидку съ нормальнаго учетнаго процента до $^3/_4\,^0/_0$, смотря по состоянію денежнаго рынка. Эти два послѣднихъ основанія: пріемъ векселей не только отъ лицъ, пользующихся кредитомъ, и право управляющаго учрежденіемъ банка дѣлать скидку въ дисконтѣ, ставили эту операцію въ такое положеніе, что она становилась болѣе эластичной, способной примѣниться къ даннымъ условіямъ мѣста и времени торговаго оборота. Человѣкъ, имѣющій въ рукахъ первоклассный вексель, могъ имѣть увѣренность, что онъ скоро и безъ особыхъ формальностей можетъ по-

мѣстить его и притомъ по дисконту, соотвѣтствующему условіямъ мѣстнаго рынка для подобныхъ цѣнностей. Это, конечно, создавало благопріятныя условія для вексельнаго обращенія, что для страны, бѣдной капиталами, очень важно.

Цѣль введенія этой операціи, какъ она была опредѣлена въ докладѣ дѣла Государственному Совѣту, заключалась въ томъ, чтобы отвлечь первоклассные векселя отъ учета за границей и, кромѣ того, привлечь ихъ въ портфель Государственнаго банка. Послѣдняя цѣль достигалась именно возможностью пониженія по нимъ дисконта, такъ какъ жизнь свидѣтельствовала, что частные банки дѣлаютъ скидки по первоклассным векселямъ и притомъ берутъ не одинаковый процентъ, въ разныхъ городахъ, глядя по условіямъ мѣстнаго рынка, тогда какъ Государственный банкъ одинаково учитываетъ векселя завалящіе и первоклассные и держитъ одинъ и тотъ же процентъ какъ въ Читѣ, такъ и въ Варшавѣ, какъ въ Волгодѣ, такъ и въ Одессѣ, независимо отъ разнообразія экономическихъ условій.

Въ новый уставъ Государственнаго банка, утвержденный въ 1894 году, была введена статья о покупкѣ векселей. Въ этомъ уставѣ объ этой операціи говорится въ ст. ст. 72 и 165. Этимъ введеніемъ въ уставъ Государственнаго банка операціи покупки векселей не оставлялось сомнѣнія въ томъ, что изданныя до того распоряженія по этой операціи должны получить дальнѣйшее развитіе.

Дѣйствительно, еще до изданія новаго устава Государственнаго банка, въ маѣ 1894 года, операція покупки векселей была распространена на провинціальные крупные филіалы Государственнаго банка, а именно на конторы: варшавскую, кіевскую, московскую, одесскую, рижскую, ростовскую и харьковскую и на таганрогское отдѣленіе. Основанія этой операціи остались тѣ же, что и прежде.

Практика операціи покупки векселей въ Петербургѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: сначала она идетъ быстро, потомъ постепенно сокращается въ 1890—1892 годахъ, затѣмъ въ 1893 году, наканунѣ новаго устава, она дѣлаетъ сильный скачекъ впередъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ въ 1894 году замереть совершенно въ мартѣ мѣсяцѣ этого года, т. е. какъ разъ передъ тѣмъ моментомъ, когда въ маѣ она была распространена на провинціальныя учрежденія Государственнаго банка. Слѣдующія цифры под-

тверждаютъ эту характеристику движенія операціи въ Петербургѣ.

Годы.	Суммы купленныхъ векселей тыс. рублей.
1889	7.720
1890	5.042
1891	3.921
1892	1.638
1893	12.802
1894 (до марта).	500

Повидимому, послѣ этого срока операція покупки векселей, какъ будто, прекратила свою жизнь въ петербургской конторѣ. Только въ Кіевѣ операція покупки векселей получила развитіе и сохранилась до сего времени. Но и тутъ она на первыхъ порахъ встрѣтила колебанія и сомнѣнія. Поглощающее значеніе въ Кіевѣ принадлежитъ сахарной промышленности. Всѣ остальныя отрасли промышленности и торговли передъ нею или стушевываются, или же отъ нея зависятъ. Нельзя не согласиться, что для мѣстнаго сельскаго населенія эта промышленность играетъ большую роль, доставляя большой источникъ заработка. Нельзя не отмѣтить и того факта, что продолжительность производства сахара въ тѣсномъ смыслѣ этого слова очень коротка, всего два-три мѣсяца, а если взять и періодъ обработки свеклы, то это составитъ полгода. На этотъ періодъ требуется, и въ особенности на періодъ варки сахара, большой капиталъ. Имѣть для этого полностью собственный капиталъ невыгодно, такъ какъ онъ обреченъ полгода оставаться безъ употребленія, а это сильно удорожило бы продуктъ или до нельзя сократило бы прибыль. Ясно, слѣдовательно, что для сахарнаго оборота требуется большой кредитъ. Тогда были на лицо два средства его пріобрѣтенія: такъ называемые финансовые векселя и отдача сахара на переработку. Перваго рода кредитъ сопряженъ съ нѣкоторымъ рискомъ, главнымъ образомъ потому, что трудно сказать, гдѣ кончается раціональное пользованіе имъ и гдѣ начинается злоупотребленіе кредитомъ, облегчаемое существованіемъ въ городѣ нѣсколькихъ банковъ. Тѣмъ не менѣе, финансовые векселя кіевскихъ сахарозаводчиковъ находили помѣщеніе и въ заграничныхъ банкахъ. Другой путь, переработка—путь довольно дорогой и обременительный. Рафинеры брали съ песочниковъ по

90 к. и по рублю съ пуда за переработку. Но возможенъ былъ и третій путь кредита, который могъ оказаться и не рискованнымъ, и болѣе дешевымъ. Это—пріобрѣтеніе путемъ покупки векселей первоклассныхъ рафинеровъ, выданныхъ или за сданный сахаръ, или въ счетъ купленнаго сахара. Въ сахарномъ оборотѣ рафинеры играютъ очень большую роль. 70 % сахара, идущаго на рынокъ всей Россіи, проходитъ предварительно черезъ ихъ заводы, не говоря уже о томъ, что они являются отчасти и продавцами песка. Дѣло ихъ требуетъ значительнаго основного капитала, и по силѣ своей они оставляютъ далеко позади себя владѣльцевъ песочныхъ заводовъ. Ихъ кредитоспособность поэтому настолько больше таковой же песочниковъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ можно вполнѣ основываться именно на ней, принимая вексель, а такъ какъ они являются векселедателями, то это значило базировать пріемъ векселя не на предъявителѣ, а на векселедателѣ, причемъ, въ силу данныхъ отношеній, значеніе предъявителя стушевывалось. Для развитія такого рода учета существовавшія правила покупки векселей давали кіевской конторѣ подходящее орудіе. Слѣдующая таблица показываетъ ходъ операціи съ 1894 г. по 1906 г. включительно, причемъ рядомъ поставлено и движеніе обыкновеннаго учета. Суммы, въ тыс. р.:

Годы.	Покупка.	Обычный учетъ.	Сумма полученныхъ процентовъ.	
			по покупкѣ.	по учету.
1894 . . .	651,4	15.498,2	12,2	197,3
1895 . . .	3.128,4	16.469,2	81,0	205,4
1896 . . .	7.654,3	9.902,5	196,2	248,7
1897 . . .	11.967,0	6.486,7	258,0	151,9
1898 . . .	19.434,2	7.060,0	433,7	140,5
1899 . . .	23.279,5	14.318,2	636,4	346,3
1900 . . .	21.525,9	13.547,9	564,0	356,3
1901 . . .	25.978,0	14.413,1	696,8	333,7
1902 . . .	26.108,9	14.417,7	608,0	283,2
1903 . .	34.267,8	12.769,7	693,2	253,0
1904 . . .	21.574,9	10.165,9	531,6	221,6
1905 . . .	22.679,8	13.248,1	346,6	185,1
1906 . . .	30.636,5	12.381,0	980,7	338,3
Всего . .	249.186,0	160.598,0	6.038,4	3.281,3

Итакъ, въ теченіе неполныхъ тринадцати лѣтъ путемъ покупки было принято векселей на 249 милл. и было получено процен-

товъ по нимъ 6,038 т. р. Въ теченіе своего существованія въ конторѣ покупка векселей пережила два испытанія: кризисы 1899 г. и 1905 г. Они были различнаго рода. Первый изъ нихъ заключался въ сокращеніи на европейскомъ рынкѣ оборотныхъ капиталовъ. Спеціально въ кіевскомъ раіонѣ ему предшествовала эпоха грюндерства въ области сахарной промышленности. Эта горячка питалась дешевизной капитала, когда же послѣдній сократился и, подъ вліяніемъ трансваальской войны, сжался совсѣмъ, произошло стѣсненіе кредита въ мѣстныхъ банкахъ, поставившее многіе заводы въ затрудненіе, а семь изъ нихъ на край гибели. Благодаря существованію покупки векселей, кіевская контора Государственнаго банка оказалась достаточно эластичной для того, чтобы приспособиться быстро къ возникшему положенію. Не поддаваясь общей паникѣ она открыла кредитъ заводамъ подъ первоклассные векселя и тѣмъ ослабила стѣсненіе и возстановила спокойствіе. Благодаря этому, по общему признанію, многія банкротства были предупреждены, а сама контора прошла черезъ это испытаніе безъ малѣйшей потери. Это произошло отчасти потому, что кризисъ касался только капиталовъ, и потому частичная замѣна послѣднихъ расширеніемъ кредита могла помочь бѣдѣ. Промышленность и торговля не подверглись никакой серьезной болѣзни.

Кризисъ 1905 г. имѣлъ другой характеръ. Это былъ кризисъ политическій, сопровождавшійся болѣзненными симптомами, которые должны были отозваться тѣмъ тяжелѣе, что они слѣдовали за войной. Вслѣдствіе этого произошло разстройство дѣлъ, и нѣкоторыя первоклассныя фирмы пострадали. Между ними оказалась фирма бр. Расторгуевыхъ. Черезъ этотъ кризисъ покупка векселей не прошла безъ пораненій. На 890 т. р. векселей было протестовано и затѣмъ списано на убытки. Раньше того былъ еще протестъ векселей на 75 т. р.; но изъ нихъ только 13 т. р. остались неуплаченными. Какъ бы то ни было, оказывается, что за все время, на которое приходится два кризиса, изъ которыхъ въ теченіе второго были прерываемы желѣзнодорожныя, почтовыя и телеграфныя сношенія (это нанесло Расторгуевымъ смертельный ударъ), покупка векселей понесла потерь 903 т. р. Абсолютно эта цифра велика; но что она составляетъ къ общей массѣ купленныхъ векселей? $0{,}_{36}\,^{0}/_{0}$, если считать и 890 т. р. [1]), связанныхъ

---

[1]) Ихъ нельзя признать потерянными, ибо возвратъ большей части ихъ весьма вѣроятенъ.

тѣсно съ кризисомъ 1905 г. и которыхъ нельзя безъ значительной натяжки приписывать какому либо дефекту въ организаціи самой операціи или въ веденіи ея. Если же не считать ихъ, то вся потеря сведется на 13 т. р., или на $0{,}005\,\%$. Но даже, если мы остановимся на первомъ процентѣ, то все же придется сказать, что онъ не выше того процента потерь, который дается обыкновеннымъ учетомъ.

Такова исторія покупки векселей въ кіевской конторѣ Государственнаго банка. Перейдемъ теперь къ вопросу о значеніи, какое имѣетъ эта операція въ мѣстной жизни. Какое значеніе имѣетъ она для самой конторы? Одинъ изъ фактовъ, освѣщающихъ этотъ вопросъ, мы затронули только что. Мы видѣли, что отъ этой операціи контора получила процентовъ 6,038 т. р., а за вычетомъ потерь, понесенныхъ на ней, 5,135 т. р. Содержаніе этой операціи очень мало стоитъ. Пріемъ покупныхъ векселей не требуетъ большого дополнительнаго труда, такъ какъ векселя, идущіе этимъ каналомъ, очень крупны, а потому число ихъ невелико. За послѣднія пять лѣтъ оно колеблется между 1,500—1,700 штукъ въ годъ изъ 9,000 векселей, учитывающихся обыкновенно въ конторѣ. Средняя величина покупныхъ векселей за послѣднія пять лѣтъ колеблется между 14—$17^1/_2$ тыс. Слѣдующая таблица даетъ представленіе о движеніи какъ числа векселей, такъ и ихъ средней валюты за послѣднія пять лѣтъ (съ 1901 г. по 1907 г.).

Таблица числа, суммы и средней валюты купленныхъ векселей:

Годы.	Число векселей.	Сумма ихъ тыс. руб.	Средняя валюта.
1901 . . .	1.594	25.978	16.297
1902 . . .	1.757	26.108	14.859
1903 . . .	1.929	34.267	17 764
1904 . . .	1.382	21.574	15.612
1905 . . .	1.328	22.679	17.379
1906 . . .	1.768	30 936	17.498

Изъ этой комбинаціи цифръ мы приходимъ къ тому выводу, что изъ 5,135 т. р. процентовъ, полученныхъ по операціи покупки векселей, на расходы по содержанію ея приходится такъ мало, что всю эту сумму можно признать прибылью этой операціи. Но для того, чтобы признать эту прибыль опредѣляющею финансовое значеніе операціи для конторы банка, надо предварительно отвѣ-

тить на вопросъ, поступила ли бы эта сумма въ прибыли конторы безъ участія покупки векселей. Противники этой операціи полагаютъ, что всѣ тѣ векселя, которые поступили путемъ покупки и съ пониженіемъ по нимъ дисконта, поступили бы путемъ обыкновеннаго учета, и что, слѣдовательно, вся та сумма процентовъ, которая была скинута, составляетъ убытокъ банка, принесенный ему этой операціей.

Это разсужденіе было бы основательно, если бы кіевская контора Государственнаго банка была бы монополистомъ не только въ Кіевѣ, но и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и отчасти за границей. Тогда она могла бы взимать сколько угодно процентовъ и все таки удерживать у себя первоклассный матеріалъ. Это разсужденіе старомодныхъ торговцевъ, которые считаютъ, что чѣмъ дороже имъ удается продать товаръ, тѣмъ больше они получатъ въ концѣ концовъ прибыли. Мнѣ кажется, что противники пониженія дисконта никогда не докажутъ, что контора сохранила бы свой портфель или пріобрѣла бы его, не дѣлая никакой разницы въ дисконтѣ между первоклассными векселями и рядовыми. Напротивъ, съ фактами въ рукахъ можно доказать противное. Когда съ момента объявленія русско-японской войны дисконтъ въ банкѣ былъ поднятъ и въ то же время, подъ вліяніемъ оглушающаго впечатлѣнія войны, онъ еще болѣе поднялся на свободномъ рынкѣ, векселя массой пошли въ контору. Затѣмъ, когда во второй половинѣ года дисконтъ на свободномъ рынкѣ понизился настолько, что контора не могла конкуррировать съ частными банками, первоклассные векселя уходятъ отъ нея. Результатъ былъ слѣдующій: въ первую половину года было принято покупныхъ векселей на 14,246 т. р., тогда какъ во вторую ихъ было пріобрѣтено только на 7,325 т. р. Тѣ же условія продолжались и въ первой половинѣ 1905 года, и что же? Съ января по 1 марта, т. е. до момента, когда обыкновенно сахарный портфель достигаетъ своей максимальной величины, покупной портфель съ 6,820 т. р. поднялся только до 7,352 т. р., тогда какъ его средняя величина за послѣднія пять лѣтъ была къ этому числу $17_{,6}$ милл. р. Такимъ образомъ, недоборъ оказался въ $10_{,4}$ милл. Затѣмъ, какъ это обыкновенно бываетъ, портфель началъ сокращаться и продолжалось это сокращеніе до 22 августа, когда онъ достигъ своего минимума 1,332 тыс. р. Въ это время появились нѣкоторые симптомы денежнаго стѣсненія; но все же банки имѣли еще возможность брать векселя по проценту, одинаковому съ конторой. Вслѣдствіе этого

портфель послѣдней хотя и сталъ подниматься, но очень медленно и незначительно. Къ 1 октября онъ поднялся только до 2,757 т. р., т. е. удвоился, а къ 1 ноября до 4,296 т. р. Но вотъ въ половинѣ октября произошли событія, которыя совершенно измѣнили положеніе денежнаго рынка. Забастовки, погромы, отливъ капиталовъ за границу, все это вмѣстѣ сократило капиталы, предлагаемые обыкновенно къ услугамъ промышленности и торговли. Вклады изъ банковъ были взяты въ очень большомъ количествѣ. Они, въ силу всего изложеннаго, не могли не только учитывать векселя ниже конторы, но даже сохранить свой портфель. Они сильно сократили свой учетъ. Вслѣдствіе этого вся масса векселей потекла въ портфель конторы, и онъ сталъ расти не по днямъ, а по часамъ. Къ 1 декабря онъ возросъ до 12,715 т. р, а къ первому января до 19,106 т. р., т. е. увеличился въ четыре съ половиной раза. 1906 годъ, въ особенности въ своей первой половинѣ, былъ продолженіемъ конца 1905 года, и потому мы видимъ, что въ этомъ послѣднемъ году было куплено векселей почти столько же, какъ и въ 1903 году, когда банковый дисконтъ не былъ очень великъ, и потому при скидкѣ въ процентѣ контора могла привлекать въ свой портфель первоклассные векселя.

Эти факты, на мой взглядъ, служатъ наглядным доказательствомъ того, что при невозможности брать тотъ процентъ по первоклассным векселямъ, который берется по нимъ на свободномъ рынкѣ, контора не можетъ разсчитывать удержать за собой эти векселя и по необходимости должна терять часть своего портфеля, на который она, по условіямъ своей дѣятельности, имѣетъ преимущественное право. Такимъ образомъ, идея о томъ, что и безъ скидокъ можно было бы сохранить этотъ портфель, должна быть оставлена. Мало того, слѣдуетъ обратить вниманіе именно, на основаніи опыта (невольнаго, правда) 1904 и 1905 гг., на то, сколько контора потеряла вслѣдствіе того, что она въ концѣ этого года и въ началѣ 1905 года не могла дѣлать нужной скидки по покупным векселямъ. Приблизительный подсчетъ показываетъ, что она не добрала въ своей прибыли 246 т. р., между тѣмъ, если сдѣлать разсчетъ въ предположеніи, что она на всемъ покупномъ портфелѣ сдѣлала скидку въ $^3/_4\,^0/_0$, чего никогда не бывало, то и тогда бы она уступила 141 т. р. Что же, спрашивается, выгоднѣе: не уступить 141 т. р. и потерять 264 т. р., или же уступить 141 т. р., чтобы выиграть 246 т. р.? Это отвѣта не требуетъ.

Возможно еще предположеніе, что покупка развивалась за

счетъ учета конторы, т. е., что въ покупку шли векселя, которые прежде шли въ учетъ. Если бы это было такъ, то можно было бы наблюдать то явленіе, что по мѣрѣ развитія покупки падаетъ учетъ конторы. Изъ таблицы, которая нами приведена выше, видно, однако, что, учетъ не падаетъ по мѣрѣ развитія покупки векселей. То онъ поднимается вмѣстѣ съ нею, то падаетъ. При этомъ его движеніе не связано съ движеніемъ покупки, и это понятно: въ обыкновенномъ учетѣ играютъ главную роль не сахарные векселя, а въ покупкѣ, наоборотъ, дѣйствуютъ только эти послѣдніе. Движеніе тѣхъ и другихъ можетъ находиться въ зависимости отъ причинъ различныхъ и дѣйствующихъ въ разныхъ направленіяхъ. Если взглянемъ на прибыль отъ обыкновеннаго учета, то увидимъ, что съ развитіемъ покупки она не сократилась. Прибыль отъ покупки, какъ мы видѣли выше, составила за всѣ 13 лѣтъ (съ 1894 г. по 1896 г.) 6,038 т. р., т. е. по 464 т. р. въ годъ, если же взять послѣднія девять лѣтъ, съ 1898 года, когда эта операція достигла развитія, то получимъ 610 т. р. въ годъ. Прибыль отъ учета обыкновеннаго до 1894 года колебалась между 171 т. р. и 210 т. р. въ годъ. За время съ 1894 г. по 1906 г. она равна въ среднемъ 252 т. р. въ годъ. При этомъ въ годы до 1898 года, когда покупка еще не развилась, прибыль отъ учета составляетъ 200 т. р. въ годъ, тогда какъ послѣ этого года ея средняя величина повысилась и составляетъ 279 т. р. въ годъ. Такимъ образомъ, очевидно, что покупка векселей нисколько не повліяла уменьшающимъ образомъ на учетъ конторы, а, присоединившись къ нему, въ значительной степени увеличила портфель конторы, и главнымъ образомъ первоклассными векселями, которые прежде были въ другомъ мѣстѣ, а отчасти и не существовали вовсе. Это видно изъ сравненія портфеля конторы банка съ портфелемъ другихъ мѣстныхъ банковъ. Въ 1894 году онъ составлялъ половину портфеля послѣднихъ, а потомъ, съ развитіемъ покупки, портфель конторы сталъ равняться совокупности портфеля всѣхъ банковъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Изъ всего изложеннаго съ несомнѣнною ясностью вытекаетъ тотъ выводъ, что покупка векселей имѣетъ большое финансовое значеніе для конторы банка, которымъ пренебрегать было бы грѣшно. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще то, что эта операція вполнѣ соотвѣтствуетъ задачамъ банка, какъ эмиссіоннаго учрежденія. Она даетъ ему портфель краткосрочный и легко реализуемый. Взглянемъ на нижепомѣщенную таблицу. Изъ нея видно, что

изъ года въ годъ портфель покупныхъ векселей колеблется въ значительныхъ размѣрахъ. Начиная расти въ концѣ августа или въ началѣ сентября, въ зависимости отъ начала сдѣлокъ съ сахаромъ новой кампаніи, онъ достигаетъ къ марту своей наибольшей величины, равняющейся иногда 25 милліонамъ. Потомъ онъ начинаетъ падать и къ концу августа или къ началу сентября доходитъ даже до 4,449 т. р., сокращаясь, такимъ образомъ, на 82 % своей величины. Такая реализація портфеля представляется довольно рѣдкой и, сколько я знаю, не присуща портфелю другого рода. Кромѣ того, опытъ 1904 г. показалъ, что покупной портфель сократился къ 1 января 1905 г., сравнительно съ 1 января 1904 года, на 13 милліоновъ рублей, 1 января 1904 г. у насъ ихъ было на 20,122 т. р., а къ 1 января 1905 г. у насъ ихъ осталось только 6,820 т. р. Они намъ сказали: „вы не хотите насъ, хорошо, мы уйдемъ въ другое мѣсто и кланяться вамъ не будемъ“, и ушли, ибо ихъ всюду принимаютъ съ распростертыми объятіями.

Таблица ежегоднаго движенія покупного портфеля, въ тысячахъ рублей:

Годы.	1 января.	1 марта.	1 сентября.
1898 . . .	6.558	9.538	2.021
1899 . . .	12.448	17 091	3.001
1900 . . .	13.388	14.450	2.416
1901 . . .	13.315	15.904	7.710
1902 . . .	16.197	19.149	5.996
1903 . . .	16.089	19.178	8.634
1904 .	20.106	25.010	4.449
1905 . . .	6 820	7.252	1.732
1906 . .	19.106	19.547	4.938
1907 . . .	22.253	20.772[1]	7.565

Но было бы слишкомъ односторонне судить о значеніи операціи покупки векселей только по финансовой выгодности ея для конторы. Значеніе ея имѣетъ еще и другія стороны, достойныя нашего вниманія. Государственный банкъ призванъ служить отечественной промышленности и торговлѣ, а онъ можетъ это дѣлать

---

[1]) Въ 1906 и въ 1907 годахъ наибольшая величина портфеля приходилась почему то не на 1 марта, а на 1 февраля.

лишь тогда, когда онъ вліяетъ на денежный рынокъ и на экономическую жизнь не только въ томъ смыслѣ, что онъ, повышая или понижая проценты, вліяетъ, и то не всегда, на процентъ, взимаемый другими кредитными учрежденіями. Нѣтъ, это вліяніе должно быть шире. Оно можетъ простираться на самое направленіе оборотовъ, на ихъ характеръ, на отношенія между продавцомъ и покупателемъ. Но для этого вліянія учрежденіе Государственнаго банка должно владѣть первокласснымъ портфелемъ. Кто будетъ прислушиваться къ голосу учрежденія, занимающагося, такъ сказать, розничной торговлей и располагающаго товаромъ средней руки?

Для достиженія указанной цѣли Кіевъ представляетъ благопріятныя условія. Недаромъ здѣсь дѣйствуютъ пять отдѣленій крупныхъ столичныхъ банковъ и одинъ мѣстный банкъ, не считая менѣе значительныхъ учрежденій краткосрочнаго кредита. Полемъ дѣятельности ихъ служитъ сахарная промышленность. По свѣдѣніямъ за кампанію 1904 года, изъ общей массы выпущеннаго песка (63,514 т. п.) на раіонъ кіевской конторы приходится 31,203 т. пудовъ (юго-западныя губерніи, Черниговская и Полтавская) и, кромѣ того, здѣсь же, и въ Харьковской губ. и въ Одессѣ, изготовляется 13,240 т. пуд. рафинада. Если посчитать сахаръ для круглаго счета по 4 р. за пудъ, мы получимъ 124 милл. р., изъ которыхъ болѣе 70 % идетъ на счетъ рафинеровъ. Отсюда ясно, какой значительный кредитъ требуется для оборота съ пескомъ, если даже и вычесть ту часть его, которая идетъ на переработку или же покупается за наличныя. Эти послѣднія доли очень незначительны, причемъ для покупки сахара на переработку все таки требуются средства, ибо въ счетъ этого сахара дается авансъ при сдачѣ, до разсчета, въ размѣрѣ не менѣе 75—85 %. Само собою разумѣется, нѣтъ надобности претендовать на удовлетвореніе этой потребности полностью, но часть ея необходимо должна быть удовлетворена за счетъ банковскаго кредита. Какъ велика эта часть, трудно сказать, и какова та часть, которая выпадетъ въ данномъ году на долю кіевской конторы—сказать еще труднѣе. Это зависитъ отъ движенія денежнаго рынка. Напримѣръ, въ сентябрѣ 1905 года можно было предполагать, что требованіе къ кіевской конторѣ будетъ весьма незначительно; но октябрьскія событія перевернули все, и оказалось, что требованіе было очень велико, хотя и не такъ велико, какъ это было въ 1903 году. Мы можемъ только сказать, что кіевская контора удовлетворяла въ пре-

дѣлахъ серьезной потребности эти требованія. Это видно изъ таблицы, помѣщенной выше, максимальныхъ величинъ ея покупного портфеля, хотя и не весь сахарный портфель помѣщается въ покупномъ портфелѣ. Изъ нея видно, что за послѣднія пять лѣтъ этотъ портфель захватывалъ отъ 19 до 25 милліоновъ, за исключеніемъ 1905 года, когда онъ къ марту дошелъ только до 7 милліоновъ, по причинамъ, разъясненнымъ выше.

То обстоятельство, что контора могла принимать первоклассные векселя и отъ лицъ, не пользующихся кредитомъ по предъявительству, и могла по нимъ дѣлать скидку сообразно состоянію денежнаго рынка, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ характерѣ сдѣлокъ на сахаръ мало по малу стало происходить измѣненіе. Сдѣлки на переработку стали замѣняться сдѣлками на срокъ съ полученіемъ векселей по сдачѣ сахара, или же съ полученіемъ части таковыхъ впередъ. Въ сдѣлкахъ стало часто встрѣчаться такое условіе, что проценты по векселямъ покупщикъ сахара платитъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ будетъ въ моментъ выдачи векселей взимать ихъ кіевская контора по такимъ векселямъ. Такимъ образомъ, покупка векселей сдѣлала кіевскую контору регуляторомъ высоты дисконта на мѣстномъ рынкѣ. Можно утверждать, что она понизила высоту процента для первоклассныхъ векселей. Это вліяніе ея было не только непосредственнымъ, въ предѣлахъ тѣхъ векселей, которые шли въ ея портфель, но и косвенное, чрезъ пониженіе дисконта въ мѣстныхъ банкахъ. Безъ вліянія конторы они едва ли бы дѣлали это пониженіе. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что они вошли бы между собой въ соглашеніе по отношенію къ взиманію процента. До 1897 года они не дѣлали пониженія дисконта для первоклассныхъ векселей въ томъ размѣрѣ, который допускался состояніемъ денежнаго рынка. Съ этого года наступаетъ измѣненіе въ ихъ отношеніи къ сахарнымъ векселямъ. Отчасти тому причиной была дешевизна капиталовъ, отчасти обиліе вкладовъ, а отчасти чувствительный ростъ вліянія конторы банка, начавшей привлекать къ себѣ первоклассные векселя. Они начинаютъ больше интересоваться этими векселями и понижаютъ процентъ по нимъ до возможнаго предѣла.

Къ этому измѣненію присоединяется еще и другое. Чувствуя невозможность оттянуть отъ конторы первоклассный портфель, банки начинаютъ покупать сахаръ подъ видомъ коммиссіи, съ авансомъ или безъ аванса извѣстной суммы, и потомъ отъ себя уже продавать его рафинерамъ. Такимъ образомъ, между песочникомъ

и рафинеромъ сталъ посредникъ, авансировавшій капиталъ на производство сахара и, во всякомъ случаѣ, обезпечивавшій песочнику сбытъ его въ данное время и по заранѣе условленной цѣнѣ. Эта роль банковъ эмансипировала песочниковъ отъ монополіи рафинеровъ и понизила стоимость переработки сахара, т. е. той доли, которая за счетъ песочника шла рафинеру. Такъ сказалось вліяніе покупки векселей, производимой кіевской конторой.

Само собою разумѣется, я не думаю цѣликомъ всѣ указанныя явленія отнести на счетъ этой стороны дѣятельности конторы; но нельзя отрицать причинной связи между этою дѣятельностью и указанными явленіями, признавая въ то же время и значеніе другихъ экономическихъ факторовъ. Особенно сильно сказалось вліяніе конторы въ 1899 г., во время кризиса оборотныхъ капиталовъ. Стоя на стражѣ общихъ интересовъ, она снабдила рынокъ нужными средствами, которыя у него были отняты. Она дѣлала это заблаговременно и тѣмъ не дала страху принять размѣры паники. Она сыграла роль скалы, о которую разбились волны начинавшейся бури. Если бы не было въ рукахъ управляющаго такого средства, какъ покупка векселей, онъ лишенъ былъ бы возможности своевременно придти на помощь рынку, и произошли бы большія банкротства, которыя разорили бы тысячи людей. Достаточно сказать, что только съ четырьмя заводами Горенштейна, которые стали тогда въ затрудненіе, были связаны интересы 20 тысячъ человѣкъ. Впослѣдствіи кіевскій биржевой комитетъ писалъ управляющему кіевской конторой: „введеніе операціи покупки векселей въ кіевской конторѣ Государственнаго банка оказало большое вліяніе на сахарную промышленность. Отсутствіе формальностей, съ которыми связана учетная операція, полная возможность располагать нужными средствами въ моментъ дѣйствительной ихъ надобности, наконецъ возможность получать эти средства по нормамъ ниже противъ общаго учетнаго процента—все это въ значительной степени способствовало оживленію торговыхъ оборотовъ по сахарной промышленности“. Къ этому онъ прибавляетъ, что не можетъ не указать на важное преимущество операціи, заключающееся въ томъ, что она давала возможность получать средства домамъ, не пользующимся кредитомъ въ конторѣ.

Теперь, въ заключеніе нашего очерка, можетъ быть слишкомъ затянувшагося, остановимся на анализѣ вопроса о сущности покупки векселей. Въ чемъ заключается ея существенная особенность, объ этомъ говоритъ биржевой комитетъ: вниманіе обраще-

но не на предъявителя, а на векселедателя. Эта особенность такой операціи вытекаетъ изъ сущности мѣстныхъ экономическихъ отношеній. Главные покупатели сахара—рафинеры. Конечно, главные изъ нихъ настолько сильнѣе песочниковъ, что совершенно естественно преимущественное вниманіе дисконтера обращается не на предъявителя векселя, а на подпись векселедателя. Первый, такъ сказать, стушевывается предъ векселедателемъ. По существу дѣла такое отношеніе къ векселю не такъ далеко стоитъ отъ практики обыкновеннаго учета. Въ самомъ дѣлѣ, переверните картину его вверхъ ногами и вы получите покупку. Въ учетѣ кредитъ открывается предъявителю и затѣмъ кредитъ предъявителя въ значительной степени покрываетъ кредитъ векселедателя. Если кредитъ предъявителя хорошъ и значительно свободенъ, то къ его векселямъ не будутъ очень присматриваться, лишь бы только было убѣжденіе, что это настоящіе векселя, а не дружественныя подписи. Возьмите учетъ въ варшавской конторѣ, гдѣ учитывается въ среднемъ нѣсколько тысячь векселей ежедневно. Развѣ можно серьезно утверждать, что тамъ взвѣшиваютъ всѣ эти векселя, а не берутъ ихъ, такъ сказать, на кредитъ предъявителя. Переверните картину и вы получите отношеніе къ предъявителю первоклассныхъ векселей; здѣсь кредитъ векселедателя покрываетъ кредитъ предъявителя. Послѣдній тоже имущій человѣкъ, онъ продалъ свой товаръ; но кто же изъ дисконтеровъ станетъ задумываться надъ вопросомъ, на кого больше въ данномъ случаѣ положиться — на велико-бобрикское или на харьково-романовское товарищество, или же на векселедателя, вродѣ Харитоненко или Кіевскаго рафинаднаго завода? Если бы этотъ вопросъ онъ поднялъ, то вызвалъ бы смѣхъ людей, знающихъ дѣло. Это не значитъ, что подпись предъявителя ничтожна. Она не можетъ быть таковой въ силу природы дѣла. Онъ продавецъ товара, онъ не можетъ не располагать извѣстнымъ и часто значительнымъ капиталомъ; но въ практикѣ конторы бывали отдѣльные, скажу исключительные члучаи, когда подпись предъявителя дѣйствительно мало стоила; но и въ этихъ исключительныхъ случаяхъ соотвѣтственно поднималась подпись векселедателя или, вѣрнѣе, векселедателей, такъ какъ ихъ въ такихъ случаяхъ бывало нѣсколько. Конечно, могутъ сказать, что опасно предоставлять управляющему такую свободу дѣйствій; но и при полной автоматичности управляющаго и даже всей конторы, какъ это показываютъ примѣры, возможны крупныя потери, какъ результатъ злоупотребленій и равнодушія къ дѣлу. Напротивъ,

только предоставленіемъ мѣстнымъ управляющимъ большей самостоятельности можно обезпечить банковыя учрежденія знающими, способными и энергичными людьми. Что основываніе учета на векселедателѣ не такъ страшно, какъ это кажется людямъ, привыкшимъ основывать его на предъявителѣ, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, тотъ фактъ, что и московскіе и петербургскіе банки ищутъ тѣхъ векселей, которые привлекаетъ къ себѣ кіевская контора, а не боятся ихъ. (Теперь, говорятъ, они боятся ихъ; но это въ силу ихъ неосвѣдомленности о характерѣ момента, переживаемаго теперь сахарною промышленностью). Здѣшніе же банки были бы очень рады, если бы кіевскую контору лишили покупки векселей: тогда бы они забрали къ себѣ всѣ эти векселя, какъ это имъ удалось сдѣлать въ концѣ 1904 г. и въ первой половинѣ 1905 года. Наконецъ, германскій имперскій банкъ, въ которомъ существуетъ покупка векселей, въ одномъ изъ своихъ правилъ говоритъ, что вексель за двумя солидными подписями принимается при условіи, что „не будетъ возникать сомнѣнія, что платежъ поступитъ отъ векселедателя“. Значитъ, банкъ меньше обращаетъ вниманія на предъявителя, чѣмъ на векселедателя. Кіевская контора не справлялась съ нѣмецкими порядками, организуя свою практику. Она брала основанія ея изъ жизни и старалась приспособиться къ жизни, а не подгонять ее подъ установившіяся понятія. Эта практика оправдала себя, и жизнь признала ее. Понесены были, правда, потери въ 1905 году, во время этого всеобщаго кризиса; можетъ быть, въ нихъ надо признать отчасти и вліяніе ошибки, помимо вліянія кризиса; но потери понесены именно въ томъ случаѣ, когда предъявителями были не слабыя, а относительно сильныя фирмы: товарищество, владѣющее двумя заводами, и одинъ крупный землевладѣлецъ-сахарозаводчикъ. Да развѣ обыкновенный учетъ не далъ повышенныхъ потерь въ это время?

Потеря на Расторгуевыхъ послужила поводомъ изданія новыхъ правилъ о покупкѣ векселей, изданныхъ въ мартѣ 1907 г. Существенное значеніе этихъ правилъ составляютъ двѣ стороны ихъ. Первая заключается въ томъ, что ими отчетливо подчеркнуто воззрѣніе на покупку векселей, какъ на учетъ, который отличается отъ обыкновеннаго только тѣмъ, что по покупнымъ векселямъ допускается скидка въ учетномъ процентѣ. Другая сторона заключается въ томъ, что и для предъявителей открывается спеціальный кредитъ. Въ этихъ правилахъ, какъ и въ прежней практикѣ кіевской конторы, основаніемъ операціи признается векселедатель и

съ этою цѣлью предписывается открывать кредиты векселедателямъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ обычномъ учетѣ открываются кредиты предъявителямъ. Можно не соглашаться съ тезисомъ, что между учетомъ и покупкой векселей нѣтъ иной разницы, кромѣ возможности скидки въ учетномъ процентѣ, можно было бы въ подтвержденіе иного взгляда сослаться на мотивы къ уставу Государственнаго банка 1894 года, авторы коихъ думаютъ, что лучше было бы покупку векселей отнести къ тѣмъ частямъ устава, гдѣ говорится о покупкѣ разныхъ цѣнностей; но это вопросъ теоретическій, который можетъ и не имѣть практическаго значенія въ зависимости отъ того, какъ поставлена покупка векселей. Я убѣжденъ, что покупку векселей нельзя смѣшивать съ обычнымъ учетомъ, и что эта операція стоитъ на границѣ между нимъ и покупкой цѣнностей, ближе подходя къ послѣдней; но, повторяю, это вопросъ скорѣе теоріи, чѣмъ практики; съ практической точки зрѣнія гораздо болѣе значенія имѣетъ другая сторона дѣла, а именно, что для предъявителей векселей, которые въ операціи покупки векселей играютъ меньшую роль, чѣмъ та, которую занимаютъ векселедатели въ обычномъ учетѣ, требуется новыми правилами то же предварительное открытіе кредита. Надо, однако, сказать, что правило требуетъ открытія имъ кредита не только сообразно съ ихъ имущественною состоятельностью, но и съ величиной ихъ оборота. Это послѣднее условіе облегчаетъ возможность опредѣлить кредитъ въ нѣсколько высшемъ размѣрѣ чѣмъ это можно было бы дѣлать, соображаясь только съ имущественнымъ цензомъ. Но, и сдѣлавъ эти оговорки, нельзя не указать, что важное практическое измѣненіе въ операціи покупки векселей кроется именно въ этомъ требованіи предварительнаго открытія кредита предъявителямъ первоклассныхъ векселей, независимо отъ того, что открыты уже кредиты векселедателямъ. Значеніе этого нововведенія заключается въ томъ, что оно ставитъ операцію покупки векселей въ болѣе тѣсныя рамки, чѣмъ обыкновенный учетъ. И эти рамки дѣйствительно стѣснительны, даже безотносительно простого учета. Важность покупки векселей заключалась именно въ томъ, что прежде обладатель первокласснаго векселя всегда былъ убѣжденъ, что разъ у него въ рукахъ есть такой вексель, онъ можетъ разсчитывать на его помѣщеніе безъ особыхъ хлопотъ и проволочекъ. Это давало операціи ту эластичность, которая позволяла ей приспособляться къ торговому обороту, а это условіе облегчало послѣдній и содѣйствовало въ обла-

сти сахарной торговли развитію вексельнаго оборота, что весьма важно для денежнаго рынка. Теперь эта эластичность значительно сокращается. Владѣлецъ первокласснаго векселя не можетъ разсчитывать помѣстить его всегда, когда у него явится нужда въ деньгахъ. Онъ долженъ сначала попросить объ открытіи ему предъявительскаго кредита, а такъ какъ, по существу дѣла, всѣ подобные кредиты далеко выходятъ за предѣлы компетенціи конторы, то онъ долженъ подождать, пока соотвѣтствующее постановленіе учетнаго комитета будетъ утверждено совѣтомъ банка въ С.-Петербургѣ. При такихъ условіяхъ владѣлецъ первокласснаго векселя обратится скорѣе къ услугамъ частнаго банка. Каждый изъ банковъ охотно возьметъ у него такой вексель и въ періодъ свободнаго состоянія денежнаго рынка сдѣлаетъ по немъ и возможную скидку въ учетномъ процентѣ. Такимъ образомъ, при свободномъ состояніи денежнаго рынка для сахарной торговли это правило не будетъ имѣть особаго значенія. Но для Государственнаго банка оно будетъ имѣть то значеніе, что часть своего первокласснаго портфеля онъ потеряетъ. Что это положеніе имѣетъ основаніе, служитъ доказательствомъ тотъ фактъ, что во второй половинѣ 1904 года и въ первой половинѣ 1905, когда контора, въ силу высоты своего процента, не могла выдержать конкурренціи частныхъ банковъ, она потеряла часть своего первокласснаго портфеля, какъ указано было выше, тогда контора потеряла десять милліоновъ рублей изъ этого портфеля, что составляетъ потерю въ доходѣ около 300 т. р. Это, конечно, немаловажная вещь; но гораздо большее значеніе получитъ это правило въ періоды стѣсненія денежнаго рынка. Какъ показали примѣры 1899 и конца 1905 года, въ такіе моменты векселя стремительно направляются въ портфель конторы, и тутъ то сказывалось все значеніе того обстоятельства, что контора имѣла возможность принять весь тотъ вексельный матеріалъ, который не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній относительно поступленія денегъ въ срокъ отъ векселедателя. Этимъ облегчался кризисъ и предупреждались затрудненія, результатомъ которыхъ могли быть и банкротства. Новое правило значительно измѣняетъ дѣло и лишаетъ возможности быстро приспособиться къ данному положенію вещей и выступить съ должнымъ содѣйствіемъ денежному рынку. Всѣхъ предъявителей предвидѣть въ спискѣ нельзя. Это показываютъ примѣры текущаго года: въ контору явились такіе кліенты, которыхъ она не видѣла въ своихъ стѣнахъ въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ ни разу и относи-

тельно появленія которыхъ нельзя было впередъ сдѣлать какихъ либо предположеній. Въ такое время все дѣло заключается въ томъ, чтобы удовлетворять потребность въ кредитѣ быстро, разъ только есть хорошій вексельный матеріалъ.

Но, можетъ быть, это стѣсненіе необходимо для обезпеченія интересовъ банка. Практика показываетъ, что эти интересы не подвергались серьезному испытанію и при прежнемъ порядкѣ. Но если тѣмъ не менѣе желательно было усовершенствовать его, то, какъ мнѣ кажется, новое правило пошло дальше той цѣли, которая имѣлась въ виду. Мнѣ кажется, что усовершенствованіе было бы достаточнымъ, если бы правило требовало, чтобы учетный комитетъ, предварительно пріема первокласснаго векселя отъ даннаго предъявителя, опредѣлялъ ту норму, до которой могутъ быть отъ него принимаемы первоклассные векселя лицъ, коимъ открытъ кредитъ по векселедательству. Это рѣшеніе не должно было бы восходить на утвержденіе совѣта банка, какъ не идутъ туда тѣ списки векселедателей, которые составляются учрежденіями банка. Эти опредѣленія комитета могли бы представляться въ центральное управленіе только въ порядкѣ надзора. При такомъ условіи пріемъ первоклассныхъ векселей не былъ бы сопряженъ съ стѣснительною формальностью, а между тѣмъ и урегулированность операціи была бы достигнута въ необходимой и желательной мѣрѣ.

Въ настоящее время мѣстный край переживаетъ сложный кризисъ. Онъ заключается въ томъ, что, во-первыхъ, насъ постигъ неурожай озимыхъ хлѣбовъ и главнымъ образомъ пшеницы. Это лишило мѣстныхъ землевладѣльцевъ значительнаго оборотнаго капи́тала. Какъ велика эта потеря, можетъ служить показателемъ слѣдующій примѣръ. Одинъ землевладѣлецъ Волынской губерніи продавалъ на экспортъ среднимъ числомъ пшеницы на 600 т. р., въ текущемъ году продалъ только на 60 тыс. рублей. Во-вторыхъ, къ этому недостатку оборотнаго капитала, который поступалъ на дѣло сахарной кампаніи, присоединилось стѣсненіе кредита въ банкахъ въ силу американскихъ затрудненій, отразившихся на европейскихъ рынкахъ и тѣмъ лишившихъ наши банки части ихъ рессурса. Въ-третьихъ, сахарная промышленность испытываетъ еще затрудненіе въ сбытѣ сахара и отъ пониженія цѣны его, какъ слѣдствія пересолненія рынка. Этотъ сложный кризисъ вызвалъ чувство страха среди сахарозаводчиковъ. Они боялись того, что кіевская контора стѣснитъ кредитъ и тѣмъ поставитъ

ихъ въ безысходное положеніе. Этого не случилось, такъ какъ предъявительскіе списки были утверждены банкомъ въ довольно широкихъ нормахъ, и, кромѣ того, Государственный банкъ разрѣшилъ выдавать ссуды подъ сахаръ впредь до марта мѣсяца 1908 г. Къ тому же составился консорціумъ для вывоза излишковъ сахара, которому Государственный банкъ предоставилъ тоже нѣкоторый кредитъ. Наконецъ, и между рафинерами также состоялось соглашеніе относительно количества производства рафинада. Все это, вмѣстѣ взятое, значительно ослабило напряженность положенія и сдѣлало то, что дѣла приняли болѣе спокойное теченіе.

Объ образовательномъ значеніи исторіи[1].

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ,

читанная 20-го декабря 1907 года.

I.

Границы исторіи.

Много лѣтъ тому назадъ мнѣ приходилось, преподавая, говорить о значеніи исторіи среди гимназическаго образованія. Разумѣется, что тогда мнѣ приходилось говорить и о значеніи этого предмета въ числѣ другихъ наукъ, составляющихъ область человѣческаго знанія.

Въ настоящее время снова приходится взяться за тотъ же вопросъ и сдѣлать его предметомъ моей настоящей бесѣды. Послѣдняя представляетъ для меня интересъ, тѣмъ болѣе, что за тотъ большой періодъ времени многое въ постановкѣ историческаго знанія измѣнилось: то, что тогда представлялось совершенно яснымъ, то, что казалось совершенно незыблемымъ и прочнымъ послѣ работъ какъ историковъ, такъ и соціологовъ, отставлено было на второй планъ; кое что было измѣнено, а кое что перешло въ область другихъ наукъ. Достаточно сказать, что когда мнѣ въ семидесятомъ году приходилось читать свой курсъ, тогда не раз-

---

[1]) Матеріаломъ при составленіи настоящихъ лекцій послужили мнѣ отчасти мои записки по исторіи, дидактикѣ и методикѣ исторіи, которыя я составилъ въ 1870 году для моихъ ученицъ VIII класса Одесской Маріинской Городской Общественной гимназіи, а затѣмъ слѣдующія сочиненія, которыми я пользовался тогда, при составленіи этихъ записокъ, и болѣе

вилась еще подъ руками Спенсера та наука, которая основана была Контомъ и получила названіе Соціологіи. Между тѣмъ какъ въ настоящее время эта наука завоевала себѣ довольно широкое мѣсто въ области человѣческаго знанія и въ ней образовалось нѣсколько направленій. Очень часто то, что относилось по тогдашнимъ понятіямъ къ исторіи, теперь относятъ къ соціологіи.

Что касается самого предмета исторіи, то названіе его до такой степени неопредѣленно, что оно употребляется въ самомъ разнообразномъ смыслѣ, со всевозможными оттѣнками. Первоначальное его значеніе: „говорю о томъ, что я узналъ; говорю о томъ, что я знаю". Но въ настоящее время подъ „исторіей" разумѣется не только разсказъ о совершившихся событіяхъ, но подъ ней разумѣется изложеніе явленій существующихъ. Такъ, напр., естественная исторія, какъ всѣмъ извѣстно, занимается главнымъ образомъ явленіями существующими. Или если говорятъ „французская исторія", то этимъ самымъ не только говорятъ объ изложеніи событій прошлой французской жизни, но разумѣютъ и самыя событія. У иныхъ народовъ даже слово „исторія" замѣняется словомъ „дѣло", „дѣянія". Но какъ бы разнообразны ни были тѣ смыслы, въ которыхъ употребляется слово „исторія", все таки нужно сказать, что наиболѣе общій смыслъ этого названія относится къ изученію про-

---

новыя сочиненія, которыми я пользовался теперь, готовясь къ настоящимъ лекціямъ.

Стасюлевичъ. Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи.

Стронинъ. Исторія и методъ.

Милль. Система логики.

Auguste Comte. Cours de Philosophie positive, t. IV.

K. Schmidt. Gymnasial-Pädagogik.

K. A. Müller. Ueber den Geshichtsunterricht auf Schulen.

Droysen. Grundriss der Historik.

Diesterweg. Wegeweiser zur Bildung für deutsche Lehrer. (Помѣщенныя тамъ статьи Пранге, переведенныя отчасти въ журналѣ „Воспитаніе" 1863 г.).

Кемницъ. О преподаваніи исторіи (Журналъ „Учитель", 1866 г.).

Stiel. Der vaterländische Geschichtsunterricht in unseren Elementarschulen. (см. журналъ „Воспитаніе", 1863 г. № 7).

Спенсеръ. Изученіе соціологіи. 1874 г.

Карѣевъ. Введеніе въ изученіе соціологіи. 1907.

Его-же. Основные вопросы философіи исторіи 1887 г.

Его-же. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. 1890 г.

Арнольди С. С. (Лавровъ П. Л.). Задачи пониманія исторіи. 1903 г.

шедшаго; но не къ изученію всякаго прошедшаго, а къ изученію прошедшаго человѣческой жизни, и притомъ не всякой человѣческой жизни, а лишь жизни общественной; притомъ не всякаго общества, а только измѣняющагося.

Такимъ образомъ, исторія есть наука о прошлой общественной жизни человѣка, поскольку таковая подвергалась измѣненію. Гдѣ нѣтъ измѣненія, тамъ нѣтъ и исторіи. Идя далѣе, мы должны указать границы, отдѣляющія этотъ предметъ отъ другихъ сродственныхъ ему наукъ, какъ, напр., соціологіи, государственнаго права, политической экономіи и другихъ общественныхъ наукъ. Соціологія представляетъ собою науку объ обществѣ; исторія тоже наука объ обществѣ. Такимъ образомъ, предметъ обѣихъ наукъ одинъ и тотъ же, но гдѣ же грань? Дѣло въ томъ, что обѣ науки разно смотрятъ на свой предметъ. Соціологія представляетъ собою науку абстрактную; когда соціологъ смотритъ на данную общественную структуру, то его интересуетъ вопросъ, какія измѣненія въ этой общественной структурѣ должны произойти въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ измѣненій частей ея. Историкъ, подходя къ тому же моменту данной общественной жизни, говоритъ намъ о томъ, какія измѣненія произошли въ прошлой общественной структурѣ и почему произошли. Изъ этого и видна разница между этими двумя науками. Первая, т. е. соціологія, разсматриваетъ явленія абстрактно, внѣ времени, внѣ даннаго пространства, другая, т. е. исторія, разсматриваетъ вопросы конкректно, въ данное время, въ данномъ пространствѣ. Если же исторія и выработала законы, то опять таки изучаетъ ихъ дѣйствіе въ опредѣленныхъ условіяхъ. Если бы можно было путемъ сравненія выяснить отношеніе этихъ двухъ наукъ, то слѣдовало бы изобразить дѣло такъ: соціологія въ области общественныхъ наукъ занимаетъ такое же мѣсто, какое біологія въ сферѣ естественныхъ наукъ. Какъ ботаника, минералогія и геологія, такъ и зоологія представляютъ собою отдѣльныя конкретныя естественныя науки, но біологія по отношенію къ минералогіи, ботаникѣ или зоологіи представляетъ собою науку отвлеченную отъ всѣхъ названныхъ наукъ. Такимъ образомъ, соціологія занимаетъ мѣсто абстрактной науки, пользующейся выводами всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ, какъ, напр., политической экономіи, государственнаго права, исторіи и философіи права, исторіи литературы и т д.

Мы видимъ такимъ образомъ, что рядомъ съ соціологіей существуютъ еще другія науки, соприкасающіяся съ исторіей и со-

ставляющія, такъ сказать, пограничныя съ нею области. Возьмемъ для примѣра политическую экономію. Поскольку политическая экономія представляетъ собою теоретическую науку, постольку она не входитъ въ область исторіи; поскольку же экономистъ занимается развитіемъ историческихъ судебъ экономическихъ явленій, какъ, напр., исторіи капитала, исторіи торговли, исторіи промышленности, исторіи заработной платы и т. д., постольку все это входитъ ужъ въ область исторіи. Сравнительно недавно получила права гражданства историческая школа въ политической экономіи; основатель ея, нѣмецъ Рошеръ, по спеціальности былъ историкомъ, причемъ свои историческія воззрѣнія онъ и внесъ въ эту новую обработку политической экономіи. То же можно сказать о наукѣ права. Прежде полагали, что право вытекало изъ неизмѣнныхъ принциповъ, лежащихъ, такъ сказать, въ натурѣ человѣка. Но за симъ оказалось, что это далеко не такъ. Право не есть что-то неизмѣнное; напротивъ, правовыя понятія подвергаются измѣненіямъ, иногда столь неяснымъ, что бываетъ трудно отмѣтить, въ какой именно моментъ произошло данное измѣненіе. Измѣненія права происходятъ подъ вліяніемъ измѣненій общественныхъ условій, нравственныхъ воззрѣній, чувствъ и т. д. и поскольку измѣненія общественныхъ условій жизни человѣка вліяютъ на измѣненіе правовыхъ идей, постольку создается исторія права, входящая въ область общей исторіи. Поскольку теорія государства или теорія юридическихъ отношеній разсматриваются внѣ связи съ историческими условіями, теоретически, постольку онѣ являются предметомъ отдѣльной науки, не входящей въ исторію, хотя и граничащей съ нею. Но едва ли какой нибудь историкъ могъ бы обойтись безъ знакомства съ основаніями государственнаго или международнаго права. Такъ, напр., вы вспоминаете исторію англійской конституціи въ XVII-омъ вѣкѣ, или вы изучаете тѣ реформы, которыя сдѣлалъ Гладстонъ. Вы тѣмъ самымъ изучаете исторію англійской конституціи. Но если вы, отвлекшись отъ фактовъ, игнорируя отдѣльные акты, попытаетесь изложить тѣ основанія, на которыхъ покоится англійская конституція, изложите сущность ея, вы уже выйдите изъ предѣловъ исторіи и войдете въ область государственнаго права. Что касается исторіи литературы, исторіи философіи, исторіи религіи, то всѣ онѣ, въ сущности говоря, составляютъ части общей исторіи человѣка, и относятся къ послѣдней какъ части къ своему цѣлому.

Мы пока говорили о наукахъ, занимающихъ положеніе ря-

домъ съ исторіей, которыя изучаютъ человѣка историческаго. Но есть науки, которыя ставятъ своимъ объектомъ человѣка или до того, какъ онъ становится предметомъ историческаго изслѣдованія, или же разсматриваютъ его, хотя бы и въ ту пору, какъ началась уже его исторія; но не съ исторической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія его племенныхъ особенностей. Если можно такъ выразиться, эти науки находятся на нижней границѣ исторіи. Мы разумѣемъ антропологію, этнографію и отчасти археологію. Антропологія трактуетъ человѣка не съ общественной точки зрѣнія, а говоритъ объ немъ, какъ объ извѣстной зоологической особи. Своими выводами она даетъ основаніе для этнографическихъ соображеній, такъ какъ этнографія имѣетъ своимъ содержаніемъ изслѣдованіе распредѣленія человѣческаго рода по расамъ и племенамъ и отличій этихъ группъ между собою по физическому строенію и нравственнымъ особенностямъ, какъ то: характеру и умственному складу. Рядомъ съ этими науками стоитъ археологія, которая своими изслѣдованіями даетъ матеріалъ для той и другой изъ названныхъ наукъ. Занимаясь человѣкомъ доисторическимъ, она даетъ данныя и для сужденія о зачалѣ исторической судьбы человѣка и такимъ образомъ незамѣтно переходитъ въ исторію. Граница между ними есть, но она слабо обозначена, и признакомъ ея можетъ служить развѣ характеръ матеріала, которымъ преимущественно занимается археологія. Она занимается вещественными памятниками древности и не касается изслѣдованія памятниковъ письменности и эпохъ позднѣйшаго развитія человѣчества. Но такъ какъ и историкъ не можетъ миновать изученія письменныхъ памятниковъ, сохранившихся въ надписяхъ разнаго рода, то отсюда видно, что есть область, въ которой исторія и археологія работаютъ вмѣстѣ. Какъ въ природѣ нѣтъ рѣзкихъ скачковъ, такъ и въ области наукъ нѣтъ рѣзкихъ границъ, отдѣляющихъ родственные предметы знанія. Въ общемъ смыслѣ можно сказать, что граница историческаго познанія, отдѣляющая его отъ антропологіи, археологіи и этнографіи, находится на томъ моментѣ, когда человѣкъ сталъ формироваться въ общество. Но всякое ли общество можетъ быть предметомъ историческаго изученія? Очевидно нѣтъ. Общества существуютъ и въ зоологическомъ мірѣ. Мы знаемъ общества муравьевъ, пчелъ, общества обезьянъ и дикихъ людей, стоящихъ съ ними рядомъ; но понятно, что такія общества не подлежатъ историческому изученію. Для того, чтобы общество стало предметомъ историческаго изуче-

нія, въ немъ должно начаться извѣстное развитіе. Подъ вліяніемъ какихъ условій общество начинаетъ развиваться, мы будемъ говорить дальше, но наличность признаковъ развитія общества, существованіе измѣненій въ общественной жизни, отличаетъ человѣческую историческую жизнь отъ жизни дикихъ людей и общественной жизни представителей зоологическаго міра. Посмотрите на жизнь зоологическихъ обществъ: каждое изъ нихъ живетъ сегодня такъ, какъ жило вчера, завтра оно дѣлаетъ то же, что сегодня, все происходитъ тождественно, однообразно, безъ всякихъ измѣненій. Если же послѣднія и бываютъ, то они настолько ничтожны, что совершенно ускользаютъ отъ взгляда человѣка и обусловливаются совсѣмъ не тѣми причинами, подъ вліяніемъ которыхъ происходятъ измѣненія въ общественной жизни человѣка. Нижняя, такъ сказать, граница историческаго познанія начинается съ того момента, когда въ человѣкѣ зародилась извѣстная идея, когда онъ сообразно этой идеѣ рѣшилъ устроить жизнь совершеннѣе, когда, въ силу первыхъ сдѣланныхъ шаговъ дѣлаются по тому же пути слѣдующіе, вотъ тогда жизнь человѣка входитъ въ область историческаго познанія.

II.

Сущность и условія историческаго процесса.

Теперь намъ нужно остановиться на вопросѣ, въ чемъ же заключается сущность историческаго процесса, составляющаго предметъ изученія исторической науки. Мы сказали, что это измѣненія, происходящія въ исторической жизни человѣка. Они начинаются съ того именно момента, когда у человѣка появляется впервые идея о чемъ то лучшемъ, чѣмъ то, что существуетъ сейчасъ, появляется такъ сказать идеалъ. Историческій процессъ, начавшійся съ этого момента, представляетъ рядъ событій, находящихся между собой въ причинной связи. События эти или, какъ ихъ называютъ, факты вызываютъ извѣстныя измѣненія въ формахъ общественной жизни. Эти послѣднія обусловливаютъ другія измѣненія и т. д. Они происходятъ часто совершенно незамѣтно; одни формы переходятъ въ другія, и только на извѣстномъ пространствѣ времени становится видно, какъ измѣнилась общественная жизнь. Какъ лицо человѣческое съ дѣтства до старости подвергается неуловимымъ измѣненіямъ и постепенно одинъ видъ

его переходитъ въ другой, и только черезъ извѣстное время видно, какъ оно измѣнилось иногда до неузнаваемости, такъ же незамѣтно измѣняются формы общежитія, развиваются идеи, человѣческія чувства, вѣрованія, хозяйственныя отношенія и т. д., словомъ происходитъ развитіе культуры или цивилизаціи, или, что тоже, происходитъ эволюція. Какъ отдѣльныя событія, такъ и эти измѣненія не происходятъ безпорядочно и произвольно, въ нихъ видна при ближайшемъ изученіи извѣстная правильность, замѣтно дѣйствіе какихъ то законовъ, съ раскрытіемъ которыхъ дается пониманіе исторической жизни. Чѣмъ же опредѣляется эта правильность или закономѣрность историческаго развитія? Взгляды на этотъ вопросъ довольно разнообразны. Довольно распространенно было убѣжденіе, что природа опредѣляетъ разъ навсегда будущую судьбу человѣческаго общества. Географическія условія въ видѣ отношенія суши къ морю, устройства поверхности, климата кладутъ свой отпечатокъ на человѣка. Подъ вліяніемъ ихъ, человѣкъ отдается тѣмъ или инымъ занятіямъ, ими опредѣляется его характеръ. Онъ не воленъ дѣлать все, что ему вздумается. Разъ онъ живетъ подъ полярнымъ кругомъ, а не подъ экваторомъ, его жизнь и развитіе будутъ иныя. Горецъ и житель равнины различны по своему характеру. Совершенно ясно, что жизнь человѣка дѣйствительно зависитъ отъ географическихъ условій, и на первый взглядъ теорія зависимости историческаго процесса отъ географіи представляется вполнѣ вѣрной. Въ самомъ дѣлѣ, никто не будетъ отрицать, что человѣкъ находится подъ вліяніемъ географическихъ условій. Кто изъ васъ не училъ въ гимназическомъ курсѣ исторіи, какъ изрѣзанные берега Греціи вліяли на занятія грековъ, какъ вмѣстѣ съ ними изрѣзанная горами поверхность Греціи вліяла на складъ жизни грековъ и на ихъ государственную жизнь и т. д. Кому не извѣстно, какъ вліяли климатическія условія на жизнь индусовъ. Но когда начинаютъ глубже всматриваться въ данное явленіе, изучать подробности, то оказывается, что вліяніе географическихъ условій далеко не всюду одинаково и ими не опредѣляется все въ жизни человѣка. Греція осталась тою же; но какая огромная разница между теперешней жизнью ея населенія и прежнею. Краснокожіе Америки живутъ въ одинаковыхъ географическихъ условіяхъ съ янки, но какая пропасть раздѣляетъ ихъ цивилизацію. Древніе греки думали, что только подъ благословеннымъ, чистымъ небомъ Эллады могла развиться ихъ высокая образованность и что туманное и холодное небо странъ, сѣ-

вернѣе лежащихъ, могло покрывать только варваровъ. То же думали римляне о своей странѣ. А теперешніе историки думаютъ, что жаркій климатъ Италіи не благопріятствуетъ успѣхамъ прогресса и что онъ можетъ развиваться именно въ умѣренномъ климатѣ средней Европы. Кто же правъ? Мы видимъ, что въ свое время тамъ, а въ другое тутъ развивались и развиваются высокія цивилизаціи. Кромѣ того, съ развитіемъ послѣдней человѣкъ все болѣе освобождается отъ рабства природы и становится господиномъ ея. Значитъ, если вліяніе географическихъ условій имѣетъ большое мѣсто въ опредѣленіи направленія цивилизаціи человѣка, то это на первыхъ шагахъ ея и въ особеиности въ періодъ доисторическій, но это вліяніе очень обще; оно не объясняетъ многихъ подробностей. Но даже и отводя этимъ условіямъ значительное мѣсто, мы станемъ въ затрудненіе въ разслѣдованіи этого вліянія, такъ какъ многіе народы прошли черезъ множество различныхъ географическихъ условій. Развѣ арійскіе народы, двинувшіеся съ плоскогорій Азіи на западъ, не подвергались на этомъ долгомъ тысячелѣтнемъ пути вліянію разныхъ географическихъ условій. Развѣ тѣ изъ нихъ, которые пришли на берега Эльбы или Сены, или Дуная и Днѣпра могутъ сказать, какіе изъ прежнихъ пройденныхъ ими географическихъ элементовъ опредѣлили ихъ судьбу на всѣ грядущіе годы. Развѣ можно сказать, подъ вліяніемъ какихъ природныхъ условій сложилась жизнь нашихъ славянъ и что только эти условія опредѣляли ее. Развѣ можно сказать, что германецъ, поселившійся на берегахъ Сены или Роны и подвергшійся вліянію кельто-романской цивилизаціи сталъ французомъ подъ вліяніемъ этихъ новыхъ географическихъ условій. Развѣ не ясно, что не природа опредѣлила превращеніе того же германца въ итальянца или испанца. Не въ географіи приходится искать объясненій этихъ измѣненій и зарожденія новыхъ цивилизацій, а въ совершенно иныхъ условіяхъ. Признавая въ ограниченной мѣрѣ значеніе географическихъ условій, нужно сказать, что во-первыхъ, съ развитіемъ цивилизаціи вліяніе подобныхъ условій ослабляется, а во-вторыхъ вліяніе ихъ до такой степени стерлось даже въ первобытный періодъ цивилизацій, что распознать ихъ наслоенія рѣшительно невозможно.

Другіе историки ставятъ еще иные вопросы. Если географическія условія играютъ ту или иную роль въ жизни человѣка, то не оказываетъ ли первенствующее вліяніе принадлежность къ той или иной расѣ. Вѣдь существуютъ расы болѣе развитыя или, на-

противъ, неспособныя, повидимому къ высокому развитію. Отсюда заключаютъ, что расовыми свойствами опредѣляется исторія того или иного народа. При этомъ нерѣдко ссылаются на негровъ или на краснокожихъ, неспособныхъ къ историческому развитію и совершенно чуждыхъ прогрессу. Дѣйствительно, расовыя свойства, какъ нѣчто, опредѣляющее характеръ извѣстнаго народа, имѣютъ значеніе для его исторіи. Но вотъ вопросъ, гдѣ та чистая раса, которую мы могли бы квалифицировать и сказать, что вотъ тѣ или иныя условія исторической жизни даннаго народа находятся въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ расовыхъ особенностей. Можетъ ли, напримѣръ, нѣмецъ, считающійся представителемъ высоко развитой германской цивилизаціи, претендовать на чистоту расы? Кто скажетъ, сколько кельтической крови течетъ въ жилахъ этого представителя яко бы чистой расы, или крови другихъ національностей, помимо германской? Такимъ образомъ, говорить о расовомъ вліяніи, какъ о главномъ условіи историческаго процесса едва ли возможно. Если взять для примѣра англичанина, француза, русскаго, итальянца, то тутъ слишкомъ много помѣси, чтобы имѣть возможность разобрать вліяніе той или иной расы на ихъ исторію. Не о расовомъ вліяніи можно тутъ говорить, а лишь о проявленіи національнаго характера. Но сейчасъ же представляется вопросъ такого рода: не происходитъ ли въ самой національности такихъ измѣненій на пространствѣ времени, которыя не только психологически, но даже физіологически преображали націю? Кому не знакомъ изъ исторіи среднихъ вѣковъ тотъ фактъ, что крестоносцы-рыцари, отправляясь въ Іерусалимъ, живьемъ загрызли монаха. Скажите, пожалуйста, возможенъ ли въ XIX или XX вѣкѣ подобный фактъ, чтобы представители высшаго класса, какимъ являлись рыцари, кого либо загрызли. Такое явленіе стало невозможнымъ въ силу измѣненій, происшедшихъ въ нравахъ, чувствахъ и въ ихъ выраженіи. Теперь дальше; возможно ли, чтобы германскій бюргеръ или германскій крестьянинъ производилъ разгромъ имущества или совершалъ избіенія людей какой нибудь другой національности въ настоящее время? Едва ли, а между тѣмъ какихъ нибудь нѣсколько столѣтій тому назадъ Вормсъ, Аахенъ и другіе города были свидѣтелями такихъ погромовъ. Возможно ли, судя по теперешнимъ нѣмцамъ, предположить, что было время, когда Алкуинъ утверждалъ, что нѣмецъ не можетъ издать музыкальнаго звука, а можетъ только ревѣть по звѣриному. Такъ сильно физіологическое измѣненіе горла нѣмца, происшедшее за

эту тысячу лѣтъ. Такимъ образомъ, если мы намѣрены допустить значеніе національнаго характера для выясненія судьбы того или иного народа, то съ оговоркой: посколько самыя національныя особенности даннаго народа подвергаются измѣненіямъ подъ вліяніемъ другихъ условій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Не съ большимъ успѣхомъ дѣлается попытка ввести біологическій принципъ въ объясненіе общественной жизни. Сущность этой попытки сводится къ тому, что общество разсматриваетя какъ организмъ не въ переносномъ только смыслѣ, а въ реальномъ. Отдѣльныя личности есть ничто иное, какъ отдѣльныя клѣточки, которыя функціонируютъ и въ каждомъ другомъ организмѣ природы. А если такъ, то и всѣ явленія общественной жизни сводятся на явленія органическія и вполнѣ объясняются законами органической жизни. Значитъ и исторія общественной жизни сводится на развитіе организмовъ. Эта теорія подкупаетъ тѣмъ, что она связываетъ исторію съ біологіей и такъ сказать упрощаетъ ея пониманіе. Съ другой стороны представляется весьма вѣроятнымъ воззрѣніе на общество, какъ на организмъ, такъ какъ въ его жизни и въ жизни растительнаго или животнаго организма, какъ коллективнаго цѣлаго, есть довольно аналогій. Но какъ сравненіе не есть доказательство, такъ и аналогія не есть тожество. Напротивъ, при ближайшемъ вниманіи къ дѣлу оказывается, что если между обществомъ и животнымъ организмомъ есть аналогія, то есть и существенное различіе, которое не позволяетъ сводить общественную жизнь на организмъ и въ законахъ органической жизни черпать полное объясненіе жизни общественной. Прежде всего, если люди и есть клѣточки, то клѣточки особаго рода, непохожія на растительныя или животныя клѣтки. Послѣднія лишены сознанія, тогда какъ наличность его у людей не требуетъ доказательства. Затѣмъ, мы видимъ, что между клѣтками организма есть матеріальная связь и что она тѣмъ крѣпче, чѣмъ выше организмъ. Этой матеріальной связи между людьми мы не видимъ въ обществѣ. Связь есть, но она не матеріальна и покоится на совсѣмъ иномъ основаніи. Далѣе, въ организмѣ всѣ клѣточки подчинены цѣлому и сами по себѣ лишены индивидуальной цѣнности; въ общественной жизни, напротивъ, индивидуумы не только подчинены цѣлому, но имѣютъ свое независимое существованіе. Личности въ обществѣ имѣютъ свою индивидуальную цѣнность и чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ большее значеніе въ немъ имѣетъ личность и ея цѣли. Мало того, само общество

цѣнно не само по себѣ, а постольку, поскольку оно удовлетворяетъ стремленіямъ и потребностямъ составляющихъ его личностей. Идеи послѣднихъ вліяютъ на преобразованіе общественной жизни и прилаживаютъ общественныя формы къ измѣнившимся идеямъ личностей. Это обстоятельство существенно отличаетъ общество отъ животнаго организма. Не менѣе важное отличіе заключается еще и въ томъ, что животные организмы не проницаемы для другъ друга, тогда какъ для общественныхъ группировокъ это возможно. Если, напримѣръ, взять карту Европы и начать проводить по ней линіи, которыя будутъ соотвѣтствовать особымъ общественнымъ группировкамъ, то окажется, что послѣ политическихъ границъ, обозначающихъ государственныя группы, окажутся другія, ихъ пересѣкающія или ихъ охватывающія. Такъ, если взять группировку по религіямъ, то эти линіи либо охватятъ нѣсколько государствъ, либо врѣжутся въ отдѣльныя изъ нихъ. Тоже самое окажется и при проводкѣ линій, обозначающихъ группы національныя: онѣ будутъ входить одна въ другую. Равнымъ образомъ и группировка по экономическимъ связямъ не будетъ совпадать съ предыдущими. Такимъ образомъ, оказывается, что общественные организмы какъ бы проникаютъ одинъ въ другой безъ всякаго труда, тогда какъ для животныхъ организмовъ такое проникновеніе далеко не такъ доступно, если и не совершенно невозможно. Но существенное отличіе общества отъ животнаго организма заключается въ томъ, что въ послѣднемъ есть центральное чувствилище, которое воспринимаетъ впечатлѣнія и распоряжается дѣятельностью клѣтокъ, тогда какъ въ обществѣ такого центральнаго органа-чувствилища нѣтъ и, напротивъ, въ составляющихъ его индивидуумахъ мы видимъ психическій элементъ, который играетъ большую роль не только въ отношеніяхъ личностей къ обществу, но черезъ нихъ и въ жизни послѣдняго. Изъ сказаннаго мы приходимъ къ выводу, что понятіемъ организма далеко не объясняется сущность общества и его исторической жизни и что если общество и заключаетъ въ себѣ нѣчто, ставящее его въ связь съ организмами, наблюдаемыми и изучаемыми біологіей, то въ немъ есть еще много такого, чего въ нихъ нѣтъ. Поэтому въ обществѣ есть явленія, которыя можно назвать надъ органическими, какъ выражается Спенсеръ, и присутствіе которыхъ вызывается наличностью психологической жизни отдѣльныхъ личностей.

Увлекающіеся біологическимъ принципомъ не только пыта-

лись свести понятіе общества на понятіе организма, но и отношенія людей въ обществѣ пояснить законами борьбы за существованіе. Съ перваго взгляда это кажется такъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что борьба за существованіе съ большей силой проявляется въ низшей стадіи общественнаго развитія и составляетъ, такъ сказать, остатокъ зоологическаго существованія человѣка. Напротивъ, общественная жизнь и заключается въ томъ, что между людьми, входящими въ общество, рядомъ съ элементомъ борьбы становится другой элементъ, который и составляетъ сущность общества, это принципъ солидарности. Люди образуютъ общество именно для того, чтобы взаимными уступками и поддержкой обезпечить свои интересы, которыхъ вѣчная борьба совсѣмъ не обезпечивала. Чѣмъ больше развивается общество, тѣмъ сильнѣе развивается элементъ солидарности и тѣмъ больше отодвигается на второй планъ борьба за существованіе. Исторически сначала господствовалъ принципъ „око за око и зубъ за зубъ“, а потомъ съ развитіемъ человѣчества провозглашенъ былъ законъ „возлюбите другъ друга“. Вотъ тѣ замѣчанія, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при разборѣ теоріи объясненія сущности историческаго процесса изъ законовъ біологіи.

Такую же попытку объяснить сущность историческаго процесса изъ одного какого либо фактора, представляетъ собою экономическій матеріализмъ. Сущность этого ученія, родоначальникомъ котораго является Марксъ, а источниками французскіе историки временъ іюльской монархіи и философское воззрѣніе Гегеля, по которому исторія человѣчества представляетъ собою раскрытіе саморазвивающагося духа, заключается въ слѣдующемъ. Вся эволюція человѣческой общественной жизни опредѣляется тѣми формами производства, которыя присущи той или иной эпохѣ. Смѣна ихъ вызываетъ перемѣны въ общественной организаціи, смѣну идей, чувствъ и другихъ сторонъ жизни человѣчества. Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма не идеи и ихъ развитіе лежатъ въ основаніи историческаго процесса, а онѣ сами и ихъ развитіе зависятъ отъ смѣны экономическихъ формъ. По его ученію экономическая структура общества представляетъ собою единственный реальный базисъ, на которомъ возвышается юридическая и политическая надстройки и которому соотвѣтствуютъ извѣстныя формы общественнаго сознанія. Коренныхъ причинъ, говоритъ ученіе Маркса и его послѣдователей, соціальныхъ пе-

ремѣнъ и политическихъ переворотовъ надо искать не въ головахъ людей, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна, не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Вотъ въ двухъ словахъ сущность ученія, которымъ предполагается найти ключь къ объясненію сущности историческаго развитія человѣчества. Теоретически это ученіе имѣетъ ту же слабую сторону, что и ученіе Гегеля, которое имъ въ сущности только повторяется съ тою разницей, что вмѣсто саморазвивающагося духа, представлены саморазвивающіяся формы производства и обмѣна. Сама догма не выводится изъ изслѣдованія дѣйствительныхъ отношеній, а, такъ сказать, предустанавливается и не подкрѣпляется серьезными данными или научными обобщеніями. Даже работа философской мысли Европы, выразившаяся въ твореніяхъ Конта, Спенсера и Дарвина игнорируется творцомъ ученія экономическаго матеріализма, какъ для него остается въ сторонѣ и соціологическая литература, на нихъ основанная. Въ ученіи экономическаго матеріализма чувствуется односторонность. Нельзя разбирать его, не наталкиваясь на множество затрудненій при сличеніи теоріи съ дѣйствительностью. Многія стороны послѣдней надо выбросить совсѣмъ, если желательно сохранить неприкосновенность теоріи историческаго развитія съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма. Сами ученики Маркса, подвергая ученіе его критикѣ, не могутъ обойтись безъ того, чтобы не начать говорить объ „идеяхъ“ и „психикѣ“ и т. д., т. е. о такихъ предметахъ, которые являются по ученію лишь производными первоначальнаго фактора, и которые однако лежатъ въ основѣ экономическихъ отношеній; легко сказать, что и религія, и искусство, и наука обусловлены экономическимъ факторомъ, но доказать этого нельзя и такая попытка еще не совершена.

Но если теорія экономическаго матеріализма не разъясняетъ сущности историческаго процесса, то, тѣмъ не менѣе, она имѣетъ большое значеніе для развитія исторической науки, какъ реакція одностороннему увлеченію идеалистическимъ пониманіемъ исторіи. Подъ вліяніемъ этого ученія обращено было вниманіе на экономическую эволюцію и на ея вліяніе на другія стороны общественной жизни, и многія историческія явленія получили иное освѣщеніе, и надо сказать, болѣе полное. Правда, что и раньше того было уже обращаемо вниманіе на важность фактовъ изъ экономической жизни. Достаточно указать на Роджерса; но тѣмъ не менѣе Марксу и его послѣдователямъ принадлежитъ въ развитіи этого

направленія большая заслуга. На сколько дѣйствительно освѣщаются экономической эволюціей историческіе факты, хотя бы политической жизни, достаточно указать для примѣра реформы англійскаго парламента 1832 и 1867 годовъ. Въ нихъ отразилась перемѣна, совершившаяся въ производствѣ и давшая силу промышленному и торговому классу путемъ концентраціи капиталовъ, и выдвинувшая ихъ впередъ на то мѣсто, которое занимали прежде землевладѣльцы. Тотъ же процессъ создалъ значеніе рабочаго класса, и это значеніе вызвало реформу 1867 года и дальнѣйшія измѣненія въ избирательномъ правѣ. Итакъ мы видѣли, что вліяніе географическихъ условій на общественную структуру нельзя признать исключительно объясняющимъ ходъ исторіи; мы видѣли также, что съ развитіемъ цивилизаціи вліяніе природы на человѣка ослабляется, видѣли, что раса, біологическіе законы и экономическая структура не могутъ считаться исчерпывающими всецѣло сущность историческаго процесса, хотя каждый изъ этихъ факторовъ имѣетъ свое значеніе. Если такъ, то не заключается ли причина историческаго процесса въ чемъ либо иномъ, хотя бы въ въ самомъ человѣкѣ, какъ индивидуумѣ, какъ личности.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь каждое общество состоитъ изъ милліоновъ личностей, всѣ онѣ думаютъ, чувствуютъ, хотятъ, стремятся и т. д. Вѣдь нельзя же устранить эти личности при объясненіи сущности историческаго процесса. А если такъ, то не слѣдуетъ ли посмотрѣть, не кроются ли въ нихъ самихъ причины, въ силу которыхъ происходили извѣстныя событія и имѣли мѣсто въ исторіи культуры человѣка извѣстныя измѣненія, какъ малыя, такъ и крупныя.

И вотъ историки, желавшіе разрѣшить этотъ вопросъ путемъ извѣстнаго вліянія личности на общественную жизнь, пришли къ тому заключенію, что въ ней то и лежитъ корень.

Въ тотъ моментъ, говорятъ они, когда у человѣка, жившаго въ обществѣ себѣ подобныхъ, впервые явилась мысль о несовершенствѣ какой либо стороны окружавшей его жизни, когда ему пришла мысль, что въ современномъ ему строѣ могутъ быть произведены кое какія измѣненія, когда этому человѣку удалось убѣдить своихъ ближайшихъ земляковъ и людей наиболѣе талантливыхъ и одаренныхъ сильной волей, что нужны такія то измѣненія въ жизни, и они вмѣстѣ осуществили перемѣны, тогда именно и наступило начало историческаго процесса, началась общественная эволюція, а этотъ человѣкъ былъ ея творцомъ. Разъ эти

измѣненія произошли, они естественно, въ свою очередь, вызываютъ измѣненіе въ другихъ сторонахъ общественной жизни и т. д. Представьте себѣ человѣка, изобрѣвшаго колесо и создавшаго телѣгу. Это изобрѣтеніе, измѣняя способы передвиженія, вносило измѣненіе въ обмѣнъ товаровъ, въ сношенія между племенами какъ мирныя, такъ и военныя. Далѣе, представимъ себѣ человѣка, впервые сознавшаго и убѣдившаго другихъ въ томъ, что не слѣдуетъ убивать плѣнныхъ и съѣдать ихъ, а лучше сдѣлать ихъ своими рабами и заставить работать на себя. Развѣ этотъ человѣкъ не былъ творцомъ извѣстной соціальной формы, гдѣ дифференцируются два класса: классъ военныхъ людей и классъ рабовъ? Можно было бы привести большое число примѣровъ тому, какъ извѣстная идея, зародившись въ человѣкѣ, вызываетъ измѣненія въ общественной средѣ, вызываетъ измѣненія въ отношеніяхъ одной группы людей къ другой и т. д. Въ подобныхъ измѣненіяхъ и заключается сущность историческаго процесса, продолжающагося все дальше и дальше и идущаго все шире и шире и сводящейся къ тому, что всегда въ общественной жизни появляются новаторы, носители идеаловъ, измѣненій. Они часто натыкаются на вѣковыя традиціи, обладающія большою стойкостью и пріобрѣвшія у народа силу закона, даннаго свыше. Но идеи новаторовъ, если онѣ жизненны, зародившись, пріобрѣтаютъ инерцію, дѣлающую ихъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Такимъ образомъ, сущность историческаго процесса въ ея простѣйшемъ видѣ выражается въ постоянной борьбѣ, происходящей между лицами, недовольными тѣмъ или инымъ элементомъ общественнаго строя, и лицами, желающими сохранить его неизмѣннымъ. Каковы бы ни были причины, вызывающія появленіе мысли, но изъ сказаннаго ясно, что въ этой борьбѣ, составляющей сущность историческаго процесса, дѣйствуютъ факторы психологическіе въ видѣ личныхъ достоинствъ, воли, таланта, страсти и т. д. Но для всякаго, думаю, ясно, что не можетъ произойти измѣненія въ одной сферѣ общественной жизни, которое не вызвало бы соотвѣтственнаго измѣненія въ другой. Такъ, напр., можно ли представить себѣ развитіе въ странѣ свободной науки съ одновременнымъ существованіемъ цензуры и рамокъ для выводовъ мысли? Конечно, нѣтъ. Можно ли допустить широкое развитіе промышленности и торговли въ той странѣ, гдѣ существуетъ институтъ рабства? Отвѣтъ ясенъ. Поэтому измѣненіе одной стороны требуетъ измѣненія въ другихъ сторонахъ ея для сохраненія гармоніи и равновѣсія.

Эта взаимная связь между отдѣльными сторонами общественной жизни такъ сильна, что если измѣненія, происходящія въ однихъ ихъ нихъ, не сопровождаются своевременно соотвѣтственными измѣненіями въ другихъ, то наступаетъ кризисъ, называемый иначе революціей. Для примѣра возьмемъ эволюцію, происшедшую въ структурѣ Англіи въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Подъ вліяніемъ открытія новыхъ путей въ Азію и открытія Новаго Свѣта, произошло перемѣщеніе торговыхъ путей и распредѣленія торговли между европейскими странами. Изъ средиземно-морской торговля стала океанской, а вмѣстѣ съ тѣмъ на первый планъ выступаютъ Голландія и Англія. Подъ вліяніемъ этого условія развивается въ этой странѣ торгово-промышленный классъ рядомъ съ классомъ земледѣльцевъ, до тѣхъ поръ господствовавшимъ безраздѣльно. Но въ государственной жизни не сдѣлано было соотвѣтственныхъ измѣненій. Какъ удачно выразился Гизо, средній классъ выросъ, но онъ не поднялся. Для того, чтобы онъ поднялся, надо было поднять ту крышку, которая надъ нимъ лежала въ видѣ господства интересовъ дворянскаго класса. Эта крышка не поднималась. Чтобы подняться, среднему классу пришлось прошибить ее. Такъ произошелъ тотъ кризисъ, который извѣстенъ въ видѣ англійской революціи при Карлѣ I. Онъ есть ничто иное, какъ запоздалое приведеніе въ соотвѣтствіе государственной структуры съ тѣми измѣненіями, которыя произошли въ строеніи общества подъ вліяніемъ такихъ повидимому отдаленныхъ событій, какъ открытіе Америки и новаго пути въ Индію. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ извѣстная эволюція вызвала кризисъ. Бываетъ и наоборотъ. Кризисъ политическій становится иногда причиной общественной эволюціи. Примѣромъ можетъ служить исторія Франціи въ XVIII вѣкѣ. Вслѣдствіе назрѣвшаго несоотвѣтствія между формами политической жизни и развитіемъ общественнаго сознанія произошелъ политическій взрывъ. Онъ не создалъ сейчасъ новаго строя государственной и общественной жизни; но раздвинулъ рамки, и подъ вліяніемъ этого факта начинается вѣковой процессъ эволюціи государственной и общественной, создавшій демократію и республиканскій образъ правленія.

Наблюденія надъ историческою жизнью человѣчества показываютъ, что измѣненія въ ней происходятъ закономѣрно, а не капризными скачками, такъ что изслѣдователь общественной жизни видитъ, что послѣдовательныя измѣненія составляютъ какъ бы извѣстный правильный рядъ, едва ли нарушимый. Можно ли, напри-

мѣръ, отъ фетишизма непосредственно перейти къ научному міросозерцанію? Каждый согласится въ томъ, что долженъ произойти извѣстный рядъ измѣненій въ человѣческомъ умѣ и чувствѣ и въ количествѣ знаній прежде, чѣмъ настала бы возможность научнаго міросозерцанія. Или, напримѣръ, отъ узко-національнаго характера древне-аѳинскаго государства можно ли сразу перескочить къ космополитическому братству? Никто не усумнится въ томъ, что долженъ произойти цѣлый рядъ извѣстныхъ измѣненій прежде, чѣмъ человѣкъ дойдетъ до идеи космополитическаго братства. Точно также нельзя отъ турецкаго деспотизма перескочить къ высоко развитой англійской конституціонной жизни, или отъ вѣрованій политическихъ къ монотеизму. Не допустимы также скачки и въ экономической сферѣ: вы никакъ не могли бы прямо отъ рабства перейти къ идеѣ развитой капиталистической организаціи. А если все это невозможно, то мы должны признать наличность извѣстнаго закона, въ силу коего происходятъ эти измѣненія. Въ основѣ идеи лежатъ съ одной стороны: природа и свойства данной общественной организаціи, а съ другой психическія свойства человѣческой личности, какъ то умъ, сила воли, высота нравственности, талантъ и т. д. Между этими элементами происходить постоянное взаимодѣйствіе: общественная организація вліяетъ на характеръ человѣческой личности и наоборотъ дѣятельность послѣдней вліяетъ на измѣненіе общественной структуры. Они переплетаются въ историческомъ процессѣ, и часто не легко бываетъ историку разобраться въ этомъ сцѣпленіи и выдѣлить роль каждаго изъ элементовъ въ данномъ явленіи. Но во всякомъ случаѣ надо признать, что историческій процессъ идетъ по равнодѣйствующей вліянія упомянутыхъ элементовъ и еще и другихъ, о которыхъ мы говорили выше. Бываютъ эпохи, когда вліяніе идей и стремленій одного крупнаго человѣка направляетъ жизнь массы, такъ сказать, оцвѣчиваетъ ее на столько, что всей эпохѣ присваивается ихъ имя. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ: вѣкъ Карла Великаго, эпоха Петра Великаго, время Перикла или Наполеона. Напротивъ, бываютъ такіе моменты въ исторіи человѣчества, когда не видно вожаковъ, или когда они и есть на лицо, но роль ихъ незначительна, такъ что можно сказать скорѣе, что ихъ что то толкаетъ, чѣмъ они кого либо ведутъ. Какъ на такія безличныя эпохи, можно указать на Великое Переселеніе Народовъ, на Крестовые Походы, особенно первый, и на Французскую Революцію 1789 года. Какъ бы то ни было, однако, какъ въ первомъ случаѣ,

такъ и во второмъ въ основѣ историческаго процесса лежитъ дѣятельность и стремленія человѣческой личности. Какую же цѣну имѣютъ личности, создающія историческій процессъ? Разнаго ли онѣ достоинства или одного? Есть теоріи, разсматривающія людей какъ общую массу, не выдѣляя изъ среды ихъ великихъ людей, или людей геніальныхъ. Вспомните разсужденія Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ“ по поводу Бородинскаго боя: здѣсь передъ вами теорія, устраняющая значеніе крупныхъ личностей. Авторъ старается выяснить, что ни Кутузовъ, ни Наполеонъ не имѣли бо́льшаго вліянія на ходъ боя, чѣмъ послѣдній капралъ. Цѣлый рядъ „если бы“, выставленныхъ авторомъ, какъ бы подтверждаетъ его мысль о равноцѣнности, съ точки зрѣнія направленія историческихъ событій, и Наполеона, и его послѣдняго капрала. Но мы въ этомъ разсужденіи не видимъ отвѣта на вопросъ, отчего изъ цѣлаго ряда „если бы“ ни одно не осуществилось на дѣлѣ, а все же дѣлалось то, что указывалось Наполеономъ, и къ чему вела людей его воля, по крайней мѣрѣ въ теченіе извѣстнаго времени. По этой теоріи люди, стоящіе на границѣ идіотизма, и люди, увѣнчанные ореоломъ генія, равно велики. Намъ кажется, что не могутъ же люди съ разнымъ удѣльнымъ вѣсомъ принимать одинаковое участіе въ развитіи историческаго процесса. Когда Ксенофанъ утверждалъ, что греческихъ боговъ нѣтъ, что не слѣдуетъ поклоняться идоламъ, то это было за 6 столѣтій до того, когда любимые греками боги, дѣйствительно были свержены. Что же Ксенофанъ, былъ одноцѣненъ другимъ современникамъ? Или, когда Ѳалесъ говорилъ о федераціи греческихъ городовъ въ V-омъ столѣтіи, то не была ли его проповѣдь провозвѣстницей движенія, выразившагося двумя съ половиной столѣтіями позже въ видѣ Ахейскаго союза и другихъ. Эти примѣры не вяжутся съ мыслью о равноцѣнности человѣческихъ личностей и объ одинаковости ихъ вліянія на историческій процессъ. Есть нѣчто въ выдающихся людяхъ, что заставляетъ ихъ современниковъ слѣдовать за ними и что даетъ вліяніе ихъ идеямъ на построеніе мыслей не только современниковъ, но и отдаленныхъ потомковъ. Въ первомъ случаѣ они являются вожаками, во второмъ свѣточами человѣчества. Въ противоложность Л. Н. Толстому русскій соціологъ П. Л. Лавровъ, въ своей книгѣ объ сущности историческаго процесса (издана книга подъ псевдонимомъ Арнольда) говоритъ именно о томъ громадномъ значеніи, какое оказываетъ на общій ходъ историческаго процесса люди, одаренные умомъ и талантомъ и вообще лю-

ди мыслящіе, такъ сказать интеллигентные. Интеллигенція является отдаленнымъ потомкомъ того первобытнаго человѣка, который впервые замѣтилъ несовершенство современной ему жизни и сталъ стремиться къ ея измѣненію. Чѣмъ выше культура даннаго общества, тѣмъ болѣе значительна въ немъ интеллигенція и тѣмъ сильнѣе ея вліяніе на историческое движеніе общества, такъ какъ при этомъ измѣняется въ пользу интеллигенціи отношеніе ея къ инертной массѣ общества. Отсюда явствуетъ, что и значеніе въ историческомъ процессѣ отдѣльныхъ личностей усиливается вмѣстѣ съ развитіемъ культуры общества, ибо чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ болѣе различія наблюдается между отдѣльными индивидуумами, его составляющими, и тѣмъ, слѣдовательно, разнообразнѣе и самостоятельнѣе ихъ вліяніе на общую жизнь. Если, какъ это иногда бываетъ, кто либо думаетъ, что роль интеллигенціи ничтожна для историческаго бытія даннаго народа и что, какъ говорятъ иные, интеллигенція приноситъ только вредъ народу, то не трудно видѣть, что такія воззрѣнія на столько же далеки отъ истины, какъ далеко было бы отъ нея предположеніе, что можно преуспѣвать въ жизни безъ ума, знанія, сильной воли и тонкаго чувства. Но не слѣдуетъ думать, что только развитіе ума и накопленіе знаній опредѣляютъ историческій прогрессъ. Можно быть очень умнымъ, обладать большими знаніями, и не имѣть силы воли для стремленія къ намѣченной цѣли и для борьбы со стоящими на пути препятствіями. Можно обладать и волей, но не обладать тѣмъ высоко и тонко развитымъ нравственнымъ чувствомъ, которое побуждаетъ насъ столь же сильно стремиться къ общему благу, какъ къ своему личному, и также высоко цѣнить первое, какъ и второе. Извѣстно, что знаменитый историкъ Бокль доказывалъ, что прогрессъ цивилизаціи зависитъ исключительно отъ умственнаго развитія человѣчества; онъ думалъ, что въ человѣческомъ чувствѣ на протяженіи вѣковъ не произошло замѣтныхъ измѣненій. Но если убѣдительны доказательства въ пользу связи существующей между прогрессомъ цивилизаціи и умственнымъ развитіемъ народовъ и увеличеніемъ запаса знаній, то нельзя не видѣть, что мысль Бокля о неизмѣнности человѣческаго чувства не столько доказывается, сколько заявляется. А между тѣмъ такое сомнѣніе въ развитіи человѣческаго чувства, при наличности развитія ума, противорѣчитъ понятію объ единствѣ человѣческой души. Если мы видимъ подобныя явленія въ отдѣльныхъ личностяхъ, т. е. слабость воли или чувства при развитомъ умѣ,—то такія явленія нельзя обобщать

и тѣмъ болѣе придавать имъ значеніе въ разборѣ историческаго процесса. Нормально всѣ стороны человѣческаго духа развиваются соразмѣрно и равномѣрно участвуютъ въ дѣятельности человѣка. Какъ трудно представить себѣ дѣйствіе личности, за которымъ бы не крылось чувство и актъ воли, также трудно допустить, чтобы въ историческомъ процессѣ они не играли бы большой роли. Крупныя общественныя движенія, такъ, напримѣръ, Крестовые Походы, Реформаціонная Эпоха, Французская революція 1789 года оцвѣчены сильнымъ подъемомъ чувства. Я позволю себѣ сказать даже, безъ риска впасть въ большую ошибку, что одинъ умъ способенъ видѣть и смѣяться надъ уродствомъ жизни, но не въ силахъ, безъ участія сильнаго чувства, исправить его. Эразмъ могъ снести яйцо, но высидѣть изъ него птицу могъ только Лютеръ и люди ему подобные.

Останавливаясь на значеніи интеллигенціи, какъ факторѣ историческаго процесса, мы не думаемъ считать равноцѣнными всѣхъ элементовъ, ее составляющихъ; это было бы противорѣчіемъ тому, что я сказалъ выше о неравноцѣнности индивидуумовъ для историческаго развитія общества. Если интеллигентные и талантливые люди имѣютъ большее значеніе, чѣмъ другіе, если роль интеллигенціи можно сравнить съ ролью мозга въ животномъ организмѣ, то было бы не послѣдовательно утверждать, что люди особенно выдающіеся, играютъ такую же роль, какъ и другіе образованные люди, въ судьбѣ даннаго общества. Это приводитъ насъ къ вопросу о роли, такъ называемыхъ великихъ людей въ исторіи.

Особенность геніальныхъ людей заключается въ томъ, что они обладаютъ особою прозорливостью и чутьемъ дѣйствительности. Благодаря этому, они ясно сознаютъ то, что ихъ современники лишь случайно чувствуютъ. По той же причинѣ имъ видно то, что другимъ не видать. Они быстро схватываютъ задачу даннаго момента жизни и, обладая умственной и великой силой для ея разрѣшенія, берутся за таковое и увлекаютъ за собою современниковъ. Такъ какъ послѣдніе смутно чувствуютъ то, что ясно сознаетъ геніальный человѣкъ, то они слѣдуютъ за нимъ если не всѣ, то въ значительной части, и, такимъ образомъ, геній становится вождемъ общества. Его стремленія находятъ поддержку въ обществѣ; наиболѣе талантливые и энергичные люди становятся на его сторону и содѣйствуютъ ему. Поэтому разрѣшеніе поставленной задачи значительно облегчается и дѣятельность великаго человѣка сопровождается удачей, и она на долго опредѣляетъ

дальнѣйшее направленіе жизни даннаго общества. Въ сравнительно короткій періодъ времени дѣлаются такія измѣненія въ жизни, такія преобразованія ея, что совершившееся кажется чудомъ.

Бываютъ однако и такого рода геніальные люди, которые своимъ умомъ провидятъ задачи отдаленнаго будущаго. Между ихъ идеями и идеями и чувствами современниковъ нѣтъ точекъ соприкосновенія, и они остаются одинокими въ жизни, а иногда встрѣчаютъ враждебное къ себѣ отношеніе и даже подвергаются преслѣдованіямъ, какъ люди вредные. Во всякомъ случаѣ ихъ положеніе является трагическимъ. Проходятъ года, а подчасъ и десятилѣтія, пока жизнь поднимется на столько, что идеи генія начинаютъ пониматься и получать должную оцѣнку. Ему не суждено было стать зиждителемъ, его судьба, можетъ быть была трагична; но тѣмъ не менѣе онъ становится свѣточемъ человѣчества. Его мысль свѣтитъ далеко впередъ, и человѣчество начинаетъ видѣть этотъ свѣтъ тогда, когда въ своемъ ростѣ поднимается до плоскости освѣщеннаго пространства. Этотъ свѣтъ похожъ на свѣтъ большого маяка. Снизу и близко его или не видно, или же свѣтъ его кажется ничтожной лампой; но когда, удаляясь отъ него въ море, вы достигаете извѣстнаго уровня, тотъ же маякъ является въ видѣ огромнаго свѣтлаго шара, подобнаго солнцу, и чуденъ тогда свѣтъ его. Если мы возьмемъ для примѣра дѣятельность Петра Великаго, оставившаго такой глубокій слѣдъ въ исторіи русскаго общества, то мы безъ труда увидимъ, что главная задача его—пріобщеніе Россіи къ европейской образованности была уже ранѣе его чувствуема русскими людьми, и дѣлались робкіе шаги въ этомъ направленіи. Недоставало яснаго сознанія нужды въ пріобщеніи къ европейской образованности. Мысль Петра Великаго твердо стала на необходимости усвоенія европейской образованности, а его желѣзная воля и неистощимая энергія стали работать въ этомъ направленіи, увлекая туда русское общество. И что же? Мы видимъ вокругъ Петра рядъ способныхъ и энергическихъ сотрудниковъ, такъ называемыхъ „птенцовъ Петровыхъ“, которые помогали ему въ его работѣ. Не смотря на сопротивленіе массы, дѣло Петра Великаго было выиграно, потому что оно, отвѣчая потребности данной эпохи, привлекло къ себѣ болѣе способныхъ и дѣятельныхъ людей. То же мы видимъ въ дѣлѣ Карла Великаго. Въ его эпоху чувствовалась потребность оградить образовавшуюся германо-романскую осѣдлую жизнь отъ бродившихъ еще германскихъ, славянскихъ и тюрскихъ племенъ,

еще продолжавшихъ, какъ бы, Великое Переселеніе. Карлъ Великій ясно созналъ то, что смутно чувствовалось другими, и поставилъ себѣ задачей объединить зародившіяся государства, дать имъ болѣе развитую и опредѣленную организацію, пріобщить ихъ къ древней наукѣ и этой силой дать отпоръ бродившимъ народамъ. Онъ нашелъ откликъ своему стремленію въ современномъ обществѣ. Все болѣе талантливое и образованное мы видимъ около Карла. Его сопровождаетъ удача, и если его стремленіе возсоздать Римскую Имперію не нашло поддержки, то организація политическая и гражданская современнаго общества осталась и послѣ его смерти, и цѣлая эпоха не даромъ окрещена его именемъ, а послѣднее стало у славянъ синонимомъ слова государь.

Эти примѣры и другіе нерѣдко соблазняютъ сдѣлать заключеніе, что роль великаго человѣка не значительна, что онъ ни въ чемъ не успѣлъ бы помимо общества. Но такое заключеніе было бы односторонне. Вѣрно то, что онъ не успѣлъ бы и т. д.; но несомнѣнно и то, что безъ него и общество не удовлетворило бы своевременно назрѣвающей, но не сознаваемой потребности, а это равнозначительно иногда потерѣ возможности удовлетворить ее вообще и обезпечить себѣ пути дальнѣйшей жизни, ибо пропущенный моментъ можетъ не повториться. Горе тому народу, у котораго въ нужное время не окажется интеллигентныхъ и талантливыхъ вожаковъ. Отсутствіе ихъ можетъ быть равно значущимъ его смертному приговору. Какъ выразился нашъ знаменитый историкъ Костомаровъ „исторія не ждетъ опоздавшихъ“.

Бываютъ, однако, крупныя личности, одаренныя богато и умомъ, и волей; но идеалы которыхъ лежатъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Въ своемъ стремленіи воскресить умершее прошлое они сталкиваются съ обществомъ, безнадежно борятся съ нимъ и либо терпятъ неудачу, либо, временно торжествуя, причиняютъ вредъ жизни. Ихъ участь обыкновенно трагична. Вспомнимъ Карла V. Увлекаясь средневѣковымъ представленіемъ о Священной Имперіи и Папствѣ съ борьбой съ мусульманствомъ, онъ задался цѣлью возстановить эти средневѣковыя отношенія. Личныя способности Карла V были велики, владѣнія его были такъ громадны, что онъ могъ справедливо говорить, что солнце не заходитъ въ нихъ; но всѣ его усилія сопровождались неудачами. Разочаровавшись въ возможности достигнуть цѣли, онъ кончилъ жизнь въ монастырѣ, отрекшись отъ всѣхъ своихъ коронъ.

Трактуя вопросъ о значеніи великихъ людей, нельзя обойти молчаніемъ теоріи доктора Жакоби. Онъ думаетъ, что великіе люди не только не приносятъ пользу человѣчеству, но что они даже вредны, такъ какъ они вліяютъ на вырожденіе того общества, среди котораго они являются. Исходя изъ того факта, что у геніально одаренныхъ людей дѣти бываютъ или ниже посредственности, или даже идіоты, или вообще дегенеранты, Жакоби объясняетъ это тѣмъ, что человѣкъ исключительной талантливости поглощаетъ всѣ силы рода для созданія своей исключительной личности, а потому для его потомства уже не остается ничего, и оно обречено на вырожденіе. Расширяя рамки разсужденія, Жакоби полагаетъ, что таково же вліяніе великихъ людей не только на свой непосредственный родъ, но вообще на современное имъ общество. Мало того, чѣмъ выше развивается интеллигенція даннаго народа, тѣмъ скорѣе она вырождается и вымираетъ. Доводя до крайняго вывода свою теорію, Жакоби говоритъ: „когда цивилизація, обойдя весь міръ, снова вернется къ берегамъ Сены, то она найдетъ тамъ лишь развалины большихъ городовъ и среди нихъ она не найдетъ ни потомковъ Монтескье или другихъ великихъ людей, ни даже потомковъ талантливыхъ парижскихъ рабочихъ, а встрѣтитъ лишь потомковъ овернскихъ угольщиковъ, ведущихъ бродячій образъ жизни“. Такъ трагична судьба человѣческихъ обществъ, достигающихъ высокой степени развитія и изобилующихъ талантливыми людьми. Въ подтвержденіе своей гипотезы о вліяніи великихъ людей на вырожденіе окружающаго ихъ общества Жакоби ссылается на конецъ исторіи римлянъ. Признаки вырожденія, замѣчаемые въ послѣдній періодъ ихъ исторіи онъ объясняетъ многочисленностью крупныхъ личностей, наполняющихъ республиканскій періодъ исторіи Рима.

Весьма сомнительно, чтобы теорія Жакоби о зависимости вырожденія народа отъ производства имъ геніальныхъ людей могла быть доказана съ физіологической точки зрѣнія; съ исторической же точки она представляется чистой фантазіей. Ссылка его на судьбу древнихъ римлянъ не убѣдительна. Если мы дѣйствительно видимъ, что древній римлянинъ подвергся вырожденію, если дѣйствительно въ послѣдній періодъ римской жизни, вмѣсто высоко развитой общественности и энергичной дѣятельности, мы наблюдаемъ полное равнодушіе къ жизни, полное отсутствіе иниціативы, то для объясненія этого явленія, носящаго признаки вырожденія, нѣтъ нужды прибѣгать къ таинственному поглощенію ве-

ликими людьми жизненныхъ силъ не только ихъ ближайшихъ родичей, но и отдаленныхъ потомковъ, принадлежащихъ даже къ разнымъ національностямъ. Объясненіе вырожденія римскаго общества гораздо проще получается изъ изученія соціальныхъ условій, имѣвшихъ мѣсто въ римской исторіи. Войны и связанное съ ними сильное развитіе рабства произвели крупныя измѣненія въ общественной структурѣ. Развитіе оптиматовъ съ одной стороны и нищенствующаго пролетаріата съ другой было гибельно для Рима. Римляне и сами понимали это, говоря: latifundia Romam perdidere. Излишество богатства, роскошь, изнѣженность и докучная праздность атрофировали физическія и душевныя силы оптиматовъ. Таково обычное вліяніе роскоши и праздности. Съ другой стороны крайняя бѣдность пролетаріевъ дѣйствовала въ томъ же родѣ. Какъ говорилъ Тиверій Гракхъ, они жили хуже дикихъ звѣрей, ибо звѣри имѣютъ хоть логовище, а у римскихъ гражданъ-пролетаріевъ и его не было. Голодъ, холодъ и вынужденное бездѣліе,—рабы лишили ихъ земли и работы,—вырождали и убивали ихъ также вѣрно, какъ роскошь и бездѣліе создавали вырожденіе оптиматовъ. Рабы не могли замѣнить тающее населеніе Италіи. Условія ихъ жизни губили ихъ такъ же, какъ и пролетаріевъ. Страна пустѣла, населеніе вымирало, а тяжесть государства становилась такъ велика, что само населеніе стало къ нему равнодушно и въ нашествіи варваровъ видѣло свое облегченіе.

Эти соціальныя условія, на мой взглядъ, съ достаточною полнотою объясняютъ вырожденіе высшаго и низшаго классовъ римскаго народа. Значеніе ихъ подтверждается наблюденіями изъ животнаго міра. Извѣстно, что у муравьевъ, которые обзавелись рабами, атрофируются нѣкоторые органы на столько, что они теряютъ способность сами питаться, и ихъ питаютъ тѣ же муравьи—рабы.

III.

Задачи исторической науки.

Теперь перейдемъ отъ выясненія сущности историческаго процесса къ вопросу о задачахъ исторической науки, о ея методѣ и ея образовательномъ значеніи. Послѣдняго вопроса мы на сей разъ касаться не будемъ, такъ какъ наша бесѣда слишкомъ затянулась бы, а этотъ вопросъ слишкомъ важенъ, чтобы его касаться въ двухъ словахъ. Поэтому откладывая его изложеніе до слѣдую-

щей лекціи, займемся сегодня обзоромъ задачъ исторической науки и метода ея.

Характеризуя сущность историческаго процесса, мы говорили о двоякаго рода явленіяхъ жизни. Съ одной стороны это смѣна событій во времени, наблюденіе за которыми облегчается, такъ сказать, ихъ видимостью и величиной. Съ другой стороны мы видимъ такія измѣненія въ области государственнаго строя, соціальныхъ отношеній, въ области идей, чувствъ, религіозныхъ вѣрованій, научныхъ познаній и т. д., которыя хотя незамѣтны для глаза, не производятъ сильнаго впечатлѣнія; но тѣмъ не менѣе на пространствѣ болѣе или менѣе значительнаго времени становятся замѣтны, и подъ ихъ вліяніемъ жизнь даннаго общества принимаетъ совершенно иной видъ. Въ зависимости отъ этихъ двухъ родовъ явленій, исторія будетъ прагматическою, если она занимается изученіемъ событій, или же исторіею культуры, если предметомъ изученія являются измѣненія въ общественномъ строѣ, въ міросозерцаніи, религіи, наукѣ, въ экономическихъ отношеніяхъ и т. д., словомъ измѣненія всѣхъ сторонъ жизни человѣка. Занимаясь изложеніемъ событій, историкъ беретъ на себя задачу не только установить ихъ хронологическую послѣдовательность, но и установить ихъ причинную связь. Первая часть работы устанавливаетъ направленіе событій, вторая выясняетъ не только то, какія событія произошли и какъ слѣдовали, но и то, чѣмъ и какимъ образомъ они были вызваны. Если первая часть работы представляетъ извѣстнаго рода трудность, такъ какъ приходится возстановлять событія прошлаго времени и нерѣдко при недостаточности данныхъ, то вторая часть работы гораздо труднѣе, и въ тоже время важность ея для науки болѣе значительна. Наблюдая взаимную связь между событіями, историкъ отличаетъ двоякаго рода причины: однѣ изъ нихъ отдаленны, хотя и необходимы для того, чтобы данное событіе произошло, другія же являются ближайшими и не необходимо дѣйствующими. Данное событіе непосредственно вызвано другимъ событіемъ; но одно послѣднее, само по себѣ, не вызвало бы его, если бы не было другихъ болѣе важныхъ причинъ, болѣе отдаленныхъ, которыя уже подготовили это событіе. Въ отличіе отъ такихъ болѣе важныхъ причинъ, причины непосредственныя называютъ поводами. Данныхъ обстоятельствъ могло бы не быть, вмѣсто однихъ могли бы быть другіе поводы, а данное событіе все же произошло бы, и въ этомъ различіи дѣйствія тѣхъ и другихъ причинъ заключается главное

свойство ихъ. Нельзя не видѣть, что существованіемъ причинъ разной силы и обусловливается сложность историческихъ изслѣдованій. Какъ часто въ обыденныхъ воззрѣніяхъ на явленія общественной жизни бросается въ глаза смѣшеніе поводовъ съ главными причинами, а это смѣшеніе, конечно, искажаетъ смыслъ разбираемаго явленія.

Не только въ университетскомъ курсѣ исторіи, но и въ гимназическомъ приходится встрѣчаться съ разборомъ причинъ и поводовъ событій. Такъ, напримѣръ, при изученіи Крестовыхъ Походовъ приходится выяснить отличіе вліянія проповѣди папы Урбана II въ Клермонѣ отъ дѣйствія цѣлой совокупности политическихъ, экономическихъ и религіозныхъ условій.

Разборъ дѣйствія главныхъ и второстепенныхъ причинъ на этомъ не останавливается. Постоянное выдѣленіе тѣхъ и другихъ изъ общей массы фактовъ приводитъ, путемъ умственнаго отвлеченія, къ выдѣленію причинъ постоянныхъ, производящихъ, при разныхъ другихъ условіяхъ, одно и то же дѣйствіе. Такія общія, постоянно дѣйствующія, причины имѣютъ значеніе историческаго закона. Эта работа несомнѣнно сложна и требуетъ большихъ усилій человѣческаго ума. Но по отношенію къ изслѣдованію историческихъ событій она все таки проще, чѣмъ по отношенію къ изслѣдованію явленій человѣческой культуры. Здѣсь надо изслѣдовать едва замѣтныя историческія измѣненія въ видѣ перехода однихъ формъ жизни въ другія. Здѣсь задача историка заключается въ томъ, чтобы отмѣтить, какія явленія культуры сосуществуютъ и какова внутренняя связь между ними; выяснить въ то же самое время, какія измѣненія въ однихъ сторонахъ жизни произошли подъ вліяніемъ перехода другихъ явленій культуры въ иную форму; опредѣлить, случайны ли вызванныя явленія или они связаны съ сущностью дѣла. Въ данномъ случаѣ его задача представляется несомнѣнно трудною, ибо онъ не можетъ, подобно физику, взять извѣстное явленіе, изолировать его, и наблюдать отдѣльно отъ другихъ. Такъ, если бы намъ нужно было изучить паденіе тѣлъ, мы бы не стали отдѣльно наблюдать, какъ долго падаетъ нарѣзанная бумажка, какъ долго перышко, какъ долго мячикъ и другіе предметы. а взяли бы колоколъ воздушнаго насоса, вытянули воздухъ и произвели опытъ паденія нѣсколькихъ тѣлъ сразу. Или же мы возьмемъ тяжелое тѣло и будемъ наблюдать его паденіе на атвудовой машинѣ. Историкъ лишенъ возможности такого изолированія явленія и постановки его въ условія,

благопріятныя для изученія. Словомъ, онъ лишенъ возможности производить опыты.

Исторія обладаетъ 2-мя главными рессурсами: наблюденіемъ и воображеніемъ. Изученіе цѣлаго ряда явленій въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ даетъ намъ возможность, путемъ воображенія, представить себѣ интересующее насъ явленіе въ положеніи наиболѣе благопріятномъ для его изученія, и такое умственное изолированіе до извѣстной и весьма незначительной степени можетъ замѣнить опытъ. Тѣмъ не менѣе эти рессурсы историческаго изученія явленій жизни приводятъ къ ихъ познанію и къ установкѣ ихъ причинной связи. Какъ на примѣръ такой иногда отдаленной связи, можно указать на развитіе національнаго сознанія въ Европѣ въ XIX вѣкѣ. Какова связь его и вызванныхъ имъ политическихъ группировокъ съ дѣятельностью Наполеона? На первый взглядъ никакой; а на самомъ дѣлѣ таковая есть. При Наполеонѣ отдѣльныя части Италіи и Германіи на время были объединены образованіемъ Римскаго королевства и болѣе крупныхъ германскихъ государствъ. Итальянцы и нѣмцы разныхъ дотолѣ государствъ, считавшіе себя сардинцами, тосканцами, гессенцами, пруссаками, липпе-детмольдцами и т. д., почувствовали свое родство и подъ тяжестью чужой руки начали сознавать свою національную особенность. Тогда явились эти отцы германскаго національнаго сознанія: Арндтъ, Янъ и Герресъ, которые стараются провести въ сознаніе нѣмцевъ идею національнаго и политическаго единства. Въ то время Арндтъ въ своемъ стихотвореніи „Was ist das deutsche Vaterland“ съ горечью признавалъ тотъ фактъ, что понятія объ общемъ германскомъ отечествѣ у нѣмцевъ нѣтъ; но нѣсколькими годами позже это понятіе явилось, и въ борьбѣ съ Наполеономъ въ 1813 и 1814 годахъ оно блеснуло ярко. Носительница идеи національнаго и политическаго освобожденія нѣмцевъ „Молодая Германія“ была разочарована Вѣнскимъ Конгрессомъ и придавлена Миттерниховской реакціей; но идея національнаго единства росла и ширилась, и въ прогрессѣ этой идеи лежитъ главное условіе успѣха дѣла Бисмарка. Такимъ образомъ, между его дѣломъ и дѣломъ Наполеона существуетъ преемственная связь.

Равнымъ образомъ не ясна съ перваго взгляда связь политическихъ преобразованій въ Англіи и во Франціи съ развитіемъ промышленности и торговли. А между тѣмъ ближайшее изученіе жизни этихъ странъ показываетъ историку, какъ выросшая на

развитіи торговли и промышленности буржуазія произвела во время Французской революціи 1789 г. упраздненіе преобладающаго значенія дворянства и духовенства и потомъ сама стала на ихъ мѣсто. Та же причинная связь между развитіемъ промышленности и торговли и измѣненіемъ структуры государства еще нагляднѣе можетъ быть представлена въ исторіи Англіи XIX вѣка. Можно ясно представить, какъ развитіе колоніальной дѣятельности Англіи, изобрѣтенія Фультона и Джорджа и Роберта Стефенсоновъ вызвали реформы англійскаго парламента 1832 и 1867 годовъ вмѣстѣ съ послѣдовавшими затѣмъ измѣненіями и создали демократизацію англійскаго государственнаго строя. Тѣмъ не менѣе, однако, нельзя не признать сложность историческихъ явленій, такую сложность, которая способна вызвать сомнѣніе въ возможности привести ихъ къ общимъ явленіямъ, могущимъ стать основаніемъ для выясненія историческихъ законовъ. Сомнѣнія въ возможности исторіи, какъ науки, дѣйствительно существуютъ и высказывались выдающимися философами (Шопенгауеръ). Основаніемъ для сомнѣнія въ научности исторіи служитъ главнымъ образомъ сложность явленій, обусловливающая большую роль случайности историческихъ событій. По мнѣнію сторонниковъ этого взгляда послѣдняя такъ велика, что въ области историческихъ явленій можетъ быть рѣчь не о необходимости ихъ, въ зависимости отъ данныхъ причинъ, а только о возможности. Они могутъ быть или не быть, при данныхъ условіяхъ, смотря потому, какова будетъ комбинація другихъ причинъ, дѣйствующихъ одновременно съ первыми. Такъ какъ, съ другой стороны, мы лишены возможности дѣлать опыты въ области явленій общественной жизни, какъ это имѣетъ мѣсто въ области физическихъ и отчасти біологическихъ явленій, то это даетъ основаніе противникамъ научности исторіи отрицать возможности выработки научныхъ историческихъ законовъ.

Сторонники исторіи, какъ науки, не отрицаютъ трудностей историческаго изученія общественной жизни, но не теряютъ увѣренности въ возможности науки исторіи. Они указываютъ на то, что невозможность опыта существуетъ и въ области математики, и въ области астрономіи, и однако это не помѣшало высокой степени развитія этихъ наукъ и ихъ точности. Главныя основанія, обусловливающія возможность данной науки, заключаются въ наличности своего, спеціальнаго матеріала и въ возможности примѣненія научнаго метода.

Что касается своего, спеціальнаго матеріала, то исторія рас-

полагаетъ достаточно богатымъ матеріаломъ, чтобы судить о прошлой исторической жизни. Въ новой исторіи этотъ матеріалъ такъ великъ, что затрудняетъ изслѣдователя не недостатокъ его, а обиліе. Въ отношеніи матеріала, исторія имѣетъ преимущество передъ біологіей. Біологъ при изученіи прошлаго растительнаго и животнаго царства имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо меньше данныхъ, чѣмъ тѣ, которыми располагаетъ историкъ, такъ что въ данномъ случаѣ для біолога представится гораздо большее поле догадокъ, чѣмъ для историка. Въ отношеніи матеріала нѣтъ, слѣдовательно, препятствія научной работѣ для историка. Что касается метода исторической работы, то онъ тоже есть и указанъ еще Кантомъ и Спенсеромъ: а именно, методъ индуктивный и методъ дедуктивный, не считая многихъ разновидностей этихъ двухъ основныхъ. Мы знаемъ, что въ исторіи наблюдается повторяемость явленій, хотя и не въ чистомъ видѣ. Это обстоятельство обусловливаетъ большую роль, которую играетъ въ исторіи индуктивный методъ. Но необходимо, чтобы индуктивное заключеніе основывалось на возможно большемъ числѣ случаевъ, чтобы эти случаи были по возможности разнообразны и чтобы они служили типическими представителями всей группы явленій, которыхъ касается заключеніе. Это выдѣленіе изъ множества подобныхъ фактовъ, тѣхъ изъ нихъ, которые типичны, требуетъ, кромѣ наблюдательности, еще и талантливости, дающей возможность изъ множества сходныхъ явленій выбирать вѣрно тѣ, которыя типичны и даютъ возможность правильнаго логическаго вывода. Заключеніе естественника облегчается возможностью опыта; отсутствіе послѣдняго въ исторіи ограничиваетъ примѣненіе въ ней индуктивнаго метода. Преимущественное значеніе въ ней играетъ дедуктивный методъ съ большимъ участіемъ аналогіи. Сравнивая сложныя историческія явленія, историкъ подмѣчаетъ сходные элементы ихъ, а это ведетъ его къ тому, что выводы, сдѣланные въ отношеніи однихъ, примѣняются имъ къ другимъ, сроднымъ явленіямъ и служатъ средствомъ для объясненія послѣднихъ. Сравнительное изученіе явленій и объясненіе дѣйствія однихъ причинъ путемъ сравненія съ дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ, но въ другихъ комбинаціяхъ, даетъ историку возможность выяснить постоянное дѣйствіе той или иной причины, т. е. придти къ познанію законосообразности историческихъ явленій. Путемъ воображенія онъ выдѣляетъ изъ аналогичныхъ явленій ихъ общіе и простѣйшіе элементы, и, такимъ образомъ, то, что достигается опытомъ естествен-

ника, то дается историку примѣненіемъ метода сравненія, аналогіи. Но, для всякаго ясно, что если аналогія можетъ привести къ богатымъ результатамъ, то она, безъ должной степени осторожности и талантливости историка, можетъ привести его и къ огромнымъ ошибкамъ, такъ какъ фактъ сосуществованія данныхъ явленій далеко не всегда служитъ доказательствомъ ихъ логической связи и, слѣдовательно, самъ по себѣ не можетъ служить основаніемъ для объясненія однихъ другими. Но это не говоритъ противъ примѣненія аналогіи, какъ одного изъ видовъ дедукціи, а лишь указываетъ на необходимость осторожности въ пользованіи ею и на необходимость научной подготовки того, кто хочетъ разбираться въ историческихъ явленіяхъ. Итакъ, чѣмъ располагаетъ исторія въ своей научной работѣ? Въ ея распоряженіи находится, во-первыхъ, матеріалъ, поддающійся изслѣдованію, и во-вторыхъ методъ, обезпечивающій вѣрность выводовъ. Но эти условія лишь обнадеживаютъ историка въ возможности достиженія благопріятныхъ результатовъ; но они не устраняютъ сложности и трудности работы. Эта сложность работы лежитъ съ одной стороны въ томъ отношеніи, въ которомъ находятся соціальныя науки къ другимъ. Наиболѣе точныя изъ нихъ, математика и астрономія, имѣютъ дѣло съ наиболѣе общими и наиболѣе простыми предметами: величиною и движеніемъ. Законы ихъ всеобъемлющи. Но, идя дальше, переходя въ область физики и химіи, мы, кромѣ упомянутыхъ явленій и законовъ, встрѣчаемся съ иными явленіями и законами, не присущими явленіямъ величины, которыя дѣлаютъ эти науки болѣе сложными. Переходя къ явленіямъ органической природы, мы встрѣчаемся въ нихъ съ дѣйствіемъ законовъ математики, физики и химіи; но, кромѣ того, еще съ дѣйствіемъ иныхъ законовъ, составляющихъ особенность живой природы. Такимъ образомъ біологическія науки представляются болѣе сложными, чѣмъ предыдущія. Переходя затѣмъ къ человѣку въ его настоящемъ и прошломъ, къ его жизни личной и къ жизни его въ обществѣ, мы видимъ кромѣ явленій, объясняемыхъ математикой, кромѣ тѣхъ, которыя объясняются физическими, химическими и біологическими законами, еще и такія, которыя присущи исключительно духовной жизни человѣка или свойствамъ человѣческой общественной жизни. И вотъ на сцену выступаетъ психологія, соціологія и исторія, Очевидно, что по сложности онѣ превосходятъ другія науки, ибо въ явленіяхъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, проявляется дѣйствіе и математическихъ, и физическихъ и біологическихъ законовъ съ

прибавкою еще другихъ, не подходящихъ подъ нихъ, которые составляютъ содержаніе психологіи, исторіи и соціологіи.

Это одна сторона дѣла. Другая заключается въ томъ, что историкъ имѣя дѣло съ даннымъ моментомъ жизни встрѣчается съ пережитками далекаго прошлаго, когда то имѣвшими значеніе, но теперь потерявшими его и сохраняющими свое бытіе въ силу инерціи; въ томъ же моментѣ есть на лицо и такіе продукты прошлаго, которые имѣютъ значеніе для настоящаго времени и обѣщаютъ дѣеспособность въ будущемъ. Наконецъ, въ каждомъ моментѣ жизни есть такіе элементы, которые составляютъ лишь зародыши того, что можетъ развиться въ будущемъ и вліять на дальнѣйшую судьбу въ исторіи даннаго общества или народа. Всѣ эти элементы въ дѣйствительности слиты и такъ переплетены между собою, что выдѣленіе ихъ и опредѣленіе значенія каждаго требуетъ очень сложной работы, сильной проницательности и большой научной подготовки.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще незамѣтность эволюціонаго процесса общественной жизни, что затрудняетъ историческое изслѣдованіе этихъ измѣненій, а также и то, что одно и то же по существу своему общественное явленіе принимаетъ разнообразныя формы, маскирующія его сущность.

IV.

Работа историковъ и ея значеніе.

Теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о различныхъ стадіяхъ работы историковъ.

Прежде всего историку нужно установить извѣстный фактъ по различнымъ источникамъ, чаще всего по показаніямъ современниковъ или по ихъ воспоминаніямъ. Но къ подобнымъ источникамъ не слѣдуетъ относиться слишкомъ довѣрчиво, потому что авторы ихъ часто, сами того не замѣчая, говорятъ неправду. Особенно это можно встрѣтить у лицъ, пишущихъ такъ называемые мемуары, гдѣ изъ самолюбія или тщеславія искажаются событія вольно или невольно и нарушается ихъ перспектива. Искаженіе истины встрѣчается и въ документахъ, не разсчитанныхъ на потомство, а лишь на современниковъ. Во время моей работы во французскомъ Національномъ Архивѣ, мнѣ пришлось читать бумаги министра финансовъ аббата Террэ, заключавшія въ себѣ за-

вѣдомую неправду, съ другой стороны приходилось видѣть, какъ современники искренно невѣрно представляли себѣ недостаточно извѣстныя имъ явленія, окружавшія ихъ, и какъ отсюда, а отчасти и подъ вліяніемъ политическаго настроенія создавались легенды, становившіяся достояніемъ исторіи. Такова исторія Pâcte de Famine, пережившая почти все XIX столѣтіе.

Кромѣ искаженія фактовъ, въ передачѣ современниковъ и въ документахъ историку приходится имѣть дѣло съ документами подложными, сомнительность которыхъ становится ясною только послѣ серьезнаго критическаго разбора. Все изложенное говоритъ о томъ, что историкъ долженъ не только бороться съ недостаточностью матеріала, все уменьшающейся съ теченіемъ времени, но, что не менѣе важно, изслѣдовать критически степень его достовѣрности. Собираніе и критика матеріала являются необходимымъ условіемъ для установки историческихъ фактовъ. Рѣшеніе вопроса, когда, гдѣ и какъ произошло событіе, это первая стадія исторической работы. За нею начинается другая.

События констатированы; надо ихъ собрать воедино, возсоздать изъ нихъ жизнь по возможности такою, какова она была, со всѣми ея радостями и печалями, страстями и умственными и волевыми движеніями, словомъ вдохнуть въ эти обслѣдованные и установленные факты душу живу. Если первая часть работы требуетъ критическаго ума и кропотливаго труда и внимательности, то вторая въ большей степени требуетъ силы воображенія и инстинкта художника, переносящихъ историка въ глубь сѣдой старины. Благодаря этимъ качествамъ онъ живетъ самъ изучаемой имъ жизнью и изображаетъ картину ея такъ живо, что и читатели чувствуютъ эту жизнь, и она встаетъ передъ ними съ плотью, кровью и костями. Такъ работалъ историкъ Тьерри, описывая события изъ первоначальной исторіи Франціи. Историкъ Мишле описываетъ время Людовика XIV такъ живо и увлекательно, что начинаетъ казаться подчасъ, что самъ живешь этой жизнью. Нашъ историкъ Костомаровъ уклекаетъ читателя такою же живописью въ исторіи Стеньки Разина и въ послѣднихъ годахъ „Рѣчи Посполитой“. Глубоко ошибался Бѣлинскій, полагавшій, что эта вторая стадія исторической работы большой роли не играетъ; напротивъ, она имѣетъ свою чрезвычайную цѣнность, помогая пониманію минувшей жизни гораздо болѣе, чѣмъ схематическое ея изображеніе.

Этими двумя стадіями, изслѣдованіемъ фактовъ и возсозданіемъ прошедшей жизни, не кончается работа историковъ. За ними

начинается третья и, можетъ быть, наиважнѣйшая и друднѣйшая. Это обобщеніе событій и отысканіе законосообразности въ ихъ преемственности и выясненіе законовъ сосуществованія и взаимнаго опредѣленія тѣхъ или иныхъ формъ жизни. Случается встрѣчать сомнѣніе въ цѣлесообразности этой части исторической работы. Поставляется на видъ, что историческій матеріалъ еще не столько разработанъ, чтобы стать предметомъ филофской обработки, а потому философско-историческія обобщенія будутъ ближе къ фантазіи, чѣмъ къ наукѣ, и потому не принесутъ пользы.

По поводу этого возраженія противъ современности философіи исторіи слѣдуетъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Прежде всего надо имѣть въ виду, что стремленіе къ обобщенію и раскрытію смысла явленій составляетъ свойство человѣческаго ума. На какомъ бы уровнѣ развитія ни стояли знанія человѣчества, оно пытается, соотвѣтственно съ ними, создать общую систему бытія. Повышается уровень знаній, мѣняется и философская идея; но безъ нея человѣчество не остается. Пока человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ вопросовъ, почему, какъ и что происходитъ и въ чемъ смыслъ происходящаго, до тѣхъ поръ остается и философія Исторія философіи служитъ тому наглядным доказательствомъ. Возставать противъ работы философской мысли въ области исторіи значитъ возставать противъ природы человѣческаго ума, что очевидно не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія того же ума. Если мы обратимъ вниманіе на исторію другихъ наукъ, то увидимъ, что и тамъ философскія обобщенія и гипотезы появлялись и смѣняли другъ друга вмѣстѣ съ развитіемъ науки. „Horor vacui“, это была гипотеза, удовлетворявшая человѣчество, пока его знанія не переросли ее. То же самое можно сказать и о смѣнѣ системы Птоломея системой Коперника. То же самое было и будетъ и въ жизни исторіи, какъ науки, чтобы ни говорили противники обобщеній.

Другое соображеніе, которое слѣдуетъ имѣть въ виду, заключается въ значеніи обобщеній для развитія науки. Разъ извѣстное обобщеніе сдѣлано, разъ создана гипотеза, которою объясняется цѣлый рядъ или совокупность явленій, тѣмъ самымъ бросается свѣтъ на всѣ однородныя явленія и указывается путь, въ которомъ надо разрабатывать историческій матеріалъ. Такимъ образомъ, эти гипотезы, смѣняющія одна другую, играютъ роль высокихъ свѣточей, которыми освѣщается путь науки. Они указываютъ изслѣдователямъ, въ какомъ направленіи они съ успѣхомъ могутъ дви-

гать свои изслѣдованія. Не всѣ факты человѣческой жизни равноцѣнны въ научномъ отношеніи; съ другой стороны тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ одинаковое значеніе не одинаково ясно освѣщаютъ ту сторону человѣческой жизни, которая подлежитъ изученію. Если бы не было путеводной звѣзды, именуемой научной гипотезей, можно было бы затеряться въ хаосѣ фактовъ и никуда, и ни къ чему не придти. Пускай эта гипотеза окажется недостаточной или невѣрною; но она оказывается таковою тогда, когда уровень знанія переросъ ее; но самое то возвышеніе его до этой степени совершалось подъ ея вліяніемъ. Во мракѣ ночи въ морѣ маякъ перестаетъ быть полезнымъ кораблю, когда онъ прошелъ его; но горе ему если онъ откажется отъ указанія его свѣта, не дойдя до высоты его.

Индуктивный методъ, въ приложеніи къ исторіи, какъ бы демократизируетъ ее, дѣлая доступною ея разработку большому числу лицъ. Но самъ отецъ индуктивнаго метода Френсисъ Бэконъ указалъ на то, что есть такіе типичные факты, instantia praestabilita, которые являются основаніемъ для обобщенія. Удачный выборъ этихъ фактовъ доступенъ далеко не каждому. Онъ требуетъ той догадливости, которая обусловливается особою талантливостью. Въ приложеніи ко многимъ наукамъ мы можемъ указать такихъ людей, отмѣченныхъ Божественнымъ Перстомъ, которымъ дано было угадать эти „instantia praestabilita“ и по нимъ сдѣлать скачекъ къ гипотезѣ, освѣщающей науку. Въ развитіи исторіи мы тоже видимъ работу этихъ людей. Вспомните Монтескье съ его „Esprit des Lois“. Сколько ни знали до него отдѣльныхъ актовъ англійской государственной жизни, но сущность англійской конституціи, принципы ея были извлечены имъ изъ этой груды отдѣльныхъ фактовъ и освѣщены. Сами англичане подъ свѣтомъ его генія впервые увидѣли, въ чемъ заключается система и принципъ ихъ государственнаго устройства. Такова цѣнность идей Монтескье о переходахъ однихъ государственныхъ формъ въ другія, о зависимости исторіи человѣчества отъ природы, народнаго характера, экономической жизни и т. д. Такое же значеніе для научной разработки исторіи имѣли идеи Тюрго, Канта, Милля и Спенсера. Намъ для нашей цѣли нѣтъ нужды характеризовать ихъ взгляды; мы упоминаемъ объ нихъ, какъ о людяхъ, освѣщавшихъ путь движенія научной исторической мысли, какъ о людяхъ, идеи которыхъ опредѣляли и направленіе работъ историковъ, и выборъ матеріала для изслѣдованія. Не съ ними однако впервые является мысль о научности

исторіи и о значеніи ея среди другихъ отраслей человѣческаго познанія. Хотя отцомъ исторіи принято считать Геродота; но правильнѣе было бы дать это мѣсто Θукидиду, такъ какъ у него впервые вводится въ работу критическое отношеніе къ источникамъ и психологическое обоснованіе разсказываемыхъ событій. Впервые же идея о законосообразности историческихъ событій встрѣчается у Полибія, историка II вѣка до Р. Х. Онъ первый замѣтилъ, что историческія событія идутъ не случайно, а подчинены извѣстному порядку, и предчувствовалъ, что они подлежатъ обобщенію. Онъ догадывался, что государственныя формы съ извѣстной послѣдовательностью переходятъ однѣ въ другія и что поэтому по настоящему и прошедшему можно судить о будущемъ.

Въ твореніи Полибія въ зародышѣ находится эволюціонная теорія Спенсера и идеи историковъ XIX вѣка о значеніи изученія исторіи для пониманія нашей современности. Въ самомъ дѣлѣ, что такое наша современность? Каковъ ея составъ? Если мы мысленно остановимъ жизнь и представимъ ее въ видѣ горизонтальной плоскости, то мы увидимъ въ ней множество какихъ то обрѣзковъ, переплетающихся другъ съ другомъ, или лежащихъ отдѣльно. Одни изъ нихъ велики, другіе малы, одни упруги, другіе дряблы. Въ этой воображаемой плоскости собрано многое. Тутъ есть пережитки давняго прошлаго, потерявшіе жизнь и значеніе, тутъ же есть живые элементы, тоже коренящіеся въ прошломъ; но въ то же время опредѣляющіе и настоящее; есть, наконецъ, и зародыши, коимъ, можетъ быть, суждено развиться и опредѣлить будущее; но о значеніи которыхъ можно судить лишь по аналогіи съ другими явленіями жизни.

Но если смотрѣть сверху или съ боку на эту воображаемую плоскость, нельзя ни различить этихъ элементовъ жизни, ни видѣть ихъ направленія, и только чутье жизни помогаетъ инымъ людямъ, не лишеннымъ однако знанія, почувствовать значеніе этихъ элементовъ. Но если мы взглянемъ на то, что находится внизу плоскости, мы увидимъ, что за явленія представлены упомянутыми обрѣзками. Мы увидимъ предковъ тѣхъ омертвѣвшихъ, но еще влачащихъ существованіе пережитковъ старины, увидимъ направленіе, которое принято современными намъ борящимися явленіями жизни и ихъ относительную силу и шансы побѣды, замѣтимъ, наконецъ, и возрастъ тѣхъ эмбріоновъ, которые лишь еще всходятъ на исторической нивѣ. Разсматривая низы, мы, такимъ образомъ, начинаемъ понимать разрѣзъ горизонтальный. Но что же именно по-

могаетъ намъ сдѣлать этотъ продольный разрѣзъ, столь необходимый для представленія о зданіи жизни. Что помогаетъ намъ заглянуть въ эти низы прошлаго для распознаванія современнаго настоящаго. Это дѣлаетъ исторія и ея работники историки. Этимъ опредѣляется значеніе исторіи для пониманія современной жизни человѣчества.

ВТОРАЯ ЛЕКЦІЯ.

I.

Вліяніе исторіи на міровоззрѣніе людей.

Вмѣстѣ съ развитіемъ историческаго изученія общественной жизни измѣняется и общественное міровоззрѣніе людей. То, что прежде казалось непреложной истиной, оказывается плодомъ заблужденія. Такъ, элементарное отношеніе необразованнаго человѣка къ современности таково: теперь все хуже стало, начиная съ самихъ людей, которые и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ стали ниже своихъ даже ближайшихъ предковъ. Отсюда восхваленіе старины и желаніе возвратить ее со всѣми ея порядками. Кромѣ этого обычнаго отношенія стариковъ къ своему ближайшему прошлому, которое имъ памятно по личному ихъ опыту, каковое отношеніе ими безсознательно переносится и на прошлое болѣе отдаленное, мы встрѣчаемся съ подобнымъ отношеніемъ къ жизни послѣ какихъ либо сильныхъ общественныхъ движеній и кризисовъ, которыми нарушены были могущественные интересы. Если эти движенія зашли слишкомъ далеко, сравнительно съ общественнымъ сознаніемъ и потребностями даннаго момента, наступаетъ реакція и во время послѣдней, прошлое точно также разукрашивается и дѣло представляется такъ, что разъ оно будетъ возстановлено во всей своей неприкосновенности, то и въ общественной жизни все пойдетъ хорошо, какъ было прежде. При этомъ самое возстановленіе прожитыхъ порядковъ представляется съ точки зрѣнія людей, не имѣющихъ понятія объ исторической жизни, дѣломъ возможнымъ, не требующимъ ничего, кромѣ нѣкотораго искусства и твердости воли. За примѣрами хо-

дить недалеко. Французскіе легитимисти двадцатыхъ годовъ и позже такъ относились къ перевороту, произведенному въ общественной жизни французской революціей и, идеализируя старый порядокъ, находили нужнымъ и возможнымъ разстаться со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано было чуть ли не со временъ Реформаціи, освободившей человѣческій разумъ отъ господства авторитета, и соотвѣтственно этой мысли дѣлали попытки реставраціи прошедшаго съ іезуитскимъ орденомъ включительно. Попытка эта была нелѣпа и оказалась пагубной; но она характеризуетъ элементарное отношеніе къ общественной жизни, отношеніе, не просвѣщенное научнымъ историческимъ знаніемъ. То же самое мы видимъ въ началѣ XIX вѣка и въ Германіи со стороны нѣмецкихъ крупныхъ и мелкихъ государей, старающихся возстановить старый порядокъ путемъ поставленія университетской науки въ тѣсныя рамки полицейскихъ цѣлей и путемъ возстановленія въ войскахъ капральскихъ палокъ и косичекъ, упраздненныхъ во время господства Наполеона и дѣятельности такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ прусскіе министры Штейнъ и Шарнгорстъ.

Научное изученіе исторіи устраняетъ мысль о произвольности общественныхъ явленій и на мѣсто ея вводитъ идею ихъ законосообразности. Оно не устраняетъ значенія личности въ общественной жизни и, такъ сказать, въ созиданіи исторіи; но оно указываетъ границы дѣйствія личности, выясняетъ безплодность такихъ стремленій, которыя противорѣчатъ естественнымъ законамъ общественной жизни и историческаго развитія. Въ этомъ направленіи развитіе исторической науки въ теченіе XIX вѣка и въ особенности во второй половинѣ его сдѣлало очень много. Благодаря распространенію болѣе правильныхъ понятій о сущности историческаго процесса, произошло, по всей вѣроятности, отреченіе отъ дѣйствій, которые противорѣчатъ законосообразности историческаго развитія и потому заранѣе обречены на безплодіе и способны только привести къ вреднымъ послѣдствіямъ. Сколько времени государственные дѣятели были убѣждены, что религіозныя преслѣдованія необходимы для прочности государства, такъ какъ таковая тѣсно связана съ религіознымъ единствомъ. Вредныя послѣдствія примѣненія этого убѣжденія и изученіе этихъ послѣдствій привело къ отреченію отъ системы религіозныхъ преслѣдованій и ведетъ теперь къ осуществленію мысли о невмѣшательствѣ государства въ религіозныя дѣла его подданныхъ, а среди гражданъ къ торжеству религіозной терпимости. По всей

вѣроятности еще не скоро эти начала осуществлятся всюду; но историческій процессъ въ этомъ направленіи обозначился довольно ясно для людей образованныхъ, и было бы нелѣпо возвращаться къ идеѣ государственной церкви и связанной съ этой идеей системой стѣсненій религіозныхъ исповѣданій, не принадлежащихъ къ этой господствующей церкви.

Недалеко то время, когда сторонники политическаго прогресса находили, что стоитъ только понять превосходство данной политической формы, чтобы ее можно было осуществить, независимо отъ наличности соотвѣтственныхъ культурныхъ условій. Республиканцы конца XVIII вѣка были представителями такихъ воззрѣній, и такіе люди, какъ Робеспьеръ и его единомышленники, употребили сверхчеловѣческія усилія для насажденія республики по ихъ образу и подобію. Ручьи человѣческой крови были пролиты для осуществленія этой мысли, принесшей только вредъ и покоившейся на представленіи, что можно декретировать людямъ свободу и равенство, независимо отъ историческаго закона развитія общественной жизни. Республиканцы конца XIX вѣка, въ родѣ Гамбетты, не были способны на такія дѣйствія, которыя съ ихъ точки зрѣнія были бы безуміемъ. Ихъ міровоззрѣніе, какъ позитивистовъ, покоилось на успѣхахъ, сдѣланныхъ исторической наукой и нашедшихъ себѣ выраженіе въ философіи Конта, Милля и Спенсера. Это наглядный примѣръ того, какъ вліяетъ успѣхъ исторической науки на общественное міровоззрѣніе людей.

Но разъ мы должны допустить то, что исторія содѣйствуетъ развитію въ людяхъ идеи законосообразности явленій общественной жизни, то мы должны прибавить къ этому, что развитіе исторической науки разсѣиваетъ общественныя предразсудки и суевѣрія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое предразудокъ или суевѣріе? Вѣдь это попытка человѣческаго ума, недостаточно вооруженнаго знаніемъ и научнымъ методомъ, объяснить себѣ окружающія его явленія природы. Пытаясь объяснить ихъ себѣ, но не зная ихъ и не зная пути, которымъ слѣдуетъ подойти къ ихъ изученію, человѣкъ переноситъ на нихъ собственное я и населяетъ природу духами, управляющими силами природы, и придумываетъ множество болѣе или менѣе дѣйствительныхъ средствъ для того, чтобы защитить себя отъ вреднаго вліянія силъ природы. Сюда относятся разнаго рода пріемы колдовства. То же самое происходитъ и въ отношеніи явленій общественной жизни. Не понимая ихъ и не располагая средствами узнать ихъ и понять, человѣкъ пытается и

ихъ связать либо съ явленіями природы, либо съ послѣдовательно совершающимися явленіями общественной же жизни и путемъ этой произвольной связи создать себѣ объясненіе общественнаго явленія, его поражающаго. Въ поэтическихъ сказаніяхъ грековъ мы видимъ, какъ то или иное отношеніе между богами, или боговъ къ людямъ, выставляется какъ объясненіе историческихъ явленій. Три богини спорятъ между собой относительно красоты, и послѣдовательно изъ этого спора происходитъ Троянская война. Нѣтъ дѣйствія людского, болѣе или менѣе крупнаго въ этой сѣдой старинѣ, въ которомъ бы не переплетались дѣла людей съ отношеніями боговъ. Боги дерутся вмѣстѣ съ людьми. Аполлонъ поддерживаетъ Гектора, а Паллада Аѳина Ахиллеса. Но въ кажущейся сумятицѣ человѣческихъ дѣйствій и капризовъ боговъ тонкій умъ грека почувствовалъ нѣчто единое и всесильное, которому равно подчиняются и люди, и боги. Это Мойра или Ананки, или Фатумъ. Во время боя Ахиллеса съ Гекторомъ Зевсъ спрашиваетъ это высшее существо и, получивъ отвѣтъ, что суждено погибнуть Гектору, покоряется этому приговору съ горечью въ сердцѣ, и Аполлонъ, узнавъ объ этомъ приговорѣ, оставляетъ Гектора одного на полѣ битвы. Въ этомъ представленіи объ Мойрѣ или Ананки чувствуется какъ бы проблескъ сознанія высшаго и единаго закона жизни, которому все подчиняется, не исключая и небожителей.

И у другихъ народовъ мы видимъ попытки объяснять явленія общественной жизни вліяніемъ тѣхъ или иныхъ явленій природы. Землетрясеніе предвѣщаетъ нападеніе Разина на Астрахань. Необычайныя явленія въ природѣ предсказываютъ крестьянскую войну въ Германіи въ началѣ XVI вѣка, и на небесахъ начались сраженія раньше, чѣмъ стали драться на землѣ. Комета предсказываетъ войну 1812 года. Мы не будемъ теперь вдаваться въ разборъ психологическихъ основаній подобныхъ предсказаній. Насъ интересуетъ только вопросъ о томъ, что въ нихъ сказывается попытка объяснить себѣ явленія общественной жизни тѣмъ или инымъ путемъ. Иногда эти послѣднія связываются съ явленіями общественной же жизни, и одни изъ нихъ ставятся въ причинную связь съ другими. Такъ, голодъ, посѣтившій Москву въ царствованіе Бориса Годунова, связанъ былъ въ народномъ представленіи съ другимъ необычаймымъ событіемъ,—присутствіемъ на престолѣ простого боярина. Не останавливаясь на многочисленныхъ примѣрахъ, вспомнимъ еще какъ въ томъ же направленіи че-

ловѣческой мысли рисуется судьба человѣчества въ вѣка, давно минувшіе. Тамъ люди живутъ по нѣсколько сотъ лѣтъ и даже тысячъ, отличаются необычайной силой; словомъ, міръ населенъ Тезеями и Гераклами, Добрынями Никитичами и Ильями Муромцами.

Если мы сравнимъ съ этими попытками проникнуть въ тайны общественной жизни работу исторической науки, то мы легко увидимъ, что она преслѣдуетъ ту же цѣль: объясненіе явленій общественной жизни; но только она подходитъ къ дѣлу путемъ изслѣдованія фактовъ, ихъ причинной связи и дѣлая изъ нихъ выводы, наука постоянно провѣряетъ послѣднія новыми изслѣдованіями. Этимъ путемъ создаются историческія гипотезы, которыя провѣряются на фактахъ, и одна гипотеза смѣняетъ другую послѣ того, какъ таковая провѣрка заставляетъ ученыхъ отказаться отъ господствующаго взгляда. Не трудно замѣтить аналогію между гипотезой и повѣріемъ. И то и другое есть попытка освѣтить факты; но только послѣднее не провѣряется научнымъ изученіемъ фактовъ, а принимается какъ нѣчто непреложное, чему надо вѣрить, тогда какъ научная гипотеза не требуетъ вѣры, а проситъ провѣрки. Чѣмъ глубже идетъ историческое изслѣдованіе, тѣмъ яснѣе становится причинная связь между явленіями общественной жизни, выступаетъ наружу ихъ законосообразность и тѣмъ меньше остается мѣста для чего то таинственнаго; и предразсудки, и повѣрія относительно прошлаго и настоящаго человѣчества разсѣиваются совершенно такъ, какъ подъ свѣтомъ физики и астрономіи исчезаютъ суевѣрія, порождаемыя незнаніемъ законовъ природы. Я говорилъ о тѣхъ повѣріяхъ, которыя принадлежатъ, такъ сказать, толпѣ и которыя Бэконъ называлъ idola fori: но есть и другіе предразсудки, принадлежащіе образованнымъ классамъ общества, которые исчезаютъ предъ свѣтомъ историческаго изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ господствовало убѣжденіе между государственными людьми Франціи, что дешевый хлѣбъ есть необходимое условіе процвѣтанія обрабатывающей промышленности. Этой теоріей объяснялась система запрещенія вывоза хлѣба, практиковавшаяся въ то время, и въ подтвержденіе вѣрности этой теоріи ссылались на авторитетъ Кольбера, который будто бы потому и сталъ запрещать вывозъ хлѣба, что хотѣлъ доставить дешевый хлѣбъ рабочему населенію городовъ. Историческое изслѣдованіе показало во-первыхъ, что Кольберъ не разсуждалъ о запрещеніи вывоза хлѣба съ этой точки зрѣнія, а думалъ

запретомъ вывоза предупредить голодовки, произведшія на него сильное впечатлѣніе, во-вторыхъ, что система запрещеній вывоза не имѣла никакого благодѣтельнаго вліянія на промышленность Франціи и въ-третьихъ, что она разстроила сельско-хозяйственную промышленность и хлѣбную торговлю и, между прочими условіями тогдашней политической жизни, стала причиной періодическихъ голодовокъ, достигавшихъ иногда до страшныхъ размѣровъ.

Убѣжденіе, раздѣлявшееся почти всѣми государственными людьми западной Европы и заключавшееся въ томъ, что единство политическое тѣсно связано съ единствомъ религіознымъ не выдержало столкновенія съ научнымъ изслѣдованіемъ, и въ настоящее время считается предразсудкомъ. Эту идею смѣнила другая, что крѣпость государства зависитъ отъ его національнаго единства; эта идея еще не оставлена, за нее говоритъ много фактовъ и аналогій; но мнѣ кажется, что историческія изслѣдованія скажутъ, что государство можетъ быть сильно и крѣпко и при отсутствіи національнаго единства, но при наличности другихъ условій политической и культурной жизни, и что стремленіе къ національному единству съ нарушеніемъ этихъ другихъ условій и въ особенности съ нарушеніемъ требованій нравственности приведетъ къ еще худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ практиковавшееся въ XVI. и XVIII вѣкахъ стремленіе осуществить единство религіозное. Боюсь, однако, что, высказывая мимоходомъ эту мысль, я выхожу изъ предѣловъ моей задачи и потому возвращаюсь къ ней.

Я старался выяснить, что научное и историческое образованіе выясняетъ законосообразность явленій общественной жизни въ ея развитіи, что оно даетъ понятіе о причинной связи между явленіями исторической жизни и что, какъ послѣдствіе этихъ результатовъ изученія исторіи, является разсѣиваніе предразсудковъ и повѣрій относительно прошлаго и настоящаго общественной жизни.

Все сказанное о вліяніи изученія исторіи на измѣненіе нашего міровоззрѣнія приводитъ къ тому выводу, что наше отношеніе къ жизни пріобрѣтаетъ болѣе сознательный характеръ. Мы начинаемъ сознавать то мѣсто, которое занимаетъ настоящій моментъ въ жизни того общества, который мы съ нимъ переживаемъ, въ цѣпи событій, которыя составляютъ его прошлую жизнь, а это есть народное или національное самосознаніе. Оно имѣетъ то же значеніе, какъ и личное самосознаніе. Послѣднее достигается путемъ внимательнаго отношенія къ своей душевной жизни, къ сво-

ему прошлому. Такое отношеніе имѣетъ мѣсто обыкновенно въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ и служитъ основаніемъ для самоопредѣленія личности. Но и помимо внимательнаго отношенія къ своему духовному я, личное самосознаніе является продуктомъ, хотя въ меньшей степени, той послѣдовательной связи, которая заключается въ переживаніи данной личностью ряда своихъ дѣйствій, впечатлѣній, идей, чувствъ и разныхъ другихъ условій личнаго существованія, каковое переживаніе и создаетъ въ концѣ концовъ данную личность, не говоря конечно о ея зачаткахъ, лежащихъ въ природныхъ свойствахъ. Такимъ образомъ, личность потому желаетъ и чувствуетъ данным образомъ, и стремится въ извѣстномъ направленіи для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, что она составляетъ неразрывное цѣлое съ своимъ прошлымъ, которое ее создало, и она сознаетъ эти чувства свои и желанія, и потребности даже помимо внимательнаго отношенія къ своему прошлому.

Въ отношеніи самосознанія общественнаго второй элементъ отсутствуетъ. Если данное поколѣніе и представляетъ собою нѣчто, находящееся въ связи съ его прошлымъ въ исторіи; если оно несетъ въ себѣ наслѣдіе прежнихъ поколѣній, то оно не связано съ нимъ въ такой же формѣ, какъ прошлое и настоящее индивидуума. Оно заключаетъ въ себѣ и зародыши того будущаго, которое будетъ слагаться не въ силу только традицій, но и въ силу идеаловъ, созданныхъ мыслью человѣка. Что касается отдѣльной личности, то она не составляетъ чего то, также тѣсно связаннаго съ обществомъ, какъ органъ человѣческаго тѣла или элементы души человѣка связаны съ индивидуумомъ. Еще слабѣе связь личности съ прошлымъ народа, и сознаніе связи настоящаго даннаго народа съ его прошлымъ можетъ быть получено только путемъ изученія послѣдняго, иначе говоря, путемъ изученія исторіи своего народа. Проникая въ это прошлое, мы пріобрѣтаемъ сознаніе того, что составляетъ особенность той націи, къ которой мы принадлежимъ, постигаемъ ея характеръ, умственно переживаемъ ея дѣянія и условія ея жизни и приходимъ къ пониманію, почему она стала такою, а не иною и чѣмъ она можетъ стать. Умственно переживая ея стремленія и видя направленіе ихъ въ прошломъ, начиная съ древняго времени и до, такъ сказать, кануна нашей жизни, мы приходимъ къ сознанію того, что такое нашъ народъ и какія задачи поставлены ему нашимъ прошлымъ и какъ онъ можетъ разрѣшить ихъ. Такимъ путемъ

историческаго изученія мы приходимъ къ національному самосознанію.

Но это лишь узкая рамка результатовъ историческаго изученія прошлаго человѣчества. Мы тогда лучше понимаемъ себя, когда сталкиваемся съ другими людьми. Мы тогда видимъ чѣмъ мы отличаемся отъ нихъ и что въ насъ обще съ ними. Тоже самое и относительно другихъ народовъ. Выходя изъ рамокъ изученія прошлаго своего народа, мы входимъ въ широкую область изученія исторіи человѣчества. Это изученіе расширяетъ нашъ горизонтъ и разъясняетъ намъ тѣ особенности, которыя выдѣляютъ нашъ народъ, но въ тоже время выясняетъ и тѣ общія черты, которыя связываютъ его со всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ. Этимъ самымъ указываются и тѣ общечеловѣческія задачи, которыя не могутъ быть чужды ни одному народу, поскольку онъ желаетъ и можетъ жить цивилизованной жизнью, скажу болѣе, исторической жизнью. Мало того, извѣстныя формы жизни не всюду развиваются съ одинаковой полнотой и богатствомъ, поэтому пониманіе ихъ легче достигается путемъ сравнительнаго изученія. Такимъ образомъ, то, что въ исторіи одной національности бываетъ неясно, недостаточно развито и потому иногда не совершенно намъ понятно, станетъ для насъ яснымъ, когда мы тѣ же въ сущности формы жизни увидимъ въ болѣе полномъ и развитомъ видѣ у другого народа. Изучая исторію человѣчества, мы въ то же время увидимъ не только то, что раздѣляетъ насъ отъ него, но и то, что соединяетъ насъ съ нимъ и дѣлаетъ насъ нераздѣльной частью человѣчества и заставляетъ насъ сказать: homo sum et nihil humanum mihi alienum esse puto. Такимъ образомъ, если изученіе исторіи нашего народа развиваетъ наше національное самосознаніе, то изученіи Всемірной Исторіи развиваетъ въ насъ общечеловѣческое самосознаніе и открываетъ намъ широкіе горизонты общечеловѣческихъ стремленій и тѣхъ задачъ, которыя поставлены исторіей всего человѣчества. „Только тотъ, говоритъ историкъ Карлъ Шмидтъ, кто понялъ развитіе человѣчества въ его исторіи до послѣдняго времени и замѣтилъ задачи, поставленныя геніемъ исторіи и разрѣшенныя отдѣльными народами, или тѣ задачи, которыя поставлены и разрѣшаются современностью и преимущественно тѣ, которыя поставлены и должны быть разрѣшены тѣмъ народомъ, къ которому мы принадлежимъ, только тотъ способенъ принести свою лепту на построеніе того Божьяго храма, который созидаетъ человѣчество“.

Эта цитата вводитъ насъ въ область вопроса о важности тѣхъ результатовъ, которые приписываются историческому изученію прошлаго человѣческаго общества. Если вдуматься въ дѣло, то не трудно представить себѣ практическое значеніе разработки науки исторіи. Въ самомъ дѣлѣ: постиженіе законовъ общественной жизни даетъ намъ возможность избѣгать тѣхъ дѣйствій, которыя имъ противорѣчатъ. Эти дѣйствія по существу дѣла безцѣльны, а иногда могутъ быть и вредны. Осуществленіе такихъ дѣйствій равносильно тому, какъ если бы мы вздумали игнорировать законы тяжести или законы равнодѣйствія механическихъ силъ при постройкахъ или при оборудованіи машинъ. Какъ примѣръ подобнаго же образа дѣйствій въ области общественной жизни, можно указать на воззрѣніе, существовавшее когда то на деньги. При господствѣ меркантильной системы, ихъ считали за богатство и съ этой точки зрѣнія государственные люди XVII и XVIII вѣковъ всѣ свои дѣйствія направляли на привлеченіе въ государство возможно большаго количества денегъ, игнорируя другія стороны общественнаго богатства, имѣющія гораздо большее значеніе, чѣмъ деньги. Между тѣмъ изученіе фактовъ народнаго хозяйства привело къ отреченію отъ меркантильной системы и избавило человѣчество отъ ея вредныхъ послѣдствій. Тоже самое можно сказать и относительно представленія о томъ, что можно преслѣдовать идеи и этимъ путемъ придти къ общественному благополучію. Исторія показала, однако, что идеи, признаваемыя вредными, во-первыхъ, не всегда были таковыми, а во-вторыхъ, что ихъ преслѣдованіе при помощи разнаго рода карательныхъ мѣръ приноситъ больше вреда чѣмъ пользы уже потому одному только, что оно плодитъ эти самыя идеи, не говоря уже о другихъ вредныхъ послѣдствіяхъ для умственной жизни общества, создаваемыхъ стѣсненіемъ умственной дѣятельности.

Едва ли нужно говорить о полезности разсѣиванія повѣрій и предразсудковъ относительно общественной жизни, которое связано съ изученіемъ исторіи. Но нельзя обойти молчаніемъ важности развитія общественнаго сомосознанія; она не такъ бросается въ глаза, какъ важность устраненія предразсудковъ и повѣрій. Для большей наглядности обратимъ вниманіе на тѣ моменты, когда самосознаніе личное страдаетъ отъ какихъ либо поврежденій въ психикѣ человѣка. Возьмемъ, напримѣръ, раздвоеніе человѣческой личности, когда она живетъ періодически двумя жизнями, одна съ другой не связанными. Но это еще полбѣ-

ды. Наступаютъ иногда и такія положенія, когда мысли человѣка бродятъ, какъ мухи травленныя, не подчиняясь никакому логическому порядку, когда человѣкъ теряетъ сознаніе своего я и своихъ дѣйствій. Когда мы видимъ такого субъекта, мы всѣмъ своимъ существомъ чувствуемъ, какое это большое несчастье, и тогда больше, чѣмъ въ обычное время, сознаемъ всю важность въ нашей жизни наличности самосознанія. Въ неменьшей степени важно самосознаніе общественное. Человѣкъ—членъ общества. Чтобы жить въ немъ съ пользой для него и для себя, необходимо знать, что такое общество, и въ еще большей степени необходимо знать его современныя потребности и тѣ стремленія его членовъ, которыя оправдываются законами исторіи и общественной жизни. По поводу этого говорятъ иногда, что ничего этого не нужно, что лучшій учитель это книга жизни, а не историческіе примѣры. Не въ примѣрахъ дѣло, а въ пониманіи историческаго момента, въ знаніи того, что нужно, что возможно и что нѣтъ. Что же касается ссылки на книгу жизни, то для того, чтобы читать какую бы то ни было книгу, надо быть грамотнымъ человѣкомъ, а безъ знанія исторіи и соціологіи едва ли возможно чтеніе и пониманіе книги жизни, если не говорить о геніяхъ. Выше мы говорили о томъ, какъ помогаетъ исторія пониманію современнаго момента и какъ то, что совсѣмъ непонятно для невѣжды, совершенно можетъ быть ясно для человѣка, знакомаго съ исторіей, не какъ съ сборникомъ примѣровъ, а какъ съ наукой. Есть и другое воззрѣніе, противоположное отрицанію полезности прислушиваться къ исторіи. Оно пріобрѣтаетъ господство обыкновенно въ періоды реакціоннаго настроенія общества. Оно заключается въ томъ, что отрицается все то, что не бывало въ прошломъ и для правильности дѣйствій, всѣхъ приглашаютъ погрузиться въ глубину народнаго духа, вскрываемаго его исторіей. Это какъ будто бы то же самое, что мы говорили только-что; но это только кажущееся сходство. Сторонники застоя жизни ссылаются на исторію совершенно такъ, какъ старики ссылаются на то, что въ старину, молъ, этого не бывало, а потому и незачѣмъ заводить что либо новое. Старики берутъ только пространство своей жизни, причемъ иллюзіи памяти рисуютъ имъ идеальную картину того, давняго прошлаго. Съ людьми старающимися оправдать существующее при помощи прошедшаго, бываетъ тоже самое. Безсознательно, въ силу недостаточнаго знакомства съ наукой исторіи, а иногда сознательно они видятъ отраженіе глубины народнаго духа

только въ одномъ какомъ нибудь періодѣ исторіи даннаго народа и игнорируютъ другіе періоды, въ которыхъ господствовали формы жизни, не пользующіяся ихъ симпатіей. Такъ, напримѣръ, они не отдаютъ себѣ отчета, почему политическія формы, принесенныя Чингизъ-Ханомъ изъ Китая и уснащенныя потомъ византійскими а частью и западно-европейскими абсолютистскими воззрѣніями, отражаютъ глубину духа русскаго народа, а удѣльно-вѣчевой порядокъ не отражаетъ его.

Говоря о значенія исторіи для развитія національнаго самосознанія, мы имѣли въ виду не фальсификацію исторіи, какъ науки, а науку, независимую отъ какихъ либо политическихъ цѣлей. Развитіе таковой и занятія ею, давая основаніе для развитія національнаго самосознанія, обезпечиваютъ намъ сознательность нашихъ общественныхъ дѣйствій и тѣмъ самымъ устраняютъ тѣ наши поступки, которыя или вредны для развитія общественной жизни или же безполезны для нея. При помощи этой школы мы можемъ развить изъ себя людей, которые могутъ опредѣленно говорить, почему они стремятся къ данной цѣли и почему они считаютъ такіе то пути целесообразными. Само собою разумѣется, что выставляя это положеніе, мы имѣемъ въ виду, что много совершалось великаго и полезнаго безъ знанія исторіи и что поэтому приписываемое ей образовательное значеніе должно быть принимаемо съ нѣкоторыми оговорками. Дѣйствительно, мы упоминали въ прошлый разъ, что такъ называемые великіе люди обладаютъ способностью угадать задачу момента и привлечь къ ней общественное вниманіе и направить къ ея разрѣшенію общественныя силы. Это такъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы люди, не обладающіе такими огромными способностями, не нуждались бы въ развитіи своего національнаго и общественнаго самосознанія. Напротивъ, несомнѣнно большой перевѣсъ въ конкурренціи народовъ будетъ всегда имѣть тотъ народъ, въ которомъ сознательно дѣйствующихъ въ общественной жизни людей будетъ больше, чѣмъ въ другомъ. Этого мало, общій подъемъ средняго уровня образованности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сознательности даннаго народа, обѣщаетъ ему и большое число выдающихся людей. Чѣмъ выше горный массивъ, тѣмъ выше тѣ вершины, которыя на немъ вздымаются.

Но развитіемъ одного національнаго самосознанія не ограничивается образовательное вліяніе исторіи. Какъ мы сказали, она развиваетъ и самосознаніе общечеловѣческое. При развивающейся связи между народами, при все болѣе и болѣе переплетающихся

ихъ интересахъ, для человѣка, исторически образованнаго, открывается путь къ служенію своей народности совмѣстно съ служеніемъ интересамъ человѣчества. Сколько безплодной борьбы можно было бы избѣжать, сколько несчастій ослабить, если бы для большинства людей было понятно то, что не только разъединяетъ народы и ихъ интересы, но и соединяетъ ихъ между собой и призываетъ къ совмѣстной мирной работѣ. Nos omnis fert omnia tellus. Изъ этого положенія вытекаетъ необходимость обмѣна и, такъ сказать, раздѣленія труда между народами. Если раздѣленіе труда составляетъ одно изъ основаній, связывающихъ людей въ общество и развивающихъ то, что составляетъ принципъ его, а именно солидарность, то тоже самое можно сказать и о международныхъ отношеніяхъ. Но не только это. Пониманіе исторіи человѣчества даетъ возможность понимать лучше свою собственную жизнь. Не въ каждомъ обществѣ всѣ стороны жизни развиваются выпукло. Въ однихъ нѣкоторыя звѣнія развитія едва замѣтны или же отсутствуютъ. Изученіе явленій тамъ, гдѣ они развились ясно, даетъ возможность видѣть и понимать ихъ тамъ, гдѣ они едва замѣтны, и угадывать ихъ значеніе. Вотъ почему изученіе всемірной исторіи и развиваемое ею общечеловѣческое сознаніе усиливаетъ сознаніе національное и тѣмъ самымъ вооружаетъ насъ лишними средствами для служенія на пользу нашего народа, не становясь въ противорѣчіе съ требованіями гуманности.

Наконецъ, изучая общественную жизнь, человѣкъ начинаетъ понимать ту связь, которая существуетъ между законами общественной жизни и требованіями нравственности. Онъ начинаетъ понимать, что требованіе нравственности носитъ не относительный, а безусловный характеръ и не потому, что правила нравственности находятся въ томъ или иномъ кодексѣ правилъ религіозныхъ или общественныхъ, а потому, что безъ нихъ невозможно самое существованіе общества. Онъ видитъ далѣе, что съ развитіемъ человѣчества, такъ сказать, расширяется поле того, что признается безнравственнымъ. То, что при извѣстномъ уровнѣ культуры и общественности признается безразличнымъ съ нравственной точки зрѣнія или даже нравственнымъ, при дальнѣйшемъ развитіи культуры начинаетъ признаваться безнравственнымъ. Обратнаго явленія не бываетъ. Изучающій исторію видитъ, что съ прогрессомъ человѣчества развивается и его нравственность и что противоположное мнѣніе есть такой же предразсудокъ, какъ и вѣра въ то, что въ старое время индивидуальная жизнь продолжалась по 60000

лѣтъ. Важность развитія въ человѣкѣ сознательнаго отношенія къ нравственной догмѣ не можетъ подлежать спору. Человѣкъ нерѣдко грѣшитъ противъ нравственности не потому, что у него слабо развито нравственное чувство или слаба воля; но и потому, что онъ заблуждается въ пониманіи нравственной догмы. Нравственное чувство человѣка легко можетъ ослабѣть, если оно остается безсознательнымъ. Спѣшу оговориться, что человѣкъ, въ которомъ съ молоду не развито нравственное чувство и не развита твердая воля, неспособенъ къ активной нравственности и такому субъекту никакое пониманіе основаній нравственности не поможетъ. Поэтому сказанное о вліяніи на укрѣпленіе и расширеніе нравственнаго сознанія изученія исторіи общества предполагаетъ уже человѣка правильно поставленнаго въ этомъ отношеніи воспитаніемъ. Мы только хотѣли сказать, что подъ вліяніемъ историческихъ занятій самая устойчивость такихъ людей принимаетъ большую прочность. Но такъ какъ и сама нравственная догма, какъ мы сказали, подчинена законамъ развитія, то историческое изученіе послѣдняго вноситъ поправки въ самыя догмы нравственности, по скольку того требуютъ условія культуры. „Вліяніе изученія исторіи на нравственность, говоритъ Карлъ-Августъ Мюллеръ, заключается въ томъ, что существованіе на дѣлѣ фактовъ нравственности дѣйствуетъ вообще возбуждающимъ и укрѣпляющимъ образомъ на нравственность человѣка. Они укрѣпляютъ его нравственность лучше, чѣмъ всякая мораль или поученіе. Съ другой стороны изученіе развитія общественной жизни приводитъ къ выводамъ, которые служатъ поправкой нравственной догмы нашей, даютъ ей раціональное основаніе, что такъ необходимо для всякаго пытливаго и развитаго ума“.

До сихъ поръ мы говорили о вліяніи исторіи на мировоззрѣніе людей и о томъ практическомъ значеніи, которое имѣетъ наука эта для человѣка, какъ члена общества. Но есть еще одна сторона дѣла, которая, надо думать, имѣетъ еще большее значеніе. Въ стремленіи своемъ пріобрѣсти извѣстныя знанія человѣкъ руководится соображеніемъ практической пользы и, кромѣ того, ищетъ удовлетворенія своей потребности въ знаніи и въ развитіи своей личности. Можетъ быть, это покажется съ перваго взгляда парадоксальнымъ; но я позволю себѣ утверждать, что эта послѣдняя сторона дѣла, а именно потребность человѣка въ знаніи, независимо отъ практическаго приложенія послѣдняго, занимаетъ въ его жизни болѣе важное мѣсто, чѣмъ практическія соображенія, и существо-

ваніе этой идеальной потребности въ знаніи и пониманіи окружающихъ его явленій рѣзко отличаетъ человѣка отъ прочихъ животныхъ, хотя и у послѣднихъ нельзя отрицать существованія любознательности, хотя и въ минимальной дозѣ.

Чтобы убѣдиться въ справедливости этого взгляда, достаточно обратить вниманіе на тѣ стадіи человѣческаго развитія, когда ему еще чужда наука и недоступны ея практическія приложенія. Уже тогда человѣкъ пытается объяснить себѣ окружающія явленія и приступаетъ къ этой работѣ съ ничтожными знаніями. Онъ не останавливается предъ недостаткомъ послѣднихъ и, полагаясь на свой умъ, создаетъ себѣ нужныя ему объясненія. Отсюда появляются тѣ суевѣрія, которыя наполняютъ душу человѣка, лишеннаго знанія. Только немногія изъ нихъ могутъ имѣть для него практическое значеніе; большинство же такого значенія не имѣютъ. Существованіе ихъ служитъ доказательствомъ присутствія въ человѣкѣ потребности понять окружающее, потребности, обусловленной его психикой, а не какими либо практическими соображеніями. Тоже самое, какъ мы уже замѣтили выше, происходитъ и въ отношеніи человѣка къ своему прошлому. Онъ тоже старается объяснить его себѣ и создаетъ разныя поэтическія сказанія, наполняющія въ большей или меньшей степени первоначальную исторію каждаго народа. То онъ старается объяснить себѣ свое національное происхожденіе, и вотъ онъ создаетъ сказаніе объ Эолѣ, Дорѣ и Ксутѣ и сыновьяхъ послѣдняго Іонѣ и Ахеѣ, какъ родоначальникахъ четырехъ греческихъ племенъ. То онъ стремится проникнуть въ происхожденіе мѣстныхъ названій, и, какъ результатъ этого стремленія является сказаніе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Бываетъ, что онъ интересуется происхожденіемъ своей образованности и удовлетворяетъ своей пытливости преданіями объ иностранныхъ пришельцахъ, вродѣ Кадма или Кекропса, или же преданіями о своихъ собственныхъ титанахъ, какъ Ликургъ, которые сразу создаютъ цѣлую цивилизацію. Можно было бы привести множество такихъ примѣровъ, но и этихъ довольно для выясненія моей мысли о томъ, что человѣку и по отношенію его прошлаго, какъ и по отношенію къ природѣ, присуща идеальная потребность въ знаніи, которую онъ и удовлетворяетъ по силѣ возможности.

Къ тому же убѣжденію приводитъ насъ и другой путь. Если мы остановимъ наше вниманіе на порядкѣ развитія наукъ, то мы увидимъ, что въ началѣ его стоятъ религія и философія, а потомъ уже развиваются отдѣльныя науки и проходятъ долгій путь раз-

витія науки прежде, чѣмъ ей стать источникомъ удовлетворенія практическихъ потребностей человѣка. Если такъ, то выходитъ, что самое существованіе наукъ предполагаетъ существованіе въ человѣкѣ сильной идеальной потребности въ знаніи, ибо безъ нея не было бы этого долгаго пути развитія науки. Если, наконецъ, мы посмотримъ на то, каковы побужденія въ научной работѣ тѣхъ людей, которыхъ мы называемъ свѣточами человѣчества, то мы не можемъ не признать, что въ краю угла стоитъ именно этотъ неугасаемый источникъ Божественнаго огня, который кроется въ идеальной потребности въ знаніи. Не соображенія практической пользы побуждали Галилея по миованіи перспективы костра воскликнуть: „а все таки движется“. Не мысли о таковомъ же значеніи его философскихъ идей побудили Джіордано Бруно взойти на костеръ и остаться вѣрнымъ своимъ идеямъ, не смотря на предложеніе, отказаться отъ нихъ и тѣмъ облегчить свои страданія. Мы видѣли выше, то отношеніе, которое существуетъ между работой исторіи и тѣми наивными сказаніями, которыми человѣкъ старается объяснить явленія своего прошлаго. Это въ сущности одна и та же работа, только одна идетъ путемъ вѣрованій, тогда какъ другая путемъ научнымъ. А если такъ, то, значитъ и исторія отвѣчаетъ той же идеальной потребности человѣка въ пониманіи своего прошлаго, которой отвѣчаютъ и его поэтическія сказанія объ немъ. Долговременный періодъ существованія исторіи протекъ внѣ всякаго подозрѣнія въ томъ, что она можетъ имѣть практическое значеніе для человѣка. Во весь этотъ періодъ она существовала потому только, что такъ или иначе удовлетворяла идеальной потребности человѣка въ знаніи. Если естественныя науки удовлетворяютъ этой потребности путемъ выясненія окружающихъ насъ явленій природы и нашего къ нимъ отношенія, то исторія служитъ той же потребности въ отношеніи насъ самихъ и намъ подобныхъ и, понятно, что потребность этого рода знанія не менѣе сильна. Если сравнить между собой потребность въ знаніи ради практическихъ примѣненій и потребность въ нихъ ради самаго знанія, то можно замѣтить, что первая на столько же условна, на сколько измѣнчивы и условны самыя примѣненія, вторая, напротивъ, гораздо менѣе условна. Можно сказать, что она на столько же условна, на сколько условно самое существованіе человѣка. Пока существуетъ человѣкъ, дотолѣ существуетъ и его потребность въ знаніи, и эта потребность опредѣляетъ существованіе отвлеченной науки, которая служитъ основаніемъ и кормильцемъ практическихъ

знаній. Бывали періоды въ исторіи человѣчества, когда ослабѣвала теоретическая работа человѣческой мысли; науки прикладныя какъ будто продолжали свое развитіе, но это была только иллюзія, создаваемая малымъ масштабомъ, которымъ мы мѣряемъ время. На самомъ дѣлѣ, черезъ извѣстный періодъ времени и прикладныя науки замирали, за недостаткомъ питанія.

II.

Образовательное значеніе Исторіи въ средней школѣ.

Переходя къ изложенію образовательнаго значенія исторіи въ средней школѣ, мы естественно должны принять во вниманіе тѣ осложняющія обстоятельства, которыя заключаются въ возрастѣ и связанной съ нимъ силѣ пониманія, присущей учащимся. Съ этими же обстоятельствами связанъ и тотъ запасъ знаній, которымъ они располагаютъ. Эти осложняющія обстоятельства конечно не могутъ не вліять ограничивающимъ образомъ на тѣ выводы, которые мы дѣлали относительно образовательнаго вліянія занятій исторіей на человѣка съ сложившимся уже умомъ и съ достаточнымъ запасомъ знаній.

Напримѣръ, умъ учащихся не на столько силенъ, чтобы обнять широкія историческія обобщенія, которыя составляютъ сущность исторіи какъ науки. Конечно, въ этомъ отношеніи существуетъ различіе между отдѣльными классами по возрасту учащихся. Что недоступно дѣтямъ младшихъ классовъ, то становится понятнымъ для старшихъ. Мало того, учащіеся разнятся и по составу одного и того же класса въ разные годы. Въ зависимости отъ недостаточности силы ума и развитія находится и степень интереса учащихся къ содержанію исторической науки. Въ зависимости отъ этого приходится дѣлать видоизмѣненія въ выборѣ того матеріала, который преподается въ данномъ возрастѣ. Такъ, напримѣръ, младшіе ученики лучше усваиваютъ элементъ біографическій и больше имъ интересуются, чѣмъ описаніемъ общественнаго состоянія, хотя описаніе простѣйшихъ политическихъ формъ и имъ становится интереснымъ и доступнымъ, если излагается живо и отчетливо. Въ болѣе старшемъ возрастѣ становится доступнымъ изложеніе болѣе сложныхъ общественныхъ событій и наконецъ и культурнаго развитія. Намъ нѣтъ возможности входить здѣсь въ

подробности дидактики исторіи. Задача наша заключается только въ выясненіи мысли о томъ, какимъ ограниченіямъ и видоизмѣненіямъ подвергается образовательное значеніе исторіи, когда рѣчь идетъ о людяхъ еще не развитыхъ и не имѣющихъ нужнаго запаса знаній.

Затѣмъ мы должны обратить вниманіе на то, что школа задается двумя сторонами образовательнаго дѣла: сообщеніемъ нужнаго запаса свѣдѣній своимъ питомцамъ и въ то же время извѣстнымъ воздѣйствіемъ, путемъ работы надъ предметами преподаванія, на развитіе ихъ способностей, и не только умственныхъ. Первая сторона служитъ содержаніемъ такъ называемаго реальнаго образованія, а вторая формальнаго. Нерѣдко слышались доводы о томъ, что предпочтительнѣе сосредоточить свое вниманіе на формальномъ образованіи и, что потому содержаніе его, т. е. пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ свѣдѣній отступаетъ на второй планъ. Но исторія школьнаго дѣла въ нѣкоторыхъ странахъ показала, что односторонность въ томъ или другомъ направленіи ведетъ къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Сосредоточеніе вниманія на одномъ только пакопленіи фактическихъ свѣдѣній ведетъ за собой тупость и неповоротливость ума. Но тутъ еще есть выходъ, заключающійся въ томъ, что всякая работа надъ явленіями природы или человѣческой жизни сама по себѣ влечетъ за собой извѣстное формированіе умственныхъ способностей, хотя и недостаточное, если на это дѣло не будетъ обращено спеціальное вниманіе школы. Если, напротивъ, все вниманіе сосредоточено будетъ на формированіи способностей безъ соотвѣтственнаго накопленія знаній изъ жизни природы и человѣка, то получается преувеличенное развитіе дедуктивнаго мышленія, дѣлающаго человѣка способнымъ разсуждать въ пустомъ пространствѣ и дѣлать выводы безъ всякаго вниманія къ дѣйствительной жизни. Таковъ былъ классическій духъ XVIII вѣка. Тѣмъ же грѣшитъ въ значительной степени и наше поколѣніе, воспитанное главнымъ образомъ въ формальномъ отношеніи путемъ грамматики и математики и только естество-толковательныхъ наукъ. Дерзость мысли, необузданность фантазіи, искусство въ дедукціи, пренебреженіе къ индукціи, бѣдность свѣдѣній изъ жизни и природы, таковы умственныя свойства питомцевъ односторонняго формальнаго развитія.

III.

Реальное образованіе.

Придавая одинаковое значеніе какъ формальному, такъ и реальному образованію и требуя ихъ совмѣстнаго дѣйствія на душу человѣка, обратимъ вниманіе сначала на то, какое реальное содержаніе можетъ дать въ образованіи учащагося занятіе исторіей. Выше мы говорили, что однимъ изъ важныхъ образовательныхъ элементовъ исторіи является развитіе національнаго и общечеловѣческаго самосознанія. Въ примѣненіи къ школьному изученію исторіи, мы, кажется, должны отказаться отъ полученія этого результата. Умъ учащихся не на столько силенъ, чтобы обнять тѣ широкія обобщенія цѣлой цѣпи послѣдовательно развивавшихся событій, изъ которыхъ выросло наше настоящее. А вѣдь только съ постиженіемъ этихъ обобщеній и связана возможность развитія самосознанія національнаго и съ еще большимъ трудомъ сознанія общечеловѣческаго. Но не будемъ ставить въ этомъ отношеніи рѣзкой грани между образованіемъ учащагося и взрослаго человѣка, въ особенности, если имѣется въ виду ученикъ старшаго возраста. Если мы и не можемъ льстить себя надеждой на то, что въ немъ разовьется національное, а тѣмъ менѣе общечеловѣческое самосознаніе, то у насъ есть основаніе думать, что средняя школа можетъ дать ему основанія для развитія этихъ идей. Постоянное изученіе причинной связи предыдущихъ событій и эпохъ вплоть до настоящаго времени составляетъ вѣдь содержаніе школьнаго курса исторіи. Путемъ такого изученія въ умѣ образовывается сама собой идея или, если хотите, догадка о связи настоящаго народа съ его прошедшимъ и такимъ образомъ ученикъ становится на порогѣ національнаго самосознанія. У него, можетъ быть, еще нѣтъ полнаго пониманія настоящаго въ связи съ прошедшимъ, но основанія для этого пониманія и мысль о возможности такого пониманія, по всей вѣроятности, создадутся уже въ школѣ. Въ гораздо меньшей степени можно это сказать въ отношеніи развитія самосознанія общечеловѣческаго.

Но если мы не чувствуемъ себя вправѣ надѣяться на развитіе въ средней школѣ національнаго и общечеловѣческаго самосознанія, въ силу изученія причинной связи между событіями, то имѣемъ увѣренность въ томъ, что это изученіе разовьетъ въ умѣ учащагося идею о причинности явленій общественной жизни и

нѣкоторое умѣніе разбираться въ этихъ причинахъ. Въ теченіе курса толковый преподаватель исторіи не можетъ обойтись безъ того, чтобы не разбирать съ учениками дѣйствіе разнаго рода причинъ на развитіе историческихъ событій и исторической жизни. То онъ останавливаетъ ихъ вниманіе на вліяніи географическихъ условій, то на душевныхъ движеніяхъ отдѣльныхъ личностей или такихъ же движеній цѣлаго народа, то онъ говоритъ о вліяніи тѣхъ или иныхъ экономическихъ факторовъ или политическихъ учрежденій, или о вліяніи идей научныхъ или религіозныхъ. То онъ говоритъ объ отдѣльныхъ причинахъ, то о дѣйствіи цѣлой ихъ совокупности. При такомъ изученіи умъ учащагося мало по малу приходитъ къ убѣжденію въ томъ, что жизнь историческая чужда произвола и привыкаетъ къ мысли о существованіи простыхъ и сложныхъ причинъ. Довольно указать, какъ на примѣръ подобныхъ занятій, на изученіе причинъ Крестовыхъ Походовъ или причинъ Реформаціи.

Разбирая причины событій, преподаватель останавливаетъ вниманіе учениковъ на разборѣ причинъ общихъ, основныхъ и случайныхъ, на отличіи причинъ отдаленныхъ отъ непосредственныхъ, или такъ называемыхъ поводовъ. Такъ, въ исторіи Рима можно старшимъ ученикамъ отчетливо выставить рабство какъ крупную причину многихъ измѣненій въ соціальной и политической жизни Рима, по отношенію къ которой нашествіе варваровъ является причиной непосредственной паденія Рима и причиной случайной. Съ тѣмъ же самымъ приходится имѣть дѣло и при изученіи другихъ крупныхъ событій въ исторіи. Это пониманіе различной важности причинъ и усвоеніе мысли, что такое различіе весьма важно для пониманія явленія человѣческой жизни, имѣетъ большое образовательное значеніе. Очень часто приходится въ жизни встрѣчать людей, которые не знаютъ, что такое различіе между основными и второстепенными причинами имѣетъ большое значеніе, и не умѣютъ разбираться между ними. И между тѣмъ какъ много ошибокъ личной жизни происходитъ именно отъ недостатка этого умѣнія различать важную причину отъ второстепенной и случайной, или отъ такъ называемаго повода. Мнѣ кажется, что изъ всего цикла учебныхъ предметовъ въ средней школѣ исторіи принадлежитъ преимущественное мѣсто въ развитіи этого рода идей въ учащемся. Другіе предметы имѣютъ дѣло обыкновенно не съ комплексомъ причинъ, дѣйствующихъ въ разное время, а съ причинами болѣе простыми и дѣйствующими въ одно время.

Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы ученики могли дойти до объясненія сложныхъ явленій общественной жизни. Ни силы ума не окажется въ достаткѣ, а главное не окажется нужныхъ свѣдѣній, которыя даются не исторіей одной только а знаніемъ и тѣхъ наукъ, которыя входятъ въ энциклопедію исторіи. Но, проходя исторію въ средней школѣ, они вмѣстѣ съ учителемъ останавливаются на объясненіи однихъ общественныхъ явленій другими, и такъ какъ подобные пріемы объясненія встрѣчаются довольно часто, то надо допустить, что въ умѣ ученика создастся постепенно идея о томъ, что не только отдѣльныя явленія, но и вся совокупность явленій общественной жизни можетъ быть объясняема взаимной связью ея явленій. Онъ самъ еще не можетъ ихъ понимать во всей совокупности; но онъ чуетъ возможность такого пониманія, и эта мысль объ объяснимости жизни, разъ она образовалась въ немъ, создастъ въ немъ интересъ къ общественной наукѣ и будетъ служить пробужденію интереса къ жизни и внимательнаго къ ней отношенія.

Нерѣдко приходится преподавателю выяснять съ своими учениками вліяніе измѣненій въ однихъ сторонахъ человѣческой жизни на измѣненія, происходящія въ другихъ. Такъ, напримѣръ, приходится разбирать вліяніе связи военной организаціи Московскаго государства на введеніе крѣпостного правда и вліяніе этого послѣдняго на организацію русской жизни. Приходится точно также говорить о связи проповѣди Лютера съ возстаніемъ крестьянъ въ Германіи, или о связи между научными и литературными движеніями эпохи Возрожденія и движеніями религіозными, составляющими Реформацію. Постоянное обращеніе вниманія учащихся на такую тѣсную связь между разными сторонами общественной жизни мало по малу создаетъ въ умѣ учащихся догадку о единствѣ этой жизни.

Вотъ въ главныхъ чергахъ содержаніе образовательнаго вліянія исторіи въ смыслѣ созданія извѣстнаго содержанія идей въ умѣ учащихся. Это по большей части не вполнѣ развитыя идеи, скорѣе это элементы ихъ; но приходится довольствоваться и этимъ немногимъ, если принять въ разсчетъ, что мы имѣемъ дѣло съ наукой съ одной стороны еще мало разработанной, а во-вторыхъ съ явленіями очень сложными. Но нельзя отрицать, что перечисленное нами содержаніе образованія юноши, даваемое преподаваніемъ исторіи, нужно для этого образованія и не можетъ быть дано другими предметами; по этому приходится признать извѣст-

ную важность исторіи въ реальномъ образованіи въ средней школѣ. Теперь обратимся къ формальному образованію, которое она даетъ въ средней школѣ.

IV.

Формальное образованіе.

Подъ формальнымъ значеніемъ предмета въ среднемъ образованіи мы разумѣемъ его вліяніе на развитіе умственныхъ и нравственныхъ способностей учащагося. Это вліяніе не менѣе важно, чѣмъ сообщеніе ему извѣстнаго запаса знаній и понятій. И это понятно: если важенъ запасъ знаній и понятій, то столь же важно и развитіе способноси создавать понятія и постигать предметы. Эта способность представляется необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго самостоятельнаго образованія питомцевъ гимназіи. Итакъ, въ чемъ же заключается формальное значеніе исторіи?

Во-первыхъ, обратимъ вниманіе на способность сравненія предметовъ и явленій. И другіе предметы курса средне-учебныхъ заведеній содѣйствуютъ развитію этой способности учащихся; но въ этомъ отношеніи есть нѣкоторое отличіе въ положеніи исторіи. Когда естественникъ знакомитъ учащихся съ типами животнаго и растительнаго міра, онъ несомнѣнно развиваетъ въ нихъ способность наблюденія и сравненія. Но онъ показываетъ имъ предметы, подлежащіе изученію. Послѣднее идетъ наглядно. Историкъ дѣлаетъ тоже самое. Онъ старается познакомить учащихся съ событіями минувшаго времени; но онъ не можетъ показать ихъ, а долженъ стремиться къ тому, чтобы ученики могли вообразить ихъ. Такимъ образомъ разница между работой естественника и историка заключается въ томъ, что второй побуждаетъ своихъ учениковъ сравнивать предметы воображаемые. Это требуетъ большаго напряженія ума и въ свою очередь вліяетъ на его развитіе въ сказанномъ направленіи. Кромѣ того, само собою ясно, что историческіе факты сложнѣе предметовъ животнаго или растительнаго царства. Такимъ образомъ и съ этой стороны вліяніе исторіи на развитіе способнотси сравненія представляется мнѣ весьма серьезнымъ. А разъ развивается способность сравненія, то вмѣстѣ съ тѣмъ конечно развивается и наблюдательность. При изученіи исторіи приходится имѣть дѣло съ развитіемъ, т. е. съ постояннымъ измѣненіемъ людей и строя жизни. Чтобы замѣчать эти измѣненія,

нужно хорошо усваивать данное положеніе вещей, а это конечно вліяетъ на развитіе способности наблюденія и сравненія.

Во-вторыхъ, остановимъ наше вниманіе на развитіи способности умозаключенія. Въ этомъ отношеніи исторіи принадлежитъ преимущественное положеніе въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго курса. Разбирая съ учениками совокупность причинъ даннаго событія учитель исторіи приучаетъ мысль учащихся охватывать ихъ всѣ сразу и опредѣлять относительное дѣйствіе каждой изъ нихъ въ произведенномъ результатѣ. Затѣмъ, онъ пріучаетъ мысль учащихся наблюдать дѣйствіе одной и той же причины при весьма различныхъ обстоятельствахъ и, такимъ образомъ, приходитъ къ идеѣ о характерѣ дѣйствія данной причины независимо отъ этихъ обстоятельствъ. На такихъ разборахъ мысль учащагося пріучается отличать существенныя причины отъ случайныхъ и выдѣлять первыя въ разборѣ фактовъ прошедшей жизни. А эта работа надъ явленіями прошедшей жизни создаетъ способность разбираться и въ явленіяхъ настоящей. Само собою разумѣется, что развитіе способности умозаключенія въ высшей степени важно. Сколько ложныхъ шаговъ дѣлается людьми только потому, что они не умѣютъ отличать существенное и необходимое отъ случайнаго и преходящаго въ окружающихъ ихъ явленіяхъ жизни, иначе говоря не пріобрѣли способности правильнаго умозаключенія относительно явленій общественной жизни.

Въ-третьихъ, исторія даетъ учащимся возможность познакомиться съ пріемами критическаго отношенія къ сообщаемымъ извѣстіямъ, и въ этомъ отношеніи она занимаетъ монопольное положеніе среди другихъ предметовъ школьнаго образованія, ибо другіе предметы не располагаютъ соотвѣтственнымъ матеріаломъ. Конечно я далекъ отъ мысли, что учащіеся въ гимназіи могутъ быть ознакомлены съ пріемами исторической критики; но я думаю, что ни одному преподавателю нельзя избѣгнуть того, чтобы не заняться элементами исторической критики со своими учениками и такимъ образомъ вызвать въ нихъ сознаніе необходимости критически относиться къ историческимъ извѣстіямъ и познакомить ихъ съ элементарными пріемами умственной работы при разборѣ достовѣрности сообщаемыхъ извѣстій. Въ каждомъ преподаваемомъ курсѣ исторіи учащимся приходится имѣть дѣло съ легендами, особенно въ первоначальномъ историческомъ періодѣ жизни народа, которыя иногда являются единственнымъ словеснымъ историческимъ источникомъ для цѣлыхъ эпохъ исторіи, и однако

изъ этихъ легендъ надо извлечь совершившійся фактъ въ его настоящемъ видѣ, такъ какъ даже при поверхностномъ анализѣ легенды становится яснымъ, что фактъ не могъ происходить такъ, какъ онъ изображенъ въ ней. Для примѣра можно указать на легенды о Ликургѣ, о крещеніи Владиміра святого, изъ первоначальной исторіи Рима и т. п. Само собою разумѣется, что разборъ этихъ легендъ и выдѣленіе изъ нихъ соотвѣтственныхъ фактовъ долженъ дѣлаться своевременно. Когда о Ликургѣ приходится говорить въ III классѣ, то нельзя говорить объ немъ иначе, какъ о живомъ лицѣ, когда разсказываютъ объ уходѣ плебеевъ на священную гору, то это легенду не подвергаютъ толкованію, но когда тотъ же историческій матеріалъ трактуется въ VII или VIII классахъ, то онъ разбирается, и Ликургъ, и уходъ плебеевъ разбираются какъ легенды, за которыми скрываются цѣлыя эпохи. И такая критическая работа не можетъ остаться безъ вліянія на развитіе критической способности ума учащихся.

Бываетъ критическая работа и другого рода. Приходится сообщать ученикамъ извѣстія, въ которыхъ, хотя и не вполнѣ сознательно, но событія искажаются подъ вліяніемъ извѣстной тенденціи, свойственной данному времени. Укажемъ для примѣра на легенду о Петрѣ Аміенскомъ. Въ извѣстіяхъ объ немъ, относящихся къ позднѣйшему времени, ему принадлежитъ вся слава перваго Крестового Похода, и папа отодвинутъ на второй планъ. Въ этихъ извѣстіяхъ дѣло Петра Аміенскаго представляется то чудомъ, то дѣломъ болѣе или менѣе естественнымъ, но во всякомъ случаѣ оно изображено несогласно съ истиной, отражая на себѣ аскетическое настроеніе XII в., въ силу котораго представлялось несомнѣннымъ, что только аскетъ могъ сдѣлать такое крупное дѣло, каковымъ представляется починъ Крестовыхъ Походовъ. Съ учениками пятаго класса нетрудно подвергнуть эти извѣстія критическому разбору и, сопоставивъ ихъ съ показаніями современниковъ, выяснить ихъ невѣрность и тенденціозность. Наконецъ, приходится иногда работать съ учениками и надъ такими извѣстіями, которыя представляютъ собою плодъ умышленнаго искаженія факта и показывать имъ способъ разбора такихъ измышленій и извлеченія изъ нихъ истины. Подобная работа въ средней школѣ только и случается въ прохожденіи курса исторіи и не встрѣчается въ изученіи другихъ предметовъ. Вотъ почему я сказалъ, что исторія въ этомъ отношеніи занимаетъ монопольное положеніе среди другихъ предметовъ средней школы. Между тѣмъ вся-

кому понятно то важное значеніе, которое имѣетъ для человѣка пріобрѣтеніе критической способности ума и умѣнія относиться съ разборомъ къ сообщаемымъ извѣстіямъ. Конечно мы говоримъ только объ элементахъ этого развитія, но вѣдь средняя школа и не претендуетъ на предоставленіе своимъ питомцамъ окончательнаго образованія.

До сихъ поръ мы говорили о вліяніи исторіи на образованіе умственныхъ способностей учащихся. Теперь намъ надо отмѣтить, что она имѣетъ вліяніе и на развитіе нравственнаго чувства ихъ, и въ этомъ вліяніи исторія занимаетъ особенное мѣсто среди другихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіи, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ исторіи литературы,—но это вѣдь только часть исторіи вообще,—не трогаетъ вопросовъ морали. Выше мы говорили о вліяніи исторіи на строй нравственныхъ понятій и указали его въ томъ, что изученіе этого предмета даетъ вопросамъ нравственности научное основаніе и что она тѣмъ самымъ укрѣпляетъ нравственную догму. Само собою разумѣется, что въ средней школѣ нельзя заниматься философіей нравственности и разбирать связь нравственныхъ правилъ съ основами общественной жизни. Но въ средней школѣ вліяніе исторіи на развитіе нравственнаго чувства учащихся болѣе непосредственно: на учащагося вліяютъ самые факты нравственной жизни человѣчества, и это вліяніе часто гораздо болѣе сильно, чѣмъ всякія нравственныя разсужденія. Я зналъ дѣтей, которые терпѣть не могли книжекъ съ моральными сентенціями, или, какъ они говорили, съ моралью, но въ то же время они увлекались книжками, гдѣ та же мораль воплощается въ образахъ, возбуждающихъ нравственное чувство. Въ исторіи человѣчества много такихъ образовъ и фактовъ, въ которыхъ отразилось сильное нравственное чувство, много моментовъ, когда люди забываютъ свои мелкіе интересы и стремятся всѣми силами души своей къ общему благу. Эти моменты не оставляютъ равнодушнымъ и взрослаго человѣка, тѣмъ болѣе сильно они дѣйствуютъ на молодую впечатлительную душу. Они возбуждаютъ ее по пути къ добру и укрѣпляютъ въ ней нравственное чувство. Вотъ почему мнѣ кажется, что преподаватель, желающій дѣйствовать на своихъ учениковъ въ нравственномъ отношеніи, не можетъ упускать изъ виду нравственнаго впечатлѣнія, производимаго историческими явленіями. Вниманіе учащагося при изученіи исторіи останавливается само собою на міровыхъ герояхъ, общая черта которыхъ заключается въ томъ, что

они вполнѣ охвачены стремленіемъ къ общему благу, что они чужды того мелкаго эгоизма, который не способенъ ни на что истинно великое и высоконравственное. Эти величавыя фигуры, являющіяся воплощеніемъ цѣлой эпохи, производятъ впечатлѣніе не только на воображеніе, но и на чувство учащихся. Великими результатами своей дѣятельности, своими радостями и страданіями они овладѣваютъ душою юноши, возбуждая въ ней всѣ нравственные инстинкты. Такъ какъ историческіе герои были проникнуты идеей общечеловѣческой или національной жизни, то они вліяютъ на развитіе гуманности (т. е. привязанности ко всему человѣческому) или національнаго чувства, подавляютъ мелкія страсти, возбуждая стремленіе къ великому и общеполезному въ жизни.

Тоже самое вліяніе производитъ на чувство учащагося и тѣ факты жизни человѣчества, въ которыхъ ему представляется борьба цѣлыхъ обществъ, въ которой каждое изъ нихъ является защитникомъ какой либо идеи и жертвуетъ интересами настоящаго интересамъ будущаго. Всѣ такіе моменты глубоко дѣйствуютъ на молодую душу и развиваютъ въ ней привязанность къ общественной жизни. Такое же дѣйствіе производитъ и созерцаніе обратныхъ явленій человѣческой жизни, но только дѣйствіе это происходитъ обратнымъ путемъ. Нравственное уродство, встрѣчающееся въ отдѣльныхъ историческихъ личностяхъ, или періоды нравственнаго упадка цѣлаго общества производятъ впечатлѣніе отталкивающее; но когда учащіяся знакомятся съ послѣдствіями дѣйствій личности, нравственно уродливой, или съ результатами нравственнаго упадка общества и торжества въ немъ эгоизма, неиспорченная натура ихъ почувствуетъ отвращеніе ко всему подобному и тѣмъ сильнѣе будетъ цѣнить все нравственное въ жизни. Поэтому мнѣ кажется, что глубоко ошибаются тѣ, кто утверждаетъ, что отъ учащихся надо скрывать отрицательныя стороны человѣческой жизни. На нихъ слѣдуетъ останавливаться по стольку, по скольку онѣ имѣли значеніе въ исторіи. Противоположная метода была бы фальсификаціей исторіи и лишила бы ее части ея моральнаго вліянія на душу учащихся. Говоря о нравственномъ значеніи исторіи въ циклѣ образованія, даваемаго средней школой, я долженъ оговориться, указавъ на два условія, безъ которыхъ это вліяніе подвергается значительному ограниченію. Первое изъ нихъ заключается въ томъ, въ какомъ положеніи находится семья. Тщетны будутъ усилія преподавателя, если въ семьѣ съ раннихъ лѣтъ не развивается въ ребенкѣ любовь къ правдѣ и ствращеніе

ко лжи. Не можетъ школа развить въ учащемся любви къ ближнему, способности поступаться своими интересами въ пользу общаго блага, если эти чувства не начали развиваться въ семьѣ путемъ заботы о своихъ близкихъ. Если и велико воспитательное значеніе школы, то значеніе семьи въ этомъ отношеніи еще болѣе значительно. Преувеличена претензія, полагающая, что школа можетъ быть сильнѣе семьи и выше ея. Составъ школьныхъ дѣятелей можетъ быть выше многихъ представителей современной семьи, но онъ не можетъ быть значительно выше ихъ, ибо онъ принадлежитъ къ тому же обществу, и раздѣляетъ его недуги и достоинства. Но даже если бы это превосходство было и очень значительно, то все же вліяніе педагога не можетъ парализовать вліянія семьи, а если бы онъ этого достигъ, то онъ разрушилъ бы самый важный органъ нравственнаго воспитанія молодого поколѣнія. Поэтому однимъ изъ важныхъ условій нравственнаго вліянія школы на учащихся, я считаю гармоническое дѣйствіе ея совмѣстно съ семьею. До тѣхъ поръ, пока школа не задавалась стремленіемъ отстранить вліяніе семьи на второй планъ или подчинить это вліяніе своей регламентаціи, до тѣхъ поръ, пока она не стала вторгаться въ предѣлы родительской власти, до тѣхъ поръ нравственное воспитаніе оставалось на своей естественной почвѣ, и въ него не вносилось анархіи. Но съ половины семидесятыхъ годовъ воспитаніе попытались замѣнить регламентаціей внѣ школьной жизни ученика, причемъ родителей игнорировали, ихъ авторитетъ въ глазахъ учащихся былъ подорванъ, и результаты такой системы у всѣхъ на глазахъ.

Второе условіе успѣха нравственнаго вліянія школы на учениковъ заключается въ томъ, чтобы преподаватель былъ независимъ въ своемъ преподаваніи отъ той или другой предписанной политической задачи, чтобы наука въ его глазахъ была свободна отъ подчиненія той или иной цѣли. Когда рѣчь идетъ о математикѣ или физикѣ, то уже не приходитъ теперь въ голову мысль, что путемъ итругольника слѣдуетъ доказывать троичность Божества, а законами физики мудрость Творца, хотя при Магницкомъ такія задачи ставились когда то профессорамъ казанскаго университета; но когда заходитъ рѣчь объ исторіи, то ей непремѣнно навязываютъ тѣ или иныя задачи. То она должна развивать въ учащихся любовь къ отечеству, то она должна развивать любовь къ опредѣленной религіи или національности, то она должна воспитывать отвращеніе къ той или иной фор-

мѣ правленія и т. д. Выше мы говорили, что исторія можетъ вліять на развитіе и національнаго, и общечеловѣческаго чувства, но только при условіи сохраненія ея научности, и такое вліяніе будетъ однимъ изъ послѣдствій ея самостоятельнаго научнаго развитія. Но если ей поставить ту или иную соціальную, политическую или религіозную задачу, она, какъ наука, подвергнется искаженію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергнувшись фальсификаціи, она потеряетъ способность нравственнаго воспитательнаго вліянія. Равнымъ образомъ и преподаватель, лишенный свободы убѣжденія и самостоятельности въ научномъ преподаваніи, лишится и своего нравственнаго вліянія, особенно въ старшихъ классахъ, гдѣ это вліяніе особенно важно. Его урокъ также мало будетъ производить впечатлѣнія, какъ проповѣдь, произносимая по заказу. Этими замѣчаніями мы кончаемъ нашъ обзоръ образовательнаго значенія исторіи, и могли бы закончить нашу бесѣду, но есть еще вопросы, которые тѣсно съ нею связаны и которые по этому трудно оставить безъ вниманія въ заключеніи нашего обзора.

Всѣ наши мысли объ образовательномъ значеніи исторіи сводятся къ одной основной мысли, что историческое развитіе общественной жизни совершается безпрерывно и безконечно. Если, наоборотъ, вся жизнь человѣчества должна придти къ своему концу и изчезнуть съ лица земли, то какое значеніе имѣетъ то совершенствованіе жизни, которому можетъ служить между прочимъ и образовательное значеніе исторіи? „Суета суетъ и всяческая суета“. Такимъ образомъ, вопросъ объ образовательномъ значеніи исторіи находится въ соприкосновеніи съ вопросомъ о конечности всего существующаго. Извѣстнаго рода конечности,—по крайней мѣрѣ по стольку, по скольку исторія даетъ намъ матеріалъ для сужденія,—отрицать нельзя. О конечности индивидуальной жизни едва ли приходится распространяться, хотя и не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ, выходящихъ изъ предѣловъ научнаго знанія. Когда рѣчь идетъ о конечности соціальныхъ единицъ, то и тутъ приходится допустить ея возможность, хотя можетъ быть и не неизбѣжность. Въ исторіи мы видимъ исчезновеніе однихъ соціальныхъ единицъ и смѣну ихъ другими: египетская цивилизація, вавилоно-ассирійская и греко-римская существовали, смѣняли одна другую и сошли съ исторической сцены, уступивъ мѣсто германо-славянскому міру. Но можно ли говорить, что съ исчезновеніемъ извѣстнаго народа или расы, или цивилизаціи исчезло все, и что потомъ начато все съизнова? Нѣтъ. Мы доподлинно знаемъ, что

завоеванія человѣка въ области науки, религіи, въ общественномъ устройствѣ не пропадаютъ, а, напротивъ, передаются дальше путемъ остатковъ умственной жизни и вообще культуры. Развѣ мы можемъ отрицать, что и въ настоящее время мы живемъ тѣми пріобрѣтеніями въ области философіи, науки государственнаго устройства, гражданскаго права, религіи и искусства, которыя были сдѣланы греками и римлянами, взявшими въ свою очередь многое у народовъ Востока. Итакъ тутъ мы не имѣемъ дѣло съ концемъ цивилизаціи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, если рѣчь идетъ не объ извѣстной соціальной единицѣ, а о человѣчествѣ вообще. Мы видимъ, что и въ соціальной единицѣ не все умираетъ вмѣстѣ съ нею, какъ нельзя сказать, что все умираетъ вмѣстѣ со смертью индивидуума. Человѣкъ умираетъ, но нѣчто, что составляетъ наиболѣе цѣнное въ немъ, его духовная сокровищница остается. Развѣ можно говорить, что Аристотель, Сократъ, Бэконъ или Кантъ исчезли, когда мы и сейчасъ бесѣдуемъ съ ними о высшихъ вопросахъ человѣческаго духа? Можно ли говорить объ исчезновеніи Софокла, Данте или Шекспира, когда мы еще слышимъ умолкнувшій звукъ ихъ божественной рѣчи и наслаждаемся имъ? Не умерли также совсѣмъ такіе ораторы, какъ Демосѳенъ или Іоаннъ Златоустъ, когда ихъ рѣчи продолжаютъ еще волновать наше сердце.

Но вотъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ встаетъ вопросъ о концѣ въ другой формѣ. Это вопросъ о концѣ всего существующаго. Люди науки, занимающіеся космографіей, рѣшительно говорятъ намъ, что настанетъ нѣкогда день, и погибнетъ земное свѣтило, а вмѣстѣ съ нимъ заглохнетъ и вся жизнь на нашей планетѣ. Когда это будетъ, какъ это будетъ, мы ничего не знаемъ. Будетъ ли это дѣйствительно конецъ, или затѣмъ послѣдуетъ иная жизнь, можетъ быть, болѣе совершенная, чѣмъ жизнь на нашей планетѣ и, можетъ быть, имѣющая съ послѣднею какую либо связь, это вопросы, на которые наука не даетъ отвѣта. Здѣсь, заговоривъ о концѣ жизни, мы подходимъ къ такому же мраку неизвѣстности, какой окутываетъ и вопросъ о началѣ жизни. Вспомнимъ то, что мы говорили о нижней границѣ историческаго вѣдѣнія, тамъ гдѣ археологія соприкасается съ антропологіей, а изслѣдованія послѣдней борятся съ тѣмъ туманомъ, который закрываетъ судьбу доисторическаго человѣка, и, разсѣивая этотъ туманъ, все больше и больше связываютъ доисторію съ исторіей. Вопросъ о концѣ жизни приводитъ насъ къ верхнему кон-

цу историческаго вѣдѣнія, за которымъ наука исторія, повидимому, не можетъ намъ дать отвѣта на тревожащіе насъ вопросы о будущемъ. Но человѣкъ, въ силу естества своего, не можетъ отказаться отъ этихъ вопросовъ и ищетъ ихъ разрѣшенія, либо путемъ философской работы, какъ вѣнца всѣхъ наукъ, либо путемъ религіознаго вѣрованія. Такимъ образомъ, на верхнемъ концѣ историческаго вѣдѣнія мы подходимъ къ границамъ философіи и религіи. Въ смыслѣ же историческаго вѣдѣнія мы должны прямо сказать себѣ, что мы знаемъ объ этомъ будущемъ только то, что ничего не знаемъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, не вѣдая конечныхъ цѣлей существующаго, мы знаемъ, что процессъ эволюціи общественной жизни совершается и мы надѣемся познать его законы. Мы говорили, что въ основѣ этого процесса въ качествѣ его двигательной силы стоитъ человѣческая личность въ связи съ условіями, даваемыми природой страны, расовыми особенностями даннаго народа, наслѣдственными качествами, создавшимися традиціями и наконецъ условіями даннаго общественнаго строенія.

Эти условія, сопровождающія и ограничивающія свободу человѣческой личности представляются на столько большими и сильными, что невольно закрадывается въ душу сомнѣніе въ значеніи личной иниціативы въ историческомъ процессѣ. Какъ можетъ личность оказывать свое дѣйствіе, когда такіе могущественные и разнообразные факторы, такъ сказать, предуставили направленіе историческаго процесса? Это сомнѣніе, однако, не должно всецѣло овладѣвать душою человѣка. Какъ мы уже говорили выше, въ историческомъ процессѣ многое является неизбѣжнымъ при наличности данныхъ условій; но рядомъ съ этими неизбѣжностями, если можно такъ выразиться, стоятъ группы возможностей, среди которыхъ и открывается широкое поле для почина и дѣятельности человѣческой личности. Отдѣленіе того, что неизбѣжно въ текущей жизни, отъ того, что, можетъ быть, возможно при направленіи усилій даннаго поколѣнія и данныхъ личностей, все это дѣло личнаго сознанія и самостоятельной работы личности.

Эта работа чрезвычайно важна. Умѣніе сдѣлать эту разборку избавляетъ насъ отъ напрасныхъ усилій, затрачиваемыхъ на борьбу съ тѣмъ, что неизбѣжно, и, такимъ образомъ, даетъ намъ возможность экономизировать наши силы и употребить ихъ цѣлесообразнымъ образомъ. Но такое умѣніе не дается безъ образованія.

Мы видѣли выше, что историческое образованіе даетъ намъ ключъ къ пониманію современности. Оно даетъ намъ критерій для оцѣнки наличныхъ возможностей и для выбора цѣлесообразныхъ средствъ для того, чтобы эти возможности стали дѣйствительностью.

Противъ этого тезиса выдвигается возраженіе, заключающееся въ томъ, что дѣйствительная жизнь показываетъ намъ, что государственные люди далеко не всегда знакомы съ исторіей, и однако имъ удается разобраться безъ ея помощи въ окружающей ихъ дѣйствительности. Это возраженіе требуетъ объясненія, такъ какъ оно въ значительной части своей основано на недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что та же исторія показываетъ намъ, какъ много государственныхъ людей дѣлали вещи, которыя были совсѣмъ не нужны, и пускали въ дѣло средства. приводившія къ результатамъ, противоположнымъ тѣмъ, которыхъ желательно было достигнуть. Слѣдовательно ссылка на государственныхъ людей, лишенныхъ историческаго образованія, ничего не доказываетъ. Если Кобденъ изъ личнаго знакомства съ Наполеономъ III пришелъ къ убѣжденію въ посредственности его личныхъ качествъ и писалъ по этому поводу, какъ немного надо для того, чтобы стоять во главѣ государства, то онъ отсюда не дѣлалъ вывода, что вообще для государственнаго человѣка достаточно посредственныхъ способностей. Что касается насъ, людей, знакомыхъ съ результатами наполеоновской политики, то мы твердо знаемъ, что эта политика привела къ плачевнымъ послѣдствіямъ. Такимъ образомъ, если удача не всегда сопровождаетъ дѣятельность посредственностей, и самая удача приписывается не ихъ посредственности, а сносится на причины постороннія, то точно также и успѣхи государственныхъ людей, не получившихъ должнаго образованія, не могутъ служить аргументомъ въ пользу того, что это образованіе не нужно.

Но есть случаи, когда большіе успѣхи великихъ людей, не имѣвшихъ историческаго образованія, какъ бы говорятъ противъ его необходимости. Надо признать, что у этихъ людей чутье дѣйствительности такъ развито, что они, такъ сказать, угадываютъ исторію своего народа и видятъ тѣ движенія ея, которыя другимъ незамѣтны. Но нельзя не признать, что великіе люди составляютъ исключеніе, на которомъ нельзя построить правила. Но даже и для успѣха дѣятельности этихъ людей широкое историческое образованіе имѣетъ большое значеніе. Оно двояко. Съ одной

стороны оно имъ самимъ облегчало-бы пониманіе дѣйствительности; но если даже и признать, что это не такъ важно при наличности ихъ способности проникать въ окружающія ихъ явленія, то съ другой стороны сама дѣятельность этихъ людей въ значительной степени облегчалась бы широкимъ развитіемъ историческаго образованія, въ силу измѣненія, вносимаго этимъ образованіемъ въ ту среду, въ которой имъ приходилось дѣйствовать. Въ самомъ дѣлѣ. Вспомнимъ, что сущность историческаго процесса заключается въ постоянной борьбѣ идеала съ инерціей. Чѣмъ ниже образованность общества, тѣмъ сильнѣе инерція и тѣмъ слабѣе поддержка оказываемая идеалу, а слѣдовательно и тѣмъ измѣненіямъ, которыя имъ требуются въ жизни. Великій человѣкъ является носителемъ извѣстнаго идеала и чѣмъ ниже окружающая его среда, тѣмъ сильнѣе инерція и тѣмъ меньше шансовъ на то, что результатъ его работы будетъ отвѣчать ея качеству и количеству. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ, что и для дѣятельности великихъ людей развитіе историческаго образованія имѣетъ двоякое значеніе.

Но вѣдь мы знаемъ, что появленіе великихъ людей необезпечено въ каждый нужный моментъ. Ихъ можетъ и не оказаться въ нужный моментъ исторической жизни. А между тѣмъ если инерція слишкомъ сильна въ обществѣ, а сила ея обратно пропорціональна его образованности, то измѣненія и усовершенствованія въ немъ происходятъ слишкомъ медленно, сравнительно съ требованіями окружающей жизни, хотя бы эти требованія истекали иногда и изъ международныхъ отношеній. Но если и оставить безъ вниманія послѣднія, то въ самомъ организмѣ даннаго, медленно двигающагося общества накопляется очень много пережитковъ старины. Эти пережитки, своей ненужностью и вредомъ, вызываютъ раздраженіе, очень часто безсознательное. Съ раздраженіемъ происходитъ въ обществѣ накопленіе гнилостныхъ элементовъ въ нравственномъ смыслѣ.

Это накопленіе можетъ разрѣшиться кризисомъ; но можетъ кончиться и смертью данной соціальной единицы. Этотъ болѣзненный процессъ, вызываемый излишнею инертностью общества, въ значительной степени ослабляется развитіемъ историческаго образованія, ибо оно, какъ мы старались выяснить, распространяетъ историческое сознаніе въ широкихъ кругахъ общества. Вслѣдствіе распространенія этого сознанія является, во-1-хъ, большая гарантія пониманія назрѣвающихъ потребностей общества, во-2-хъ, чѣмъ

шире разлито это сознаніе, тѣмъ болѣе обезпечивается появленіе подходящихъ людей,—въ томъ числѣ и великихъ,—способныхъ удовлетворить эти потребности путемъ отысканія цѣлесообразныхъ средствъ, въ-3-хъ, уменьшается вслѣдствіе болѣе широкаго разлитія историческаго сознанія сила тупого сопротивленія, кроящаяся въ невѣжествѣ общества съ его неизбѣжными спутниками разнообразными предразсудками. Одинъ изъ нашихъ современныхъ историковъ Морлей, который въ то же время и государственный дѣятель Англіи, такъ характеризуетъ это вліяніе широко разлитаго образованія. „Намъ ясно, говорилъ онъ въ одномъ изъ общественныхъ собраній, что не только благосостояніе массъ, но и шансы появленія въ привилегированной части общества генія умственнаго или нравственнаго болѣе высоки въ томъ обществѣ, въ которомъ интеллигентность, любознательность и способности средняго человѣка возрасли. Мы не можемъ, подобно Бетховену и Генделю, силой божественной мелодіи возносить души на седьмое небо несказаемыхъ видѣній и безконечныхъ надеждъ; мы не можемъ, подобно Вольтеру, жечь пламеннымъ глаголомъ то, что жестоко и лживо, ни, подобно Мильтону и Борку, возбуждать въ сердцахъ звукъ трубный...; но есть вещь, на которую способенъ каждый изъ насъ въ этой большой залѣ: онъ можетъ, съ рвеніемъ пользуясь своимъ разумомъ и усердно ища случая помочь другимъ въ ихъ развитіи, содѣйствовать расширенію того потока, сила и направленіе котораго рѣшаетъ судьбу благополучнаго движенія человѣчества“.

Признавая значеніе образованія, и въ томъ числѣ историческаго, для благополучнаго хода общественной жизни, въ смыслѣ накопленія и распространенія знаній и идей, и развитія умственныхъ силъ, мы не должны забывать, однако, что послѣднія останутся безплодными для хода жизни, если не войдутъ въ сочетаніе съ силой воли, смѣлости и развитіемъ нравственнаго чувства. Мысль остается только мыслью, пока она не касается нашего сердца. Но когда съ извѣстной идеей соединяется чувство, когда она для насъ становится также дорога, какъ и наше собственное существованіе, тогда эта мысль становится нашимъ убѣжденіемъ. Тогда она насъ побуждаетъ дѣйствовать для ея осуществленія. Но одного чувствованія идеи, привязанности къ ней очевидно недостаточно для дѣйствія. Для этого нужна сила воли, которая намъ помогаетъ одолѣвать препятствія, и смѣлость, устраняющая страхъ предъ противниками нашего убѣжденія. Наличность смѣлости,—

это больше половины успѣха. Но и этого мало. Надо имѣть то высокое нравственное чувство, которое побуждаетъ любить ближняго, какъ самого себя, и заставляетъ насъ стремиться къ общему благу. Сочетаніе всѣхъ этихъ качествъ съ образованіемъ обезпечиваетъ стремленіе къ общему благу и энергичную борьбу за свои убѣжденія. Нашъ соціологъ Арнольди (Лавровъ) такъ говоритъ объ этой борьбѣ, которая необходима для успѣха развитія общественной жизни, для успѣшнаго хода человѣчества къ его благополучію. „Предъ развитою личностью обнаруживаются для каждой эпохи возможности дальнѣйшаго хода событій весьма различныя, иногда противоположныя по своему направленію: изъ нихъ однѣ имѣютъ въ себѣ, повидимому, всѣ шансы осуществиться, какъ бы сами собой, автоматически, безъ особыхъ усилій личности; другія же требуютъ для своего осуществленія отъ личности, повидимому, такой исключительной силы мысли и энергіи характера, окружены такими многочисленными препятствіями и представляютъ такое незначительное число сторонниковъ, что вѣроятность ихъ осуществленія приходится признать очень незначительной. Это обстоятельство очень часто склоняетъ тѣхъ, жизненныя цѣли которыхъ, повидимому, могутъ осуществиться сами собой, пренебрегать личной иниціативой; тѣхъ же, которымъ приходится бороться съ трудно одолимыми препятствіями,—опускать руки въ унынiи. Здѣсь исторія является со своими строгими поученіями для однихъ, со своимъ оживляющимъ урокомъ для другихъ. Она говоритъ первымъ: не разъ тѣ, которые вчера казались непобѣдимыми, оказывались назавтра безсильными противъ незамѣченныхъ и презираемыхъ враговъ, когда въ рядахъ первыхъ слабѣла упорная работа мысли и энергичное служеніе своей жизненной цѣли; самыя вѣроятныя побѣды оставались тогда лишь возможностью и имъ случалось обращаться въ пораженія. Она говоритъ вторымъ: все въ исторіи создавалось, совершалось и охранялось работою мысли и энергіею воли личностей; элементы, вчера ничтожные, не разъ выростали этимъ путемъ назавтра въ историческую силу; все, что возможно, способно, при какихъ либо новыхъ комбинаціяхъ, обратиться въ дѣйствительное, какъ бы ни казалась мала вѣроятность этого обращенія; въ сферѣ возможностей самое глубокое убѣжденіе во всегдашнемъ господствѣ детерминизма не можетъ дать никакого полезнаго отвѣта на вопросъ: что дѣлать? Развитая личность всегда борется въ этой сферѣ за возможность, наиболѣе близкую къ ея жизненной цѣли, не беря въ разсчетъ трудность ея осуществленія“.

„И вотъ, приспособляясь къ неизбѣжному, имѣя въ виду всѣ возможности данной эпохи, развитая личность, на данной почвѣ развитія, до котораго она достигла, и работая критически надъ дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ, выработала въ себѣ убѣжденіе, поставила себѣ жизненную цѣль и, въ силу этой жизненной цѣли, приняла рѣшеніе быть однимъ изъ сознательныхъ строителей будущаго, сознательно участвовать въ историческомъ движеніи эпохи въ томъ видѣ, въ какомъ личность поняла это движеніе, какъ результатъ прошлаго, какъ задачу настоящаго, какъ подготовленіе будущаго. Исторія и тутъ является со своими уроками. Твои индивидуальныя силы, какъ строителя будущаго, ничтожны, говоритъ она, но столь же ничтожны были индивидуальныя силы всѣхъ твоихъ предшественниковъ, построившихъ настоящее. Старайся же сдѣлаться исторической силою, потому что лишь этимъ путемъ были одержаны всѣ побѣды, сперва казавшіяся совсѣмъ невѣроятными, и которыя большинство впослѣдствіи готово было признать чудесами. Чудотворцемъ всегда была и будетъ сила мысли и энергіи личностей, какъ необходимый органъ совершающагося историческаго детерминизма. Когда ты поставилъ предъ собою жизненную цѣль, какъ твой личный идеалъ, когда ты положилъ на этотъ идеалъ всю свою силу мысли, всю свою энергію воли въ мірѣ создаваемыхъ тобою цѣлей и выбираемыхъ тобою средствъ, тогда твое дѣло сдѣлано. Пусть тогда волна историческаго детерминизма охватитъ твое „я“ и твое дѣло своимъ неудержимымъ потокомъ и унесетъ ихъ въ водоворотъ событій. Пусть они перейдутъ изъ міра цѣлей и средствъ въ міръ причинъ и слѣдствій, отъ тебя независящій. Твое дѣло или твое воздержаніе отъ дѣятельности одинаково вошли неустранимымъ элементомъ въ строеніе будущаго, тебѣ неизвѣстнаго. Понятая тобою исторія научила тебя и приспособляться къ неотвратимому, и оцѣнивать значеніе возможностей въ борьбѣ за жизненныя цѣли, и энергически бороться за лучшее будущее, для милліардовъ незамѣтныхъ особей, которыя рядомъ съ тобою сознательно и безсознательно строятъ будущее. Борись же за это будущее и помни слова одного изъ самыхъ блестящихъ современныхъ публицистовъ: „побѣжденъ лишь тотъ, кто призналъ себя побѣжденнымъ“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Общество Голодовки (Pacte de Famine).	3
Капиталъ, спекуляція и банкиры.	45
О значеніи дѣятельности Потемкина	71
Наши конкурренты.	83
Гугеноты при Людовикѣ XIV.	91
Общества взаимнаго кредита.	111
Акціонерные банки краткосрочнаго кредита въ 1898 г.	127
Наполеонъ I.	133
Лалли Толандаль и его процессъ о государственной измѣнѣ.	213
Денежный кризисъ.	281
Мирабо.	329
Вторая рѣчь Мирабо.	431
Ричардъ Кобденъ и свобода торговли.	445
Покупка векселей въ Кіевѣ	495
Объ образовательномъ значеніи исторіи	515

ЛБ
2878

Г. Е. АФАНАСЬЕВЪ

ИСТОРИЧЕСКІЯ И ЭКОНОМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

ТОМЪ II

1908